

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 3 (25)

2018

Главный редакторчлен-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдиков****Заместители главного редактора:**член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**доктор исторических наук **Ю.А. Зеленев**Ответственный секретарь – кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева****Редакционный совет:****Р.С. Хакимов** – вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия)**И. Бальдауф** – доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**С.Г. Бочаров** – кандидат исторических наук (Казань, Россия)**П. Георгиев** – доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков** – доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк** – PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор** – доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин** – академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** – кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** – доктор исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** – кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** – доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Ответственный за выпуск:****М.Ш. Галимова** – кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 80425, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан, 2018

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2018

© Журнал «Поволжская археология», 2018

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zelenev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

- R. S. Khakimov** – Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)
Kh. A. Amirkhanov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
I. Baldauf – Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)
S. G. Bocharov – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
P. Georgiev – Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)
E. P. Kazakov – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
N. N. Kradin – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)
A. Türk – PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)
I. Fodor – Doctor of Historical Sciences, Professor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)
V. L. Yanin – Doctor of Historical Sciences, Professor (Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

- A. A. Vybornov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
R. D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
I. L. Izmaylov – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
S. V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue – Candidate of Historical Sciences **M. Sh. Galimova**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

http://archaeologie.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2018

© Mari State University, 2018

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Journal, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Междисциплинарные исследования первобытных памятников

Галимова М.Ш. (Казань, Россия), Березина Н.С., Березин А.Ю. (Чебоксары, Россия)
 Стоянка финального палеолита Беганчик в устье Камы (результаты исследований 2013 года) 8

Бахшиев И.И. (Уфа, Россия), Носкевич В.В. (Екатеринбург, Россия), Насретдинов. Р.Р. (Уфа, Россия)
 Геофизические и дистанционные исследования укрепленного поселения эпохи бронзы Улак-1 в Башкирском Зауралье: соотношение полученных данных с результатами археологических раскопок 30

Гольева А.А. (Москва, Россия), Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. (Уфа, Россия)
 Проблематика палеоэкологических реконструкций экспонированных культурных слоев длительного постселитебного функционирования (на примере памятников эпохи поздней бронзы Республики Башкортостан)..... 45

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., Хохлов А.А. (Самара, Россия)
 Неординарное погребение энеолитического могильника Екатериновский Мыс 58

Чижевский А.А. (Казань, Россия), Антипина Е.Е. (Москва, Россия), Асылгараева Г.Ш., Нуретдинова А.Р. (Казань, Россия)
 Коллекции раннего железного века из собрания Археологического Музея Казанского (Приволжского) федерального университета 68

Овсянников В.В., Курманов Р.Г. (Уфа, Россия)
 Палинологическое исследование культурного слоя Бирского поселения 88

Бейсенов А.З. (Алматы, Казахстан), Торгоев А.И. (Санкт-Петербург, Россия), Дуйсенбай Д.Б., Ахияров И.К. (Алматы, Казахстан)
 Курган с «Усами» Атасу-2 103

Реконструкции первобытных технологий и трудовых операций

Жилин М.Г. (Москва, Россия), Косорукова Н.В. (Череповец, Россия)
 Предметы вооружения из кости из мезолитической стоянки Погостище 15 (типология, технология изготовления, следы использования) 118

Карманов В.Н. (Сыктывкар, Россия), Гиря Е.Ю. (Санкт-Петербург, Россия)
 Артефакты со следами неутилитарного износа в контексте кремнеобрабатывающей мастерской энеолита Угдым Ыб (Средняя Вычегода, Республика Коми)..... 139

Голубева Е.Н. (Казань, Россия)
 Каменные орудия труда из энеолитического жилища раскопа № 2 на Игимской стоянке (по результатам трасологического исследования)..... 156

Борзунов В.А. (Екатеринбург, Россия)
 Варианты реконструкции стационарных жилищ конца бронзового – начала железного века западносибирской тайги 169

Медведева П.С. (Челябинск, Россия)
 Ткани Аркаима 191

Археологические исследования первобытной эпохи и раннего железного века

<i>Зоров Ю.Н. (Ростов-на-Дону, Россия), Колесник А.В. (Донецк, Украина), Очередной А.К. (Санкт-Петербург, Россия)</i>	
Следы палеолита на южном берегу Таганрогского залива и в дельте Дона.....	208
<i>Мороз В.В. (Донецк, Украина)</i>	
Новые следы среднего палеолита в Донбассе.....	221
<i>Истомина Т.В. (Торонто, Канада), Макаров А.С. (Сыктывкар, Россия)</i>	
Ласта VIII – опорный памятник эпохи раннего металла на р. Ижме (Республика Коми).....	229
<i>Лыганов А.В., Хамзин Р.Н., Галимова М.Ш. (Казань, Россия)</i>	
Материалы эпохи раннего металла Исаковского городища на реке Свияга	242
<i>Шипилов А.В. (Казань, Россия)</i>	
Характеристика каменного инструментария позднего энеолита в Икско-Бельском междуречье	258
<i>Хуснутдинов Э.А., Шайхулахметов А.А. (Казань, Россия)</i>	
Пластинчатые бронзовые гривны финала эпохи бронзы – начала раннего железного века	279
<i>Оруджов Э.И. (Казань, Россия)</i>	
Особенности материальной культуры ананьинской культуры гребенчато- шнуровой керамики бассейнов рек Вятка и Ветлуга.....	288
<i>Купцова Л.В., Файзуллин И.А., Крюкова Е.А. (Оренбург, Россия)</i>	
Памятник эпохи поздней – финальной бронзы в Западном Оренбуржье (курганный могильник у с. Каменка).....	299
<i>Бугров Д.Г. (Казань, Россия), Мясников Н.С. (Чебоксары, Россия)</i>	
Некоторые проблемы выделения «этнокультурных компонентов» памятников андреевско-писеральского типа: погребальный обряд.....	314

Критика и библиография

<i>Ставицкий В.В. (Пенза, Россия)</i>	
Рецензия на монографию в журнале: Новиков А.В. Поселения с гребенчато- шнуровой керамикой раннего железного века Костромского Поволжья // Археология Евразийских Степей. 2018. № 2. С. 7–289, 402.	336

Хроника

<i>Крыласова Н.Б., Сарапулов А.Н. (Пермь, Россия)</i>	
К юбилею профессора Андрея Михайловича Белавина	344
<i>Руденко К.А., Казаков Е.П. (Казань, Россия)</i>	
Наталья Дмитриевна Аксенова (к юбилею ученого).....	350
<i>Асылгараева Г.Ш., Чижевский А.А. (Казань, Россия)</i>	
К юбилею Мадины Шакировны Галимовой	355
Список сокращений	360
Правила для авторов	363

CONTENTS

Interdisciplinary Studies of Prehistoric Archaeological Sites

Galimova M.Sh. (Kazan, Russian Federation), Berezina N.S., Berezin A. Yu. (Cheboksary, Russian Federation)
 Final Palaeolithic Site Beganchik at the Mouth of the Kama River
 (Research Results 2013)..... 8

Bakhshiev I.I. (Ufa, Russian Federation), Noskevich V.V. (Ekaterinburg, Russian Federation), Nasretdinov R.R. (Ufa, Russian Federation)
 Geophysical and Remote Studies of the Ulak-1 Fortified Settlement
 of the Bronze Age in Bashkir Trans-Urals: the Correlation
 of the Obtained Data with the Results of the Archaeological Excavations..... 30

Golyeva A.A. (Moscow, Russian Federation), Shuteleva I.A., Shcherbakov N.B. (Ufa, Russian Federation)
 Problematics of Paleoecological Reconstructions Based on Exposed Cultural Layers
 of Long-Term Post-Silent Functioning (on the Example of the Monuments
 of the Later Bronze Epoches of the Republic of Bashkortostan)..... 45

Korolev A.I., Kochkina A.F., Stashenkov D.A., Khokhlov A.A. (Samara, Russian Federation)
 Extraordinary Burial of the Eneolithic Burial Ground Ekaterinovsky Cape 58

Chizhevsky A.A. (Kazan, Russian Federation), Antipina E.E. (Moscow, Russian Federation), Asylgaraeva G.Sh., Nuretdinova A.R. (Kazan, Russian Federation)
 Assamblages of the Early Iron Age from the Collection of
 Archaeological Museum of Kazan (Volga Region) Federal University..... 68

Ovsyannikov V.V., Kurmanov R.G. (Ufa, Russian Federation)
 Palynological Studies of Cultural Layers of the Settlement Birsik 88

Beisenov A.Z. (Almaty, Republic of Kazakhstan), Torgoev A.I. (Saint Petersburg, Russian Federation), Duysenbai D.B., Akhiyarov I.K. (Almaty, Republic of Kazakhstan)
 The Mound with “Mustaches” Atasu-2 103

Reconstructions of Prehistoric Technologies and Working Operations

Zhilin M.G. (Moscow, Russian Federation), Kosorukova N.V. (Cherepovets, Russian Federation)
 Bone Weapons from Mesolithic Site Pogostische 15 (Typology, Technology of
 Manufacture, Use-Wear Traces)..... 118

Karmanov V.N. (Syktyvkar, Russian Federation), Giria E.Yu. (Saint Petersburg, Russian Federation)
 Artifacts with General Non-Utilitarian Wear Traces in the Assemblage of the
 Eneolithic Flint Workshop Ugdym Ib (The Middle Vychegda, Republic of Komi) 139

Golubeva E.N. (Kazan, Russian Federation)
 Stone Tools from the Eneolithic Dwelling of Excavation 2 in Igim Settlement
 (According to the Results of Trasological Analysis)..... 156

Borzunov V.A. (Yekaterinburg, Russian Federation)
 Variants of Reconstruction of Stationary Dwellings of end of Bronze Age –
 Beginning of the Iron Age in the Western Siberian Taiga..... 169

<i>Medvedeva P.S. (Chelyabinsk, Russian Federation)</i>	
Arkaim Textile	191

Archaeological Studies of Prehistoric Era and the Early Iron Age

<i>Zorov Y.N. (Rostov-on-Don, Russian Federation), Kolesnik A.V. (Donetsk, Ukraine), Ocherednoy A.K. (Saint Petersburg, Russian Federation)</i>	
New Evident of the Paleolithic in a Southern Coast of the Taganrog Bay and the Delta of the Don River.....	208
<i>Moroz V.V. (Donetsk, Ukraine)</i>	
Recent Traces of Palaeolithic in the Donbass Region	221
<i>Istomina T.V. (Toronto, Canada), Makarov A.S. (Syktyvkar, Russian Federation)</i>	
Lasta VIII – the basic Eneolithic site on the Pizhma River (Komi Republic)	229
<i>Lyganov A.V., Khamzin R.N., Galimova M.Sh. (Kazan, Russian Federation)</i>	
Materials of the Eneolithic from the Isakovo hillfort on the Sviyaga River.....	242
<i>Shipilov A.V. (Kazan, Russian Federation)</i>	
Characteristics of stone toll-kit of the Late Eneolithic in the Ik and Belaya interfluve	258
<i>Khusnutdinov E.A., Shaykhulakhmetov A.A. (Kazan, Russian Federation)</i>	
Lamellar bronze grivna of the Final Bronze – Beginning Early Iron Ages	279
<i>Orudzhov E.I. (Kazan, Russian Federation)</i>	
Material culture features of the Ananyino combed-corded wear culture in the Vyatka and Vetluga basins.....	288
<i>Kuptsova L.V., Faizullin I.A., Krukova E.A. (Orenburg, Russian Federation)</i>	
Monument of the Late – Final Bronze Age in West Part of the Orenburg Region (Burial Mound Near the Kamenka Village)	299
<i>Bugrov D.G. (Kazan, Russian Federation), Myasnikov N.S. (Cheboksary, Russian Federation)</i>	
Some issues in defining “ethnic and cultural components” of the Andreevka-Piseraly type of sites: burial rite	314

Kritics and Bibliography

<i>Stavitsky V.V. (Penza, Russian Federation)</i>	
Review of the Monograph in the Journal: Novikov A. V. Settlements with Comb-Corded and Corded Ceramics of the Early Iron Age from the Kostroma Volga Region // <i>Archaeology of the Eurasian Steppes</i> . 2018, № 2. P. 7–289.	336

Chronicle

<i>Krylasova N.B., Sarapulov A.N. (Perm, Russian Federation)</i>	
For the Jubilee of Professor Andrey Mikhailovich Belavin.....	344
<i>Rudenko K.A., Kazakov E.P. (Kazan, Russian Federation)</i>	
Natalia Dmitrievna Aksenova (For the Jubilee of the Scholar)	350
<i>Asylgaraeva G.Sh., Chizhevsky A.A. (Kazan Russian Federation)</i>	
For the Jubilee of Madina Shakirovna Galimova	355
List of Abbreviations.	360
Submissions.	363

Междисциплинарные исследования первобытных памятников

УДК 902.2 903.01 569

<https://doi.org/10.24852/2018.3.25.8.29>

СТОЯНКА ФИНАЛЬНОГО ПАЛЕОЛИТА БЕГАНЧИК В УСТЬЕ КАМЫ (РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ 2013 ГОДА)

© 2018 г. М.Ш. Галимова, Н.С. Березина, А.Ю. Березин

В статье представлены результаты исследований стоянки (острова) Беганчик, проведенных авторами в левобережье Куйбышевского водохранилища, в устье р. Актай, в пределах Республики Татарстан. Охарактеризованы этапы изучения памятника. Проведен функционально-морфологический анализ полученных каменных артефактов усть-камской культуры (439 экз.). Удалось обнаружить залегавшую *in situ* кость ископаемой лошади и установить ее обособленную стратиграфическую позицию по отношению культурному слою. Видовое определение собранных на отмелях острова костей крупных млекопитающих (80 экз.) показало принадлежность их к мамонтовой фауне плейстоцена (мамонт, шерстистый носорог, овцебык, лошадь, бизон и др.). Авторы делают вывод о том, что это палеофаунистическое местонахождение не связано с жизнедеятельностью обитателей финальнопалеолитической стоянки усть-камской культуры.

Ключевые слова: археология, устье Камы, р. Актай, каменные артефакты, функциональный анализ, усть-камская культура, плейстоцен, мамонтовая фауна.

Введение

Стоянка Беганчик является опорным памятником усть-камской культуры финального палеолита – раннего мезолита, который располагается в левобережье района слияния Камы и Волги (Галимова, 2001). Спасательные исследования стоянки, разрушающейся в зоне абразионной деятельности Куйбышевского водохранилища проводились в период с 1986 по 2013 гг. под руководством М.Ш. Галимовой.

Целью работы совместной экспедиции Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ и Чувашского государственного института гуманитарных наук в 2013 году была оценка современного состояния и степени разрушения культурного слоя сто-

янки, расположенной на острове – останце террасы, окруженном водохранилищем. Задачами исследований были: обход и осмотр всех обнажений и отмелей острова (по его периметру); сбор подъемного материала и выявление участков сохранившегося культурного слоя стоянки; поиск находок четвертичной фауны *in situ* для определения стратиграфической позиции многочисленных остатков фауны мамонтового комплекса, собранных на отмелях острова в прошедшие десятилетия участниками Раннеболгарской археологической экспедиции под руководством Е.П. Казакова (Казаков, 2011) и отрядом под руководством автора. В исследованиях вместе с авторами участвовал с.н.с Чувашского государственного инсти-

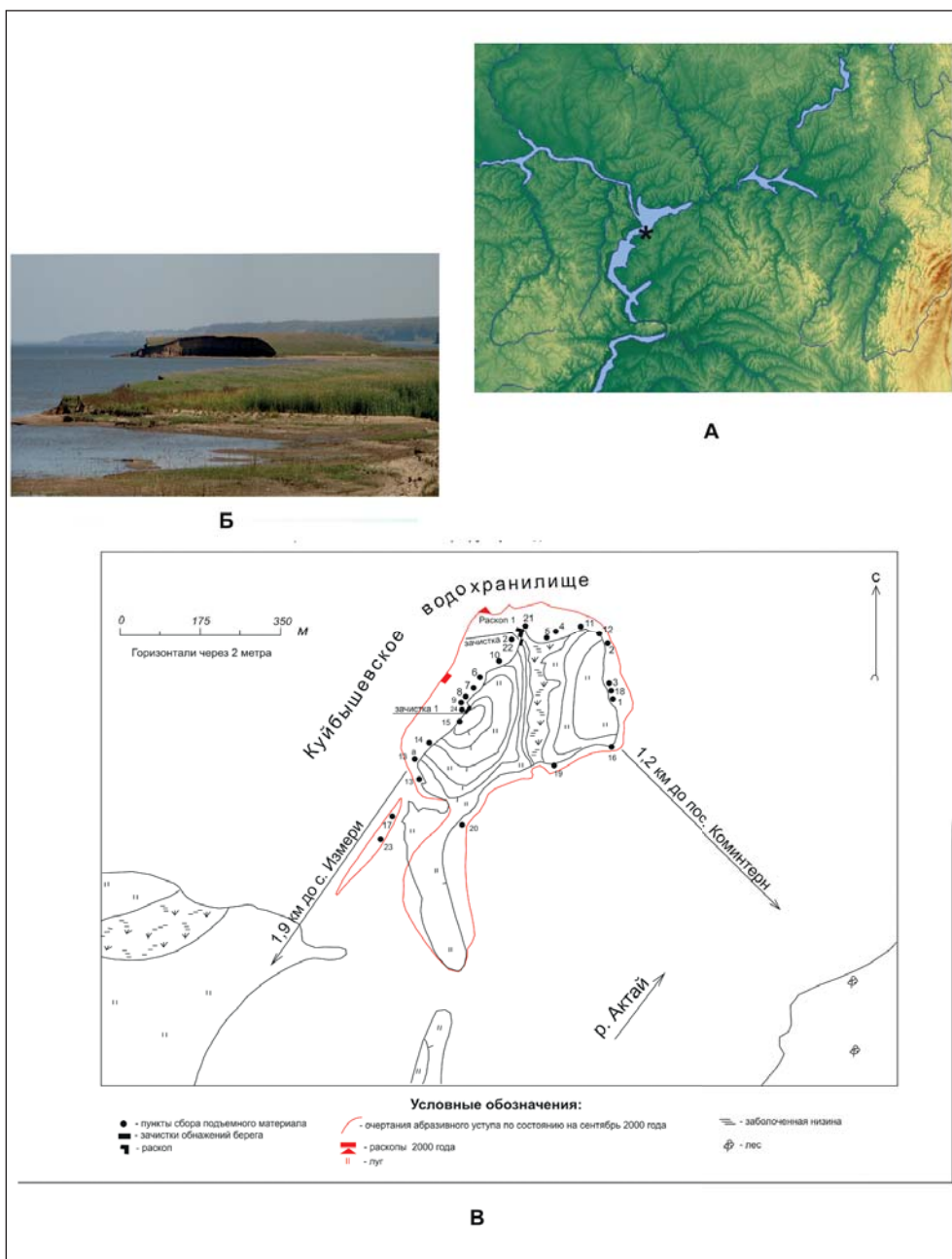

Рис. 1. Стоянка Беганчик: локализация и рельеф. А – карта-схема расположения памятника; Б – общий вид памятника с северо-запада; В – план памятника и маршрут разведочных исследований 2013 года.

Fig. 1. Beganchik site: location and relief. А – location map; Б – general view of the monument from the North-West; В – the plan of the site and the route of exploration 2013.

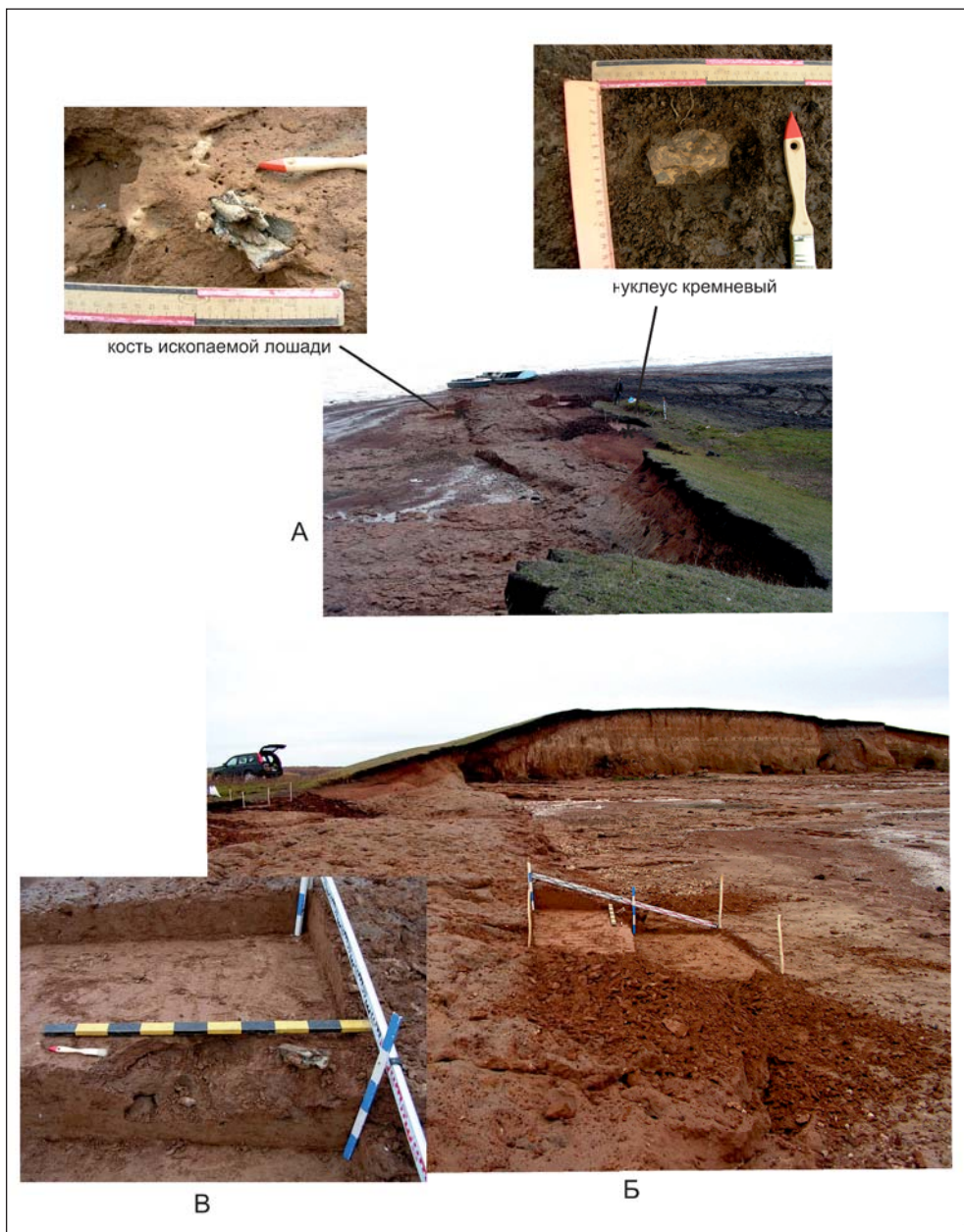

Рис. 2. Раскоп 1 на отмели у северного мыса острова. А – общий вид раскопа с юга, с указанием мест залегания *in situ* палеонтологической находки (кости лошади) и кремневых артефактов; Б – общий вид участка E/14 с севера; В – характер залегания кости лошади ископаемой лошади в южной части участка E/14.

Fig. 2. Excavation 1 on the shallows at the Northern cape of the island. А – general view of the excavation 1 from the South, indicating the places of occurrence *in situ* paleontological finds (horse bone) and flint artifacts; Б – general view of square E/14 from the North; В – the occurrence of the horse bone fossil horse in the southern part of the square E/14.

тута гуманитарных наук Е.П. Михайлов.

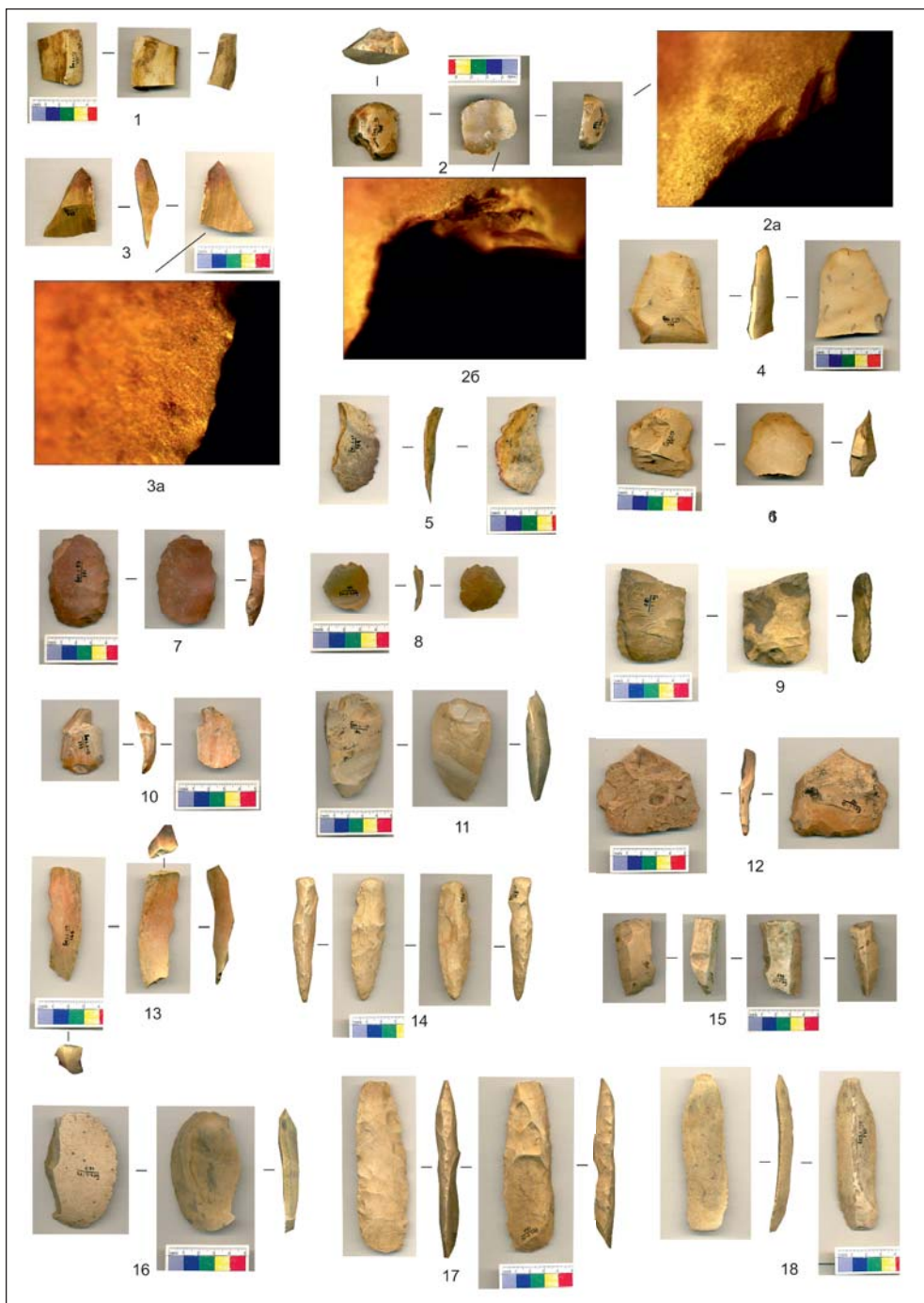
Памятник находится в 2 км к северо-востоку от с. Измери и в 1,2 км к северо-западу от пос. Коминтерн Спасского района Республики Татарстан, в левобережной приустьевой части Камско-Волжской долины, в устье р. Актай (Ахтай) (рис. 1). С момента образования водохранилища Куйбышевской ГЭС долина Волги при впадении Камы, а также устья левобережных притоков в приустьевом Закамье оказались затопленными, в том числе и устье р. Актай, на левом берегу которого и располагался данный останец террасы. Начиная с середины 1950-х годов большинство подобных останцов оказались в зоне интенсивных абразионных процессов под воздействием водохранилища. В настоящее время, спустя более 25 лет с начала раскопок автором, площадь острова уменьшилась более чем вдвое (рис 1).

Стоянка Беганчик является одним из основных памятников усть-камской культуры. Памятники усть-камской культуры финального палеолита – раннего мезолита были открыты и впервые исследованы М.Г. Косменко во второй половине 1960-х и первой половине 1970-х годов (Косменко, 1972, 1977). Начиная с 1980 гг. исследование памятников усть-камской культуры продолжила М.Ш. Галимова (Галимова, 2001). Основные памятники этой культуры расположены в районе устья Камы на правом и левом берегу. Левобережные памятники занимали останцы надпойменных террас Волги и Камы. Основными типами кремневых орудий усть-камской культуры считаются ретушные резцы и концевые скребки

на массивных пластинах, часто в сочетании друг с другом на одной основе. Также использовались пластины с ретушированным концом, округлые скребки, скребла, топоры и тесла с двухсторонней обработкой поверхности (бифасы). Главным культуроопределяющим изделием усть-камской культуры считаются кремневые поперечнолезвийные накопечники стрел, изготовленные из фрагментов пластин, которые имели форму трапеции с вогнутыми ретушированными краями.

История изучения стоянки Беганчик

В 1981 г. Е.П. Казаков обнаружил в юго-западной оконечности останца, который именуется местным населением «Измерский остров» или «Беганчик», местонахождение ископаемой четвертичной фауны и каменных артефактов на отмели у юго-западной оконечности острова, которая имела вид узкого полуострова (полностью размытого к 2000 году). Памятник получил первоначально название «Измерское палеонтологическое местонахождение» (Археологическая карта..., 1986, с. 68, № 422а), затем был переименован в «Измерскую I палеолитическую стоянку» (Казаков, 2011, с. 10–14, 82–89). Здесь Е.П. Казаков обнаружил на отмели скопление костей мамонта (5 зубов и кости ног) вместе с крупными кремневыми нуклеусами и орудиями, залегавшими на площади 20×20 м. К сожалению, слой этого памятника уже на момент открытия оказался полностью размытым (рис. 1В). Об этом свидетельствовали безрезультатные поиски каменных артефактов *in situ* в обнажениях, проведенные Е.П. Казаковым в 1981, 1982 и 1986 гг.

(Казаков, 2011, с. 11) и две разведочные траншеи 1986 г. (Галимова, 2001, с. 27).

Затем практически ежегодно (вплоть до 2012 года) при низком

уровне водохранилища Е.П. Казаков проводил здесь сборы остатков четвертичной фауны и кремневых изделий (Истомин, Казаков, 1992, Казаков, 2011). М.Ш. Галимовой в 1985–87 и

Рис. 3. Кремневые артефакты, залегающие *in situ* в раскопе 1 (1–6) и подъемный материал на отмели возле раскопа 1 (7–18).

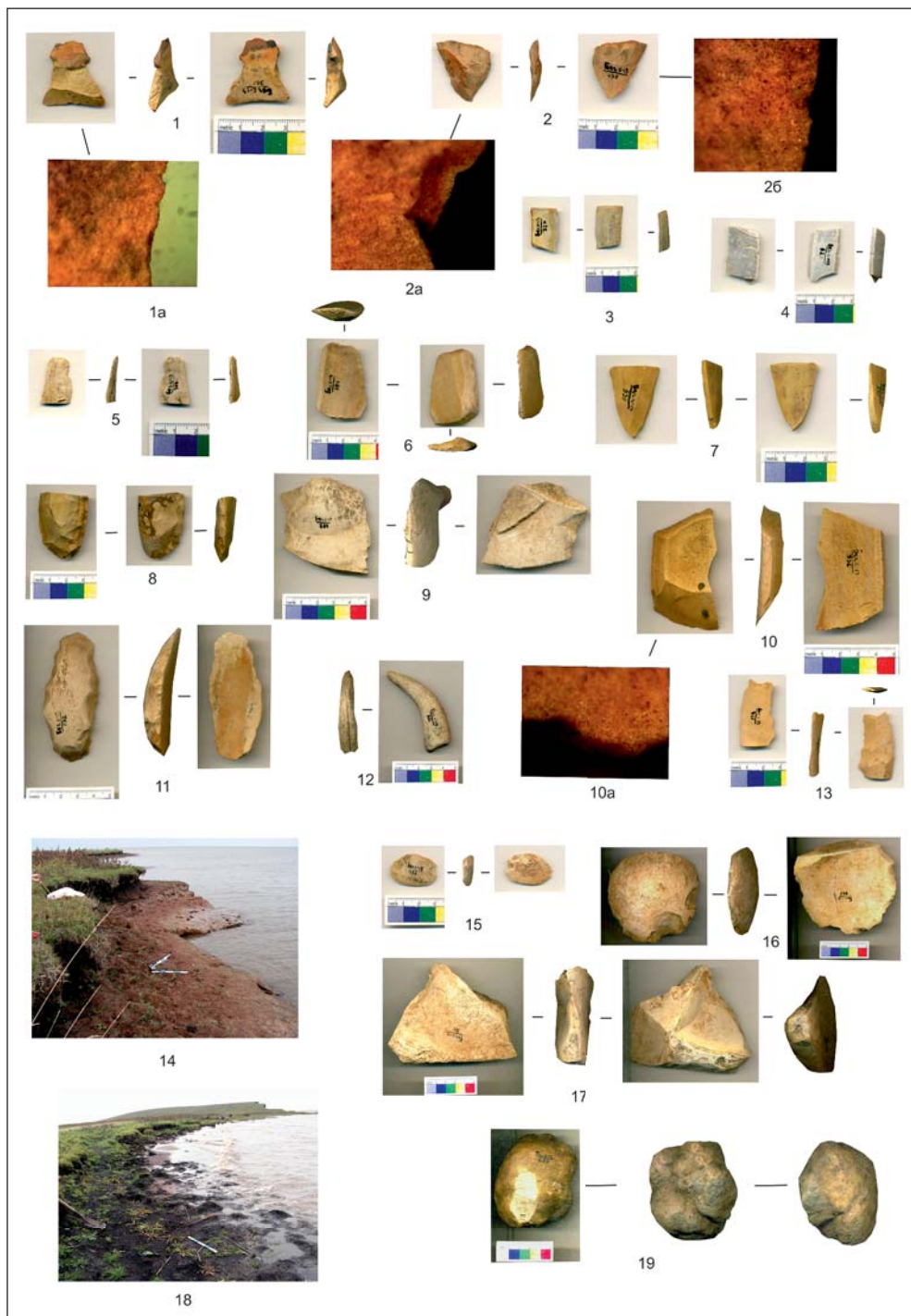
1 – фрагмент пластины; 2 – скребок с двумя концевыми и боковым лезвиями; 2а, 2б – микрофотографии (28-кратное увеличение) лезвий скребка; 3, 4, 11, 16 – отщепы-ножи; 3а – микрофотография (28-кратное увеличение) лезвия ножа; 5 – скол с косо усеченным проксималом – резчик; 6 – поперечный скол подправки; 7 – скобель с ретушью по периметру; 8 – отщеп-скобель; 9 – бифас-топорик фрагментированный; 10 – скребок концевой; 12 – нож-скобель на плитке кремня; 13 – пластина с ретушированным концом – нож-скобель-резец; 14 – бифас – заготовка наконечника стрелы; 15 – сработанный нуклеус – резец; 17 – бифас-гесло или долото; 18 – пластина-пилка.

Fig. 3. Flint artefacts lying *in situ* in the excavation 1 (1–6) and collected in the shallows around (7–18). 1 – blade fragment; 2 – scraper; 2a, 2b – microphotographs (magnification 28-fold) of the scraper working part; 3, 4, 11, 16 – flakes–knives; 3a – microphotograph (magnification 28-fold) of the knife working part; 5 – flake with oblique end – small burin; 6 – transversal core rejuvenation flake; 7 – retouched side-scraper; 8 – flake-side-scraper; 9 – biface-axe fragmented; 10 – end-scraper; 12 – knife-side-scraper on the flint slab; 13 – blade with retouched end – knife-side-scraper-burin; 14 – biface–arrowhead blank; 15 – core–burin; 17 – biface-adze or chisel; 18 – blade-saw.

2000 годах проводились сборы каменных и фаунистических находок, а также обследование абразионных уступов (Галимова, 2017). К сожалению, в обрывах юго-западной оконечности острова ни одной фаунистической и кремневой находки тогда зафиксировано не было.

Стоянка Беганчик финального палеолита – раннего мезолита была открыта в 1985 г. в результате разведочной поездки М.Ш. Галимовой и К.Э. Истомина, предпринятой по рекомендации Е.П. Казакова. В ходе осмотра обнажений и отмели в западной части острова, в абразионном уступе были зафиксированы кремневые предметы, залегающие *in situ*, а также многочисленный подъемный материал под обрывом. В данном месте, на расстоянии около 250 м к северо-северо-западу от юго-западного мыса – места размытой Измерской I палеолитической стоянки, была произведена зачистка, давшая находки 4 кремневых изделий, залегавших на глубине 80–130 см от поверхности в верхней части толщи четвертичного желто-коричневого суглинка. В 1986 г. здесь была раскопана тран-

шея длиной 10 м (Галимова, 2001, с. 193). По результатам этих раскопок, которые выявили культурный слой, насыщенный кремневыми изделиями и отходами расщепления конкреций, в 1987 г. к траншее были прирезаны участки раскопа. Таким образом, общая площадь раскопа 1986–87 гг. составила около 104 кв. м. В результате выяснено, что культурный слой стоянки-мастерской Беганчик залегал под гумусовым горизонтом современной почвы, в кровле толщи четвертичных суглинков. Каменные артефакты были связаны с линзой слабообразованной погребенной почвой предположительно поздневалдайского возраста, которая сохранилась в обрыве на ширину 0,5–2,0 м и имела длину около 20 м (Галимова, 2001, с. 194). Судя по особенностям кремневой индустрии, основанной на получении крупных пластин с помощью ударной техники скола, а также характерному набору типов орудий (в раскопе суммарно найдено 1968 кремневых предметов), стоянка Беганчик была отнесена к первому, финальнопалеолитическому этапу усть-камской мезолитической культуры (Галимова, 2001).

В 2000 г. охранные раскопки стоянки Беганчик были продолжены М.Ш. Галимовой, исследовавшей раскоп (около 55 кв. м.), где было найде-

но всего 108 кремневых предметов. Напротив, в осыпи и на отмели возле раскопа находилось крупное скопление каменных изделий, в числе кото-

Рис. 4. Находки на отмелях юго-западной косы (1–13), восточного берега (14–17) и северо-восточной оконечности (18–19) острова:

кремнь – 1–6, 8–10; кремневый известняк – 7, 13, 15–17; кварцит – 19; рог – 12.
 1 – трапеция с ретушированными сторонами; 1а – микрофотография (x28) лезвия (основания) трапеции; 2 – отщеп-наконечник стрелы (?); 2а, 2б – микрофотография (x28) метательных (?) повреждений на краях отщепа; 3 – фрагмент пластины-ножа; 4 – резец на сломе пластины; 5 – вкладыш ножа (?) – фрагмент пластины с притупленным краем; 6 – скребок концевой – нож; 7 – двугранный резец-резчик; 8 – фрагмент заготовки бифаса; 9 – резец угловой двугранный, дублированный; 10 – долото; 10а – микрофотография (x28) лезвия долота; 11 – скребло-скобель; 12 – фрагмент фоссилизированного рога (олень?); 13 – ретушной резец; 14 – местонахождение *in situ* кремневых артефактов (пункт 18), вид с юга; 15 – отщеп; 16 – фрагмент конкреции (заготовка нуклеуса?); 17 – заготовка нуклеуса; 18 – местонахождение *in situ* конкреции кварцита (пункт 11); 19 – конкреция кварцита с «пробным» сколом.

Fig. 4. Finds on the shallows of the southwestern sandy spit (1–13), the eastern shore (14–17) and the northeastern tip (18–19) of the island:

flint – 1–6, 8–10; silicified limestone – 7, 13, 15–17; quartzite – 19; antler – 12.
 1 – trapeze with retouched sides; 1a – microphotographs (magnification 28-fold) of the edge of the trapeze bases; 2 – flake-arrowhead (?); 2a, 2b – microphotographs (magnification 28-fold) of the projectile (?) damage of the flake edges; 3 – blade fragment-knife; 4 – burin on the flake breakage; 5 – knife insert (?) – fragment of the backed blade; 6 – side-scraper-knife; 7 – dihedral burin; 8 – fragment of the biface blank; 9 – burin angled dihedral; 10 – chisel; 10a – microphotographs (magnification 28-fold) of the chisel edge; 11 – sidescraper; 12 – fragment of the fossil deer antler; 13 – retouched burin; 14 – finding *in situ* of flint artefacts (location 18) view from the South; 15 – flake; 16 – fragment of concretion (precore?); 17 – precore; 18 – finding *in situ* of quartzite concretion (location 11); 19 – quartzite concretion with trial flaking negative.

рых: пренуклеусы и нуклеусы, гальки-отбойники, сколы-отходы, отщепы, пластины, орудия. Тогда же была исследована разведочная траншея (9 кв. м.) на северном мысу («стрелке») острова, где были обнаружены *in situ* кремни, залегавшие в кровле четвертичного суглинка на глубине 80–100 см от поверхности (рис. 1В). Кроме того, важные находки были тогда сделаны на отмели на расстоянии 80 м к востоку-северо-востоку от траншеи, где *in situ* в размыве желто-коричневого четвертичного суглинка залегали в виде скопления два очень крупных пренуклеуса и нуклеус, а также 10 отщепов. В непосредственной близости от этого местонахождения на поверхности отмели находился зуб мамонта, а рядом с ним – 14 окатанных кремневых сколов и

одно орудие – скребок-острие (Галимова, 2017).

Справедливости ради необходимо упомянуть, что Е.П. Казаков отмечал находки крупных нуклеусов, а также сколов и кремневых орудий на отмели у северной стрелки острова в 1991, 1995 и 2003 гг. Исследователь зафиксировал на отмели под обрывом возвышенной северной оконечности останца концентрацию этих крупных артефактов на площади 70×20 м (Казаков, 2001, с. 14, 91). В 1995 г. Е.П. Казаковым на этом участке обрыва были зафиксированы *in situ* кремневые артефакты, залегавшие на глубине 30–50 см от поверхности и находки ископаемой фауны, залегавшие на 1 метр глубже. В шурфе, раскопанном в данном месте, были найдены 4 кремневых скола

на глубине 40–50 см, а также обломки черепа мамонта и 4 его зуба, залегавшие на глубине 140–150 см от поверхности (Казаков, 2001, с. 14, 15, 93, 94). В своей обобщающей монографии Е.П. Казаков трактовал данные на-

ходки как особую Измерскую вторую палеолитическую стоянку (Казаков, 2001, с. 15).

В 2012 году очередное разведочное обследование стоянки Беганчик и места размыва Измерской 1 палео-

Рис. 5. Зачистка № 1: находки (1–17), общий вид с запада (18), юго-восточная стенка (19): кремьень – 5, 10; халцедон – 2, 11; кремнистый известняк – 1, 3, 4, 6–9, 12–17. 1, 2, 8, 10 – фрагменты пластин; 5 – фрагмент пластины – резчик; 3, 4, 6 – фрагменты пластин-ножей; 7 – резец на сломе пластины; 9, 11 – отщепы-ножи; 12 – отщеп со следами теплового воздействия; 13 – поперечный скол подправки нуклеуса; 14 – отщеп; 15 – фрагмент пластины – рукоять орудия; 16 – скол поправки со следами теплового воздействия; 17 – фрагмент пластины-ножа; 17А – микрофотография (x28) рабочей части фрагмента пластины-ножа (17).

Fig. 5. Rabotage 1: finds (1–17), general view from West (18), South-East wall (19): flint – 5, 10; chalcedony – 2, 11; silicified limestone – 1, 3, 4, 6–9, 12–17.

1, 2, 8, 10 – blade fragments; 5 – blade fragment – small burin; 3, 4, 6 – blade fragments-knives; 7 – burin on the blade breakage; 9, 11 – flakes-knives; 12 – fire reddened flake; 13 – transversal core rejuvenation flake; 14 – flake; 15 – blade fragment – hafted part of tool; 16 – fire reddened core rejuvenation flake; 17 – fragmented blade-knife; 17A – microphotographs (magnification 28-fold) of the blade-knife edge.

литической стоянки было проведено отрядом Первобытной археологической экспедиции ИА им. Халикова под руководством А.В. Лыганова при участии М.Ш. Галимовой и геолога А.А. Хисьяметдиновой (Лыганов, 2013). В обрыве северного мыса была произведена зачистка обнажения шириной 3 м, в которой найдены несколько кремневых артефактов, залегавших в обычной стратиграфической позиции. На месте Измерской I палеолитической стоянки, на песчаной косе, которая образовалась после полного размыва узкого юго-западного полуострова (рис. 1В), был проведен поквдратный сплошной сбор подъемного материала на площади 132 кв. м, который дал кремневый инвентарь, присущий усть-камской культуре.

Геолого-геоморфологическая ситуация

С точки зрения геоморфологии оба берега р. Актай при ее впадении в Каму (ныне Куйбышевское водохранилище) представляют собой нерасчлененные первую и вторую надпойменные террасы волжско-камской долины, которые сформировались до голоцена. По наблюдениям Г.П. Бутакова, на второй волжско-камской

террасе обычно вскрываются две генерации суглинков. Верхняя генерация (с черноземной почвой, сформировавшейся на суглинке) (слои 2–6) относится к самому концу поздневалдайского времени и имеет делювиальный или делювиально-аллювиальный характер (Бутаков, 1986).

В результате интенсивно абразионной деятельности водохранилища в районе устья р. Актай происходит интенсивное (а на острове Беганчик – катастрофическое) разрушение берегов, сложенных суглинистыми отложениями, при этом формируются абразионные берега клифового типа (Ермолаев и др., 2007, с. 248) (рис. 1Б). Особенно сильному ущербу подверглись северный мыс острова и его восточный берег, сократившиеся с момента первых раскопок 1986–87 гг. на 70–100 метров от уреза водохранилища.

Особенности современной геоморфологической позиции стоянки Беганчик, а также геологического строения останца были обзорно изучены А.А. Хисьяметдиновой в 2012 г. (Лыганов, 2013). По ее мнению, остров в устье р. Актай состоит из двух останцов – поверхностей верхней и нижней (рис. 1: Б, В; 2: Б; 4: 14, 18; 5: 18).

Рис. 6. Фаунистические находки на отмели северного берега острова. 1 – фрагмент зубной пластины мамонта *Mammuthus primigenius*; 2 – проксимальный фрагмент рога овцебыка *Ovibos palantis*; 3 – плечевая кость молодой лошади *Equus sp.*; 4 – плечевая кость северного оленя *Rangifer tarandus*; 5 – второй палец третьей фаланги носорога *Coelodonta antiquitatis*; 6 – пяточная кость благородного оленя *Cervus elaphus*; 7 – большая берцовая кость носорога *Coelodonta antiquitatis*.

Fig. 6. Faunal finds on the shallows of the northern shore of the island:

1 – a fragment of a tooth plate of a mammoth *Mammuthus primigenius*; 2 – fragment of a musk ox antler *Ovibos palantis*; 3 – young horse's humerus *Equus sp.*; 4 – humerus of reindeer *Rangifer tarandus*; 5 – the second finger of the third phalanx of the rhinoceros *Coelodonta antiquitatis*; 6 – the heel bone of a red deer *Cervus elaphus*; 7 – the tibia of a rhinoceros *Coelodonta antiquitatis*.

Верхняя поверхность – центральная и западная части острова, круто обрывающаяся в сторону водохранилища, с абразионным уступом высотой 8–9 м от уреза. С востока к верхней поверхности примыкает нижняя поверхность – останец, верхняя часть

стратиграфического разреза которого была снесена еще в древности вплоть до осадков раннего плейстоцена. Восточный край нижнего останца образует абразионный уступ высотой 1–1,5 м от уреза, который наиболее интенсивно разрушается и обрыва-

ется в затопленное русло р. Актай. А.А. Хисяметдинова полагает, что нижняя терраса здесь является шлейфом подножия останца верхней террасы. В основании разреза верхней и нижней террас лежит единая толща глин и песков раннего плейстоцена. На этой основе сформировалась толща плейстоценовых буровато-коричневых (красновато-коричневых) и палевых (желто-коричневых) лессовидных суглинков с несколькими горизонтами погребенных почв. Разрез покрыт плащом покровных лессовидных суглинков с современной черноземной почвой в верхней части. Культурный слой стоянки залегает в данной покровной пачке лессовидных суглинков, непосредственно в их кровле, на глубине, в среднем, от 60 до 120 см от поверхности, на границе с генетическими горизонтами современной почвы, в основном, мощной черноземной.

Результаты исследований 2013 г.

Памятник обследовался осенью 2013 года в два этапа (Галимова, 2017). На первом этапе было обнаружено залегание культурного слоя стоянки финального палеолита *in situ* в западном обрыве наиболее высокой площадки острова, где в нижней части черноземной почвы были отмечены единичные кремни. Здесь была размечена и произведена глубокая зачистка № 1 длиной 10 м (рис. 1; 5: 18, 19), также был проведен сбор подъемного материала по периметру острова.

На втором этапе при более низком уровне водохранилища в размытой части памятника был заново проведен сбор подъемного материала. В результате обоих обходов авторами были зафиксированы 25 пунктов распространения подъемного материала на

размытой поверхности четвертичных отложений под обрывами острова, а также в обнажениях низкого берега в северо-восточной оконечности острова и на песчаной косе, примыкающей к острову с юго-запада (рис. 1: В). Тогда же на размытой поверхности северного мыса («стрелки») острова были найдены кремневые изделия *in situ* в размыве красновато-коричневого суглинка. Рядом была обнаружена палеофаунистическая находка также *in situ* в размыве нижележащего желто-коричневого суглинка, при этом наблюдалась существенная разница в уровнях залегания артефактов и фоссилизированной кости. В целях уточнения стратиграфического соотношения археологических и палеонтологической находок *in situ*, а также изучения участка неразмытого культурного слоя стоянки, в этом месте был размечен раскоп 1 (рис. 2).

Раскоп 1 размещался на месте размытого сниженного восточного склона высокой части острова, которая плавно переходит в берег заболоченной низины (рис. 1). Находки кремневых изделий *in situ*, в размыве красновато-коричневого суглинка имели вид полосы длиной около 20 м и шириной 4–5 м, которая протянулась с юга на север (рис. 2: А, Б). Эта полоса примыкала с запада останцу, сложенному вышележащими слоями: переходным от чернозема к четвертичному суглинку коричневого пестроцветному суглинку и перекрывающему его чернозему. Артефакты и кость, были включены в общую сетку квадратов (2×2 м) раскопа. В ходе раскопок проводилась трехмерная фиксация всех находок от репера.

На крайнем северо-западном участке Е/14 располагалась кость ло-

шади, залегавшая без артефактов в светлом желто-коричневом суглинке. Этот участок пришелся на уступ, отделяющий поверхности разных уровней размыва отложений на отмели (рис. 2: Б). Из-за очень плохой сохранности фоссилизированной кости, ее не удалось вынуть из слоя целиком, она была выбрана фрагментами (рис. 2: А, В). На расположенных выше участках А/6, А/7 и Б/12, Б/13 отмеченные кремневые артефакты, залегавшие *in situ* в красновато-коричневом суглинке, были оставлены на своих местах до начала раскопок (рис. 2: А). Ввиду ограниченного времени разведок и неблагоприятных осенних погодных условий раскопкам подверглись только указанные выше участки.

В раскопе найдены 8 изделий из кремня и окремнелого известняка (рис. 3: 1–6), в том числе: заготовка призматического нуклеуса, вторичный торцовый нуклеус, выполненный на фрагменте нуклеуса; поперечный скол подправки площадки; фрагмент пластины; длинный первичный скол с косо усеченным проксимальным концом и ретушью утилизации на углу – резчик; 2 отщепы с ретушью утилизации по краям – ножи, а также скребок полукруглой формы с двумя концевыми и одним боковым лезвиями, выполненный на фрагменте массивной «ребистой» пластины.

Подъемный материал на северной стрелке острова собран на отмели непосредственно к востоку и к западу от раскопа 1 (рис. 1; 2). Здесь было поднято 99 артефактов, в том числе: морозобойные фрагменты нуклеусов и осколки; 1 нуклеус конусовидной низкой формы; отщепы и сколы подправки; 13 целых и фрагментированных пластин, а так-

же 41 орудие. Среди орудий (рис. 3: 7–18) – 18 морфологически выраженных орудий и 23 скола без вторичной обработки, но с ретушью утилизации.

*Местонахождение *in situ* на восточном берегу (пункт 18)* (рис. 1) представляло собой группу из двух крупных заготовок нуклеусов, оформленных из фрагментов конкреций окремнелого известняка (рис. 4: 16, 17) и мелкого отщепы (рис. 4: 5). Находки залегали под невысоким обрывом (высотой 40–50 см от уреза), на расстоянии 1,2–1,6 м от обрыва в размыве желто-коричневого суглинка (рис. 4: 14).

*Местонахождения *in situ* в северо-восточной оконечности острова (пункты 11 и 12)* (рис. 1) представляют особый интерес тем, что это были находки двух крупных конкреций «пробного» скола на каждой (рис. 4: 19). Конкреции залегали на отмели у северо-восточного «угла» острова, у низкого обрывистого берега (высотой 25–45 см от уреза) в размыве на границе чернозема и переходного темно-коричневого пестроцветного суглинка (рис. 4: 18).

Юго-западная коса (пункты 17, 23, 24) (рис. 1: Б, В) образовалась в результате размыва узкого останца – северо-западного полуострова, возле которого в 1980-х годах была отмечена Измерская I палеолитическая стоянка. По мнению А.А. Хисяметдиновой, песчаная составляющая четвертичных отложений вместе с артефактами и фаунистическими находками проецировалась вблизи береговой линии на отмели, при этом находки перемещались недалеко. На этой косе залегало значительное количество ока-

танных каменных артефактов, в том числе характерная для усть-камской культуры трапедия с ретушированными сторонами (рис. 4: 1, 1а). Суммарно на косе был собран 61 каменный артефакт, среди которых: отщепы, фрагменты пластин, а также 10 морфологически выраженных орудий и 12 отщепов и пластин с ретушью утилизации (рис. 4: 1–13).

Зачистка обнажения 1 была произведена в абразионном уступе в северо-западной, наиболее обрывистой части памятника (рис. 1; 5: 18, 19). Местом для глубокой зачистки был выбран участок находки артефакта *in situ* в верхней части обрыва, на глубине 75–76 см от поверхности. Длина зачистки 1 вдоль обрыва составила 10 м. Ширина двухметровых участков варьировала в зависимости от конфигурации обрыва от 60 см до 140 см. Была выявлена стратиграфия (рис. 5: 19):

Кремневые предметы залегают в слоях 3а, 4 и 5. Верхняя граница залегания артефактов была прослежена на глубине 45–52 см от усл. 0 при вскрытии слоя серо-коричневого пестроцветного суглинка, нижняя граница залегания находок, отмеченная на глубине 73–83 см от усл. 0, совпала с кровлей толщи красновато-коричневого четвертичного суглинка. Находки в материковом красновато-коричневом суглинке отсутствовали.

Суммарное число каменных артефактов, найденных при производстве зачистки – 32 экз., в том числе 5 предметов из кремня, 2 из халцедона и 25 из окремелого известняка. Следов вторичной обработки или использования в работе не несут 22 предмета (отщепы, сколы подправки, фрагменты и чешуйки, фрагмент заготовки нуклеуса, пластина и фрагменты пластин). К орудиям отнесены 10 артефактов (рис. 5: 1–17).

1. Дёрн.....	4–5 см
2. Темно-серый плотный суглинок – гумусовый горизонт современной почвы.....	20–25 см
На участке 4 мощность слоя 2 сокращается до 12–15 см	.
3. Серый (менее гумусированный) суглинок с включениями пестроцветного коричневого суглинка, верхняя граница нечеткая, нижняя – неровная, мощность неравномерная.....	до 25 см
3а. Коричнево-серый пестроцветный суглинок с включениями гумусированного серого суглинка, подстилает слой 3 лишь на участке 5, границы нечеткие.....	14–26 см
4. Серо-коричневый пестроцветный, трещиноватый суглинок с включениями гумусированного и красновато-коричневого (материкового) суглинка (в кротовинах), границы неровные, содержал каменные артефакты.....	15–30 см
5. Переходный коричнево-серый, пестроцветный, трещиноватый (столбчатой структуры) суглинок с включениями красновато-коричневого (материкового) суглинка, верхняя граница неровная, с артефактами.....	15–25 см
6. Красновато-коричневый (материковый) суглинок, трещиноватый, столбчатой структуры, без находок.....	ниже

Палеофаунистические находки

В силу особенно благоприятных условий для сбора подъемного материала, сложившихся в 2013 году, авторам удалось собрать значительную коллекцию находок костей четвертичной ископаемой фауны (рис. 6). Находки фоссилизированных костей млекопитающих т.н. «волжской мамонтовой фауны» залежали на поверхности отдели разрозненно, зачастую на значительном расстоянии друг от друга, степень их окатанности и сохранности существенно варьировала. Эти кости не несли на своей поверхности следов человеческой жизнедеятельности. Суммарно найдено около 80 целых и обломков фрагментов костей животных. Из них около 40 фрагментов определить не удалось. Определено 9 видов, в основном крупных млекопитающих – представителей мамонтовой фауны: лошадь (*Equus sp.*), северного оленя (*Rangifer tarandus*), небольшой олень (*Cervus sp.*), благородный олень (*Cervus elaphus*), шерстистый носорог (*Coelodonta antiquitatis*), мамонт (*Mammuthus primigenius*), бизон (*Bison priscus*), овцебык (*Ovibos palantis*), лось (*Alces sp.*), сурок (*Marmota bobak*). Сохранность костей неодинаковая, с разной степенью фоссилизации. Большая часть костей имеет белый цвет с марганцевым налетом в форме точек. Часто кости покрыты известковой коркой. Видимо, кости животных происходят из разных стратиграфических слоев плейстоценовых отложений, хорошо представленных в разрезе берега и соответствуют т.н. волжской фауне, известной с середины XIX в. по находкам виде скоплений на русловых галечниковых косах (затопленных в середине 1950-х гг. водохранилищем ГЭС им. Куйбышева) (Поляков, 1880;

Ососков, 1914; Яковлев, 1928; Мирчинк, 1932; Збруева, 1941; Паничкина, 1953; Абрамова, 1958).

К этому списку следует прибавить находку отростка окаменевшего рога (олень?), сделанную на отмели поблизости от места производства зачистки 1 (рис. 4: 12), а также находку фрагмента кости конечности ископаемой лошади в размыве четвертичного суглинка у северной стрелки острова, которая послужила побудительным мотивом организации раскопа 1.

Общая морфологическая и функциональная характеристика каменного инвентаря

Коллекция находок из камня, полученная на стоянке Беганчик в 2013 г., состоит из 426 предметов. Среди них преобладают предметы из кремня светло серых, коричневых и желтоватых оттенков среднего качества (208 экз.) и окремнелого известняка аналогичных цветов (183 экз.). Также в небольшом количестве были найдены изделия из белого и серого кварцита (10) и серого халцедона (25). Некоторые изделия из кремня и кварцита отличаются красноватым, розоватым цветом, вплоть до малинового и бордового, что указывает на тепловое воздействие (рис. 5: 12, 16).

Все артефакты могут быть сгруппированы в следующие категории и группы изделий с точки зрения их формы, наличия следов вторичной обработки и/или макро- и микро-следов использования в различных трудовых операциях.

1. Предметы без вторичной обработки (350 экз.):

1) конкреции – 8, в том числе 5 целых (рис. 4: 19) и 3 фрагментированных;

2) гальки – 10;
3) заготовки нуклеусов – 33 (рис. 4: 16, 17), в том числе 2 фрагмента заготовок и 1 фрагмент заготовки нуклеуса с ретушью утилизации;

4) нуклеусы – 42, в том числе 35 целых, 6 фрагментов и 1 нуклеус с ретушью утилизации (рис. 3: 15);

5) сколы подправки нуклеусов – 17, в том числе 15 сколов без следов использования (рис. 3: 6; 5: 13, 16) и 2 скола с ретушью утилизации;

6) отщепы – 109, в том числе 70 целых отщепов без следов использования (рис. 4: 15; 5: 12, 14), 8 фрагментов отщепов и 31 отщеп с ретушью утилизации (рис. 3: 3, 3а, 4, 8, 11, 16; 5: 9, 11);

8) сколы, осколки и фрагменты сколов – 52. В том числе 47 экземпляров без следов использования и 5 – с ретушью утилизации (рис. 3: 5);

9) пластины – 79, в том числе 49 целых и фрагментированных пластин без следов использования (рис. 3: 1; 5: 1, 2, 8, 10) и 30 пластин с ретушью утилизации (рис. 3: 18; 4: 3, 5; 5: 3–6, 15, 17, 17а);

2. Морфологические выраженные орудия (76 экз.):

1) скребки – 15, в том числе 8 концевых (рис. 3: 10), 1 боковой, 2 концевых-боковых (рис. 3: 2, 2а, 2б), 2 неопределенного типа и 2 скребка на отщепах с ретушью утилизации по периметру;

2) резцы и резчики – 16, в том числе 6 ретушных, 5 угловых, 5 – прочих (на сломе, двугранных и др.) (рис. 4: 4, 7, 9, 13; 5: 7);

3) ножи – 16, в том числе 11 целых орудий с ретушью, 1 фрагмент ножа, 4 вкладыша ножей на фрагментах пластин с ретушью;

4) рубящие орудия – 9, в том числе 4 экз. с бифасиальной обработкой (бифасы) (рис. 3: 17), 2 фрагмента бифасов-топориков (рис. 3: 9), 2 рубящих орудия без бифасиальной обработки – долота (рис. 4: 10, 10а), 1 фрагмент рубящего орудия с пришлифованным лезвием;

5) наконечники стрел – 2, в том числе 1 заготовка наконечника с бифасиальной обработкой (рис. 3: 14) и 1 трапеция с вогнутыми ретушированными сторонами и ретушью утилизации на крае основания (рис. 4: 1, 1а);

6) заготовки бифасов (незавершенные орудия) – 5 (рис. 4: 8);

7) скобели – 2 (рис. 3: 7);

8) полифункциональные (комбинированные) орудия – 11, в том числе:

- скребло-скобель (рис. 4: 11),

- резец-резчик,

- ножи-резцы – 3,

- нож-скобель-резец – пластина с ретушированным концом и краевыми выемками (рис. 3: 13),

- нож-скобель на кремневой плитке (рис. 3: 12),

- скобель-резец,

- скребок концевой-нож – 2 (рис. 4: 6),

- резец-скобель.

Нуклеусы представлены следующими формами: торцовыми (14 экз.), уплощенными (3), призматическими (3), конусовидными (2), а также имеют варианты: одноплощадочные, двухплощадочные и многоплощадочные. Нуклеусы предназначались для скалывания крупных и средних по ширине пластин, которые зачастую были массивными и аморфными, что было предопределенно невысоким качеством каменного сырья в конкрециях.

Среди орудий, оформленных целенаправленно с помощью ретуширования, резцовых сколов, бифасиальной технологии и т.д., наиболее представительны скребки, резцы и резчики, а также ножи. Скребки представлены разными типами (см. выше). Изучение под микроскопом рабочих частей скребков из коллекции 2013 года показало, что на них также присутствуют макро- и микро- признаки, типичные для этих орудий, а именно: характерное скругление скребковой кромки, линейные следы в виде коротких параллельных друг другу царапин, расположенных поперек кромки, а также т.н. "шкурная" заполировка кромки и прилегающей рабочей части (рис. 3: 2, 2а, 2б).

Морфологически выраженные ножи отличаются от ножей на пластинах без намеренной ретуши (с ретушью утилизации) тем, что края первых были намеренно приострены пологой ретушью (рис. 3: 12). Также среди фрагментов пластин были обнаружены вкладыши в роговую или костяную основу составных ножей (4 экз.). В качестве разделочных ножей, а также ножей и резцов по дереву использовались и довольно массивные пластины, а также крупные отщепы с ровными краями. Трасологические признаки ножей представляют собой мелкие фасетки выкрошенности рабочего края и характерные линейные следы, направленные под углом к лезвию, что и было зафиксировано под микроскопом на данных пластинах и отщепах (рис. 3: 3, 3а).

Следует отметить представительную (37) подгруппу фрагментов пластин различной ширины без вторичной обработки, многие из которых

несут на своей поверхности следы использования в качестве вкладышей составных орудий разных типов.

В подъемном материале 2013 года имеется один геометрический микролит – трапеция с вогнутыми ретушированными сторонами (рис. 4: 1), весьма типичная для кремневого вооружения усть-камской культуры (Косменко, 1972, 1977; Галимова, 2001). Эта трапеция была найдена на песчаной косе на месте размытой Измерской 1 палеолитической стоянки, также как и несколько трапеций, найденных там в предыдущие сезоны исследований. Признаки метательного износа имеются на кромке основания найденной трапеции (рис. 1а). Сходные макро- и микропризнаки можно наблюдать на краях кремневого отщепа (рис. 4: 2, 2а, 2б), который отличается «правильной» подтреугольной формой, прямым профилем, довольно тонким сечением. Этот отщеп также мог быть наконечником стрелы без вторичной обработки.

Характерными орудиями для инвентаря стоянки Беганчик являются двусторонне обработанные изделия (бифасы) – рубящие орудия (рис. 3: 9) и наконечники стрел в разной степени готовности (рис. 3: 14). Также использовались небольшие рубящие орудия без двусторонней обработки, в частности, долота, несущие на своей рабочей кромке характерные функциональные признаки (рис. 4: 10, 10а). Интересны единичные орудия: длинная пластина с прямыми ровными краями – пилка с двумя лезвиями (рис. 3: 18); скребло-скобель овальной формы (рис. 4: 11); нож-скобель на кремневой плитке (рис. 3: 12). Из комбинированных орудий характерны:

скребло-скобель; резец-резчик; ножи-резцы; нож-скобель-резец (рис. 3: 13); скребки-ножи (рис. 4: 6).

В целом каменный инвентарь, собранный на стоянке Беганчик в 2013 году, с точки зрения формы изделий и типологии вполне соответствует морфолого-типологическому облику стоянки, который сформировался в результате первых раскопок памятника (Галимова, 2001).

Заключение

В результате исследований 2013 г. на стоянке финального палеолита Беганчик, расположенной в зоне абразионного разрушения Куйбышевского водохранилища в устье р. Актай, у с. Измери Спасского района Республики Татарстан было выяснено следующее.

За последние 30 лет в результате абразионных процессов, было утрачено более половины площади культурного слоя стоянки Беганчик. Однако, авторам в 2013 г. удалось выявить непереотложенные участки культурного слоя: в размыве останца северной «стрелки» (раскоп 1) и в обрыве западной части острова (зачистка 1). Стратиграфическое положение культурного слоя на этих участках, а также сырьевые и типологические характеристики каменных артефактов, найденных там, позволяют относить эти участки к культурному слою стоянки финального палеолита. Многочисленный подъемный кремневый материал, собранный авторами на отмелях по периметру острова, позволяет предполагать, что стоянка Беганчик занимала практически всю площадь останца: и высокую площадку, и прилегающую с востока низинную.

Функциональные типы каменных артефактов из коллекции 2013 г.

вполне соответствуют с точки зрения своей морфологии основным типам изделий усть-камской культуры финального палеолита – раннего мезолита (Косменко, 1977; Галимова, 2001). В коллекции присутствуют характерные для усть-камской культуры типы нуклеусов, резцов и скребков, имеются многочисленные фрагменты пластин, топоры и скребла, а также культуруопределяющая трапеция с ретушированными сторонами. С помощью макро-трасологического изучения этих изделий удалось определить основные функциональные типы орудий, которые в целом совпадают с ранее выявленными типичными орудиями усть-камской культуры.

Найденные в 2013 году находки ископаемой плейстоценовой фауны по характеру своей сохранности и видовому составу, вероятно, принадлежат к известному с середины XIX века типу т.н. «скоплений мамонтовой фауны» на волжско-камских русловых отмелях (косах), затопленных во второй половине 1950-х годов. Доказательством того, что собранные в отчетном году фоссилезованные фаунистические находки не связаны с культурным слоем финальнопалеолитической стоянки Беганчик, стали стратиграфическая разница в 60 см, зафиксированная в раскопе 1, где кость ископаемой лошади залегала *in situ* на 60 см ниже кремневых артефактов, в желто-коричневом светлом суглинке средней генерации четвертичных лессовидных суглинков.

В этой связи нельзя не упомянуть известные местонахождения четвертичной фауны, исследованные в до-революционный период на обширных отмелях т.н. косах в районе устья Камы близ бывших сел (ныне зато-

пленных) Мысы и Мансурово, проведенных в 1879 году И.С. Поляковым и А.А. Штукенбергом (Поляков, 1880; Галимова, 2001, с. 6). Эти скопления руслового аллювия, располагавшиеся поблизости от исследуемого нами останца – у противоположного правого берега Камы, при ее впадении в Волгу (на расстоянии 30–35 км по прямой), по всей видимости, служили местом переотложения костей млекопитающих мамонтового фаунистического комплекса.

Судя по однородному характеру каменного сырья и морфолого-типологического облика изделий, найден-

ных в разных частях острова и на отдели, и *in situ*, на сегодняшний день нет достаточных оснований разделять изучаемый памятник на несколько разных стоянок. Необходимо отметить, что в непосредственной близости от стоянки на острове Беганчик располагалась аналогичная стоянка-мастерская усть-камской культуры, исследованная не столь давно А.А. Чижевским при раскопках Коминтерновского кургана № 2, который располагался на противоположном берегу р. Актай, в зоне прямой видимости с острова (Чижевский, Галимова и др., 2011).

Благодарности. Авторы выражают благодарность научному сотруднику отдела первобытной археологии ИА им. Халикова АН РТ Асии Абдулкадировне Хисияметдиновой за любезно предоставленные неопубликованные материалы, а также старшему научному сотруднику Чувашского государственного института гуманитарных наук Евгению Петровичу Михайлову за действенную помощь в полевых исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова З.А.* Разведки палеолита на Средней Волге в 1954 году // Краеведческие записки. Вып. 2 / Ред. М.Х. Валкин. Ульяновск: Ульяновский областной краеведческий музей им. И.А. Гончарова, 1958. С. 349–357.
2. Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. Ч. I / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. 112 с.
3. *Бутаков Г.П.* Плейстоценовый перигляциал на востоке Русской равнины. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986, 144 с.
4. *Галимова М.Ш.* Памятники позднего палеолита и мезолита в устье реки Камы. М.; Казань: Янус-К, 2001. 272 с.
5. *Галимова М.Ш.* Отчет об археологических исследованиях стоянки Беганчик, расположенной в зоне абразионной деятельности Куйбышевского водохранилища в Спасском районе Республики Татарстан в 2013 году. Казань, 2017 / НФ МАРТ ИА им. А.Х. Халикова АН РТ.
6. *Збруева А.В.* Из работ Куйбышевской экспедиции // КСИА. Т. 10 / Отв. ред. С.Н. Бибииков. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 108–112.
7. *Истомин К.Э., Казаков Е.П.* Стоянка эпохи камня у села Измери // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Тезисы докладов III региональной научной конференции «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья». Нижний Новгород, 1992. С. 102–105.
8. *Казаков Е.П.* Памятники эпохи камня в Закамье / Археология Поволжья и Урала. Материалы и исследования. Вып. 1. Казань: Фолиант, 2011. 180 с.
9. *Косменко М.Г.* Основные этапы развития мезолитической культуры в Среднем Поволжье // СА. 1972. № 3. С. 3–17.

10. Косменко М.Г. Мезолит Среднего Поволжья // КСИА. Вып. 149. М.: Наука, 1977. С. 94–100.

11. Ландшафты Республики Татарстан. Региональный ландшафтно-экологический анализ / Под ред. О.П. Ермолаева. Казань: Слово. 2007. 411 с.

12. Лыганов А.В. Отчет об археологических разведках в Алексеевском, Спасском, Мензелинском и Рыбно-Слободском районах Республики Татарстан в 2012 г. Казань, 2013 / Архив ИА РАН.

13. Мирчинк Г.Ф. Волжская экспедиция для изучения отложений четвертичного периода // Вестник Академии наук СССР. № 3. М.: Изд-во АН СССР, 1932. С. 39–42.

14. Ососков П.А. Предварительное сообщение об открытии кладбища костей послетретичных млекопитающих в береговом гравии на левом берегу Волги между г. Сенгилеем и с. Новодевичьем // Приложение к протоколам Императорского Московского общества испытателей природы. М: типография товарищества И.Н. Кушнера и К, 1914. 12 с.

15. Паничкина М.З. Разведки палеолита на Средней Волге // СА. Т. 18 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 232–264.

16. Поляков И.С. Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Россию / Приложение к тому XXXVII Записок Императорской Академии Наук. № 1. Спб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1880. 81 с.

17. Чижевский А.А., Галимова М.Ш., Мельников Л.В., Хисамутдинова Р.А. Междисциплинарные исследования Коминтерновского кургана № 2 эпохи поздней бронзы и стоянки каменного века // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 4 / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фолиант, 2011. С. 336–367.

18. Яковлев Д.И. Описание полуострова Тунгуза и метонахождения на нем костей четвертичных животных // Известия Геологического комитета. Т. 47. № 5. Л.: Издание Геологического комитета, 1928. С. 533–549.

Информация об авторах:

Галимова Мадина Шакировна, кандидат исторических наук, зав. отделом первобытной археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань, Россия); mgalimova@yandex.ru

Березина Наталия Степановна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (г. Чебоксары, Россия); terra3@inbox.ru

Березин Александр Юрьевич, научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (г. Чебоксары, Россия); terra3@inbox.ru

FINAL PALAEOLITHIC SITE BEGANCHIK AT THE MOUTH OF THE KAMA RIVER (RESEARCH RESULTS 2013)

M.Sh. Galimova, N.S. Berezina, A.Yu. Berezin

The paper deals with the investigation results of the Beganchik site (island) conducted by the authors on the left bank of the Kuibyshev reservoir, the mouth of the Aktai river (Republic of Tatarstan). The stages of the site study are presented. Functional and morphological analysis of the obtained stone artifacts (439 items) of the Ust-Kamskaya culture has been carried out. It was succeeded to find out the bone of a fossil horse lying *in situ* and to establish its separate stratigraphic position in relation to a cultural layer. The species definition of the bones of large mammals collected on the shallows of the island (80 specimens) showed their belonging to the Mammoth fauna of the Pleistocene (mammoth, woolly rhinoceros, musk ox, horse, bison, etc.). The authors conclude that this paleo-faunal location probably was not connected to the everyday activities of the Final Palaeolithic inhabitants of the Ust-Kamskaya site-workshop.

Keywords: archaeology, mouth of the Kama river, Aktai river, stone artifacts, functional analysis, Ust-Kamskaya culture, Pleistocene, Mammoth faunal complex.

REFERENCES

1. Abramova, Z. A. 1958. In Valkin, M. Kh. (ed.). *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)* 2. Ul'yanovsk: Ul'yanovsk Regional Museum of Local Lore, 349–357 (in Russian).
2. Starostin, P. N. (ed.). 1986. *Arkheologicheskaya karta Tatarskoi ASSR. Zapadnoe Zakam'e (Archaeological Map of the Tatar ASSR. Western Trans-Kama Region)* I. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
3. Butakov, G. P. 1986. *Pleistotsenoviy periglyatsial na vostoke Russkoy ravniny (Pleistocene Periglacial in the Eastern Area of the Russian Plain)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).
4. Galimova, M. Sh. 2001. *Pamiatniki pozdnego paleolita i mezolita v ust'e reki Kamy (Late Paleolithic and Mesolithic Sites in the Mouth of the Kama River)*. Moscow; Kazan: "Ianus-K" Publ. (in Russian).
5. Galimova, M. Sh. 2017. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh stoyanki Beganchik, raspolozhennoy v zone abraziionnoy deyatel'nosti Kuybyshevskogo vodokhranilishha v Spasskom rayone Respubliki Tatarstan v 2013 godu (Report on Archaeological Studies of Beganchik Site located in the Abrasion Area of Kuybyshev Reservoir in the Spassky District of the Republic of Tatarstan in 2013)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 14. Inv. 1, dossier 87 (in Russian).
6. Zbrueva, A. V. In Bibikov, S. N. (ed.). *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 186. Moscow-Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 108–112 (in Russian).
7. Galimova, M. Sh., Berezina, N. S., Berezin, A. Yu. 1992. In Vasil'ev, F. V. (ed.). *Pamiatniki istorii i kul'tury Verkhnego Povolzh'ya (Monuments of History and Culture of the Upper Volga Region)*. Nizhny Novgorod, 211–217 (in Russian).
8. Kazakov, E. P. 2011. *Pamiatniki epokhi kamnia v Zakam'e (Sites of the Stone Age in the Trans-Kama Area)*. Series: *Arkheologiya Povolzh'ya i Urala. Materialy i issledovaniya (Volga and the Urals Archaeology. Materials and Studies)* I. Kazan: "Foliant" Publ. (in Russian).
9. Kosmenko, M. G. 1972. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 3–17 (in Russian).
10. Kosmenko, M. G. 1977. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 149. Moscow: "Nauka" Publ., 94–100 (in Russian).
11. In Ermolaev, O. P. (ed.). 2007. *Landshafty Respubliki Tatarstan. Regional'niy landshaftno-ekologicheskii analiz (Landscapes of the Republic of Tatarstan. Regional Landscape and Ecological Analysis)*. Kazan: "Slovo" Publ. (in Russian).
12. Lyganov, A. V. 2013. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Alekseevskom, Spasskom, Menzelinskom i Rybno-Slobodskom rayonakh Respubliki Tatarstan v 2012 g. (Report on Archaeological Explorations in Alexeyevsky, Spassky, Menzelinsky and Rybno-Slobodsky Districts of the Republic of Tatarstan in 2012)*. Kazan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
13. Mirchink, G. F. 1932. In *Vestnik Akademii nauk SSSR (Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR)* 3. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 39–42 (in Russian).
14. Ososkov, P. A. 1914. *Predvaritel'noe soobshchenie ob otkrytii kladbishha kostey post-tretichnykh mlekoopitayushchikh v beregovom gravii na levom beregu Volgi mezdu g. Sengileem i s. Novodevich'im (Preliminary Report on the Discovery of a Burial of Post-Tertiary Mammal Bones in the Debris of the Left Volga Riverbank between the Town Sengiley and Novodevichy Village)*. Prilozhenie k protokolam Imperatorskogo Moskovskogo obshchestva ispytateley prirody (Appendix to Protocols of the Moscow Society of Naturalists). M: "Tipografiya tovarishhestva I.N. Kushnereva i K" (in Russian).

15. Panichkina, M. Z. 1953. In Rybakov, B. A. (ed.). *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* XVIII. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 232–264 (in Russian).
16. Polyakov, I. S. 1880. *Antropologicheskaya poezdka v Tsentral'nyu i Vostochnuyu Rossiyu (Anthropologic Journey to Central and Eastern Russia)* Prilozhenie k tomu XXXVII Zapisok Imperatorskoy Akademii Nauk (Appendix to Volume 37 of the Notes of the Imperial Academy of Sciences) 1. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
17. Semykin, Yu. A., Lediaikin, V. I. 2005. In Volodina, Yu. K. (ed.). Ul'ianovsk: "Korporatsiia tekhnologii prodvizheniia" Publ., 11–26 (in Russian).
18. Chizhevsky, A. A., Galimova, M. Sh., et al. 2011. In Galimova, M. Sh. (ed.). *Arkheologiya i estestvennye nauki Tatarstana (Archaeology and Natural Sciences of Tatarstan)* 4. Kazan: "Foliant" Publ., 336–367 (in Russian).
19. Yakovlev, D. I. 1928. In *Izvestiya Geologicheskogo komiteta (Proceedings of the Geological Committee)*. V. 47. no 5. Leningrad: "Geological Committee" Publ. 533–549 (in Russian).

About the Authors:

Galimova Madina Sh. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; mgalimova@yandex.ru

Berezina Natalia S. Candidate of Historical Sciences. Chuvash State Institute for Humanities. Moskovsky Av., 29, corp. 1, Cheboksary, 428015, Russian Federation; terra3@inbox.ru

Berezin Alexandr Yu. Chuvash State Institute for Humanities. Moskovsky Av., 29, corp. 1, Cheboksary, 428015, Russian Federation; terra3@inbox.ru

Статья поступила в номер 15.06.2018 г.

УДК 903.43: 550.3

<https://doi.org/10.24852/2018.3.25.30.44>

ГЕОФИЗИЧЕСКИЕ И ДИСТАНЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УКРЕПЛЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ УЛАК-1 В БАШКИРСКОМ ЗАУРАЛЬЕ: СООТНОШЕНИЕ ПОЛУЧЕННЫХ ДАННЫХ С РЕЗУЛЬТАТАМИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК

© 2018 г. И.И. Бахшиев, В.В. Носкевич, Р.Р. Насретдинов

В статье представлены результаты археологических раскопок, геофизических и дистанционных исследований на поселении бронзового века Улак-1 в Башкирском Зауралье. Системное использование неразрушающих методов (анализ ортофотопланов, геодезические работы, магнитная съемка) позволило конкретизировать структуру поселения и точно локализовать отдельные элементы. Всего выделено 27 жилищных впадин. Особенностью памятника является радиальное расположение основной части котлованов, в 1–2 ряда внутри обвалованной площадки. Сопоставление результатов магнитной съемки и археологических исследований, демонстрирует высокую степень близости полученных данных. Так, в пределах раскопа выявлены остатки четырех построек каркасно-столбового типа. Линия фортификации и стены-перемычки между двумя комплексами, зафиксированные в раскопе, полностью совпадают с данными магнитной съемки. Среди керамических находок наиболее представительна синташтинская посуда. Сопутствующие культурные группы представлены керамикой раннего и развитого этапов срубной культуры. Каменные артефакты – ударные, ударно-абразивные и терочные орудия из крупнозернистых пород. Проведенные исследования позволили авторам уверенно отнести поселение Улак-1 к синташтинско-аркаимскому кругу памятников, тем самым предоставив основание отодвинуть западную границу ареала традиции сооружения кругоплановых поселений на правобережье р. Урал к предгорьям и межгорным долинам хребта Ирэндик в Башкирском Зауралье.

Ключевые слова: археологическая геофизика, эпоха бронзы, Башкирское Зауралье, магнитная съемка, беспилотный летательный аппарат, синташтинская культурная группа.

Введение

В конце 70-х–90-е годы XX в. на Южном Урале были открыты укрепленные поселения с замкнутой системой обороны, сосредоточенные на достаточно компактной территории в 80000 км². К настоящему времени по результатам дешифрирования аэрофотоснимков открыто более 20 таких поселений, датируемых ранним этапом позднебронзового века Южного Урала (Зданович, Батанина, 2007). Поселения практически полностью находятся под землей. В течение многих лет на территории проводилась

распашка земли под посевные культуры. Архитектура ряда памятников почти полностью разрушена, жилищные впадины и грунтовые насыпи курганов распаханы, поэтому из-за больших размеров поселений (их поперечники могут достигать сотни метров) детальное их изучение возможно только геофизическими методами (см. напр.: Журбин, Федорина, 2017; Берсенева Н.А., Епимахов А.В., Носкевич В.В., Федорова Н.В., 2015).

Магнитная съемка – один из самых популярных методов в археологической геофизике. При наличии контра-

ста в магнитных свойствах археологических объектов и вмещающей их среды метод позволяет картировать фортификационные сооружения поселений, детализировать внутренний «интерьер», находить погребения и другие структуры в древних курганах. Успех применения геофизического обследования зависит от многих факторов, но чаще всего помехами при съемке оказываются свойства почвы. Известно, что магнитная восприимчивость обычного грунта составляет $(20-80) \times 10^{-5}$ ед. СИ. По результатам лабораторных исследований физических свойств образцов обожженной глины, взятых из раскопов в поселении Ольгино (Носкевич, Федорова, Муравьев, 2010), установлено, что их магнитная восприимчивость меняется от 280×10^{-5} до 400×10^{-5} ед. СИ. Близкие значения магнитной восприимчивости получены по результатам полевых измерений на раскопе того же поселения (Муравьев, Носкевич, Федорова, 2009). Таким образом, наблюдаемый при проведении съемки на поселенческих памятниках контраст магнитных свойств его отдельных составляющих может быть основанием для уверенного выделения магнитных аномалий от древних построек и их интерпретации. Чтобы минимизировать погрешности измерений, необходимо снизить влияние магнитных помех, создаваемых оператором и аппаратурой. Для этого были изготовлены подвижные платформы из немагнитного материала, на которых размещались блок аппаратуры для записи измерений и крепились датчики магнитометра. Аномалии магнитного поля, наблюдаемые на археологических объектах, в большинстве случаев очень сложны, что связано с рядом

причин (Breiner S., 1999; Bevan B.W., 2006). Поскольку источники, создающие аномалии, находятся неглубоко, они расположены близко к нижнему датчику магнитометра, подчеркивая экстремально сложную природу «ближнего поля» любого магнитного объекта. Часто очень ярко проявляется влияние почв, содержащих магнитные минералы, в основном, маггемит и магнетит. Первый из них образуется из немагнитных окислов железа вследствие деятельности человека (распашка, выпас скота, дороги); второй входит в группу самых устойчивых минералов и обычно присутствует в почве в больших количествах, чем другие минералы. Поверхностный магнетит под действием атмосферных осадков собирается в маленькие карманы, образуя скопления, являющиеся источниками магнитного шума. Влияние этих факторов существенно усложняет магнитные аномалии от археологических объектов, «затеняя» их на картах. Интерпретатору придется прибегать к приемам и методам, позволяющим исключить или уменьшить влияние помех, одним из которых является цифровая фильтрация данных измерений. Параметры фильтров подбираются в зависимости от цели исследований и известных особенностей археологического объекта.

Укрепленные поселения эпохи бронзы, являющиеся одним из маркеров носителей синташтинско-аркаимской культурной традиции, в восточных предгорьях хребта Урал-тау до определенного момента известны не были. В 1996 году на юго-востоке Башкортостана открыто укрепленное поселение Улак-1, по своим планировочным особенностям аналогичное памятникам синташтинско-

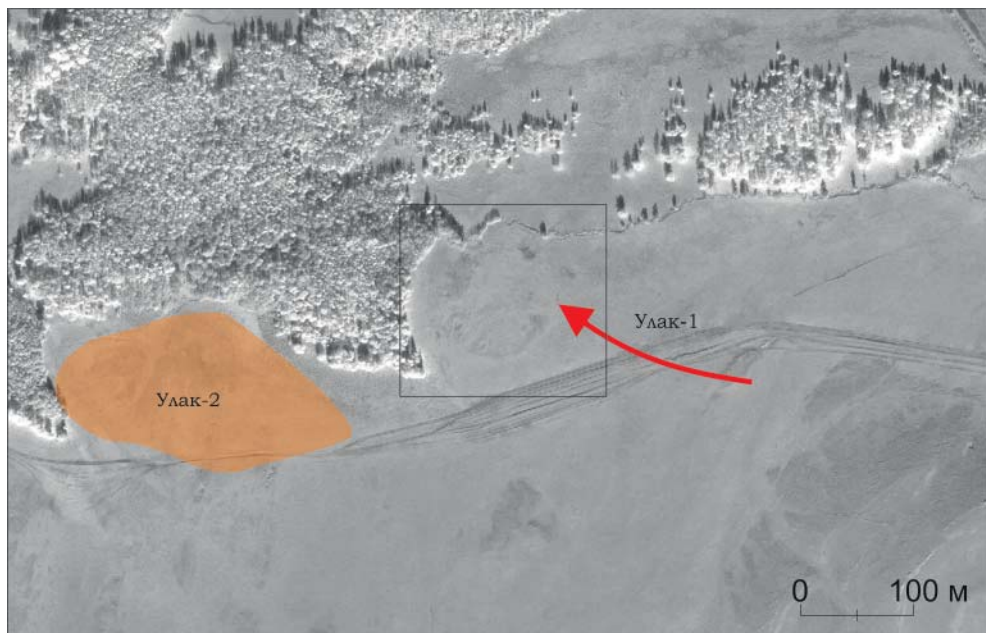

Рис. 1. Археологический комплекс эпохи бронзы Улак. Космоснимок.
Fig. 1. The Ulak archaeological complex of the Bronze Age. Space image.

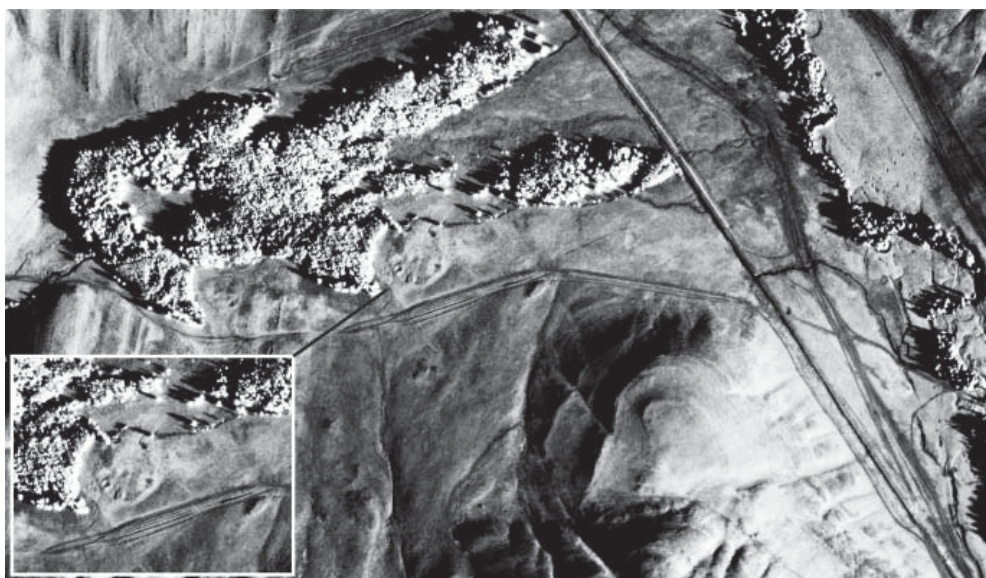

Рис. 2. Археологический комплекс эпохи бронзы Улак. Аэрофотоснимок.
Fig. 2. The Ulak archaeological complex of the Bronze Age. Aerophotograph.

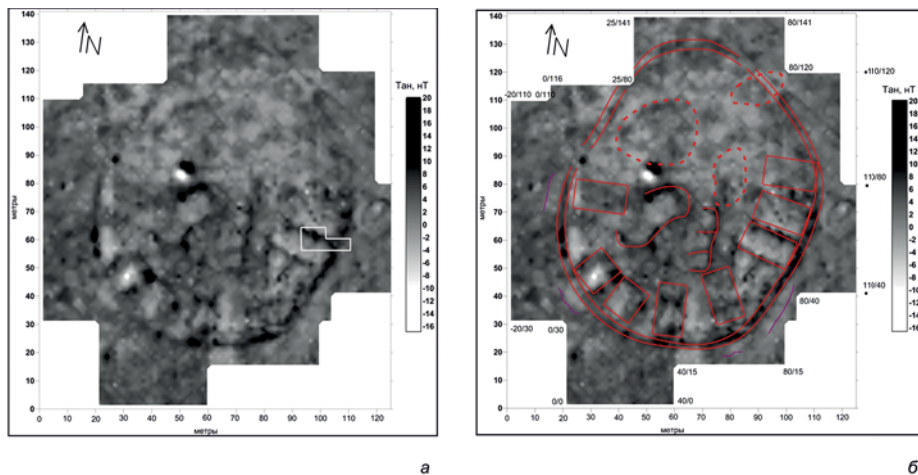

Рис. 3. Поселение Улак-1. а – карта аномального магнитного поля модуля полного вектора магнитной индукции с нанесенными границами раскопа 2015 г.; б – вариант реконструкции внутренней планировки поселения по результатам магнитной съемки.
 Fig. 3. Settlement Ulak-1. а – map of an abnormal component of the magnetic induction full vector module with the applied excavation boundaries of 2015; б – a version of the reconstruction of the internal layout of the settlement based on the results of the magnetic survey.

аркаимского круга на территории Челябинской и Оренбургской областей, – круговая планировка, наличие выраженного внешнего вала и радиальное расположение жилищных впадин. Улак-1 – первый памятник подобного рода в Зауральской Башкирии, а его расположение в предгорной зоне свидетельствует об освоении синташтинским населением правобережья р. Урал до межгорных долин Ирэндыка (рис. 1, 2).

В данной статье представлен опыт взаимодействия дистанционных, геофизических и археологических исследований в ходе комплексного изучения поселения эпохи бронзы Улак-1 в Башкирском Зауралье.

Общая характеристика памятника

Поселение расположено северо-западнее деревни Баишево Баймакского района Республики Башкортостан, на низкой пойменной террасе правого берега ручья Улак (правый приток

р. Бол. Уртазымка). Площадка хорошо задернована, никогда не распахивалась. Горные мысы, ограничивающие долину Улака и непосредственно примыкающие к поселению, имеют высоту от подножья около 30–50 м. Памятник фактически расположен в широком устье долины ручья Улак, совмещенной с глубоко вклинивающейся в массив Ирэндыка балкой р. Ургаза (Бол. Уртазымка). Памятник обнаружен еще в 1996 году. Тогда же было заложено два рекогносцировочных шурфа 2×2 м и снят план памятника (Савельев, Яминов, 2004). В 2003 году в восточной части памятника, за пределами обвалованной площадки, между валом и «канавой» заложена траншея 2×10 м, выявившая части слабоуглубленных в материковый грунт сооружений (Котов, 2004).

В 2002 г. на памятнике проведены электрометрические исследования на площади 2450 м² (рук. И.В. Журбин). Выявлено ок. 19 локальных аномалий,

предположительно вызванных археологическими объектами, отчетливо фиксирующихся при глубине зондирования 1 м (Журбин, 2002; 2005). В последующие годы археологические изыскания на памятнике не производились.

Для уточнения планировки памятника, локализации фортификационных сооружений и построек требовалась более детальная магнитная съемка. Она была проведена в 2015 г. сотрудниками Института геофизики УрО РАН (рук. В.В. Носкевич) на всей территории памятника, окруженной валом.

Методика проведения геофизических работ. Магнитная карта и реконструкция планировки

Для магнитной съемки использовался протонный магнитометр-градиентометр оверхаузеровского типа ММПГ-1 («Геологоразведка», Санкт-Петербург). Датчики располагались на высоте 0,32 м и 2 м от поверхности земли. Градиентометр был установлен на немагнитной подвижной платформе. Съемка проводилась с остановкой в каждой точке с расстоянием между профилями 1 м и расстоянием между точками вдоль профиля 0,5 м. Пикеты вдоль профилей были ориентированы на магнитный север. Перед съемкой была разбита сеть с квадратами 40×40 м. Магнитная карта аномального поля модуля полного вектора магнитной индукции строилась как разность между нижним и верхним датчиками.

В результате были получены карта аномального магнитного поля модуля полного вектора магнитной индукции укрепленного поселения Улак-1. На карте хорошо проявляется южная часть поселения. Элементы жилищ

внутри поселения выделяются положительными аномалиями. В северо-восточной части наблюдается линейная аномалия от оплывшей канавы, а в центре – аномалия, вызванная техногенным железом (черно-белые точки). Северная часть поселения сильно размыта предположительно из-за периодических разливов ручья в весенне-осенний период, который протекает почти вплотную к поселению, а также болота в западной части поселения. По магнитной карте уверенно определяется конфигурация внутренних структур (сооружений) южной части поселения, расположенных вдоль вала и вплотную примыкающих к нему короткой стороной (рис. 3).

Таким образом, была восстановлена планировка объекта, которая, как и на некоторых укрепленных поселениях синташтинско-аркаимовского типа Южного Зауралья, обусловлена круговым абрисом линии фортификации, в которую «вписаны» радиально расположенные блоки строений. Поселение согласно магнитной карте – круглоплановое (диаметр 100–110 м). Магнитные аномалии хорошо очерчивают линию фортификации практически на всем ее протяжении, за исключением размытой северной части. Ширина фортификационной линии достигает 4–5 метров и на карте показана как положительная аномалия. Внешний ров за стеной просматривается плохо, хотя в некоторых местах наблюдается как отрицательная аномалия. Размеры жилищ в южной части поселения колеблются от 10×10 м до 10×20 м.

Вероятно, памятник разновременный. На это указывают линейно расположенные овальные структуры (блоки строений) в центральной части

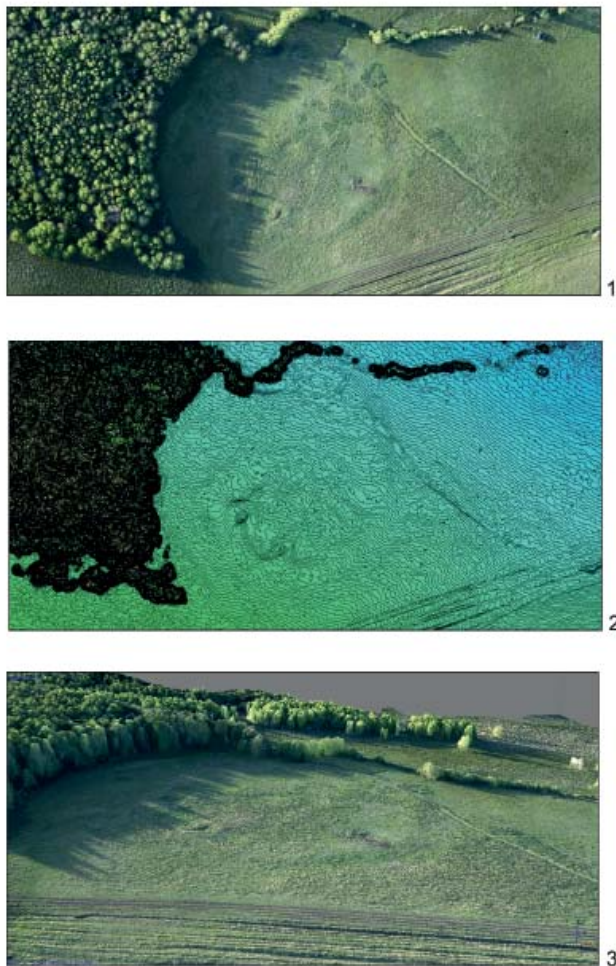

Рис. 4. Этапы обработки ортофотоплана и получение цифровой модели местности. 1 – ортофотоплан (разрешение 3,6 см); 2 – цифровая модель рельефа и топографический план памятника (сеч. 0,1 м); 3 – 3D модель площадки памятника.

Fig. 4. The stages of the orthophoto processing and obtaining a digital elevation model. 1 – orthophotomap (image resolution of 3.6 cm); 2 – digital elevation model and topographic plan of the site (section 0.1 m); 3 – 3D model of the site's area.

памятника, выбивающиеся из общей радиальной схемы.

Полученная геофизическими методами информация позволила не только восстановить структуру поселения в целом, но и сделать осознанный выбор участка раскопок (рис. 3: а). Полевые исследования, с одной стороны, подтвердили основные параметры реконструкции, а с другой – обнаружили некоторые несоответствия с визуально фиксируемыми на поверхности жилищными впадинами.

Дистанционные исследования (БПЛА) и геодезические работы

Отсутствие подробного и актуального инструментального плана памят-

ника, необходимость четкой привязки результатов магнитной съемки, раскопа и всех выявленных в нем объектов к серии опорных точек на площади поселения, стало основанием для проведения комплекса топографо-геодезических работ с получением следующих материалов:

- подробный инструментальный план памятника;
- ортофотоплан территории поселения высокого разрешения;
- микрорельеф памятника с целью обнаружения жилищных впадин (ЖВ).

Для получения ортофотоплана площадки памятника использован

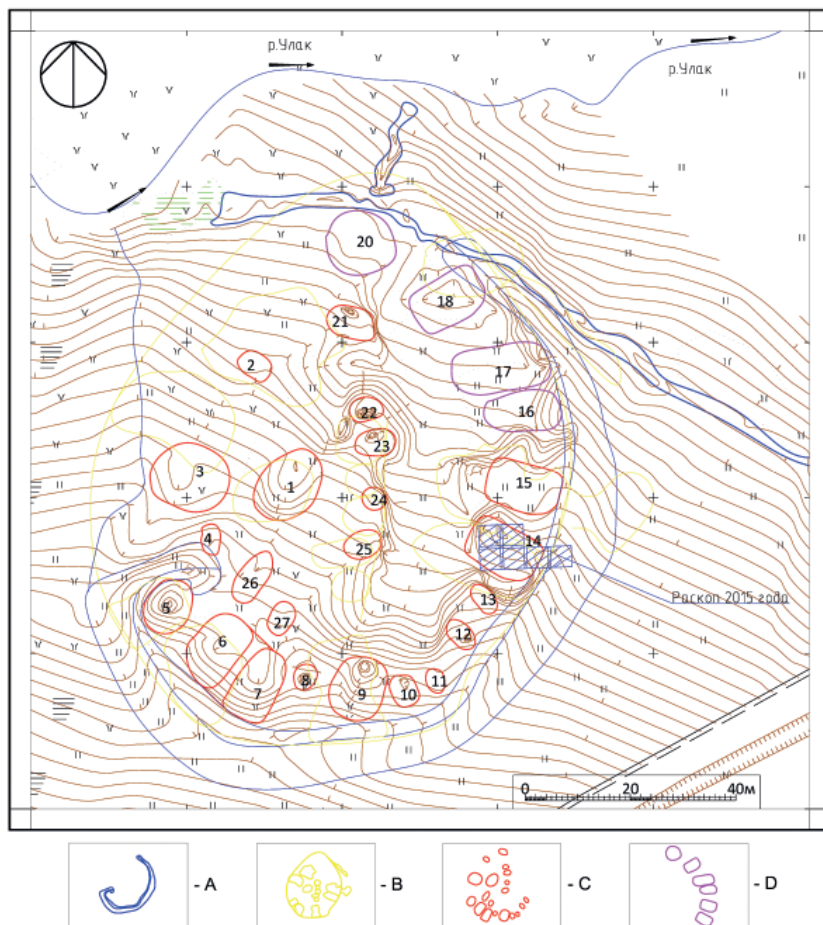

Рис. 5. Поселение Улак-1. Совмещенный план памятника (исходные параметры для анализа). А – контуры вала, рва, «канавы» по данным тахеометрической съемки; В – контуры жилищных впадин и вала по данным магнитной съемки; С – контуры жилищных впадин по данным тахеометрической съемки; D – контуры жилищных впадин по данным аэрофотосъемки.

Fig. 5. The Ulak-1 settlement. Combined plan of the site (input parameters for analysis). A – the outlines of the earthwork, moat, “ditch” according to the tacheometric survey data; B – the outlines of the dwelling hollows and the earthwork according to the magnetic survey data; C – the outlines of the dwelling hollows according to the tacheometric survey data; D – the outlines of the dwelling hollows according to aerial survey data.

профессиональный БПЛА «Supercam s250». Аппарат предназначен для ведения мониторинга территории в течение 2 часов, в радиусе 70 км и при высоте полета до 3 км. Съемка велась 1,5 ч на высоте 150 и 200 м. БПЛА выполнял перемещение по зигзагообразному маршруту с перекрытием до 70% предыдущего облета.

Полученные данные и их объемы:

1. Всего аппаратом снято 1676 снимков с разрешением 3,6 см, что позволяет определять на мониторе объекты размерами 3–5 см. Тем самым решена задача по точной фиксации отдельных камней и скоплений, фиксируемых на поверхности памятника, а также других выраженных

элементов (раскоп, «канавы», вал и пр.). В результате получен ортофотоплан территории памятника высокого разрешения в СК WGS-84 (рис. 4: 1).

2. Цифровая модель рельефа (ЦМР) с разрешением 4 см, плотностью 625 точек на м² и построенный на ее основе топографический план с сечением горизонталями от 5 м до 0,1 м (рис. 4: 2). Для фиксации на поверхности памятника жилищных впадин использован топографический план сечением горизонталей 0,1 м.

3. На основе ЦМР, а также фотографий с перекрытием до 70% получена 3D модель местности с текстурой на основе растрового ортофотоплана (рис. 4: 3).

Анализ микрорельефа территории поселения позволил проследить 17 жилищных котлованов, в том числе 6 впадин, практически не выраженных в рельефе. Ожидается хорошо фиксируются вал и «канавы».

Далее, для детального выделения жилищных впадин проведена геодезическая съемка памятника (электронный тахеометр Sokkia Set630R). Перед началом геодезической съемки осмотрены и определены на местности очертания визуально фиксируемых жилищных впадин (1–5, 20–25), а также зафиксированы впадины №№ 26 и 27, не обнаруженные предыдущими исследователями. Для выделения слабовыраженных в рельефе впадин №№ 16, 17, 18 и 19 проведена сплошная съемка.

Совмещение данных АФС, магнитной и геодезической съемок

Результаты совмещения данных магнитной и тахеометрической съемки представили следующую картину. Определенно на магнитной съемке выделяются впадины №№ 1, 5, 6, 9,

14, 15. Менее выражены котлованы №№ 2, 18, 22–25. По данным аэрофотосъемки (АФС) отчетливо «читались» впадины №№ 1, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 14, 15.

Визуально и по данным тахеометрической съемки четко прослеживается конфигурация вала, проявляющаяся полузамкнутой изолинией, шириной от 4 до 12 м. В целом выраженные в рельефе контуры вала подтверждаются данными магнитной съемки, т.е. вал – незамкнутый, прерывается Г-образным выступом у впадин №№ 4–5.

В то же время слабовыраженное продолжение вала к северу (в направлении реки), не фиксируемое визуально и на карте магнитных аномалий, прослеживается по данным тахеометрической съемки и АФС. Вероятно, нивелировка насыпи вала с окружающим ландшафтом произошла вследствие подтопления и размыва почвы тальми водами, либо антропогенными факторами.

Сопоставление полученных данных АФС, магнитной и геодезической съемок позволило установить точный состав и структуру поселения, физические размеры и местоположение объектов на общем плане памятника (рис. 5; см. таблицу).

Результаты раскопок 2015 г.

Раскоп (108 м²) был разбит с таким расчетом, чтобы максимально полно охватить впадину 14, перемычку – «стену», – отделяющую ее от впадины № 15, и площадку внутреннего основания вала, разрез которого произведен по линии 3–В (рис. 6). Кроме того, планировалось проверить фиксируемый на магнитной съемке участок смыкания двух выраженных подпрямоугольных структур сопо-

Таблица 1

Поселение Улак-1. Параметры жилищных впадин

№№ ЖВ	Размеры (м)	Глубина (м)	Площадь (м ²)
1	15×11	0,2	130,7
2	6,5×4,7	0,03	26,8
3	14,5×12,7	0,28	153,5
4(?)	5,9×3,6	0,1	17,64
5	10,6×8,5	0,3	73,5
6	14,3×9	0,23	115,7
7	14,1×8,2	0,21	107,4
8	4,3×5,1	0,31	12
9	12,4×10	0,78	105,4
10	6,3×5	0,21	26,4
11	4,9×3,5	0,11	13,3
12	6,7×3,9	0,4	21,4
13	6,3×3,6	0,16	18,8
14	14,2×9	0,7	119,7
15	14,2×9,3	0,04	119
16	14,9×7,7	0,08	95,85
17	18,7×8,7	0,13	148,97
18	14,2×9,1	0,12	119,69
19	Не выделена		
20	12,2×13,5	0,07	128,4
21	9,7×6	0,16	47,4
22	6,4×4,5	0,04	23,49
23	7,9×5	0,03	32,3
24	4,4×4,8	0,03	15,9
25	7,2×5,1	0,05	30,3
26	11×5,1	0,15	47,1
27	6,5×4,5	0,06	24,5

ставимых с выраженными на поверхности жилищными впадинами 14–15 (рис. 3: а; б).

Артефактный набор традиционного состоит из фрагментов керамики, остеологического материала, каменных орудий. Основной керамический комплекс достаточно однородный – сосуды синташтинского облика. Кроме того, хорошо вычлняется коллекция керамики раннего и развитого этапов срубной культуры. Алакульский и раннеалакульский компоненты представлены в материалах раскопок единичными фрагментами, хотя алакульский керамический комплекс достаточно выражен на поселениях региона (Алаева, 2014; Бахшиев, 2014;

Бахшиев И., Бахшиев Р., 2014, с. 41; Петров, Куприянова, 2016, с. 127).

На уровне материка, зафиксировано 220 столбовых ям (!), конфигурация расположения которых и их основные параметры свидетельствуют о нахождении в пределах исследуемой территории остатков четырех наземных сооружений каркасно-столбового типа. Объекты 1–3 прямоугольной в плане формы. Вытянуты по линии СЗ–ЮВ, располагаются параллельно друг другу и примыкают коротким ЮВ-м краем к валу. Следы объекта 4 зафиксированы в СЗ-м углу раскопа. Представлены многочисленными столбовыми ямами небольших размеров, образующими, тем не менее,

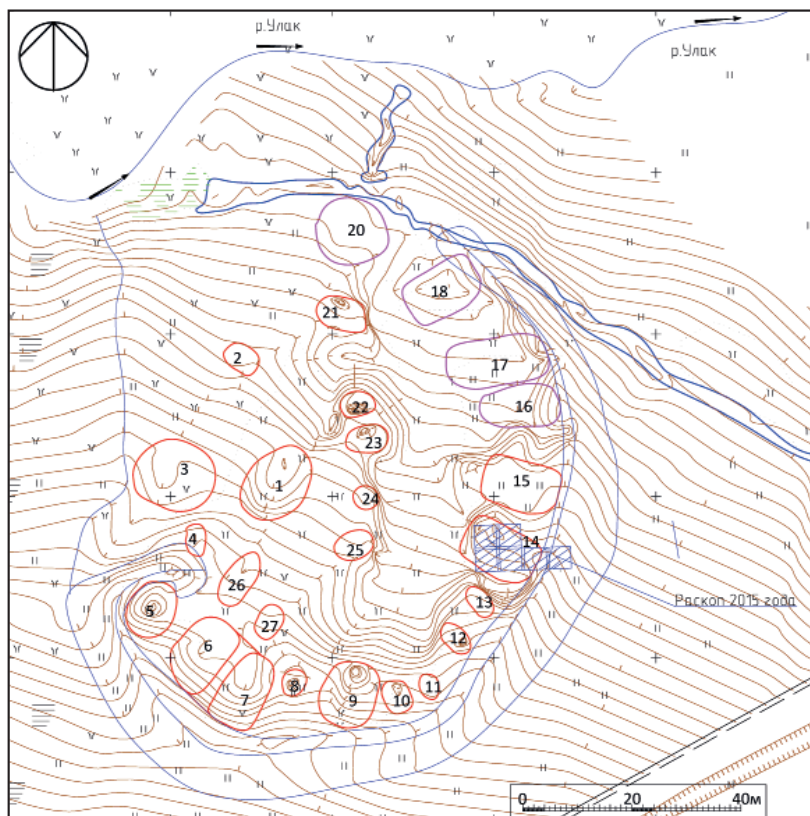

Рис. 6. Поселение Улак-1. План памятника.
 Fig. 6. The Ulak-1 settlement. The plan of the site.

прямоугольную конфигурацию. Как и предыдущие структуры, объект 4 ориентирован по направлению СЗ–ЮВ (рис. 7).

Обращает внимание отсутствие протяженных участков погребенной почвы, указывающее на активную хозяйственную деятельность в пределах исследованной территории поселения. Зафиксированные следы объекта 4 позволяют лишь предполагать возможную вторую радиальную линию хозяйственно-жилищных комплексов. В глаза бросается свободное пространство, разделяющее линию объектов 1–2, 4 и объект 3.

Все сооружения небольшие. Реконструируемые параметры: 2,8–3×4,8–6 м.

На уровне материкового грунта расчищено основание южной стенки объекта 1, представленное забутовкой плотным однородным сероземом траншеи протяженностью 4,2–4,5 м, шириной 0,4–0,5 (1,5) м и глубиной в подстилающий грунт – 0,1–0,15 м. Кроме того, забутовка возвышается над уровнем материка на 0,12–0,16 м. Таким образом, мощность «фундамента» стены составляет ок. 0,2–0,3 м. Археологический материал в слое уплотненного серозема отсутствует. Судя по его монолитной структуре, рассматриваемый архитектурный элемент сформирован одномоментно. Надежно диагностируемых следов последующих перестроений/разрушений не выявлено.

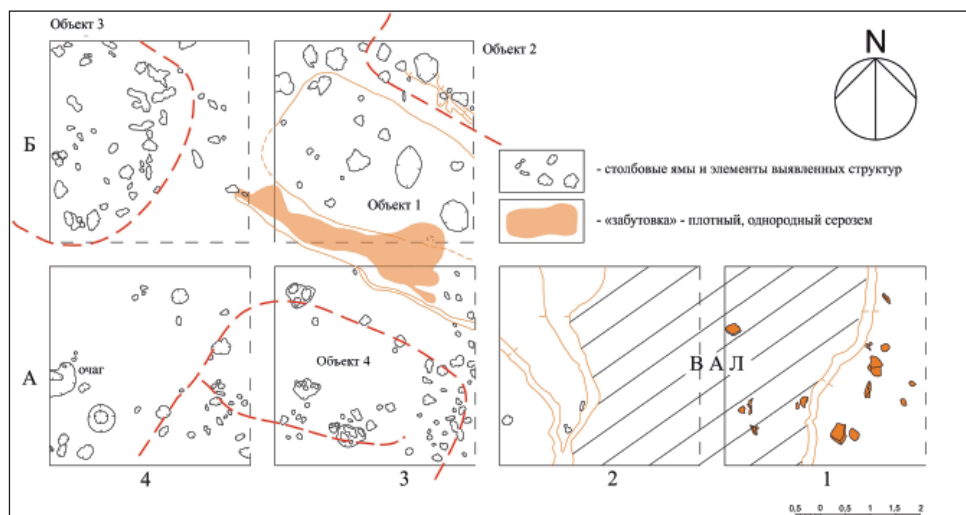

Рис. 7. Поселение Улак-1. План раскопа (2015 г.).
Выявленные объекты на уровне материкового грунта.

Fig. 7. The Ulak-1 settlement. The plan of the excavation site in 2015.
Identified objects at the level of the continental ground.

Зафиксированная архитектурно-строительная традиция не характерна для поселений эпохи бронзы Зауральской Башкирии. Еще одна очевидная особенность выявленного комплекса – полное соответствие расчищенного основания стены с зафиксированной на магнитной карте стенкой-перемычкой между двумя структурами (условными впадинами 14 и 15) (рис. 8).

Исследованный участок вала показал, что его ширина в основании – 5,5–6 м, а сохранившаяся высота – 0,4–0,5 м. Литогенная структура – монолитная, плотная, практически стерильная, что позволяет предполагать его сооружение, как, впрочем, и забутовку основания стены объекта 1, в относительно короткий срок. Расположение камней крупных и средних размеров в основании вала свидетельствует о попытках укрепления сооружения для предотвращения расползания. Зафиксированные в раскопе параметры и локализация линии

фортификации полностью совпадают с данными магнитной съемки.

Заключение

Таким образом, синтез данных, полученных при АФС, магнитной и геодезической съемках, позволил уточнить конструктивные особенности памятника, определить физические характеристики каждого элемента. Полученная геофизическими методами информация сделала возможным не только восстановить структуру поселения в целом, но и отказаться от «слепого» выбора участка раскопок. Полевые исследования, с одной стороны, подтвердили основные параметры реконструкции, а с другой – выявили некоторые отличия. Так, обнаружилось несоответствия в облике магнитных карт и археологических элементов на исследованном участке (объекты 1–4). Одновременно с этим все же стоит признать, что выявленные в раскопе объекты – легкие сооружения каркасно-столбового типа,

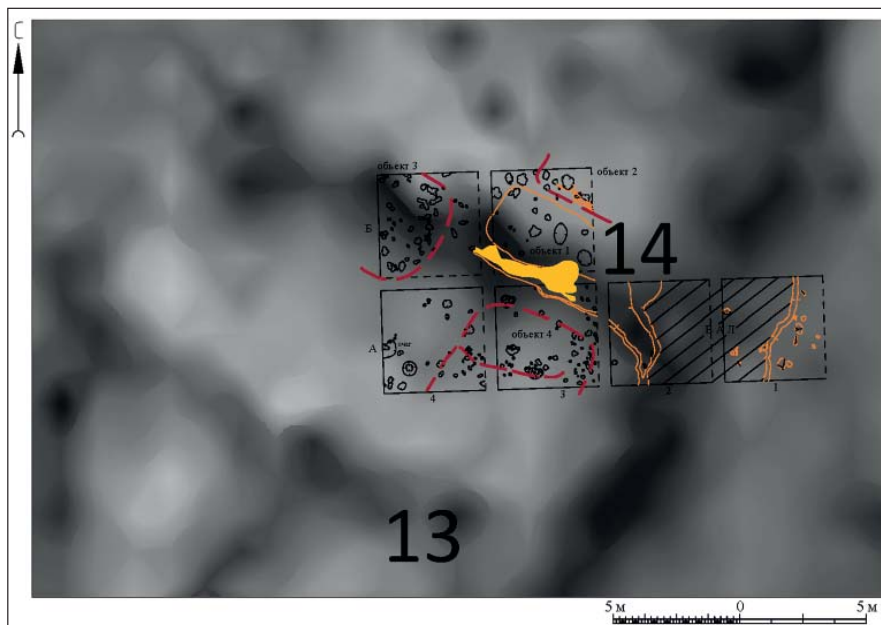

Рис. 8. Соотношение выявленной по результатам магнитной съемки структуры (14) и археологических объектов в раскопе 2015 г.

Fig. 8. The correlation of the structure (№14) revealed by the results of the magnetic survey and archaeological objects in the excavation in 2015.

более напоминают некие детали интерьера, либо отдельные элементы хозяйственно-жилищных комплексов. В перспективе для полноценной проверки данных магнитной съемки необходимо исследовать все пространство зафиксированной на магнитной карте структуры, сопоставимой с впадиной 14. Во всяком случае, совпадение ключевых элементов – основание стены-перемычки между двумя комплексами (усл. 14–15) и локализация вала, – весьма интригующе (рис. 8).

Геофизические исследования выявили новые важные детали внутрен-

него строения поселения и значительно расширили знания об архитектуре древних памятников, дали возможность реконструировать планировку без разрушения культурного слоя. В целом результаты геофизических и археологических исследований показали высокую степень близости. Опробованный на поселении Улак-1 комплекс неразрушающих методов указывает на относительную его универсальность при изучении поселенческих систем на открытых пространствах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алаева И.П. Специфика керамического комплекса позднего бронзового века степной части Южного Зауралья // КСИА. 2014. № 233. С. 33–45.
2. Бахшиев И.И. Поселения эпохи поздней бронзы Башкирского Зауралья // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона: вопросы хронологии, периодизации, историографии. Материалы международной

научной конференции / отв. ред. П.Ф. Кузнецов. Самара, 12–14 мая 2014 г. Самара: ПГСГА, 2014. С. 11–24.

3. *Бахшиев И.И., Бахшиев Р.И.* Структура расселения и модели организации жизненного пространства древнего населения Башкирского Зауралья (анализ пространственных данных) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 2(25). С. 40–53.

4. *Берсенева Н.А., Епимахов А.В., Носкевич В.В., Федорова Н.В.* Возможности синтеза геофизической и археологической информации при интерпретации результатов раскопок (на примере поселения бронзового века Каменный Амбар) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 1 (28). С. 4–14.

5. *Журбин И.В.* Методика и технология геофизических исследований при сохранении и музеефикации памятников археологии // Круг идей: алгоритмы и технологии исторической информатики. Труды IX конференции Ассоциации «История и компьютер» / Ред. Л.И. Бородин, В.Н. Владимиров. М., 2005. С. 223–240. URL: <http://aik-sng.ru/text/krug/2005/223-240.pdf> (дата обращения: 07.02.2018 г.).

6. *Журбин И.В.* Отчет по научно-исследовательской работе по теме: «Разработка методики электрометрических исследований и проведение измерений на территории городища Улак I». Ижевск, 2002 // Архив ГБУ НПЦ.

7. *Журбин И.В., Федорова А.Н.* Комплексные геофизические исследования поселений Суздальского Ополя // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. № 2. С. 62–70.

8. *Зданович Г.Б., Батанина И.М.* Аркаим – Страна городов: Пространство и образы. Челябинск: Крокос, 2007. 260 с.

9. *Котов В.Г.* Научный отчет о разведочном обследовании в Баймакском, Бурзанском, Мелеузовском и Кугарчинском районах Республики Башкортостан в 2003 г. Уфа, 2004 // Архив ГБУ НПЦ. б/н.

10. *Муравьев Л.А., Носкевич В.В., Федорова Н.В.* Результаты магнитометрических исследований археологических памятников эпохи бронзы на Южном Урале // Уральский геофизический вестник. 2009. № 1(14). С. 44–49.

11. *Носкевич В.В., Федорова Н.В., Муравьев Л.А.* Использование магнитометрии при изучении археологических памятников эпохи бронзы на Южном Урале // Геофизика. 2010. № 4. С. 69–75.

12. *Петров Ф.Н., Куприянова Е.В.* Поселения эпохи бронзы в Аркаимской долине: по результатам разведочных исследований 1997–2015 гг. М.: Московский областной общественный фонд «Наследие», 2016. 148 с.

13. *Савельев Н.С., Яминов А.Ф.* Улак-1 – новое укрепленное поселение эпохи бронзы в Башкирском Зауралье. // Народы Южного Урала и их соседи в древности и в средневековье. Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию крупного археолога-историка и общественного деятеля, член-корреспондента АН РБ, профессора Н.А. Мажитова / Отв. ред. М.М. Кульшарипов. Уфа: БашГУ, 2004. С. 204–218.

14. Bevan B.W. Understand magnetic maps. Geosight. 2006. URL: https://www.researchgate.net/publication/272487686_Understand_magnetic_maps (дата обращения: 07.02.2018 г.).

15. Breiner S. Applications manual for portable magnetometers. San Jose Geometrics, 1999. 58 p.

Информация об авторах:

Бахшиев Илшат Интизам оглы, кандидат исторических наук, заведующий отделом, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа, Россия); ibahsh@gmail.com

Носкевич Владислав Витальевич, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник, Институт геофизики им. Ю.П. Булашевича УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия); ubistu@gmail.com

Насретдинов Рамиль Ринатович, научный сотрудник, Научно-производственный центр по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия Республики Башкортостан (г. Уфа, Россия); ramil.st02@gmail.com

GEOPHYSICAL AND REMOTE STUDIES OF THE ULAK-1 FORTIFIED SETTLEMENT OF THE BRONZE AGE IN BASHKIR TRANS-URALS: THE CORRELATION OF THE OBTAINED DATA WITH THE RESULTS OF THE ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS

I.I. Bakhshiev, V.V. Noskevich, R.R. Nasretdinov

The article presents the results of the archaeological excavations, geophysical and remote studies at the Ulak-1 settlement of the Bronze Age in Bashkir Trans-Urals. System usage of non-destructive methods (the analysis of the orthophotomaps, geodetic work, magnetometer survey) allowed to specify the structure of the settlement and to precisely localize individual elements. Altogether 27 dwelling hollows were identified. The peculiarity of the site is a radial location of the main part of dwelling hollows in the 1–2 rows inside the dyked area of the settlement. Comparison of the results of magnetic survey and archaeological studies demonstrates the high degree of proximity of the acquired data. Remains of four buildings of frame and pillar type were identified inside the excavation area. Constructions located with side walls to each other, the short southeastern wall adjoined to the base of the earthworks. Recorded in the excavation parameters and the localization of the fortification line, as well as the walls between the two complexes (No. 14-15) completely coincide with the magnetic survey data. The ceramic complex from the site characterized by the sufficient representative series of sintashta ceramics. Accompanying cultural groups were represented by vessels of the early and advanced stages of srubnaya culture. The collection of stone artifacts includes grindstones, striking and chopping tools made of coarse-grained rocks. The conducted researches made it possible to obtain objective data on the structure and composition of the cultural layer and reliably relate the settlement of Ulak-1 to the Sintashta-Arkaim circle of sites. Thus, providing the foundation to move the western border of the distribution area of the tradition of the circular settlements construction to the right bank of the Ural River to the foothills and intermountain valleys of the Irendyk ridge in the Bashkir Trans-Ural region.

Keywords: the Bronze Age, Bashkir Trans-Ural region, archaeological geophysics, magnetic observation, drone, sintashta cultural group.

REFERENCES

1. Alaeva, I. P. 2014. In *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 233, 33–45 (in Russian)
2. Bakhshiev, I. I. 2014. In Kuznecov, P.F. (ed.). *Protsess kul'turogeneza nachal'noy pory pozdnego bronzovogo veka Volgo-Ural'skogo regiona: voprosy khronologii, periodizatsii, istoriografii. (The Process of Cultural genesis at the Early Stage of the Late Bronze Age in the Volga-Ural Region: Issue of Chronology, Periodization and Historiography)*. Samara: Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, 11–24 (in Russian).
3. Bakhshiev, I. I., Bakhshiev, R. I. 2014. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 25 (2), 40–53 (in Russian).
4. Berseneva, N. A., Epimakhov, A. V., Noskevich, V. V., Fedorova, N. V. 2015. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 28 (1), 4–14 (in Russian).

5. Zhurbin, I. V. 2005. In Borodkin, L. I., Vladimirov V. N. (ed.). *Krug idey: algoritmy i tekhnologii istoricheskoy informatiki. Trudy IX konferentsii Assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter» (The Circle of Ideas: Algorithms and Technologies of Historical Informatics)*. Moscow. 223–240. Available at: <http://aik-sng.ru/text/krug/2005/223-240.pdf> (accessed: 07.02.2018 г.). (in Russian).
6. Zhurbin, I. V. 2002. *Otchet po nauchno-issledovatel'skoy rabote po teme: «Razrabotka metodiki elektrometricheskikh issledovaniy i provedenie izmereniy na territorii gorodishha Ulak I».* (Report on Research Work on the Topic: “Development of the Methodology for Electrometric studies and Measurements at the Site of Ulak I Settlement”). Izhevsk. The Archive of the Archaeological Research Department of the State Budgetary Institution of Culture at the Scientific and Production Centre for the Protection and Use of Immovable Cultural Heritage of the Republic of Bashkortostan (in Russian).
7. Zhurbin, I. V., Fedorina, A. N. 2017. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 2, 62–70 (in Russian).
8. Zdanovich, G. B., Batanina, I. M. 2007. *Arkaim – Strana gorodov: Prostranstvo i obrazy (Arkaim – Country of Towns: Space and Images)*. Chelyabinsk: “Krokus” Publ. (in Russian).
9. Kotov, V. G. 2004. *Nauchnyy otchet o razvedochnom obsledovanii v Baymakskom, Burzanskom, Meleuzovskom i Kugarchinskom rayonakh Respubliki Bashkortostan v 2003 g.* (Scientific Report on Archaeological Works in Bajmaksky, Burzansky, Meleuzovsky and Kugarchinsky Districts of the Republic of Bashkortostan in 2003). Ufa. Archive of the Archaeological Research Department of the State Budgetary Institution of Culture at the Scientific and Production Centre for the Protection and Use of Immovable Cultural Heritage of the Republic of Bashkortostan (in Russian).
10. Murav'ev, L. A., Noskevich, V. V., Fedorova, N. V. 2009. In *Ural'skiy geofizicheskiy vestnik (Ural Geophysical Journal)* 1(14), 44–49 (in Russian).
11. Noskevich, V. V., Fedorova, N. V., Murav'ev, L. A. 2010. In *Geofizika (Russian Geophysics)* 4, 69–75 (in Russian).
12. Petrov, F. N., Kupriyanova, E. V. 2016. *Poseleniya epokhi bronzy v Arkaimskoy doline: po rezul'tatam razvedochnykh issledovaniy 1997–2015 gg (Settlements of the Bronze Age in the Arkaim Valley: Based on the Results of Reconnaissance Studies in 1997–2015)*. Moscow: “Nasledie” Publ. (in Russian).
13. Savel'ev, N. S., Yaminov, A. F. 2004. In Kulsharipov, M. M. (ed.). *Narody Yuzhnogo Urala i ikh sosedi v drevnosti i v srednevekov'e. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 70-letiyu krupnogo arkhologa-istorika i obshchestvennogo deyatelya, chlen-korrespondenta AN RB, professora N.A. Mazhitova (Peoples of the South Urals and their Neighbors in Antiquity and the Middle Ages)*. Ufa: Bashkir State University, 204–218 (in Russian).
14. Bevan B.W. 2006. In *Geosight*. URL: https://www.researchgate.net/publication/272487686_Understand_magnetic_maps (дата обращения: 07.02.2018 г.).
15. Breiner S. 1998. Applications manual for portable magnetometers. San Jose Geometrics.

About the Authors:

Bakhshiev Ilshat I. Candidate of Historical Sciences. R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Karl Marx St., 6, Ufa, 450077, Russian Federation; ibahsh@gmail.com

Noskevich Vladislav V. Candidate of Physico-Mathematic Sciences, Institute of Geophysics, UB RAS 100, Amundsen str., Ekaterinburg, 620016, Russian Federation; ubistu@gmail.com

Nasretdinov Ramil R. Research and Production Center for the Protection and Use of Immovable Cultural Heritage Objects of the Republic of Bashkortostan. Chernyshevsky st. 47, Ufa, 450076, Russian Federation; ramil.st02@gmail.com

Статья поступила в номер 05.06.2018 г.

**ПРОБЛЕМАТИКА ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ
ЭКСПОНИРОВАННЫХ КУЛЬТУРНЫХ СЛОЕВ ДЛИТЕЛЬНОГО
ПОСТСЕЛИТЕБНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ
РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)¹**

© 2018 г. А.А. Гольева, И.А. Шутелева, Н.Б. Щербаков

Авторами статьи рассматривается проблема выявления особенностей почвообразования на культурных слоях развитого позднего бронзового века XIX–XVII вв. до н.э. Южного Приуралья после ухода населения этих поселенческих памятников, датированных следующими периодами: 1930–1750 BC; 1890–1740 BC; 2830–2820 BC; 1875–1840 BC; 1820–1795 BC; 1780–1685 BC; 1670–1665 BC (Beta Analytic – 347344, 347343, 352489, 395800). Рассматриваемые памятники моногенетичны, расположены в среднем течении реки Уршак, с ее притоком рекой Белый Ключ. Эти поселения были оставлены населением срубной и алакульской культурных общностей. Авторы делают вывод о том, что культурные слои данных поселений являются экспонированными, то есть длительность процессов почвообразования и преобразования на них составляет более 3,5 тысяч лет.

Ключевые слова: археология, почвоведение, поздний бронзовый век, Южное Приуралье, срубная и алакульская культурные общности, устойчивость признаков.

Археологические памятники классического позднего бронзового века Южного Приуралья (Башкирского Приуралья) имеют значительные отличия от однокультурных и одновременных памятников сопредельных территорий. Башкирское Приуралье явилось контактной зоной, на которой пересеклись миграционные потоки представителей срубной и алакульской археологических общностей.

Наиболее ярко это взаимодействие проявилось на территории Казбуруновского погребально-поселенческого комплекса (Казбуруновского археологического микрорайона), где была зафиксирована высокая концентрация памятников археологии позднего бронзового века и раннего

железного века. На этой территории находится группа из 7 поселений, 8 курганных могильников (в общей сложности 72 курганных насыпи) и 3 одиночных кургана. Исследования, проводимые на территории микрорайона с 2015 по 2017 г. позволили из всего массива археологических памятников выделить семь поселений и три курганных могильника, которые относятся к периоду развитого (классического) позднего бронзового века. Все эти памятники археологии расположены в среднем течении реки Уршак, в которую в южной части археологического микрорайона впадает река Белый Ключ. Общая протяженность микрорайона составляет 12 км (рис. 1). Район археологических ис-

¹ Статья публикуется при поддержке госзадания по ГП 0148-2016-0003.

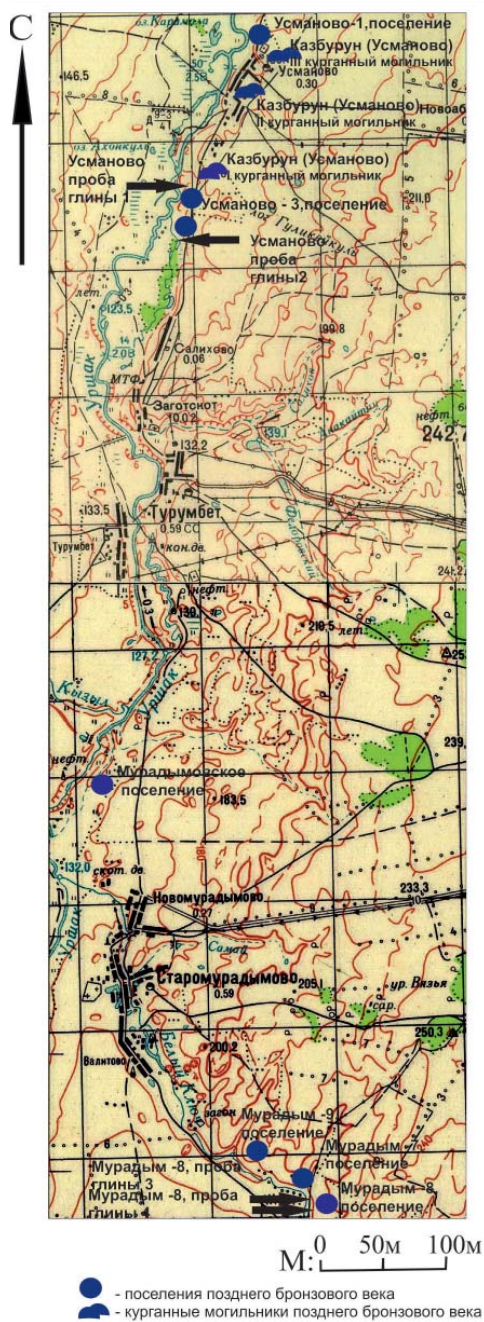

Рис. 1. Карта расположения исследованных памятников.

Fig. 1. Map of investigated sites.

следований характеризуется луговыми степями, остепненными лугами с ковылем красивейшим, ковылем перистым, ковылем узколистным, мятликом узколистным, типчаком, полынью сизой, полынью австрийской, подмаренником настоящим в сочетании с липово-снытевыми и дубово-коротконожковыми лесами, а также пашней на их месте (Атлас Республики Башкортостан). Все памятники археологического микрорайона расположены в сходных топографических условиях – по берегу рек Уршак и Белый Ключ, в местах их расположения находятся выходы карста, карстовые воронки, выходы гипса и карбонатов.

Проведенное радиоуглеродное датирование вышеназванных объектов показало, что время функционирования поселенческих и погребальных памятников микрорайона практически совпадает. Данный факт говорит о том, что они одновременны; это, в свою очередь, позволяет объединить результаты интердисциплинарных (естественнонаучных) исследований могильников и поселений в единую систему, а также сделать вывод о том, что вся речная долина среднего течения реки Уршак и реки Белый Ключ была заселена в одно время и функционировала внутри одного хронологического горизонта (табл. 1) (Shutleva et al, 2014, p. 152; Shcherbakov, 2014, p. 38–39; Щербаков и др., 2017, с. 164). Важным является и то обстоятельство, что данная территория была покинута населением практически в одно и то же время. Это делает возможным проводить сравнительный анализ сохранности свойств созданных в тот период культурных слоев.

Люди в процессе жизнедеятельности осваивали и преобразовывали

Таблица 1

Результаты радиоуглеродного анализа (^{14}C) и результаты изотопных анализов ($\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$) материалов Казбуруновского погребально-поселенческого комплекса Южного Приуралья

Site, year	Sample	Lab code	Measured Radiocarbon Age	$^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ Ratio	Conventional Radiocarbon Age	Lab code	Sample	$\delta^{13}\text{C}$	$\delta^{15}\text{N}$	Age (cal BC) 95%
Казбуруновский I курганный могильник 2009, курган №4, погребение №1	зуб	Beta – 347344	3420±30 BP	-19,7 ‰	3520±30 BP	Beta – 439417	кость		11,0 ‰	1780-1630 BCE
Казбуруновский I курганный могильник 2009, курган №4, погребение №1	кость	Beta-451579	3440 +/-30 BP	-19,3			кость	-19,3	10,7	1875 - 1665 BCE
Казбуруновский I курганный могильник, 2014 курган №23, погребение №4 (левое).	зуб	Beta – 395800	3340±30 BP	-19,7 ‰	3440±30 BP					1690-1520 BCE
Казбуруновский I курганный могильник 2014, курган №23, погребение №4 (left)	кость	Ua-56446	3407 +/-30 BP	-19,4			кость	-19,4	12,1	1745 - 1620 BCE
Казбуруновский I курганный могильник 2014, курган №23, погребение №5	кость					Beta-439415	кость	-19,7 ‰	10,6 ‰	
Казбуруновский I курганный могильник 2014, курган №23, погребение №4 (правое)	кость	Ua-56447	3422 +/-30 BP	-19,3			кость	-19,3	12,6	1755 - 1630 BCE
Казбуруновский I курганный могильник 2014, курган №23, погребение №3	кость					Beta-439416	кость	-19,0 ‰	10,7 ‰	

Казбуруновский I курганный могильник 2014, курган №23, погребение №2 (ребенок)	кость								кость	-19,4 о/оо	11,2 о/оо	
Казбуруновский I курганный могильник 2014, курган №23, погребение №2 (ребенок)	кость	Ua-56444	3415 +/-31 BP	-19,3					кость	-19,3	12,6	1750 - 1620 BCE
Казбуруновский I курганный могильник 2009 курган №4, погребение №2 (ребенок)	кость	Beta-451578	3360 +/- 30 BP	-19,3					кость	-19,3	10,8	1735 - 1565 BCE
Казбуруновский I курганный могильник 2004, курган №5, погребение №1	кость	Beta-451577	3410 +/-30 BP	-19,6					кость	-19,6	10,7	1765 - 1630 BCE
Казбуруновский I курганный могильник 2014, курган №23, погребение №3	кость	Ua-56445	3459 +/-30 BP	-19,2					кость	-19,2	12,2	1880 - 1690 BCE
Казбуруновский I курганный могильник 2014, курган №23, погребение №5	кость	Ua-56448	3479 +/-30 BP	-19,4					кость	-19,4	11,9	1880 - 1690 BCE
Казбуруновский I курганный могильник 2014, курган №23, погребение №6	кость	Ua-56449	3401 +/-29 BP	-19,7					кость	-19,7	12,5	1745 - 1620 BCE
Усманово – III поселение, 2013	керамика (крупно-зернистая органика)	Beta – 352489	4130±30 BP	-30.7 о/оо			4040±30 BP					

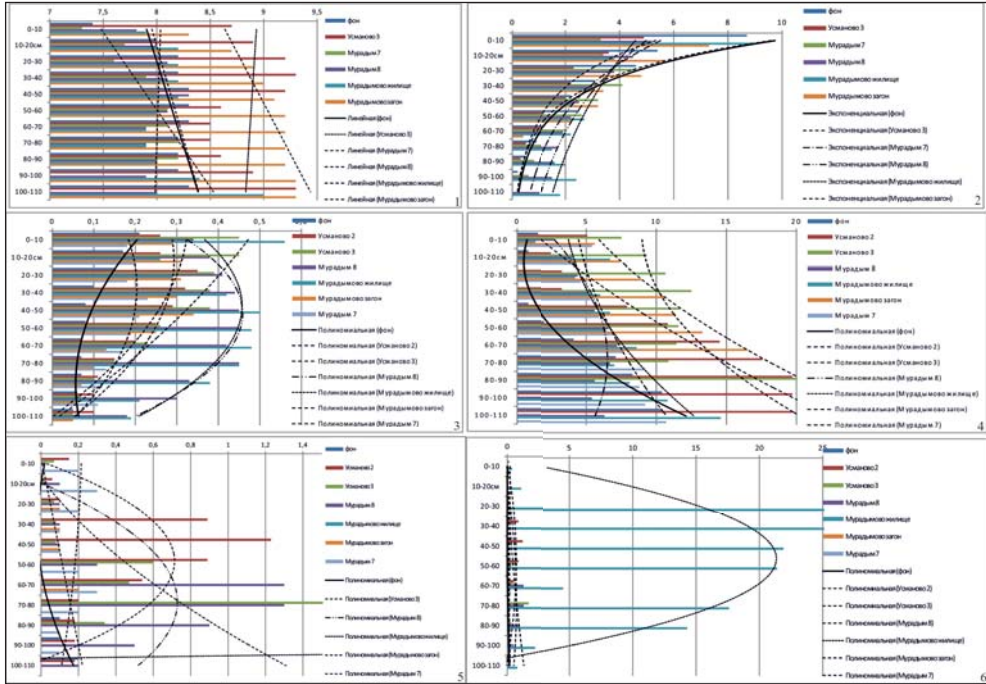

Рис. 2. Тренды химических свойств культурных слоев поселений: 1 – $pH_{\text{водн}}$; 2 – $C_{\text{орг}}$, %; 3 – валовой фосфор, %; 4 – CO_2 (карбонаты), %; 5 – SO_4 (гипс), % без учета тренда Мурадымово жилище; 6 – SO_4 (гипс) для всех объектов. Сравнительный тренд фоновой почвы выделен сплошной черной линией.

Fig. 2. Trends in the chemical properties of settlement cultural layers: 1 – pH_{Water} ; 2 – organic copper, %; 3 – gross phosphorus, %; 4 – CO_2 (carbonates), %; 5 – SO_4 (gypsum), % excluding Muradymovo dwelling; 6 – SO_4 (gypsum) for all the sites. The comparative trend of background soil is indicated with a solid black line.

ландшафты, в первую очередь, почвы, растительный и животный мир. Уход населения ознаменовывал снятие антропогенного прессинга, восстановление природных факторов развития ландшафта, то есть со временем восстанавливался растительный покров, возвращались животные, начинали действовать процессы естественного почвообразования.

Если культурный слой поселения не перекрывался каким-либо наносом, то есть оставался экспонированным (поверхностным), то он должен меняться, поскольку фактор, его создавший, исчез. И чем дольше по времени действуют только природные факто-

ры, тем сильнее эти изменения могут быть выражены. В связи с этим возникает закономерный вопрос – насколько интенсивны эти изменения, все ли свойства исходного культурного слоя меняются одновременно или есть более устойчивые признаки? Какова мощность преобразованной почвенной толщи? Это серьезная проблема, напрямую связанная с корректностью палеоэкологических реконструкций.

Работ, посвященных вопросам сохранности свойств экспонированных культурных слоев, немного. Так, в статье А.А. Гольевой с соавторами (Golyeva et al., 2015, p. 22–27) приводится сравнение устойчивости свойств экс-

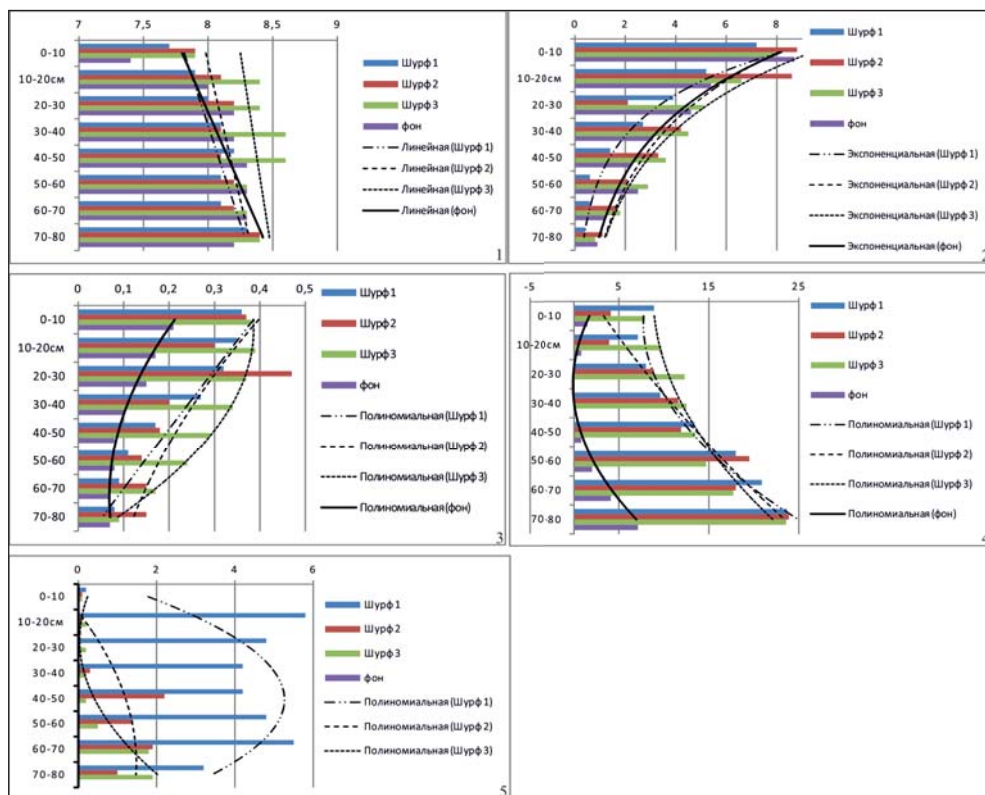

Рис. 3. Тренды химических свойств Усмановское I поселение: 1 – $\text{pH}_{\text{водн}}$; 2 – $\text{C}_{\text{орг}}$, %, 3 – валовой фосфор, %; 4 – CO_2 (карбонаты), %; 5 – SO_4 (гипс), %. Сравнительный тренд фоновой почвы выделен сплошной черной линией.

Fig. 3. Trends in the chemical properties of Usmanovo I settlement: 1 – pH_{Water} ; 2 – organic copper, %, 3 – gross phosphorus, %; 4 – CO_2 (carbonates), %; 5 – SO_4 (gypsum), %. The comparative trend of the background soil is marked with a solid black line.

понированных песчаных культурных слоев в аридной и гумидной природных зонах. Показано, что в гумидной зоне (Московская область) преобразование исходного слоя происходит интенсивнее, чем в аридной (Республика Калмыкия) и с течением времени могут измениться практически все химические свойства культурного слоя. Отмечено, что наиболее устойчивым показателем является повышенное содержание валового фосфора. В работе Ю. Бондаревой (Бондарева, 2018, с. 2–18) показана динамика процессов почвообразования на разновозрастных постселитебных почвах. Ею вы-

явлены устойчивые/неустойчивые свойства системы КС-почва в зависимости от интенсивности освоения и длительности постантропогенного развития. Например, самым неустойчивым признаком является $\text{pH}_{\text{водн}}$ (показатель кислотности/щелочности почвенных растворов). В этой работе также рассмотрены почвы, сформированные на песчаных культурных слоях. Работ, в которых рассматривалась бы динамика свойств постселитебного почвообразования на более плотных породах практически нет. Можно отметить лишь работу (Гольева и др., 2006, с. 250–254), где на примере па-

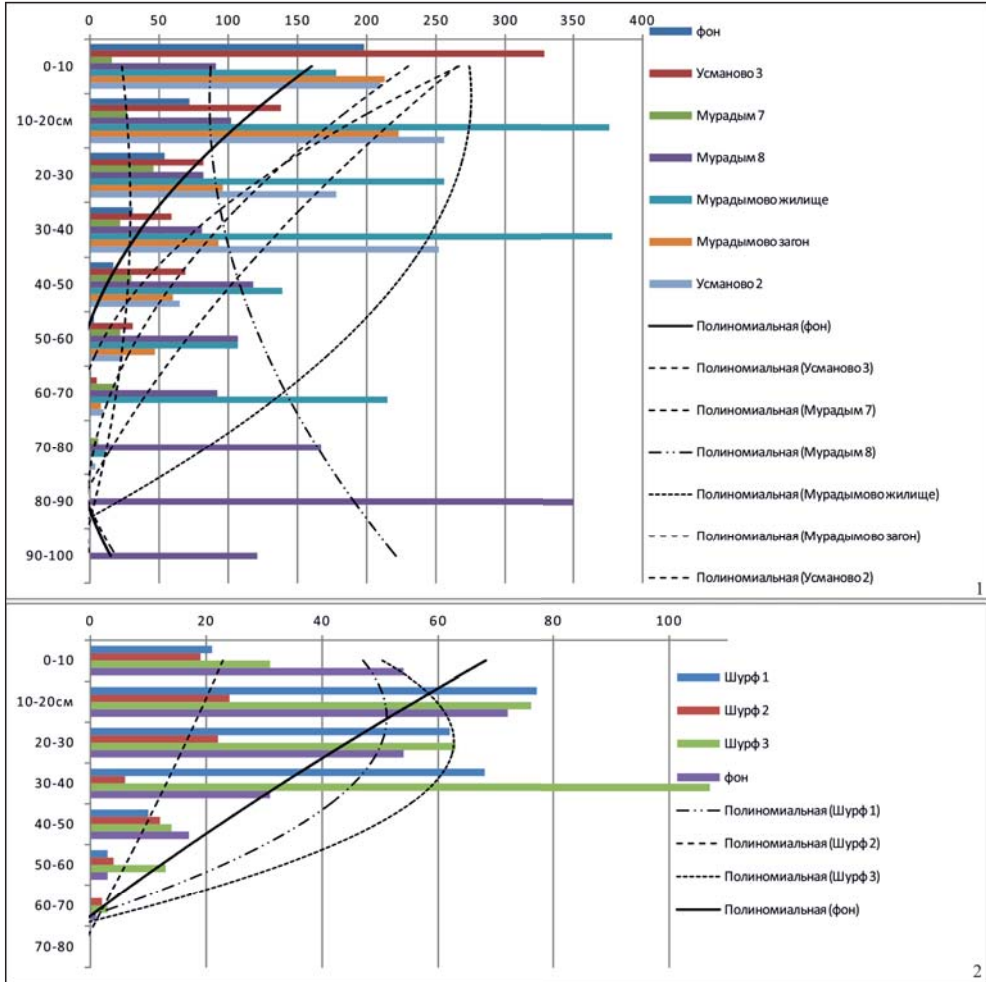

Рис. 4. Тренды распределения фитолитов (шт.): 1 – культурные слои поселений; 2 – культурные слои шурфов Усмановское I поселение. Сравнительный тренд фоновой почвы выделен сплошной черной линией.

Fig. 4. Trends in the distribution of phytoliths (pcs.): 1 – settlement cultural layers; 2 – cultural layers of Usmanovo I settlement pits. The comparative trend of background soil is indicated with a solid black line.

мятников энеолита и бронзы показано, что в толще исходного суглинистого культурного слоя энеолитического поселения Джангр за длительный постселитебный период сформировались типичные зональные почвы в верхних 70–80 см с существенно омоложенным радиоуглеродным возрастом. Но так как выводы были сделаны для почв полупустынной зоны, это не

позволяет экстраполировать их на все археологические памятники.

За несколько лет работы на археологических памятниках эпохи поздней бронзы в Республике Башкортостан (Казбуруновский археологический микрорайон) нами был накоплен большой аналитический материал, позволяющий детально изучить вопрос устойчивости/неустойчивости исход-

ных свойств древних культурных слоев, сформированных на суглинках в условиях достаточного увлажнения за длительный постселитебный период.

Объектами исследования были поселения эпохи поздней бронзы, созданные представителями срубной и алакульской археологических общностей Республики Башкортостан. На территории д. Усманово (Казбурун) Аургазинского района республики находятся Усмановское I поселение (площадь памятника – 13162,5 м²), Усмановское II поселение (площадь памятника – 1375 м²), Усмановское III поселение (Усманово-3, поселение), выявленное в 2012 г. Н.Б. Щербаковым и И.А. Шутелевой (площадь памятника – 21660 м²). Все локализованные в непосредственной близости от д. Усманово (Казбурун) археологические памятники подверглись частичному археологическому исследованию, и отнесены к позднему бронзовому веку, срубной культуре с абашевскими и алакульскими влияниями.

Усмановское I поселение расположено на первой надпойменной террасе правого берега р. Уршак под склоном высокой коренной террасы, в 500 м на север от д. Усманово. Памятник впервые выявлен отрядом А.Х. Пшеничнюка (1970) в 1969 г.

В 1992 г. в рамках программы «Свод памятников истории и культуры Башкортостана» Ю.А. Морозов выявил Усмановское II поселение, расположенное в 1,5 км от д. Усманово (Казбурун) в пойме правого берега р. Уршак.

В ходе археологической разведки 2012 г. И.А. Шутелевой было выявлено Усмановское III поселение (Усманово-3, поселение), находящееся на

одной площадке с Казбуруновскими I курганами. В 2016 г. в ходе разведочных археологических работ И.А. Шутелевой, Н.Б. Щербакова по гранту РФФИ были проведены археологические исследования Усмановского I–III поселений.

Поселения Мурадым 7 и 8 были выявлены в 2015 и 2017 году. По площадкам памятников проходит грунтовая дорога, соединяющая дд. Мурадым и Алексеевка. На некотором расстоянии от площадки памятников проходит грунтовая дорога, огибающая д. Мурадым с востока. Площадка памятников задернована. Площадка поселения Мурадым 8 ограничивается с южной, западной и северо-западной стороны руслом р. Белый Ключ, восточной границей памятника является русло высохшего водоема. Площадка памятника хорошо задернована, на площадке выделяются шесть жилищных впадин.

Всего было рассмотрено 6 памятников эпохи поздней бронзы: поселения Мурадымово; Мурадым 7; Мурадым 8; Усманово I; Усманово II и Усманово III. На всех объектах были исследованы стенки археологических раскопок, при необходимости выкопаны почвенные шурфы, отобраны вертикальные колонки образцов до материка включительно. Изучалась динамика свойств на участках, где согласно проведенным раскопкам были жилища, межжилищные пространства центральной и периферийной частей древних поселений, загоны для скота. Важно, что все поселения функционировали и были заброшены в одно время; они моногенетичны. Культурные слои во всех случаях экспонированы, то есть определяются сразу под дерниной.

Параллельно для проведения сравнительного анализа отбирались колонки образцов из так называемых фоновых почвенных разрезов неподалеку от поселений, где не фиксировалась какая-либо поселенческая деятельность. Для всех объектов был сделан единый набор анализов, чтобы можно было сравнивать полученные результаты.

Описание специфики всех памятников было дано в нескольких публикациях (Щербаков и др., 2016, с. 89–91; Golyeva et al, 2016, р. 29–36; Шутелева и др., 2017, с. 261–279; Щербаков и др., 2017, с. 1193–1194; Щербаков и др., 2017, с. 164), поэтому в целях экономии места здесь не приводится. Дадим лишь краткую информацию.

1. Поселение Усманово I. Исследованы стенки 3 шурфов: шурф 1, условно отнесенный к периферии памятника и изучаемый как фоновый аналог, шурф 2 – межжилищное пространство и шурф 3 – предполагаемая жилищная впадина.

2. Поселение Усманово II. Изучался культурный слой и материк под ним.

3. Поселение Усманово III, проанализирован шурф 1.

4. Поселение Мурадымово. Рассмотрены стенки раскопов жилищной впадины и участка, где, предположительно, был загон для скота.

5. Мурадым 7 селище, Шурф 1, Южная стенка. Исследована жилищная впадина, вскрытая в обнажении стенки речного обрыва.

6. Поселение Мурадым 8. Изучена южная стенка раскопа I (жилище поселения), расположенная на том же берегу реки, что и Мурадым 7, примерно на 197 м южнее последнего.

Таким образом, на 6 памятниках эпохи поздней бронзы исследовано 9 объектов бытового и хозяйственного назначения.

Методы. Поскольку в опубликованных работах было отмечено, что наиболее устойчивым признаком является содержание валового фосфора, то это определение было сделано для всех объектов, а также было определено количественное распределение фитолитов, поскольку оно часто напрямую связано с хозяйственной деятельностью человека (Golyeva et al, 2016, р. 29–36). В большинстве объектов определено содержание органического углерода и кислотность/щелочность почвенных растворов, с целью проверить устойчивость этих свойств во времени. Ранее нашими работами на поселениях региона, созданных населением срубной и алакульской культурных общностей, было обнаружено, что поселенческие горизонты характеризуются высоким и очень высоким содержанием карбонатов и часто гипса по сравнению с фоновыми почвами. Поэтому во всех образцах было дополнительно определено содержание этих солей.

Результаты исследования. Основные результаты работ по каждому из проведенных анализов показаны на рисунках 2–4. На всех диаграммах помимо количественных параметров даются линии тренда их динамики. Для pH наиболее показательным является линейный тренд, в остальных случаях – экспотенциальный и полиномиальный. Тренды свойств фоновой почвы везде выделены сплошной черной линией. Хорошо видно, что, несмотря на различные количественные показатели по отдельным образцам и объектам, общий тренд динамики

свойств во многом сходен. Так, практически во всех случаях линии тренда изменения рН с глубиной совпадают с фоновой (рис. 1.1 и 2.1). Фиксируемые отдельные различия лежат в одной области щелочных значений, то есть незначимы. Это значит, что за прошедший период постселитебного функционирования исходная кислотность/щелочность растворов в толще всех культурных слоев полностью изменилась и стала аналогичной естественным почвам.

Сходная тенденция совпадения тренда динамики свойств изученных объектов с фоном наблюдается и для распределения органического углерода (рис. 1.2 и 2.2.) – максимальное количество сверху и уменьшение с глубиной. Но здесь можно отметить факт более ровного, постепенного уменьшения количества органики для жилищных впадин, в первую очередь, у Мурадымово, Мурадым 8 и 7.

Но есть показатели, которые сохранили свою специфику, и их тренды распределения существенно отличаются от таковых для фона. Наиболее ярко это проявляется в распределении валового фосфора (рис. 1.3 и 2.3) и минерального углерода (карбонаты) (рис. 1.4 и 2.4). Но если в первом случае выявленные пики четко связаны с жилищными впадинами, то в случае карбонатов такая закономерность не прослеживается.

Распределение гипса не столь однозначно. В фоновых почвах региона гипса нет и не должно быть минимум до глубины 60–80 см, да и ниже, вплоть до 150–170 см его количества минимальны. Но в ряде жилищных впадин (рис. 1.5, 2.5) четко видны горизонты накопления этой соли, особенно мощные для одного из жилищ

поселения Мурадымово (рис. 1.6). Это связано с искусственным приносом значительных объемов гипса жителями поселений, причем исключительно для создания жилищ, поскольку в том же Мурадымово в расположенном неподалеку от жилища загоне для скота гипса нет.

Подобные неоднозначные и несоответствующие с фоном тренды распределения выявлены и для фитолитов. Если в почвах фитолитный тренд всегда имеет аккумулятивный рисунок (максимум сверху с достаточно резким падением с глубиной), то в культурных слоях можно увидеть самую разную картину (рис. 3.1, 3.2). Это зависит от объемов использования людьми растений при формировании культурного слоя. Но и в этом случае резко выделяются жилищные впадины. Более того, выявленный тренд увеличения количества фитолитов с глубиной для культурного слоя жилища поселения Мурадым 8 позволяет с высокой долей вероятности предполагать, что глубина 100 см, откуда брался образец, является не материком, а продолжением жилища.

Выводы

За период порядка 3,5 тыс. лет постселитебного экспонированного функционирования исходные культурные слои изменились под воздействием природных процессов. Интенсивность преобразования зависит от мощности исходного культурного слоя и его состава.

На одном памятнике могут быть объекты с абсолютно разными исходными свойствами (например, Усмановское I поселение), следовательно, делать обобщающие палеоэкологические выводы о специфике хозяйственно-

вания всего поселения на основании данных по одному раскопу или шурфу может быть ошибочно.

Различные признаки имеют разную устойчивость во времени. Такие показатели, как pH растворов и содержание органического углерода, являются наименее устойчивыми во времени, особенно в верхних 50 см. Остальные характерные признаки культурных слоев: содержание валового фосфора, карбонатов, гипса и фитолитов достаточно устойчивы и могут использоваться в качестве надежных диагностических критериев. Необходимо отметить, что сильнее всего меняются свойства верхних 10 см, где действие природных факторов наиболее значимо. С глубиной сохранность исходных параметров культурного слоя возрастает.

Чем интенсивнее был изменен ис-

ходный ландшафт (принесены новые минеральные и органические соединения), тем устойчивее во времени специфика культурного слоя, то есть жилищные впадины сохранили свои исходные свойства практически без изменений по сравнению с межжилищным пространством или местами загонов для скота.

При проведении палеоэкологических реконструкций знание трендов основных химических свойств у естественных почв (фоновых) региона работ обязательно.

Таким образом, наши исследования показали, что, зная степень устойчивости отдельных свойств культурных слоев, можно делать надежные и достоверные палеоэкологические реконструкции, например, о традиции использования гипса при строительстве жилищ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атлас Республики Башкортостан // Отв. ред. И.М. Япаров. Уфа: Китап, 2005. 412 с.
2. *Бондарева Ю.А.* Постантропогенное изменения почв древних поселенческих ландшафтов (на примере Московской области). Автореф. дисс. ... канд. геогр.наук. М., 2018. 28 с.
3. *Гольева А.А., Кольцов П.Н., Чичагова О.А.* Преобразование культурных слоев древних поселений аридной зоны процессами почвообразования (на примере памятников энеолита и бронзы Калмыкии) // Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика. Материалы научной конференции / Отв. ред. А.А. Узянов. М.: НИИ-Природа, 2006. С. 250–254.
4. *Гольева А.А., Щербаков Н.Б., Шутелева И.А.* Экологические особенности функционирования Усмановских поселений (Республика Башкортостан) // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 5. Ч. 1 / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: ТГУ, 2016. С. 89–91.
5. *Шутелева И.А., Щербаков Н.Б., Гольева А.А., Луньков В.Ю., Лунькова Ю.В., Леонова Т.А., Орловская Л.Б., Радивоевич М.* Результаты интердисциплинарных исследований памятников срубно-алакульского типа Башкирского Приуралья (на примере Казбуруновского археологического микрорайона) // КСИА. Вып. 246. 2017. С. 261–279.
6. *Щербаков Н.Б., Шутелева И.А., Гольева А.А., Леонова Т.А.* Модели степной технологической и миграционной мобильности позднего бронзового века Башкирского Приуралья // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Сборник научных трудов (Электронный ресурс) / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ. 2017. С. 1193–1194.
7. *Щербаков Н.Б., Шутелева И.А., Гольева А.А., Луньков В.Ю., Лунькова Ю.В., Орловская Л.Б., Леонова Т.А., Горшков К.А.* Казбуруновский археологический микро-

район позднего бронзового века Южного Приуралья: результаты естественнонаучных исследований. Уфа: Инеш, 2017. 164 с.

8. Golyeva A., Chichagova O., Bondareva J. Soil forming processes of ancient man-made soils (cultural layers) by the example of sites in humid (Dunino) and arid (Ar-Dolong) regions of Russia: a first approach. *Quaternary International*. 2016. T. 418. С. 22–27.

9. Golyeva A., Khohlova O., Shcherbakov N., Shuteleva I. Negative effects of Late Bronze Age human activity on modern soils and landscapes, a case-study on the Murady-movo Settlement, Urals, Russia. *Interdisciplinaria archaeologica: natural sciences in archaeology*. Vol. VII, Issue 2, 2016. P. 29–36.

10. Shcherbakov N.B. Radiocarbon dating and establishment issues of new chronology of the Late Bronze Age in Southern Transurals. *Nordic Theoretical Archaeology group*. Stockholm, 2014, p. 38–39.

11. Shuteleva I.A., Shcherbakov N.B., Leonova T.A. The first experience of comparative radiocarbon dating of archaeological monuments of Late Bronze Age Southern Transurals. 40th International Symposium on Archaeometry (ISA). California, 2014, p.152.

Информация об авторах:

Гольева Александра Амуриевна, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН (г. Москва, Россия); golyevaaa@yandex.ru

Шутелева Ия Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Башкирский государственный педагогический университет им. Акмуллы, старший преподаватель кафедры Истории Республики Башкортостан, археологии и этнологии Башкирского государственного университета (г. Уфа, Россия); shutelevai@gmail.com

Щербakov Николай Борисович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Башкирский государственный педагогический университет им. Акмуллы (г. Уфа, Россия); sherbakov@rambler.ru

PROBLEMATICS OF PALEOECOLOGICAL RECONSTRUCTIONS BASED ON EXPOSED CULTURAL LAYERS OF LONG-TERM POST-SILENT FUNCTIONING (ON THE EXAMPLE OF THE MONUMENTS OF THE LATER BRONZE EPOCHES OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)

A.A. Golyeva, I.A. Shuteleva, N.B. Shcherbakov

The article is devoted to the study of the features of the soil cultural layers of the settlement monuments of the developed late Bronze Age of the XIX–XVII centuries. BC. (1930–1750 BC, 1890–1740 BC, 2830–2820 BC, 1875–1840 BC, 1820–1795 BC, 1780–1685 BC, 1670–1665 BC (Beta Analytic – 347344, 347343, 352489, 395800) of the Southern Urals after the population's withdrawal. Monuments are monogenetic, located in the middle reaches of the river Urshak, with its tributary the Belyi Kluch River, created by the population of Srubnaya and Alakul cultural communities. The cultural layers are exposed, that is, the duration of the processes of soil formation and transformation is more than 3,5 thousand years.

Keywords: archaeology, soil sciences, late Bronze Age, Southern cis-Urals, Srubnaya and Alakul cultural communities, stability of properties.

REFERENCES

1. In Yaparov, I. M. (ed.). 2005. *Atlas Respubliki Bashkortostan (Atlas of the Republic of Bashkortostan)*. Ufa: "Kitap" Publ. (in Russian).

Soil studies were conducted in accordance with the plan GZ 0148-2016-0003.

2. Bondareva, Yu. A. 2018. *Postantropogennoe izmeneniya pochv drevnih poselencheskih landshaftov (na primere Moskovskoj oblasti) (Post-Anthropogenic Changes in the Soils of Ancient Settlement Landscapes (at the Example of the Moscow Region))*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
3. Gol'eva, A. A., Kol'tsov, P. N., Chichagova, O. A. 2006. In Uzyanov, A. A. (ed.). *Kul'turnye sloi arheologicheskikh pamyatnikov. Teoriya, metody i praktika. Materialy nauchnoy konferentsii (Cultural Layers of Archaeological Sites. Theory, Methods and Practice. Proceedings of the Scientific Conference)*. Moscow: "NIA-Priroda" Publ. 250–254 (in Russian).
4. Gol'eva, A. A., Shcherbakov, N. B., Shuteleva, I. A. 2016. In Matveeva, N. P. (ed.). *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv (Ecology of Ancient and Traditional Societies)* 5, part 2. Tyumen: Tyumen State University, 89–91 (in Russian).
5. Shuteleva, I. A., Shcherbakov, N. B., Gol'eva, A. A., Lun'kov, V. Yu., Lun'kova, Yu. V., Leonova, T. A., Orlovskaya, L. B., Radivoevich, M. 2017. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* (246). 261–279 (in Russian).
6. Shcherbakov, N. B., Shuteleva, I. A., Gol'eva, A. A., Leonova, T. A. 2017. In Derevyanko, A. P., Tishkin, A. A. (eds.). *V (XXI) Vserossiyskiy arheologicheskiy s"ezd. Sbornik nauchnykh trudov [Elektronnyy resurs] (V (XXI) Russian Archaeological Congress. [Electronic Resource])*. Barnaul: Altai State University, 1193–1194 (in Russian).
7. Shcherbakov, N. B., Shuteleva, I. A., Gol'eva, A. A., Lun'kov, V. Yu., Lun'kova, Yu. V., Orlovskaya, L. B., Leonova, T. A., Gorshkov, K. A. 2017. *Kazburunovskiy arheologicheskiy mikrorayon pozdnego bronzovogo veka Yuzhnogo Priural'ya: rezul'taty estestvennonauchnykh issledovaniy (Kazburunovsky Archaeological Region of the Late Bronze Age in the Southern Urals: Results of Natural Scientific Studies)*. Ufa: "Inesh" Publ. (in Russian).
8. Golyeva A., Chichagova O., Bondareva J. 2016. In *Quaternary International*. 418. 22 – 27.
9. Golyeva, A., Khohlova, O., Shcherbakov, N., Shuteleva, I. 2016. In *Interdisciplinaria archaeologica: natural sciences in archaeology*. Vol. VII. Issue 2. 29–36.
10. Shcherbakov, N. B. 2014. In *Nordic Theoretical Archaeology group*. Stockholm. 38–39.
11. Shuteleva, I. A., Shcherbakov, N. B., Leonova, T. A. 2014. In *40th International Symposium on Archaeometry (ISA)*. California, p. 152.

About the Authors:

Golyeva Alexandra A. Doctor of Geographical Sciences, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Staromonetny pereulok, 29, Moscow, 119017, Russian Federation; golyevaaa@yandex.ru

Shuteleva Iia A. Candidate of Historical Sciences, Bashkir State Pedagogical University, Oktyabrskoi revolyutsii, 3A, Ufa, 450008, Russian Federation; Bashkir State University, Zaki Validy, 32, Ufa, 450076, Russian Federation; shutelevai@gmail.com

Shcherbakov Nikolai B. Candidate of Historical Sciences, Bashkir State Pedagogical University, Oktyabrskoi revolyutsii, 3A, Ufa, 450008, Russian Federation; sherbakov@rambler.ru

Статья поступила в номер 2018 г.

УДК 902.2 903.5 572

<https://doi.org/10.24852/2018.3.25.58.67>

НЕОРДИНАРНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО МОГИЛЬНИКА ЕКАТЕРИНОВСКИЙ МЫС¹

© 2018 г. А.И. Королев, А.Ф. Кочкина, Д.А. Сташенков, А.А. Хохлов

В статье представлены результаты изучения особенного погребения эпохи энеолита, раскопанного на грунтовом могильнике Екатериновский мыс. Могильник расположен при впадении р. Безенчук в Волгу (Среднее Поволжье, Самарская область). В ходе раскопок 2017 года было изучено 14 погребений. Костяки погребенных находились в положении вытянуто на спине, реже – скорченно на спине с согнутыми в коленях ногами. В одном из погребений (№ 90) было зафиксировано особое положение костяка. Сохранившиеся в анатомическом порядке мужского скелета дали основание для реконструкции его первоначального положения: в позе полусидя с опорой локтями на дно ямы. Примечателен инвентарь: на тазовых костях слева лежала костяная ложка, около правой плечевой кости найдено навершие крестовидной булавы. Авторами сделан вывод о высоком социальном статусе погребенного. Результаты анализа погребения позволяют наметить наиболее близкий круг аналогий в материалах Хвалынского I и Мурзихинского могильников.

Ключевые слова: археология, антропология, Среднее Поволжье, энеолит, грунтовый могильник, погребение, погребальный обряд, погребальный инвентарь, краниологический анализ.

В 2017 г. совместной экспедицией СОИКМ им. П.В.Алабина и СГСПУ при участии студентов СФ МГПУ были продолжены раскопки грунтового могильника Екатериновский мыс, расположенного неподалеку от впадения р. Безенчук в р. Волгу (Кочкина и др., 2018, с. 14–15). С 2013 по 2016 г. здесь было изучено 79 погребений, в которых доминировали костяки, вытянутые на спине. Основной задачей работ на памятнике в 2017 г. было определение восточных границ могильника. Итогом раскопок на площади 24 кв. м стало выявление еще 14 погребений, их общее количество достигло 93 и остаются перспективы дальнейшего исследования. Уже предварительные результаты работ на памятнике в 2013–2015 гг. дали осно-

вание для постановки вопроса о присутствии в составе могильника погребенных в положении скорченно на спине (Королев и др., 2015, с. 517). Работами в восточной части могильника было выявлено погребение с костяком в положении полусидя. Погребение 90 представлено неполным костяком, выше которого находились погребения 81, а также кости неполного скелета, до окончания антропологических исследований обозначенного как погребение 82. В связи с этим уместно рассмотреть последовательность расчистки погребений в кв. 64 и 66, где они располагались (рис. 1, 2).

Костяк погребения 81 был ориентирован головой на северо-восток, череп лежал лицевой частью влево. Сохранность костей плохая, отсут-

¹ Работа выполнена по гранту РФФИ №17-11-63007 – ОГН\18

Рис. 1. Могильник Екатерининский мыс. Погребения 81 и 82.

Рис. 1. Ekaterinovsky Cape Burial Ground. Burial 81, 82.

ствовали почти все позвонки, ребра, кости кистей рук и стоп, тазовые кости. Однако длинные кости рук и ног сохранили анатомическое положение. Судя по ним, погребенный лежал на спине со слабо согнутыми в коленях и повернутыми в левую сторону ногами. Правая рука была вытянута вдоль тела, левая – слегка согнута в локтевом суставе кистью к тазу. В области груди располагались, сохраняя анатомический порядок, согнутые почти под прямым углом кости плеча и предплечья руки другого индивида. В области таза находились фаланги кисти руки и череп человека. С запада вплотную к плечевой кости правой руки лежали фрагменты еще одного черепа затылочной частью вверх. В 0,07 м к западу от черепа была зафиксирована расположенная почти вертикально плечевая кость без эпифиза скелета погребения 90. Вплотную к костям правой ноги погребенного 81 располагались компактно уложенные

без анатомического порядка диафизы двух бедренных, правой большой и малой берцовых костей и отдельные кости стопы другого индивида. Следы ямы, охра и инвентарь отсутствовали.

После снятия погребений непосредственно к северу от расположенной вертикально плечевой кости было обнаружено расколовшееся (расколотое?) пополам наверхие булавы (рис. 3). Кроме плечевой кости и наверхия, другие находки и части скелета на этом уровне отсутствовали. Следы ямы не прослеживались, вмещающий грунт представлял собой легкий коричневый суглинок с темными пятнами нор, мелкими частицами карбонатов. Ниже на 5–10 см под черепом были зафиксированы ребра и позвонки грудного отдела погребения 90. Скелет мужской, сохранился частично, более полно представлена его правая часть (рис. 4, 5). В анатомическом положении находились позвонки поясничного и частично груд-

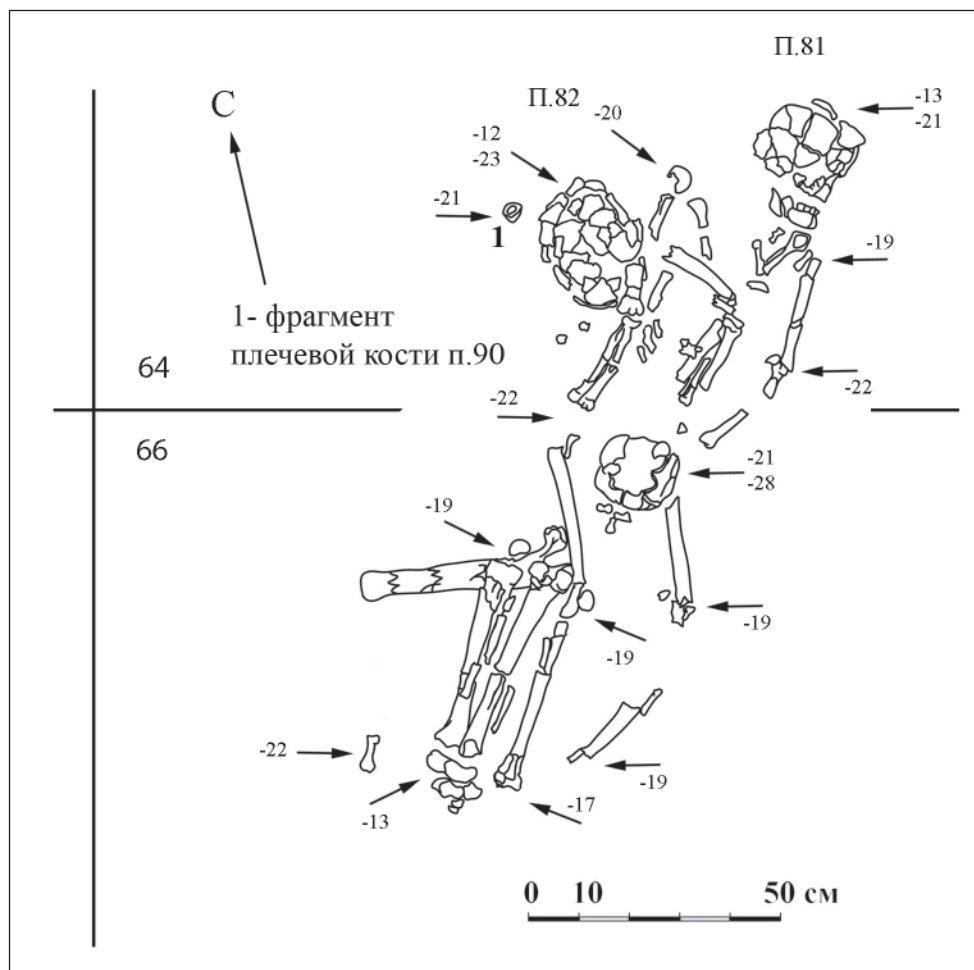

Рис. 2. Могильник Екатериновский мыс. Погребения 81и 82. План.

Fig. 1. Ekaterinovskiy Cape Burial Ground. Burial 81, 82. Plan.

ного отдела позвоночника, фрагменты тазовых костей, кости правой руки – плечевая и обе кости предплечья, частично ребра. Позвоночник отчасти, в области окончания грудной клетки, имел слабо наклонное положение, а поясничный отдел и тазовые кости горизонтальное. Плечевая кость располагалась вертикально, кости предплечья горизонтально. Причем лучевая кость лежала перекрестно локтевой, что означает позицию ладонью вниз. В области живота справа находились

отдельные фаланги кисти руки. На тазовых костях слева располагалось костяное изделие. В 0,4–0,7 м к юго-западу были расчищены кости ног, причем кости одной стопы ноги лежали в анатомическом порядке. Частично анатомический порядок сохранили также кости второй стопы с фрагментом малой берцовой кости.

Инвентарь представлен тщательно отшлифованным костяным предметом (ложкой?), изготовленным из трубчатой кости длиной 11,2 см, шириной

Рис. 3. Могильник Екатериновский мыс. Погребение 90. Навершие булавы и вертикально расположенный фрагмент плечевой кости.

Fig. 3. Ekaterinovskiy Cape Burial Ground. Burial 90. A mace head and a vertically placed fragment of the humerus.

3,5 см и толщиной 0,3 см (рис. 6: 3, 4). Противоположные концы предмета оформлены по-разному, один закруглен, второй, с просверленным у края отверстием, приострен. Края отверстия заполированы до блеска.

Навершие булавы изготовлено из светлого желтоватого непрочного камня, хорошо отшлифовано (рис. 6: 1, 2). Булава имеет крестовидную форму, утолщена в профиле, имеет четыре выступа и коническое отверстие. Выступы имеют в плане уплощенную и округлую в сечении форму. Размеры булавы 7,6×7,4 см, толщина 3,8 см, вес 200 гр. Отверстие одностороннее коническое с тремя сглаженными ступенчатыми переходами вследствие использования сверл меньшего диаметра. Диаметр

Рис. 4. Могильник Екатериновский мыс. Погребение 90.

Fig. 4. Ekaterinovskiy Cape Burial Ground. Burial 90.

отверстия в основании 1,9 см, в верхней части – 1,0 см. После завершения отверстия его верхний край был подправлен встречным сверлением на глубину 0,4 см.

Для реконструкции первоначального положения погребенного наиболее существенно положение костей правой руки. Они соединялись в локтевом суставе под прямым углом и передают позу с опорой локтями на дно и, видимо, плечами о стенку ямы. Это наблюдение подтверждается изогнутым позвоночником, где грудные позвонки находились выше поясничных, и расположением сохранившихся анатомическое положение ребер. Расстояние от тазовых костей до костей стоп позволяет высказать предположение о первоначальном положении ног согнуто коленями вверх. Не исключено их скрещенное положение. Вызывает интерес возможность связи с погребением 90 мужского черепа из погребения 82. Предположение основывается на локализации черепа над грудными позвонками костяка погребения 90

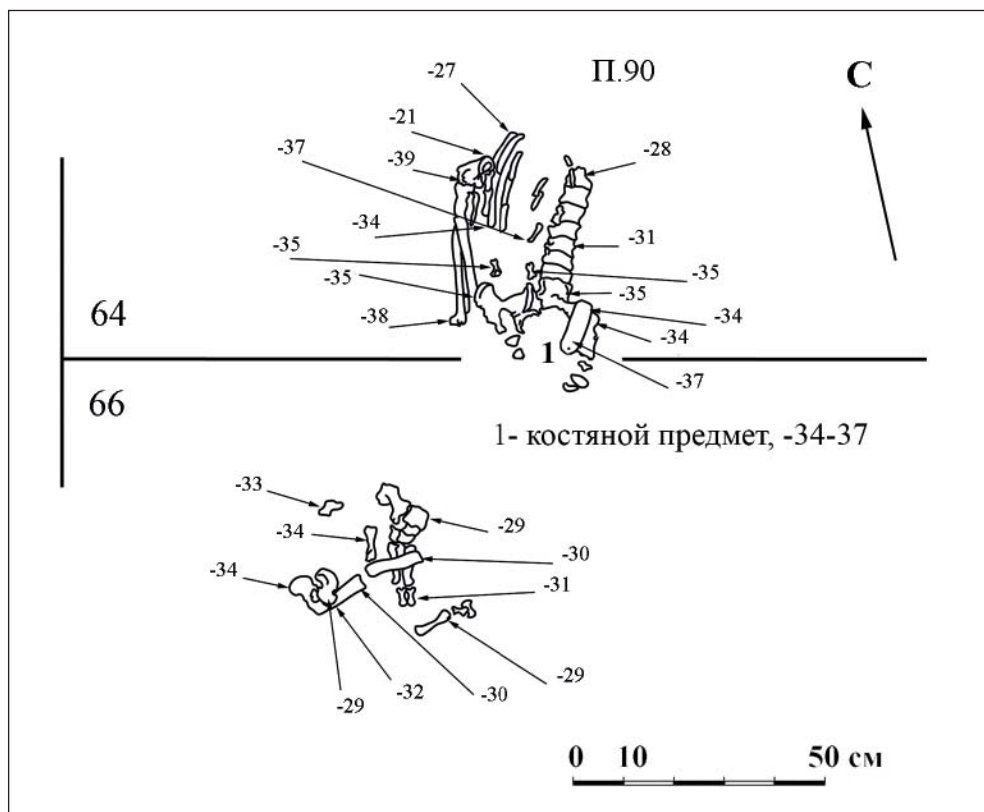

Рис. 5. Могилище Екатериновский мыс. Погребение 90. План.

Fig. 5. Ekaterinovskiy Cape Burial Ground. Burial 90. Plan.

и результатах антропологического определения. Кости этих погребений не повторяются, их имеющиеся фрагменты довольно крупные и принадлежали мужчине зрелого возраста. Это соответствие, учитывая также положение черепа, позволяет предположить, что все описанные кости принадлежали одному человеку. По фрагментам черепа удалось частично реставрировать его мозговую отдел. Несмотря на некоторую посмертную деформацию, все же улавливаются его морфологические особенности. Можно отметить, что он был умеренно долихокранным, имел высокий свод, широкий, выпуклый лоб, сравнительно сильный макрорельеф,

особенно по развитию сосцевидных отростков и затылочной бугристости. Это единственный череп могилища, у которого сохранились носовые косточки (левая). Реконструированные на ее основе размеры оказались довольно большими ($SC = 10,0$ мм и $SS = 7,5$ мм). Их позиция относительно мозговой части, а также имеющих левой скуловой и фрагмента верхнечелюстной кости, позволяют предполагать, скорее, европеоидную структуру лицевого скелета. В этом данный череп несколько сближается с черепом из погребения 45. Объединяет их и наличие специфической патологии. В частности, на левой теменной кости черепа 90 прослежива-

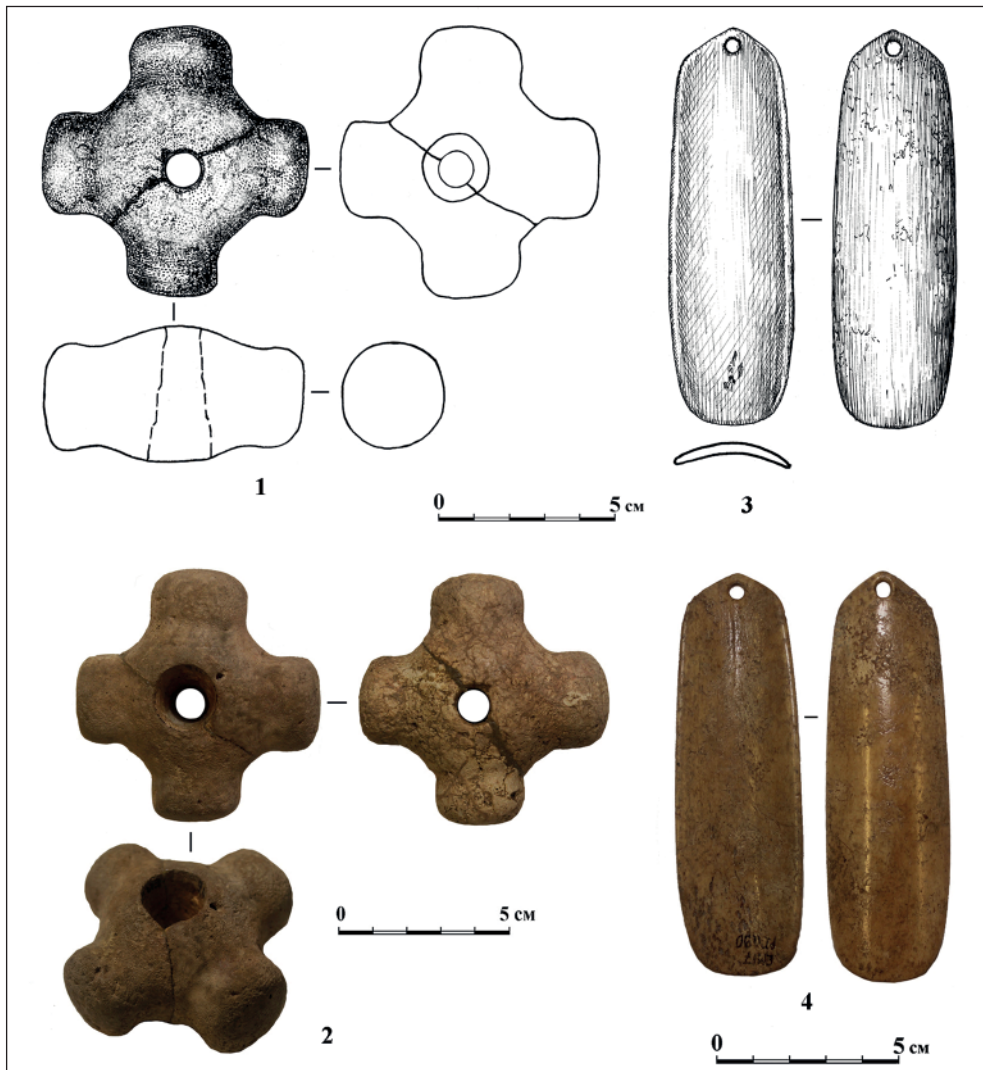

Рис. 6. Могильник Екатериновский мыс. Инвентарь из погребения 90.

1, 2 – каменное навершие булавы; 3, 4 – костяное изделие.

Fig. 6. Ekaterinovskiy Cape Burial Ground. Inventory of the burial no 90:

1, 2 – stone pommel of the mace; 3, 4 – bone article.

ется широкое линзовидное углубление (23,0×49,0 мм). Возможно, оно было не единственным, но отсутствие части теменных костей не позволяет уточнить их количество. Подчеркнем, что наличие таких дефектов на черепаках могильника Екатериновский мыс – не единичный случай (Королев и др., 2018, с. 299). Подобные повреждения

зафиксированы на черепаках из погребений хвалынских энеолитических могильников Поволжья и, вероятно, они были связаны с ритуальными действиями (Мкртчян, 1988; Хохлов, 2010; 2012). Эти наблюдения дополнительно подтверждают факт существования специфических культурных традиций у энеолитического

населения степного–лесостепного Поволжья, аналогов которому в других культурах Восточной Европы этого времени пока не обнаружено.

Контекст расположения булавы позволяет также соотнести ее с погребением 90. Булава могла быть вложена в правую руку и прижата к плечу погребенного. Вероятная связь погребенного в неординарной позе с булавой дает основание предполагать его высокий социальный статус. Интересно в этом плане сопоставление с погребением 45 этого же могильника, в котором одно из трех каменных наверший также имеет крестовидную форму (Королев и др., 2018, с. 283). Этот признак может свидетельствовать о сохранении символического обозначения высокого статуса погребенного в условиях изменения традиций погребальной обрядности.

Погребения с костяками в позе сидя относятся к редким явлениям в эпоху энеолита. И.Б. Васильев проанализировал такие погребения в специальном исследовании² (Васильев, 2004, с. 57–58).

Большой интерес представляют территориально близкие аналогии из Хвалынского I могильника. Исследователи не разделяют позы погребенных «сидя» или «клубком» и отмечают, что так хоронили только мужчин (Агапов и др., 1990, с. 58). В дальнейшем В.И. Пестрикова и Д.С. Агапов также рассмотрели эти варианты позы совместно (Пестрикова, Агапов, 2010, с. 14) и сделали вывод о подчиненном

положении захороненных в позе клубком (Пестрикова, Агапов, 2010, с. 61).

Погребение 90 не дает оснований для вывода о его подчиненном положении. Подтверждением этой мысли может служить костяк подростка № 133, погребенного в полусидячей позе из Хвалынского I могильника. Он был окрашен охрой, сопровождался раковинными бусами, часть костей его грудной клетки были окрашены полностью окислившимися медными предметами (Агапов и др., 1990, с. 51). Специфика этого погребения также не позволяет отнести его к подчиненным.

Интересные материалы происходят с Мурзихинского могильника, где характерными являются позы погребенных сидя и скорченно на спине (Чижевский, 2008, с. 367). Привлекает внимание погребальный инвентарь: кремневые тесла, крупные кремневые двусторонне обработанные орудия листовидной формы и с усеченным основанием, крупные каменные кольца, стилетообразное костяное орудие, бусы (бисер) из раковин, которые находят аналогии в инвентаре могильника Екатериновский мыс. Примечательно и наличие южного компонента в антропологическом материале Мурзихинского могильника (Хохлов, 2011), оно подчеркивает близость материалов могильников.

В заключение необходимо отметить, что неординарное погребение 90 могильника Екатериновский мыс подтверждает мысль И.Б. Васильева о том, что в сидячей позе умершего может отражаться «нестабильность погребального обряда, что является результатом перехода от нео-раннеэнеолитической традиции погребения умерших вытянуто на спине к

² Приведенная И.Б. Васильевым сводка и анализ погребений дает нам возможность ограничиться наиболее близкими аналогиями.

скорченному положению» (Васильев, хронологические рамки проанализи-
2004, с. 58). Временем этого перехода рованного погребения.
предварительно могут определяться

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И.* Хвалынский энеолитический могильник. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 1990. 159 с.
2. *Васильев И.Б.* Погребение в «позе сидя» у с. Старо-Кабаново в Башкирии // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский университет, 2004. С. 50–66.
3. *Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.* Екатериновский мыс – новый энеолитический могильник в лесостепном Поволжье // Известия СНЦ РАН. 2015. Т. 17, № 3 (2). С. 514–517.
4. *Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., Хохлов А.А., Рослякова Н.В.* Уникальное погребение 45 могильника эпохи раннего энеолита Екатериновский мыс на Средней Волге // *Stratum plus*. 2018. № 2. С. 285–302.
5. *Кочкина А.Ф., Королев А.И., Сташенков Д.А.* Исследования на грунтовом могильнике эпохи раннего энеолита Екатериновский мыс в Безенчукском районе в 2017 г. // Археологические открытия в Самарской области 2017 года / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: АНО Изд-во СНЦ, 2018. С. 14–15.
6. *Мкртчян Р.А.* Палеоантропология неолитического и энеолитического населения юга Европейской части СССР (по материалам могильников «Госпитальный холм и Хвалынский»). Дисс... канд. ист. наук. М., 1988. 171 с.
7. *Пестрикова В.И., Агапов Д.С.* Хвалынский I могильник как исторический источник // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов / Науч. ред. С.А. Агапов. Самара: Поволжье, 2010. С. 11–120.
8. *Хохлов А.А.* Население хвалынской энеолитической культуры. По антропологическим материалам грунтовых могильников Хвалынск I, Хвалынск II, Хлопков Бугор // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов / Науч. ред. С.А. Агапов. Самара: Поволжье, 2010. С. 407–517.
9. *Хохлов А.А.* К вопросу о происхождении энеолитического населения Прикамья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14). С. 116–125.
10. *Хохлов А.А.* Ритуальные травмы на черепах у носителей хвалынской энеолитической культуры Поволжья // ЭО. Вып. № 2. М: Наука, 2012. С.118–125.
11. *Чижевский А.А.* Погребения эпохи энеолита Мурзихинского II могильника // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. С. 367–371.

Информация об авторах:

Королев Аркадий Иванович, кандидат исторических наук, доцент, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); arkorolev@gmail.com

Кочкина Анна Федоровна, зав. отделом археологии, Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (г. Самара, Россия); archo@list.ru

Сташенков Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, ученый секретарь Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (г. Самара, Россия); archo@list.ru.

Хохлов Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); khokhlov_aa@mail.ru

EXTRAORDINARY BURIAL OF THE ENEOLITHIC BURIAL GROUND EKATERINOVSKY CAPE

A.I. Korolev, A.F. Kochkina, D.A. Stashenkov, A.A. Khokhlov

In 2017, excavation of burial ground Ekaterinovskiy cape were continued, located in the area of the confluence of the Bezenchuk River in the Volga River. During the new excavations, 14 burials were studied. The skeleton of the buried were in a position elongated on the back, less often – crooked on the back with knees bent at the knees. In one burial (No. 90), a special position of the skeleton was recorded. In the burial number 90 in the anatomical order, parts of the male skeleton. This gave grounds for the reconstruction of his original position in a semi-sitting position with the support of elbows on the bottom of the pit. Noteworthy inventory: on the pelvic bones on the left lay a bone spoon, near the right humerus, the pommel of a cruciform club was found. The conclusion is made about the high social status of the buried. The results of the analysis of burial allow us to outline the closest circle of analogies in the materials of Khvalynskiy I and Murzikhinsky burial grounds.

Keywords: archaeology, Eneolithic, burial ground Ekaterinovskiy cape, funeral rite, funeral inventory.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Agapov, S. A., Vasil'ev, I. B., Pestrikova, V. I. 1990. *Khvalynskiy eneoliticheskiy mogil'nik (Khvalynskiy Eneolithic Burial Ground)* Saratov: Saratov State University (in Russian).
2. Vasil'ev, I. B. 2004. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala i Povolzh'ya (Issues of Archeology of the Urals and the Volga Region)* 2. Samara: "Samarskiy universitet" Publ., 50–66 (in Russian).
3. Korolev, A. I., Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A. 2015. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 17, no. 3(2), 514–517 (in Russian).
4. Korolev, A. I., Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A., Khokhlov, A. A., Roslyakova, N. V. 2018. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 258–302 (in Russian).
5. Kochkina, A. F., Korolev, A. I., Stashenkov, D. A. 2018. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya v Samarskoy oblasti 2017 goda (Archaeological Discoveries in Samara Region in 2017)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 14–15 (in Russian).
6. Mkrtychyan, R. A. 1988. *Paleoantropologiya neoliticheskogo i eneoliticheskogo naseleniya yuga Evropeyskoy chasti SSSR (po materialam mogil'nikov «Gospital'niy kholm i Khvalynskiy»)* (Paleoanthropology of the Neolithic and Eneolithic Population of the Southern Area of the European Part of the USSR (on the Basis of Materials from Gospitalny Kholm and Khvalynskiy Burial Grounds)). PhD Diss. Ufa (in Russian).
7. Pestrikova, V. I., Agapov, D. S. 2010. In Agapov, S. A. (ed.). *Khvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i khvalynskaya eneoliticheskaya kul'tura. Issledovaniya materialov (Khvalynskiy Eneolithic Burial Grounds and Khvalynsk Eneolithic Culture. Studies of Materials)*. Samara: "Povolzh'e" Publ. 11–120 (in Russian).
8. Khokhlov, A. A. 2010. In Agapov, S. A. (ed.). *Khvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i khvalynskaya eneoliticheskaya kul'tura. Issledovaniya materialov (Khvalynskiy Eneolithic Burial*

The work was carried out under the RFBR grant No 17-11-63007 – ОГН\18

Grounds and Khvalynsk Eneolithic Culture. Studies of Materials). Samara: "Povolzh'e" Publ. 405–517 (in Russian).

9. Khokhlov, A. A. 2011. In *Vestnik arkeologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 14 (1), 116–125 (in Russian).

10. Khokhlov, A. A. 2012. In *Etnograficheskoe Obozrenie (Ethnographic Review)* (2), 118–125 (in Russian).

11. Chizhevsky, A. A. 2008. In Derevyanko, A. P., Makarov, N. A. (eds.). *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkeologicheskogo s"ezda v Suzdale 2008 g. (Proceedings of the 2nd (18th) All-Russian Archaeological Congress in Suzdal, 2008)* I. Moscow: "Nauka" Publ., 367–371 (in Russian).

About the Author:

Korolev Arkadiy I. Candidate of Historical Sciences. Samara State University of Social Sciences and Education. Maxim Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; arkorolev@gmail.com

Kochkina Anna F. Samara Museum for History and Regional Studies named after P. V. Alabin. Leninskaya St., 142, Samara, 443041, Samara Region, Russian Federation; archeo@list.ru

Stashenkov Dmitry A. Candidate of Historical Sciences. Samara Museum for History and Regional Studies named after P.V. Alabin. Leninskaya St., 142, Samara, 443041, Russian Federation; archeo@list.ru

Khokhlov Alexander A. Doctor of Historical Sciences, professor. Samara State University of Social Sciences and Education. Maxim Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; khokhlov_aa@mail.ru

Статья поступила в номер 26.06.2018 г.

УДК 599: 902, 903.01, 903.2

<https://doi.org/10.24852/2018.3.25.68.87>

КОЛЛЕКЦИИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ СОБРАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ КАЗАНСКОГО (ПРИВОЛЖСКОГО) ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

© 2018 г. А.А. Чижевский, Е.Е. Антипина, Г.Ш. Асылгараева,
А.Р. Нуретдинова

В статье представлены результаты исследования трех коллекций из фондов Археологического музея Казанского (Приволжского) федерального университета. Формирование коллекций связано с деятельностью Общества археологии, истории и этнографии и Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Рассматриваемые коллекции были получены в конце XIX – начале XX в результате раскопок Пижемского, Свиногорского и Уфимского (Чертова) городищ. Большая часть этих коллекций относится к ананьинской культурно-исторической области. Кроме того на Уфимском (Чертовом) городище зафиксированы находки, связанные с археологическими культурами более позднего времени: кара-абызской и бахмутинской. Главной особенностью коллекций является значительное количество изделий из кости и рога. Изучение их как традиционными методами, так и с помощью методов археозоологии и трасологии, позволило авторам получить новые данные, которые расширяют представления о технологии косторезного производства древности и хронологии, рассматриваемых памятников.

Ключевые слова: археология, Волго-Камье, ранний железный век, раннее средневековье, ананьинская культурно-историческая область, кара-абызская культура, бахмутинская культура, археозоология, трасология.

Собрание Археологического музея Казанского (Приволжского) федерального университета содержит коллекции, формирование которых связано с деятельностью Общества археологии, истории и этнографии (1878–1931 гг.) (Сидорова, 2014, с. 22–23) и Общества естествоиспытателей при Казанском университете (1869–1966 гг.) (Гаранин, 2004, с. 10). В 1928–1931 гг. коллекции Обществ были переданы в Центральный музей ТАССР (Бугров, 2004, с. 26–34), небольшая их часть, оставшаяся в фондах Археологического музея Казанского государственного университета (ныне – Казанский Федеральный университет), оказалась забытой и не привлекала внимание специалистов.

Часть из этих коллекций (АКУ-54, АКУ-56, АКУ-63) включает находки ананьинской культурно-исторической области (АКИО) раннего железного века, они отличаются наличием изделий из кости и рога и большей частью не опубликованы. Представленная работа преследует своей целью введение в научный оборот результатов исследования этих коллекций с помощью методов археозоологии и трасологии, а также данных археологической атрибуции, входящих в состав коллекций предметов.

Коллекция **АКУ-54** насчитывает 30 коллекционных номеров, из числа которых при подготовке статьи не был обнаружен трехлопастной наконечник стрелы из бронзы. Коллекционная

опись 1956 г. не содержит данных об авторе раскопок, отмечено только название памятника – Свиногорское городище и год проведения раскопок – 1915.

Изучение публикаций Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете позволило установить автора раскопок – это был П.А. Пономарев, который по поручению Общества естествоиспытателей при Казанском университете в 1915 г. произвел раскопки Свиногорского городища (Вараксина, 1929, с. 87). 17 января 1917 г. им был сделан доклад «Отчет об экскурсии летом 1915 г. в Вятскую губернию (Раскопка Свиногорского городища бронзово-эпохи)» в Обществе естествоиспытателей, который так и не был опубликован (Протокол, 1917, с. 40). Несколько ранее, в 1916 г., коллекция была пожертвована в Географический кабинет Казанского университета, а после образования музея археологии, передана в его фонды. Часть керамики из коллекции была опубликована, имеется и описание пластины с отверстиями как предмета неопределенного назначения (Вараксина, 1929, с. 97, табл. 8: 1, 2, 7). Несмотря на то, что А.В. Збруева упоминает о 39 фрагментах керамики из раскопок П.А. Пономарева, хранящихся в Казани (Збруева, 1941, с. 107), в настоящее время здесь содержится лишь 29 единиц.

Наибольшее внимание в коллекции привлекает фрагмент предмета, изготовленного из рога лося (*Alces alces*) (рис. 1: 9) с помощью раскрытия распила роговой основы, подруба боковых и торцевых граней, а также подтесывания. На слабо залощенной пластине отмечено три круглых сквозных отверстия, выполненных двусторон-

ним сверлением. Судя по отсутствию завальцовки стенок и края отверстий, следы использования предмета отсутствуют, вероятно, он является заготовкой¹.

Толщина пластины (4,43 мм) не позволяла эксплуатировать ее в качестве псалия, она могла быть использована как накладка или деталь упряжи с отверстиями. Пластины с отверстиями АКИО обычно так и определяются, как элементы одежды или детали упряжи (Ашихмина и др., 2006, рис. 48: 5; 50: 2; 54: 2; 79: 7).

Присутствующие в коллекции наконечники стрел относятся к двум разным типам:

1 – наконечник (рис. 1: 11) овально-линзовидного сечения с вытянуто-листовидным пером и слабо намеченным переходом от пера к черешку (группа III, тип 2)², изготовленный из компакты длинной трубчатой кости копытного средних размеров (*Ungulate*) с помощью операций продольного раскрытия кости, строгания, подрезки, шабрения, шлифовки крупным абразивом и лощения. Острие наконечника залощено в процессе использования.

2 – наконечник (рис. 1: 12) с подтреугольным острием и дугообразным сечением пера ланцетовидной формы с небольшим расширением в средней части и слабо выделенным черешком, имеющим природный паз (группа IV, тип. 1). Предмет изготовлен из пястной кости северного оленя (*Rangifer tarandus*) с использованием операций

¹ Трасологическое изучение предметов и фиксация следов их изготовления и использования выполнены к.б.н. Е.Е. Антипиной.

² Типология костяных наконечников дана по Ашихминой и др., 2006.

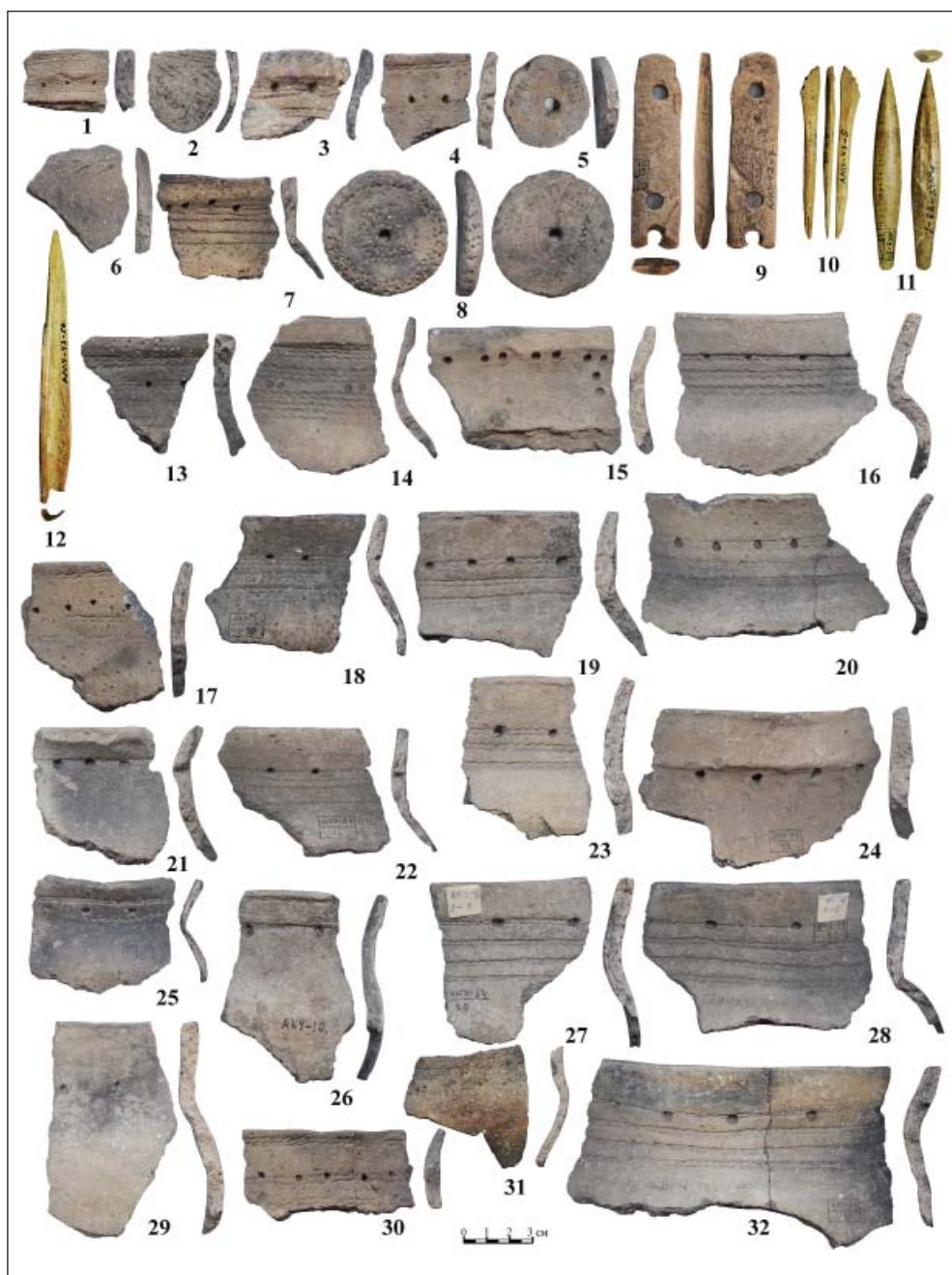

Рис.1. Коллекция АКУ-54, Свиногорское городище, находки из раскопок П.А. Пономарева, 1915 г. 1–8, 13–32 – глина; 9– рог, 10–12 – кость.

Fig. 1. Collection ACU-54, Svinogorie hillfort, findings from excavations by P.A. Ponomarev, 1915 1–8, 13–32 – clay; 9 – horn, 10–12 – bone.

продольного раскроя кости, подрезки, строгания, шабрения и лощения. В процессе эксплуатации острое было залощено сильнее остальной поверхности.

Последним изделием из кости в данной коллекции является проколка (рис. 1: 12), изготовленная из малой берцовой кости свиньи (*Sus domestica*), обработанной с помощью операций строгания и шабрения. Острие имеет хорошо выраженное рабочее лощение.

В составе коллекции АКУ-54 присутствуют два пряслица.

Первое (рис. 1: 8), относится к керамическим усеченно-коническим – тип 3 (по Черных и др., 2002, с. 47). По выпуклой части оно покрыто гребенчатым орнаментом образующим концентрические круги, по ребру короткими наклонными гребенчатыми отпечатками.

Второе пряслице (рис. 1: 5) дисковидно-асимметричной формы изготовлено из стенки сосуда, орнамента не имеет, подобные предметы известны по материалам Аргыжского городища АКИО (Черных и др., 2002, с. 47, рис. 58: 1–9; 59: 4).

Керамический комплекс коллекции АКУ-54 подразделяется на две неравные группы, к первой, меньшей по количеству, относится керамика с гребенчато-шнуровым орнаментом (рис. 1: 1–3, 6, 7, 13, 31), который располагается на шейке сосуда, выше и ниже уровня ямок. Ямки неглубокие, на трех из четырех венчиков присутствует воротничок (рис. 1: 1, 3, 7).

Гребенчато-шнуровая орнаментация встречается на ананьинской посуде, начиная с зуево-ключевской стадии развития керамики АКИО, разработанной Л.И. Ашихминой (2014, с. 72–

74), однако воротничковая керамика появляется лишь на каменноложской стадии. Сочетание этих двух признаков: воротничка и гребенчато-шнуровой орнаментации в АКИО было возможно лишь в VI–V вв. до н. э. на протяжении конца первого (II.1) и всего второго этапов (II.2) среднего периода АКИО.

Ко второй группе относится керамика: со шнуровым орнаментом, расположенным ниже уровня ямок на плечиках и в нижней части венчика (рис. 1: 14, 16, 18–20, 22, 23, 27, 28, 32), и с ямочным орнаментом (рис. 1: 15, 29) – ямки неглубокие, диаметр небольшой. Аналогии данной посуде имеются среди керамики ныргындинского типа – IV–III вв. до н. э. (Чижевский, 2017, с. 220, 221, 230, рис. 4: 10; 8: 3, 6, 7, 9, 10; 12: 5–9, 11–13, 15–18). Группировка ямок в виде фестонов (рис. 1: 15) присутствует на керамике белогорского – VI–III вв. до н. э. (Чижевский, 2014, с. 211, рис. 3: 11; 5: 2, 10; 7: 10) и ныргындинского типов (Вараксина, 1929, табл. 8: 3).

К этой группе относится несколько воротничковых сосудов (рис. 1: 21, 26) и сосудов с разреженным прерывающимся шнуровым орнаментом (рис. 1: 4, 17, 25, 30).

Воротничковые сосуды с ямками и разреженным одинарным шнуром встречены в слоях догородищенского поселения на месте Скорняковского городища (последняя четверть V – первая четверть IV в. до н. э.) (Чижевский и др., 2016, с. 46, рис. 39: 2, 7, 9). Керамика с парным шнуром, расположенным на шейке сосуда, выше и ниже уровня неглубоких ямок небольшого диаметра встречена в заполнении объекта № 1 (IV–III вв. до н. э.) на Скорняковском городище

Рис. 2. Коллекция АКУ-56, Пижемское городище, находки из раскопок А.С. Лебедева, 1906 г. 1–11 – кость.

Fig. 2. Collection ACU-56, Pizhma settlement, findings from excavations by A.S. Lebedev, 1906 1–11 – bone.

(Чижевский и др., 2016, с. 51, рис. 42: 1–3).

Исходя из представленных данных, присутствующие в коллекции АКУ-54 предметы свидетельствуют о функционировании Свиногорского городища на протяжении среднего (конец этапа II.1 – этап II.2) – VI–V вв. до н. э. и позднего – конец V–III вв. до н. э. периодов существования АКИО (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 102; Чижевский, 2017, с. 230).

По описи 1956 г. коллекция АКУ-56 насчитывает 17 коллекционных номеров, однако в настоящее время в ее составе присутствует только 11 предметов из кости. Данные об авторе отсутствуют, на титульной

странице отмечено название памятника – Пижемское городище. Более подробная информация также получена из публикаций Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, согласно которой раскопки на Пижемском городище, в ходе которых была собрана коллекция, состоящая из 600 с лишним предметов, были проведены в 1906 г. А.С. Лебедевым (1907, с. 448). В 1907 г. она экспонировалась в Обществе археологии, истории и этнографии, а в декабре 1913 г. 43 предмета из ее состава были переданы Ф.А. Лихачевым в Географический кабинет Казанского университета (Вараксина, 1929, с. 91). Большая часть

коллекции А.С. Лебедева хранится в Государственном историческом музее, несколько предметов автор раскопок передал в дар музея г. Сарапула, где они находятся и поныне (Ашихмина и др., 2006, с. 12). Лишь часть коллекции была опубликована, в основном это касается находок, хранящихся в ГИМе и г. Сарапуле (Лебедев, 1907, табл. 1: 1–25, 2: 1–53; Збруева, 1952; Ашихмина и др., 2006), из состава коллекции Казанского университета ранее публиковался лишь один фрагмент керамики (Вараксина, 1929, табл. 8: 3).

Почти половина из числа сохранившихся в коллекции АКУ-56 предметов, относится к охотничьему снаряжению – наконечникам стрел или их заготовкам. Один из них представляет собой фрагмент трехгранного наконечника (группа II, тип 1) с вытянутым узким и длинным пером (рис. 2: 1), изготовленный из пясти/плюсны лося путем продольного раскроя кости, спила граней, шлифовки мелким абразивом; на поверхности отмечено лощение, возникшее, по-видимому, в процессе использования.

Заготовкой для трехгранного наконечника стрелы был осколок трубчатой кости (рис. 2: 6). Об этом свидетельствует форма близкая к очертаниям распространенных на памятниках АКИО наконечников стрел (Ашихмина и др., 2006), а также микроанализ поверхности, который зафиксировал следы обтесывания формы тяжелым лезвием. На плоской широкой стороне обнаружены следы от лезвия (около 10 мм) железной стамески, с помощью которой производилась первая фаза раскроя исходного сырья – разбивание

диафиза на осколки определенной формы. Следы использования отсутствуют.

Следующим предметом из этой серии является заготовка наконечника стрелы (рис. 2: 4) из компакты диафиза пясти лося, выполненная при помощи обтесывания формы, строгания и легкого лощения. Она относится к группе III тип 2, и имеет овально-линзовидное сечение, и вытянуто-листовидную форму со слегка намеченным переходом от пера к черешку. Следы использования отсутствуют.

Заготовкой наконечника стрелы (рис. 2: 11) было и незаконченное изделие из большой берцовой кости лося. Для придания предмету формы применялась отбивка железной стамеской. Следы использования отсутствуют.

В коллекции АКУ-56 представлены орудия труда, к их числу относится стамеска с узким игловидным клинком и слабо намеченным переходом к черешку, трапециевидная в сечении с рабочим краем шириной не менее 5 мм. Сырьем для нее послужила компакта длинной трубчатой кости крупного копытного (рис. 2: 2); процесс изготовления включал продольный раскрой кости, распиловку по граням, шлифовку мелким абразивом. Она была расколота по длинной оси еще в древности. Зафиксировано лощение заостренного конца и волнистый износ рабочего края в процессе использования.

К орудиям труда относится острие из плюсовой кости северного оленя, оно имеет дугообразное сечение, обусловленное анатомическим строением диафиза (рис. 2: 3), и вытянуто-листовидную форму, наибольшее расширение приходится на среднюю

часть. Для производства данного изделия применялись следующие операции: продольный раскрой кости, строгание, шабрение, шлифовка крупным абразивом, лощение. Зафиксированы следы использования, такие как асимметричная сработанность острия и полировки его поверхности при соприкосновении с мягким материалом (кожей).

Лощило (рис. 2: 10) изготовлено в результате обстругивания грифелька лося. Сохранился эпифиз, который укреплял рукояточную часть орудия, а иногда, благодаря сложной анатомической форме, мог служить рабочим краем. Орудие использовалось в работах с керамикой, на что указывает характерная яркая заполированность и осветленность с одной стороны самого кончика острия.

Инструмент из аналогичного сырья – грифелька лося, но без эпифиза (рис. 2: 8), изготовлен с помощью подрезки проксимального конца. Зафиксированные следы рабочей заложенности заостренного конца орудия, а также мелкие короткие параллельные царапины, образовавшиеся, вероятно, при плетении, свидетельствуют об его использовании в качестве кочедыка.

Трасологический анализ фрагмента грифельной кости лошади (*Equus caballus*), не проводился (рис. 2: 5); на поверхности предмета отмечены следы заложенности, образовавшиеся при использовании его, вероятно в качестве проколки.

Два предмета (рис. 2: 7, 9) изготовлены из пястных костей лошади при помощи диагонального подруба диафиза на конус, строгания, шлифовки мелким абразивом. Они отличаются лишь по способу изготовления отверстий: в первом случае осуществ-

лялось сверление сквозного отверстия (рис. 2: 9) во втором – прорезка сквозного прямоугольного отверстия, и, дополнительно – полировка поверхности (рис. 2: 7). В обоих случаях конус острия заложен в процессе использования, но на стенках отверстия нет следов износа.

Традиционно подобные изделия относят к орудиям, связанным с обработкой земли (подробно об истории вопроса: Ашихмина и др., 2006, с. 47–49). Впрочем, велика вероятность их использования в качестве втоков для копий или иных древковых предметов, об этом свидетельствует находка такого изделия в погр. 19 Мурзахинского II могильника, где оно лежало у ног погребенного на одной линии с бронзовым наконечником копья, размещенным у плеча³.

Предметы из коллекции АКУ-56 имеют широкие рамки бытования и могут датироваться лишь в пределах всего времени существования АКИО (IX–III вв. до н.э.).

Согласно описи 1956 г. коллекция **АКУ-63** состоит из 19 коллекционных номеров, в конце описи написано: «необработанные кости списаны». При подготовке статьи коллекция насчитывала 23 предмета. На титуле отмечено название памятника – Уфа, Шихан, год проведения раскопок или передачи коллекции – 1888, автор раскопок – Нефедов, и уточнение места проведения работ – устье р. Белой.

Однако работы на Бельском Шихане Ф.Д. Нефедов проводил лишь в 1894 г., а среди находок, полученных на этом памятнике, костяные изделия отсутствовали, автор раскопок упоминает лишь керамику, бронзовые и же-

³ Раскопки А.А. Чижевского, 1995 г.

Рис. 3. Коллекция АКУ-63, Уфимское «Чёртово» городище (Уфимский Шихан), находки из раскопок Ф.Д. Нефедова, 1878 г. 1, 4, 6–11, 14–16, 19, 20 – кость; 5 – кость осетровой рыбы; 12 – клык хряка; 2, 3, 13, 17, 18 – рог.

Fig. 3. Collection ACU-63, Ufa “Chertovo” hillfort (Ufa Shihan), findings from excavations by F.D. Nefedov, 1878 g. 1, 4, 6–11, 14–16, 19, 20 – bone; 5 – sturgeon bone; 12 – canine tooth of boar; 2, 3, 13, 17, 18 – horn.

лезные предметы, куски руды, кремни и шлаки (Нефедов, 1899, с. 69–70). Таким образом, коллекция находок 1888 г. из Казанского университета не может быть коллекцией раскопок 1894 г. городища Бельский Шихан.

Тем не менее, в перечне памятников, исследованных Ф.Д. Нефедовым, есть еще одно городище, в названии которого присутствует слово «Шихан», это Уфимское (Чертово) городище или Уфимский Шихан (Збруева, 1952, с. 303), работы на котором производились в 1878 и 1894 гг. (Нефедов, 1899, с. 52, 69; Талицкая, 1952, с. 66, № 441; Археологическая, 1976, с. 125, № 1023). Это название совпадает с надписями, сделанными непосредственно на предметах из коллекции, где написано – Уфа. Ш. 88 и надписью на титуле коллекционной описи – Уфа, Шихан. По всей вероятности, часть вещей из раскопок 1878 г. была передана в Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете, а передача коллекции состоялась в 1888 году. В 1887 и 1888 годах Ф.Д. Нефедов производил исследования в Южном Приуралье на территории современных Самарской и Оренбургской областей (Нефедов, 1899, с. 4) и у него была возможность посетить в эти годы Казань. Позднее, к моменту переписывания коллекционных описей в 1956 г., эта информация уже была утрачена и в титул коллекционной описи ошибочно добавлена надпись «устье р. Белой».

В коллекции АКУ-63 выделяется три группы предметов, которые могут быть отнесены к разным культурным и хронологическим горизонтам.

Первая группа связана с АКИО. Данные о существовании ананьинско-

го слоя на Уфимском (Чертовом) городище отсутствуют (Археологическая, 1976, с. 125), однако характерный облик присутствующих в коллекции предметов, а также их хронологическая позиция не оставляют сомнения в наличии ананьинского слоя на данном памятнике.

Наиболее древним предметом в коллекции АКУ-63, был стержневой псалий из рога лося. Он изготовлен путем раскроя роговой пластины, для придания формы применялось обтесывание, а затем шабрение и шлифовка мелким абразивом. На боковой части ближе к краю изогнутого стержня располагаются два круглых сквозных отверстия, выполненные двусторонним сверлением, они окаймлены утолщениями-муфтами, образуя имитацию петель, которые частично выступают за пределы основы и выполнены подрубами (рис. 3: 17). Верхняя часть стержня закруглена. На торцевой части широкого края отмечена орнаментация параллельными нарезками и кольцевая линейная нарезка на противоположном зауженном конце.

Псалий использовался в работе, об этом свидетельствуют:

– завальцовка краев отверстий на обеих сторонах предмета;

– на внешней сторонней псалия, у нижнего отверстия, выявлен широкий сектор сработанности, направленный к центру и задней стороне предмета, оставленный трением ремня;

– под этим отверстием имеются следы прорезов ножом ткани рога, образовавшиеся, вероятно, при перерезании ремней узды.

При профильной экспозиции данный предмет получает большое сходство с бронзовыми трехпетельчатыми псалиями со шляпкой на верхнем

окончании. Наибольшее сходство наблюдается с псалями типа Новочеркасск, варианты «Зандак-38» или «Кочипэ-5» (Кузьминых, Чижевский, 2014, рис. 6: 9, 11), которые не имели такого ложковидного завершения нижней части стержня, как классический вариант новочеркасских псалиев (Чижевский, 2008, с. 52, рис. 32: 13) и потому могли изготавливаться из рога. Так как псалии с двумя отверстиями не оформлялись петлями (известно лишь оформление в виде муфт, когда отверстия располагались по центру стержня), можно предположить, что в ходе использования была утрачена часть стержня с третьей петлей, располагающаяся в его нижней части. В АКИО подобные изделия из металла известны по погр. 153 Мурзихинского II могильника, датируются псалии этого варианта концом IX–VIII вв. до н. э. (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 119).

В коллекции присутствует еще один предмет, имеющий прямые аналогии в АКИО это фрагмент ребра медведя (*Ursus arctos*) в виде анатомически естественно изогнутого стержня с круглым сквозным отверстием на сохранившемся обработанном строганием конце (рис. 3: 11). Для изготовления его использовались следующие операции: поперечный разруб ребра, подруб и подрезка края, подтесывание площадки для отверстия, двустороннее сверление, шлифовка мелким абразивом. Противоположная часть стержня несет следы погрызов собаками, она сломана и растрескалась. Микроанализ фиксирует завальцовку краев отверстия и наличие на обоих выходах сектора сработанности, направленного к концу предмета.

Подобные изделия происходят из Аргыжского и Пижемского городищ АКИО, известны они и по усть-полуйским древностям. В историографии по этнографическим параллелям данные изделия атрибутируются как элементы привязочного поводка собаки, предназначенные для препятствования перегрызанию удерживающих животное ремней (Мошинская, 1953, с. 84, табл. VI: 1; Ашихмина и др., 2006, с. 42, рис. 24: 5, 6; 30: 9).

Одним из самых ярких предметов в рассматриваемой коллекции является крючок, изготовленный из межчелюстной кости лося, на щитке подтреугольной формы отмечены два круглых сквозных отверстия, расположенные вдоль длинной оси изделия (рис. 3: 20). На щитке сохранились – разруб, слом и подрезка края, которые показывают способ отделения межчелюстной кости (сырьевого материала) от черепа животного. Запорная часть крючка утрачена в значительной степени. О том, что предмет использовался по назначению, свидетельствуют выбоины на краях отверстий и лощение на внутренней стороне стержня.

Крючок относится к группе А, тип 1 (Ашихмина и др., 2006, с. 60) костяных крючков АКИО, чрезвычайно распространенных на вятских памятниках. Время бытования костяных крючков, украшенных зооморфными изображениями, относится ко второй половине/концу V – началу III вв. до н. э. (Чижевский, 2017, с. 225), по всей вероятности, к этому же времени относятся и крючки, не имеющие декора, в том числе и экземпляр из коллекции АКУ-63.

Большой интерес представляет стержневидное острие, изготовленное из плавникового луча осетра

(*Asipenser* sp.) (рис. 3: 5). На нем фиксируются следы подрубов обоих концов, а их острия оформлены строгаанием.

Сходные предметы из подобного сырья известны в коллекциях ананьинских городищ Вятки, что позволяет отнести это изделие к АКИО. Данные трасологического анализа вятских находок, позволили предположить их использование в качестве орнаментов по глине (Ашихмина, и др., 2006, с. 44, 45, рис. 35: 6; 37: 1, 3–5; 38: 1). Предмет из коллекции АКУ-63 не имеет следов использования.

К АКИО относится и наконечник гарпунообразного орудия из компакты длинной трубчатой кости копытного крупных размеров (рис. 3: 14). Это плоское одношипное изделие с узким клювовидным пером, на черешке имеется упор в виде двух подчетыреугольной формы выступов. Для его изготовления применялась последовательная цепь операций: продольный раскрой кости, подрубы, строгание, спил по плоскостям пера, скобление, шабрение, шлифовка мелким абразивом. Судя по характерному лощению поверхности, предмет использовался в работе.

Орудие принадлежит к 1 типу гарпунов (по Ашихминой и др., 2006, с. 36, 37), которые имели широкое географическое и хронологическое распространение. Наибольшее количество находок относится к АКИО (Збруева, 1952, табл. X: 4, 6; Вечтомов, 1967, табл. I: 85; Ашихмина и др., 2006, рис. 23: 3; 25: 1, 3–5; 26: 2, 3, 6, 7). Один наконечник встречен на селище Воронки в слое, который А.Х. Пшеничнюк считал, принадлежащим к кара-абызской культуре (Пше-

ничнюк, 1973, рис. 20: 11). Учитывая, что этот памятник является многослойным и его нижний горизонт относится к АКИО (Археологическая, 1976, с. 121; Овсянников, 2014, с. 312), высока вероятность случайного причисления гарпуна к кара-абызским древностям. В силу этих обстоятельств орудие из коллекции АКУ-63 отнесено нами к АКИО.

Ананьинская часть коллекции АКУ-63 содержит ряд ярких предметов-хроноиндикаторов, которые позволяют констатировать функционирование городища на протяжении всего времени существования АКИО в IX–III вв. до н. э.

Три предмета, изготовленные из рога лося, относятся к лопаткам-тупикам, категории широко представленной как на памятниках АКИО, так и кара-абызской культуры. Конструктивно они состоят из втульчатой (2 экз.) или плоской (1 экз.) рукоятки, которая надевалась на черенок, выполненный из иного, чем кость или рог материала⁴, и, собственно, полотна лопатки.

Первая лопаточка дошла до нас в слабо поврежденном состоянии, уцелело полотно – подтрапещевидной формы, утрачена лишь часть рукоятки (рис. 3: 13), вторая сохранилась в виде фрагмента рукоятки и небольшого обломка верхней части полотна (рис. 3: 2). При их изготовлении применялись операции обтесывания, подрезки и строгания боковых и торцевого краев, а также сверление, скобление и легкое лощение втулочной выемки. В технологии производства зафиксиро-

⁴ По определению С.В. Салангиной предметов из Аргыжского городища (2005, с. 22).

рованы некоторые отличия, в первом случае проводился продольный раскрой рога и дополнительно шлифовка мелким абразивом той стороны изделия, на которой сохранена компакта, во втором – легкое лощение плоских сторон. Оба изделия использовались в работе, зафиксированы завальцовка и залощенность торцевого края в процессе манипуляций, боковые края лопаточки не завальцованы.

В отличие от первых двух, третье изделие имеет плоскую рукоять (рис. 3: 18) и сломано вдоль длинной оси. Многочисленные аналогии как в ананьинских так и кара-абызских древностях не оставляют сомнения в её принадлежности к лопаткам-тупикам. Лопаточка изготовлена из рога лося путем раскроя пластины, применялось обтесывание граней, плоских поверхностей и шабрение, а также шлифовка и полировка мелким абразивом плоскостей предмета. Выемки на боках оформлены подрубами. Зафиксировано одностороннее сверление сквозного отверстия в середине пластины. Два углубления над отверстием, вероятно, образовались как первичная наметка для сверления. Изделие эксплуатировалось, заметна залощенность бокового края выемки, возникшая при каких-то манипуляциях, тогда как торцевой край лишь слегка залощен.

Историография вопроса об использовании данной категории предметов обширна, были предположения о применении их в кожевенном деле, бортничестве, ритуальной практике и гигиене (Ашихмина и др., 2006, с. 50, 54). В результате трасологического исследования трех экземпляров из коллекции Аргыжского городища установлено использование их в каче-

стве лоцил для работы с растительными материалами (2 экз.), а также глиной или берестой (1 экз.) (Салангина, 2005, с. 22, 23). Такого рода предметы имеются и на кара-абызских памятниках (Пшеничнюк, 1976, рис. 23: 1, 2; 30: 3; 31: 6; 33: 6; 1993, рис. 12: 5; Овсянников и др., 2007, рис. 22: 9; 41: 7; 53: 6). Таким образом, определить принадлежность лопаток-тупиков из коллекции АКУ-63 к АКИО или кара-абызской культуре не представляется возможным.

Точная хронология предмета, изготовленного из малой берцовой кости медведя, также не определена. На утолщенном конце данного изделия, оформленном подрезкой, с двух сторон прорезано сквозное отверстие, противоположная часть обломана (рис. 3: 16). Оно сопоставимо с игловидными остриями-проколками, широко распространенным среди археологических культур древности, отверстия в области эпифиза на проколках известны как на изделиях АКИО, так и кара-абызской культуры (Пшеничнюк, 1993, рис. 13: 20; Ашихмина и др., 2006, с. 43, рис. 31: 2, 3; 40: 3, 11).

Вторая группа предметов относится к кара-абызской культуре, материалы которой фиксируются на Уфимском (Чертовом) городище (Археологическая, 1976, с. 125).

В коллекции представлено Г-образное орудие с двумя круглыми отверстиями, просверленными с помощью одностороннего сверления, в узкой его части, изготовленное из подвздошного крыла тазовой кости лошади (рис. 3: 19). Рабочий край оформлен с помощью раскола и раздробления части кости, а затем выровнен подрезкой. На поверхности

рабочего края отмечены следы использования в виде заполированности плоской стороны в процессе мездрения и разминания кожи.

Подобные орудия совершенно неизвестны в АКЮ, но широко распространены на памятниках кара-абызской культуры, где получили название тупики. Помимо кара-абызской, такие изделия известны на памятниках убаларского типа и гороховской культуры (Садыкова, 1962, табл. II: 1; Пшеничнюк, 1973, с. 194, 197, рис. 20: 2; 1976, рис. 40: 15, 16; 1983, с. 101, 102, рис. 17: 16, 21).

Аналогии изделию из большой берцовой кости домашней овцы или козы (*Ovicaprinae*) с отрезанными эпифизами и зашлифованными краями среза⁵ (рис. 3: 4) присутствуют в кара-абызских и бахмутинских материалах, где они интерпретируются как рукоятки ножей и иных металлических инструментов (Ищериков, Мажитов, 1962, табл. VIII: 5; Пшеничнюк, 1983, с. 102, рис. 17: 6). Судя по завальцовке торцового края кости, рукоятка использовалась в работе.

Таково же, судя по внешнему сходству, было назначение изделия (рис. 3: 10), изготовленного из плюсны козла (*Capra hircus*) с помощью поперечного подпила нижнего дистального эпифиза, слома, шлифовки крупным абразивом и частичной полировки. Следов эксплуатации нет.

Отсутствие предметов-хроноиндикаторов в этой части коллекции позволяет датировать ее лишь в границах существования кара-абызской культуры – IV в. до н. э. – II в. н.э. (Пшеничнюк, 1973, с. 170, 233, 240).

⁵ Отмечена поперечная отбивка нижнего дистального эпифиза и полировка.

Третья группа предметов связана с бахмутинской культурой, к ней можно отнести только одно изделие – фрагмент пряжки, изготовленной из рога лося. Она сломана пополам вдоль длинной оси, сломана и утрачена также ее задняя планка (рис. 3: 3). Рамка пряжки имеет три широких подтрапециевидных отверстия, выполненных с помощью двустороннего сверления нескольких круглых сквозных отверстий и последующего соединения их срезанием перемычек: заднее – для крепления ремня, среднее – для крепления подвижного язычка, переднее – для пропуска через него незакрепленной части ремня. На боковой стороне, напротив среднего отверстия рамки, просверлено дополнительное круглое отверстие, предназначенное для установки оси, на которой должен был располагаться подвижный металлический язычок. Зафиксированы также, шлифовка и полировка мелким абразивом. О том, что пряжка эксплуатировалась, свидетельствует завальцованность краев боковых полостей. На одной стороне предмета на стенках боковых полостей присутствуют яркие следы сработанности от ремней, продолжающиеся в направлении торцовых краев пряжки.

В АКЮ и кара-абызской культуре костяные пряжки с подвижным язычком неизвестны, такие изделия появляются в Волго-Камье и Приуралье в IV в. н. э. и существуют вплоть до XIII в. (Ахмеров, 1970, с. 186, рис. 3; Мажитов, 1977, с. 14, 35, табл. I: 50, 335, 337; 1981а, рис. 4: 31; 8: 22; 47: 15; 66: 6; 70: 11; 74: 9; Старостин, 2002, с. 37, рис. 11: 10). Широкие даты бытования пряжки позволяют датировать ее только в рамках всего времени существования бахмутинской культу-

ры – V–VIII вв. н. э. (Мажитов, 1981б, с. 25).

Часть предметов из коллекции АКУ-63 не может быть с точностью отнесена к тому или иному культурно-хронологическому горизонту, эти предметы выделены в отдельную группу. Сюда причислены необработанные кости животных, из их числа в коллекции сохранились: нижний правый клык хряка (*Sus domestica*), малая берцовая кость домашней свиньи (рис. 3: 12, 15), верхний левый зуб М-1 лошади, нижний левый резец кабана (*Sus scrofa ferus*), а также вещи, не имеющие точных аналогий или бытующие длительное время.

К таким предметам отнесено стержневидное изделие из расколотой лучевой кости лося с приостренной строганием одной и, грубо обрубленной и обтесанной, противоположной частями (рис. 3: 8). Отсутствие следов использования, технология изготовления, форма и размеры предмета, позволяют сделать заключение что это заготовка наконечника стрелы. Подобной заготовкой наконечника стрелы было грубо обтесанное изделие из пясти или плюсны лося (рис. 3: 7), на котором отмечены следы лощения.

Заготовкой для плоского наконечника стрелы является также предмет, изготовленный из ости лопаточной кости крупного копытного (рис. 3: 9), с помощью операций продольного скола ости, подрубки и строгания.

Неопределенна и хронологическая позиция острия-проколки (рис. 3: 6) из обструганной грифельной кости лошади. Судя по залощенности острия, она использовалась для работы.

Загадочно наличие в коллекции предмета, изготовленного из продольно расколотого фрагмента бедренной

кости лося (рис. 3: 1), на одной из его сторон пять зубцов, выполненных двусторонними прорезами тонкой полукруглой стамеской. Фрагмент сломан и обожжен с одной стороны, следов использования нет.

Стержневые зубчатые изделия на поселениях АКИО обычно относят к элементам оленей упряжки (Ашихмина и др., 2006, рис. 23: 9, 10; 54: 2), однако все они, так же как и их этнографические аналоги, плоские, в то время как предмет из коллекции АКУ-63 имеет в сечении форму сегмента.

Неожиданно близкие аналогии были выявлены среди желобчатых псалиев позднего бронзового века, которые изготовлялись из продольно расколотых трубчатых костей. Предмет из коллекции АКУ-63 наиболее сходен с псалиями майтанского и комаровского типов, которые относятся к алакульской культуре и срубной КИО и датируются XVII–XVI вв. до н. э., хотя существуют и более ранние датировки этих изделий (Бочкарев, Кузнецов, 2010, с. 310, рис. 6: 3, 4; 7: 1, 3–5, 7; 8: 3, 5, 6; Усачук, 2013, с. 154, рис. 21; 43, 1, 2; 58, 1, 2; 59, 1–4; 101, 1). Если принимать во внимание данный факт, то можно предполагать наличие на месте Уфимского (Чертова) городища поселения позднего бронзового века.

В заключение необходимо отметить, что в данной статье опубликованы результаты исследования лишь части коллекций Археологического музея Казанского (Приволжского) федерального университета, его фонды содержат большое собрание костяных и роговых предметов, не подвергавшихся анализу, надеемся, что работы по их изучению будут продолжены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 262 с.
2. *Ахмеров Р.Б.* Уфимские погребения IV–VII вв. н.э. и их место в древней истории Башкирии // Древности Башкирии / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 161–193.
3. *Ашихмина Л.И.* Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология Евразийских степей. Вып. 19. Казань: ИА АН РТ; Отечество, 2014. 300 с.
4. *Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А.* Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тыс. до н.э.). Ижевск: УдГУ, 2006. 220 с.
5. *Бочкарев В.С., Кузнецов П.Ф.* Желобчатые псалии эпохи поздней бронзы евразийских степей // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии / Глав. ред. П.Ф. Кузнецов. Екатеринбург-Самара-Донецк: УРО РАН, 2010. С. 292–343.
6. *Бугров Д.Г.* Археологические коллекции Общества археологии, истории и этнографии в фондах Национального музея Республики Татарстан: к истории передачи (по документам из архива сектора учета НМ РТ) // 125 лет обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского региона. Археологические исследования: сб. научных докладов и сообщений. Ч. 1 / Под ред. С.И. Валиулиной. Казань: КГУ, 2004. С. 26–34.
7. *Вараксина Л.И.* Костеносные городища Камско-Вятского края // ИОАИЭ. Т. 34, вып. 3–4. Казань, 1929. С. 83–121.
8. *Вечтомов А.Д.* Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // Труды IV Уральского археологического совещания / УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 133–155
9. *Гаранин В.И.* КОЕ – Общество естествоиспытателей при Казанском университете // Материалы краеведческих чтений, посвященных 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ, 110-летию со дня рождения М.Г. Худякова / Ред. кол. Г.С. Муханов и др. Казань: РИЦ Школа, 2004. С. 7–11.
10. *Збруева А.В.* Свиногорское городище // МИА. № 1 / Под ред. Н.Н. Воронина. М.-Л.: АН СССР, 1941. С. 100–110.
11. *Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 326 с.
12. *Ищеригов П.Ф., Мажитов Н.А.* Городище Уфа II // АЭБ. Т. I / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. Уфа: БФАН СССР, 1962. С. 140–150.
13. *Кузьминых С. В., Чижевский А. А.* Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2014. № 3. С. 101–137.
14. *Лебедев А.С.* Пижемское городище // ИОАИЭ. Т. XXXIII. Вып. 6. Казань, 1908. С. 448–457.
15. *Мажитов Н.А.* Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.
16. *Мажитов Н.А.* Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981а. 164 с.
17. *Мажитов Н.А.* Южный Урал в VI–VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981б. С. 23–28.
18. *Мошинская В.И.* Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // МИА. № 35 / Под ред. А.В. Збруевой. М.: АН СССР, 1953. С. 72–106.
19. *Нефедов Ф.Д.* Журнал раскопок, произведенных в Прикамье летом 1894 г. // МАВГР. Т. III / Под ред. Д.Н. Анучина. М.: Тип. М.Н. Шарапова, 1899. С. 55–74.
20. *Нефедов Ф.Д.* Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг. // МАВГР. Т. III / Под ред. Д.Н. Анучина. М.: Тип. М.Н. Шарапова, 1899. С. 1–15.

21. Овсянников В.В. Селище Воронки – ранний памятник кара-абызской культуры // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / АЕС. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 303–313.
22. Овсянников В.В., Савельев Н.А., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралья. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.
23. Протокол 498-го очередного заседания Общества Естествоиспытателей при Казанском университете // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Казанском университете, 1915–1916 г. Сорок седьмой год. Казань: Тип. т-ва Труд, 1917. С. 38–40.
24. Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // Археология и этнография Башкирии. Т.V / Под ред. Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева, Н.А. Мажитова. Уфа: БФАН СССР, 1973. С. 162–243.
25. Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала / Ред. Р.Г. Кузеев, Н.А. Мажитов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 35–131.
26. Пшеничнюк А.Х. Новые материалы с поселений Гафурийского района // Поселения и жилища древних племен Южного Урала / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк, В.А. Иванов. Уфа: БФАН СССР, 1983. С. 77–103.
27. Пшеничнюк А.Х. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебнинского могильника // Хронология памятников Южного Урала / Отв. ред. Б.Б. Агеев. Уфа: УНЦ РАН, 1993. С. 32–61.
28. Садыкова М.Х. Новые памятники железного века Башкирии (исследования 1957 г.) // АЭБ. Т. I / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. Уфа: БФАН СССР, 1962. С. 123–132.
29. Салангина С.В. Отчет о научно-исследовательской работе. Трасологический анализ костяных экспонатов Национального музея Республики Татарстан / Архив сектора археологии отдела фондов НМ РТ. Ижевск, 2005. 28 с.
30. Сидорова И.Б. Ученое братство: Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1879–1931 годы). Ч. 1. Казань: Отечество, 2014. 264 с.
31. Старостин П.Н. Нармонский могильник. Казань: Школа, 2002. 62 с.
32. Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Кама (по данным, собранным М.В. Талицким // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. IV / МИА. № 27. М.: АН СССР, 1941. 226 с.
33. Усачук А.Н. Древнейшие псалии (изготовление и использование). Киев, Донецк: ИА НАНУ, 2013. 304 с.
34. Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на реке Вятке. М.: Ин-т компьютер. исследований, 2002. 188 с.
35. Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового - раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) / Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: Школа, 2008. 172 с.
36. Чижевский А.А. Керамика белогорского типа в Самарском Поволжье // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология евразийских степей. Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 211–224.
37. Чижевский А.А. Памятники позднего периода ананьинской культурно-исторической области // АЕС. 2017. № 4. С. 196–256.
38. Чижевский А.А., Черных Е.М., Хисяметдинова А.А., Митряков А.Е., Спиридонова Е.А., Кочанова М.Д., Алешинская А.С. Скорняковское городище на Вятке / Археология Евразийских степей. Вып. 22. Казань: Казанская недвижимость, 2016. 156 с.

Информация об авторах:

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); chijevski@mail.ru

Антипина Екатерина Евстафьевна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник. Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); bikanty@mail.ru

Асылгараева Гульшат Шарипзяновна, кандидат ветеринарных наук, старший научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); gul_shat@mail.ru

Нуретдинова Алсу Ренатовна, главный хранитель фондов музейных предметов Археологического музея. Казанский федеральный университет (г. Казань, Россия); alsu.nuretdinova@rambler.ru

**ASSAMBLAGES OF THE EARLY IRON AGE
FROM THE COLLECTION OF ARCHAEOLOGICAL MUSEUM
OF KAZAN (VOLGA REGION) FEDERAL UNIVERSITY**

A.A. Chizhevsky, E.E. Antipina, G.Sh. Asylgaraeva, A.R. Nuretdinova

The article presents the results of a study of three collections from the funds of the Archaeological Museum of Kazan (Volga) Federal University. The formation of collections is associated with the activity of the Society of Archeology, History and Ethnography and the Society of Naturalists under Kazan University. The collections in question were obtained in late 19th – early 20th centuries as a result of excavations at Pizhma, Svinogorie and Ufa (Chertovo) hillforts. Most of these collections correspond to Ananyino cultural and historical area. In addition, Ufinskoye (Chertovo) hillfort contained items associated with the archaeological cultures of a later period: Kara-Abyz and Bakhmutino cultures. The primary feature of the collections is a significant number of bone and horn articles. The study these items using traditional methods, archaeozoological and trace analysis techniques allowed to obtain new information expanding the perception of the ancient bone crafting technology and the chronology of the monuments in question.

Keywords: archaeology, the Volga-Kama region, Early Iron Age, Early Middle Ages, Ananyino cultural and historical area, Kara-Abyz culture, Bakhmutino culture, archaeozoology, trace analysis.

REFERENCES

1. Bader, O. N. (ed.). 1976. *Arheologicheskaya karta Bashkirii (Archaeological Map of Bashkortostan)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Akhmerov, R. B. 1970. In Smirnov, A. P. (ed.). *Drevnosti Bashkirii (Antiquities of the Bashkiria)*. Moscow: "Nauka" Publ., 161–193 (in Russian).
3. Ashikhmina, L. I. 2014. *Genezis anan'inskoj kul'tury v Srednem Prikam'e (po materialam keramiki i zhilishch) (Genesis of the Ananyino Culture in the Middle Kama Area (According to the Ceramics and Dwellings))*. Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 19. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; "Otechestvo" Publ. (in Russian).
4. Ashikhmina, L. I., Chernykh, E. M., Shatalov, V. A. *Vyatskiy kray na poroge zhelezного века: kostyanoy inventar' anan'inskoj epokhi (I tys. do n.e.) (Vyatka Region on the Threshold of the Iron Age: Bone Inventory of Ananyino Period (Ist Millennium B.C.))*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

5. Bochkarev, V. S., Kuznetsov, P. F. 2010. In Kuznetsov, P. F. (ed.). *Koni, kolesnitsy i kolesnichie stepey Evrazii (Horses, Chariots and Charioteers of Eurasian Steppes)*. Ekaterinburg-Samara-Donetsk: Ural Branch, Russian Academy of Sciences, 292–343 (in Russian).
6. Bugrov, D. G. 2004. In Valliulina, S. I. (ed.). *125 let obshchestvu arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete. Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiya Volgo-Ural'skogo regiona. Arkheologicheskie issledovaniya: sb. nauchnykh докладov i soobshheniy (The 125th Anniversary of the Society of Archaeology, History and Ethnography under Kazan University. Issues of Historical and Cultural Development of the Volga-Ural Region. Archaeological Studies: Collection of Scientific Works and Reports)* 1. Kazan: Kazan State University, 26–34 (in Russian).
7. Varaksina, L. I. 1929. In *Izvestiia obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XXXIV (3–4). Kazan, 83–121 (in Russian).
8. Vechtomov, A. D. 1967. In Oborin, V. A. (ed.). *Trudy IV Ural'skogo arkhelogicheskogo soveshchaniya (Proceedings of the 4th Ural Archaeological Conference)*. Series: *Uchenye zapiski Permskogo gosuniversiteta (Scientific Bulletin of the Perm State University)* 148. Perm: Perm State University, 133–155 (in Russian).
9. Garanin, V. I. 2004. In Mukhanov, G. S. *Materialy kraevedcheskikh chteniy, posvyashchennykh 135-letiyu Obshhestva estestvoispytateley pri KGU, 110-letiyu so dnya rozhdeniya M.G. Khudyakova (Materials of Local History Readings Dedicated to the 135th Anniversary of the Society of Naturalists under Kazan State University, and the 110th Anniversary of M.G. Khudyakov)*. Kazan: “Shkola” Publ. 7–11 (in Russian).
10. Zbrueva, A. V. 1941. In Voronin, N. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 1. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 100–110 (in Russian).
11. Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuu epokhu (History of the Population of the Kama River Region in the Ananyino Time)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkhologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area)* V. *Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
12. Ishherikov, P. F., Mazhitov, N. A. 1962. In Kuzeev, R. G., Salnikov, (ed.). *Arkheologiya i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* I. Ufa: Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences, 123–132 (in Russian).
13. Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2014. In *Povolzhskaya arkhelogiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 101–137 (in Russian).
14. Lebedev, A. S. 1908. In *Izvestiia obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XXXIII (6). Kazan, 448–457 (in Russian).
15. Mazhitov, N. A. 1977. *Yuzhniy Ural v VII–XIV vv. (Southern Urals in the 7th–14th Centuries)* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
16. Mazhitov, N. A. 1981. *Kurgany Iuzhnogo Urala VIII–XII vv. (Barrows of Southern Ural, 8th–12th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
17. Mazhitov, N. A. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: *Archaeology of the USSR* 18. Moscow: “Nauka” Publ., 23–28 (in Russian).
18. Moshinskaya, V. I. 1953. In Zbrueva, A. V. *Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 35. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 72–106 (in Russian).
19. Nefedov, F. D. 1899. In Anuchin, D. N. (ed.). *Materialy po arkhologii vostochnykh gubernii Rossii (Materials on the Archaeology of Eastern Governorates of Russia)* III. Moscow: M.N. Sharapov Publ., 55–74 (in Russian).
20. Nefedov, F. D. 1899. In Anuchin, D. N. (ed.). *Materialy po arkhologii vostochnykh gubernii Rossii (Materials on the Archaeology of Eastern Governorates of Russia)* III. Moscow: M.N. Sharapov Publ., 1–15 (in Russian).

21. Ovsiannikov, V. V. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 303–313 (in Russian).
22. Ovsiannikov, V. V., Savelyev, N. S., Akbulatov, I. M., Vasilyev, V. N. 2007. *Shipovskii mogil'nik v lesostepnom Priural'e (Shipovo Burial Ground in the Cis-Urals Forest-Steppe Area)*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).
23. 1917. In *Protokoly zasedaniy Obshhestva estestvoispytateley pri Kazanskom universitete, 1915–1916 g. Sorok sed'moy god (Minutes of the Society of Naturalists under Kazan University, 1915–1916. Year 1917)*. Kazan: "Tip. t-va Trud" Publ., 1917. 38–40 (in Russian).
24. Pshenichniuk, A. Kh. 1973. In Bikbulatov, N. V., Kuzeev, R. G., Mazhitov, N. A. (eds.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* V. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 162–243 (in Russian).
25. Pshenichniuk, A. Kh. 1976. In Kuzeev, R. G., Mazhitov, N. A., Pshenichniuk, A. Kh. (eds.). *Drevnosti Iuzhnogo Urala (Antiquities of the Southern Urals)*. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 35–131 (in Russian).
26. Pshenichnyuk, A. Kh. 1983. In Pshenichnyuk, A. Kh., Ivanov, V. A. (eds.). *Poseleniya i zhilishcha drevnikh plemen Iuzhnogo Urala (Settlements and Dwellings of the Ancient Tribes of the Southern Ural)*. Ufa: Bashkirian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 77–103 (in Russian).
27. Pshenichniuk, A. Kh. 1993. In Ageev, B. B. (ed.). *Khronologiya pamiatnikov Iuzhnogo Urala (Chronology of the Southern Urals Sites)*. Ufa: Ural Research Center of the Russian Academy of Sciences, 32–61 (in Russian).
28. Sadykova, M. Kh. 1962. In Kuzeev, R. G., Sal'nikov, (ed.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* I. Ufa: Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences, 123–132 (in Russian).
29. Salangina, S. V. 2005. *Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote. Trasologicheskii analiz kostyanykh eksponatov Natsional'nogo muzeya Respubliki Tatarstan (Report on Research Work. Trace Evidence Analysis of Bone Exhibits from the National Museum of the Republic of Tatarstan)*. In *Archive of the Archaeology Sector of the Fund Department at the National Museum of the Republic of Tatarstan*. Izhevsk (in Russian).
30. Sidorova, I. B. 2014. *Uchenoe bratstvo: Obshhestvo arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (1879–1931 gody) (Academic Brotherhood: Society of Archaeology, History and Ethnography under Kazan University (1879–1931))* I. Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).
31. Starostin, P. N. 2002. *Narmonskii mogil'nik (Narmonka Burial Ground)*. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).
32. Talitskaya, I. A. 1941. *Materialy k arkheologicheskoy karte basseyna r. Kama (po dannym, sobrannym M.V. Talitskim) (Материалы к археологической карте бассейна р. Кама (по данным, собранным М.В. Талицким))*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 27. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
33. Usachuk, A. N. 2013. *Drevneyshie psalii (izgotovlenie i ispol'zovanie) (The most ancient psalms (production and use))*. Kiev, Donetsk: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).
34. Chernykh, E. M., Vanchikov, V. V., Shatalov, V. A. 2002. *Argyzhskoe gorodishche na reke Viatke (Argyzh Hillfort on the Vyatka River)*. Moscow: Institute of Computer Research (in Russian).
35. Chizhevsky, A. A. 2008. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).
36. Chizhevsky, A. A. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 211–224 (in Russian).

37. Chizhevsky, A. A. 2017. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4. 196–256 (in Russian).

38. Chizhevsky A. A., Chernykh E. M., Khisiametdinova A. A., Mitriakov A. E., Spiridonova E. A., Kochanova M. D., Aleshinskaia A. S. 2016. Skorniakovskoe gorodishche na Viatke (Skorniaki hillfort on the Vyatka River). Series: *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 22. Kazan: “Otechestvo” Publ. (in Russian).

About the Authors:

Chizhevsky Anrdei A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; chijevski@mail.ru

Antipina Ekaterina E. Candidate of Biological Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitriya Ulyanova St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; bikanty@mail.ru

Asylgaraeva Gulshat Sh. Candidate of Veterinary Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; gul_shat@mail.ru

Nuretdinova Alsu R. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; alsu.nuretdinova@rambler.ru

Статья поступила в номер 07.07.2018 г.

УДК 902.01/58.056

<https://doi.org/10.24852/2018.3.25.88.102>

ПАЛИНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ БИРСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ¹

© 2018 г. В.В. Овсянников, Р.Г. Курманов

В статье рассматриваются результаты палинологического исследования культурных напластований многослойного Бирского поселения. Из расконсервированной стенки раскопа 1978 года было взято 13 проб на споро-пыльцевой анализ. На основании результатов анализов получена колонка изменений растительности в период функционирования поселения. На этом основании выделено три климатические обстановки для региона Прибелья во время перехода от эпохи бронзы к эпохе раннего железа. Два периода увлажненности и период усущения климата. С помощью материалов поселения удалось датировать первый этап увлажнения XII–IX вв. до н. э. Второй период увлажненности в пределах VII–V вв. до н. э. Краткий период аридизации климата рубежом IX–VII вв. до н. э. – рубежом VIII–VII вв. до н. э.

Ключевые слова: археология, переход от эпохи бронзы к эпохе раннего железа, Прибелье, палинология, межовская культура, маклашеевская и постмаклашеевская культуры, ананьинская культура шнуровой керамики, палинология.

Бирское поселение находится на западной окраине г. Бирска (рис. 1: 1). Поселение расположено по берегам ручьев, сливающихся возле площадки памятника (рис. 2). Далее ручей впадает в р. Белая. Топографически памятник занимает участок высокой поймы, высотой 3–4 м над урезом р. Белой. Площадка памятника примыкает к склону мыса коренной террасы, на вершине (высотой около 80 м над уровнем воды) которого расположено Бирское городище (рис. 1: 2). В 50–60-х гг. XX в. на территории памятника была расположена водозаборная станция г. Бирска. В настоящее время станция заброшена. Площадка памятника частично засажена хвойными насаждениями, частично свободна от древесной растительности. Свободное пространство занято луговой растительностью. Через территорию

поселения проходит грунтовая дорога (рис. 2). Берега ручья покрыты зарослями лиственных пород деревьев (береза, ольха) и мелкого кустарника. В настоящее время разрушений площадки памятника не наблюдается.

Бирское поселение открыто А.П. Шокуровым в 1958 году. В этот период проводилось строительство водозаборной станции. Площадка имела значительные нарушения. Поэтому А.П. Шокуровым была собрана представительная коллекция фрагментов керамики и кремневых изделий. Поскольку в собранной коллекции преобладала шнуровая керамика, памятник был отнесен к ананьинской культуре (Археологическая карта Башкирии, № 673, с. 95).

В 1972 г. памятник исследовался И.Б. Васильевым, В.С. Горбуновым (Васильев, Горбунов, 1975,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и ФФИ АН РБ проект 17-11-02001 "а(р)"

Рис. 1. Бирское поселение. Спутниковые фото.

Fig. 1. Birska settlement. Satellite photographs.

с. 149–157). В 1978 г. – В.С. Горбуновым и М.Ф. Обыденновым (Обыденнов, Обыденнова, 1998, с. 30–31). В результате раскопок была вскрыта 152 м² на мысовидном выступе правого берега ручья (рис. 2). Получена стратиграфическая колонка. Выделено четыре культурных группы керамического материала: межовская, курмантауская, ананьинская и бахмутинская (Обыденнов, 1998, табл. 20).

В 2007 году в ходе сплошного археологического обследования территории г. Бирска, на площадке памятника было заложено четыре шурфа (рис. 2). В результате была уточнена территория памятника, а также получена коллекция керамики, среди которой дополнительно к известным группам была добавлена кушнаренковская культурная группа (Акбулатов, Савельев, Овсянников, 2010).

В 2017 году была расконсервирована стенка кв. 23 раскопа 1978 года на Бирском поселении и взяты образцы для палинологии (рис. 2). Из полученного разреза, высотой 0,8 м, взято 13 проб на споро-пыльцевой анализ

(рис. 3). Образцы отбирались снизу вверх. Четыре пробы (СП 1–4) отобраны из предматерикового светло-коричневого суглинка с нечеткой верхней границей, мощностью 0,20 м (слой 3 в таблице 2). Культурные остатки в этом слое встречены только в верхней части. Шесть проб (СП 5–10) – из темно-серой супеси, мощностью 0,33 м (слой 2 в таблице 2). В данной страте наибольшая насыщенность культурными остатками (фрагментами керамики и костей животных) наблюдалась в нижней половине, мощностью 0,15 м. Верхняя часть (мощностью 0,18 м) содержала значительно более бедный культурный слой. Три пробы (СП-11-13) – из гумусированной супеси и дерновинного слоя, мощностью 0,27 м (слой 1 в таблице 2). Эта страта также содержала небольшое количество культурных остатков.

Палинологические исследования включали в себя отбор проб, их камеральную обработку (мацерационный метод), спорово-пыльцевой анализ и последующую подготовку заключения по разрезу. Лабораторная об-

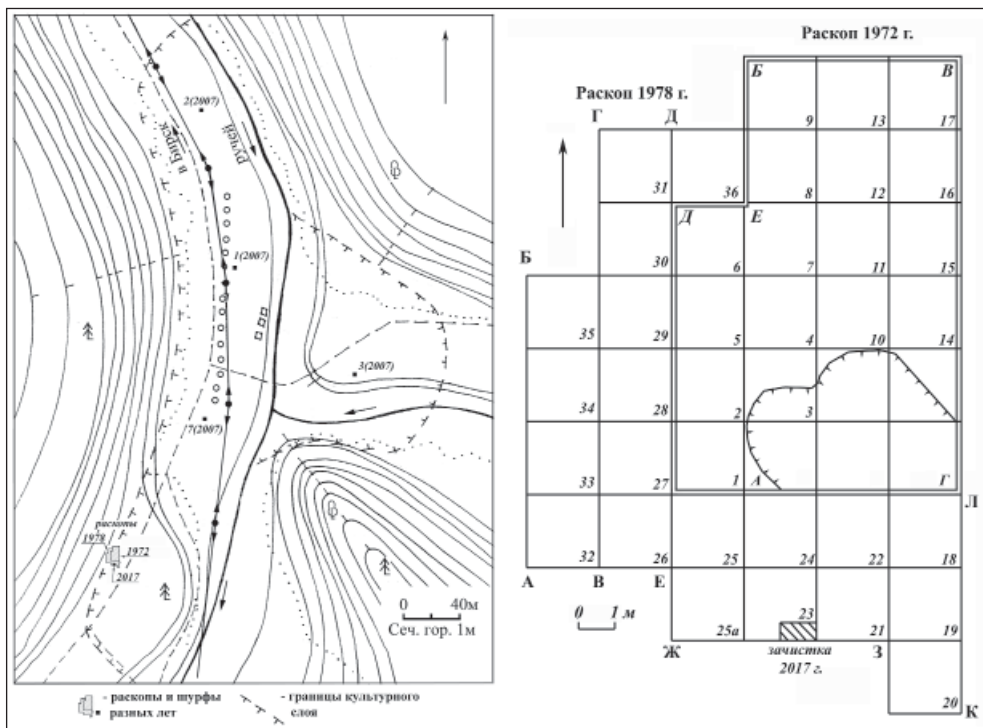

Рис. 2. План Бирского поселения. 2007 г. (слева). Схема раскопов 1972, 1978, 2017 гг. на Бирском поселении (справа).

Fig. 2. Plan of Birsk settlement. 2007 (on the left). Layout of the excavations of 1972, 1978, 2017 at Birsk settlement (on the right).

работка образцов соляной кислотой, щелочью и тяжелой жидкостью проводилась по стандартной методике (Гручик, Заклинская, 1948). Весь материал просматривался полностью. Таксономическая принадлежность изученных палиноморф устанавливалась до уровня вида, рода, семейства и порядка. Расчет результатов анализа проводился по трем основным регистрационным группам: древесно-кустарниковая пыльца (Arboreal Pollen – AP), травянисто-кустарниковая пыльца (Non-Arboreal Pollen – NAP) и споры (Spores – SP). Сначала вычисляли общее процентное соотношение этих групп (за 100% бралась сумма всех зарегистрированных пыльцевых зерен и спор), а затем долю предста-

вителей каждого таксона от суммы всех спор и пыльцы. Большая часть полученных в результате палинологического анализа спорово-пыльцевых спектров (7 образцов) содержала репрезентативное число палиноморф (не менее 50 зерен).

Полученные данные споро-пыльцевого анализа сведены в таблицу (табл. 1) и соотнесены со стратиграфической колонкой и культурно-хронологическими горизонтами, полученными в ходе археологических исследований (табл. 2). В результате получена следующая картина жизнедеятельности памятника. Поселение начало функционировать в конце эпохи финальной бронзы. К этому периоду относится межовский керамиче-

ский комплекс (рис. 4), относимый М.Ф. Обыденновым к ахметовскому этапу межовской культуры (Обыденнов, 1986, с. 55). Дополнительно комплекс датируется по находке бронзового кинжала XII в. до н. э. (Обыденнов, 1998, с. 44). К началу функционирования поселения площадка памятника представляла собой опушку широколиственного липово-вязового леса (СП 1-4). Поблизости имелся водоем, по берегам которого росли дербенник и розог. Открытые пространства занимали злаки и разнотравье. Элементы синантропной растительности (маревые, полынь) отмечены лишь на последних стадиях. Климат был влажным (табл. 2).

В дальнейшем на основе данных пробы СП 5 можно сделать вывод, что данная территория подверглась подтоплению и заболачиванию (табл. 2). В состав липово-вязовых лесов с примесью сосны и березы стали внедряться элементы пойменных лесов (ольха). На опушках разрастались розоцветные, вероятно, малина и папоротники. Небольшие открытые пространства были заняты лишь прибрежно-водной растительностью (рогоз). На заболоченных участках росли сфагнум и зеленые мхи.

Данным обстоятельством объясняется незначительность межовских материалов на исследованной территории. По данным статистики, приведенным М.Ф. Обыденновым, межовская керамика составляла лишь 10,7% от всей керамической коллекции, собранной в раскопах 1972 и 1978 г. и значительно уступает керамике эпохи раннего железа, которая составляла 80,3% от всей посуды памятника (табл. 3). В целом можно сделать вывод, что в межовское время здесь су-

ществовало сезонное поселение в за-тапливаемой пойме.

Одновременно на мысу коренной террасы Бирского городища также зафиксирован культурный слой с почти теми жекерамическими культурными группами. Межовский комплекс керамики здесь также отнесен М.Ф. Обыденновым к ахметовскому этапу (Обыденнов, 1986, с. 55). Однако соотношение комплексов здесь иное. Процентное содержание межовского значительно выше комплекса раннего железного века (24% и 9% соответственно) (табл. 3). Таким образом, на городищенской площадке функционировало постоянное, возможно базовое межовское поселение. Слой на городище вскрыт незначительный, вероятно, поэтому данных о жилых постройках нет (Обыденнов, Обыденнова, 1998, с. 31–32).

По данным М.В. Обыденнова, для межовских поселений нередким является размещение на высоких мысовых площадках, которое позднее использовалось как городища (Обыденнов, 1986, с. 14–15). Другой тип памятников – стоянки с незначительным культурным слоем, расположенные в поймах рек (там же). Таким образом, бирский комплекс поселений отражает общую тенденцию, характерную для межовского времени в нижнем и среднем Прибелье. Влажный климат, заливаемые и заболачиваемые пойменные участки вынуждали селиться на высоких мысовых площадках, а пойменные участки использовать кратковременно, в наиболее сухой период года.

Следующая проба (СП 6) фиксирует процесс аридизации (табл. 2). В смешанных лесах резко возрастает роль березы и сосны, появляется дуб.

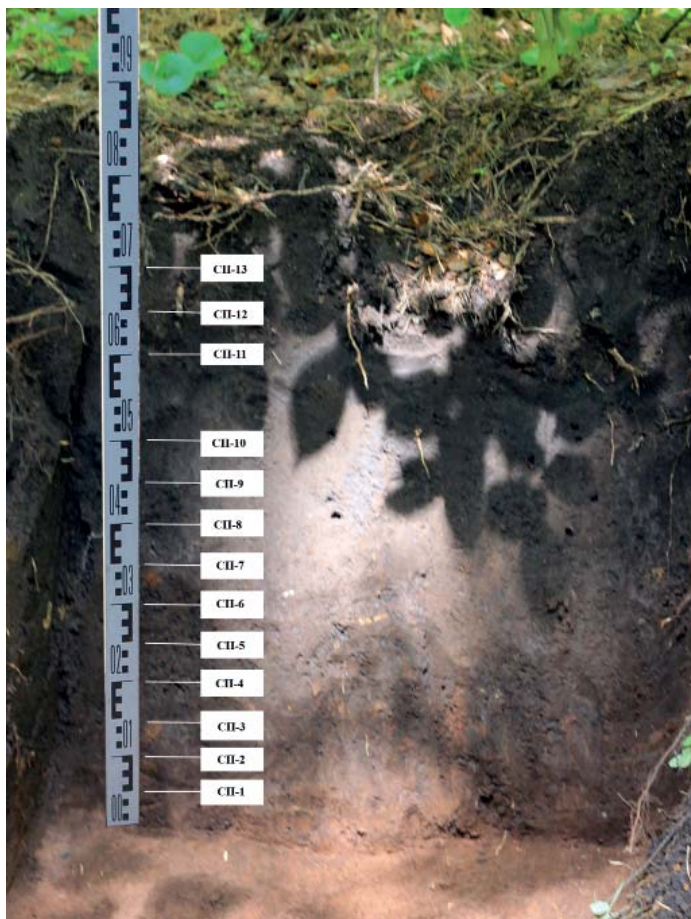

Рис. 3. Место отбора образцов для споро-пыльцевого анализа в кв. 23, раскоп 1978 года на Бирском поселении. Фото Р.Г. Курманова.

Fig. 3. Location of sampling for spore-pollen analysis in q. 23 of the 1978 excavation at Birsk settlement. Photographs by R.G. Kurmanov.

Открытые участки занимают ксерофиты: злаки и мордовник. Появляется синантропная растительность. Несмотря на сухость климата, на территории по-прежнему встречались заболоченные участки. С этим горизонтом соотносится появление керамических комплексов курмантауского и раннешнурового облика. Датированных предметов при раскопках найдено не было. Поэтому дата может быть определена лишь с помощью керамического комплекса.

Посуда курмантау Бирского поселения уже в первой публикации описана как вполне однородная (Васильев, Горбунов, 1975, с. 151–152). В дальнейшем В.А. Иванов в своих статистических выкладках также использовал бирский комплекс курмантау как гомогенный (Иванов, 1978; Белавин, Иванов, Крыласова, 2009). Тогда как еще В.Н. Марков предлагал рассмотреть типологическое членение внутри курмантауской группы Бирского поселения. По его мнению,

Таблица 1

Вертикальное распространение спор и пыльцы по стенке раскола Бирского поселения

порядковый № образца	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
№ образца в СП журнале	СП 1	СП 2	СП 3	СП 4	СП 5	СП 6	СП 7	СП 8	СП 9	СП 10	СП 11	СП 12	СП 13
Глубина отбора образцов, м	0,75	0,70	0,65	0,60	0,55	0,50	0,45	0,40	0,35	0,30	0,20	0,15	0,10
Содержание AP	-	-	-	-	56	55	50	61	-	-	76	56	77
Содержание NAP	-	-	-	-	4	11	32	19	-	-	6	19	8
Содержание SP	-	-	-	-	40	34	18	20	-	-	18	25	15
Пыльца деревьев и кустарников (AP), %													
Сосна обыкновенная (<i>Pinus sylvestris</i>)			+		4,0	17,0	8,0				57,4	26,9	70,3
Ель (<i>Picea</i> sp.)							2,0	3,7			1,5	3,8	0,5
Пихта (<i>Abies</i> sp.)											1,5		1,0
Лиственничная (<i>Tilia cordata</i>)			+	+	14,0	15,1	22,0	18,5	+	+	5,9	13,5	
Вяз (<i>Ulmus</i> sp.)		+	+		16,0	7,5	14,0	20,4	+	+	7,4	5,8	3,5
Дуб (<i>Quercus</i> sp.)						1,9		3,7			1,5		
Лещина (<i>Corylus</i> sp.)										+			
Береза (<i>Betula</i> sp.)					4,0	7,5			+		1,5		0,5
Ольха (<i>Alnus</i> sp.)					2,0		4,0	5,6				1,9	0,5
Ива (<i>Salix</i> sp.)													
сем. Розоцветные (Rosaceae)					16,0	5,7		9,3		+		3,8	1,0
Пыльца трав и кустарничков (NAP), %													
Полынь (<i>Artemisia</i> sp.)				+					+				1,0
сем. Маревые (Chenopodiaceae)				+		3,8		1,9			2,9	1,9	1,0
сем. Злаки (Poaceae)			+	+		5,7		5,6	+		2,9	11,5	1,5
п/сем. Астровые (Asteroideae)			+	+			4,0		+				0,5

Соотношение стратиграфической колонки, изменения природно-климатических условий и культурно-хронологических горизонтов
Бирского поселения

гг. (см)	Стратиграфия ¹	СП	Природно-климатические характеристики	Культурные горизонты	Даты
0			Опушка соснового леса с примесью ели, пихты и широколиственных и мелколиственных пород. Высокая доля и разнообразие синантропных растений указывает на сильно антропогенное воздействие.	Современность	
10			Признаки похолодания и сухости климата. Доминирование сосновых лесов с высокой долей широколиственных пород. На открытых пространствах – сухая злаковая растительность.	Бахмутинский и кушнаренковский комплексы	V-VII вв. н.э.
20			Признаки увеличения влажности. Увеличивается площадь пойменных ольховых лесов. Исчезают сосна и береза. Повышается доля и разнообразие синантропной растительности.	Смешанный горизонт. Встречены материалы раннего средневековья и раннего железного века.	
30			Признаки аридизации климата. Признаки подтопления и заболачивания.	Маклашевский, курмантауский, ранне-шнуровой комплексы	IX-VII вв. до н.э.
40				Межовский комплекс	XII-X вв. до н.э.
50				Культурные остатки отсутствуют	
60			Опушка липово-вязового леса. Поблизости – водоем с зарослями дербенника и рогоза. На открытых пространствах – злаки и разнотравье. На последней стадии (СП-4) отмечены элементы синантропной растительности (начало освоения площадки поселения человеком). Признаки увлаженности климата.		
70					
80					

¹ 1 – гумусированная супесь, дерновинный слой, 2 – темно-серая супесь, 3 – светло-коричневый суглинок.

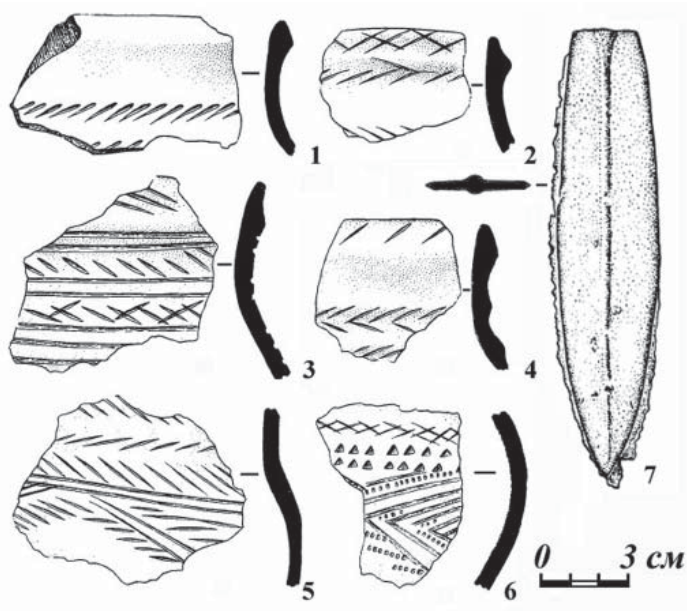

Рис. 4. Межовский комплекс Бирского поселения.

1-6 – керамика, 7 – бронза (по Васильев, Горбунов, 1975).

Fig. 4. Mezho complex of the Birsk settlement. 1-6 – ceramics, 7 – bronze. (after Васильев, Горбунов, 1975).

это дало бы возможность выделить внутри «чистых» курмантауских комплексов как маклашеевскую (постмаклашеевскую), так и собственно «курмантаускую» посуду (Марков, 2007, с. 50).

При ближайшем рассмотрении курмантауская коллекция Бирского поселения действительно выглядит не столь однородной, как показано в литературе. К сожалению, состояние коллекций не позволяет привести подробную статистику по группам керамики и распределение ее по горизонтам. Поэтому мы вынуждены ограничиться лишь описанием отдельных групп.

Часть керамики определенно может быть отнесена к маклашеевской. Для нее характерна примесь песка в глине, сочетание ямок, насечек и резных линий на горле и насечек по срезу венчика (рис. 5). Эта группа керамики наиболее близка маклашеевской посуде поселения Курган (Марков, 2007, табл. 37–40). За верхнюю дату суще-

ствования маклашеевской культуры в современной литературе принята первая половина IX в. до н. э. (Чижевский, 2007, с. 175).

Другой керамической группой, позволяющей определить дату поселенческого слоя, является посуда со шнуровым орнаментом (рис. 6). Одному из авторов уже приходилось отмечать, что шнуровая керамика Бирского поселения близка посуде зуево-ключевской стадии Среднего Прикамья (Овсянников, 2017, с. 75). Последняя датируется в пределах VIII–VII вв. до н. э. (Ашихмина, 2014, с. 92). Также следует учитывать тенденцию в современной литературе к удревнению нижней даты ананьинской культурно-исторической области до IX в. до н. э. (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 107).

Таким образом, выявленный этап аридизации в среднем Прибелье можно датировать в пределах IX–VIII вв. до н. э. Вероятно, с этими климатическими изменениями связано продви-

Рис. 5. Маклашеевская керамика Бирского поселения.
Fig. 5. Maklasheevo ceramics of the Birsk settlement.

жение маклашеевского, постмаклашеевского и среднекамского населения в бельский регион. Поселения в данном районе этого периода преимущественно располагались на низких террасах либо высоких поймах (Андреевское, Симкинское I, Ново-Биктовское, Ново-Тартышевское I и др.). Судя по насыщенности культурных отложений

эпохи раннего железа, Бирское поселение в этот период играло роль постоянного базового поселения.

Далее, как следует из данных образцов СП 7-10, вновь увеличиваются площади пойменных ольховых лесов. Исчезают сосна и береза. Однако освоение территории продолжается, в результате чего повышается доля и

Рис. 6. Раннeshнуровая керамика Бирского поселения.
Fig. 6. Early-corded ceramic of the Birsk settlement.

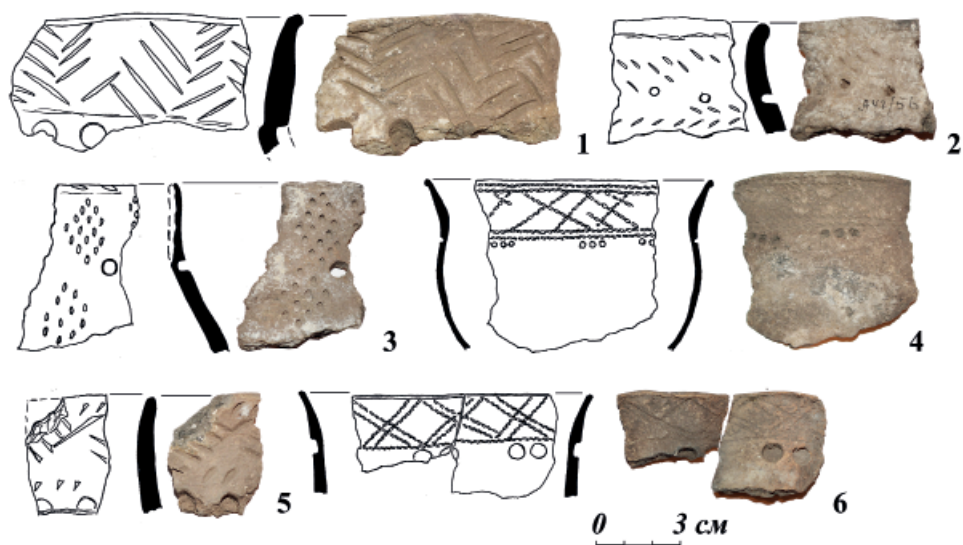

Рис. 7. Керамика эпохи раннего железа Бирского городища.
1–3, 5 – постмаклашеевская; 4, 6 – раннешнуровая.

Fig. 7. Ceramics of the Early Iron Age of the Birsk hillfort.
1–3, 5 – Postmaklasheevka; 4, 6 – early-corded.

разнообразии синантропной растительности. Данная динамика изменений растительного окружения поселения свидетельствует об увеличении влажности в данном микрорайоне. Вероятно, по этой причине Бирское поселение, занимающее участок высокой поймы, у подножия коренной террасы в какой-то момент перестает функционировать.

В то же время на поселении, основанном рядом на вершине коренной террасы – Бирском городище, жизнь в эпоху раннего железа продолжается. Здесь в раскопах 1959–1960, 1978 г. собрана раннешнуровая керамика каракулинской стадии VII–VI вв. до н. э. (рис. 7: 4, 6) и постмаклашеевская керамика VI–V вв. до н. э. (рис. 7: 1–3, 5) (Овсянников, 2017, с. 73). Итак, можно сделать вывод, что к рубежу VII–VI вв. до н. э. нижняя площадка

из-за повышения влажности климата стала непригодна для постоянного поселения и население вынуждено было переселиться на вершину коренной террасы.

Возможно, с этим этапом увлажнения климата связано затухание жизни на большинстве поселений, расположенных в нижнем и среднем Прибелье, относящихся к предкараабызскому периоду. Имеющиеся на сегодняшний день данные не позволяют нам датировать предкараабызские поселения Прибелья позже VI в. до н. э. (Овсянников, 2017). Большинство поселений этого периода в нижнем и среднем течении Белой расположены на низких надпойменных террасах либо на участках высокой поймы, также как и Бирское поселение. Поселения же, содержащие раннешнуровую керамику каракулинского облика VII–

Таблица 3

Соотношение керамических комплексов на Бирских поселениях и городище
(по данным М.Ф. Обыденнова)

группы керамики	Бирское поселение		Бирское городище	
	сосудов	%	сосудов	%
бахмутино	39	9	284	67
кара-абыз ¹	-	-	14	3,3
шнуровая	172	39,7	24	5,7
курмантау	176	40,6	-	-
межово	46	10,7	102	24
ИТОГО	433	100	424	100

¹ В комплекс караабызской керамики М.Ф. Обыденновым включалась и постмаклашеевская посуда.

VI вв. до н. э., постмаклашеевскую VI–V вв. до н. э. и раннекараабызскую V–IV вв. до н. э., расположены на высоких участках коренных речных террас (Бирское I, Камышинские I и II, Биктимировское, Воронки, стоянка им. М.И. Касьянова, Курмантау Верхнее, Касьяновское и Михайловское).

Возможно, с этими же климатическими изменениями связано забрасывание кладбищ VI–V вв. до н. э., расположенных на низких береговых участках (могильник по ул. Трактовой (Уфимский), Старший Шиповский), и их перенесение на возвышенные места (Уфимский, Ново-Уфимский и Шиповский могильники).

Пробы, взятые из верхних горизонтов (СП 11-12), показали, что климат в этот период стал холоднее и суше. Доминировали сосновые леса с высокой долей широколиственных и примесью темнохвойных и мелколиственных пород. На открытых пространствах преобладала сухая злаковая растительность. Следует отметить, что единичные элементы пойменных лесов (ива) и прибрежно-водной растительности (рогоз) встречались и в этот период.

Эта фаза существования поселения связана уже с эпохой раннего средневековья, что маркируется появлением в верхних горизонтах керамики бахмутинского (чандарского) и кушнаренковского облика V–VII вв. до н. э. Эти данные согласуются с результатами исследований стоянки Пестречинская 2 в Среднем Поволжье. Здесь зафиксировано усущение климата в азелинское время по сравнению с ананьинским периодом (Галимова и др., 2016, с. 179).

Следует также обратить внимание, что средневековый материал на нижней площадке менее представлен, чем на мысу городища. Данный факт говорит о том, что в эпоху раннего средневековья основное поселение также находилось на верху коренной террасы, а в пойменной части существовало сезонное поселение.

Общие выводы. В результате палинологического исследования культурного слоя Бирского поселения было выявлено два этапа увлажнения и два этапа усущения климата. Первый этап увлажнения связан с эпохой финальной бронзы. Межовское поселение, возникшее около XII в. до н. э., из-

за повышения влажности перестало функционировать к началу IX в. до н. э.

Далее следует этап аридизации климата. Судя по накоплениям культурного слоя, он был непродолжительным и не выходит за пределы рубежа IX–VIII вв. до н. э. – рубежа VIII–VII вв. до н. э. Этот этап хорошо маркируется маклашеевской и раннешнуровой керамикой.

Далее следует второй этап увлажнения, продолжавшийся довольно длительный период, вероятно, в пределах VII–V вв. до н. э. В этот период признаков жизни на поселении не фиксируется. Период увлажнения заканчивается к началу IV в. до н. э. Это подтверждается материалами Акбердинского II городища, где зафиксировано начало периода усушения климата в среднем Прибелье в период

IV–II вв. до н. э. (Савельев, Овсянников, Курманов, 2017). Результаты, полученные на материалах Прибелья, в определенной мере перекликаются с данными по территории степного Заволжья. Здесь максимальная аридизация климата приходится на IV–III вв. до н. э. (Демкин и др., 2013, с. 140).

Данные по верхним горизонтам Бирского поселения показывают, что в эпоху раннего средневековья климат становится суше и холоднее.

Это исследование пока носит пилотный характер для региона нижнего и среднего Прибелья. Подобных работ в данном районе не проводилось, что придает сделанным в статье выводам о влиянии климатических изменений на культурные процессы предварительный характер и требуют дополнительных изысканий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акбулатов И.М., Савельев Н.С., Овсянников В.В.* Разведочные работы на территории города Бирск // Археологические открытия 2007 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2010. С. 333–336.
2. Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 262 с.
3. *Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: ИПК БГПУ «Вагант», 2009. 285 с.
4. *Васильев И.Б., Горбунов В.С.* Бирское поселение // СА. 1975. № 3. С. 149–157.
5. *Галимова М.Ш., Хисметдинова А.А., Аськеев И.В., Шаймуратова (Галимова) Д.Н., Аськеев О.В.* Природное окружение и хозяйственная деятельность обитателей стоянки Пестречинская 2 на р. Мёша // Поволжская археология. 2016. № 3 (17). С. 168–193.
6. *Гричук В.П., Заклинская Е.Д.* Анализ ископаемых пыльцы и спор и его применение в палеогеографии. М.: Географгиз, 1948. 224 с.
7. *Демкин В.А., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Ельцов М.В., Усольцев С.Н., Каширская Н.Н.* Подкурганые палеопочвы нижеволжских степей как индикаторы динамики климата за истекшее время // Поволжская археология. 2013. № 2(4). С. 126–142.
8. *Иванов В.А.* Население нижней и средней Белой в ананьинскую эпоху: Дисс... канд. ист. наук. Уфа, 1978. 177 с.
9. *Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2014. № 3. С. 101–137.
10. *Обыденнов М.Ф.* Межовская культура. Уфа: БЭК, 1998. 201 с.
11. *Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т.* Археологические памятники Южного Приуралья эпохи железа (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). Уфа: БЭК, 1998. 98 с.
12. *Овсянников В.В.* Предкараабызские памятники Прибелья (некоторые историографические и источниковедческие аспекты) // Археология евразийских степей. 2017. № 4. С. 70–88.

13. Савельев Н.С., Овсянников В.В., Курманов Р.Г. Природные и этнокультурные трансформации на рубеже эр в лесостепи Южного Приуралья (по данным городища Акбердино II) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Сборник научных трудов [Электронный ресурс] / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ. 2017. С. 900–901.

14. Чижевский А.А. Финал бронзового века на территории Нижнего Прикамья: некоторые аспекты проблемы // XVII Уральское археологическое совещание / Отв. ред. В.Т. Ковалева, А.Я. Труфанов. Шаманаев. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 174–175.

Информация об авторах:

Овсянников Владимир Владиславович, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологических исследований. ИИЯЛ УФИЦ РАН (г. Уфа, Россия); atliural@yandex.ru

Курманов Равиль Гадельевич, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник. Институт геологии УФИЦ РАН (г. Уфа, Россия); ravil_kurmanov@mail.ru

PALYNOLOGICAL STUDIES OF CULTURAL LAYERS OF THE SETTLEMENT BIRSK

V.V. Ovsyannikov, R.G. Kurmanov

The paper deals with the results of the palynological study of cultural stratifications of the multilayer Birsks settlement. 13 samples for pollen-spore analysis were taken from the reopened wall of the 1978 excavation. As a result of the analysis, a column of data characterizing the change in vegetation during the existing of the settlement is obtained. Three climatic periods for the Belaya region during the transition from the bronze age to the early iron age are distinguished by the authors – two periods of humidification and two periods of drying climate. By analyzing materials of the settlement the authors managed to date the first stage of humidity of the XII–IX centuries BC. The second period of humidification is dated within the VII–V centuries BC. Brief period of climate aridization is referred to the time from the turn of IX–VIII centuries BC to the turn of VIII–VII centuries BC.

Keywords: archaeology, cis-Urals, Belaya River region, transition from the Bronze Age to the Early Iron Age, palynology, Mezhevka culture, Maklashevka and Postmaklashevka cultures, Ananyino corded ware culture.

REFERENCES

1. Akbulatov, I. M., Savel'ev, N. S., Ovsyannikov, V. V. 2010. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2007 g. (Archaeological Discoveries of 2007)* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 333–336 (in Russian).
2. Bader, O. N. (ed.). 1976. *Arheologicheskaya karta Bashkirii (Archaeological Map of Bashkortostan)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
3. Belavin, A. M., Ivanov, V. A., Krylasova, N. B. 2009. *Ugry Predural'ia v drevnosti i srednie veka (Cis-Urals Ugric Peoples in the Antiquity and Middle Ages)*. Ufa: "Vagant" Publ. (in Russian).
4. Vasil'ev, I. B., Gorbunov, V. S. 1975. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 149–157 (in Russian).

The work was carried out with the support of the RFBR and the FFR of the Academy of Sciences of Bashkortostan Republik project No 17-11-02001 "a(p)"

5. Galimova, M. Sh., Khisyametdinova, A. A., As'keev, I. V., Shaymuratova (Galimova), D. N., As'keev, O. V.). 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 168–193 (in Russian).
6. Grichuk, V. P., Zaklinskaya, E. D. 1948. *Analiz iskopaemykh pyl'tsy i spor i ego primeneniye v paleogeografii (Analysis of Fossil Pollen and Spores and its Application in Paleogeography)*. Moscow: "Geografiz" Publ. (in Russian).
7. Demkin, V. A., Demkina, T. S., Khomutova, T. E., Eltsov, M. V., Uso'tsev, S. N., Kashirskaya, N. N. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 4 (2), 126–142 (in Russian).
8. Ivanov, V. A. *Naseleniye nizhney i sredney Beloy v anan'inskuyu epokhu (Population of the Lower and Middle Belaya River in the Ananyino Period)*. PhD Diss. Ufa (in Russian).
9. Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 101–137 (in Russian).
10. Obydenov, M. F. 1998. *Mezhovskaya kul'tura (The Mezhovka Culture)*. Ufa: "BEK" Publ. (in Russian).
11. Obydenov, M. F., Obydenova, G. T. 1998. *Arkheologicheskie pamyatniki Yuzhnogo Priural'ya epokhi zheleza (I tys. do n.e. – I tys. n.e.) (Archaeological Sites of the Southern Urals in the Iron Age (1st Millennium B.C. - 1st Millennium A.D.))*. Ufa: "BEK" Publ. (in Russian).
12. Ovsyannikov, V. V. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4. 70–88 (in Russian).
13. Savel'ev, N. S., Ovsyannikov, V. V., Kurmanov, R. G. 2017. In Derevyanko, A. P., Tishkin, A. A. (eds.). *V (XXI) Vserossiyskiy arkheologicheskiy s"ezd. Sbornik nauchnykh trudov [Elektronniy resurs] (V (XXI) All-Russian Archaeological Congress [Electronic Resource])*. Barnaul: Altai State University, 900–901 (in Russian).
14. Chizhevsky, A. A. 2007. In Kovaleva, V. T., Trufanov, A. Ya. (eds.). *XVII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie: materialy nauchnoi konferentsii. (19th Ural Archaeological Session: Research Conference Proceedings)*. Ekaterinburg; Surgut: "Magellan" Publ., 174–175 (in Russian).

About the Authors:

Ovsyannikov Vladimir V. Candidate of Historical Sciences. Institute for History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences (IHLL UFRC RAS). atliural@yandex.ru

Kurmanov Ravil' G. Candidate of Biological Sciences. Institute of Geology, Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences (IG UFRC RAS). Oktyabrya Av., 71, Ufa, 450054, the Republic of Bashkortostan, Russian Federation; ravil_kurmanov@mail.ru

Статья поступила в номер 20.04.2018 г.

КУРГАН С «УСАМИ» АТАСУ-2

© 2018 г. А.З. Бейсенов, А.И. Торгоев, Д.Б. Дуйсенбай, И.К. Ахияров

Статья посвящена результатам раскопок комплекса кургана с «усами» на р. Атасу (Центральный Казахстан, Карагандинская область). Курганы с «усами» представляют собой малоизученный тип памятников, которые исследователи датировали периодами саков, гуннов, тюрков. Более точное определение их культурной и хронологической принадлежности является нелегкой, но важной задачей. Курган с «усами» Атасу-2 состоит из одной округлой каменной насыпи и двух каменных гряд, ориентированных на юго-восток. В 1977 г. возле кургана было найдено каменное изваяние сакского типа. Раскопки памятника проводились под руководством А.З. Бейсенова в 2015 г. Под насыпью находились две ямы, в которых были найдены железные наконечники стрел и предметы конского убора. Детали конского убора представлены наконечниками ремней, налобной бляхой, облицовками выступающих вперед частей ленчиков седла. Детали набора изготовлены из сплава золота и серебра в полихромном стиле, имеющем аналогии в памятниках гуннского времени в Восточной Европе. Комплекс датируется авторами на основе аналогий серединой – второй половиной V в. и синхронизируется с древностями горизонта D2/D3 центрально-европейской хронологии Я. Тейрала. Представленные материалы пополняют имеющиеся в науке немногочисленные сведения по гуннской эпохе Центрального Казахстана.

Ключевые слова: археология, Центральный Казахстан, река Атасу, курган с «усами», каменное изваяние, раскопки, детали конского убора, наконечники стрел, хронология, гуннская эпоха.

Памятник и его окружение

Окаймленная многочисленными горными возвышенностями, богатая травой долина реки Атасу в Центральном Казахстане известна в научных публикациях своими многочисленными и яркими памятниками. Заслуга открытия Атасу для археологической науки принадлежит А.Х. Маргулану, впервые посетившему эту местность в конце 1940-х гг. и затем проведшему раскопки поселения металлургов Атасу и ряда других памятников. С середины 1970-х гг. здесь развернулись стационарные исследования М.К. Кадырбаева. В результате этих работ в науку вошел термин «Атасуский микрорайон», основными «опорными» памятниками которого являлись памятники эпохи бронзы. С

2014 г. на Атасу проводятся новые исследования (подробнее о памятниках Атасу см.: (Ахияров и др., 2017; Бейсенов, 2015а; 2015б)).

В районе реки Атасу имеется большая группа курганов с «усами», разбросанных поодиночке или в составе могильников. М.К. Кадырбаев в 1978 г. здесь проводил исследование одной серии этих памятников (Кадырбаев, 1978). Было раскопано четыре кургана с «усами», не содержавших человеческих захоронений (тип I по А.З. Бейсенову, см.: (Бейсенов, 2017)) и не давших датирующих материалов. По поводу основной цели этих работ исследователь отметил следующее: «В курганах с «усами» могильных ям не оказалось. Под насыпями их, на расчищенной площадке лежали кости

Рис. 1. Карта расположения памятника.
Fig. 1. Map of the archaeological site location.

ног лошади, а в восточной стороне – раздавленные глиняные сосуды. Один из них – необычный для ритуальной посуды Центрального Казахстана большой кувшин с крупной ручкой. В связи с появившимися в научной печати и популярных изданиях сообщениями энтомолога профессора П.И. Мариковского о курганах с «усами» как о своего рода примитивных астрономических приборах или даже астрономических обсерваториях типа Стоунхеджа, была произведена детальная инструментальная съемка пяти курганов с «усами» в верховьях реки Атасу. Съемка, осуществленная в дни летнего солнцестояния (21–22 июня) с точным ориентированием на восход солнца конструкции этих курганов, расположенных к тому же в разных топоусловиях, не подтвердила предположений П.И. Мариковского» (Кадырбаев, 1978, с. 7–8). Сейчас можно отметить, что начинание энтомолога П.И. Мариковского в данном

направлении в 1990-х гг. было продолжено физиком Н. Бекбасаровым (см.: (Бейсенов, 1998)). В настоящее же время вопрос о «древних обсерваториях» Казахстана вроде бы отпал.

На территории могильника эпохи бронзы Атасу зафиксированы два кургана с «усами». Курган с «усами» Атасу-2 (рис. 1) находится на северной периферии могильника. Комплекс состоит из округлой сильно каменистой насыпи диаметром 8,3 м, высотой 0,45 м и двух каменных гряд, протянувшихся по направлению на юго-восток. Длина северной гряды 148 м, южной – 150 м. Их ширина – 0,8–1 м. Обе гряды в начале и конце имеют небольшие округлые сооружения диаметром 5–6 м (рис. 2). В 1977 г. в ходе полевых исследований Центрально-Казахстанской археологической экспедиции на территории комплекса, возле насыпи, было найдено каменное изваяние (рис. 3), недавно датированное Л.Н. Ермоленко сакским периодом (Ермоленко, Курманкулов, Касенова, 2015).

Центральную часть каменной насыпи занимает свободное от камней округлое пространство диаметром 3,3 м, густо заросшее кустарником. Таким образом, насыпь представляет собой каменное кольцо шириной 2–2,45 м. Были раскопаны насыпь и начальные сооружения обеих гряд (рис. 4). Последние представлены округлыми выкладками из плотно уложенных камней, под которыми какие-либо находки, кости, ямы отсутствовали.

Под насыпью находились две ямы, расположенные по линии запад–восток. Ниже дернового слоя, мощность которого достигала до 13–15 см, залежали многочисленные корни кустар-

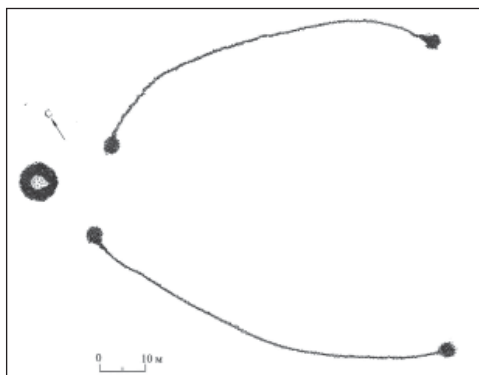

Рис. 2. Курган с «усами» Атасу-2. План.

Fig. 2. The mound with "mustaches" Atasu-2. Plan.

ника, тем не менее общие очертания обеих ям удалось выявить почти сразу, на материковом уровне, с дальнейшей фиксацией стенок в первом штыке.

В западной яме, имеющей округлую форму диаметром 0,5 м и глубиной 0,25 м, в юго-восточном секторе, на дне находились лежащие бессистемно обкладка ленчика седла (рис. 5) из золотого сплава, размерами 18,2×6,3 см, еще два фрагмента от такой же обкладки (рис. 6), прямоугольная накладка (рис. 7) размерами 10,1×2,9 см и семь наконечников ремня (рис. 8). Четыре крупных наконечника (рис. 8: 1) имеют длину 3,6–3,7 см, ширину – 2,3–2,4 см, толщину – 4,5–5 мм. Остальные три наконечника поменьше (рис. 8: 2), имеют длину – 2 см, ширину – 1,2 см, толщину – 4,5–5 мм.

Восточная яма подпрямоугольной формы и размерами 1,45×1 м ориентирована своей длинной осью по линии СЗ–ЮВ. Она фиксировалась до глубины 0,5 м. В восточной яме, в ее северной половине, ближе к северо-восточному углу найдены четыре железных черешковых наконечника стрел (рис. 9: 1) и два сохранившихся фрагмента железных кольчатых удил (рис. 9: 2). Наконечники стрел лежали плотной кучкой, остриями на северо–запад, и, по-видимому, имели

древки, о чем говорят остатки древесного тлена, слабо различимые в грунте. Вплотную к ним с юго-восточной стороны находились фрагменты удил. По-видимому, удила, одна половина которых истлела полностью, были положены поперек стрел, ближе к наконечникам. Наконечники стрел имеют общую длину 5,8–6,3 см. Длина боевой головки 4,1–4,3 см, сохранившаяся длина округлого в сечении черешка – 1,2–1,9 см. Два фрагмента удил имеют длину 5,5 и 4 см, диаметр внешнего кольца 2,5 см.

В юго-восточной половине ямы находились сильно истлевшие фрагменты костей крупного животного (лошадь?). Возможно, были положены несколько крупных частей, среди которых можно допустить наличие одной тазовой кости или же ее крупного фрагмента. На плохую сохранность костей и предметов, очевидно, повлияло постоянное проникновение в яму влаги вследствие стекания дождевой и талой воды в западину, окруженную каменным кольцом. Отобранные два мелких фрагмента костей оказались непригодными для радиоуглеродного анализа.

Обкладки ленчиков седла (три пробы) и наконечники ремней (три пробы) были подвергнуты энергодисперсионному анализу (табл. 1). Как показали его результаты, предметы выполнены из сплава золота и серебра.

Инвентарь

В комплексе были найдены семь поясных наконечников, четыре же-

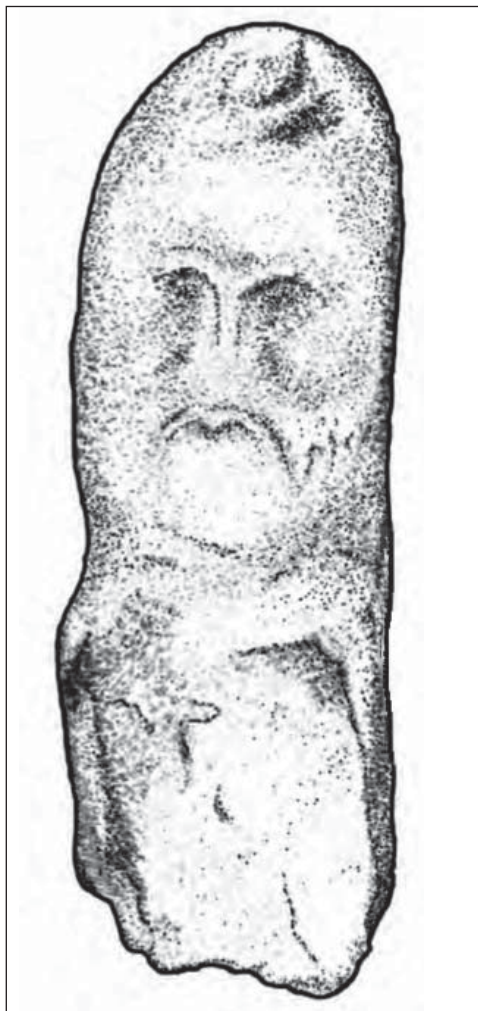

Рис. 3. Каменное изваяние.

Fig. 3. Stone statue.

лезных наконечника стрелы, обломки кольчатых удил, четыре крупных и три небольших ременных наконечника, прямоугольная накладка, пара пластин – облицовка (обкладка) выступающих вперед частей ленчиков седла. Одна пластина сохранилась целиком, а другая в двух фрагментах¹.

¹ Мы благодарим И.Р. Ахмедова и А.А. Красноперова за советы в процессе работы над статьей.

Железные наконечники стрел (рис. 9: 1–4) черешковые, с ромбической боеголовкой, относятся к типу I/1 А, а, по И.П. Засецкой (Засецкая, 1994, с. 37, рис. 4, 5).

Такие наконечники были распространены на большой территории в V–VI вв. и характерны для древностей гуннского и постгуннского периодов. Типологически близкие экземпляры в Казахстане найдены в ряде памятников, в том числе во впускном погребении кургана 2 могильника Назар-2 (Бейсенов, Китов, 2013).

Обломки железных двусоставных кольчатых удил (рис. 9: 5) не могут расцениваться как надежный хронологический индикатор, так как слабо подвержены изменениям и существовали практически без изменений длительный период.

Наиболее интересными и важными для датировки представляются изделия из золота и серебра.

Крупные наконечники вырезаны из сложенной вдвое металлической пластинки (рис. 8: 1). Верхняя часть пластинки округлой формы. Нижняя часть с лицевой стороны оформлена в виде валика, покрытого гофрами. Тыльная часть пластинки занимает немногим менее 1/3 длины наконечника. Боковины, образующие полую нижнюю часть наконечников, напаяны и обрезаны вровень с краем тыльной пластинки. За счет наличия полости изделия могут быть отнесены к типу наконечников, сделанных «коробочкой», наиболее широко распространенных в гуннскую и постгуннскую эпохи (Засецкая, 1994, с. 67–68). На лицевой стороне крупных наконечников напаяны пять гнезд, в которые вставлены красные камни. Гнезда выгнуты из тонких пластинок

Таблица 1

Результаты энерго-дисперсионного анализа предметов из кургана с "усами" Атасу-2. Анализ выполнен на электронно-зондовом микроанализаторе СУПЕРПРОБ 733 (фирма ДЖЕОЛ, Япония). Выполнил к. г.-мин. наук В.Л. Левин, Институт геологических наук им. К.И. Сатпаева, г. Алматы.

Образец: Обкладка седла				
Все результаты в весовых %				
Спектр	Cu	Ag	Au	Итог
Спектр 1	4,90	34,78	60,32	100,00
Спектр 2	4,24	36,26	59,50	100,00
Спектр 3	4,82	35,26	59,92	100,00
Среднее	4,65	35,43	59,92	100,00
Станд. отклонение	0,36	0,76	0,41	
Макс.	4,90	36,26	60,32	
Мин.	4,24	34,78	59,50	
Образец: Наконечник ремня				
Все результаты в весовых %				
Спектр	Cu	Ag	Au	Итог
Спектр 1	4,48	51,91	43,61	100,00
Спектр 2	4,12	51,43	44,46	100,00
Спектр 3	5,79	51,70	42,51	100,00
Среднее	4,80	51,68	43,53	100,00
Станд. отклонение	0,88	0,24	0,98	
Макс.	5,79	51,91	44,46	
Мин.	4,12	51,43	42,51	

индивидуально под каждый камень и по краям обнесены зернью. По краям лицевой пластинки проходит два ряда зерни, разделенные серебряной полоской.

Во всех гнездах перед закреплением камней в пластинке были проделаны отверстия, в которые изнутри вставлены гвоздики, посредством которых наконечники крепились на ремне.

Мелкие наконечники (рис. 8: 2) также сделаны из перегнутой вдвое пластины, имеют гофрированные валики нижних окончаний. На лицевой стороне закреплено по паре гнезд с красными камнями, обведенных зернью. Аналогии наконечникам можно

видеть в инвентаре погребения у озера Борового в Северном Казахстане (Бернштам, 1951, рис. 5; Засецкая, 1995, рис. 7, 5, 6).

Характерной особенностью наконечников обоих типов является наличие гофрированного валика. Этот признак, помимо указанных аналогий, в степных древностях гуннской эпохи встречается в оформлении поясных наконечников из разрушенного погребения у с. Федоровка в Среднем Поволжье (Засецкая, 1994, табл. 34: 11). Но наконечники с гофрированным валиком на нижнем конце существуют весь VI в., причем не только в степи. Известен позднеасанидский пояс с подобным оформлением концов на-

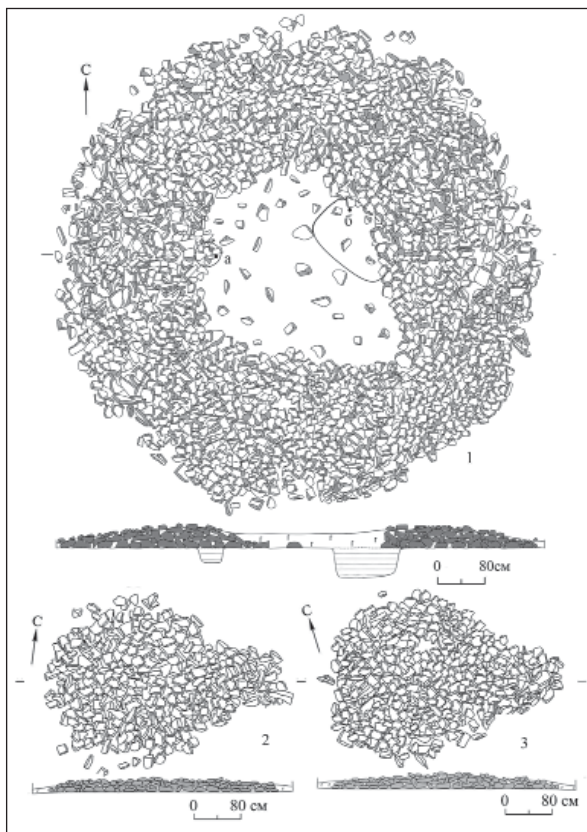

Рис. 4. Раскопанные сооружения. План, разрезы. 1 – насыпь; 2, 3 – начальные сооружения северной (2) и южной (3) гряд. а – предметы конского убора, б – наконечники стрел, удила.

Fig. 4. Excavated constructions. Plan, cuts.

1 – embankment; 2, 3 – the initial construction of the northern (2) and southern (3) ridges. a – items of horse harness, b – arrowheads, bits.

конечников, найденный в Дайламане (Overlait, 1998, p. 268–276, fig. 154), наконечники такого типа встречаются и у авар (Overlait, 1998, fig. 157).

Узкая прямоугольная пластина украшена красными камнями (рис. 7), закрепленными в гнездах, выгнутых индивидуально под каждый камень. Гнезда обведены зернью. В углах пробиты отверстия для крепления к основе. По периметру пластина покрыта двумя рядами выпуклых точек, нанесенных керном с обратной стороны.

Наиболее близкой аналогией ей является пластина из кургана с «усами» Солончанка I (курган 3). В последнем комплексе пластина находилась в скоплении деталей узды и справедливо определена исследователями комплекса как накладка налобного ремня (Любчанский, Таиров, 1999, рис. 24: 7).

Пластины-облицовки выступающих частей ленчика седла (рис. 5, 6) в настоящий момент являются наиболее восточной находкой в серии подобных изделий. Пластины узкие, сегментовидной формы, в нижней части покрыты нанесенным керном орнаментом в виде чешуек, в верхней части – в виде косой сетки.

Особенности и датировка инвентаря

Наконечники и налобная бляха являлись деталями престижной узды. О принадлежности их именно к деталям узды, свидетельствуют аналогии, наиболее важной из которых являются остатки узды из погребения 110 могильника Борок на Оке. В настоящем погребении схожие по форме с крупными наконечниками из Атасу, также оканчивающиеся гофрированным валиком изделия зафиксированы в местах перекрестия ремней, как налобного, так и нахрапного (капсюля) (Ahmedov, 2006, fig. 5: 8–10; 7). В случае с крупными наконечниками из Атасу концы верхних ремней налобника и нахрапника вставлялись в полую часть наконечника так, что

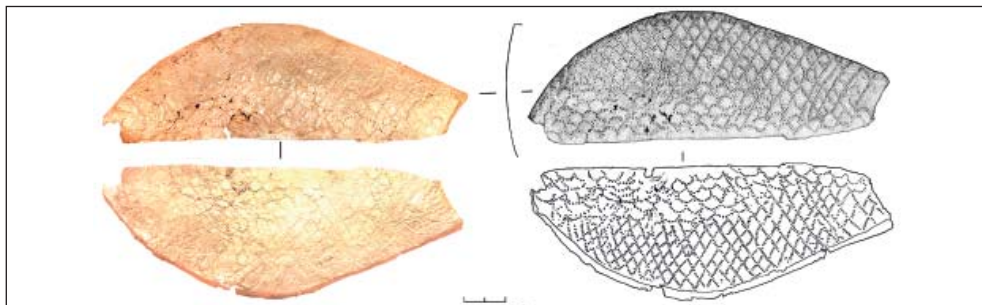

Рис. 5. Обкладка ленчика седла.

Fig. 5. Lining of the saddletree.

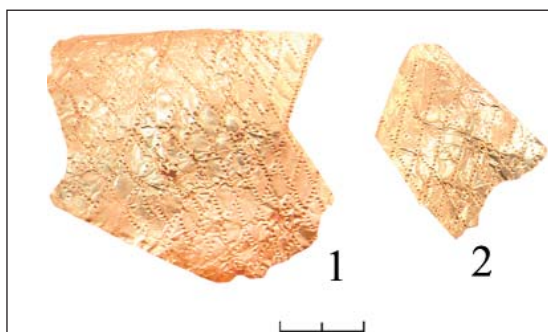
плотно прилегали к тыльной стороне пластины. Нижние ремни налобника и нахрапника проходили под верхними, а нащечные ремни, по всей видимости, под нижними. Все фиксировалось длинными гвоздиками, выпущенными из-под гнезд. В данном случае эти наконечники правильнее называть фиксаторами ремней оголовья.

Мелкие наконечники могли завершать концы уздечных ремней. В Волниковском «кладе», хорошо датированном в рамках первой половины V в. (горизонт D2 по Я. Тейралу), серебряные наконечники, по форме аналогичные мелким наконечникам из Атасу, зафиксированы на обломках железных предметов, которые О.А Радюш и О.А. Щеглова считают псалями (Волниковский «клад», 2014, кат. 300, 301). Прямоугольная пластина крепилась в центре налобного ремня.

Помимо указанной аналогии из погребения в могильнике Борок, серия близких по форме крупным наконечникам из Атасу фиксаторов, также снабженных гофрированным валиком на нижнем окончании, хорошо представлена в древностях Северного Кавказа (Засецкая и др., 2007; Ахмедов, 2009, рис. 2: 1, 2). Инкрустация их другая, но в целом они очень напоминают крупные наконечники из Атасу. Согласно проверенной хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины такие фиксаторы относятся к наиболее ранней фазе 1а, датированной второй половиной V в. (Гавритухин, Малашев, 1998, с. 46, 66–67, рис. 2: 2). Крупные наконечники-фиксаторы из Атасу можно расценивать как восточный вариант этого типа изделий, который пока не образует серии, но датируется в тех же рамках, что и кавказские аналогии.

Рис. 6. Обкладка ленчика седла, фрагменты.

Fig. 6. Lining of the saddletree, fragments.

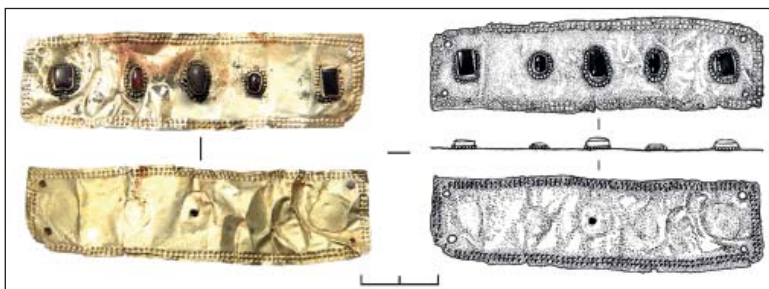

Рис. 7. Накладка.

Fig. 7. Plaque.

Стоит сказать, что наиболее территориально близкие по форме крупным наконечникам из Атасу аналогии, вероятно, представлены в материалах погребения из Борового (Бурабай, Северный Казахстан). В первой публикации этого комплекса воспроизведены наклейки схожей формы, обильно украшенные зернью, но с обломанными нижними концами (Бернштам, 1951, рис. 5, вверху). Вполне вероятно, что утрачена была как раз нижняя поля часть, и поэтому эти наконечники воспринимаются на опубликованной фотографии как наклейки. Края этих наклеек покрыты тремя рядами зерни, причем центральный ряд выступает над крайними. Последний прием имеет прямые аналогии в оформлении перстней с округлыми выступами по бокам из известного погребения в Шамси и погребения 2 Морского Чулека (Засецкая и др., 2007, рис. 13: 3, 4), в настоящее время уверенно датированных в рамках конца V – начала VI в. (там же, с. 85). Датировка комплекса из Борового, принятая в настоящий момент большинством специалистов, также оценивается в рамках конца V – первой половины VI в. (там же, с. 89).

В вещах комплекса из Атасу указанный технологический прием отсутствует, что, вероятно, свидетельствует о более ранней дате этого

комплекса по отношению к комплексу из Борового.

Соотношение размера длины и ширины пластин ленточек дает коэффициент 2,9, что является характерным для пластин типа 4 по И.П. Засецкой (Засецкая и др., 2007, с. 145, рис. 56). По более дробной классификации И.Р. Ахмедова данные пластины можно рассматривать как один из вариантов типа 6 (Ахмедов, 2012, с. 16). Указанием на отнесение к этому типу, наряду с коэффициентом соотношения длины к ширине, служит сегментовидный абрис пластин и их сравнительная узость. Переход верхнего края в данном случае, в отличие от понтийских экземпляров, плавный, без четкого перелома, что дает возможность расценивать эти пластины именно как вариант типа 6. От остальных пластин этого типа пластины отличаются и орнаментом. Сочетание чешуйчатого орнамента и «сетки» на других пластинах неизвестно, также отсутствует и окантовка, характерная для пластин типа 6.

Важным признаком, который может давать отсылку к возможному региону изготовления этих предметов и иметь определенное хронологическое значение, является то, что между двумя рядами зерни по краям крупных наконечников проложена металлическая полоска. Для изделий,

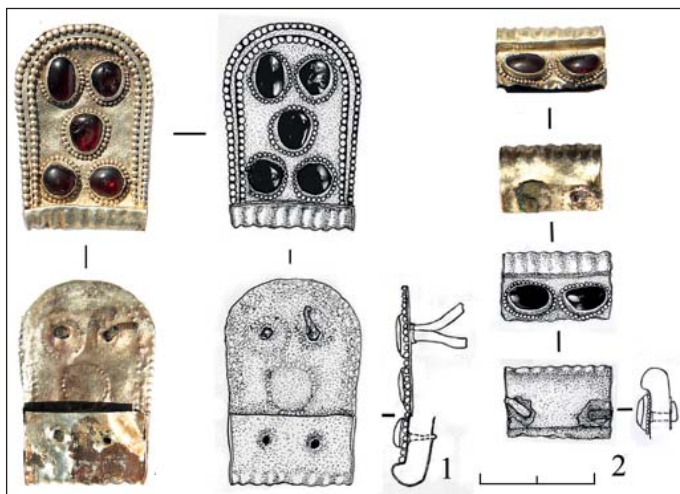

Рис. 8. Наконечники ремней.

Fig. 8. Belts tips.

связанных с ювелирными традициями юго-востока Восточной Европы, такой признак не характерен. Изделия с полоской между двумя рядами зерни по краям характерны для украшений востока Средней Азии. В качестве примеров достаточно привести украшения из погребения в Шамси и из других памятников кенкольской культуры (Золото древнего Кыргызстана, 2008, с. 29–31, 44, 45).

Композиция из пяти гнезд, расположенных в виде скрещенных в центре диагоналей, также характерна для восточной традиции полихромного стиля. В качестве примеров можно привести полую золотую накладку, найденную в одной из катакомб Т-образной схемы в могильнике Джал-Арык кенкольской культуры (Золото древнего Кыргызстана, 2008, с. 29), а также золотой колт IV в. из погребения на Кызыл-Кайнар-тобе (Мершиев, 1970, рис. 7: 3). Поясные наконечники из Митино (Амброз, 1980, рис. 8: 24) и Верх-Саи (Голдина, 2012, рис. 8: 5) являются подражаниями восточных изделий. Пряжки с тисненым декором со стеклянными вставками в пяти гнездах и соответствующие им

поясные наконечники, характерные для древностей финала V – первой половины VI в. в Приуралье и на Северном Кавказе, являются, в сущности, дериватами изделий типа ременных наконечников из Атасу (Амброз, 1980, с. 18, рис. 4: 4, 5, 12; 5: 20; Мажитов, Султанова, Сунгатов, 2008, с. 37; Мاستыкова, 2009, с. 60–61, рис. 45).

Вполне вероятно, что набор оголовья лошади из Атасу был изготовлен где-то на востоке Средней Азии, возможно, в сырдарьинском регионе.

В целом же, комплекс из Атасу по приведенным аналогиям может быть датирован в рамках середины–второй половины V в. и может синхронизироваться с материалами горизонта D2/D3 по Я. Тейралу.

Заключение

Таким образом, материалы из кургана с «усами» Атасу-2 пополняют многочисленные данные по гуннской эпохе Центрального Казахстана. Одним из важных моментов в характеристике комплекса является намеченная связь его с казахстанско-среднеазиатским регионом.

Особым вопросом, не однозначным для решения, является находке-

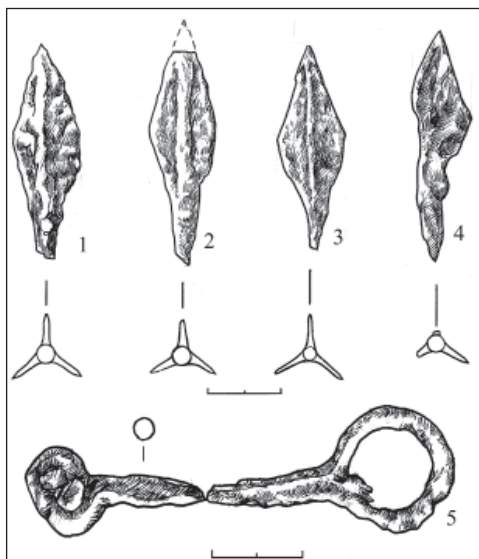

Рис. 9. Наконечники стрел (1–4), фрагменты удил (5).

Fig. 9. Arrowheads(1–4), fragments of bits (5).

ние рассмотренных вещей в кургане с «усами». В ходе начатой систематизации материалов по этим памятникам в настоящее время публикуются новые серии данных по Казахстану (Бейсенов, 2017; Бейсенов, Логвин и др., 2017; Бейсенов, Умиткалиев, Дуйсенбай, 2017). Памятники этой категории имеют неоднозначную датировку. Исследователи датируют их достаточно широко: от сакского времени вплоть до древнетюркской эпохи (подробнее см.: (Бейсенов, 2017)). Еще один вопрос, выходящий за пределы настоящей работы, касается каменных изваяний сакского времени, находящихся на территории курганов с «усами» (Бейсенов, 2017; Бейсенов, Ермоленко, 2014; Ермоленко, Курманкулов,

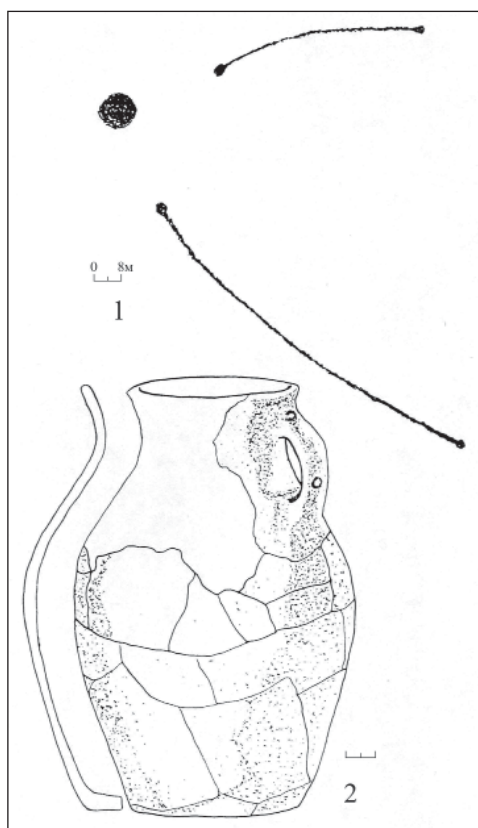
Касенова, 2015; Базарбаева, Джумабекова, 2017). Такие факты количественно растут; окончательному решению вопроса о конкретной связи курганов с «усами» с каменными изваяниями сакского облика должно предшествовать накопление данных.

Что касается некоторых атасуских материалов, «кувшин с крупной ручкой» (рис. 10: 2), по форме «необычный для ритуальной посуды Центрального Казахстана», как отмечал М.К. Кадырбаев, был найден в кургане с «усами» (рис. 10: 1) (диаметр насыпи 8,2 м, высота 0,9 м, каменные гряды длиной 46 и 91 м), находящемся в районе старой казахской зимовки Акмустафа неподалеку от могильника Атасу. Типологически близкий к нему сосуд – высокогорлый кувшин с ручкой – был найден А.З. Бейсено-

Рис. 10. Курган с «усами» Акмустафа.

1 – план; 2 – кувшин
(по: Кадырбаев, 1978).

Fig. 10. The mound with “mustaches”
Акмустафа. 1 – plan;
2 – jug (on: Kadyrbaev, 1978).

вым на восточной периферии (возле плит внешней ограды) раннесакского кургана 7 могильника Бегазы. Этот кувшин, изготовленный из высокопластичной глины с применением гончарного круга (Бейсенов, Ломан, 2008, рис. 5: 2), как и кувшин, найденный М.К. Кадырбаевым на Атасу, может быть также отнесен к древностям гуннской эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII в. // Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1980. С. 3–56.
2. Ахияров И.К., Бедельбаева М.В., Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д. Б., Ермолаева А.С., Курманкулов Ж. Археологические исследования в Северной Бетпадале. Коллективная монография. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана; Научно-исследовательский центр истории и археологии Бегазы-Тасмола, 2017. 176 с.
3. Ахмедов И.Р. Новые материалы к истории престижной узды Восточной Европы гуннского и постгуннского времени // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем / Науч. ред. А.Г. Фурасьев. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 152–166.
4. Ахмедов И.Р. Металлические детали жестких седел Восточной Европы гуннского и постгуннского времени. К изучению вопросов происхождения и классификации // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гушиной / Труды ГИМ. Вып. 191 / Отв. ред. Д.В. Журавлев и К.Б. Фирсов. М., 2012. С. 12–26.
5. Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. Новое изваяние эпохи ранних кочевников из Тургая // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 117–121.
6. Бейсенов А.З. Об астрономических исследованиях на курганах с каменными грядами (по поводу статьи Н.М. Бекбасарова «Курган с «усами» на реке Сага: астрономическое содержание расположения его элементов) // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2 / Отв. ред. З. Самашеву Алматы-Москва: Гылым, 1998. С. 171–175.
7. Бейсенов А.З. Организация и ранний этап исследований Центрально-Казахстанской археологической экспедиции // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Монголия, Казахстан, Китай) / Отв. ред. Ф.И. Куликов. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2015а. С. 40–47.
8. Бейсенов А.З. Памятники верховьев реки Атасу в Центральном Казахстане // Вестник ТГУ 2015б. № 3 (35). С. 111–122.
9. Бейсенов А.З. Курганы с «усами» Центрального Казахстана // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сборник статей, посвященный 70-летию Центрально-Казахстанской археологической экспедиции / Отв. ред. А.З. Бейсенов / Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии Бегазы-Тасмола, 2017. Т. 2. С. 31–37.
10. Бейсенов А.З., Ермоленко Л.Н. Новые каменные изваяния сакского времени из Сарыарки // Вестник КемГУ. 2014. №3 (59). Т. 3. С. 36–40.
11. Бейсенов А.З., Китов Е.П. Впускное погребение гуннского времени из могильника Назар-2 (Центральный Казахстан) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов / Отв. ред. С.Г. Боталов. Челябинск: Рифей, 2013. С. 463–470.
12. Бейсенов А.З., Логвин А.В., Базарбаева Г.А., Грудочко И.В., Сеитов А.М. Курганы с каменными грядами Западной Сарыарки // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сборник статей, посвященный 70-летию Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Т. 2. / Отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии Бегазы-Тасмола, 2017. С. 38–49.

13. *Бейсенов А.З., Ломан В.Г.* Керамика из курганов раннего железного века Центрального Казахстана // Известия НАН РК, серия общественных наук. 2008. № 1 (254). С. 35–42.

14. *Бейсенов А.З., Умиткалиев У., Дүйсенбай Д.Б.* Памятники хребта Чингистау. Курганы с «усами» // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сборник статей, посвященный 70-летию Центрально-Казахстанской археологической экспедиции / Отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан / Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии Бегазы-Тасмола, 2017. Т. 2. С. 50–60.

15. *Бернитам А.Н.* Находки у оз. Борового в Казахстане // Сборник Музея Антропологии и Этнографии. Т. XIII / Отв. ред. С.П. Толстов. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 216–229.

16. Волниковский «клад». Комплекс снаряжения коня и всадника 1-й половины V в. н. э. Каталог коллекции. М.: Голден-Би, 2014. 200 с.

17. *Гавритухин И.О., Малашев В.Ю.* Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 1998. С. 28–86.

18. *Голдина Р.Д.* О датировке и хронологии неволинской культуры (конец IV – начало IX в. н.э.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 25 / Ред. Л.И. Липина, Н.И. Широкова. Ижевск: Удмурт, ун-т, 2012. С. 203–285.

19. *Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж., Касенова А.Д.* Новые данные о специфической разновидности изваяний сакской эпохи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1 (61). Т. 3. С. 26–32.

20. *Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: АО "Эллипс", 1994. 221 с.

21. *Засецкая И.П.* О датировке погребального комплекса у озера Борового в Казахстане // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня / Отв. ред. К.И. Ташбаева. Бишкек: Илим, 1995. С. 95–110.

22. *Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С.* Морской Чулек: Погребения знати из Приазовья и их место в истории Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во ГЭ, 2007. 212 с.

23. Золото древнего Кыргызстана из собрания Государственного исторического музея КР / Авторы текста и составители Алымова А.К., Притеева Н.А., Шаршеналиева А.Ш. Бишкек: ГИМ КР, 2008. 60 с.

24. *Кадырбаев М.К.* Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции за 1978 г. Алматы, 1978 / Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Оп. 2. Д. 1647. Св. 114.

25. *Любчанский И.Э., Таиров А.Д.* Археологическое исследование комплекса курган с «усами» Солончанка I // Курган с «усами» Солончанка I / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: ЧелГУ, 1999. С. 6–62.

26. *Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н.* Сокровища древней Уфы. Уфа: «Башкортостан», 2008. 112 с.

27. *Мастыкова А.В.* Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М.: ИА РАН, 2009. 502 с.

28. *Мерциев М.С.* Поселение Кзыл-Кайнар-тобе I–IV веков и захоронение на нем воина IV–V века // По следам древних культур Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 79–92.

29. *Ahmedov I.* (2006). La tombe de chef de la nécropole de Borok-2. De l'Âge du fer au haut Moyen Âge. Archéologie funéraire, princes et élites guerrières.

30. Overlait B. (1998). Sasanian bronze sculptures in the Werner Abegg Collection. Entland der Seidenstraße. Riggisberg berichte. Band 6. Riggisberg: Abegg-Stiftung. pp. 247–297.

Информация об авторах:

Бейсенов Арман Зияденович, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Республика Казахстан); azbeisenov@mail.ru

Торгоев Асан Исакбекович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Отдела Востока Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург, Россия); torgoevasan@mail.ru

Дуйсенбай Данияр Болатбекулы, докторант очного обучения (специальность «археология и этнология») Евразийского Национального Университета им. Л.Н.Гумилева; (г. Астана, Республика Казахстан); daniar_db88@mail.ru

Ахияров Ислам Кизамединович, младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Республика Казахстан); islam.akhiyarov@mail.ru

THE MOUND WITH “MUSTACHES” AT ASU-2

A.Z. Beisenov, A.I. Torgoev, D.B. Duysenbai, I.K. Akhiyarov

The results of excavations of barrow with “mustaches” at Atasu river (Central Kazakhstan, Karaganda region) are presented in the paper. Barrows with “mustaches” are a little-studied type of ancient monuments. Monuments of this type were dated back to the periods of the Saks, Huns, Türks. More precise definition of their cultural and chronological affiliation is regarded as difficult but important aim. The barrow with “mustaches” Atasu-2 consists of one rounded stone mound and two stone ridges oriented to the east. In 1977, near the mound was found a stone sculpture of the Saka type. Since 2015, investigation at Atasu area were conducted under the leadership of A.Z. Beisenov. Two pits were discovered under the embankment where the iron arrowheads and items of horse harness were found. Details of horse harness are represented by the different tips of the belts plaques, the head piece and the lining of the forward parts of the saddle flanges. The details of the set are made of an alloy of gold and silver in a polychrome style which has analogies in the archaeological sites of the Hunnish time in Eastern Europe. By analogies the complex is dated by the authors of the middle / second half of the 5th century, and is synchronized with the antiquities of the horizon D2 / D3 of the central European chronology of J. Teirál. The presented materials replenish in science a few information on the Hunnish time of Central Kazakhstan.

Keywords: archaeology, Central Kazakhstan, Atasu river, mound with “mustaches”, stone statue, excavations, details of horse harness, arrowheads, chronology, Hunnish time.

REFERENCES

1. Ambroz A. K. 1980. In Pletneva, S. A. (ed.). *Srednevekovie drevnosti evraziiskix stepei. (Medieval antiquities of the Eurasian steppes)*. Moscow: “Nauka” Publ., 3–56 (in Russian).
2. Akhiyarov, I. K., Bedelbayeva, M. V., Beisenov, A. Z., Duysenbai, D. B., Yermolayeva, A. S., Kurmankulov, J. 2017. *Arkheologicheskie issledovaniya v Severnoy Betpakdale (Archaeological Studies in Northern Betpakdala (Collective monograph))*. Almaty: Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan; Research center of history and archeology Begazy-Tasmola (in Russian).
3. Akhmedov, I. R. 2009. In Furas'ev, A. G. (ed.). *Gunny, goty i sarmaty mezhdru Volgoy i Dunaem (Huns, Goths and Sarmatians between the Volga and the Danube)*. Saint-Petersburg: Faculty of philology and arts of Saint-Petersburg State University, 152–166 (in Russian).
4. Akhmedov, I. R. 2012. In Zhuravlev, D. V., Firsov, K. B. (eds.). *Evrasiya v skifo-sarmatskoe vremya. Pamyati Iriny Ivanovny Gushhinoy (Eurasia in the Scythian-Sarmatian Period. In Memory of*

Irina Ivanovna Guschina). Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 191. Moscow: State Historical Museum, 12–26 (in Russian).

5. Bazarbaeva, G. A., Dzhumabekova, G. S. 2017. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 19 (2), 117–121 (in Russian).

6. Beisenov, A. Z. 1998. In Samashev, Z. (ed.). *Voprosy arkheologii Kazakhstana (Issues of the Archaeology of Kazakhstan)* 2. Almaty; Moscow: “Gylym” Publ., 171–175 (in Russian).

7. Beisenov, A. Z. 2015. In Kulikov, F. I. (ed.). *Istoriya i kul'tura narodov Yugo-Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh regionov (Mongoliya, Kazakhstan, Kitay) (History and Culture of the Peoples of South-Western Siberia and the Neighboring Regions (Mongolia, China, Kazakhstan))*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University, 40–47 (in Russian).

8. Beisenov, A. Z. 2015b In *Vestnik TGU. (Bulletin of Tomsk State University)* 35 (3), 11–122 (in Russian).

9. Beisenov, A. Z. 2017. In Beisenov A. Z. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Tsentral'nogo Kazakhstana: izuchenie i sokhranenie. Sbornik statey, posvyashhenniy 70-letiyu Tsentral'no-Kazakhstanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Archaeological Heritage of Central Kazakhstan: Study and Preservation. Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of Central Kazakhstan Archaeological Expedition)*. Almaty: Research center of history and archeology Begazy-Tasmola, 31–37 (in Russian).

10. Beisenov, A. Z., Ermolenko, L. N. 2014. In *Vestnik KemGU (Bulletin of Kemerovo State University)* 3 (59). V. 3, 36–40 (in Russian).

11. Beisenov, A. Z., Kitov, E. P. 2013. In Botalov, S. G. (ed.). *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury evraziyskikh gunnov (Huns Forum (Issues of Origin and Identification of the Eurasian Hun Culture))*. Chelyabinsk: “Rifey” Publ., 463–470 (in Russian).

12. Beisenov, A. Z., Logvin, A. V., Bazarbayeva, G. A., Grudochko, I. V., Seitov, A. M. 2017. In Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.). *Arkheologicheskoe nasledie Tsentral'nogo Kazakhstana: izuchenie i sokhranenie. Sbornik statey, posvyashhenniy 70-letiyu Tsentral'no-Kazakhstanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Archaeological Heritage of Central Kazakhstan: Study and Preservation (Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of Central Kazakhstan Archaeological Expedition))* 2. Almaty: Research center of history and archeology Begazy-Tasmola, 38–49 (in Russian).

13. Beisenov, A. Z., Loman, V. G. 2008. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan, seriia obshchestvennykh nauk (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* 1(254), 35–42 (in Russian).

14. Beisenov A. Z., Umitkaliev U., Duysenbai D. B. 2017. In Beisenov, A. Z. Loman, V. G. (eds.). *Arkheologicheskoe nasledie Tsentral'nogo Kazakhstana: izuchenie i sokhranenie. Sbornik statey, posvyashhenniy 70-letiyu Tsentral'no-Kazakhstanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Archaeological Heritage of Central Kazakhstan: Study and Preservation (Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of Central Kazakhstan Archaeological Expedition))* 2. Almaty: Research center of history and archeology Begazy-Tasmola, 50–60 (in Russian).

15. Bernshtam, A. N. 1951. In Tolstov, S. P. (ed.). *Sbornik Muzeya Antropologii i Etnografii. T. XIII (Anthropology and Ethnography Museum Collection) XIII*. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 216–229 (in Russian).

16. 2017. *Volnikovskiy «klad». Kompleks snaryazheniya konya i vsadnika I-y poloviny V v. n. e. (Volnikovsky “Hoard”. Complex of Horse Equipment and Rider of the 1st Half of 5th Century A.D.)* Collection Catalogue. Moscow: “Golden-Bi” Publ. (in Russian).

17. Gavritukhin, I. O., Malashev, V. Yu. 1998. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziyskikh stepei vtoroi poloviny I tysyacheletia n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P. V. Alabin, 28–86 (in Russian).

18. Goldina, R. D. 2012. In Goldina, R. D. (ed.). *Drevnosti Prikam'ia epokhi zheleza (VI v. do n.e. – XV v. n.e.): khronologicheskaya atributsiya (Iron Age Antiquities of the Kama Area (6th Century BC – 15th Century AD): Chronological Attribution)*. Series: Materialy i issledovaniya

Kamsko-Viatskoi arkeologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt State University, 203–285 (in Russian).

19. Ermolenko, L. N., Kurmankulov, J., Kasenova, A. D. 2015. In *Vestnik Kemerovskogo Gosudarstvennogo Universiteta (Bulletin of Kemerovo State University)*. 1 (61). V. 3. 26–32 (in Russian).

20. Zasetkaia, I. P. 1994. *Kul'tura kochevnikov iuzhnorusskikh stepei v gunnskuiu epokhu (konets IV–V vv.) (Culture of Nomads from the South Russian Steppes in the Hun Period (late 4th–5th centuries))*. Saint Petersburg: “Ellips” Publ. (in Russian).

21. Zasetkaya, I. P. 1995. In Tashbaeva, K. I. (ed.). *Iz istorii i arkeologii drevnego Tyan-Shanya (On History and Archaeology of Ancient Tien Shan)*. Bishkek: “Ilim” Publ., 95–110 (in Russian).

22. Zasetkaya, I. P., Kazanski, M. M., Akhmedov, I. R., Minasyan, R. S. 2007. *Morskoï Chulek. Pogrebeniia znati iz Priazov'ia i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ia v postgunnskuiu epokhu (Morskoï Chulek. Burials of Noblemen from the Azov Region and Their Place in the History of the Tribes of Northern Black Sea Region in the Post-Hun Epoch)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).

23. Alymova, A. K., Priteeva, N. A., Sharshenaliyeva, A. Sh. (comp.). 2008. *Zoloto drevnego Kyrgyzstana iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya KR ((Ancient Kyrgyzstan Gold from the Collection of the State Historical Museum of the Kyrgyz Republic)*. Bishkek: State Historical Museum of Kyrgyz Republic (in Russian).

24. Kadyrbayev, M. K. 1978. *Otchet o rabotakh Tsentral'no-Kazakhstanskoy arkeologicheskoy ekspeditsii za 1978 g. Almaty, 1978 (Report on the Activities of Central Kazakhstan Archeological Expedition in 1978)*. Almaty. Archive of the Institute of archeology named after A. Kh. Margulan, inv. 2. dossier 1647, shief 114 (in Russian).

25. Lyubchanskiy, I. E., Tairov, A. D. 1999. In Tairov, A. D. (ed.). *Kurgan s «usami» Solonchanka I (Kurgan with a “Moustache” Solonchanka I)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 6–62 (in Russian).

26. Mazhitov, N. A., Sungatov, F. A., Sultanova, A. N. 2008. *Sokrovishha drevney Ufy. (Treasures of Ancient Ufa)*. Ufa: “Bashkortostan” Publ. (in Russian).

27. Mastykova, A. V. 2009. *Zhenskiy kostyum Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ya v kontse IV – seredine VI v. n.e. (Women's Costume of Central and Western Fore-Caucasus at the End of 4th – Middle 6th Century AD)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

28. Mershev, M. S. 1970. In Kadyrbaev, M. K. (ed.). *Po sledam drevnikh kul'tur Kazakhstana (In the Wake of the Ancient Cultures of Kazakhstan)*. Almaty: “Nauka” Publ., 79–92 (in Russian).

29. Ahmedov I. 2006. De l'Âge du fer au haut Moyen Âge. Archéologie funéraire, princes et élites guerrières.

30. Overlaid, B. A. 1998. Entland der Seidenstraße. Riggisberg berichte. Band 6. Riggisberg: Abegg-Stiftung, 247–297.

About the Authors:

Beisenov Arman Z. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str., 28, Almaty, 050010, the Republic of Kazakhstan; azbeisenov@mail.ru

Torgoev Asan I. Candidate of Historical Sciences. State Hermitage. Dvortsovaya Naberezhnaya (Embankment), 34, Saint Petersburg, 190 000, Russian Federation; torgoevasan@mail.ru

Duysenbay Daniyar B. Eurasian National University named after L.N Gumilev; Munaitpasov, 5, Astana, 010000, the Republic of Kazakhstan; daniar_db88@mail.ru

Akhiyarov Islam K. Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str., 28, Almaty, 050010, the Republic of Kazakhstan; islam.akhiyarov@mail.ru

Статья поступила в номер 16.07.2018 г.

Реконструкции первобытных технологий и трудовых операций

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2018.3.25.118.138>

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ ИЗ КОСТИ ИЗ МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ПОГОСТИЩЕ 15 (ТИПОЛОГИЯ, ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ, СЛЕДЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ)

© 2018 г. М.Г. Жилин, Н.В. Косорукова

В статье представлены результаты морфологического, технологического и трасологического анализа артефактов, относящихся к костяному вооружению эпохи мезолита севера Восточной Европы. Изученные предметы были найдены на стоянке Погостище 15, которая расположена в бассейне оз. Воже (северная часть Вологодской области). По обработанной древесине получена серия дат в диапазоне 7800–7100 кал. лет до н. э. По палинологическим данным мезолитический культурный слой стоянки относится к бореальному периоду. Всего найдено 128 изделий из кости. Наконечников стрел 55, представлено 9 типов, наиболее многочисленны наконечники стрел с бико-нический головкой. Зубчатых наконечников острог или дротиков всего 6, выделено два типа. Наконечников копий 13, выделено два типа. Кинжалы представлены тремя обломками разных типов. Трасологический анализ при помощи стереомикроскопа позволил реконструировать технологию изготовления костяного вооружения. На значительной части изделий выявлены следы использования, характерные для наконечников стрел, дротиков и копий. Население мезолитической стоянки Погостище 15 обладало высокоразвитым костяным вооружением, которое позволяло добывать разнообразную дичь. По мнению авторов, наибольшая близость данного своеобразного комплекса вооружения прослеживается с памятниками культуры Веретье, а также с бутовской культурой Волго-Окского междуречья.

Ключевые слова: археология, северная часть Восточной Европы, предметы вооружения, кость, мезолит, стоянка, типология, технология изготовления, следы использования.

Изделия из органических материалов эпохи мезолита – раннего металла – могут сохраниться, как правило, только в особых почвенных условиях, прежде всего, в торфяниках. Памятники торфяниковые найти непросто, они обнаружены далеко не во всех регионах. Наиболее известные торфяниковые стоянки находятся на территории Волго-Окского междуречья, Среднего Зауралья, в Усвяско-Сертейском регионе, Прибалтике. На территории Севера Европейской лесной

зоны торфяниковые памятники выявлены в бассейне озер Лаче и Воже в Архангельской и Вологодской областях, а также в бассейне р. Вис в Республике Коми. В данной статье рассматриваются материалы памятника Погостище 15 в бассейне оз. Воже – в одной водной системе с памятниками культуры Веретье (бассейн оз. Лаче).

Памятник Погостище 15 находится на севере Вологодской области (рис. 1), в бассейне оз. Воже, в которое впадает множество рек, но выте-

Рис.1. Карта расположения памятника
Погостище 15.

Fig. 1. Situation map of the site Pogostische 15.

кает из него только одна – р. Свидь, соединяющая оз. Воже с оз. Лаче. Река Онега, вытекающая из оз. Лаче, соединяет оба водоема с бассейном Белого моря. Стоянка расположена на левом берегу р. Модлоны, в северном конце бывшей деревни Погостище, у подножия пологого склона надпойменной террасы высотой около 2 м и начала поросшей кочками и кустами-болотистой низины. Памятник открыт экспедицией Череповецкого госуниверситета и Череповецкого музейного объединения под руководством Н.В. Косоруковой в 2010 г. За 2011–2016 гг. на памятнике вскрыта площадь 360 кв. м (Косорукова, 2014, 2015, Косорукова и др., 2017 и др.).

Стратиграфия. Под дерном залегает «деревенский» слой мощностью около 1 м, представляющий собой черную оторфованную супесь (0,1–0,6 м), переходящую в черный или темно-коричневый торф. Этот

слой содержит в большом количестве находки позднего времени: кости животных, фрагменты гончарной керамики, колотые камни и т.п. Под коричневым торфом или в его нижней части находится прослойка очень плотного и вязкого черного оторфованного суглинка мощностью 0,02–0,1 м. Под торфом на глубине от 1 до 1,5 м залегает небольшой по мощности (0,1–0,15 м) слой сапропеля оливкового цвета, глубина его залегания слегка изменяется на разных участках памятника, но мощность всегда остается небольшой.

Слой сапропеля содержит находки эпохи мезолита без примесей других эпох и подстилается светлым материковым песком. Находки из слоя сапропеля представлены изделиями из камня, кости, дерева, также многочисленны кости животных и рыб, встречено несколько отдельных фрагментов костей человека. Каких-либо объектов или сооружений не зафиксировано. По деревянным предметам со следами обработки, обнаруженным в слое сапропеля, получена серия из 9-ти радиоуглеродных дат: 8660 ± 50 (JE-9718) 14С л. н., 8537 ± 85 (SPb-1297) 14С л. н., 8500 ± 75 (SPb-1296) 14С л. н., 8490 ± 85 (SPb-1292) 14С л. н., 8485 ± 75 (SPb-1297) 14С л. н., 8400 ± 160 (JE-9719) 14С л. н., 8360 ± 80 (JE-10541) 14С л. н., 8300 ± 80 (SPb-1293) 14С л. н., 8223 ± 100 (SPb-1295) 14С л. н., которая охватывает диапазон 7800–7100 кал. л. до н. э. (OxCal v.4.3.2. – Bronk Ramsey, 2017) (Косорукова и др., 2017). По данным палинологического анализа, образование слоя сапропеля началось в бореальном периоде (там же). Учитывая радиоуглеродные даты и данные палинологии, можно определить время

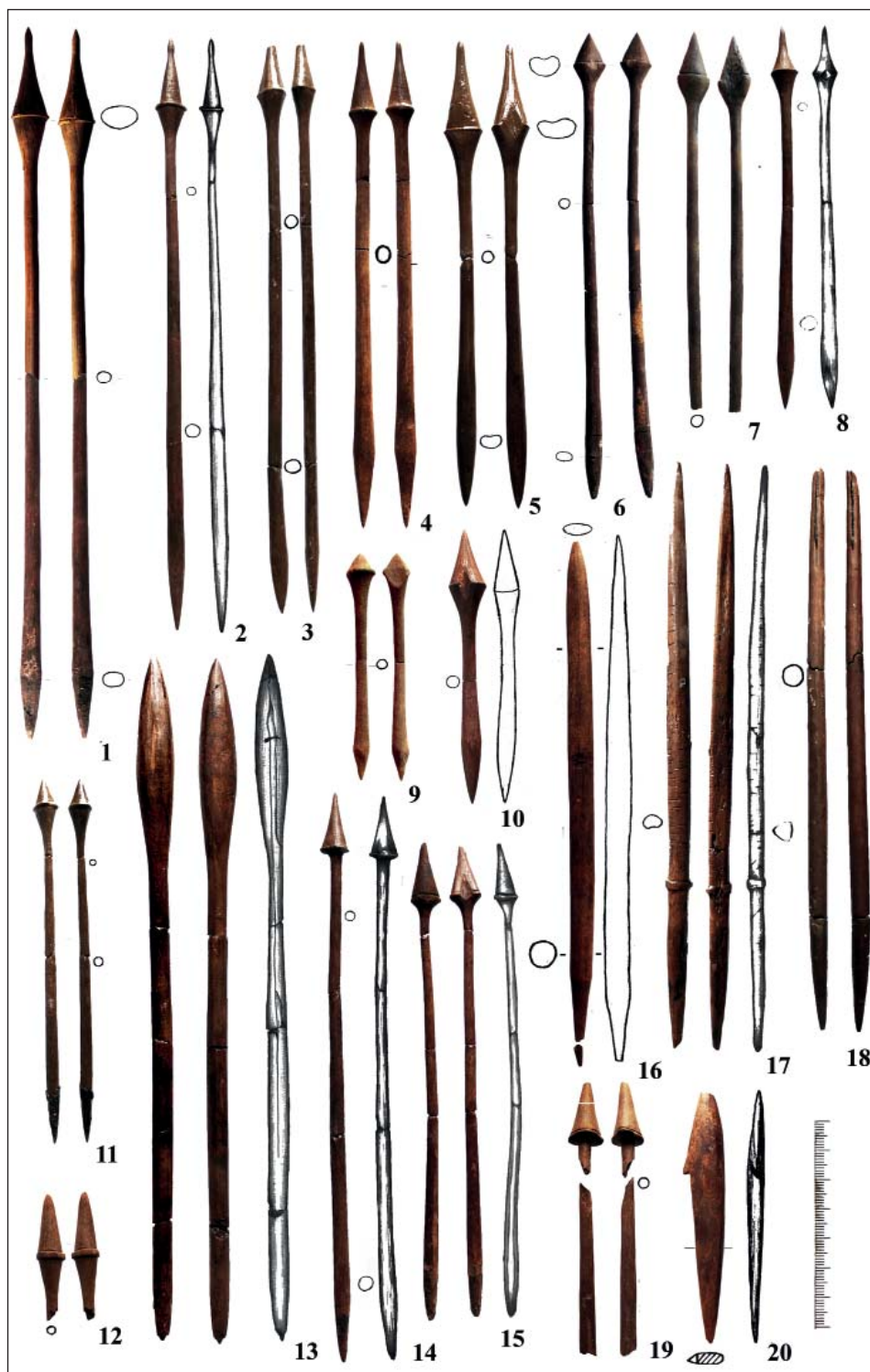

Рис.2. Стоянка Погостище 15. Наконечники стрел. Кость.

Fig. 2. The site Pogostische 15. Bone Arrowheads.

существования памятника серединой – второй половиной бореала.

Общее количество изделий из кости, включая обломки, составляет 128 экз. Данная статья посвящена комплексному исследованию предметов вооружения, включающих наконечники стрел, дротиков, копий, гарпунов, острог; кинжалы и охотничьи ножи.

Среди костяных изделий наиболее многочисленны наконечники стрел – 55 экз. В это количество включен 21 обломок, в т.ч. короткие фрагменты стержней, более длинные фрагменты стержня вместе с насадом, которые не позволяют точно определить тип изделия из-за отсутствия острия, один обломок острия. По целым орудиям и обломкам с сохранившимся боевым концом (острием) выделены следующие типы:

1. С утолщенной биконической головкой (23 экз.), стержнем округлого сечения (диаметр варьирует на разных участках стержня) и пирамидальным, реже коническим насадом (рис. 2: 1–12). Изделия различаются по размерам и пропорциям головки и ее оформлению (более характерны головки, удлиненные вытянутых пропорций, но также присутствуют головки короткие, как бы сжатые), длине изделия в целом (от довольно миниатюрных до более длинных – от 9 см до 24–25 см), а также некоторым другим особенностям. Выделяются следующие варианты: 1) с гладкой головкой без пясков и уступов (3 экз.) (рис. 2: 8–10); 2) с рельефным пояском в наиболее широкой части головки, подчеркнутым канавками (12) или без канавок (4) (рис. 2: 1–5, 11–12); в пределах данного подтипа выделяется интересный вариант, когда верхний конец острия оттянут кверху

и на самом конце оформлена еще как бы маленькая головка (2 экз.) (рис. 2: 1–2); 3) с кольцевым уступом в сторону острия (4 экз.) (рис. 2: 6–7). К данному типу (с биконической головкой) относится и единственное деревянное орудие, представленное обломком.

2. К первому типу примыкает одно массивное изделие с боевым концом, напоминающим биконическую головку, только она значительно более длинная и массивная, расширяющаяся в середине, с прерывистой нарезкой в наиболее широкой части, стержень изделия утолщенный, диаметр его немного больше, чем в целом наконечников первого типа (рис. 2: 13).

3. С конической головкой с пяском или канавкой в основании головки (3 экз.) (рис. 2: 14–15, 19), причем один из них имеет еще и неглубокий паз для вкладышей в нижней половине стержня (рис. 2: 15).

4. Игловидный простой с уплощенным острием и округлым сечением средней части орудия, насад конический (1 экз.) (рис. 2: 16).

5. Игловидный с уплощенно-овальным сечением и рельефным ободком в нижней трети орудия (над насадом) (1 экз.), украшен орнаментом в виде нескольких продольных рядов из коротких горизонтальных насечек, а сразу над рельефным ободком прочерчены короткие крестики в виде горизонтально лежащих римских цифр «X» (рис. 2: 17).

6. Однокрылый с шипом на конце крыла и пазом со смолой и кремневыми вкладышами на противоположном крае (1 экз.) (рис. 3: 1).

7. Однокрылый асимметричный с относительно коротким пером (длина пера составляет одну треть длины орудия) и уплощенно-овальным сече-

Рис. 3. Стоянка
Погостище 15.

Изделия из кости:

1 – наконечник стрелы,

2–7 – зубчатые острия;

8 – наконечник рогатины.

Fig. 3. The site Pogostische 15.
Bone artifacts: 1 – arrowhead;
2–7 – barbed points; 8 – thrusting
spear head.

нием, шип пера (или зубец) – короткий, выделен под прямым углом к стержню; это единственный наконечник, найденный в целом виде (рис. 2: 20).

У двух довольно длинных наконечников острие обломано, их тип можно определить предположительно. Одно изделие, возможно, представляло игловидный наконечник с рельефным ободком в верхней части конического насада (рис. 5: 1). От второго, более массивного наконечника, сохранился длинный стержень круглого сечения, с насадом и пазами длиной 3 см для

вкладышей у верхнего обломанного конца со следами смолы и обломком вкладыша из микропластинки (рис. 2: 18); острие, могло быть игловидным, либо наконечник мог иметь биконическую или коническую головку.

Еще одно изделие типологически определено как обломок острия наконечника стрелы или дротика. Тип орудия в целом определить сложно, так как нижняя часть обломана. Данное изделие близко к игловидным наконечникам, но более массивное, оно имеет подчетыреугольно-овальное поперечное сечение, четко выделен-

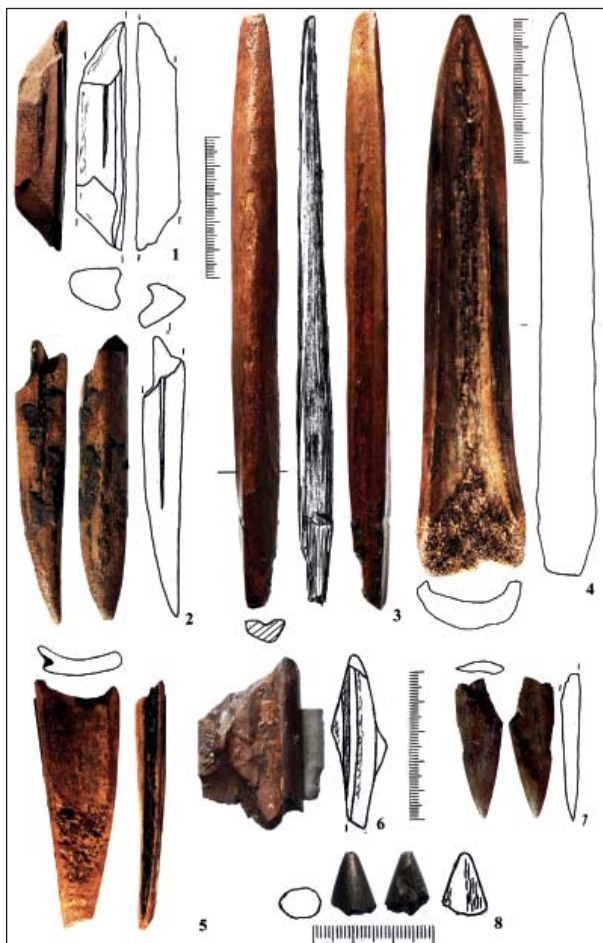

Рис. 4. Стоянка Погостище 15.

Изделия из кости:

1–3 – наконечники копий,
4 – наконечник рогатины,
5–7 – кинжалы, 8 – обломок
наконечника рогатины.

Fig. 4. The site Pogostische 15.
Bone artifacts: 1–4 – spear heads;
5–7 – daggers; 8 – a spear head
fragment.

ные отшлифованные и слегка скругленные грани, приостренный заточенный конец.

Наконечники острог и дротиков или зубчатые острия представлены относительно небольшим количеством и составляют всего 6 экз. Зубчатые острия можно подразделить на 2 основных типа и подтипы.

1) Однорядные мелкозубчатые с частыми, четко выделенными ключевидными зубцами, с уплощенным сечением – 2 экз., представлены обломками (рис. 3: 5–6).

2) Однорядные с редко поставленными зубцами – 4 экз. Орудия данного типа представлены несколькими подтипами:

2а) с четко выделенными подтреугольными зубцами, с уплощенным сечением – 1 экз., представлен обломком, сохранилось два редко поставленных относительно коротких зубца (рис. 3: 4);

2б) с низкими зубцами – 1 экз., это целое орудие длиной 13,5 см с тремя едва намеченными зубцами, сечение уплощенное, конец заострен, на насадке прослежены следы обмотки; в центральной части орудия нанесен еле заметный орнамент из косых насечек (рис. 3: 2);

2в) более массивные в сечении, с редкими, вероятно, относительно крупными зубцами – 2 экз.; у обоих орудий данного подтипа зубцы обло-

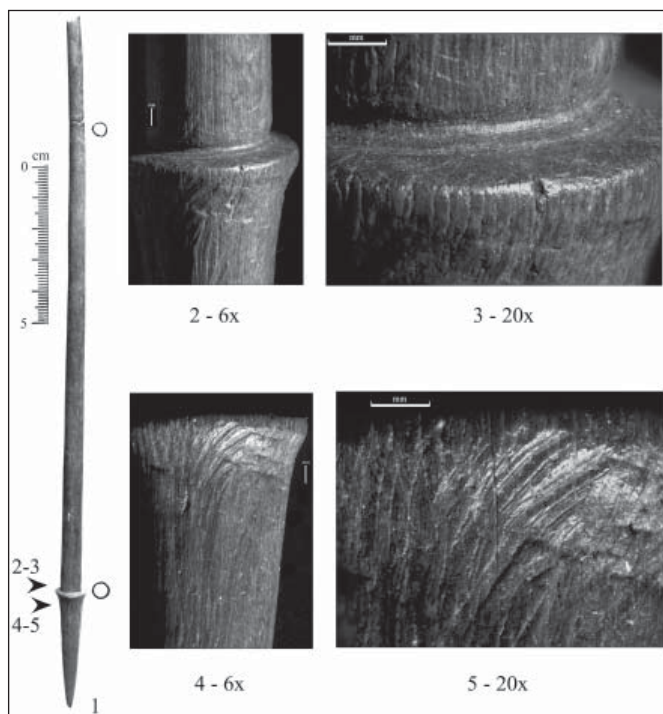

Рис. 5. Погостище 15.
Следы обработки на насаде наконечника стрелы.
Fig. 5. The site Pogostische 15. Manufacture traces on bevel of an arrowhead.

маны, у каждого прослежены обломки одного крупного клювовидного (?) зубца, поперечное сечение в одном случае подовальное, в другом – неправильно-овальной формы, так как одна сторона изделия вогнутая, на ней сохраняется естественная ложбинка от кости (рис. 3: 3, 7).

Наконечники копий и рогатин составляют 13 экз., подразделены на два типа:

1) Наконечники метательных копий – данные орудия сделаны из крупных костей, имеют массивное подовальное, подтреугольное или неправильно-овальное сечение и одну вогнутую сторону (естественная ложбинка на кости). Выделяются два подтипа:

1а) цельные наконечники без пазов – 3 экз. В их числе одно орудие почти целое, имеет уплощенное сечение, заточенный оформленный боевой ударный конец, слегка зауженный

насад, одна сторона орудия – вогнутая с ложбинкой (рис. 4: 3);

1б) составные вкладышевые наконечники. Они имеют более массивное сечение, представлены обломками с одним пазом, в котором видны остатки смолы; одно орудие обломано с обоих концов (рис. 4: 1), второе орудие представлено обломком насада подтреугольной формы со скругленным концом с остатками смолы (рис. 4: 2).

2) Наконечники колющих копий (рогатин) сделаны из массивных трубчатых продольно разрезанных костей с удаленным эпифизом, имеют симметричный конический конец, одна сторона орудия вогнутая (естественная ложбинка на кости) – 10 экз.; большинство орудий данного типа представлены короткими обломками острых концов (рис. 3: 8, рис. 4: 4, 8).

Кинжалы составляют 3 экз., подразделены на несколько типов:

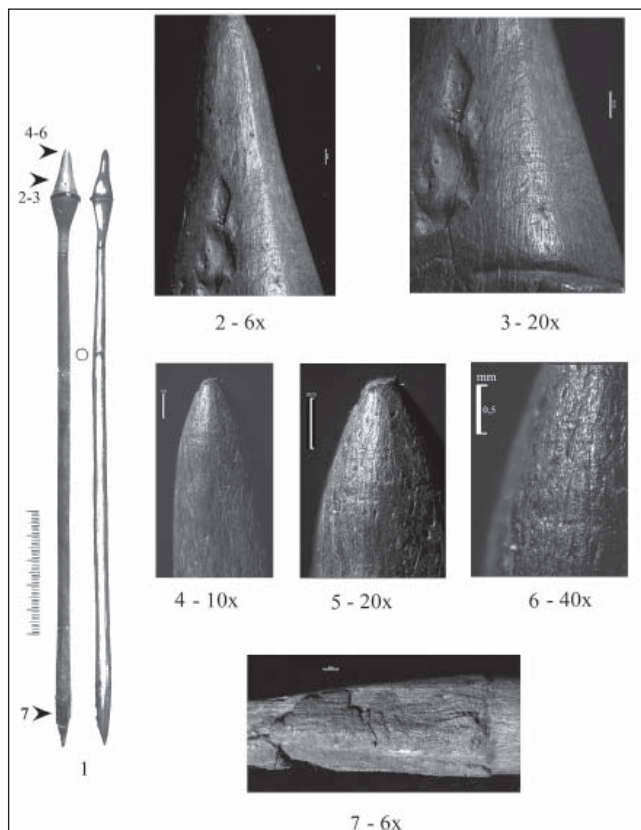

Рис. 6. Погостище 15. Следы обработки, использования и крепления на наконечнике стрелы.

Fig. 6. The site Pogostische 15. Traces of manufacture, hafting and use-wear on an arrowhead.

1) Прямые широкие обоюдоострые – 1 экз. Представлен коротким обломком относительно плоского орудия, на обоих краях прослежены пазы с остатками смолы. В одном пазу сохранился вкладыш в виде пластины из серого кремня с обломанным верхним концом и ярко выраженным ударным бугорком (рис. 4: 6);

2) Прямые однолезвийные – 1 экз. Оба конца орудия обломаны, сохранившаяся часть изделия имеет подтреугольную в плане форму, уплощенное поперечное сечение и довольно длинный паз с остатками смолы, расположенный по всей длине одного края сохранившегося обломка (рис. 4: 5);

3) Узкие колющие (стилеты) – 1 экз. Данное орудие представлено обломком, имеет уплощенно-овальное

поперечное сечение и симметрично приостренный конец (рис. 4: 7).

Все предметы вооружения из Погостища 15 были изучены по методике, разработанной М.Г. Жилиным для анализа костяных наконечников стрел Восточной Европы (Жилин, 2001, 2014; Zhilin, 1998, 2015, 2016). Поверхность наконечников изучалась при помощи бинокулярных микроскопов МБС-9 и АЛЪТАМИ с увеличением от 4,8 до 119 крат. Фотофиксация выявленных следов изготовления и использования изделий осуществлялась при помощи камеры-окуляра DCM-800. В ручном режиме делалась серия последовательных фотоснимков, которые потом объединялись при помощи лицензионной программы Helikon Focus 6. Следы на большинстве изученных наконечников были

достаточно ясно различимы при увеличении до 40 крат. Большее увеличение было полезно для изучения мелких деталей. Результаты трасологического анализа проверялись в ходе экспериментов по изготовлению и использованию реплик костяных наконечников (Zhilin, 2015, 2016).

Наконечники стрел Погостига 15 изготовлены из пластин, продольно вырезанных из стенок трубчатых костей копытных, главным образом лося. Заготовки первоначально обрабатывались при помощи продольного строгания или скобления. Найден обломок преформы наконечника стрелы, сохранился насад и часть стержня. Он продольно и слегка наискось грубо выскоблен, гребни следов скобеля на одном крае продольно срезаны строгальным ножом. На другом крае сохранилось дно трапециевидного паза, заполненного серо-коричневым клеем, — это изделие переделано из обломка вкладышевого наконечника копья или кинжала. Для снятия значительной массы кости применялся резец, однако следы резца, как правило, удалялись при последующей обработке изделий. На отдельных наконечниках следы резца сохранились. Хорошо видно, что конический насад с уступом в сторону острия у одного наконечника (рис. 5: 1) был сформирован короткими косыми субпараллельными срезами при помощи резца с узкой кромкой (рис. 5: 4–5). На биконической головке другого наконечника сохранились следы резца, углом которого она была вырезана. Такие детали, как поперечные пояски, оформлялись кольцевыми надпилами (рис. 5: 2–3) с последующим строганием, реже скоблением от надпила или к надпилу. Часто после чистового

строгания наконечники обрабатывались шлифовкой на мелкозернистом абразиве, особенно в верхней части (рис. 6: 2–3; 7). Некоторые наконечники после шлифовки были отполированы ближе к острию мягким абразивом, напомиающим очень тонкую столярную шкурку. Наши эксперименты показали, что в качестве такого абразива могла применяться кожа или шкура, естественно, загрязненная или посыпанная очень мелким абразивным порошком с внутренней стороны (Жилин, 2014).

На насадах ряда наконечников сохранилось темное клеящее вещество, иногда с продольными отпечатками древесных волокон (рис. 8: 2–3). Наконечник вставлялся в коническое гнездо, высверленное в торце древка, заполненное расплавленной клеящей массой, либо насад был ею обмазан. В ходе наших экспериментов такие гнезда высверливались в торце соснового древка стрелы при помощи стержневого сверла менее чем за одну минуту. В качестве наконечника сверла использовалось кремневое симметричное сверло или острый осколок кости. При этом производительность последнего не уступала кремневному сверлу. Важно было подобрать сверло, по форме и размерам соответствующее насаду костяного наконечника стрелы. Излишняя клеящая масса выдавливалась из гнезда, образовав валик на стержне наконечника на границе древка (рис. 6: 7), после чего древко в месте крепления наконечника туго обвязывалось, но обмотка обычно не заходила на стержень наконечника за пределами древка. Значительно реже на стержне перед насадом на смоле встречаются отпечатки спиральной

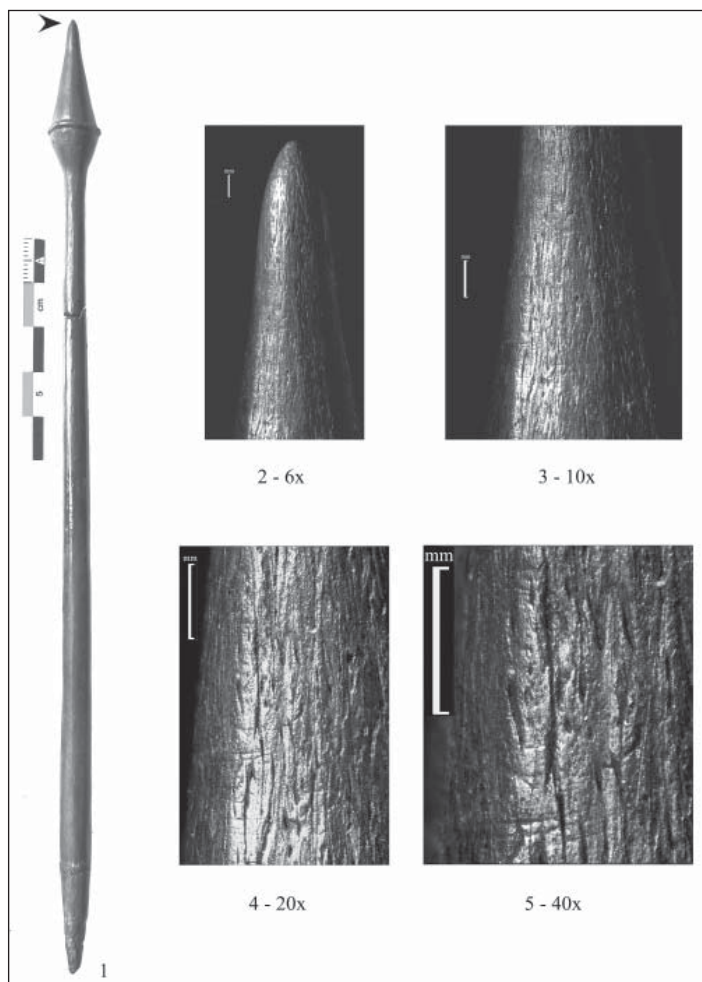

Рис. 7.
Погостище 15. Следы
обработки, использо-
вания и крепления на
наконечнике стрелы.

Fig. 7. The site
Pogostische 15. Traces
of manufacture,
hafting and use-wear
on an arrowhead.

обмотки полоской растительного ма-
териала (рис. 8: 4–5).

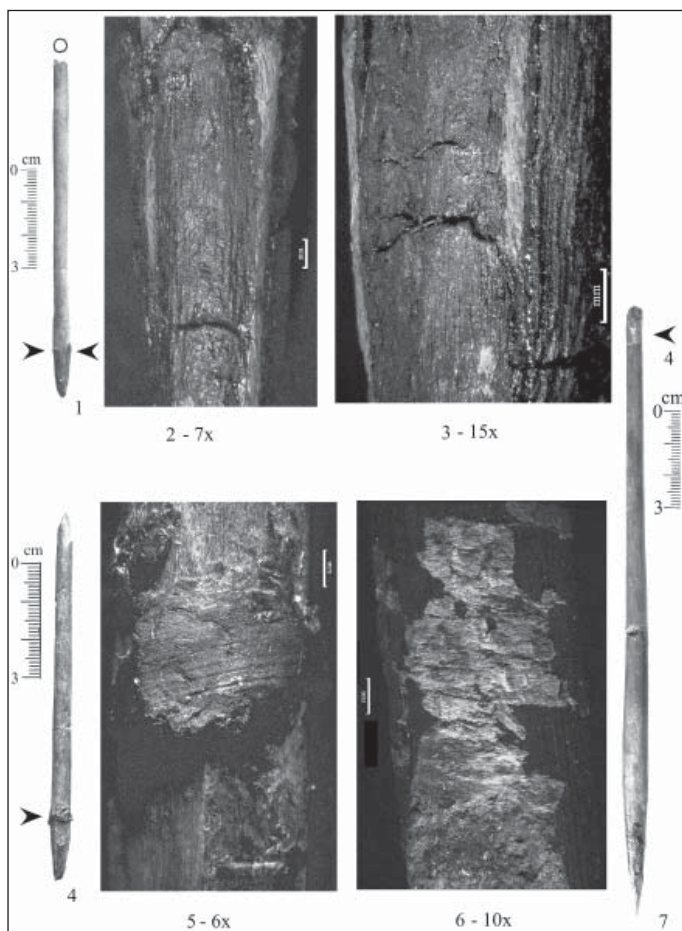
На двух обломках наконечников
отмечены следы ремонта – край сло-
ма скошен строганием или скoblени-
ем, на нем следы смолы, а на противо-
положном крае – фрагменты обмотки
полоской растительного материала на
смоле (рис. 8: 6–7).

Следы использования выявлены на
22 наконечниках стрел и фрагментах
острий наконечников. Кончик острия
скруглен, смят или сколот, заполи-
ровка средней яркости постепенно
затухает по мере удаления от острия,
в ее пределах тонкие короткие цара-

пины, идущие вдоль оси наконечника
или под острыми углами к ней. Такие
следы говорят о попадании в мягкий
среднезагрязненный материал. На
большинстве изученных наконечни-
ков они выражены слабо, но на некото-
рых зафиксированы выразительные
следы многократных попаданий. Эти
наконечники, вероятно, использова-
лись длительное время. На некоторых
из них встречены следы попаданий в
грунт, видимо, при промахах. Кончик
острия некоторых наконечников рас-
щепился от попадания в твердый ма-
териал, возможно, при столкновении
с костью.

Рис. 8. Погостище 15.
1–5 – следы крепления
и ремонта на наконеч-
никах стрел.

Fig. 8. The site
Pogostische 15.
1–5 – traces of
hafting and repair on
arrowheads.

Некоторые наконечники стрел дали выразительные следы изготовления и использования, заслуживающие более подробного описания. Длинный наконечник с утолщенной головкой правильной биконической формы с пояском и с коротким пирамидальным насадом (рис. 6: 1) сделан из пластины, вырезанной из стенки трубчатой кости крупного зверя, наиболее вероятно, лося. На головке и частично на стержне сохранилась внутренняя поверхность кости. На насаде заметен толстый слой коричневой клеящей массы, на поверхности которой четко видны отпечатки волокон прямослойного древка (рис. 6: 7). Стержень тща-

тельно продольно выструган от насада к головке, пришлифован на мелкозернистом абразиве и полирован. Поясок был первоначально выделен по периметру кольцевыми канавками (рис. 6: 3). Верхний конус головки после выстругивания выровнен поперечной шлифовкой на мелкозернистом абразиве, оставившем тонкие субпараллельные линии, перпендикулярные оси наконечника (рис. 6: 2–3). Кончик острия смят (рис. 6: 4–5), от него расходится, постепенно затухая, неяркая заполировка, в пределах которой видны тонкие царапины и короткие борозды, идущие от острия под острым углом к оси наконечника (рис. 6: 5–6). Такие следы говорят о многократных попаданиях в мягкий

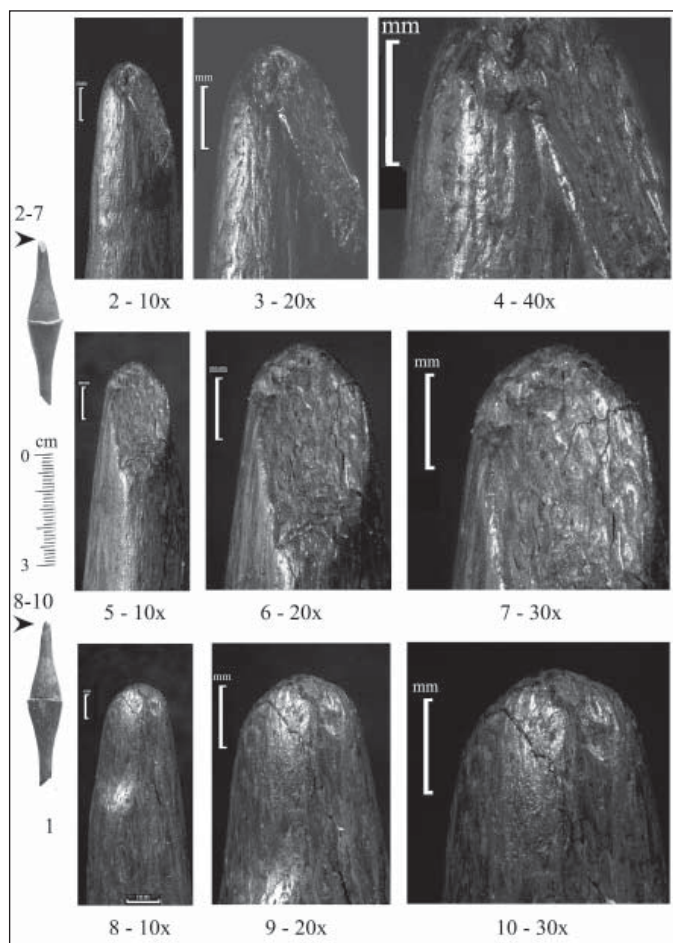

Рис. 9. Погостище 15. Следы использования на наконечнике стрелы.

Fig. 9. The site Pogostische 15. Use-wear traces on an arrowhead.

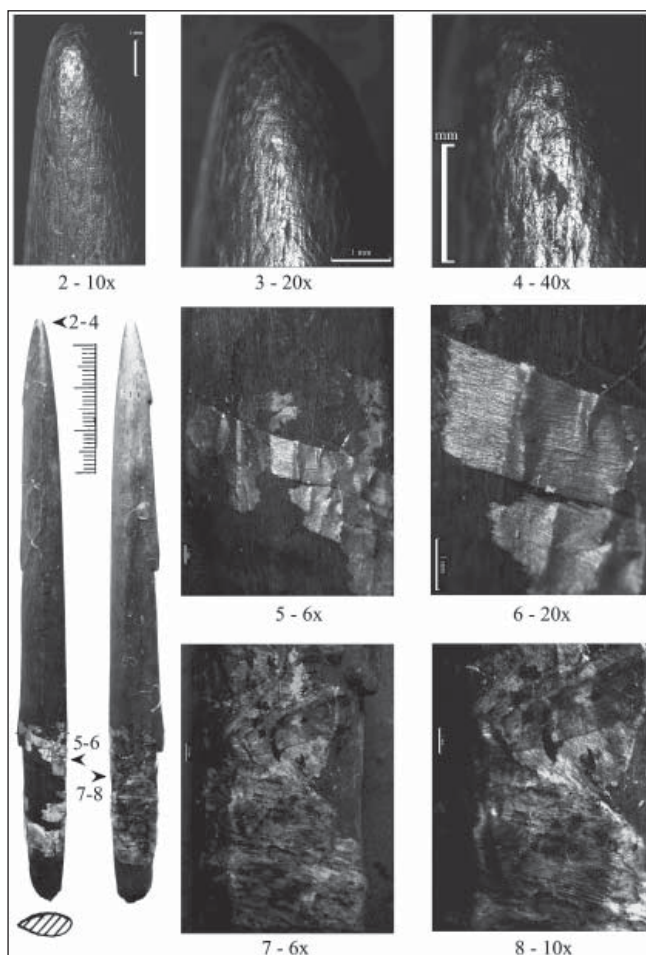
среднезагрязненный материал (вероятно, в зверя) и единичных попаданий в мягкий грунт. Так же обработан подобный наконечник (рис. 7: 1) с отпечатками прямослойного древка на коричневом клее на насаде. На верхнем конусе головки отчетливо видны тонкие субпараллельные линии, идущие под углом около 80–90° к оси наконечника – следы шлифовки на мелкозернистом абразиве (рис. 7: 3–5). Кончик острия скруглен и слегка смят (рис. 7: 2), от него расходится тусклая заполировка, в пределах которой видны многочисленные тонкие царапины, идущие вдоль оси наконечника и под острыми углами к ней (рис. 7: 3–5) – следы многократных попада-

ний в мягкий среднезагрязненный материал.

Выразительные следы обнаружены на обломке биконической головки наконечника стрелы с пояском, подчеркнутым канавками, стержень округлого сечения сломан в 1 см от основания головки (рис. 9: 1). Наконечник сделан из пластины, вырезанной из стенки трубчатой кости, сохранился участок ее внутренней поверхности на головке. Канавки поперечно пропилены, головка продольно выстругана от канавок. Верхний конус поперечно шлифован на мелкозернистом абразиве. Кончик острия сколот наискось, края скола скруглены и сглажены, заполировка средней яркости постепенно

Рис. 10. Погостище 15.
Следы использования и
крепления на наконечнике
дротика.

Fig. 10. The site
Pogostische 15. Traces of
use and hafting on a javelin
head.

затухает по мере удаления от острия. В ее пределах от острия идут тонкие короткие царапины и мелкие короткие борозды вдоль оси наконечника и под острыми углами к ней, в том числе и на фасетке скола (рис. 9: 2–7). Противоположная сколу поверхность острия наконечника стерта и сглажена, на ней видны такие же борозды и царапины (рис. 9: 8–10). Описанные следы говорят о многократных попаданиях в мягкий среднезагрязненный материал (вероятно, в зверя) и редких попаданиях в мягкий грунт. Наконечник использовался длительное время.

Поверхность однокрылого асимметричного вкладышевого наконечника

стрелы (рис. 3: 1) продольно выстругана и тщательно поперечно отшлифована на мелкозернистом абразиве. На конце пера короткий шип, на противоположном крае паз, ширина 2 мм, глубина – 4 мм, сечение трапециевидное. Паз заполнен серо-коричневым клеем, в котором сохранились 2 вкладыша – микропластинки без ретуши. Первый (от острия) – обломок с ударным бугорком, 25×6 мм. Второй – почти целая микропластина, обломан только изогнутый дистальный конец, длина 52, ширина 6–7 мм. В нижней части паза виден отпечаток выпавшей микропластинки длиной 22 мм, шириной 6–7 мм. На смоле сохранился отпеча-

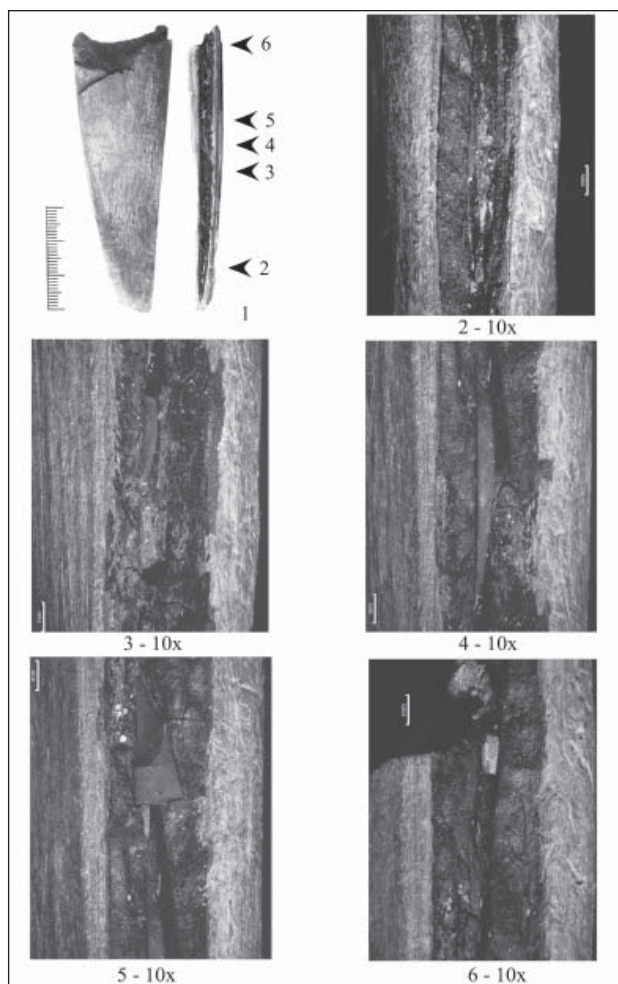

Рис. 11. Погостище 15.
Обломки вкладышей
в пазе охотничьего ножа.

Fig 11. The site
Pogostische 15.
Fragments of inserts
in the slot of a knife.

ток угла этого вкладыша со скошенным ретушью концом, он образовывал шип, как у целого подобного наконечника из Веретья 1 (Ошибкина, 1997, с. 168, табл. XVI, 3). На кромке вкладышей видна микровыкрошенность на обе стороны, линия кромки извилистая, выступы слегка стертые, на выступающих участках вдоль кромки яркая заполировка без линейных следов. Вероятно, это следы попаданий, когда кромка вкладышей разрезала кожу и мягкие ткани, хрящи, сухожилия и скользила вдоль костей. Выкрошенность кромки и стертость выступов могла также образоваться в результате контакта с другими наконечниками

и стенками колчана. На насаде тот же клей, что и в пазу. На плоскостях насада смола толщиной до 1 мм, ребра обнажены, на поверхности клея видны слабые отпечатки продольных волокон древесины.

Наконечники дротиков, метательных копий, острог и гарпуна сделаны из массивных пластин, продольно вырезанных из трубчатой кости лося. Для изготовления вкладышевых наконечников (рис. 4: 1–2) заготовки вырезались из ребра трубчатой кости, в результате чего их сечение выпукловогнутое, и на вогнутой стороне сохранилась внутренняя поверхность кости. Насад вкладышевого наконеч-

ника копья (рис. 4: 2) продольно выструган и отшлифован на мелкозернистом абразиве. В 43 мм от конца насада начинается паз шириной 2 мм, глубиной 5 мм, сечение V-образное. Паз заполнен черным клеем. Пятна такого же клея отмечены на краях и плоскостях насада до 75 мм от его конца, частично перекрывают начало паза. На поверхности пятна клея, на гладкой стороне у конца насада видны следы обмотки волокнистым материалом под углом около 80° к оси наконечника, а на плоскости с пазом – продольные отпечатки волокон древесины.

Цельный наконечник дротика без паза (рис. 4: 3) сделан из пластины подтреугольного сечения при помощи продольного строгания, после слома острия оно было превращено в насад. Участок длиной до 3 см от слома покрыт коричневой клеящей массой, а бывший насад при помощи продольного строгания превращен в острие, которое было также обломано.

Низкие треугольные зубцы у обломка наконечника, судя по форме и размерам зубцов, гарпуна (рис. 3: 4) продольно выструганы, основания зубцов поперечно выпилены. На острие плоская фасетка со ступенчатым окончанием, слом со ступенчатым окончанием у основания второго зубца идет во встречном направлении, к острию. Так же обработан мелкий наконечник с одним низким треугольным зубцом (рис. 2: 20). По размеру он ближе к наконечникам стрел, но форма и размерам насада ближе к наконечникам дротиков и острог. Мелкие частые зубцы у сломанного наконечника (рис. 3: 5) поперечно выпилены.

Плоский наконечник с тремя очень низкими треугольными зубцами (рис. 3: 2; 10: 1) продольно выструган из пластины, вырезанной из трубчатой кости, основания зубцов поперечно выпилены, поверхность тщательно отшлифована на мелкозернистом абразиве и слегка отполирована. Насад, включая последний зубец, покрыт прозрачной темно-коричневой смолой и обмотан по спирали тонкой полоской растительного материала, напоминающего осоку (рис. 3: 2; 10, 5–8). Кончик острия скруглен, от него расходится, постепенно затухая, неяркая заполировка, в пределах которой от кончика идут вдоль оси наконечника и под острым углом к ней короткие тонкие царапины и редкие борозды (рис. 10: 2–4). Эти следы аналогичны описанным выше следам на наконечниках стрел и говорят о втыкании в мягкий средне загрязненный материал (вероятно, в зверя) и единичных попаданиях в мягкий грунт. Судя по следам на острие, данный наконечник использовался как наконечник дротика при наземной охоте.

Массивные наконечники колющих копий (рогатин) изготовлены из трубчатых костей лося. Эпифиз кости выровнен продольными сколами, на противоположных краях прорезаны резцом продольные пазы глубиной от $2/3$ до $4/5$ толщины стенки кости. По этим пазам кость продольно расколота, один конец заготовки продольным строганием заточен на конус. Острие некоторых наконечников после строгания отшлифовано на мелкозернистом абразиве.

На обломках наконечников этого типа представлены как поперечные, так и продольные сколы, идущие от острия. Встречены удлиненные отще-

пы, сколовшиеся с краев массивных наконечников копий. Это указывает на большие нагрузки, которые испытывали массивные колющие наконечники, и на контакт с твердым материалом, возможно, костями крупного зверя. Фасетка скола со ступенчатым окончанием, идущая наискось с вогнутой стороны наконечника на выпуклую, снимает кончик острия целого наконечника массивного колющего копья (рис. 4: 4). Острие другого колющего наконечника копья (рис. 3: 8) сломано наискось на вогнутую сторону, две короткие фасетки идут от слома на выпуклую сторону, точка слома смята и раскрошена. Первоначально он был длиннее, многократно ломался и затачивался. Последний раз сломан от удара в твердый материал.

Прямые плоские кинжалы и охотничьи ножи изготовлены из широких пластин, вырезанных из трубчатых костей крупного зверя, наиболее вероятно, лося. От прямого однолезвийного кинжала или охотничьего ножа сохранился обломок острия с обломанным кончиком (рис. 11: 1), поверхность продольно выстругана. Паз шириной 3 мм глубиной 6 мм прорезан вдоль одного края, заполнен серо-коричневой смолой с отпечатками 4 вкладышей, во втором, третьем и четвертом отпечатках сохранились обломки краев и углов микропластинок без ретуши (рис. 11: 2–6).

Обломок средней части массивного прямого вкладышевого двулезвийного кинжала (рис. 4: 6) сделан из плоской стороны метаподии лося, сохранилась ее внешняя и внутренняя вогнутые поверхности, края в виде валиков продольно выструганы. Пазы продольно прорезаны резцом с точечной кромкой, ширина 4 мм, глубина

6 мм, сечение V-образное. Один паз заполнен коричневой клеящей массой, в ней сохранился вкладыш из пластинки правильной огранки шириной 10 мм, утоплен на 1/3 ширины. Другой паз продольно обломан, сохранилась одна стенка, покрытая клеем. Сломы косые, идут во встречном направлении, на обе стороны, окончание перовидное. На обоих краях вкладыша слабые следы разделочного ножа, включающие микровыкрошенность кромки и «мясную» заполировку; на выступающем из оправы крае они выражены сильнее. Видимо, вкладыш использован повторно, при этом он был перевернут.

Костяные предметы вооружения стоянки Погостище 15 находят довольно широкие аналогии среди мезолитических памятников лесной зоны, в т.ч. в материалах культуры Веретье в бассейне озера Лаче, среди памятников Волго-Окского междуречья, Прибалтики и Урала (Жилин, 2001; Савченко, 2011). Наибольшие аналогии выявлены на ближе всего расположенной стоянке Веретье 1 (Ошибкина, 1983, 1997, 2006). Следует отметить, что хронологически стоянки Погостище 15 и Веретье 1 также очень близки.

Почти все типы наконечников стрел из Погостища 15 известны на стоянках бореального времени в Волго-Окском междуречье, при этом игловидные с пояском на стержне, а также с конической головкой здесь единичны; вариант с биконической головкой и пазом для вкладышей на стержне не отмечен (Жилин, 2001). Также практически не удастся найти аналогий второго типу – с массивной удлиненной головкой, за исключением отдаленной аналогии из материалов стоянки Ока-

ево 18а (Жилин, 2001, с. 67–68). В мезолите Прибалтики не представлены игловидные наконечники с поясками, нет и однокрылых вкладышевых, а наконечники с биконической головкой весьма малочисленны и не столь разнообразны (Лозе, 1988; Загорска, Загорскис, 1977; Indreko, 1948; Zagorska, Zagorskis, 1989; Zagorska, 1993). Те же типы, что в Погостице 15, представлены на мезолитических стоянках Зауралья и в Шигирской коллекции за исключением игловидных с пояском на стержне и с биконической головкой и пазом для вкладышей на стержне (Савченко, 2011; 2014). На стоянке Веретье 1 в бассейне оз. Лаче наконечники стрел также преобладают среди костяных изделий, и наконечники с биконической головкой наиболее многочисленны. Почти для всех типов наконечников стрел стоянки Погостице 15 можно найти здесь аналогии (Ошибкина, 1983, 1997, 2006) за исключением короткого однокрылого наконечника с шипом. Такие наконечники есть в Нижнем Веретье (Фосс, 1941) и Оленеостровском могильнике (Гурина, 1956).

Наконечники острог, дротиков и копий также находят многочисленные аналогии. Особенно широко распространены зубчатые острия с частыми мелкими зубцами. Такие острия встречены на многих памятниках Волго-Окского междуречья, в частности, в нижнем позднемезолитическом слое стоянки Замостье 2 (Лозовский, Лозовская, 2013, с. 78; Lozovski, 1996), на стоянках Окаево 4 и 18а, Становое 4, Ивановское 3 и 7 (Жилин, 2013, с. 30, 98, 100–101, 104), на памятниках кундской культуры на территории Прибалтики, в т.ч. на стоянке Звейниеки II (Загорска,

Загоркис, 1977, с. 69, 71, 74; Indreko, 1948; Zagorska, Zagorskis, 1989; Zagorska, 1993), на стоянках среднего Зауралья и в Шигирской коллекции (Савченко, 2017). Правда, можно отметить, что в зауральских материалах зубцы у данных орудий более удлиненные по сравнению с остриями из Погостица 15. Практически все типы зубчатых острий представлены и в материалах стоянки Веретье 1 (Ошибкина, 1983, 1997, 2006). Менее распространены зубчатые острия с едва намеченными редкими зубцами (тип 2б). Так, орудия данного типа отсутствуют в материалах Зауралья (Савченко, 2017), но известны из Волго-Окского междуречья на стоянках Замостье 2, Ивановское 3 и 7, Становое 4, Окаево 5, Озерки 5 (Жилин, 2001, с. 78–81), а также на стоянке Веретье 1 (Ошибкина, 1997, с. 72–73).

Наконечники дротиков и копий без зубцов, в том числе с пазами для вкладышей встречены в памятниках культуры Веретье в бассейне оз. Лаче (Ошибкина, 1983, 1997, 2006), в среднем слое стоянки Звейниеки 2 в Латвии, Ивановском 3 и 7, Становом 4 в Волго-Окском междуречье (Жилин, 2001). Массивные наконечники колющих копий, аналогичные описанным со стоянки Погостице 15 представлены на мезолитических стоянках от Прибалтики до Зауралья (Жилин, 2001, 2017; Savchenko et al., 2015). В Веретье 1 их найдено более 100 экз. Они многочисленны в Волго-Окском междуречье, но в Зауралье редки. Вкладышевые кинжалы с одним или двумя лезвиями нашли многочисленные аналогии в мезолите Восточной Европы, Урала и Сибири (Жилин, 2001; Питулько, 2001; Савченко, 2014).

Технология изготовления костяного вооружения стоянки Погостище 15 характерна для бореальных стоянок лесной зоны восточной Европы (Жилин, 2001) и Зауралья (Савченко, 2014). Функциональная структура вооружения стоянки Погостище 15 ближе к Волго-Окским памятникам, где резко преобладают костяные наконечники стрел, значительно меньше наконечников дротиков, острог и копий. В Веретье 1 доля наконечников дротиков, острог и копий намного выше, чем в Погостище 15, а на стоянках бореального времени в Прибалтике зубчатые наконечники дротиков и острог численно преобладают над наконечниками стрел (Жилин, 2001). Как по типам костяного вооружения, так и по его структуре стоянка

Погостище 15 полностью вписывается в круг памятников кундско-бутовской культурной общности (Жилин, 2001) и резко отличается от стоянок Северной Европы (Clark, 1936, 1975; David, 1997; Kozłowski J., Kozłowski S., 1975).

Проведенное исследование показало, что население мезолитической стоянки Погостище 15 обладало высококоразвитым костяным вооружением, которое позволяло успешно добывать разнообразную дичь. Наибольшая близость прослеживается к памятникам культуры Веретье, а также к бутовской культуре Волго-Окского междуречья. Вместе с тем Погостище 15 обладает своеобразными чертами как в костяном, так и в каменном инвентаре (Косорукова, 2014).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник // МИА. № 47. М.-Л.: Наука, 1956. 431 с.
2. Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 328 с.
3. Жилин М.Г. Преемственность и трансформации в развитии костяной индустрии бутовской культуры. М.: ИА РАН, 2014. 300 с. URL: http://archaeolog.ru/media/books_2014/Zhilin.pdf (Дата обращения 28.05.2018).
4. Жилин М.Г. Наконечники колющих копий в мезолите лесной зоны Восточной Европы // КСИА. 2017. Вып. 249. Ч. 1. С. 56–73.
5. Загорска И., Загоркис Ф. Мезолит Латвии // КСИА. Вып. 149. М.: Наука, 1977. С. 69–74.
6. Косорукова Н.В. Каменный инвентарь мезолитической стоянки Погостище 15 в бассейне озера Воже // Труды IV (XX) Всероссийского Археологического съезда в Казани. Т. I / Ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 281–284.
7. Косорукова Н.В. Исследование торфяникового памятника Погостище 15 в бассейне озера Воже в 2015 г. // Археология Севера Вып. 6 / Отв. ред. А.В. Кудряшов. Череповец: Череповецкое музейное объединение, 2015. С. 11–18.
8. Косорукова Н.В., Кулькова М.А., Сапелько Т.В. Торфяниковая стоянка Погостище 15 по данным археологии и междисциплинарных исследований // Археологические Вести. Вып. 23 / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, Дмитрий Буланин, 2017. С. 67–83.
9. Лозе И.А. Поселения каменного века Лубанской низины. Мезолит, ранний и средний неолит. Рига: Зинатне, 1988. 209 с.
10. Лозовский В.М., Лозовская О.В. Зубчатые острия и наконечники с зубцом стоянки Замостье 2 // Замостье 2. Озерное поселение древних рыбаков эпохи мезолита-

неолита в бассейне Верхней Волги / ред. В.М. Лозовский, О.В. Лозовская, И. Клемента-Контте. СПб: ИИМК РАН, 2013. С. 76–110.

11. *Ошибкина С.В.* Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.: Наука, 1983. 295 с.

12. *Ошибкина С.В.* Веретье I. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М.: Наука, 1997. 204 с.

13. *Ошибкина С.В.* Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье. М., 2006. 322 с.

14. *Питулько В.В.* Общие тенденции в развитии вкладышевых орудий // Каменный век европейских равнин / Отв. ред. Т.Н. Манушина. Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник, 2001. С. 161–167.

15. *Савченко С.Н.* Костяные наконечники стрел в мезолите Урала // Предметы вооружения и искусства из кости в древних культурах северной Евразии. Замятинский сборник. Вып. 2. / ред. Г.А. Хлопачев. СПб.: Наука, 2011. С. 153–181.

16. *Савченко С.Н.* Преемственность и инновации в развитии костяной индустрии мезолита горнолесного Зауралья // *Stratum plus*. 2014. № 1. С. 181–208.

17. *Савченко С.Н.* Наконечники гарпунов и зубчатые острия в каменном веке Урала // РА. 2017. № 2. С. 27–38.

18. Фосс М.Е. Костяные и деревянные изделия стоянки Веретье. // МИА. № 2. М-Л.: Наука, 1941. С. 212–235.

19. Bronk Ramsey, C. Methods for Summarizing Radiocarbon Datasets. *Radiocarbon*, 59(2), 2017, 1809–1833.

20. Clark J.G.D. 1936. *The Mesolithic Settlement of Northern Europe*. Cambridge.

21. Clark J.G.D. 1975. *The earlier Stone Age Settlement of Scandinavia*. Cambridge.

22. David Eva. 1997. The Mesolithic Bone Industry in Denmark: A Technological Point of View from the Maglemosian Industry from Mullerup 1 and Ulkestrup Lyng II Sites. In: 5 Congress International Epipaleolithique et Mesolithique, Grenoble, 18–23 Septembre 1995. Paris.

23. Indreko R. 1948. *Die mittlere Steinzeit in Estland*. Stockholm.

24. Kozłowski J.K., Kozłowski S.K. 1975. *Pradzieje Europy od XL do IV tysiąclecia p.n.e.* Warszawa.

25. Lozovski V.M. 1996. *Zamostje 2*. Treignes: Editions du CEDARC.

26. Svetlana Savchenko, Malkolm C. Lillie, Mikhail G. Zhilin & Chelsea E. Budd. New AMS Dating of Bone and Antler Weapons from the Shigir Collections Housed in the Sverdlovsk Regional Museum, Urals, Russia. *Proceedings of the Prehistoric Society*, 81, 2015, pp. 265–281.

27. Zagorska Ilga and Zagorskis Francis. The Bone and Antler Inventory from Zvejnieki II, Latvian SSR. In: Clive Bonsall (ed.). *The Mesolithic in Europe*. Edinburgh, 1989, 414–423.

28. Zagorska, I. The Mesolithic in Latvia. *Acta Archaeologica* 1993, 63: 97–116.

29. Zhilin Mikhail. 2015. Early Mesolithic bone arrowheads from the Upper Volga. *Fennoscandia Archaeologica*, XXXII (2015): 35–54.

30. Zhilin Mikhail. 2016. Mesolithic bone arrowheads from Ivanovskoye 7 (Central Russia): Technology of the manufacture and use-wear traces. *Quaternary International*, XXX (2016): 1–15.

Информация об авторах:

Жилин Михаил Геннадиевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); mizhilin@yandex.ru

Косорукова Наталья Валентиновна, кандидат исторических наук, доцент, Череповецкий государственный университет (г. Череповец, Россия); natalikcher@mail.ru

**BONE WEAPONS FROM MESOLITHIC SITE POGOSTISCHE 15
(TYPOLOGY, TECHNOLOGY OF MANUFACTURE, USE-WEAR TRACES)**

M.G. Zhilin, N.V. Kosorukova

The site Pogostische 15 is situated in the north of Vologda province, in the Lake Vozhe basin. A number of 14-C dates in the interval 7800-7100 calBC were obtained on worked wood from the Mesolithic find level. Pollen data place this level into the Boreal period. 128 bone artifacts were found, among them 55 arrowheads divided into 9 types. Six barbed points include two types. 13 bone spearheads are divided into 2 types. Three fragments of daggers of different types supplement the collection. Traceological analysis with the help of a stereomicroscope made possible to reconstruct technology of manufacture of bone weapons. Use-wear traces characteristic for arrowheads, javeline and spearheads were observed on a substantial number of artifacts. Mesolithic inhabitants of the site Pogostische 15 had highly developed bone weapons, which made possible successful hunting of various animals. Most resemblances is observed between bone weapons of Veretye culture of the Lake Lache basin 120 km to the north on one hand, and Butovo culture of the Volga-Oka interfluvium on the other. At the same time bone weapons of the site Pogostische 15 have some specific features.

Keywords: archaeology, weapons, bone, Mesolithic, typology, technology, manufacture, use-wear.

REFERENCES

1. Gurina, N. N. 1956. *Oleneostrovskiy mogil'nik (Oleneostrovsky Burial Ground)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 47. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Zhilin, M. G. 2001. *Kostyanaya industriya mezolita lesnoy zony Vostochnoy Evropy (Bone Industry of the Mesolithic in the Forest Area of Eastern Europe)*. Moscow: Editorial URSS Publ. (in Russian).
3. Zhilin M.G. 2014. *Preemstvennost' i transformatsii v razvitií kostyanoy industrii butovskoy kul'tury (Continuity and Transformations in the Development of the Bone Industry of Butovo culture)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Available at: http://archaeolog.ru/media/books_2014/Zhilin.pdf (accessed: 28.05.2018) (in Russian).
4. Zhilin, M. G. 2017. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 249(1). 56–73 (in Russian).
5. Zagorska, I., Zagorkis, F. 1977. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 149. Moscow: "Nauka" Publ., 69–74 (in Russian).
6. Kosorukova, N. V. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* IV. Kazan: "Otechestvo" Publ., 281–284 (in Russian).
7. Kosorukova, N. V. 2015. In Kudryashov, A. V. (ed.). *Arkheologiya Severa (Archaeology of the North)*. Cherepovets: "Cherepovetskoe muzeynoe ob"edinenie" Publ., 11–18 (in Russian).
8. Kosorukova, N. V., Kul'kova, M. A., Sapelko, T. V. 2017. In Nosov, E. N. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 23. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; "Dmitrii Bulanin" Publ., 67–83 (in Russian).
9. Loze, I. A. 1988. *Poseleniya kamennogo veka Lubanskoy niziny. Mezolit, ranniy i sredniy neolit (Settlements of the Stone Age in Lubana Lowland. Mesolithic, Early and Middle Neolithic)*. Riga: "Zinatne" Publ. (in Russian).
10. Lozovski V.M., Lozovskaya O.V. 2013. In Lozovski, V. M., Lozovskaya, O. V., Clemente Conte I. (eds.). *Zamost'e 2. Ozerne poselenie drevnikh rybolovov epokhi mezolita-neolita v basseynе Verkhney Volgi (Zamostje 2. Lake settlement of the Mesolithic and neolithic fishermen in upper Volga*

Region). Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 76–110 (in Russian).

11. Oshibkina, S. V. 1983. *Mezolit basseina Sukhony i Vostochnogo Prionezh'ia (Mesolithic of the Sukhona Basin and the Eastern Onega Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

12. Oshibkina, S. V. 1997. *Veret'e I. Poselenie epokhi mezolita na Severe Vostochnoy Evropy (Veretye I. Settlement of the Mesolithic in the North of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

13. Oshibkina, S. V. 2006. *Mezolit Vostochnogo Prionezh'ya. Kul'tura Veret'e (Mesolithic of the Eastern Onega Region. The Veretye Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

14. Pitul'ko V.V. 2001. In Manushina, T. N. (ed.). *Kamenniy vek evropeyskikh ravnin (Stone Age of European Plains)*. Sergiev Posad: The Sergiev Posad State History and Art Museum-Preserve. 161–167 (in Russian).

15. Savchenko, S. N. 2011. In Khlopachev, G. A. (ed.). *Predmety vooruzheniya i iskusstva iz kosti v drevnikh kul'turakh severnoy Evrazii (Bone Armament and Art in the Ancient Cultures of Northern Eurasia)*. Series: *Zamyatninskiy sbornik (Zamyatninsky of Papers) 2*. Saint Petersburg: "Nauka" Publ., 153–181 (in Russian).

16. Savchenko, S. N. 2014. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (1), 181–208 (in Russian).

17. Savchenko, S. N. 2017. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 27–38 (in Russian).

18. Foss, M. E. 1941. In Artamonov, M. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 2*. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 212–235 (in Russian).

19. Bronk Ramsey, C. 2017. In *Radiocarbon*, 59(2), 1809–1833.

20. Clark J.G.D. 1936. *The Mesolithic Settlement of Northern Europe*. Cambridge.

21. Clark J.G.D. 1975. *The earlier Stone Age Settlement of Scandinavia*. Cambridge.

22. David Eva. 1997. *The Mesolithic Bone Industry in Denmark: A Technological Point of View from the Maglemosian Industry from Mullerup 1 and Ulkestrup Lyng II Sites*. In: 5 Congress International Epipaleolithic er Mesolithicque, Grenoble, 18-23 Septembre 1995. Paris.

23. Indreko R. 1948. *Die mittlere Steinzeit in Estland*. Stockholm.

24. Kozłowski, J. K., Kozłowski, S. K. 1975. *Pradzieje Europy od XL do IV tysiaclecia p.n.e.* Warszawa.

25. Lozovski, V. M. 1996. *Zamostje 2*. Treignes: Editions du CEDARC.

26. Svetlana Savchenko, Malkolm C. Lillie, Mikhail G. Zhilin & Chelsea E. Budd. 2015. *Proceedings of the Prehistoric Society*, 81.

27. Zagorska Ilga and Zagorskis Francis. 1989. In: Clive Bonsall (ed.). *The Mesolithic in Europe*. Edinburgh, 414–423.

28. Zagorska, I. 1993. *Acta Archaeologica*, 63. 97–116.

29. Zhilin Mikhail. 2015. *Fennoscandia Archaeologica*, XXXII. 35–54.

30. Zhilin Mikhail. 2016. *Quaternary International*, XXX. 1–15.

About the Authors:

Zhilin Mikhail G. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; mizhilin@yandex.ru

Kosorukova Natal'ya V. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Cherepovets State University. Lunacharski ave., 5, Cherepovets, Vologda province, 162600, Russian Federation; natalikcher@mail.ru

Статья поступила в номер 16.07.2018 г.

АРТЕФАКТЫ СО СЛЕДАМИ НЕУТИЛИТАРНОГО ИЗНОСА В КОНТЕКСТЕ КРЕМНЕОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ МАСТЕРСКОЙ ЭНЕОЛИТА УГДЫМ IБ (СРЕДНЯЯ ВЫЧЕГДА, РЕСПУБЛИКА КОМИ)

© 2018 г. В.Н. Карманов, Е.Ю. Гирия

Впервые в научный оборот вводятся результаты изучения предметов со следами общего недифференцированного износа, данные о способе их распознавания в археологических материалах и контексте обнаружения. Эти предметы наряду с изготовленными на поселении Угдым IБ орудиями входили в состав клада, который, вероятно, имел непродолжительный сакральный характер. Это подтверждает совокупность данных об особенностях пространственного положения этих предметов, их морфология, состав клада и имеющиеся параллели подобной ситуации в синхронных комплексах сопредельных территорий. Высказано предположение, что предметы с неутилитарным износом могли использоваться в качестве подвесок, и были намеренно оставлены в покинутой мастерской. Аналогии таким ситуациям на известных поселениях и мастерских изучаемого региона отсутствуют и наиболее близкую параллель составляют клады волосовской культуры. На основании изучения морфографии орудий и технико-типологических показателей керамической посуды Угдым IБ возраст контекста определяется концом III – третьей четвертью II тыс. до н. э. – периодом распространения металлургии меди и бытования гаринской энеолитической культуры.

Ключевые слова: археологическая трасология, Республика Коми, энеолит, общий неутилитарный износ, склад кремневых артефактов.

Введение

В результате изучения остатков кремнеобрабатывающей мастерской энеолита на поселении Угдым I (Средняя Вычегда, Республика Коми) были найдены предметы с хорошо выраженным комплексом следов общего, недифференцированного неутилитарного износа (следов «транспортировки»). Последний определяется как износ поверхностей любых артефактов, не связанный с каким-либо технологическим процессом (с орудийной деятельностью). Эти следы образуются на поверхностях предметов в процессе их пребывания в человеческом обиходе, во время намеренных или ненамеренных манипуляций – разного рода использования артефактов в

быту, когда их поверхности подвергаются воздействию ударов, давления, истирания, царапания и т. д. (Гирия, 2015, с. 255).

Найденный комплект изделий и контекст, в котором он был обнаружен, пока уникальны для энеолита лесной зоны Северной Евразии. Это определяет специальное обращение к его описанию и анализу, а также необходимость ввода в научный оборот результатов его исследования. В изученной мастерской впервые в регионе выявлены места, где производилась тепловая обработка кремневого сырья для его подготовки к дальнейшему расщеплению и среди артефактов были определены многочисленные предметы со следами намеренного

нагрева. Предварительные результаты уже опубликованы (Карманов, 2015). В настоящей статье внимание уделено лишь одному аспекту, подчеркивающему уникальность контекста Угдым IБ, но не нашедшему полного отражения в публикациях, в т.ч. планируемых.

Описание контекста

Поселение Угдым I, в состав которого входит кремнеобрабатывающая мастерская Угдым IБ, располагается на левом берегу р. Вычегды (с. Нёбдино Корткеросского района Республики Коми) (рис. 1). Оно занимает прикраевой участок останца эоловой гряды, лежащей на поверхности надпойменной террасы. В настоящее время останец заключен между разновозрастными генерациями поймы р. Вычегды и руслом ее притока – р. Угдым. Памятник открыт в 1980 г. Э.С. Логиновой, которой на расстоянии 450 м друг от друга выявлены две впадины – остатки заплывших котлованов углубленных построек (Логинова, 1981). Впадину № 1, соответствующую комплексу Угдым IБ, в 2010–2011 гг. раскопом площадью 138 кв. м изучил В.Н. Карманов (рис. 2, 3). Она имела овальную в плане форму, размеры 4,5×13 и глубину до 0,3 м и была ориентирована по длинной оси с юга на север перпендикулярно краю террасы и параллельно эоловой дюне, подножие которой она занимает. В результате ее раскопок были изучены остатки слабо углубленной постройки прямоугольной формы в плане 4,5×12,5 м и площадью около 58 кв. м. Следы котлована сооружения определены на фоне желтого иллювиального горизонта в виде пятна неоднородного по структуре и цветности песка, окаймленного полосами

белесого песка (рис. 2, 3). При этом в момент сооружения постройки были ненамеренно и частично разрушены остатки жилища раннего неолита. Сохранилась лишь южная часть последнего вместе с хозяйственной ямой, а культурные остатки из разрушенной части вошли в состав отложений, перемещенных в ходе сооружения котлована постройки энеолита. Материалы этого комплекса (Угдым IA) частично опубликованы (Карманов, 2012, с. 438, 439; рис. 9, 10) и не являются предметом этой статьи.

Коллекцию производственного комплекса Угдым IБ составляют 15084 кремневых изделия, 15 предметов из некремневых пород (ближе не определены), семь фрагментов двух керамических сосудов и 18 обломков кальцинированных костей птиц или рыб (ближе не определимы). Из некремневых пород изготовлены всего три орудия: абразив, плитка с пришлифованным краем (нож?) и тесло. Основную часть кремневого инвентаря представляют чешуйки, термические осколки и мелкие отщепы (размерами от 1 до 3 см). Более половины отщепов диагностированы как сколы бифасиального утончения. Также в коллекции присутствуют бифасы на разных стадиях расщепления, в том числе завершенные изделия. Орудий из кремня в коллекции Угдым IБ всего 79. В основном они представлены отщепами с краевой ретушью и ретушью утилизации, вероятно, выполнявших функции ножей, режущих скребков. Морфологически выраженные изделия включают завершенные тонкие бифасы, в числе которых наконечники стрел (6 готовых орудий (рис. 5: 1–6; 6: 1), 9 незавершенных, в т.ч. 7 в обломках, 4 из которых подобраны

Рис. 1. Местоположение поселения Угдым I.

Fig. 1. Location of the Ugdyim I settlement.

друг к другу (рис. 7)); наконечник копья или кинжал (рис. 5: 7), нож или переоформленный наконечник копья с обломанным острием (рис. 6: 3), наконечник копья (фрагмент) (рис. 6: 2), фигурный кремьен (1) (рис. 6: 4).

Эти данные показывают, что большая часть диагностируемых продуктов расщепления в коллекции – мелкие отщепы – сколы бифасиального утончения и бифасы на разных стадиях обработки, включая готовые изделия. Из 47 мелких отщепов, в т.ч. 27 сколов бифасиального утончения, изготовлено основное количество орудий. В совокупности с данными морфометрии завершенных двусторонне обработанных изделий это указывает на то, что на памятнике представлена технология вторичного бифасиального утончения, нацеленная на изготовление наконечников стрел и копий, ножей (рис. 5–7). Прочие орудия оформлялись на сопутствующих производств бифасов сколах.

Технико-типологические показатели керамической посуды (рис. 4), а также морфография тонких бифасов

(рис. 5–7) определяют комплекс Угдым IБ как памятник носителей пористой керамики, а именно, гаринской культуры конца III – первой четверти II тыс. до н. э. (Мельничук, 2013). В пределах крайнего северо-востока Европы ее памятники обособлены В.С. Стоколосом в чойновтинскую культуру, датируемую им концом III – третьей четвертью II тыс. до н. э. (Стоколос, 1997, с. 229–240). Этому не противоречит радиоуглеродная дата близлежащего контекста Угдым IГ (обугленная береста, заключенная в развале керамического сосуда): 3480 ± 190 ^{14}C л.н. (ГИН-14592) или 2431–1325 кал. л. до н. э. с вероятностью 95,4% (IntCal 13).

По центральной оси постройки Угдым IБ располагались три конструктивно не оформленных очага, следы которых сохранились в виде линз бурого спекшегося песка (рис. 2, 3). Культурные остатки в границах сооружения залежали неравномерно, концентрируясь на трех участках, приуроченных к этим очагам (рис. 3). При этом количественный и качественный состав находок в этих зонах был различен. Он показывает, что на них в разной степени интенсивности велась камнеобработка, а именно, изготовление тонких бифасов, прежде всего, наконечников стрел. Наиболее активное расщепление велось вблизи очага № 2: здесь найдены наибольшее количество чешуек, сколов бифасиального утончения, а также обломки незаконченных изделий. Особенность залегания бифасов в начальной стадии расщепления со следами термического воздействия, показывает, что на месте первого, в меньшей степени второго очага, велась намеренная тепловая подготовка отдельных сырьевых. Из-за

Рис. 2. Угдым I. Поверхность раскопа 2010 г. Остатки построек Угдым IA и IB. Стрелками отмечено местоположение очагов. Масштабная рейка – 3 м. Снимок с юга.
 Fig. 2. Ugdym I. Surface of the excavation area in 2010. Remains of constructions Ugdym IA and IB. Arrows indicate location of the hearths. Scale bar – 3 m. The picture is made from the South.

ошибок в обработке и/или из-за качества сырья (имеющего скрытую трещиноватость) часть из них была отбракована и не подвергалась дальнейшему расщеплению.

Наибольший интерес представляет особенность скопления у очага № 3. Здесь выявлено сравнительно компактное залегание кремневых бифасов: 6 наконечников стрел (рис. 5: 1–5, 6: 1), наконечник копья (фрагмент) (рис. 6: 2), наконечник копья или кинжал (рис. 6: 3), фигурный кремь или крупный наконечник стрелы (рис. 6: 4), нож или переоформленный наконечник копья с обломанным острием (рис. 6: 5), фигурный кремь (рис. 6: 6). Кроме того, здесь найдены изделия из некремневой породы: шлифованное тесло (рис. 5: 6) и шлифованная плитка с приостренным краем (нож?) (рис. 5: 7) соответственно трапециевидной и прямоугольной в плане формы. Размеры участка, в

пределах которого обнаружены эти предметы, – 0,7×0,9 м. Практически все они были приурочены к белесому песку (горизонту вымывания), естественно слагающему поверхность высоких форм золотого рельефа в регионе, и залегали на 0,14–0,27 м глубже современной поверхности. При этом разброс этих находок по вертикали достигал 0,13 м при среднем показателе в 0,06 м. Учитывая выявленные деформации скоплений корнями деревьев, можно предположить, что эти артефакты первоначально находились на более компактной площади и примерно на одном уровне. Возможно, они составляли намеренно отложенный клад изделий. Наконечники стрел, входящие в состав этого клада, за исключением одного предмета являются завершенными бифасами листовидной формы в плане с прямым (рис. 5: 1, 5), слабоогнутым (рис. 5: 2) и выпуклым насадом (рис. 6: 1).

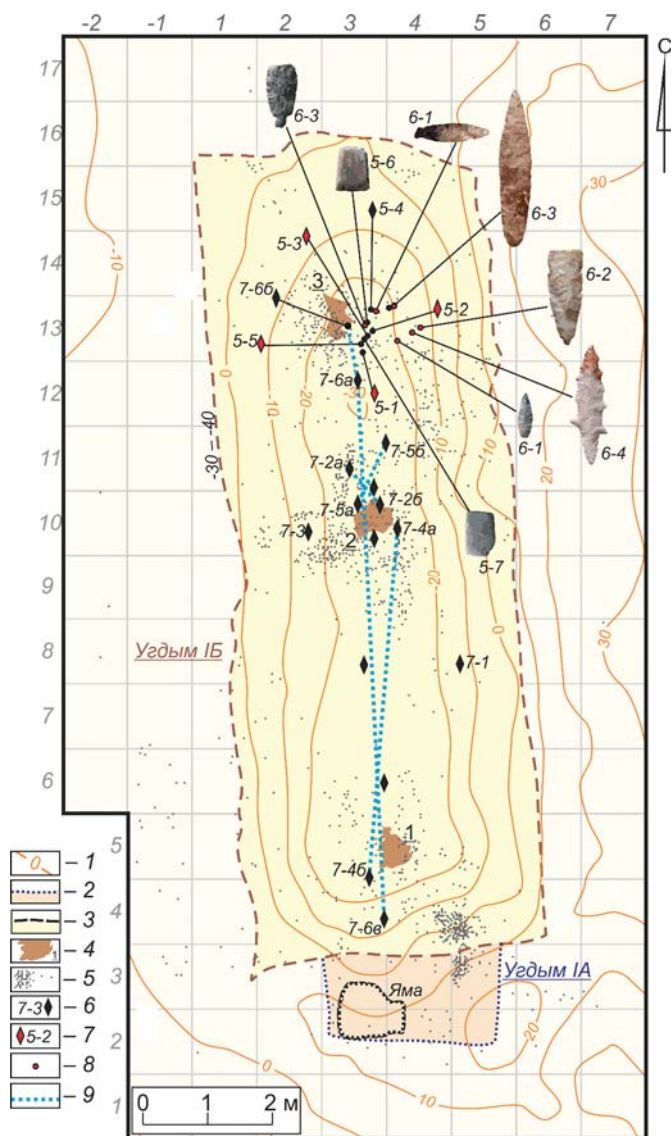

Рис. 3. Угдым I. План раскопа 2010-11 гг. 1 – рельеф современной дневной поверхности; 2 – границы жилища раннего неолита, комплекс Угдым IA; 3 – границы котлована постройки Угдым IB; 4 – остатки очагов и их номер; 5 – артефакты; 6 – недоделанные наконечники стрел и их мелкие фрагменты, номер рисунка и предмета на нём; 7 – завершённые бифасы, номер рисунка и предмета на нём; 8 – местоположение предметов со следами неутилитарного износа; 9 – связи между апплицированными предметами.

Fig. 3. Ugdym I. The plan of 2010-2011 excavation area. 1 – a relief of a modern day surface; 2 – the early Neolithic dwelling borders, IA Ugdym complex; 3 – borders of the construction pit Ugdym IB; 4 – hearths remains and their numbers; 5 – artifacts; 6 – unfinished tips of arrowheads and their small fragments, number of the drawing and subject number on them; 7 – complete biface, number of the drawing and subject number on it; 8 – location of objects with traces of general not utilitarian wear; 9 – communications between refitted objects.

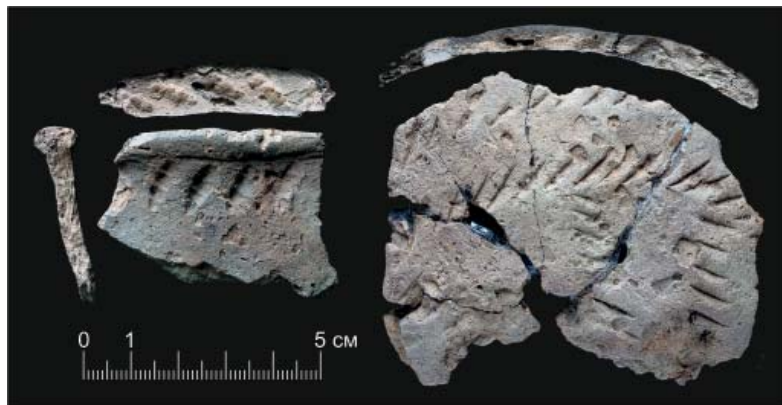

Рис. 4. Угдым IB. Фрагменты керамических сосудов.

Fig. 4. Ugdym IB. Fragments of ceramic vessels.

Три орудия без видимых повреждений (рис. 5: 1, 2; 6: 1), у четвертого обломано острие (рис. 5: 5), два других представлены медиальными частями (рис. 5: 3, 4). Кроме того, на периферии скопления и в остатках очага найдены два подобранных друг к другу обломка явно незавершенного изделия, третий фрагмент которого, подвергнутый обработке уже после поломки, найден в составе скопления у очага № 1. Поэтому можно предположить, что эти предметы в изучаемый комплект не входили.

Способ выявления следов неутилитарного износа

По результатам трасологического анализа среди описанных артефактов выявлены предметы (рис. 6) со следами общего неутилитарного износа. Как и любые иные типы археологических следов, они представляют собой специфический (узнаваемый) вид изменения формы рельефа известной исходной (естественной или искусственной) поверхности. «Свежесколотый кремь имеет матовую поверхность. Под увеличением очень хорошо видна зернистая, бугорчатая структура кремня в изломе. На такой

поверхности свет рассеивается, чем и объясняется ее матовый тон» (Семенов, 1940, с. 21–22). В процессе пребывания в человеческом обиходе (при использовании, подработке и/или в ходе транспортировки) каменные изделия соприкасаются, вступают в активный контакт с иными предметами различной плотности. В результате этого на их поверхностях возникают зоны затертости, царапины и/или заполировка (рис. 9, 10). Прежде всего, затираются наиболее выпуклые участки – края, межфасеточные ребра и другие выступающие элементы макро- и микрорельефа поверхности каменных изделий. В исходном (неповрежденном) состоянии, края и ребра, возникающие на большинстве мелкозернистых изотропных пород камня во время расщепления, в большинстве случаев острые, нитевидные (рис. 8). Без специальных приборов ширину их невозможно измерить. Поэтому, если есть основания считать, что изменение поверхности конкретных каменных изделий не является результатом воздействия каких-либо природных процессов, эти следы вполне могут оказаться результатом усилен-

Рис. 5. Угдым ИВ. Предметы из скопления № 3. 1–6 – наконечники стрел; 7 – наконечник копья (или кинжал); 8 – тесло; 9 – нож. 1–7 – кремень; 8, 9 – некремнёвая порода (ближе не определялась). Примечание: 2 – очень слабые следы неутилитарного износа.

Fig. 5. Ugdyim IB. Items from the cluster number 3. 1–6 – Arrowheads; 7 – the tip of the spear (or dagger); 8 – adze; 9 – the knife. 1–7 – flint; 8, 9 – non-siliceous rock (not more closely defined).

Note: 2 – very weak traces of non-utilitarian wear.

ного пользования данными предметами в прошлом.

Следы такого общего (неутилитарного) износа были впервые выделены на ножах костёнковского типа в ходе трасологии пластин, происходящих из кладов стоянки Костёнки 1 (I слой, работы А.Н. Рогачёва и Н.Д. Праслова) в конце 1980-х гг. (Гирия, Ресино-Леон, 2002, с. 179–182). Впоследствии аналогичный износ был обнаружен на многих изделиях, принадлежащих самым различным по времени и месту происхождения каменным и костяным индустриям (напр.: Giрия, 2004, p. 151–153).

Как показали многочисленные эксперименты, следы общего неутилитарного износа возникают на камен-

ных и костяных изделиях достаточно быстро. Обнаружить эти следы не сложно. Неоднократно проводившиеся слепые тесты показали, что с помощью простого бинокулярного микроскопа при увеличении до 100 крат с такой задачей успешно справляются даже начинающие трасологи (Гирия, Цыбрий и Цыбрий, 2014, с. 305). При этом всегда следует иметь в виду, что облик этих следов нетрудно спутать с иными видами изменения поверхности кремней из культурного слоя, поэтому мы провели сравнительное трасологическое исследование микрорельефов поверхностей вещей из клада и иных кремневых артефактов, найденных в аналогичных условиях залегания. Важно отметить, что кре-

Рис. 6. Угдым IB. Комплекс предметов с выраженными следами общего неутилитарного износа.

Кремень.

Fig. 6. Ugdym IB. A complex of objects with pronounced traces of general non-utilitarian wear. Flint.

мень из коллекции Угдым I имеет прекрасную сохранность и сколь-либо выразительные следы от залегания в слое, происходящие от различных естественных факторов, на их поверхностях не обнаружены. Все продукты расщепления сохранили неповрежденные, «свежие» острые кромки краев и межфасеточных ребер. Поверхности негативов и позитивов сколов также имеют неокатанный, неизменный вид. Благодаря этому, не составляет большого труда отделить блестящие поверхности фасеток сколов, сделанных после тепловой обработки от более матовых сколов, сделанных до прокаливания заготовок. Во многих случаях, с большой степенью уверенности, тепловую обработку того или иного кремня можно определить даже при отсутствии на образце матовых участков преповерхности. Таким образом, у нас была воз-

можность сравнить состояние микрорельефа краев, ребер и поверхностей различных продуктов расщепления, представляющих собой целые изделия, изделия фрагментированные в процессе изготовления и/или в результате термического растрескивания, и отходы производства.

На поверхностях артефактов из клада удалось обнаружить лишь один тип следов, происхождение которых пока остается для нас не до конца ясным. Это крупные пятна сплошной, но не глубоко проникающей в депрессии микрорельефа, однонаправленной выравнивающей заполировки (рис. 9: А). С одной стороны, подобные следы известны как результат видоизменения поверхности кремня в слое (особенно в палеолитических слоях), с другой – такие же следы были получены нами экспериментально, а также прослежены на предмете из клада пластин в

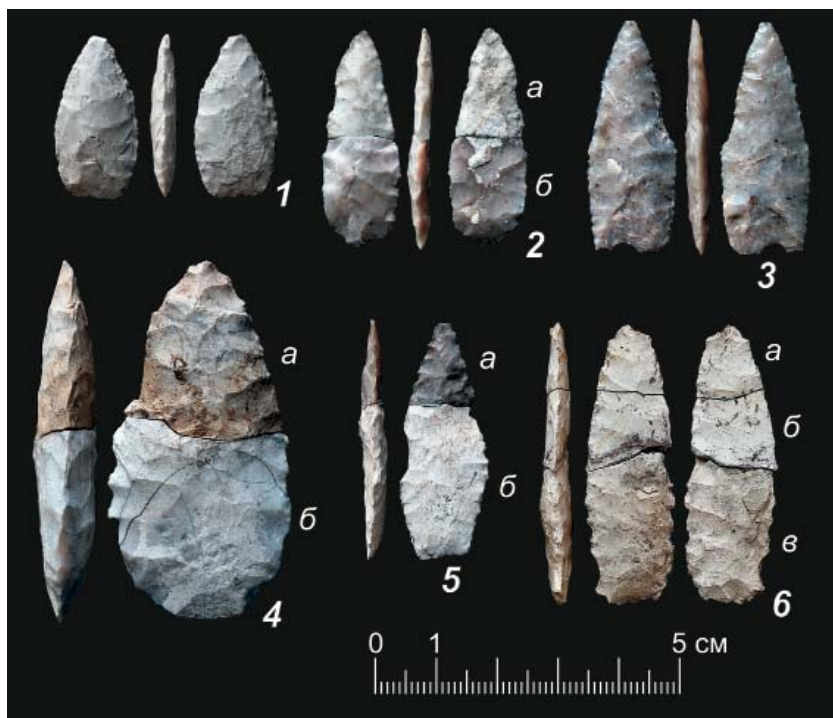

Рис. 7. Угдым ІВ. Незавершенные наконечники стрел. 4б, 6в – скопление № 1; 2, 3, 4а, 5 – скопление № 2; 6а, 6б – скопление № 3. 1 – вне скоплений. Кремнь. Примечание: 1, 2 – обнаружен очень слабо развитый общий неутилитарный износ. Fig. 7. Ugdym ІВ. Unfinished arrowheads. 4б, 6в – cluster number 1; 2, 3, 4а, 5 – cluster number 2; 6а, 6б – cluster number 3. 1 – outside the clusters. Flint. Note: 1, 2 – very undeveloped general non-utilitarian wear is detected.

культурном слое I Костёнок 1 (Гирия, Ресино-Леон, 2002, с. 177–179). В последнем случае это были следы совместной транспортировки крупных кусков кремня. Как подобные следы могли возникнуть на поверхности тонкого бифаса, представляющего собой художественно выполненную расщеплением фигурку животного, остается пока не ясным.

На всех крупных бифасах из клада обнаружены следы общего неутилитарного износа. Представляется интересным, что некоторые из них имеют поперечные сломы, на поверхностях которых прослежен такой же общий неутилитарный износ, как и на плоских сторонах. При этом на некоторых

бифасах предположительно входящих в состав клада, в том же культурном слое, выявлены «свежие», неповрежденные края, ребра и поверхности (рис. 8). Такие же участки найдены и на термически поврежденных участках (рис. 10: А, Б) изделий со следами неутилитарного износа (рис. 10: В, Г, Д, Е).

Детальное описание предметов со следами неутилитарного износа

Предмет № 1. Наконечник стрелы иволистный со слегка выпуклым основанием (рис. 6: 1). Последнее имеет негативы сколов вторичной подправки, которая перекрывает поверхности с общим неутилитарным износом, распределенным на остальных

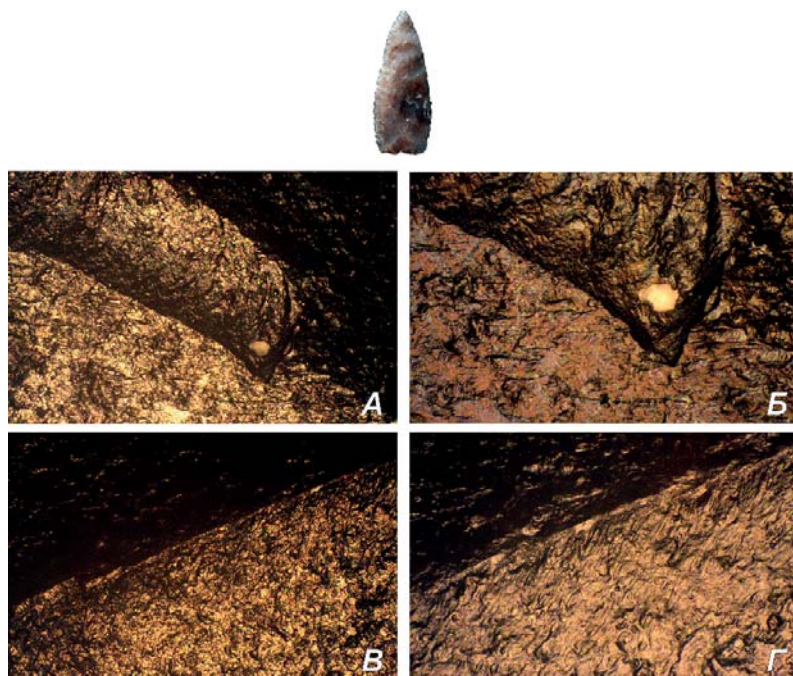

Рис. 8. Угдым IB. Микрорельеф поверхности и «свежих» межфасеточных рёбер на бифасе (рис. 5: 1) без следов общего неутилитарного износа под разным увеличением: А, В – X100; Б, Г – X200.

Fig. 8. Ugdym IB. The microrelief of the surface and "fresh" interfacetal edges on the biface (Figure 5: 1) without any trace of general non-utilitarian wear under different magnifications: А, В – X100; Б, Г – X200.

участках равномерно (сколы подправки удаляют этот износ). То есть, подправка был подвергнут уже бывший в интенсивном пользовании бифас.

Предмет № 2. Наконечник копья листовидной (?) формы с обломанным острием (или основанием?) (рис. 6: 2). Также как и предыдущее изделие, после поломки он был частично модифицирован уборкой острых углов, сформированных сломом. Когда были оформлены две пары узких и неглубоких противоположащих выемок в широкой части бифаса и выступ в его основании (или острие?) тоже не ясно. При изготовлении орудия мастер учел цветность кремня – чередование светло-серых и коричневатых зон, образо-

вавшихся после намеренного нагрева сырья, из которого изготовлен артефакт. Неутилитарный износ зафиксирован по всей поверхности предмета с легким усилением в зоне, близкой к слому. При этом важно подчеркнуть, что износ на самом сломе развит не меньше, чем на остальной площади. То есть, предмет достаточно долго пребывал в обиходе, будучи уже сломанным.

Предмет № 3. Иволистный наконечник копья или кинжал с выпуклым основанием (рис. 6: 3). Предмет сломался уже после захоронения клада, поскольку оба фрагмента залежали близко друг от друга. Это подтверждает и трасология: неутилитарный износ распределен по всей поверхности

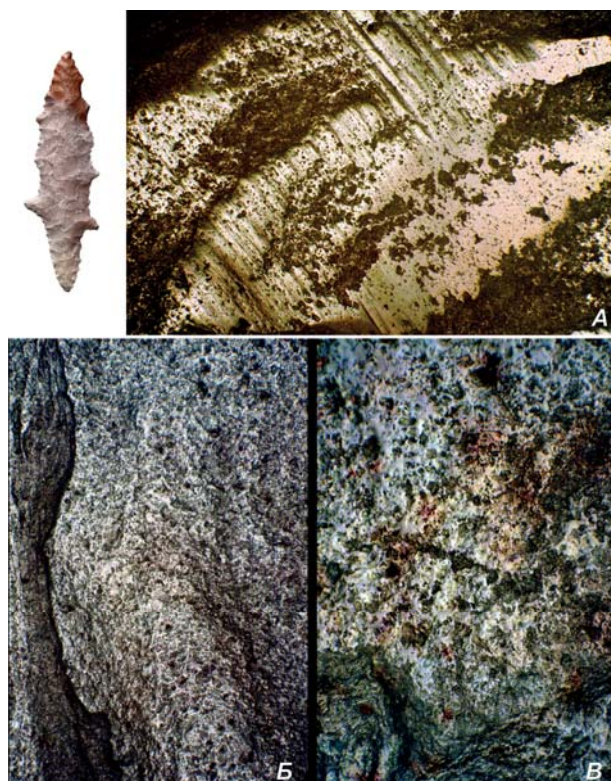

Рис. 9. Угдым ИБ. Поверхности и межфасеточные рёбра на фигурном бифасе (рис. 6: 6). А – крупное пятно сплошной заполировки неясного происхождения. Б и В – заполировка и абразивный износ межфасеточных рёбер на поверхности артефакта под разным увеличением: А – X50; Б – X100; В – X200.

Fig. 9. Ugdym IB. Surfaces and interfacial ribs on the figured biface (Figure 6: 6).

A – large spot of continuous polishing of an unknown origin. B and B – polishing and abrasive wear of the interfacial edges on the surface of the artifact under different magnifications: A - X50; B - X100; B - X200.

артефакта равномерно, при этом все края слома «свежие».

Предмет № 4. Возможно, изделие правомерно отнести к фигурным кремням. Это бифас листовидной в плане формы с двумя противоположными выемками в нижней (левой?) части изделия и скошенным основанием (рис. 6: 4). Помимо этого две слабо выраженные выемки сделаны у острия изделия, и к тому же последнее намеренно (?) притуплено. Оно частично без ущерба для понимания его формы повреждено мелкими термическими сколами, один из которых залегающий в непосредственной близости от основы, подобран. Не исключено, что в основе предмета – сравнительно крупный наконечник стрелы, форма которого изменена после его утилизации. При этом, как и в случае с первым описанным предметом, ма-

стер использовал разную цветность сырья для выделения основания или хвоста рыбы (?), которую он может изображать (рис. 6: 4).

Предмет № 5. Неоднозначна интерпретация еще одного бифаса в комплекте. Типологически он относится к т.н. ножам с «пуговкой», распространенным в гаринской культуре, хотя не исключена его интерпретация как переоформленного наконечника копья (рис. 6: 5). Острие изделия обломано, вероятно, из-за естественных дефектов сырья – минерализованных включений остатков моллюсков. «Скругление» острых углов, образовавшихся после поломки и негативы сколов, снятых с торца сломанного орудия как с импровизированной площадки свидетельствуют о частичном вторичном изменении его формы. Особенности расположения следов

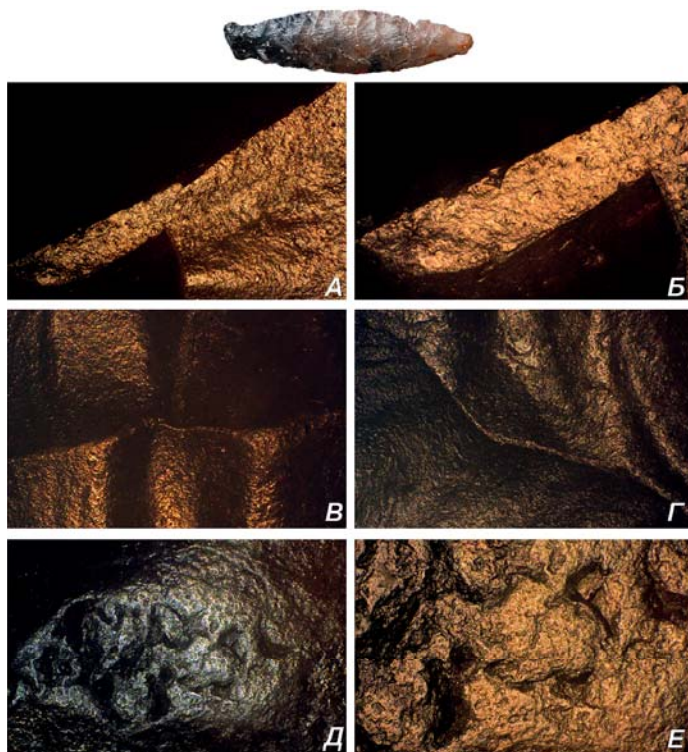

Рис. 10. Угдым IB. Поверхности и межфасеточные рёбра на одной из боковых сторон фигурного бифаса (рис. 6: 4). А, Б – «свежий» край поздней термической трещины под увеличением X100 и X200; В–Е – общий неутилитарный износ в виде заполировки и абразивного истирания межфасеточных рёбер на поверхности артефакта под разным увеличением. В, Г – X50; Д – X100; Е – X200.

Fig. 10. Ugdyim IB. Surfaces and interfacet edges on one of lateral faces of figured biface (fig. 6: 4). А, Б – "fresh" edge of a late thermal crack under magnification X100 and X200; В–Е – general not utilitarian wear in the form of a polishing and abrasive attrition of interfacet edges on the artifact surface under different magnification. В and Г — X50; Д – X100; Е — X200.

неутилитарного износа аналогичны описанному выше для предмета № 2. Это указывает на их формирование после поломки изделий.

Предмет № 6. Выраженный фигурный кремль (рис. 6: 6) изготовлен из сырья, подвергнутого намеренному нагреву, о чем свидетельствует гляцевая поверхность негативов и контрастная окраска, включающая зоны красноватых оттенков разной насыщенности. В основе изделия – бифас листовидной формы, по краям которого оформлены треугольные и округлые выступы. Контур изделия в пла-

не по продольной и поперечной осям асимметричный. Всего сделано три выразительных выступа по одному и пять – по другому краю. Вероятно, скульптура полиморфна и интерпретация образа, запечатленного в ней, зависит от ориентировки предмета вертикально, горизонтально или отраженно зеркально (рис. 6: 6). На иллюстрации представлена наиболее вероятная, на наш взгляд, ориентация предмета, хотя читатель волен разместить ее угодно своим соображениям и толковать изображение по-своему. С учетом полиморфности образа его

можно интерпретировать как изображение бобра или выдры (вид сверху). При этом наиболее насыщенной красным цветом зоной выделена голова животного; тело до уровня нижних (левых) выступов имеет менее насыщенную окраску, а вытянутый треугольный выступ в нижней части (хвост?) почти белого цвета. Размещая фигуру горизонтально можно трактовать образ как изображение крупной рыбы, причем, окраска кремня будет «работать» и в этом случае. Отдаленные по стилю аналогии можно найти среди некоторых кремневых фигурок млекопитающих, рыб или пресмыкающихся (напр.: Замятнин, 1948, с. 106, 107; рис. 4–9; 5–13, 15, 16, 18). Однако предмет с Угдыма ІВ уникален как своей морфологией, так и техническими решениями, использованными в ходе его создания. Следы неутилитарного износа распределены на обеих поверхностях изделия равномерно. При этом в насыщенной красным цветом зоне они менее выражены, что, вероятно, связано с большей твердостью более кремневого сырья.

Результаты и обсуждение

Описанные выше предметы объединяют использование намеренного нагрева кремня, из которого они сделаны; сравнительно сложная для бифасиальных индустрий энеолита лесной зоны морфология изделий (выступы и выемки по краям всех артефактов); в меньшей мере, сравнительно крупный размер (4 экз.), использование цветовой структуры кремня в оформлении (3 экз.) и частичное изменение формы сломанных (ненамеренно?) предметов (3 экз.). Наличие выемок на всех изделиях в совокупности с данными трасологии может свидетельствовать об их использовании в качестве под-

весок. Однако равномерное расположение следов неутилитарного износа по всей площади поверхностей предметов это не подтверждает. В связи с этим вопрос о характере их использования остается пока открытым до накопления новых данных. Ведь изучение общего недифференцированного неутилитарного износа в археологической трасологии еще только начато.

Аналогии этим предметам в прочих 59 однокультурных контекстах с пористой керамикой на территории крайнего северо-востока Европы отсутствуют. Нужно отметить, что двусторонне обработанные изделия представлены в регионе преимущественно наконечниками стрел листовидной или треугольной формы с вогнутым, гораздо реже прямым основанием. Их количество составляет, как правило, от одного до 10 орудий на контекст, а с учетом незавершенных изделий в производственных комплексах может достигать 184 экз. (Ёвдино III на р. Выми (Семенов, Несанелене, 1997, с. 99; табл. 2)). Фигурный кремль мелких размеров одним, в одном случае двумя предметами представлен всего в четырех коллекциях (Лопью на р. Локчим (Сериков, 2014, с. 199; фото 8–4, 5); Ластва VIII на р. Ижме (Карманов, 2006, рис. 3–7), Шомвуква II на р. Выми (Семенов, Несанелене, 1997, с. 74; рис. 45–20), Варжа на р. Лузе (Семенов, 2013, рис. 1–27)). Завершенные двусторонне обработанные ножи характеризуют в большей мере коллекции развитого неолита региона (Карманов, Галимова, 2017, с. 51, 52) и их число в комплексах энеолита ничтожно (Усть-Кедва II, жил. № 6 (Семенов, Несанелене, 1997, с. 53; рис. 32–18) и, возможно, Чойновты II, жил. № 3 на р. Мезени (Стоколос,

1986, с. 117; рис. 85–17)). Единичная находка целого наконечника копья известна в энеолитическом погребении на поселении Вис II (Карманов и др., 2001). Возможно, эти данные указывают на особый статус таких предметов среди носителей гаринских (чойновтинских) традиций.

Завершенные изделия в скоплении у очага № 3 составляют две группы кремневых артефактов. Первая, включающая практически все наконечники стрел, изготовлена на месте. Вторая, со следами неутилитарного износа, вероятно, принесена на памятник и оставлена в составе клада готовых орудий. Возможно, этот набор был частью святилища во время функционирования мастерской и после прекращения деятельности в ней по неопределимой причине был оставлен на месте. Ни в одном из 59 прочих сопоставимых комплексов чойновтинской или гаринской культуры такие ситуации не зафиксированы. Не найдены они и на исходной территории гаринской культуры – бассейне р. Камы. Однако близкие аналогии содержатся в материалах погребальных памятников волосовской культуры. На них выявлены компактно залегающие собрания артефактов из разных материалов, которые составляют клады преимущественно кремневых изделий (Костылёва, Уткин, 2010, с. 27). При этом надо учитывать связь волосовских кладов с местами упокоения, иную морфологию бифасов и полное отсутствие достоверных памятников этой культуры на крайнем северо-вос-

токе Европы, и в частности, р. Вычегде. Лишь в одном случае клад (№ 9) на территории могильника Сахтыш II был помещен в ямку, впущенную в угол жилища, сооруженного ранее. Это, казалось бы, не исключает возможности более позднего отложения (захоронения?) склада предметов на Угдым IB и вероятного нахождения рядом с изученной постройкой погребального памятника. Но предметы изученного набора распределены по глубине аналогично многочисленному дебитажу и свидетельства позднего нарушения отложений впадины не выявлены. Единственным отклонением от «нормы» является преимущественное залегание предметов клада в восточной части скопления № 3.

Дальнейшие рассуждения на эту тему могут увести по пути поиска этнографических и археологических параллелей с сакральной стороной металлургии, обработки металла и кузнечного ремесла. В настоящее время правомерно лишь констатировать факт неординарности изученного контекста Угдым IB, который расширяет наши представления о непроизводственной, возможно, ритуальной практике, сопровождающей камнеобработку в период распространения металлургии меди. Следует также обратить внимание на современные возможности археологической трасологии, позволившей в нашем случае извлечь существенную информацию и дополнительно обосновать специфику кремнеобрабатывающей мастерской энеолита Угдым IB.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гиря Е.Ю.* Следы как вид археологического источника (конспект неопубликованных лекций) // Следы в истории. К 75-летию Вячеслава Евгеньевича Щелинского / Ред. О.В. Лозовская, В.М. Лозовский, Е.Ю. Гиря. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 232–268.

2. Гиря Е.Ю., Ресино-Леон А. С.А. Семенов, Костенки, палеолитоведение // Археологические вести. Вып. 9 / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, Дмитрий Буланин, 2002. С. 173–190.
3. Гиря Е.Ю., Цыбрий В.В., Цыбрий А.В. Опыт организации и проведения экспериментально-трассологических школ-семинаров на базе этно-археологического парка. // *Stratum plus*. 2014. № 1. С. 297–308.
4. Замятнин С.Н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // СА. Т. X / Отв. ред. Б.Д. Греков. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 85–123.
5. Карманов В.Н. Мелкая пластика европейского Северо-Востока (материалы к каталогу) // Ученые записки Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Общественные науки. Нижний Тагил: Нижнетагил. гос. соц.-пед. акад., 2006. С. 61–70.
6. Карманов В.Н. Неолитическое население на европейском Северо-Востоке: обитание или пребывание? // Первобытные древности Евразии. К 60-летию А.Н. Сорокина / Отв. ред. С.В. Ошибкина. М.: ИА РАН, 2012. С. 421–449.
7. Карманов В.Н. Тепловая обработка кремня по материалам поселения раннего металла Угдым I на средней Вычегде // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2015. С. 313–324.
8. Карманов В.Н., Галшова М.Ш. Намеренная фрагментация кремнёвых изделий в неолите (по материалам стоянки Пезмогты 3а на средней Вычегде, Республика Коми) // Поволжская археология. 2017. № 3(21). С. 46–65.
9. Карманов В.Н., Зеленский В.С., Семенов В.А. Раскопки поселения Вис II // Археологические открытия 2000 года / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 2001. С. 21.
10. Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: планиграфические и хронологические структуры. М.: ТАУС, 2010. 300 с.
11. Логинова Э.С. Отчёт о полевых работах на Мезени и средней Вычегде в 1980 г. Сыктывкар, 1981 / Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф.5, оп.2, Д.267, 268. 30, 55 лл.; Архив ИА РАН. Р-1. №8043, 8043а.
12. Мельничук А.Ф. Хронология гаринской культуры в Среднем Приуралье // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической научной конференции / Отв. ред. Е.А. Черленок. СПб.: «Скифия-принт», 2013. С. 157–161.
13. Семенов В.А. Этнокультурная принадлежность поселения Варжа на Лузе // Переходные эпохи в археологии: Материалы Всероссийской археологической конференции с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание» / Науч. ред. И.О. Васкул. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. С. 43–46.
14. Семенов В.А., Несанелене В.Н. Европейский Северо-Восток в эпоху бронзы (по материалам раскопок Сыктывкарского университета). Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 1997. 169 с.
15. Семенов С.А. Изучение следов работы на каменных орудиях // КСИИМК. Вып. IV. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1940. С. 21–26.
16. Сериков Ю.Б. Очерки по первобытному искусству Урала. Нижний Тагил: НТГСПА, 2014. 268 с.
17. Стоколос В.С. Древние поселения Мезенской долины. М.: Наука, 1986. 191 с.
18. Стоколос В.С. Энеолит и бронзовый век // Археология Республики Коми / Отв. ред. Э.А. Савельева. М.: ДиК, 1997. Ч. 4. С. 213–313.
19. Giria E. Yu. A Use-Wear Analyses Of Some Middle Paleolithic Flint Artifacts From Buran-Kaya III, Layer B // Middle paleolithic and Early Upper Paleolithic of the Eastern Crimea. Edited by V.P. Chabai and K. Monigal. The Paleolithic of Crimea. – Vol. III. Etudes

et Recherches Archeologiques de L'Universite de Liege (ERAUL). Belgium: Liege, 2004. P. 151–174.

Информация об авторах:

Карманов Виктор Николаевич, кандидат исторических наук, зав. сектором. Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар, Россия); vkarman@bk.ru

Гиря Евгений Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, (г. Санкт-Петербург, Россия); kostionki@yandex.ru

ARTIFACTS WITH GENERAL NON-UTILITARIAN WEAR TRACES IN THE ASSEMBLAGE OF THE ENEOLITHIC FLINT WORKSHOP UGDYM IB (THE MIDDLE VYCHEGDA, REPUBLIC OF KOMI)

V.N. Karmanov, E.Yu. Giria

The paper reports results of a study of four previously undescribed artifacts, which came from a cache with general non-utilitarian microwear traces. It describes the method of their detection and recognition in the archaeological context of Ugdym IB eneolithic workshop site. It is supposed that these objects along with the tools manufactured on the site constituted a part of a hoard, which probably was of a non-productive sacral character. This is confirmed by a set of data on the features of the spatial arrangement of these objects, their morphology, structure of the cache as well as the comparison with synchronous complexes of adjacent territories, which reveals obvious situation parallels. It is suggested that objects with not utilitarian wear could be used as pendants, and that they have been intentionally left in the abandoned workshop. Analogies to such finds are absent on the known settlements and flintworkshops of the region under study; the closest parallels are the treasures of Volosovo culture. On the basis of the study of stone tools forms and technical-typological features of ceramics of the site Ugdym IB, the site is dated to the late IIIrd – the third quarter of the II millennium BC that is to the period when the copper metallurgy and Garino Eneolithic culture spread through the region.

Keywords: archaeological traceology, Komi Republic, general non-utilitarian wear, cache of flint artifacts.

REFERENCES

1. Giria, E. Yu. 2015. In Lozovskaya, O. V. Lozovskiy, V. M. Giria, E. Yu. *Sledy v istorii. K 75-letiyu Vyacheslava Evgen'evicha Shhelinskogo (Traces in History. The 75th Anniversary of Vyacheslav Evgenievich Schelinsky)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 232–268 (in Russian).
2. Giria, E. Yu., Resino-Leon, A., Semenov, S. A. 2002. In Nosov, E. N. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 9. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; "Dmitrii Bulanin" Publ., 173–190 (in Russian).
3. Giria, E. Yu., Tsybriy, V. V., Tsybriy, A. V. 2014. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (1), 297–308 (in Russian).
4. Zamiatnin, S. N. 1948. In Grekov, B. D. (ed.). *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* X. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 85–123 (in Russian).
5. Karmanov, V. N. 2006. *Uchenye zapiski Nizhnetagil'skoy gosudarstvennoy sotsial'no-pedagogicheskoy akademii. Obshchestvennye nauki (Scientific Bulletin of Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Academy. Social Sciences)*. Nizhny Tagil, 2006. S. 61–70.
6. Karmanov, V. N. 2012. In Oshibkina, S. V. (ed.). *Pervobytnye drevnosti Evrazii. K 60-letiyu A.N. Sorokina (Primeval Antiquities of Eurasia. Dedicated to the 60th Anniversary of A.N. Sorokin)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 421–449. (in Russian).

7. Karmanov, V. N. 2015. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 10 (I). Tver: Tver State United Museum, 313–324 (in Russian).
8. Karmanov, V. N., Galimova, M. Sh. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 46–65 (in Russian).
9. Karmanov, V. N., Zelenskiy, V. S., Semenov, V. A. 2001. In Sedov, V. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2000 goda (Archaeological Discoveries of 2000)*. Moscow: “Nauka” Publ., 21 (in Russian).
10. Kostyleva, E. L., Utkin, A. V. 2010. *Neo-eneoliticheskie mogil'niki Verkhnego Povolzh'ya i Volgo-Okskogo mezhdurech'ya: planigraficheskie i khronologicheskie struktury (Neo-Eneolithic Burial Grounds on the Upper Volga and the Volga-Oka Interfluvium: Planigraphic and Chronological Structures)*. Moscow: “TAUS” Publ. (in Russian).
11. Loginova, E. S. 1981. *Otchet o polevykh rabotakh na Mezeni i sredney Vychege v 1980 g. (Report on Field Work in Mezen and the Middle Vychegda Rivers in 1980)* Syktyvkar. Archive of Komi National Center Ural Branch Russian Academy of Sciences. F.5, op.2, D.267, 268. – 30, 55 ll.; Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1. № 8043, 8043a. (in Russian).
12. Mel'nichuk, A. F. 2013. In Cherlenok, E. A. (ed.). *Problemy periodizatsii i khronologii v arkheologii epokhi rannego metalla Vostochnoy Evropy: Materialy tematicheskoy nauchnoy konferentsii (Issues of Periodization and Chronology in the Archaeology of the Early Metal Period of Eastern Europe: Proceedings of the Thematic Scientific Conference)*. Saint Petersburg: “Skifiya-print” Publ., 157–161 (in Russian).
13. Semenov, V. A. 2013. In Vaskul, I. O. (ed.). *Perekhodnye epokhi v arkheologii. XIX Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchaniye (Transitional Stages in Archaeology: 19th Ural Archaeological Session)*. Syktyvkar: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Komi Scientific Center, Language, Literature and History Institute, 43–46 (in Russian).
14. Semenov, V. A., Nesanelene, V. N. 1997. *Evropeiskii Severo-Vostok v epokhu bronzy (po materialam raskopok Syktyvkar'skogo universiteta) (European Northeast in the Bronze Age (on the Basis of Excavations Materials from the Syktyvkar University))*. Syktyvkar: Syktyvkar State University (in Russian).
15. Semenov, S. A. 1940. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 4. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 21–26 (in Russian).
16. Serikov, Yu. B. 2014. *Ocherki po pervobytnomu iskusstvu Urala (Essays on the Primeval Art of the Urals)* Nizhniy Tagil: Nizhniy Tagil State Social Pedagogical Academy (in Russian).
17. Stokolos, V. S. 1986. *Drevnie poseleniya Mezenskoy doliny (Ancient Settlements of Mezenskaya Valley)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
18. Stokolos, V. S. 1997. In Savel'eva, E. A. (ed.). *Arkheologiya Respubliki Komi (Archaeology of the Komi Republic)* 4. Moscow: “DiK” Publ., 213–313 (in Russian).
19. Giria E. Yu. 2004. In *Middle paleolithic and Early Upper Paleolithic of the Eastern Crimea*. Edited by V.P. Chabai and K. Monigal. The Paleolithic of Crimea. Vol. III. Etudes et Recherches Archeologiques de L'Universite de Liege (ERAUL). Belgium: Liege, 151–174.

About the authors:

Karmanov Victor N. Candidate of Historical Sciences. Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center. Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Kommunisticheskaya St., 26, Syktyvkar, 167982, Republic of Komi, Russian Federation; vkarman@bk.ru

Giria Evgeniy Yu. Candidate of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Dvortsovaya Emb., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation; kostionki@yandex.ru

Статья поступила в номер 17.07.2018 г.

УДК 903.01 903.2

<https://doi.org/10.24852/2018.3.25.156.168>

**КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ ТРУДА ИЗ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО
ЖИЛИЩА РАСКОПА № 2 НА ИГИМСКОЙ СТОЯНКЕ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

© 2018 г. Е.Н. Голубева

В статье приводятся результаты типологического и функционального исследования коллекции каменных предметов (408 изделий), происходящих из энеолитического жилища раскопа 2, исследованного П.Н. Старостиним и Р.С. Габяшевым на многослойной Игимской стоянке, расположенной в зоне Нижнекамского водохранилища при слиянии рек Ик и Кама (Республика Татарстан). Стоянка была заселена в течение трех периодов – в неолите, энеолите и позднем бронзовом веке. В результате трасологического анализа каменных артефактов из раскопа автору удалось разделить их по их функциональному назначению на несколько категорий. Прежде всего, это деревообрабатывающий орудийный комплекс и комплекс по разделке и обработке охотничьей добычи. Выяснилось, что на территории исследованного жилища производилась не только разделка туш животных, но и дальнейшая обработка шкур. Вместе с тем, не выявлен ряд важных функциональных групп орудий, в частности, сверла и рубящие орудия. Автором сделан предположительный вывод об энеолитическом возрасте рассмотренного комплекса орудий.

Ключевые слова: археология, энеолит, Нижняя Кама, каменные орудия, трасологический анализ, функциональная категория.

Введение

В изучении памятников каменного века нижнего течения р. Кама существует проблема идентификации каменного инвентаря, присущего разновременным и разнокультурным керамическим комплексам, поскольку подавляющее большинство известных и исследованных памятников этого региона являются поликультурными и смешанными. Отсутствие «чистых» эталонных поселенческих памятников эпохи энеолита и четко выделенного комплекса каменного инвентаря, присущего данному периоду, осложняет культурно-хронологическую идентификацию этих памятников. По этой причине детальному анализу каменных орудий смешанных памятников до сих пор уделялось незаслуженно мало внима-

ния (Галимова, 2012). Такие информативные методы исследования, как экспериментально-трасологический и морфолого-функциональный, позволяют более результативно изучать подобные сложные поликультурные комплексы каменных артефактов и не только расширить наши представления о направлениях хозяйственной деятельности древних людей, но и в некоторых случаях хронологически разграничить данные комплексы.

Ярким примером такого смешанного поликультурного памятника является многослойная стоянка Игим, которая располагается на высоком останце террасы при впадении реки Ик в Каму (в настоящее время Нижнекамское водохранилище). Этот крупный останец ограничивает с запада большой озерно-болотный массив,

под названием Кулегаш, располагающийся между устьями крупнейших притоков реки Кама – рек Ик и Белая (рис. 1).

Игимский комплекс памятников включает в себя стоянку и могильник. Стоянка населялась людьми в течение трех исторических периодов: неолита, энеолита и позднего бронзового века. Могильник относится к более позднему времени – раннему средневековью (Старостин и др., 1973).

Памятник был открыт археологической экспедицией Казанского филиала Академии наук СССР под руководством А.Х. Халикова летом 1958 г. Вторично обследовался в 1964 г. разведкой Казанского филиала Академии наук СССР под руководством П.Н. Старостина. В 1970–1971 гг. Татарским отрядом Нижнекамской экспедиции ввиду запланированного затопления данной территории Нижнекамской ГЭС были проведены значительные раскопки. Всего было заложено 7 раскопов, руководителями которых были Р.С. Габяшев и П.Н. Старостин (Габяшев, Старостин, 1972). В результате исследований на памятнике был выявлен культурный слой мощностью около 110 см. Анализ керамических изделий показал, что памятник населялся в основном в три этапа. Однако четко разделить слои неолита, энеолита и бронзового века авторам раскопок не удалось (Габяшев, Старостин, 1971; Габяшев, Старостин, 1972). В последние два десятилетия объектом детального изучения стала энеолитическая составляющая Игимской стоянки. Результаты были изложены в автореферате диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук А.В. Шипилова (Шипилов,

2012б). Им были проанализированы керамический комплекс, остатки жилища и каменные орудия труда памятника. В своей работе автор приходит к выводу, что в культурном слое Игимской стоянки концентрировались фрагменты керамики, относящиеся к энеолиту, с редко встречающимися мотивами орнаментации. В результате статистического анализа данной керамики выяснилось, что Игимское поселение имеет самый низкий показатель сходства с другими энеолитическими памятниками Иско-Бельского междуречья. А.В. Шипилов делает вывод о том, что Игимская стоянка является самым поздним памятником волосово-гаринской культурной общности (Шипилов, 2012б).

Керамические комплексы стоянки

К самому раннему периоду функционирования Игимской стоянки относится керамика камской неолитической культуры, представленная тщательно заглаженными фрагментами, в тесте которых присутствует примесь мелкого песка, мелкого шамота или дресвы. Сосуды яйцевидной формы были орнаментированы оттисками гребенчатого штампа.

Ко второму периоду – эпохе энеолита – относятся фрагменты волосово-гаринского облика, а также фрагменты, относящиеся к типу валиковой керамики с примесью крупнотолченых раковин или выгоревшей растительностью в тесте (Шипилов, 2012а). Орнаментированы эти сосуды были оттисками различных видов гребенчатого штампа. Среди них примечательны фрагменты с гофрированными венчиками и гофрированными же налепными валиками по тулову. Форма посуды данного периода, как правило, баночная.

Третью хронологическую группу образуют фрагменты керамики позднего бронзового века – срубной, луговской, абашевской и маклашеевской культур. Они представлены фрагментами сосудов с примесью песка, шамота или толченой раковины. Для срубной керамики характерны: наличие на внутренней стороне следов штриховых заглаживаний; орнаментация в виде прочерченных линий, оттисков крупной гребенки и крупных наколов; горшковидно-баночная форма сосудов. Для абашевской керамики типична орнаментация в виде различных композиций оттисков гребенчатого штампа. Для фрагментов луговской посуды характерны простые геометрические узоры: горизонтальные линии, наклонные короткие отрезки, «решетки», «елочки». Для маклашеевской культуры типична орнаментация в виде прочерченных косых или вертикальных линий, оттисков гребенчатого штампа и шнура, ямок по шейке идущих в группе по три; баночная или горшковидная форма сосудов.

Коллекция Игимской поликультурной стоянки находится в фондах Музея археологии Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан. К данному исследованию были привлечены материалы раскопа № 2, общая площадь которого составила 360 кв. м (Габяшев, Старостин, 1971).

Материал и методика исследования

Согласно отчету Р.С. Габяшева и П.Н. Старостина (Габяшев, Старостин, 1971), раскоп № 2 (рис. 2) был заложен на западной части мыса вокруг участков раскопа № 1. Площадь была разбита на участки 2×2 м. Северная сторона участков была обозначена

на буквенно, восточная имела цифровую нумерацию. В процессе раскопок были оставлены бровки через каждые два метра. Очертания жилищного котлована, центральная часть которого была затронута раскопом № 1, стали прослеживаться на глубине 50–60 см от уровня современной поверхности площадки поселения. Судя по остаткам, данный котлован был вытянут с севера на юг. Длина его составляла около 10 м, а ширина 6,8 м. Южная сторона котлована была в значительной части сужена, вероятно, здесь был устроен тамбурный вход. В восточной части жилищного котлована, на его дне были зафиксированы остатки округлой ямы, диаметром около 20 см. По мнению исследователей, здесь, скорее всего, крепился столб, являющийся конструктивной деталью стен (Габяшев, Старостин, 1971).

В своей диссертации А.В. Шипилов относит данное жилище к постройкам волосово-гаринской общности. Эти жилища представляли собой полуземлянки подчетыреугольной формы. В заполнении Игимского жилищного котлована была зафиксирована керамика волосово-гаринского типа (Шипилов, 2012б).

Автором были изучены 408 каменных предметов, найденных в раскопе 2 на Игимской стоянке. Из них 94 изделия отнесены к находкам, залегающим внутри жилища и вблизи него, а 314 – к окружающему пространству согласно имеющейся полевой описи с описанием местонахождения каждого предмета. В связи с тем, что жилище А.В. Шипиловым было отнесено к периоду энеолита, каменный инвентарь, найденный в жилищном пространстве, с определенной долей вероятности можно отнести к данному хро-

Соотношение данных типологии и трасологии орудий раскопа 2 Игимской стоянки (эпохи энеолита)

Каменные орудия	Данные морфологии		Данные трасологии	
	экз.	%	экз.	%
Скребки	12	19,7	39	48,2
Скребло	1	1,6	-	-
Скобели	-	-	2	2,5
Долото	1	1,6	1	1,2
Ножи	1	1,6	10	12,3
Проколки	2	3,3	3	3,7
Пилки	-	-	4	4,9
Строгальные ножи	-	-	13	16,1
Резцы, резчики	-	-	2	2,5
Стамески	-	-	3	3,7
Ложкарь	-	-	1	1,2
Нуклеусы	-	-	2	2,5
Ретушер	-	-	1	1,2
Обломок орудия	1	1,6	-	-
Пластины с ретушью	23	37,8	-	-
Отщепы с ретушью	20	32,8	-	-
Итого:	61	100	81	100

нологическому периоду. К этому же времени, вероятнее всего, относятся и 45 экземпляров каменных предметов, найденных вне пределов жилища, судя по качеству кремневого сырья – характерного серого слоистого (т.н. «полосчатого») кремня – достаточно высокого качества. Это предположение опирается на результаты типологического, функционального и минералогического изучения каменного инвентаря опорных памятников каменного века северной части Икско-Бельского междуречья, организованного М.Ш. Галимовой (Галимова, 2012). В ходе изучения коллекций находок многослойных поселений и погребений эпохи камня – энеолита, расположенных в устье р. Белая, у озера Азибей и в нижнем течении р. Ик, М.Ш. Галимовой при участии специ-

алиста в области минералогии и петрографии А.А. Чурбанова был выделен особый тип сырья – слоистый (так называемый полосчатый) кремнь разных оттенков серого цвета. Было высказано мнение, что пластинами и другими орудиями, изготовленными из этого специфичного кремня, пользовались в основном в финальном неолите – раннем энеолите. Также было отмечено, что в кремневом инвентаре некоторых стоянок позднего неолита–энеолита, расположенных к востоку от оз. Азибей, на правом берегу р. Белая, в ее приустьевой части, присутствуют пластины и орудия из качественного узко-полосчатого кремня серого и светло-коричневого цвета. По мнению исследователей данных стоянок, изделия из слоистого качественного кремневого сырья появляется в дан-

Таблица 2

Направления хозяйственной деятельности энеолитических орудий
раскопа 2 Игимской стоянки

Обработка продуктов охоты и рыбной ловли (мясо, шкуры)		Обработка дерева		Обработка камня	
Скребки	25	Скребки	14	Нуклеусы	2
Проколки	3	Скобели	2	Ретушер	1
Ножи	8	Резцы, резчики	2		
		Строгальные ножи	13		
		Пилки	4		
		Долота	1		
		Стамески	3		
		Ложкарь	1		
Итого:	36		40		3
доля от общего числа, в %	45,6		50,6		3,8

ном районе не ранее позднего неолита (Галимова, 2012). Игимская стоянка, располагавшаяся на высоком останце террасы, который граничит с обширным озерно-болотным массивом Кулегаш, в состав которого входит и оз. Азибей, территориально близка к вышеуказанным стоянкам и погребениям Икско-Бельского междуречья. Исходя из этого, автор предположительно относит орудия из слоистого кремня из раскопа 2 Игимской стоянки к периоду энеолиту.

В работе был применен сравнительно-типологический метод. Его использование помогло автору выявить специфические черты хозяйственного комплекса исследуемого памятника. Типологический метод помог разработать функциональную морфологическую типологию исследованных каменных орудий труда. Применение статистических методов позволило выделить наиболее значимые направления хозяйственной деятельности.

Основное место в исследовании занимает трасологический метод, основоположником которого является

С.А. Семенов (Семенов, 1957). Методологические основы данного анализа были разработаны Г.Ф. Коробковой, В.Е. Щелинским и последующими представителями петербургской (ленинградской) экспериментально-трасологической школы, такими как А.Е. Матюхин, Н.Н. Скакун, Е.Ю. Гиря, Г.Н. Поплевко и другие (Коробкова, Щелинский, 1991). Эта школа, зародившаяся в недрах экспериментально-трасологической лаборатории Ленинградского отделения Института археологии АН СССР – ныне Института истории материальной культуры РАН, стала оплотом развивающегося метода и подготовила немало отечественных и зарубежных специалистов в области функционального и технологического анализа каменных артефактов. Орудия эпохи камня и раннего металла Волго-Камья, куда территориально входит и исследуемая Игимская стоянка, в последние годы изучаются М.Ш. Галимовой по методике петербургской экспериментально-трасологической школы (Галимова, 2010; Галимова, 2012; Лыганов и др., 2015; Шипилов, 2014).

Рис. 1. Расположение Игимской стоянки (космоснимок).

Fig. 1. Location of the Igim settlement (space image).

Трасологическое исследование проводилось автором с использованием стереоскопического микроскопа Микромед МС-1 с увеличением в 20–80 раз. Фотофиксация производилась при помощи видео-фото насадки DEM 200 с собственным увеличением $\times 25$ раз и программы Minisee. Под микроскопом были просмотрены все изделия, вне зависимости от наличия или отсутствия следов вторичной обработки.

На современном этапе развития экспериментально-трассологического анализа одним из наиболее актуальных и развиваемых направлений является комплексный анализ, направленный на создание палеоэкономических реконструкций хозяйственной деятельности объекта исследования, с выделением производственных систем и специализации хозяйства. Этот комплексный подход, включающий морфологический, функциональный, технологический и планиграфический анализы, способен наиболее точно и полно охарактеризовать направления хозяйственной деятельности

древних людей, выявить характерные черты и особенности. В работе были применены два из четырех видов таких анализов. Вторым наиболее информативным методом исследования после трассологического в нашем случае способен стать технологический анализ. Он поможет выявить технологические особенности обработки и расщепления каменного сырья и изготовления каменных орудий труда. Планиграфический анализ, учитывающий на наш взгляд смешанный характер культурных напластований изучаемого памятника, затруднен, но возможен.

Результаты анализа каменного инвентаря

Таким образом, к инвентарю эпохи энеолита были отнесены 139 предметов из камня. Сырьем для них послужили такие материалы, как полупрозрачный, полосчатый и матовый кремний, окремненный известняк, сланец и кварцит. Предметы были представлены такими продуктами первичной обработки, как отщепы (77 экз.), пластины и их фрагменты (42 экз.),

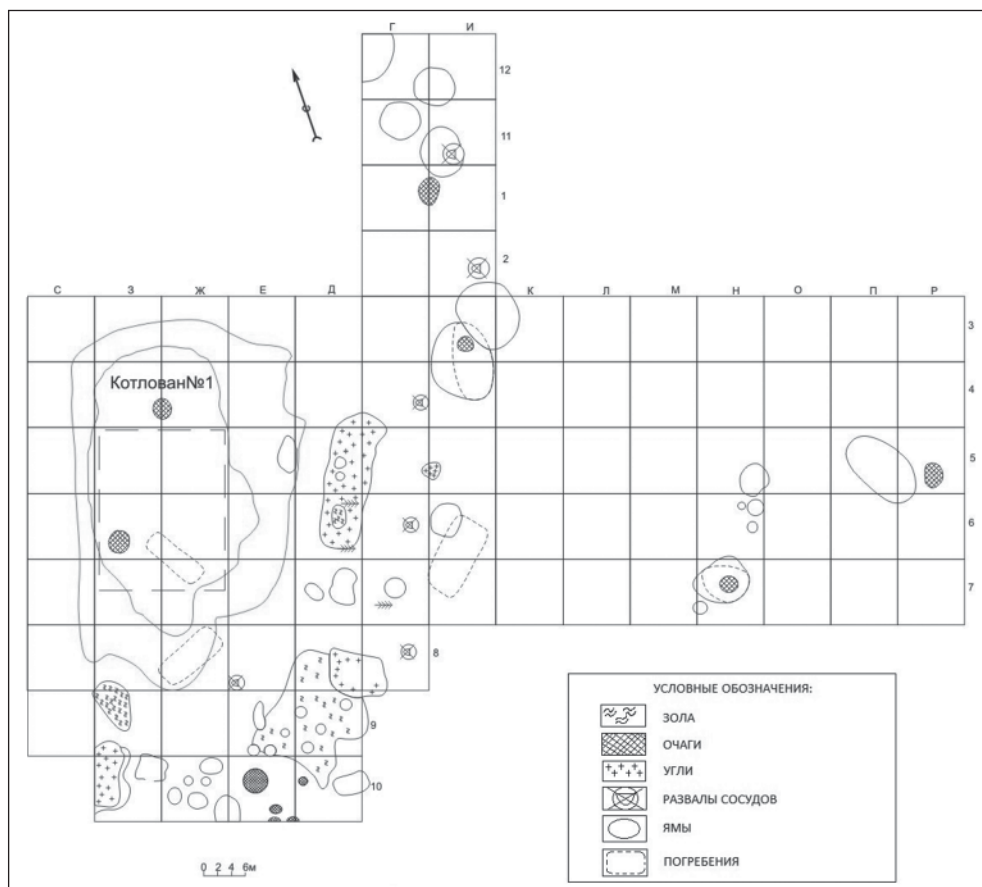

Рис. 2. План раскопа № 2 на Игимской стоянке (рисунок А.В. Шипилова по архивным материалам).

Fig. 2. Plan of the excavation no 2 in the Igim settlement (drawing by A. V. Shipilov on archival materials).

осколки и обломки (20 экз.); по размерам преобладали средние отщепы и фрагменты пластин. Морфологически выраженными орудиями, со следами вторичной обработки, являются 60 изделий. Среди них: скребки (12 экз.), скребла (1 экз.), долота (1 экз.), ножи (1 экз.), проколки (2 экз.), обломки орудий (1 экз.), пластины с ретушью (23 экз.), отщепы с ретушью (20 экз.). Скребки представлены такими типами, как скребок на пластине со скошенным лезвием (2 экз.), скребок на пластине с выпуклым лезвием (2 экз.),

скребок на пластине с прямым лезвием (1 экз.), скребок на отщепе подчетырехугольной формы (1 экз.), скребок на отщепе округлой формы (2 экз.), скребок на отщепе сегментовидный (2 экз.), скребок на отщепе аморфной или нечетко выраженной формы (2 экз.).

Трасологически удалось выявить 81 орудие. Большее количество орудий, определенных с помощью функционального анализа, нежели с помощью морфологического, обусловлено тем, что некоторые пластины и от-

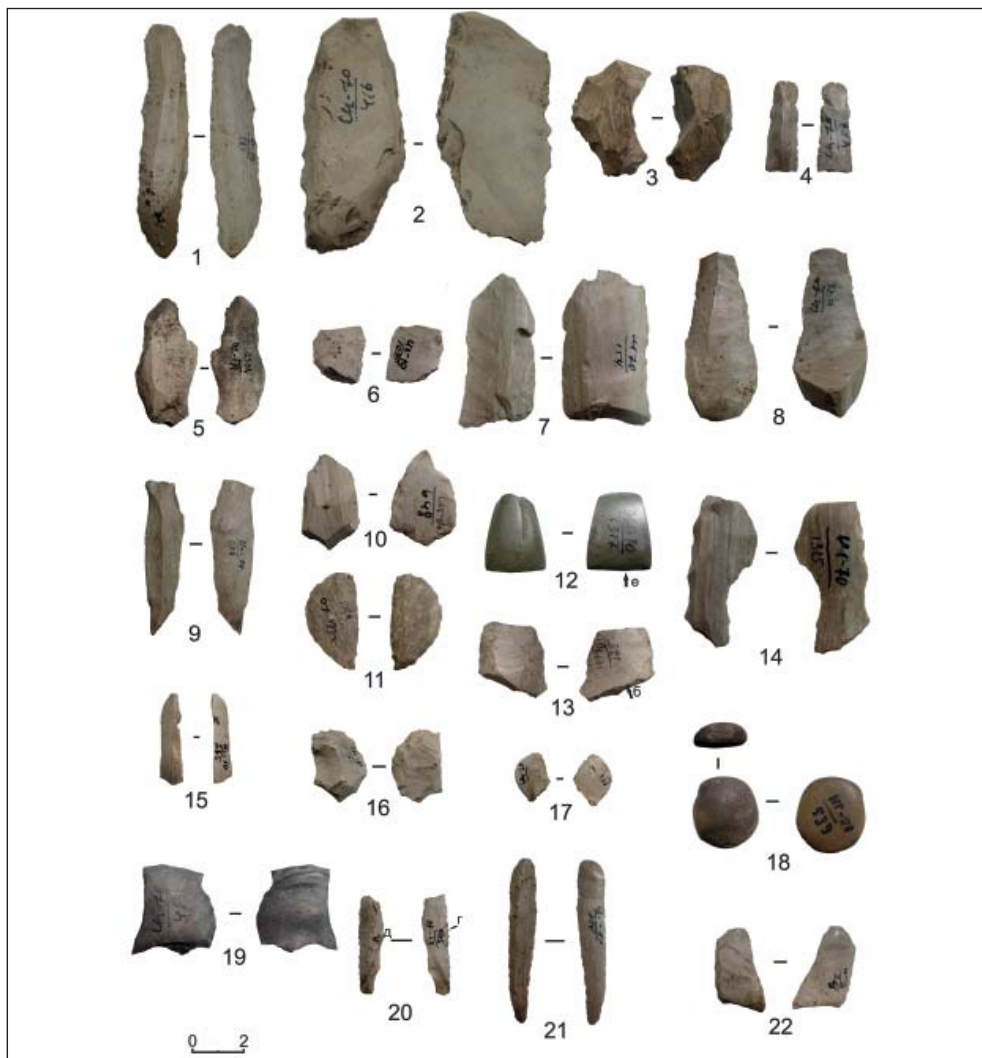

Рис. 3. Каменные орудия труда, предположительно, энеолитического периода:
 1, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 16, 17, 22 – скребок; 2 – скобель; 3 – нуклеус; 4, 5 – пилка;
 9, 20 – полифункциональное орудие; 12 – долото; 14 – ложкарь;
 15, 21 – строгальный нож; 18 – ретушер; 19 – нож.

Fig. 3. Stone tools presumably of the Eneolithic Age: 1, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 16, 17, 22 – scraper;
 2 – side-scraper 3 – nucleus; 4, 5 – saw; 9, 20 – multifunctional tool; 12 – chisel; 14 – multifunctional
 woodworking tool; 15, 21 – knife for planing; 18 – retoucher; 19 – knife.

щепы использовались в первоначальном виде, без дополнительной обработки (ретуширования, резцового скалывания, подтески и т.д.). Также увеличение числа определенных орудий произошло за счет изделий, имеющих два рабочих лезвия. Среди выявленных трасологически орудий

восемь изделий оказались комбинированными, то есть сочетающими на своих краях и/или поверхностях признаки применения в разных трудовых операциях. Также стоит отметить, что все морфологически выраженные орудия имели следы использования.

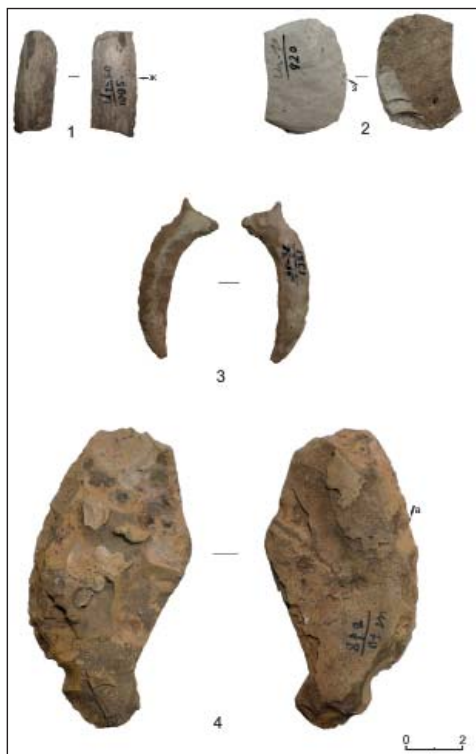

Рис. 4. Каменные орудия труда и зооморфная фигурка из раскопа № 2 Игимской стоянки. 1 – нож для срезания злаковых растений; 2 – нож для срезания травы; 3 – зооморфная фигурка; 4 – «нож с пуговкой».

Fig. 4. Stone tools and zoomorphic figurine: 1 – knife for cutting cereals; 2 – knife for cutting grass; 3 – zoomorphic figurine; 4 – knife “with button”.

Результаты соотношения данных морфологического и функционально-трасологического анализов представлены в табл. 1. Как можно заметить, благодаря трасологическому анализу удалось выделить такие группы, как скребели, строгальные ножи, пилки, стамески, нуклеусы, ложкарь и ретушер. Рассмотрим некоторые из них подробнее.

Скребокковые орудия являются самыми многочисленными (рис. 3: 1, 6–11, 13, 16, 17, 22). Благодаря тра-

сологическому исследованию их удалось разделить по обрабатываемому материалу на скребки по шкуре и скребки по дереву. Практически все изделия, морфологически определенные как скребки, судя по данным трасологии, были применены именно в функции скребокковых орудий. Исключение составляет один предмет, использовавшийся в функции пилки по дереву (рис. 3: 5).

Скобелем по дереву оказалось типологическое скребло (рис. 3: 2), а также дистальный фрагмент пластины.

Проколка представлена в двух комбинированных орудиях и отдельно на отщепе без вторичной обработки. И проколка-нож, и проколка-скребок выделены на морфологически выраженных орудиях. Их форма полностью соответствует выполняемым функциям.

В качестве мясных ножей и ножей по шкуре применялись отщепы и пластины с ретушью. Единственный нож, определенный морфологически, оказался комбинированным орудием – строгальным ножом и стамеской.

Для изготовления строгальных ножей (рис. 3: 15, 21) использовали как отщепы с ретушью, так и фрагменты пластин.

Пилки изготовлены на отщепах с ретушью (2 экз.) (рис. 3: 5) и на ребристых пластинах (2 экз.) (рис. 3: 4, 20). Последние имеют вторую функцию в качестве строгального ножа и скребка.

Ложкарь (рис. 3: 14), представленный единственным экземпляром, изготовлен на массивном отщепе с ретушью.

Распределение трасологически выделенных орудий по направлениям

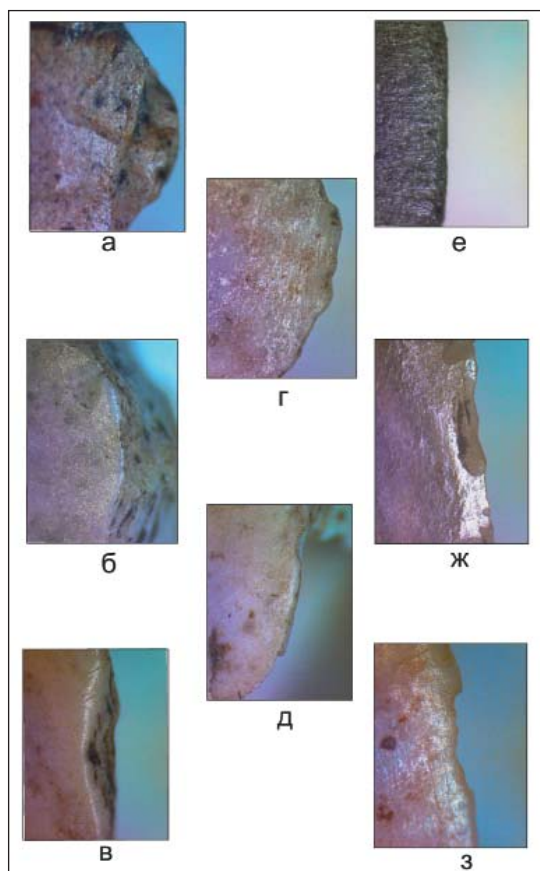

Рис. 5. Микрофото рабочих лезвия каменных орудий труда: а – нож по мясу (рис. 4: 4); б – скребок по шкуре (рис. 3: 13); в – скребок по шкуре; г – пила по дереву (рис. 3: 20); д – скребок по дереву (рис. 3: 20); е – долото (рис. 3: 12); ж – нож для срезания злаковых (рис. 4: 1); з – нож для срезания травы (рис. 4: 2). Микроскоп МС-1, фото-видео насадка DEM200, х 50.

Fig. 5. Microphoto of working parts of the stone tools: а – meat knife (с. 4: 4); б – scraper for hide (рис. 3: 13); в – scraper for hide; г – saw for wood (fig. 3: 20); д – scraper for wood (fig. 3: 20); е – chisel (fig. 3: 12); ж – knife for cereals (fig. 4: 1); з – knife for grass (fig. 4: 2).

хозяйственной деятельности отражено в табл. 2. Фактически на памятнике выделено два преобладающих направления, связанных с обработкой дерева (50,6 %), а также разделкой и обработкой охотничьей добычи (45,6 %).

Направление, связанное с обработкой продуктов охоты, представлено такими группами, как скребки по шкуре, ножи и проколки.

Орудия по обработке дерева оказались более разнообразными, они насчитывают 8 различных групп изделий: скребки, скобели, резцы и резчики, строгальные ножи, пилки, долота, стамески, ложкарь.

Нельзя не отметить и два ножа, не отраженных в приведенной таблице, но связанных с собирательством: нож

для срезания травы и нож для срезания злаковых растений (рис. 4: 1, 2; рис. 5: ж, з). Также отдельно стоит упомянуть изделие, по своей сути, не являющееся орудием труда – зооморфная фигурка, изготовленная из светло-коричневого кремня (рис. 4: 3). Она имеет дугообразную, заостренную книзу бифасиальную форму, заметна четко выделенная голова – уши и морда. На спинке, в медиальной части, присутствуют следы от крепления. Подобные фигурные камни характерны для волосовской культуры (Крайнов, 1987); А.В. Шипиловым, в его статье, посвященной кремневым скульптурам, данная фигурка идентифицирована как голова лося и хронологически соотнесена с керамикой волосовского облика (Шипилов,

2009). Стоит отметить также выразительный и четко хронологически соотносящийся с периодом энеолита так называемый нож с пуговкой (рис. 4: 4) – нож с расширением на конце в виде «пуговки» – типичное орудие гаринской культуры (Наговицын, 1987). Трасологическое исследование отнесло данный нож к орудиям по обработке продуктов охоты и рыболовства – разделочному ножу (рис. 5: а).

Заключение

Изученные каменные изделия являются только частью обширной коллекции Игимской стоянки. В перспективе анализ находок остальных раскопов, результаты которого, несомненно, дополняют наши знания о хозяйственной деятельности обитателей стоянки не только энеолитического периода, но и эпох неолита и бронзы. Выявление характерных морфологических форм каждой категории орудий того или иного периода способно помочь при поиске ближайших

аналогий и уточнить миграционные процессы представителей разных археологических культур.

Проведенный трасологический анализ показал, что обитатели энеолитического жилища, изученного в раскопе № 2 на Игимской стоянке занимались хозяйственной деятельностью, которая велась в нескольких направлениях, прежде всего, деревообрабатывающим направлением. Оно представлено такими орудиями, как скребки, скобели, резцы и резчики, строгальные ножи, пилки, долота, стамески, ложжарь. Следует отметить отсутствие сверл и рубящих орудий, таких как топоры.

Направление, относящееся к обработке продуктов охоты, зафиксированное в изученном инвентаре, также немаловажно. Это скребки по шкуре, проколки и ножи. Они говорят о том, что здесь производилась не только разделка продуктов охоты, но и дальнейшая обработка шкур.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Габяшев Р.С.* Энеолит Нижнего Прикамья // Очерки по археологии Татарстана / Ред.: П.Н. Старостин. Казань: Школа, 2001. С. 44–56.
2. *Габяшев Р.С., Старостин П.Н.* Итоги раскопа Игимской стоянки и могильника // Отчет о полевых исследованиях Татарского отряда Нижнекамской археологической экспедиции ИА АН СССР. Том 1 / Архив ИА АН РТ, 1971. С. 15–40.
3. *Габяшев Р.С., Старостин П.Н.* Игимская стоянка // Отчет о полевых исследованиях Татарского отряда Нижнекамской археологической экспедиции в 1971 г. Т. 1 / Архив ИА АН РТ, 1972. С. 3–41.
4. *Галимова М.Ш.* О соотношении формы и функции каменных орудий // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки, Т. 153. Кн. 3. Ч. 1. Казань: изд-во КГУ, 2010. С. 30–41.
5. *Галимова М.Ш.* Кремневые комплексы мезолита-энеолита северной части Иско-Бельского междуречья // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 6–28.
6. *Коробкова Г.Ф., Щелинский В.Е.* Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 1. СПб.: ИИМК РАН, 1996. 80 с.
7. *Крайнов Д.А.* Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 10–28.
8. *Лыганов А.В., Галимова М.Ш., Морозов В.В., Бугров Д.Г.* Керамические и кремневые материалы Гулюковской I стоянки: к проблеме разграничения гребенчатых и накольчатых комплексов Иско-Бельского междуречья // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. Материалы между-

народной научной конференции, посвященной 75-летию В.П. Третьякова / Под ред. В.М. Лозовского, О.В. Лозовской, А.А. Выборнова. Спб.: ИИМК РАН, 2015. С. 71–75.

9. *Наговицын Л.А.* Новоильинская, гарино-борская и юртиковская культуры // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 28–35.

10. *Семенов С.А.* Первобытная техника (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 54. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 240 с.

11. *Старостин П.Н., Казаков Е.П., Габяшев Р.С.* Игимский могильник // СА. 1973. № 1. С. 260–264.

12. *Шутилов А.В.* Кремневая скульптура эпохи неолита – энеолита зоны водохранилищ Волго-Камского каскада // РА. 2009. № 1. С. 77–80.

13. *Шутилов А.В.* Валиковая керамика эпохи финального энеолита Икско-Бельского междуречья (по материалам Игимской стоянки) // Филология и культура. 2012а. № 2 (28). С. 308–311.

14. *Шутилов А.В.* Энеолит Икско-Бельского междуречья (по материалам поселенческих памятников). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2012б. 20 с.

15. *Шутилов А.В.* История изучения памятников эпохи энеолита Икско-Бельского междуречья // Поволжская археология. 2014. № 4 (10). С. 30–42.

Информация об авторе:

Голубева Екатерина Николаевна, младший научный сотрудник, Институт Археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; аспирант, Казанский (Приволжский) Федеральный Университет (г. Казань, Россия); kategol@mail.ru

STONE TOOLS FROM THE ENEOLITHIC DWELLING OF EXCAVATION 2 IN IGIM SETTLEMENT (ACCORDING TO THE RESULTS OF TRASOLOGICAL ANALISIS)

E.N. Golubeva

The paper deals with the results of a typological and a functional study of stone objects collection part (408 items) originating from the Eneolithic dwelling of excavation 2 in a multi-layered Igim settlement situated in the Nizhnekamsk reservoir zone at the confluence of the Ik and Kama rivers (Russian Federation, Republic of Tatarstan). The site was investigated by P.N. Starostin and R.S. Gabiashev in 1970–1971. They found that the settlement was inhabited for three periods - during the Neolithic, the Eneolithic and the Late Bronze Age. After traceological research of the stone wares, it has been possible to identify a number of stone tools categories by their functional purpose. The obtained data give an opportunity to identify the main tool complexes. First of all, there are woodworking tool complex and the complex for the cutting and the processing of hunting production. On the territory of the studied dwelling, not only the cutting of the carcasses was practiced, but also the further hide processing. At the same time, there are no such categories of tools as drills and axes. The author made a hypothetical conclusion about the Eneolithic Age of the examined set of tools.

Keywords: archaeology, Eneolithic, Lower Kama, typology, traceology, functional analysis, stone tools, economic complexes.

REFERENCES

1. Gabyashev, R. S. 2001. In Starostin, P. N. (ed.). *Ocherki po arkheologii Tatarstana: Uchebnoe posobie dlia studentov vuzov i uchitelei istorii (Essays on the Archaeology of Tatarstan: Textbook for University Students and Teachers of History)*. Kazan: "Shkola" Publ., 44–56 (in Russian).

2. Gabyashev, R. S., Starostin, P. N. 1971. *Otchet o polevykh issledovaniyakh Tatarskogo otryada Nizhnekamskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA AN SSSR (Report on Field Studies of the Tatar Group of Nizhnekamsk Archaeological Expedition of the Institute of Archaeology, USSR Academy of Sciences)* 1. Scientific Archive of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 15–40 (in Russian).
3. Gabyashev, R. S., Starostin, P. N. 1972. *Otchet o polevykh issledovaniyakh Tatarskogo otryada Nizhnekamskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1971 g. (Report on Field Studies of the Tatar Group of Nizhnekamsk Archaeological Expedition in 1971)* 1. Scientific Archive of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 3–41 (in Russian).
4. Galimova, M. Sh. 2010. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan University. Series: Humanities)* 152. Book 3. Kazan: Kazan State University, 30–41 (in Russian).
5. Galimova, M. Sh. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 6–28 (in Russian).
6. Korobkova, G. F., Shchelinskii, V. E. 1996. *Metodika mikro-makroanaliza drevnikh orudii truda (Methodology of Micro- and Macroanalysis of Prehistoric Implements)* 1. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (in Russian).
7. Krainov, R. A. 1987. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR)*. Series: Archaeology of the USSR 8. Moscow: “Nauka” Publ., 10–28 (in Russian).
8. Lyganov, A. V., Galimova, M. Sh., et al. 2015. In Lozovskii, V. M., Lozovskaia, O. V. (eds.). *Neoliticheskie kul'tury Vostochnoi Evropy: khronologiya, paleoekologiya, traditsii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 75-letiiu V.P. Tre't'iakova (Neolithic Cultures of Eastern Europe: Chronology, Paleoecology, Traditions)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 71–75 (in Russian).
9. Nagovitsyn, L. A. 1987. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR)*. Series: Archaeology of the USSR 8. Moscow: “Nauka” Publ., 28–35 (in Russian).
10. Semenov, S. A. 1957. *Pervobytnaia tekhnika (Primeval Technics)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
11. Starostin, P. N., Kazakov, E. P., Gabyashev, R. S. 1973. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 260–264 (in Russian).
12. Shipilov, A. V. 2009. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 77–80 (in Russian).
13. Shipilov, A. V. 2012. In *Filologiya i kul'tura (Philology and Culture)* 28 (2), 308–311 (in Russian).
14. Shipilov, A. V. 2012. *Eneolit Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ya (po materialam poselencheskikh pamyatnikov). (Eneolithic in the Iksa-Bel Interfluvium (on the Basis of Settlement Monuments))*. PhD Thesis. Kazan (in Russian).
15. Shipilov, A. V. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (4), 30–42 (in Russian).

About the Author:

Golubeva Ekaterina N. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; kategol@mail.ru

Статья поступила в номер 28.06.2018 г.

ВАРИАНТЫ РЕКОНСТРУКЦИИ СТАЦИОНАРНЫХ ЖИЛИЩ КОНЦА БРОНЗОВОГО – НАЧАЛА ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ТАЙГИ¹

© 2018 г. В.А. Борзунов

В статье представлены варианты графических реконструкций стационарных древо-земляных жилищ, возводившихся рыбаками и охотниками западносибирской тайги в конце эпохи бронзы – раннем железном веке (XII в. до н. э. – III в. н. э.). В этот период продолжали сооружаться наземные постройки каркасно-столбовой конструкции с наземной частью в виде усеченной пирамиды, с наклонными стенами из жердей и тонких бревен, а также с неглубоким (0,2–0,4 м) прямоугольным котлованом, занимавшим основную часть помещения. Основание стен жилища устанавливалось не в песчаном котловане, обшитом деревом, а на небольшом (0,8–1,5 м) удалении от него. Тогда же появились аналогичные постройки без котлованов, жилища с вертикальными бревенчатыми стенами, укрепленными столбами, а также дома со стенами срубной конструкции. Каждая постройка была окружена песчаной «завалинкой» и дренажными ямами-канавами. Обычные жилища имели площадь 30–70 м², а их высота от пола не превышала 2,5 м. Большие (200–650 м²) одиночные бревенчатые «укрепленные жилища» были защищены рвами и иногда – оборонительными стенами. Малые полуземлянки использовались в основном как хозяйственные объекты, крайне редко – как производственно-жилые помещения.

Ключевые слова: археология, Западная Сибирь, тайга, конец эпохи бронзы, ранний железный век, жилища, графические реконструкции.

Введение. Два десятилетия назад вышло в свет обобщающее издание, посвященное древним, средневековым и традиционным современным жилищам народов Западной Сибири (Очерки культурогенеза..., 1994а; 1994б). К сожалению, в нем, как и во многих других работах по археологии севера Евразии, крайне мало графических реконструкций древних построек.

Объектом нашего анализа являются стационарные жилища финала эпохи бронзы – начала железного века таежного Приобья и верховьев р. Пур (XII в. до н. э. – III в. н. э.). Таковых

уральскими и сибирскими археологами выявлено и картографировано несколько тысяч, стационарно исследованы сотни. В данной работе приведены реконструированные жилые объекты (рис. 1–9) и некоторые их аналоги. Предмет анализа – новые и отчасти дискуссионные аспекты, связанные с изучением, интерпретацией и графической реконструкцией данных сооружений.

Для воссоздания облика древних жилищ помимо их археологических остатков были привлечены данные о средневековых постройках обских угров, отраженные в фольклоре,

¹ Работа выполнена в рамках Государственного задания Минобрнауки РФ тема № 33.7280.2017/БЧ «Урал и Западная Сибирь в древности».

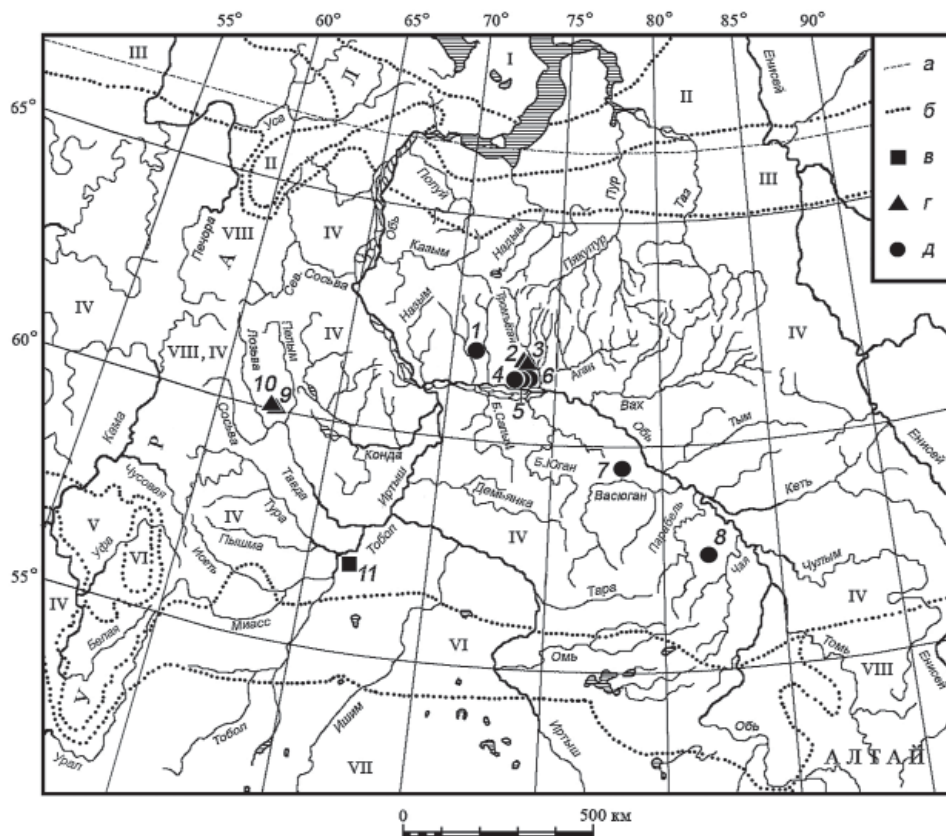

Рис. 1. Западная Сибирь. Карта таежных поселений конца бронзового – начала железного веков с графически реконструированными жилищами. 1 – Вачим 7; 2 – Моховая 20; 3 – Моховая 25; 4 – Барсова Гора III/36; 5 – Барсова Гора III/107; 6 – Барцевка III; 7 – Степановское (Степановка) I; 8 – Малгет 6; 9 – Туманское нижнее; 10 – Туманское верхнее; 11 – Карагай Аул I. Условные обозначения: а – Северный полярный круг; б – границы современных природно-климатических зон (I – тундра; II – лесотундра; III – редколесье; IV – тайга; V – широколиственные леса; VI – лесостепь; VII – степь; VIII – горные районы); в – городище; г – укрепленное жилище; д – поселение.

Fig. 1. Western Siberia. Map of taiga settlements of the end of the Bronze Age and the beginning of the Iron Age with graphically reconstructed dwellings. 1 – Vachim 7; 2 – Mokhovaya 20; 3 – Mokhovaya 25; 4 – Barsova Gora III / 36; 5 – Barsova Gora III/107; 6 – Bartsevka III; 7 – Stepanovskoe (Stepanovka) I; 8 – Malget 6; 9 – Tumanskoeye Nizhneye; 10 – Tumanskoeye Verkhneye; 11 – Karagai Aul I. Legend: a (a) – The Arctic Circle; б (b) – the boundaries of modern natural climatic zones (I – tundra, II – forest-tundra, III – woodlands, IV – taiga, V – broad-leaved forests, VI – forest-steppe, VII – steppe, VIII – mountainous areas); в (c) – ancient settlement; г (d) – the fortified dwelling; д (i) – settlement.

а также материалы по традиционным жилым сооружениям хантов и манси, собранным и обобщенным этнографами (исследования С.К. Патканова, М.Б. Шатилова, А.А. Попова, З.Н. Соколовой, Н.В. Лукиной, В.М. Кулем-

зина, И.Н. Гемуева, А.М. Сагалаева и др.).

Локализация, внешний вид и сохранность остатков древних жилых объектов. Стационарные поселения западносибирской тайги располага-

лись на мысах, краях и в глубине коренных песчаных террас в окружении лесных массивов. Сыпучесть грунтов, а также специфика растительности и почв оказали существенное влияние на домостроительство коренных народов региона. Такие же природные факторы в совокупности с антропогенными сказались на различии традиций домостроительства, равно как на характере и сохранности остатков древних жилых объектов, в северной, центральной и южной тайге. Благодаря богатству строевого леса и преобладанию хвойных пород деревьев все долговременные и сезонные стационарные постройки в тайге были дерево-земляными. Основным строительным материалом у аборигенов Сибири являлась сосна, вспомогательным – лиственные породы деревьев. Для сооружения перекрытий жилищ помимо сосновых и иных жердей использовались полотнища бересты, дерн и его заменитель – пласты лесной подстилки, мхи, насыпные песчаные грунты.

В настоящее время остатки древних жилых объектов в западносибирской тайге на поверхности имеют вид обычных впадин, впадин с обваловкой, а также приподнятых площадок с углублением в центре или без такового, окруженных канавами или цепочкой ям.

Особый «промывной режим» песчаных террас предопределил практически нулевой прирост почв в северных и центральных районах тайги, а также изменение состава и цветности верхних горизонтов песков. Вследствие этого остатки древних жилищ до сих пор прекрасно фиксируются в рельефе. В то время как почвенные, культурные и материковые слои на месте жилых объектов трансформи-

ровались довольно существенно. На южной кромке тайги и в западносибирской лесостепи преобладают смешанные хвойно-лиственные леса и березовые рощи. Лиственный опад, травяной покров и продукты гниения от упавших деревьев благоприятствовали развитию здесь плотных темно-серых (черных) подзолов, покрытых мощным слоем дерна. В этих условиях древние культурные слои и археологические объекты долгое время были надежно защищены (законсервированы) естественным образом.

Антропогенный фактор в западносибирской тайге и лесостепи также проявился по-разному. В северных и центральных районах таежного Приобья благодаря малой плотности населения и бережному отношению коренного населения к памятникам своей культуры остатки древних поселений вплоть до 1960-х гг. сохранялись практически в первозданном виде. Их активное разрушение началось с освоением нефте-газовых богатств Сибири. В западносибирской лесостепи и на южной кромке леса в результате активной хозяйственной, производственной и бытовой деятельности пришельцев из-за Урала многие древние поселения были «сnivelированы» уже в XVII – начале XX в. Жилые археологические объекты на этих территориях утратили многие детали и сейчас большей частью выглядят как заплывшие впадины без обваловки или же сильно деформированные уплощенные площадки с мелкими ямами по периметру. Это существенно усложняет изучение и реконструкцию древних поселков.

Варианты реконструкции древних стационарных построек. Финал эпохи бронзы (X–VIII вв. до н. э.). Помимо

общего прогресса в развитии экономики аборигенных обществ и более широкого распространения медных и бронзовых орудий труда, основными чертами рассматриваемого хронологического интервала, оказавшими прямое или косвенное влияние на местное домостроительство, являются массовые миграции лесного населения на юг. Они начались в Нижнем Приобье, Сургутском Приобье, бассейне Конды, в обществах рыболовов-охотников с гребенчато-ямочной и фигурно-штампованной керамикой и достигли лесостепи, где проживали скотоводы-охотники-рыболовы межовско-ирменского культурно-хронологического пласта. Это привело к формированию ряда гетерогенных этнокультурных образований, в том числе на юге Западной Сибири – с хозяйством комплексного (присваивающего и производящего) типа. Предпосылкой переселений стало очередное похолодание и увлажнение климата на севере Евразии (Борзунов, 1992, с. 134–135, 139–140).

В это время на севере Западной Сибири продолжали развиваться все основные разновидности стационарных поселков начала бронзового века: большие одиночные неукрепленные дома, так называемые «укрепленные жилища», окруженные рвами, и селища с жилыми и производственно-жилыми постройками обычных размеров.

В Сургутском Приобье круглогодичные и сезонные зимние поселки населения местной барсовской и пришлой атлымской культур возводились на краях и в глубине коренных речных песчаных террас (Очерки культурогенеза..., 1994а, с. 182–190, рис. 10; Чемякин, 2008, с. 49–50, 53–55, рис. 34;

36: А; 39; 40: 1, 2). Источниками воды для обитателей тайги в летнее время служили реки, протоки и ручьи, в зимнее время – в основном снег.

Жилища были малых, средних (20–90 м²) и больших размеров (130–250 м²), каркасно-столбовой конструкции с наземной частью в виде усеченной пирамиды, сконструированной из жердей и бревен, а также с короткими крытыми коридорообразными входами. В плане дома прямоугольные и квадратные, в том числе с закругленными углами. Крыши построек, скорее всего, были невысокие двускатные, как исключение – односкатные. Высота от пола до перекрытия была, вероятно, порядка 2–2,5 м. Потолки в постройках эпохи первобытности, скорее всего, отсутствовали, как и в современных традиционных домах обских угров. Теплый воздух от костров поднимался прямо к потолку. Это предотвращало накопление большой массы снега на крышах и обеспечивало устойчивость всей постройки в зимнее время. Для выхода дыма наружу и освещения помещения в крышах оставлялись специальные квадратные отверстия или узкие щели, закрывавшиеся специальными крышками. Последние конструировались из жердей и берестяных полотнищ. Стены домов были наклонные (под углом около 70°) и, возможно, такой же высоты, как в начале эпохи бронзы. В основании они были окружены песчаными завалинками и внешними ямами – для забора грунта и последующего дренажа. Завалинка предназначалась для придания устойчивости стенам и более эффективного удержания тепла в жилище. Котлованы занимали основную часть помещения, но не все пространство жи-

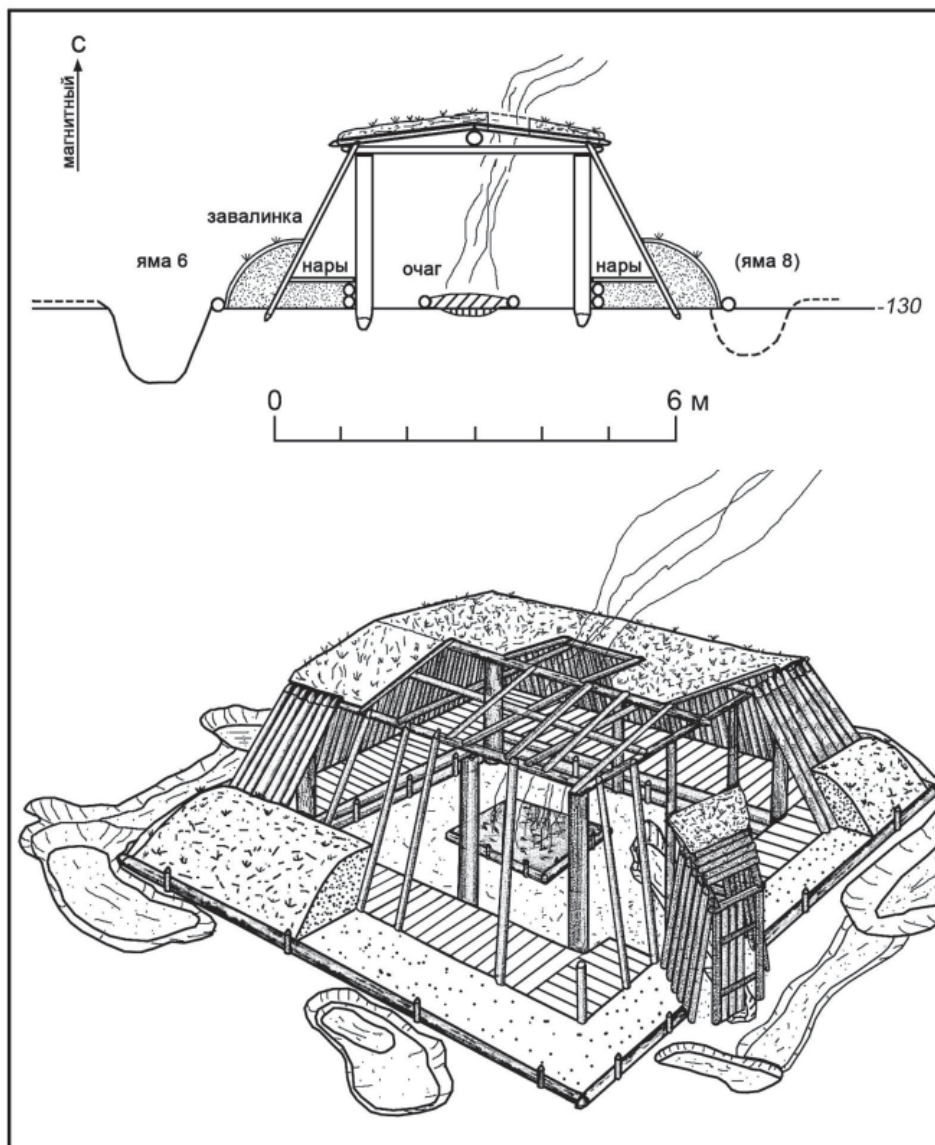

Рис. 2. Поселение Барцевка III, жилище 1. Сургутское Приобье, р. Барцевка. Поздняя бронза (барсовская культура). Раскопки и реконструкция В.А. Борзунова 2006 г.

Fig. 2. Settlement Bartsevka III, dwelling 1. Surgut Current of the Ob' River Basin, Bartsevka river. Late Bronze Age (the Barsova culture). Excavations and reconstruction of V.A. Borzunov, 2006/

лица. Они были мелкие (20–30 см), в плане квадратные и прямоугольные. Их песчаные стенки были укреплены бревнами, уложенными в один-два венца. По краям («заплечикам») каждого котлована располагались дерево-земляные нары. В центре помещения

обычно находился наземный или слабо углубленный очаг. Вместе с тем часть стационарных зимних построек сооружалась уже без углубления в грунт, о чем свидетельствуют остатки погребенной почвы под очагами и насыпной основой их нар. Таков жилой

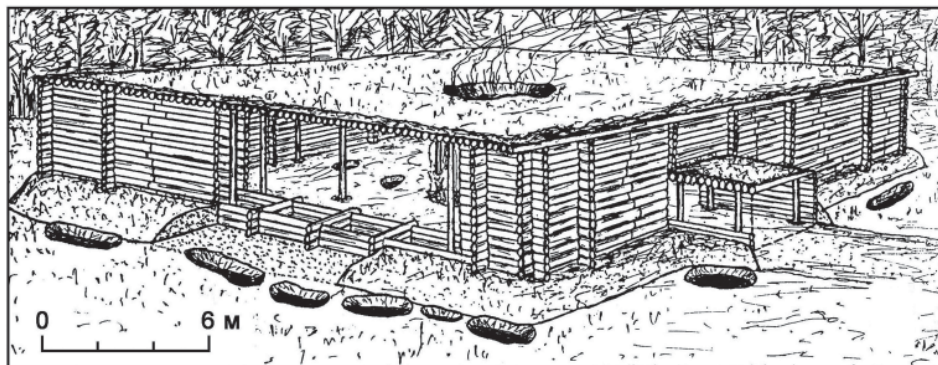

Рис. 3. Поселение Барсова Гора III, объект 107. Сургутское Приобье, р. Обь, протока Утопляя. Поздняя бронза (атлымская культура). Раскопки М. В. Елькиной 1974 г. Реконструкция В. А. Борзунова (по: Борзунов, 1999, рис. 10).

Fig. 3. Settlement Barsova Gora III, object 107. Surgut Current of the Ob' River Basin, Ob' River, the duct of the Utoplyaya. Late Bronze Age (the Atlym culture). Excavations by M.V. El'kina, 1974. Reconstruction of V.A. Borzunov (on: Borzunov, 1999, figure 10).

объект № 1 селища Барцевка III барсовской культуры, раскопанный на Барсовой горе у западной окраины г. Сургута (Борзунов, Чемякин, Фефилова, 2007) (рис. 2). В том же урочище выявлена полуземлянка с подпрямоугольным котлованом (5×4×0,4 м) и коротким наружным коридорообразным входом (селище Барсова Гора II/1а).

Наряду с преобладающим типом каркасно-столбовых сооружений в конце эпохи бронзы в западносибирской тайге стали возводиться дома с вертикальными самонесущими бревенчатыми стенами. Таким, по-видимому, был большой (20×14 м) одиночный жилой зимний объект атлымской культуры Барсова Гора III/107, расположенный в лесу, в глубине высокой обской террасы. Остатки обугленных бревен и жердей, расчищенных в заполнении расплывшейся обваловки этого дома, позволяют предположить, что его стены были вертикальными бревенчатыми двухрядными, шириной до 2 м. Последние перегородками были разбиты на клетки, заполненные в основании

песком. Стены крепились вертикально вкопанными кольями, от которых сохранились ямки. Вместе с тем не исключен и срубный вариант дома. Перекрытие из жердей и лаг опиралось на стены и установленные в помещении столбы. Первоначально мы предполагали плоскую конструкцию перекрытия (рис. 3). Между тем более устойчивой будет традиционная невысокая двускатная хантыйская крыша, которая может выдержать тяжесть снега зимой. Вход мог быть двух вариантов: в виде наружного крытого коридора (хантыйский «тебый» – «сени») либо внутреннего тамбура, как у Туманского укрепленного жилища. Помещение обогревалось большим слабо углубленным подпрямоугольным очагом, вероятно, оконтуренным деревянной рамой. Снаружи дом был окружен невысокой (0,5–1 м) песчаной завалинкой и дренажными ямами (Очерки культурогенеза..., 1994а, с. 184, рис. 9: 2; Борзунов, 1999, рис. 10; Чемякин, 2008, с. 54, рис. 40: 3).

В X–VIII вв. до н. э. на основе мигрировавших на юг лозьвинских

общин бассейна Конды и атлымских групп Нижнего Приобья в бассейнах Пелыма, Лозьвы, Сосьвы и верховьях Тавды сформировался новый гетерогенный этнос с керамикой вагильского типа – северный вариант гамаюнской культуры (Борзунов, 1990, с. 17–22; 1992, с. 90–91, 134–135, 139–141). С новым населением появились большие окруженные рвами «укрепленные жилища» – Туманские нижнее и верхнее, Оськинское I, Усть-Вагильское, Капочское, Илюшинское IV, возможно, Фунтусовское, Дулковка I и II. В VIII–VI вв. до н. э. в результате миграции носителей гамаюнской культуры на юг новые разновидности этих миниатюрных дерево-земляных «крепостей» получили распространение в горно-лесном Зауралье (Шайдурихинское, Мелкое озеро, Палкинское, Иткуль 26, Иртышское VII, Багаряжское Ближнее, возможно, Катайское I и др.) (Борзунов, 1992, с. 44, 141, рис. 3; 4; 5: 1–4, 8; 1999, с. 7–8, 21, рис. 1–4).

Раскопки на Большом Туманском озере двухслойного памятника с прекрасно сохранившимися остатками сгоревших конструкций, столбовыми ямками, а также кусками обожженной глинобитной обмазки, замешанной на рубленой соломе и с характерными отпечатками бревен (Липский, Борзунов, 1984; Борзунов, 1999, рис. 3; 4) позволили реконструировать общий облик двух объектов – Туманских нижнего и верхнего жилищ (Борзунов, 1990, рис. 4; 1992, с. 37, рис. 4). Следует подчеркнуть, что это древнейшие в западносибирской тайге исследованные дома с *бесспорно* самонесущими бревенчатыми (возможно, даже срубными) стенами. Причем стенами двухрядными, шириной от

0,5 до 1,4 м, разгороженными на прямоугольные клетки и с грунтовой забутовкой в основании.

Жилища построены на песчаном холме у края двухметровой озерной террасы. Нижнее – прямоугольное (13,6×9 м) – разделено бревенчатой перегородкой на две разновеликие камеры – проходную и жилую. В жилом помещении вдоль стен зафиксированы остатки деревянных нар, в центре – чашевидный очаг, между ними – хозяйственные ямы. Верхнее жилище, возведенное на руинах первого, в плане квадратное (16,5×16,5 м) однокамерное, с прямоугольным котлованом в центре (8×6,8×0,7 м). В помещении расчищены очаги, хозяйственные ямы, углубления от столбов и какие-то сгоревшие деревянные конструкции. «Заплечики» котлована, шириной 1,5–2 м, покрытые деревом, использовались в качестве нар. Входы у ранней и поздней построек были оформлены в виде внутренних коридоров (5×1,5 и 4,2×1,7 м). Полы в помещениях ровные, горизонтальные, глинистые, вероятно, имели деревянный настил.

Первый вариант реконструкции Туманских домов с односкатной бревенчатой крышей (рис. 4: А) считаю менее вероятным. Скорее всего, как в случае с жилищем № 1 поселения Барцевка III и объектом Барсова Гора III/107, перекрытие туманских построек было невысокое двускатное из жердей, покрытое берестой и грунтом (рис. 4: Б). По общему облику оно, по-видимому, было близко крышам традиционных домов обских угров, сооружаемым сейчас из пиленых досок и колотых плах (рис. 10). Впрочем, односкатные и плоские горизонтальные конструкции также встречаются

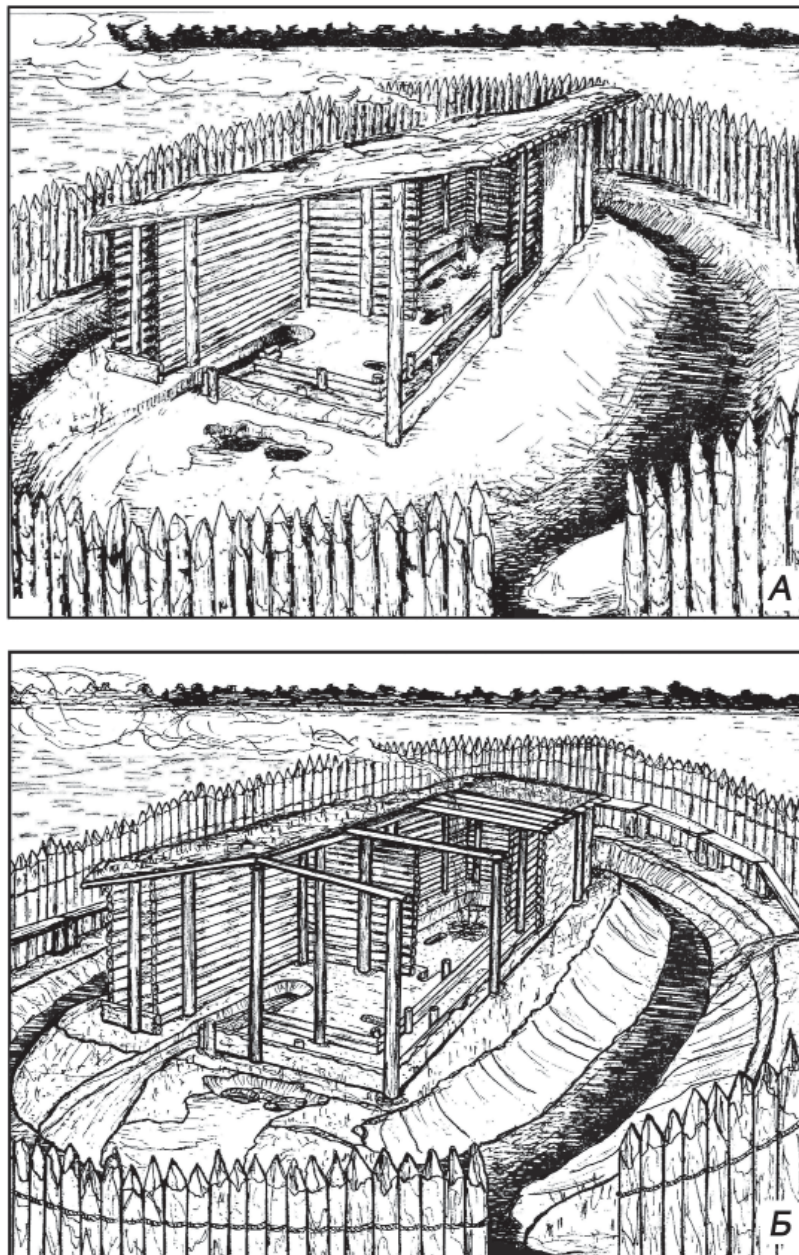

Рис. 4. Укрепленное жилище Туманское нижнее. Бассейн р. Тавды, междуречье Пелыма, Лозьвы и Сосьвы, оз. Большой Вагильский Туман. Конец эпохи бронзы (вагильский тип гамаюнской культуры). Раскопки В. Д. Викторовой 1963 г., В. И. Липского 1963, 1966 гг. Реконструкция В. А. Борзунова: А – первый вариант (в основе: Борзунов, 1990, рис. 4: Б; 1992, рис. 4: Б); Б – последний вариант.

Fig. 4. The fortified dwelling of the Tumanskoeye Nizhneye. Tavda River basin, the interfluvium of Pelym, Loz'va and Sos'va Rivers, the Bol'shoy Vagil'skiy Tuman Lake. End of the Bronze Age (the Vagil' type of the Gamayun culture). Excavations by V.D. Victorova, 1963, V.I. Lipsky, 1963, 1966. Reconstruction of V.A. Borzunov: A – the first variant (at the base: Borzunov, 1990, figure 4: B; 1992, figure 4: B); B – the last variant.

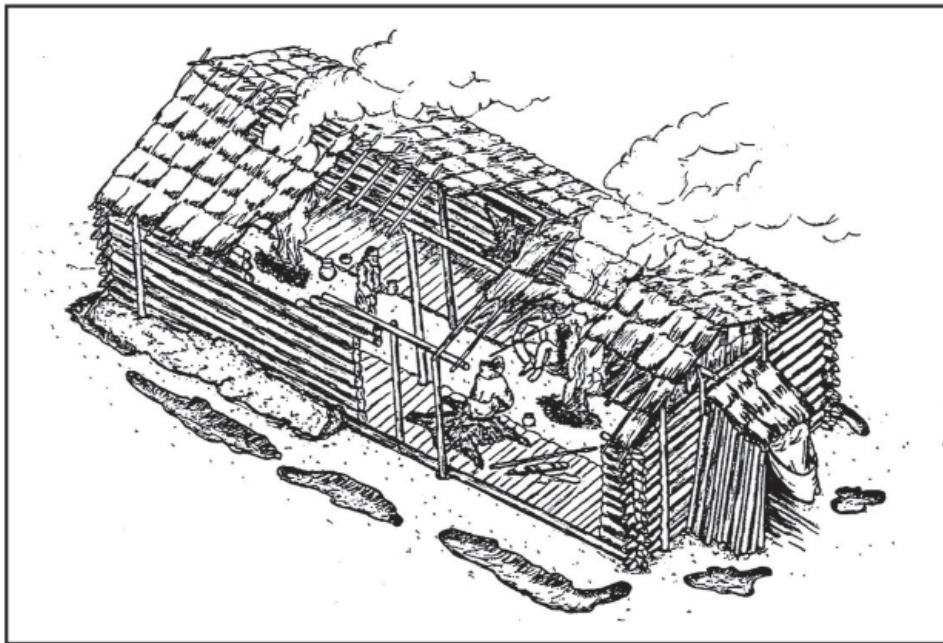

Рис. 5. Поселение Вачим 7, жилище IV. Сургутское Приобье, бассейн Пима, р. Вачим. Первая половина раннего железного века (белоярская культура). Раскопки В.М. Морозова 1995 г. Реконструкция В.М. Морозова и А.А. Ковригина (по: Морозов, Чемякин, 1997, рис. 17; Чемякин, 2006, рис. 50: 1).

Fig. 5. Settlement Vachim 7, dwelling IV. Surgut Current of the Ob' River Basin, the Pim River basin, Vachim River. The first half of the Early Iron Age (the Beloyarskaya culture). Excavations by V.M. Morozov, 1995. Reconstruction of V.M. Morozov and A.A. Kovrigin (on: Morozov, Chemjakin, 1997, figure 17; Chemjakin, 2006, figure 50: 1).

ся у стационарных жилищ хантов и манси – зимних и летних «деревянных юрт» («кат», «хот», «хат») (Шатилов, 1931, с. 39–46, фотографии; Очерки культурогенеза..., 1994б, с. 34–35, рис. 57; 60: 1, 2, 4, 7, 8).

Первая половина раннего железного века (VIII/VII–IV/III вв. до н. э.). Первые изделия из железа в горнолесном Зауралье появляются в V–IV вв. до н. э., в лесостепи и на юге лесной зоны Западной Сибири – в IV–III вв. до н. э., в средней и северной тайге – в последние века до н. э. и первые века н. э. Вследствие этого на большей части северных территорий Сибири означенный выше период, с

точки зрения орудийного комплекса, являлся продолжением эпохи бронзы, а на южных границах – рубежом бронзового и железного веков (Борзунов, Чемякин, 2006, с. 68–69).

На севере таежного Приобья данный период представлен культурами охотников-рыболовов-собирателей белоярско-васюганского этапа.

В Сургутском Приобье многочисленные стационарные постройки на городищах и селищах продолжают развивать стандарты бронзового века, в том числе наземных каркасно-столбовых жилищ с наклонными стенами и бревенчатых с вертикальными самонесущими конструкциями (Очерки

культурогенеза..., 1994а, с. 279–283; Чемякин, 2008, с. 67–68).

Графически воссоздан второй тип домов. Он был выполнен по материалам раскопок объекта IV селища Вачим 7, расположенного на р. Пим (рис. 5: 1). Поселок принадлежал носителям гетерогенной белоярской культуры, наследовавшей местную барсовскую и пришлую нижеобскую атлымскую (Морозов, Чемякин, 1977, с. 25–50, рис. 7–10; 17; Чемякин, 2008, рис. 50: 1). На поверхности руины жилища представляли собой слегка приподнятую песчаную прямоугольную площадку, окруженную валообразной насыпью шириной 1,7–2,2 м, высотой 10–20 см. Внутри насыпи, вдоль длинной оси объекта, были видны два холмика от очагов. Снаружи обваловки прослеживалась цепочка из 9 дренажных ям. Размер внутренней части объекта – 11,6×5,2 м, вместе с обваловкой – 14,6×8 м, с внешними дренажными ямами – 20×12 м. В насыпи зафиксированы остатки сгоревших деревянных конструкций в виде полосы желто-серой углистой супеси шириной 1–1,8 м, оконтуривавшей котлован жилища, а также коротких углистых полос – от обугленных плашек. Вдоль длинных стен и внутри объекта расчищены ямы от массивных вертикальных несущих столбов. С конструкцией северного выхода-входа связаны мелкие углубления. В плане он имел вид короткого полуовального выступа (1,5–1,7×1,8–2 м).

Реконструированное наземное жилище в плане вытянутое прямоугольное (около 13,8×6,5 м) с вертикальными бревенчатыми стенами, укрепленными вертикальными столбами. Центральная часть постройки, размерами 12×5 м (60 м²), отстоявшая

от стен на 0,4–0,7 м, была углублена на 7–20 см. Невысокая двухскатная крыша опиралась на ряды столбов, установленных внутри дома, а также на стены. Перекрытие представляло собой систему лаг, покрытых жердями, полотнощами бересты, гумусом и мхом. Возвышенная часть помещения, дополненная деревянным настилом, использовалась в качестве нар. В углубленной части на удалении 5,6 м друг от друга располагались два овальных очага-кострища, насыщенные угольками, пережженными косточками и мелкими фрагментами керамики. К торцовым стенам жилища пристроены два крытых входа с углубленными полами.

В Нарымском Приобье существовали укрепления и селища, основанные таежными охотниками и рыболовами с керамикой васюганского типа (по Л.А. Чиндиной – васюганского этапа кулайской культуры). Графически реконструированная постройка отнесена к каркасно-столбовым сооружениям и выполнена на основании анализа остатков раскопанного жилища № 2 Степановского I селища в бассейне р. Васюган. Близкие по облику жилые объекты раскопаны на соседних Степановском городище и Степановских I–IV поселениях (Чиндина, 1984, с. 15–20, 181–192, табл. I, рис. 2; 4–6).

Вместе с тем такой вариант реконструкции каркасно-столбовой постройки (рис. 6: 2а) представляется нам крайне спорным и на практике нереальным.

Жилища в рельефе выглядели как обычные «западины», расположенные на поверхности коренных песчаных террас, грив и мысов. В редких случаях (Степановское городище) вокруг углуб-

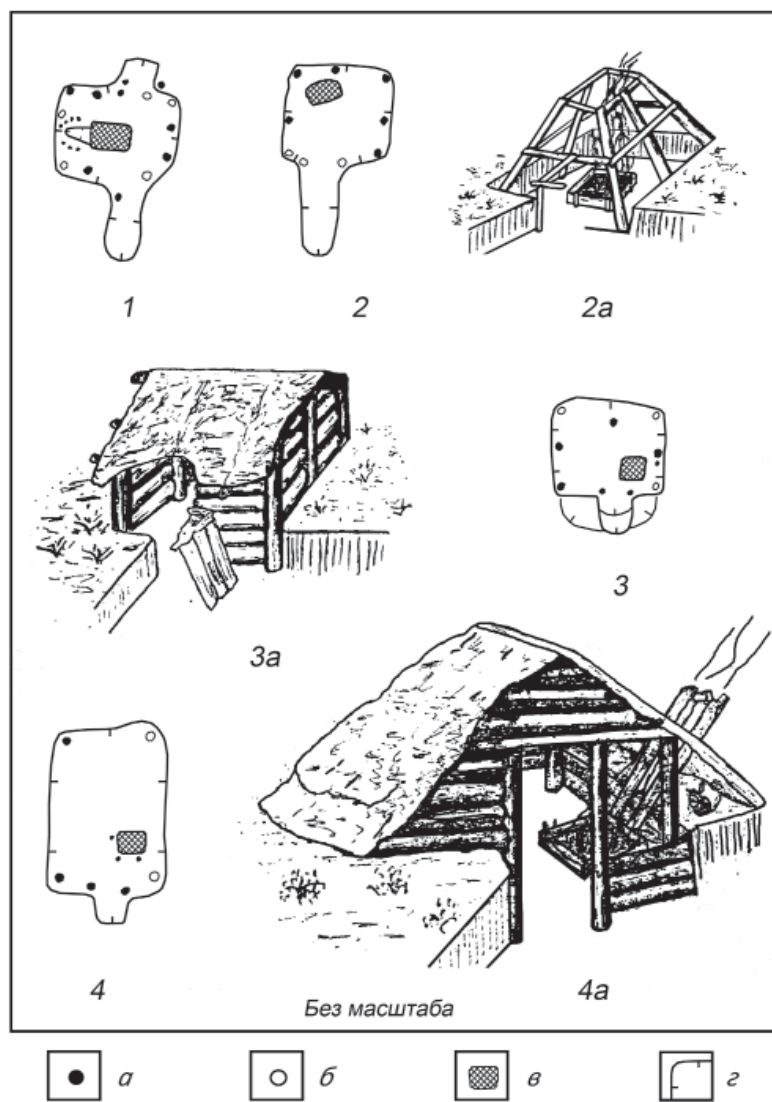

Рис. 6. Поселение Степановское I, жилища 4 (1), 2 (2; 2a). Нарымское Приобье, бассейн р. Васюган, р. Лемпа (протока Степановская). Первая половина раннего железного века (васюганский этап кулайской культуры – по Л. А. Чиндиной). Раскопки Ю. Ф. Кирюшина 1971 г., Л. А. Чиндиной 1973, 1978, 1979 гг. Поселение Малгет 6, жилища 54 (3; 3a) и 10А (4; 4a). Нарымское Приобье, долина Оби, р. Шуделька, оз. Малгет (Шапочное). Вторая половина раннего железного века (саровский этап кулайской культуры – по Л. А. Чиндиной). Раскопки и реконструкции Л. А. Чиндиной 1965–1985 гг. (по: Чиндина, 1984, рис. 6).

Fig. 6. Settlement Stepanovskoe I, dwellings 4 (1), 2 (2; 2a). Narym Current of the Ob' River basin, Vasyugan River and Lempa River (the duck of Stepanovskaya). The first half of the Early Iron Age (Vasyugan stage of the Kulaika culture – according to L.A. Chindina). Excavations by Yu.F. Kiryushin, 1971, L.A. Chindina, 1973, 1978, 1979. The settlement of Malget 6, dwellings 54 (3; 3a) and 10A (4; 4a). Narym Ob River basin, Ob River valley, Shudelka River, Malget Lake (the Shapochnoye Lake). The second half of the Early Iron Age (the Sarovka stage of the Kulayka culture – by L.A. Chindina). Excavations and reconstruction of L.A. Chindina, 1965–1985 (on: Chindina, 1984, figure 6)..

блений прослеживались обваловки – остатки завалинок и осыпавшихся стен, а также ямы для забора грунта. В процессе раскопок под каждой из жилищных впадин были расчищены подквадратные или подпрямоугольные углубления-котлованы площадью от 8 до 50 м² с одним или двумя выступами-выходами с одной либо двух торцовых сторон. Внутри котлованов на небольшом удалении от их стенок прослеживались ямки от столбов, в заполнении – следы обугленных конструкций (от перекрытия и стен построек), в центре помещений – остатки наземных очагов. По сведениям автора раскопок, жилища «полуназемные», углублены «в землю» не более 0,7 м, при этом «котлован рыли до плотных материковых слоев, глубоко не входя (в среднем 20 см), по-видимому, до уровня промерзания грунта, чтобы пол был теплым» (Чиндина, 1984, с. 17).

Жилище № 2 имело котлован размерами 3,6×3 м, глубиной 0,6 м (в том числе в материке – 0,2 м) и длинный углубленный вход (3×1,5 м). При этом размеры всех жилищ якобы лимитировались границами их котлованов. В частности, у реконструированной постройки № 2 каркас из жердей имел вид усеченной пирамиды, опиравшейся основанием в дно котлована прямо у его стенок. Угол наклона стен – порядка 45°. Каркас закрывался жердями, берестой и сосновой корой, стены присыпались «землей». В центре помещения находился очаг, забранный в квадратный сруб или в укрепленный кольшками жердяной каркас. В жилище вел широкий крытый коридоробразный вход. При раскопках на земляных стенках коридора зафиксированы остатки древесного тлена. У

других построек полы входов были ступенчатыми.

Вместе с тем авторы раскопок не упоминают о деревянных нарах и специальном покрытии полов у данного и других жилищ этого периода. Создается впечатление, что люди стояли и спали прямо на песчаном полу. Кроме того, непонятно, как были укреплены изображенные на рисунке стенки песчаного котлована и зачем вообще было нужно углубление таких размеров и глубины. А главное: если бы наклонные стены жилища были поставлены в котлован, то после сильных ливней и при таянии снега обитатели дома периодически оказывались в воде. С таким же успехом жилище можно было поставить в открытый плавательный бассейн, наивно полагая, что его никогда не затопит. На наш взгляд, охарактеризованный выше каркас из жердей был несколько больше укрепленного деревом котлована, а основание данной усеченно-пирамидальной конструкции было установлено на некотором удалении от углубления. Подобные жилища были распространены в западных областях таежного Приобья.

Т.Н. Троицкая и Л.А. Чиндина предполагали наличие второго типа жилых васюганских построек, также не выходящих за пределы котлована. В этом варианте «несущие конструкции примыкали плотно к стенкам котлована. Стены, по-видимому, забирались бревнами в паз опорных столбов и выводились на необходимую высоту над котлованом вертикально. В Нарымском Приобье такой тип жилищ встречается на Степановских поселениях I, II, IV, Тух-Сигате VII» (Чиндина, 1986, с. 18). Для этого типа сооружений, как и предыдущего, была

характерна присыпка стен «землей». Такая реконструкция построек вполне допустима, но, на наш взгляд, в основном для небольших помещений. Отчасти она согласуется с известным свидетельством С.К. Патканова о традиционных землянках – «земляных домах» («мыг-хот») – обских угров, отличных от их «деревянных домов» («хот», «хат») (1891, с. 31).

В Нижнем Приоболье рубеж бронзового и железного веков отмечен распространением особой симбиозной культуры с хозяйством комплексного типа (рыболовство, охота, собирательство, разведение и содержание домашнего скота, домашние производства). Ее первооткрыватели определили данное образование как «восточный вариант иткульской культуры», датировали VIII–VI вв. до н. э. и выделили в нем три этапа: иткульский, карагай-аульский и вак-куровский (Зими́на, Зах, 2009). Между тем по всем характеристикам (укрепления, жилища, орудия труда, керамика, система хозяйства, уровень металлообработки, культурные контакты, происхождение, исторические судьбы и прочее) данное образование принципиально отличается от иткульской культуры металлургов горнолесного Зауралья VII–III вв. до н. э. В этой связи мы склонны его определять в качестве самостоятельной юртоборской культуры (Борзунов, 2014). Последняя сформировалась на основе местных общин бархатовской культуры межовско-ирменского культурно-хронологического пласта при участии разнообразного пришлого населения, в том числе гамаюнского и исетского («гамаюно-бархатовского», «гамаюно-иткульского») с запада – из лесного Зауралья, сузгунских групп

поздней бронзы – из низовий Тобола, населения начала железного века с гребенчато-ямочной керамикой с севера – из западных областей таежного Приобья (белоярская, кульминская и другие культуры), а также носителей керамики журавлевского и баитовского типов с северо-востока – из южно-таежного Прииртышья и Приишимья. Как уже упоминалось, основной предпосылкой изменения этно-культурной карты Западной Сибири стало резкое ухудшение климата в начале I тыс. н. э., повлекшее массовое переселение части таежного сибирского населения на юг региона и соседние территории.

Ярким свидетельством этих миграций является распространение на южной кромке тайги и в лесостепи Тоболо-Иртышья типично северных жилищ. На городищах и селищах юртоборской культуры их зафиксированы сотни. Данные постройки, даже по внешним остаткам, резко отличаются от предшествующих притобольских и синхронных зауральских жилищ. Их руины представлены невысокими овальными и подпрямоугольными песчаными площадками, иногда с углублениями в центре, а также с канавками и ямами-карьерами по периметру возвышений. Судя по пространственному распределению таких объектов, исходным центром такого домостроительства являлись Сургутское Приобье и соседние районы таежного Обь-Иртышья, заселенные белоярскими и близкими им общинами.

Художником и судомоделистом А.С. Кухтериним реконструировано одно типичное жилище с керамикой карагай-аульского типа – сооружение I городища Карагай Аул 1, площадка А (рис. 7). Участие авторов раскопок в воссоздании общего облика дан-

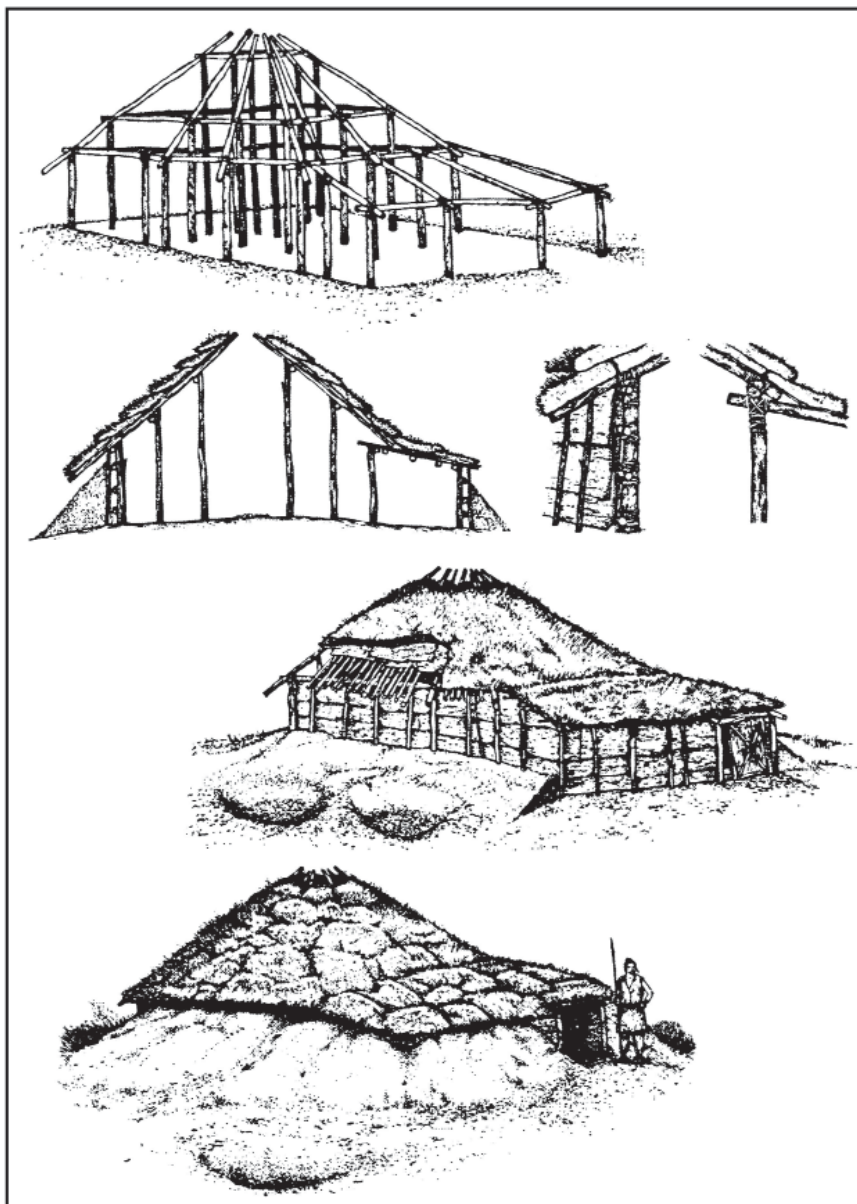

Рис. 7. Городище Карагай Аул 1, площадка А, сооружение 1. Тюменское Притоболье, рр. Тобол и Тап. Рубеж бронзового и железного веков или первая половина раннего железного века (карагай-аульский этап восточного локального варианта иткульской культуры – по О. Ю. Зиминой и В. А. Заху; карагай-аульский этап юртоборской культуры – по В. А. Борзунову). Раскопки В. А. Заха 1991 г. Рисунок А. С. Кухтерина (по: Зиминая, Зах, 2009, рис. 106).

Fig. 7. Ancient fortified settlement of Karagai Aul 1, area A, construction 1. Tyumen Current of the Tobol River basin, Tobol and Tap Rivers. The boundary of the Bronze and Iron Ages or the first half of the Early Iron Age (the Karagai-Aul stage of the eastern local variant of the Itkul' culture – according to O.Yu. Zimina and V.A. Zakh, the Karagai-Aul stage of the Yurtobor culture – according to V.A. Borzunov). Excavations by V.A. Zakh, 1991. Drawing by A.S. Kukhterin (on: Zimina, Zakh, 2009, figure 106).

ного объекта не оговорено и соответствующего описания его ими не представлено (см.: Зимина, Зах, 2009, с. 51, 61–62, рис. 31; 33; 106). Судя по рисунку, постройка наземная, не углубленная в грунт, с вертикальными стенами. Она состояла из основного квадратного помещения под высокой четырехскатной крышей со свето-дымовым отверстием в центре и меньшего прямоугольного предвходового пространства с односкатной крышей (сени?). Перекрытие дома представляло собой систему лаг, покрытых жердями, берестой и пластами дерна. Возможно, берестяные полотнища использовались и при сооружении стен. Опорой перекрытия и стен являлись установленные в несколько рядов вертикальные колья и тонкие столбы. Снаружи стены были доверху засыпаны песком, взятым из ям-карьеров. Вход в жилище, высотой около 1 м, находился на углу предполагаемых «сений» и закрыт приставной квадратной дверью. Внешне такое сооружение напоминало высокий земляной холм.

Теоретически данное жилище должно было воспроизводить типичные для севера Западной Сибири наземные строения, охарактеризованные выше, но никак не «земляные холмы».

Небольшие и средних размеров постройки в виде низких земляных холмов были характерны для более ранних эпох и углубленных жилищ – таежных землянок неолита и энеолита. К концу бронзового – началу железного века дома охотников-рыболовов в Сургутском и Нижнем Приобье практически полностью «вышли на поверхность». Вряд ли у мигрантов с севера, проживавших в более ком-

фортных климатических условиях в Притоболье, на южной кромке тайги, вдруг возникла острая необходимость снова закрывать свои жилища до макушки песком и дерном. Кроме того, руины наземного объекта, нарисованного А.С. Кухтериним, должны были выглядеть, как курган, а не уплощенная площадка. Не исключено, что такой вариант жилища является просто стандартом, сложившимся у А.С. Кухтерина. Художник никогда не проводил раскопок на севере Западной Сибири, также как археологи О.Ю. Зимина и В.А. Зах. Единственными реконструированными до этого А.С. Кухтериним постройками были укрепленные «княжеские» резиденции остяков и самоедов XVI – начала XVIII в. (Полуйский мысовой и Надымский городки, городище Монкысь-Урий), действительно имевшие вид «земляных холмов».

Вторая половина раннего железного века (IV/III вв. до н. э. – III/IV вв. н. э.). Основными чертами этого периода на севере Западной Сибири являются образование кулайской культурно-исторической общности, переход к массовому производству изделий из бронзы, появление оружия и орудий труда из черного металла, усиление роли пушной охоты в общей системе хозяйства аборигенов края, проникновение в таежное Приобье большого количества импортных вещей из Волго-Камья, Средней Азии, Причерноморья, Передней Азии, Египта и Китая, как следствие, – начавшаяся социальная дифференциация внутри таежных коллективов и зарождение культа воина. Предпосылками этих явлений стала более благоприятная климатическая обстановка, а главное – включение обществ Севера Евразии в

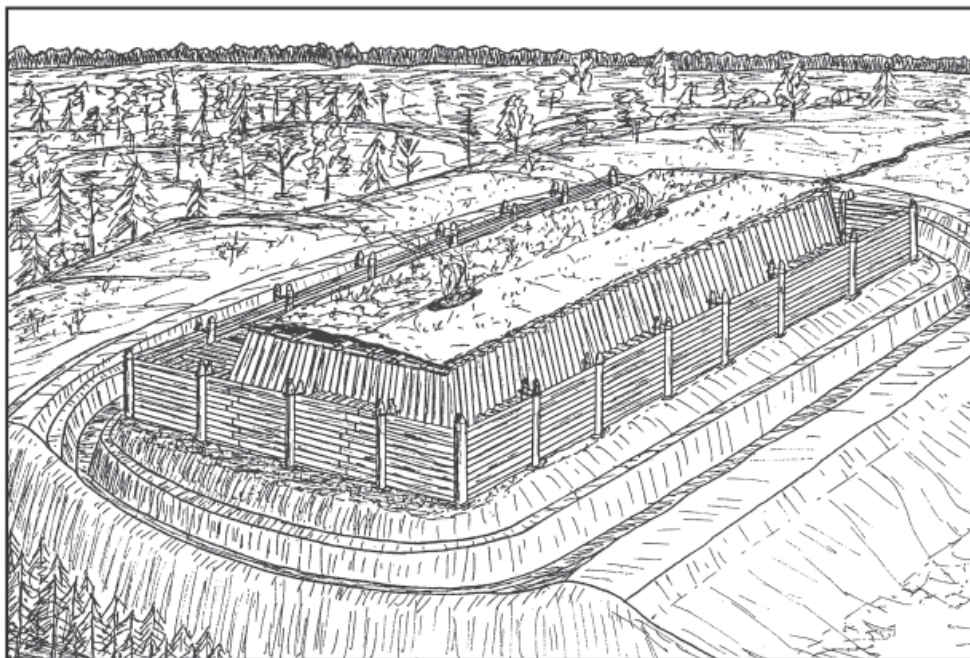

Рис. 8. Каркасно-столбовой вариант укрепленных жилищ второго типа таежного Приобья. Собираательный образ по материалам археологических исследований, фольклорным и этнографическим данным. Реконструкция В. А. Борзунова. В основе: топография укрепленного жилища Быстрый Кульёган 38, эпоха бронзы (кульёганский тип), съемка В. А. Борзунова 2000 г.; городищ Моховая 20 и 25, вторая половина раннего железного века (сургутский вариант кулайской КИО), съемка В. А. Борзунова 1994 г. (по: Борзунов, 1999, рис. 9).

Fig. 8. Frame-column variant of fortified dwellings of the second type of the taiga zone of the Ob' River basin. Collective image on the basis of archaeological research, folklore and ethnographic data. Reconstruction of V.A. Borzunov. At the core: the topography of the fortified dwelling Bystriy Kul'egan 38, the Bronze Age (the Kul'egan type), the shooting of V.A. Borzunov, 2000; ancient fortified settlements of Mokhovaya 20 and 25, the second half of the Early Iron Age (Surgut variant of the Kulaika cultural-historical community), the shooting of V.A. Borzunov, 1994 (according to: Borzunov, 1999, figure 9).

систему континентальной экономики на правах периферийных партнеров и поставщиков ценной сибирской пушнины. Проявлением последнего является формирование со II в. до н. э. северных («пушных») ответвлений Великого трансконтинентального шелкового пути (Борзунов, Чемякин, 2006, с. 69–76).

В этот период появляются новые типы поселений, в том числе сильно укрепленные, по местным меркам, «крепости» с одним-четырьмя жили-

щами, бастионно-башенными элементами обороны и глубокими рвами – места проживания элиты таежного общества («богатыри», «шаманы», их домочадцы, воины-«дружинники»), обширные неукрепленные селища-«посады» вокруг таких «городков» рядового населения, «однодворные» зимние селища экономически самостоятельных большесемейных общин. Производство более качественных рубящих металлических орудий стимулировало массовое строитель-

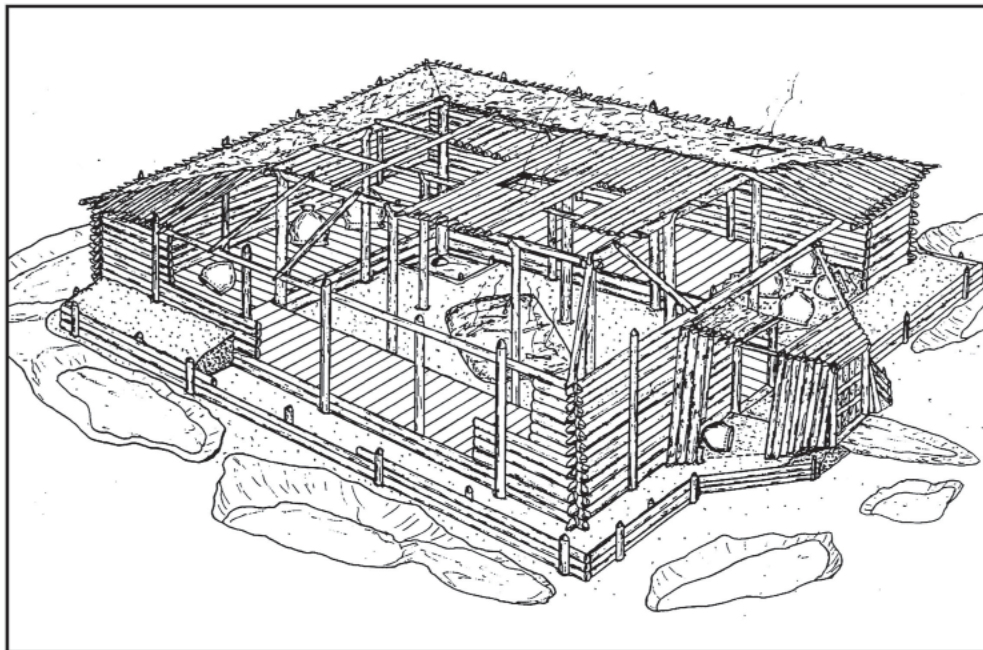

Рис. 9. Селище Барсова Гора III/36, жилище № 6. Сургутское Приобье, р. Обь, протоки Утоплая и Микишкина. Вторая половина раннего железного века (сургутский вариант кулайской культурно-исторической общности). Раскопки и реконструкция В. А. Борзунова 2001 г.

Fig. 9. The settlement of Barsova Gora III/36, dwelling 6. Surgut Current of the Ob' River Basin, Ob' River, the ducts of Utoplaya and Mikishkina. The second half of the Early Iron Age (the Surgut variant of the Kulaika cultural-historical community). Excavations and reconstruction of V.A. Borzunov, 2001.

ство каркасно-столбовых и бревенчатых жилых построек.

К графически реконструированным объектам этого периода относится собирательный образ каркасно-столбового жилища, выполненный в том числе на основании остатков двух больших (около 19×23–25 и 20×26 м) наземных кулайских жилищ Моховая 20 и 25, открытых на одноименной реке в Сургутском Приобье (Борзунов, 1999, рис. 8; 9: А) (рис. 8).

Вариант срубного наземного жилища восстановлен на основании раскопок кулайского объекта № 6 селища Барсова Гора III/36. В процессе раскопок расчищены остатки хорошо сохранившегося основания сгорев-

ших бревенчатых стен прямоугольной (8×7 м) постройки, а также настила узких (0,9 м) дерево-земляных нар. В разных местах около стен на данном настиле стояли вверх днищами *in situ* глиняные сосуды диаметром около 40 см. Последнее подтверждает, что стены дома были вертикальными, а не наклонными. В центре помещения находился очаг, в углу около входа – бронзолитейный комплекс (рис. 9).

Основания кулайских построек обоих типов были окружены песчаными завалинками шириной 1 м, а также внешними дренажными канавками (Моховая 20, 25) либо ямами (Барсова Гора III/36).

Рис. 10. Традиционная «деревянная юрта» в хантыйском однодворном селении. ЯНАО, Пуровский район, 25–30 км к ЗСЗ г. Муравленко, верховья р. Пякупур, р. Нюдя–Котутаяхата. Фото автора 1997 г.

Fig. 10. Traditional “wooden yurta” in the Khanty “single-village” village. Yamalo-Nenets Autonomous District, Purovsky District, 25–30 km to west-northwest from the Muravlenko Town, upper reaches of the Pjakupur River, Nyudya-Kotutayahata River. Photo by the author, 1997.

В Нарымском Приобье, по данным Л.А. Чиндиной, кулайские постройки 54 и 10А саровского этапа поселения Малгет 6 представляли собой «полуназемные сооружения» со срубными стенами, установленными вплотную к стенкам прямоугольного песчаного котлована глубиной около 25 см. Бревна стен были «забраны в паз» и дополнительно прижаты вертикальными столбами. Котлованы построек на саровских городищах были еще глубже – до 70 см. Крыши двускатные, с углом наклона 30–45°, покрыты дерном. Выходы у жилищ крытые коридорообразные (1984, с. 44–47, рис. 6) (рис. 6: 3, 3а, 4, 4а). Свое сомнение о помещении срубов в котлованы я высказал выше.

Краткий анализ и его итоги.

От каменного века до конца раннего железного прослеживается тен-

денция постепенного «выхода на поверхность» стационарных жилищ западносибирской тайги.

В неолите и энеолите (VI – третья четверть III тыс. до н. э.) в таежном Приобье преобладали землянки и полужемлянки с глубокими котлованами (0,7–2 м), обшитыми деревом, без стен и с четырехскатными перекрытиями (с наклоном около 30°), установленными на вертикальных столбах. Такие сооружения, покрытые жердями, корой, полотнищами бересты и грунтом, снаружи выглядели как невысокие земляные холмы.

В первой половине бронзового века котлованы жилых построек стали мельче (0,3–0,6 м), а наземная часть, сооруженная из бревен и жердей, приобрела вид усеченной пирамиды. Стены построек были наклонными под углом до 45°, перекрытия невысокие

двухскатные либо четырехскатные. Наряду с постройками стандартных размеров (20–90 м²) появились большие «укрепленные жилища» площадью от 130 до 580 м², окруженные рвами.

В конце бронзового – начале железного века основными типами жилищ были наземные объекты площадью от 30 до 70 м², высотой 2–2,5 м, с мелким (0,2–0,3 м) котлованом или вообще без такового. Наряду с постройками каркасно-столбовой конструкции, имевшими стены из жердей и плах с наклоном до 70°, получили распространение дома с вертикальными бревенчатыми стенами, укрепленными столбами. Укрепленные жилища со рвами этого периода имели площади от 200 до 650 м².

В финале бронзового века фиксируются первые бесспорные постройки срубной конструкции с двойной линией стен и песчаной забутовкой в основании. Каркас перекрытия таких домов опирался на стены и установленные внутри помещения столбы. Следует подчеркнуть, что представленный вариант срубов с выпуском концов бревен (рис. 3, 5, 9) весьма условен. Концы бревен могли затесываться для крепления «в лапу» или иным образом.

У всех каркасно-столбовых, бревенчато-столбовых и срубных жилищ котлованы занимали только основную часть помещения, но не всю площадь

дома. Основание стен (и перекрытий жилищ неолита и энеолита) находилось на небольшом удалении от котлована и было окружено песчаной завалинкой, к которой примыкала цепочка ям и канав для забора грунта и дренажа.

В качестве нар обычно использовалась возвышенная часть по окружности котлована, покрытая деревом. В других случаях невысокие нары, сконструированные из бревен и жердей, размещались в самом котловане, вдоль его стен. Полы круглогодичных и зимних жилищ были ровные, горизонтальные, большей частью покрытые деревом. В центре помещения под свето-дымовым отверстием в крыше находился очаг. В больших домах кострищ было больше.

Судя по находкам остатков камнеобработки и литейного производства, жилые помещения использовались также в качестве производственных.

Некоторые исследователи предполагают наличие на поселениях раннего железного века Нарымского Приобья «полуподземных построек», равных по площади котловану. Каркаснно-столбовые постройки такого типа – явно плод фантазии археологов. Срубные полуземлянки с вертикальными бревенчатыми стенами, опущенными в котлован, могли быть локальным явлением, прообразом поздних жилищ обских угров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борзунов В.А. Генезис и развитие гамаюнской культуры // СА. 1990. № 1. С. 15–33.
2. Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург: УрГУ, 1992. 189 с.
3. Борзунов В.А. Новый ареал укрепленных жилищ на севере Евразии // РА. 1999. № 4. С. 5–23.

4. *Борзунов В.А.* Гамаюнские, иткульские и «гамаюно-иткульские» древности: история изучения и проблема интерпретации // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований / Отв. ред.: Г.П. Визгалов, О.В. Кардаш. Екатеринбург: Магеллан, 2014. С. 212–245.
5. *Борзунов В.А., Липский В.И.* Туманские укрепленные поселения-жилища // Древние поселения Урала и Западной Сибири / Отв. ред.: В.Е. Стоянов. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1984. С. 90–105.
6. *Борзунов В.А., Чемякин Ю.П.* Ранний железный век таежного Обь-Иртышья: итоги и перспективы исследований // Археологическое наследие Югры / Отв. ред.: В.И. Стефанов, Е.В. Перевалова. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Чароид, 2006. С. 68–108.
7. *Борзунов В.А., Чемякин Ю.П., Фефилова Л.А.* Охранные раскопки на речке Барцевке в урочище Барсова гора // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 5 / Отв. ред.: А.Я. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2007. С. 84–107.
8. *Зимица О.Ю., Зах В.А.* Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.
9. *Морозов В.М., Чемякин Ю.П.* Древнее поселение в бассейне р. Пим (краткий археологический очерк). Сургут: Изд-во СурГУ, 1997. 72 с.
10. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. I / Под общ. ред. Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во ТГУ, 1994а. 490 с.
11. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. II / Под общ. ред. Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во ТГУ, 1994б. 286 с.
12. *Патканов С.К.* Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб.: тип. С.Н. Худекова, 1891. 74 с.
13. *Чемякин Ю.П.* Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. 224 с.
14. *Чиндина Л.А.* Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 256 с.
15. *Шатилов М.Б.* Ваховские остяки (этнографические очерки) // Труды Томского краевого музея. Т. IV. Томск: Красное знамя, 1931. 175 с.

Информация об авторе:

Борзунов Виктор Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия); victor.borzunov@mail.ru

VARIANTS OF RECONSTRUCTION OF STATIONARY DWELLINGS OF END OF BRONZE AGE – BEGINNING OF THE IRON AGE IN THE WESTERN SIBERIAN TAIGA

V.A. Borzunov

The article presents variants of graphic reconstructions of stationary tree-earth dwellings constructed by fishermen and hunters of the West Siberian taiga at the end of the Bronze Age – the Early Iron Age (12th century BC – III century AD). During this period, ground constructions of a frame-column structure with a ground part in the form of a truncated pyramid, with inclined walls of poles and thin logs, and with a shallow (0,2–0,4 m) rectangular pit that occupied the main part of the building continued to be built. The base of the walls of

---

The work was carried out within the framework of the State task of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Theme № 33.7280.2017 / The basic part: "Ural and Western Siberia in antiquity".

the dwelling was not installed in a sand pit, trimmed with wood, but on a small (0,8–1,5 m) distance from it. At the same time, similar structures appeared without foundation pit, dwellings with vertical log walls, fortified pillars, and houses with walls of a log structure. Each building was surrounded by a sandy mound of earth ("zavalinka") and drainage pits-ditches. Ordinary dwellings had an area of 30–70 m², and their height from the floor did not exceed 2,5 m. Large (200–650 m²) single timbered "fortified dwellings" were protected by ditches and sometimes – defensive walls. Small semi-dugouts were used mainly as economic objects, extremely rarely – as industrial and residential premises.

Keywords: archaeology, Western Siberia, taiga, end of the Bronze Age, Early Iron Age, dwellings, reconstruction.

REFERENCES

1. Borzunov, V. A. 1990. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archeology)* (1), 15–33 (in Russian).
2. Borzunov, V. A. 1992. *Zaural'e na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov (gamayunskaya kul'tura) (Trans-Urals between the Bronze and Iron Ages (Gamayun culture))*. Ekaterinburg: Ural State University (in Russian).
3. Borzunov, V. A. 1999. *Rossiyskaya Arkheologiya (Russian Archeology)* (4), 5–23 (in Russian).
4. Borzunov, V. A. 2014. In Vizgalov, G. P., Kardash, O. V. (eds.). *Problemy sokhraneniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya: istoriya, metody i problemy arkheologicheskikh issledovaniy (Problems of preservation and use of cultural heritage: history, methods and problems of archaeological research)*. Ekaterinburg: "Magellan" Publ., 212–245 (in Russian).
5. Borzunov, V. A., Lipsky, V. I. 1984. In Stoyanov, V. E. (ed.). *Drevnie poseleniya Urala i Zapadnoy Sibiri (Ancient Settlements of the Urals and Western Siberia)*. Sverdlovsk: Ural State University, 90–105 (in Russian).
6. Borzunov, V. A., Chemyakin, Yu. P. 2006. In Stefanov, V. I., Perevalova, E. V. (eds.). *Arkheologicheskoe nasledie Yugry (Archaeological Heritage of Yugra)*. Khanty-Mansiysk; Ekaterinburg: "Charoid" Publ., 68–108 (in Russian).
7. Borzunov, V. A., Chemyakin, Yu. P., Fefilova, L. A. 2007. In Yakovlev, A. Ya. (ed.). *Khanty-Mansiyskiy avtonomniy okrug v zerkale proshlogo (Khanty-Mansi Autonomous Area in the Mirror of the Past)* (5). Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomsk State University, 84–107 (in Russian).
8. Zimina, O. Yu., Zakh, V. A. 2009. *Nizhnee Pritobol'e na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov (Lower Tobol River Area between the Bronze and Iron Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
9. Morozov, V. M., Chemyakin, Yu. P. 1997. *Drevnee poselenie v bassejne r. Pim (kratkiy arkheologicheskii ocherk). (Ancient Settlement in the Pym River Basin (Brief Archaeological Essay))*. Surgut: Surgut State University (in Russian).
10. Lukina, N. V. (ed.). 1994. *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri. Poseleniya i zhilishcha (Essays on the Cultural Genesis of the Peoples of Western Siberia. Settlements and Dwellings)* 1 (I). Tomsk: Tomsk State University (in Russian).
11. In Lukina N.V. (ed.). 1994. *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri. Poseleniya i zhilishha. (Essays on the Cultural Genesis of the Peoples of Western Siberia. Settlements and Dwellings)* 1 (II). Tomsk: Tomsk State University (in Russian).
12. Patkanov, S. K. 1891. *Tip ostyatskogo bogatyrya po ostyatskim bylinam i geroicheskim skazaniyam (Type of Ostyak Bogatyr on the Basis of Ostyak Epic Tales and Heroic Legends)*. Saint Petersburg: "Khudekov" Publ. (in Russian).
13. Chemyakin, Yu. P. 2008. *Barsova Gora: Ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. Drevnost' (Barsova Gora: Essays on the Archaeology of the Surgut Ob region. Antiquity)*. Surgut; Omsk: "Omsk House of Press" Publ. (in Russian).

14. Chindina, L. A. 1984. *Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza. Kulayskaya kul'tura (Ancient History of the Middle Ob River Basin in the Iron Age. The Kulayka Culture)*. Tomsk: Tomsk State University (in Russian).

15. Shatilov, M. B. 1931. In *Trudy Tomskogo krayevogo muzeya (Proceedings of the Tomsk Regional Museum) IV*. Tomsk: "Krasnoe znamya" Publ. (in Russian).

About the Author:

Borzunov Victor A. Candidate of Historical Sciences. Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin. Lenin Av., 51, Yekaterinburg, 620083, Russian Federation; victor.borzunov@mail.ru

Статья поступила в номер 20.04.2018 г.

ТКАНИ АРКАИМА¹

© 2018 г. П.С. Медведева

Статья освещает результаты исследования отпечатков текстиля на внутренней стороне фрагментов керамических сосудов из коллекции укрепленного поселения Аркаим в Южном Зауралье. Приведены технологические характеристики текстиля, реконструированные на основе анализе оттисков-позитивов с отпечатков. Весь текстиль имеет тканую фактуру, представленную различными вариантами полотняного переплетения. Большая доля повреждений на тканях указывает на их вторичное использование в гончарстве, тогда как изначально изделия могли быть частью одежды. Технологические параметры тканей указывают на использование классического ткацкого станка при их изготовлении, ближайшие аналогии прослежены в других погребальных памятниках синташтинской культуры – могильниках Каменный Амбар-5, Кривое Озеро, Бестамак и др.

Ключевые слова: археология, бронзовый век, ткачество, керамика, Аркаим, синташтинская культура, Южное Зауралье, отпечатки ткани.

Введение

Текстиль играл огромную роль в хозяйстве человечества на протяжении всей его истории. Как технологическое достижение он намного старше первой керамики, металлов и других искусственных материалов. Текстильное производство в целом берет свое начало в палеолите, когда перед человеком встала необходимость в плетеных изделиях – сетях, корзинах и веревках. Ткачество как его отрасль – продукт неолитической эпохи, сочетающей в себе два условия для его возникновения – наличие сырьевой базы (одомашненных растений и животных) и оседлый образ жизни первых ткачей. С тех пор и вплоть до промышленной революции, получив пальму первенства как способ изготовления текстиля, ткачество

занимало важное в системе домашних производств. Прядение, работа на ткацком станке, шитье отнимали больше времени, чем приготовление пищи и гончарство вместе взятые (Barber, 1991, p. 4), тем не менее роль ткачества в хозяйстве бронзового века совершенно несопоставима с количеством дошедших до наших дней связанных с ним источников ввиду их органической природы. Каждое индивидуальное свидетельство этой отрасли хозяйства для столь ранних периодов требует применения комплекса методов для получения достоверной картины о генезисе, распространении и особенностях ткацких традиций на ранних этапах их зарождения.

Южное Зауралье в этом контексте – чрезвычайно привлекательный регион для исследования доистори-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект № 18-09-00015 «Золотое руно» бронзового века Северной Евразии: анализ культурного, географического и хронологического контекста».

ческого текстиля. Здесь появление первых тканей совпало с распространением комплексного производящего хозяйства и формированием синташтинской культуры на рубеже III/II тыс. до н. э. Гончарная традиция синташтинского населения – формовка горшков на старом сосуде-основе с использованием влажной тканевой прокладки (Древнее Устье..., 2013, с. 147) – обеспечила археологов уникальным источником по истории ткачества бронзового века – многочисленными текстильными отпечатками на керамике. Такой способ лепки сосудов перешел в традиции петровской и алакульской культуры, которые (вместе с отпечатками ткани) распространились на широкие территории степей и лесостепей Урала, Западной Сибири и Казахстана (Виноградов, Мухина, 1985).

Керамическая коллекция поселения Аркаим

Укрепленное поселение Аркаим является одним из наиболее известных и полно исследованных поселенческих памятников синташтинской культуры. Памятник находится в Кизильском районе Челябинской области в месте слияния рек Большая Караганка и Утяганка. Археологическими раскопками было вскрыто 8055 м² площади от общей площади поселения около 20 000 м², что позволило получить обширную коллекцию инвентаря, включая керамику – около 9000 фрагментов керамических сосудов (Зданович, 1997). С точки зрения типологии, керамический материал поселения очень разнообразен, тем не менее существуют характерные черты аркаимской керамики, присущие синташтинскому гончарному производству в целом. К таким чертам от-

носится целый ряд морфологических и стиливых признаков: выделение внутреннего ребра в основании шейки горшечных сосудов и формирование его под венчиком за счет утолщения верхней части плеча и стенки у большинства баночных емкостей; оформление выпуклого высокого плеча с внешним ребром в основании; сочетание елочных композиций с желобками, каннелюрами и геометрическими орнаментами; широкое использование многорядового зигзага в виде «древа» в орнаментации придонной части сосуда; присутствие пиктограмм, наклепных валиков и шишечек; использование гребенчатых и плоских штампов, веревочки и псевдо-веревочки (Зданович, Малютина, 2004, с. 81). Как и для других синташтинских памятников (Епимахов, 2005, с. 161; Виноградов, Алаева, 2013, с. 147; Виноградов и др., 2017), для Аркаима характерно использование формы-основы для придания формы сосуда в подавляющем большинстве случаев конструирования полого тела (Гутков, 1995, с. 138). Следствием этой технологии стало наличие в коллекции представительной выборки фрагментов сосудов с отпечатками текстиля на внутренней стороне, которые выбраны в качестве основного источника данной работы.

Керамика Аркаима ранее уже привлекала внимание исследователей текстиля. Так, материалы этого поселения вошли в фундаментальное технологическое и культурно-историческое исследование текстильной керамики неолита-эпохи бронзы Западной Сибири И.Г. Глушкова и Т.Н. Глушковой «Текстильная керамика как исторический источник» (Глушков, Глушкова, 1992, с. 55–56).

Отпечатки ткани были рассмотрены авторами в двух аспектах: с одной стороны – как технологический признак гончарного производства петровской культуры, с другой – как исходные данные для экспериментальной реконструкции ткацких устройств бронзового века. Специальное исследование вопроса сырьевой базы текстильного дела Аркаима провела М.В. Галиуллина, опираясь на данные такой дисциплины, как ткацкое материаловедение. Ею был сделан вывод о морфологических различиях в отпечатках растительного и животного происхождения, а также о том, что ткани, отпечатавшиеся на сосудах из материалов поселения Аркаим, были преимущественно растительными (Галиуллина, 2000).

Широкомасштабные раскопки памятников синташтинской культуры в 1990–2000 годы обусловили накопление значительного массива источников и, как следствие, пересмотр старых концепций хозяйства, происхождения и специфики различных культурных образований бронзового века Урало-Казахстанского региона. Это стимулирует более детально обратиться к материалам поселения Аркаим как с точки зрения историко-культурного подхода, так и с точки зрения современных требований публикации источников по древнему ткачеству. Настоящая работа посвящена исследованию технологических характеристик текстиля поселения Аркаим по его отпечаткам на сосудах. В ее задачи входит технологический анализ текстиля по оттискам-позитивам с отпечатков ткани на керамических сосудах, определение культурно-хронологического своеобразия текстиля

поселения Аркаим в сравнении с другими синташтинскими, петровскими и алакульскими памятниками бронзового века Южного Урала; обсуждение вопросов конструкции ткацких устройств и сырьевой базы ткачества синташтинской культуры.

Методика исследования

Методика исследования базируется на принципах структурного анализа археологического текстиля (Глушкова и др., 2011), адаптированных для работы по отпечаткам ткани на керамических сосудах бронзового века (Орфинская и др., 1999; Медведева, 2017). Из мелкодисперсной керамической массы были изготовлены оттиски с отпечатков ткани. С помощью оптической микроскопии (8–16-кратное увеличение) и макрофотографирования по оттискам-позитивам определены основные технологические параметры нити и ткани (равномерность плотности, натяжения, тип переплетения, толщина нити, крутка, порядок нити, плотность ткани на см², коэффициент плотности). Ввиду отсутствия кромок на образцах две взаимно перпендикулярные системы нитей текстиля определены как система 1 (более плотная) и система 2 (более редкая).

Технологические характеристики тканей

Выборка составила 91 образец керамики с отпечатками текстиля (16 фрагментов дна и придонной части сосудов, 75 фрагментов тулова). Это составляет около 1% фрагментов от всей керамической коллекции поселения, что несколько ниже доли керамики с отпечатками с поселения Каменный Амбар (3,17%) (Булакова, 2017, с. 70) и Устье-I (около 10%). Средняя сте-

пень пропечатки по шкале от 0 до 2 – 0,57.² Для анализа технологических характеристик ткани подходящими по степени пропечатки были отобраны 38 образцов (остальные недостаточно четкие) (табл. 1), из них 30 фрагментов тулова сосудов, 8 – dna и придонной части.

Для всех отпечатков текстиля реконструируется тканая фактура. Все образцы ткани имели полотняное переплетение. Толщина нитей колеблется от 0,4 до 1 мм, в среднем – 0,6 мм; характерна одинаковая толщина нитей основы и утка на большинстве образцов. Таким образом, толщина нитей – достаточно стандартизированный параметр в аркаимских тканях. Более вариабельна плотность ткани: она колеблется от 5×5 до 20×14 нитей на см², среднее значение – 11×7 нитей на см², таким образом, характерной чертой является большее число нитей по одной из систем. Коэффициент плотности также варьируется – от 1 (сбалансированное полотняное переплетение, количество нитей по двум системам равно) до 2,4 (репс, количество нитей по одной из систем более чем вдвое превышает количество нитей по другой системе), в среднем – 1,63.

Полотняное переплетение – самое древнее из всех ткацких переплете-

ний. Оно наиболее простое по своему строению. В старых учебниках поясняли этот тип переплетения: «Один пуст, один крыт, один пуст, один крыт»: уточная нить поочередно то перекрывает нить основы, то ныряет под нее, а в следующем ряду происходит все наоборот. Таким образом получается рисунок переплетения в шахматном порядке, одинаковый и с лицевой, и с изнаночной стороны. Тем не менее, несмотря на простоту исходной схемы переплетения, ткачи Аркаима использовали различные его вариации. Самой распространенной из них является ткань, в которой количество нитей по одной из систем значительно превышает количество нитей по противоположной системе (в этом случае можно говорить о так называемом репсовом эффекте). Это достаточно плотная, относительно тонкая ткань (толщина нитей колеблется в пределах 0,6–0,8 мм) с минимальными расстояниями по более плотной системе нитей, которая визуально часто скрывает более редкую систему (рис. 1). К этому типу относится 21 образец.

Вторая по частоте встречаемости разновидность полотняного переплетения – редкая сбалансированная ткань (рис. 2: 1–2). К ней относятся 10 образцов. Она имеет небольшую толщину нитей (не более 0,6 мм) и небольшую плотность по двум системам нитей и, как следствие, большие расстояния между нитями. Внешне отпечаток такой ткани можно сравнить с отпечатком современного бинта. Редкая ткань ввиду своей структуры была предрасположена к быстрому износу – каждый второй образец такой ткани имеет признаки прорех или обрывов нитей. Необходимо отметить, что от-

² Степень пропечатки оценивается по следующим критериям: 0 – нечеткий отпечаток текстиля без возможности достоверной фиксации технологических параметров ткани; 1 – нечеткий отпечаток текстиля, фиксируется плотность ткани и в нескольких участках – толщина нити; 2 – четкий отпечаток текстиля, фиксируется плотность, расстояние между нитями, толщина на большей части площади отпечатка, в ряде случаев – крутка.

Таблица 1
Технологические параметры тканей, реконструированные по отпечаткам на керамических сосудах из материалов поселения Аркаим

№ образца	Шифр (шт = 6ез шифра)	№ сосуда	Местонахождение	Зона текстильного отпечатка	Степень пропечатки	Тип переплетения	Толщина 1, мм	Толщина 2, мм	Плотность нитей на см ² , система 1	Плотность нитей на см ² , система 2	Коэффициент плотности	Нарушения раппорта	Повреждения	Разновидность переплетения	Порядок нити
1	1-4 7910		Внешняя стена, ров	тулово	1	полотняное	0,6	0,5	14	7	2,00	+	+	репс	I
2	1-13-323	1-13-323	Жилище 1-13	тулово	1	полотняное	0,8	0,8	9	6	1,50	-	-	мешковина	I
3	8331-8337		Внутренний ров у входа участок 1л-1к гл-18	тулово	1	полотняное	0,7	0,7	8	7	1,14	-	-	мешковина	I
4	8023		Внешний ров у входа в жилище 2-1 перед главным входом юз. 1м-1н, гл-31	тулово	1	полотняное	0,6	0,6	11	7	1,57	-	-	мешковина	I
5	8066-8071		Площадка у входа, 1м-1н, гл-29	тулово	2	полотняное	0,8	0,7	11	6	1,83	-	-	репс	II по системе I?
6	495у/297		Центральная площадь	дно	1	полотняное	0,6	0,6	11	6	1,83	-	-	репс	I
7	495у/635		к25, гл. 40 (-19)	тулово	1	полотняное	0,6	0,6	8	7	1,14	+	-	рогожка	I
8	495у/390		к25, гл. 40 (-19)	тулово	2	полотняное	0,4	0,4	11	10	1,10	-	-	редкая	I
9	495у/1180		Улица, ров	дно	1	полотняное	0,4	0,6	10	7	1,43	+	-	нет данных	I
10	295у/9295		13/44, -40-60, раскоп 21	тулово	2	полотняное	0,7	0,6	13	7	1,86	-	-	репс	I
11	495у/623		Центральная площадь	тулово	1	полотняное	0,7	0,5	14	9	1,56	-	-	репс	II по системе 1, I по системе 2
12	295у/8149		Центральная площадь, 1Б/32-33, гл-23	дно	2	полотняное	0,5	0,6	9	7	1,29	-	-	редкая	I
13	295у/7341		2-56 1м\20, -20-40	тулово	0	полотняное	0,6	0,6	12	7	1,71	-	-	репс	I
14	295у/9948		Участок ПИ/43	тулово	1	полотняное	0,7	0,6	13	6	2,17	-	-	репс	I

15	бш3			б/40-39, яма2, гл-90	тулово	1	полотняное	0,6	0,5	11	10	1,10	-	-	редкая	I
16	бш5			1ж/42	тулово	0	полотняное	0,9	0,8	10	6	1,67	-	-	репс	I
17	295у/9386			а39, яма 2, 110-130	тулово	1	полотняное	0,5	0,5	20	14	1,43	-	-	плотная	I
18	1232			13, 1и, 1ж/43-44, гл-20-60	тулово	2	полотняное	0,7	0,6	11	5	2,20	+	-	репс	I
19	бш6			1г-1д/21-22, гл-40-50	тулово	1	полотняное	0,6	0,6	15	7	2,14	-	-	репс	I
20	295у/9463	2-16-367д		Жилище 2-16 т14, гл-20-40	тулово и дно	2	полотняное	0,5	0,6	10	7	1,43	+	+	редкая	I
21	9748			Жилище 2-16	тулово и дно	1	полотняное	0,5	0,5	8	7	1,14	-	-	редкая	I
22	495у/437					1	полотняное	1	1	8	7	1,14	-	-	плотная	I
23	295у/1425			Жилище 2-3	тулово	1	полотняное	0,6	0,8	12	6	2,00	-	-	репс	I
24	1624			Жилище 1-11	дно	1	полотняное	0,8	0,8	5	5	1,00	-	-	мешковина	I
25	1-11-267	267		Жилище 1-11	тулово и дно	1	полотняное	0,6	0,6	12	5	2,40	-	-	репс	I
26	2-10-63	63		Жилище 2-10	тулово	1	полотняное	0,5	0,7	11	6	1,83	-	-	репс	I
27	бш10			Жилище 2-10	тулово	0	полотняное	0,5	0,5				+	+	редкая	I
28	2-13-86	86		Жилище 2-13	тулово	0	полотняное	0,5	0,5	8	5	1,60	+	+	редкая	I
29	6359, 5917			Жилище 1-7	тулово	1	полотняное	0,6	0,6	12	7	1,71	-	-	нет данных	I
30	3846			Жилище 1-7	тулово	1	полотняное	0,6	0,5	12	6	2,00	-	-	репс	I
31	2541			Жилище 1-9	тулово	1	полотняное	0,5	0,5	8	6	1,33	+	+	редкая	I
32	бш16			Жилище 1-11	тулово	2	полотняное	0,5	0,6	7	6	1,17	-	-	редкая	I
33	495у/232			Жилище 2-14, 2-15 и прилегающая улица	тулово	1	полотняное	0,6	0,6	13	8	1,63	-	-	репс	I
34	5562			Жилище 1-6	тулово	2	полотняное	0,7	0,5	14	7	2,00	+	-	репс	I
35	бш21			Жилище 1-6	тулово	2	полотняное	0,7	0,7	13	7	1,86	-	-	репс	I
36	5927			Жилище 1-6	тулово	0	полотняное	0,6	0,6	12	7	1,71	-	-	нет данных	I
37	1-11-265	265		Жилище 1-11	тулово	1	полотняное	0,8	0,7	11	6	1,83	-	-	репс	II
38	бш17			Жилище 1-7	тулово	2	полотняное	0,6	0,6	12	7	1,71	-	-	репс	I

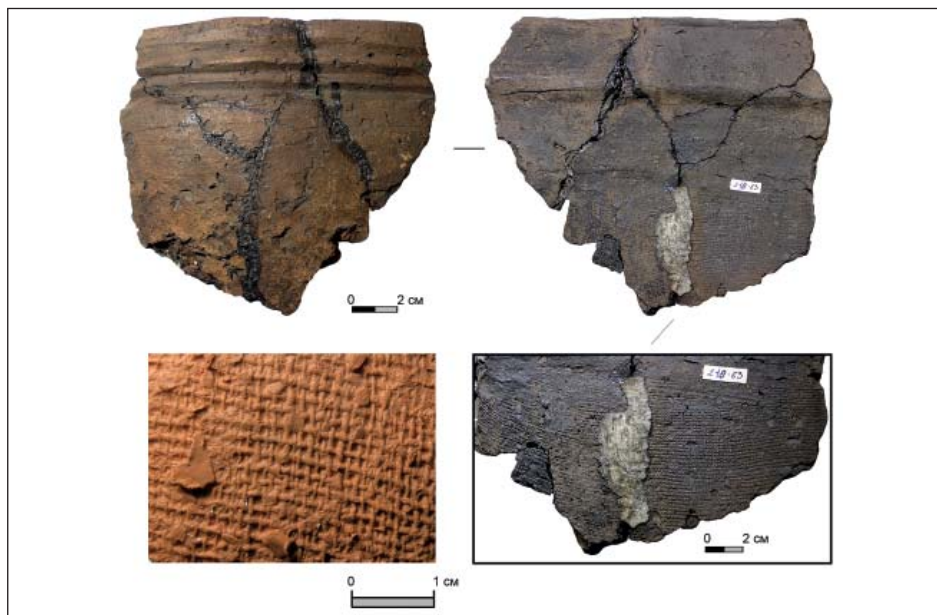

Рис. 1. Образец № 26. Фрагмент сосуда (№2-10-63) с отпечатками ткани полотняного переплетения на внутренней поверхности и их оттиск-позитив.

Fig. 1. Sample No. 26. Fragment of the vessel (No. 2-10-63) with impressions of tabby cloth on the inner surface and their impression-positive.

носительно большая доля такой ткани в выборке характерна именно для синташтинской культуры. Ближайшие аналогии прослеживаются по отпечаткам на синташтинской керамике могильника Кривое Озеро (Виноградов и др., 2017), Бестамак и Каменный Амбар-5. В более поздний период (на петровских и алакульских материалах) процент редкой ткани от общего количества изученных по отпечаткам образцов значительно снижается и представлен единичными случаями (Медведева, Алаева, 2017).

Следующая разновидность полотняного переплетения (4 образца) – так называемая мешковина – ткань сбалансированного полотняного переплетения с относительно толстыми (0,6–0,8 мм) нитями и большими расстояниями между ними. В переплетении хорошо различимы обе системы нитей. Это достаточно грубая и хоро-

шо растяжимая ткань, слишком толстая, оставляющая глубокие оттиски на сосуде (рис. 3). Неудобство ее применения и сложность заглаживания, вероятно, обусловили незначительную долю отпечатков такой ткани при лепке керамики.

Два образца ткани представлены плотным сбалансированным полотняным переплетением с минимальными расстояниями между нитями. В одном случае ткань изготовлена из тонких нитей (0,5 мм) и имеет самую высокую плотность из всех изученных образцов – 20×14 нитей на см². Во втором образце плотность минимальна (8×7 нитей на см²), но толщина нитей большая (1 мм), что обеспечивает такую ткань хорошими теплозащитными свойствами.

Наконец, один образец заслуживает особого внимания, так как впервые зафиксирован на материалах синташ-

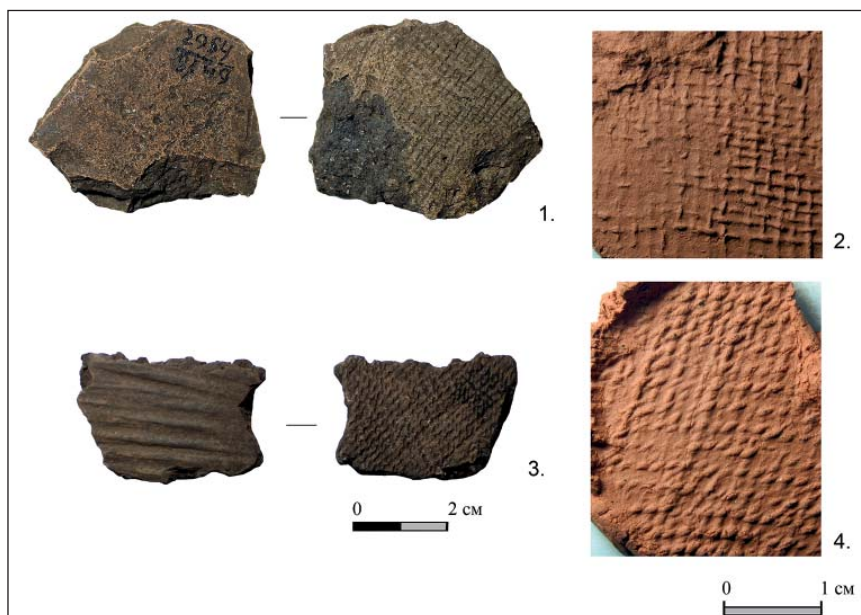

Рис. 2. Фрагменты сосудов с отпечатками ткани полотняного переплетения на внутренней поверхности и их оттиски-позитивы. 1–2 – образец № 12, фрагмент дна сосуда; 3–4 – образец № 16, фрагмент тулова сосуда.

Fig. 2. Fragments of vessels with imprints of tabby cloth on the inner surface and their impressions-positives. 1–2 – sample No. 12, fragment of the bottom of the vessel; 3–4 – sample No. 16, the fragment of the body's vessel.

тинской культуры. Несмотря на нечеткость отпечатка, можно предположить переплетение типа «рогожка», которое представляет собой производное от полотняного переплетения, при котором две нити основы перекрывают две нити утка (рис. 4). Рисунок переплетения нитей ярче выражен, чем в простом полотняном переплетении. Ткани, выработанные таким переплетением, плотные, достаточно мягкие и эластичные.

Ранее по отпечаткам текстиля на керамике Аркаима также было реконструировано использование ткани с перевитой основой. Такой вывод объяснялся наличием косо поставленного оттиска нитей под углом к общему направлению основы, который могла дать крученая нить, которая попарно перевивается с другой нитью, обра-

зую жгутик (Глушков, Глушкова, 1992, с. 99). Мы склонны интерпретировать такие отпечатки как следы ткани все того же полотняного переплетения, просто скошенного и перетянутого на стенках сосуда (рис. 2: 3–4). Подобные случаи известны на целых сосудах из могильника Кривое Озеро: на тулове наблюдаются «косо поставленные» оттиски, на дне сосуда отпечаток той же самой ткани имеет раппорт полотняного переплетения, где нити утка идут перпендикулярно нитям основы.

Таким образом, ткани Аркаима, зафиксированные по их отпечаткам на керамике, выполнены в различных вариантах исключительно полотняного переплетения. Как показывают исследования текстиля II тыс. до н. э. с других территорий Евразии, этот тип переплетения для бронзового

Рис. 3. Образец № 2. Фрагмент сосуда (№1-13-323) с отпечатками ткани на внутренней поверхности и на участке с отслоившимся внешним слоем глины.

Fig. 3. Sample No. 2. Fragment of the vessel (No. 1-13-323) with the imprints of the woven textile on the inner surface and on the site with the exfoliated outer layer of clay.

века был наиболее распространенным и уступил «пальму первенства» сарже только в раннем железном веке в начале I тыс. до н. э. Плотняное переплетение доминировало в тканях бронзового века соляных копей Гальштата (Gromer, 2016), одежде так называемых болотных людей Северной Европы (Randsborg, 2011, p. 23–31, 95), известно в материалах майкопской культуры Северного Кавказа (Shishlina et al., 2003, p. 336). Покрывала и одежда наиболее ранних таримских мумий начала II тыс. до н. э., в том числе и знаменитой Лоуланьской красавицы, также представлены простым плотняным переплетением (Mair, 2010). Эта текстильная традиция, по всей видимости, является новаторской для Южного Зауралья, учитывая отсутствие свидетельств ткачества в неолитических обществах охотников и собирателей, тем не менее она предстает уже в сложившемся виде и, воз-

можно, является одной из технологий, привнесенных на Южный Урал синташтинским обществом.

Используя классификацию тканей бронзового века, предложенную Кариной Грёмер по материалам соляных копей Гальштата (Gromer, 2016, p. 115), мы можем разделить все ткани Аркаима по плотности нитей на грубые (coarse), среднего качества (medium fine), тонкие (fine) и очень тонкие (very fine). По отпечаткам ткани к категориям грубых будет отнесен только один образец, превалируют тонкие ткани с плотностью 11–15 нитей на см². В материалах бронзового века Гальштата, по хронологии более поздних, чем Аркаим (13–12 вв. до н. э.), подавляющее большинство тканей представлено грубыми образцами. Разумеется, такое различие в пользу превалирования более качественных тканей в материалах Аркаима связано с отбором тонких тканей для кера-

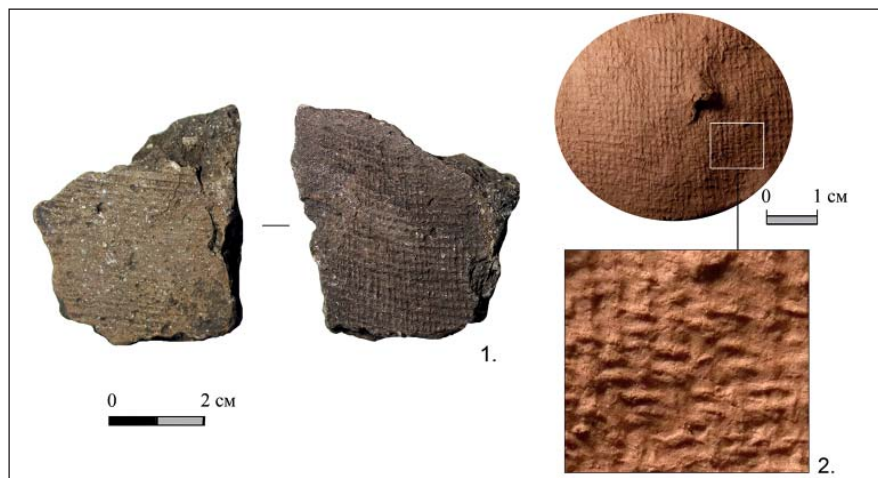

Рис. 4. Образец № 7. Фрагмент сосуда с отпечатками ткани полотняного переплетения (рогожка) на внутренней поверхности и их оттиск-позитив.

Fig. 4. Sample No. 7. Fragment of the vessel with imprints of woven textile (basket-weave) on the inner surface and their impression-positive.

мического производства (на толстом текстиле лепить горшки неудобно), тем не менее это сравнение отражает достаточно высокий уровень развития ткацких навыков для этого периода в сравнении с другими доступными источниками Евразии.

Интересным сюжетом представляется достаточно большое количество нарушений текстиля, отмеченных по отпечаткам ткани. 9 из 38 образцов демонстрируют нарушения раппорта в виде сдвоенных или «сбежавшихся» нитей. Существуют два варианта интерпретации таких нарушений, как ткацкие ошибки либо как повреждение ткани. Для образцов Аркаима более предпочтителен второй вариант. Во-первых, в 6 случаях сдвоенные нити сопряжены с явными прорехами. На остальных фрагментах произошли микро-повреждения, связанные с обрывами нитей по одной из систем, вероятнее всего, в процессе использования.

Большая доля повреждений, выявленных по отпечаткам, указывает на

вторичное использование старых изделий в керамическом производстве. Несмотря на то что реальные образцы археологической ткани синташтинской культуры не обнаружены³, ткань полотняного переплетения с аналогичными синташтинскими параметрами выявлена в погребении 8 Алексеевского могильника в Поволжье (памятник потаповского типа) (Медведева и др., 2017). Учитывая, что эта ткань являлась фрагментом рукава, можно предположить, что первоначально ткани сходных технологических параметров использовались для пошива летней нательной одежды, а уже потом, обветшав, применялись для лепки сосудов.

Конструкция ткацкого станка

Обратимся к реконструкциям ткацких станков, известных по археологической литературе для эпохи бронзы Южного Урала. Первая

³ За исключением поселения Каменный Амбар, технологический анализ образца не опубликован.

Таблица 2

Примеры различий в плотности тканей полотняного переплетения бронзового века из материалов Аркаима и соляных копей Гальштата

Категории ткани Памятники	Грубая (coarse) 1–5 нитей на см ²	Среднего качества (medium fine) 6–10 нитей на см ²	Тонкая (fine) 11–15 нитей на см ²	Очень тонкая (very fine) Более 15 нитей на см ²
Аркаим	26	18	3	2
Гальштат	1	13	23	1

попытка реконструировать ткацкий станок бронзового века на основе анализа образцов с петровских и алакульских памятников (поселения Кулевчи III, Петровка II, Новоникольское I, могильник Кенес) была предпринята И.Л. Чернаем. Автор предполагал использование относительно примитивной конструкции – рамы для натяжения нитей основы с ручным перебором точной нити в одну сторону и механическим пробросом обратно в единственный имеющийся ткацкий зев (Чернай, 1985, с. 99). И.Г. Глушковым и Т.Г. Глушковой была предложена реконструкция устройств в зависимости от выделенных ими типов ткани, в том числе и по образцам Аркаима (Глушков, Глушкова, 1992, с. 101, 107). Так, ткань типа репса могла быть изготовлена на относительно примитивном устройстве, предложенном И.Л. Чернаем, на что указывают ткацкие ошибки и неравномерность натяжения. Однако для производства ткани с редким полотняным переплетением такое устройство, по мнению авторов, не подходит. Это связано с тем, что в отличие от репса ткани с редким полотняным переплетением имеют постоянный интервал между нитями основы. Такого эффекта можно добиться, если зафиксировать нити при помощи какого-либо приспособления (нитченки, ремизки, берда).

Поэтому для производства этого вида ткани использовался более сложный станок. Исследование образцов отпечатков тканей синташтинской культуры, проведенное О.В. Орфинской (Орфинская и др., 1999, с. 72), также не исключало возможность применения как примитивного станка, так и классического станка с ремизкой.

Мы склоняемся к тому, что все ткани, изученные по отпечаткам на керамике Аркаима, были изготовлены на классическом ткацком станке. Под классическим ткацким станком подразумевается устройство с приспособлением для формирования второго ткацкого зева (ремизкой), в котором уточная нить вводится уже только за счет механического проброса в обе стороны. В пользу существования классического станка в синташтинском обществе существует ряд аргументов как технологического (Орфинская и др., 1999, с. 69), так и культурно-исторического характера. Во-первых, большинство неповрежденных образцов ткани демонстрировали равномерную плотность и натяжение. Во-вторых, нарушения раппорта ткани связаны с обрывами нитей, а не с ткацкими ошибками. В-третьих, вслед за И.Г. Глушковым и Т.Н. Глушковой, следует отметить наличие редкой ткани, для изготовления которой требуется нитеразделяющее

устройство. В-четвертых, по аналогиям из погребальных памятников (сосуды из могильников Кривое Озеро и Степное VII) можно предположить относительно большую ширину ткацкого куска, до 50 см – известны крупные сосуды, внутреннюю поверхность которых практически полностью покрывают отпечатки ткани без следов швов (Куприянова, 2008, с. 83). Все эти признаки указывают на применение классического ткацкого станка для создания тканей Аркаима, хотя вопросы его конструкции (вероятно, полностью состоявшей из дерева) остаются за гранью исследования. Учитывая отсутствие в коллекциях синташтинских памятников категории изделий, надежно атрибутированных как ткацкие грузики, можно предположить использование горизонтального (ground-loom) или вертикального двухнавойного станка (two-beam loom), не оставляющих материальных следов в культурном слое.

Сырьевая база ткачества

Дискуссионным является вопрос о сырьевой базе ткачества Аркаима. Специалисты пытались выделить признаки, которые, по их мнению, могли бы свидетельствовать о растительном или животном происхождении ткани, отпечатавшейся на сосудах. К этим характерным чертам относились винтообразное искривление нитей, свидетельствующее о шерстяном волокне (Виноградов, Мухина, 1985, с. 81), четкость и глубина отпечатков (Глушков, Глушкова, 1992, с. 103), особенности строения волокон (Галиуллина, 2000, с. 102). Все названные критерии достаточно спорны. Винтообразное искривление имеют все спряденные нити вне зависимости от характера сырья. Четкость и глубина отпечат-

ков одной и той же ткани на одном сосуде может быть совершенно различной либо зависеть от состава формовочной массы. Отдельно следует пояснить вывод М.В. Галиуллиной о растительном происхождении сырья для всех тканей Аркаима, аргументированный различием в структуре волокон. Дело в том, что толщина нитей аркаимских тканей не превышает 1 мм. Большой удачей для исследователя является возможность разглядеть тип переплетения и крутку нити, не говоря уже о волокнах нити. Действительно, данные текстильного материалообразования демонстрируют различия в структуре волокон растительного и животного происхождения. Однако эти различия фиксируются при большом увеличении, в 200–400 раз. Даже самая хорошо отмученная глина, не говоря уже об относительно крупнодисперсной формовочной массе синташтинских и петровских сосудов с примесями талька и шамота, не способна передать различия в поверхности волокна. Таким образом, можно констатировать отсутствие надежных методов, определяющих характер сырья для тканей по их отпечаткам на керамике синташтинской культуры.

Тем не менее существуют ряд косвенных аргументов в пользу преобладания шерстяного волокна над растительным в ткацком производстве Аркаима. Прежде всего, на это указывает животноводческая основа хозяйства и высокий удельный вес мелкого рогатого скота, преимущественно овцы. Соотношение взрослых, полувзрослых и молодых особей овец (44,1, 41,4 и 14,5% соответственно), выявленное по костным остаткам, свидетельствует о мясо-шерстном направлении (Косинцев, 2000,

с. 33). Палеоботанические исследования культурного слоя синташтинских укрепленных поселений говорят об отсутствии культивируемых растений, используемых в производстве текстиля. Присутствуют следы рудеральных (сорных) растений – крапивы и дикой конопли (Приходько и др., 2014, Ruhl, 2014, с. 418), теоретически пригодных для изготовления тканей, однако их доля невелика – не более 1% в материалах поселения Аркаим. Это позволяет предположить, скорее, второстепенный характер растительного волокна в текстильном производстве, более пригодного для плетения сетей и иных неткацких текстильных изделий.

К сожалению, находки тканей бронзового века на Южном Урале – событие редкое, еще более редкое событие – их материаловедческий анализ. Часто определение происходит «на глазок», что мешает составить ясную картину о соотношении доли растительного или животного сырья в ткачестве бронзового века. Тем не менее надежно атрибутированные существующие аналогии тканей в потаповских памятниках Поволжья и алакульских памятниках Северного Казахстана сделаны из шерсти (Орфинская, Голиков, 2010, 120–121; Медведева и др., 2017).

Заключение

В целом ткани Аркаима представляются как результат сформирован-

ной и широко распространенной в среде синташтинского населения текстильной традиции. Она базировалась на изготовлении тканей различных вариантов полотняного переплетения с использованием классического ткацкого станка (редкого и плотного сбалансированного, с репсовым эффектом, рогожки). Эта традиция, вероятно, не могла быть заимствованной у местных охотников-рыболовов энеолита Южного Зауралья как минимум по причине отсутствия у последних свидетельств ткачества как такового (Чернай, 1985, Глушков, Глушкова, 1992). Следовательно, ткачество могло бы быть точно такой же синташтинской технологической инновацией, наряду с металлопроизводством, строительством укрепленных поселений и колесничим комплексом. В других регионах Евразии, как и на Южном Урале, полотняное переплетение доминировало на протяжении всей эпохи бронзы, сменяясь саржевым только в раннем железном веке в начале I тыс. до н. э. Скотоводческий характер синташтинского общества с мясо-шерстной специализацией овцеводства, а также аналогии тканей в генетически связанных с синташтинским обществом памятников позволяют предположить высокую долю шерсти в текстильном производстве Аркаима.

Благодарности. Автор выражает глубокую признательность Геннадию Борисовичу Здановичу, Дмитрию Геннадьевичу Здановичу и Татьяне Сергеевне Малютиной за предоставленные материалы, помощь и ценные советы при проведении исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов Н.Б., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., Медведева П.С.* Образы эпохи. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: АБРИС, 2017. 400 с.

2. *Виноградов Н.Б., Мухина М.А.* Новые данные о технологии гончарства у населения алакульской культуры Южного Зауралья и Северного Казахстана // *Древности Среднего Поволжья* / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышевский гос. университет, 1985. С. 79–84.
3. *Галиуллина М.В.* К реконструкции сырьевой базы ткацкого производства на поселении эпохи бронзы Аркаим // *Археологический источник и моделирование древних технологий: труды музея–заповедника Аркаим: сб. научных трудов* / Науч. ред. С.Я. Зданович. Челябинск: Институт истории и археологии УО РАН, 2000. С. 95–103.
4. *Глушков И.Г., Глушкова Т.Н.* Текстильная керамика как исторический источник (по материалам бронзового века Западной Сибири). Тобольск: ТГПИ, 1992. 130 с.
5. *Глушкова Т.Н., Ёлкина А.К., Ёлкина И.И.* Методика исследования археологического текстиля (опыт обобщения): научно–методическое пособие. Сургут: СурГПУ, 2011. 147 с.
6. *Гутков А.И.* Техника и технология изготовления керамики поселения Аркаим // *Аркаим. Исследования, поиски, открытия* / Ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: Каменный пояс, 1995. С. 135–147.
7. *Древнее Устье. Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье: коллективная монография* / Отв. ред. Н.Б. Виноградов. Челябинск: Абрис, 2013. 484 с.: ил.
8. *Етимахов А.В.* Ранние комплексные общества Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. 192 с.
9. *Зданович Г.Б.* Аркаим — культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // *РА. 1997. № 2*. С. 47–63.
10. *Куприянова Е.В.* Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как «текст»: (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: АвтоГраф, 2008. 244 с.
11. *Малютина Т.С., Зданович Г.Б.* Керамика Аркаима: опыт типологии // *РА. 2004. № 2*. С. 67–82.
12. *Медведева П.С., Алаева И.П.* Ткани бронзового века в Южном Зауралье и Северном Казахстане // *Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 1 (36)*. 2017. С. 5–13.
13. *Медведева П.С., Мочалов О.Д., Орфинская О.В.* Древнейшие свидетельства ткачества в Поволжье (по материалам из памятников потаповского типа) // *Stratum Plus*. 2017. № 2. С. 345–358.
14. *Орфинская О.В., Голиков В.П.* Экспериментальное исследование текстильных изделий из раскопок могильника Лисаковский II // *Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций* / Приложение 1. Караганда; Лисаковск, 2010. С. 114–124
15. *Орфинская О.В., Голиков В.П., Шишлина Н.И.* Комплексное экспериментальное исследование текстильных изделий эпохи бронзы Евразийских степей // *Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей* / Труды ГИМ. Вып. 109. Москва, 1999. С. 58–185.
16. *Приходько В.Е., Иванов И.В., Зданович Д.Г., Зданович Г.Б., Манахов Д.В., Инубуши К.* Аркаим – укрепленное поселение эпохи бронзы степного Зауралья: почвенно-археологические исследования. М.: ИД "Типография" Россельхозакадемии, 2014. 264 с.
17. *Чернай И.Л.* Текстильное дело и керамика по материалам из памятников энеолита-бронзы Южного Зауралья и Северного Казахстана // *Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья: Межвуз. сб.* / Отв. ред. С.Я. Зданович. Челябинск: Челябинский государственный университет, 1985. С. 93–109.

18. Barber, E. J. W. Prehistoric textiles: the development of cloth in the Neolithic and Bronze age with special reference to the Aegean. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1991.

19. Gromer K. The Art of Prehistoric Textile Making. The development of craft traditions and clothing in Central Europe. - Vienna: Natural History Museum Vienna, 2016. 535 p.

20. Mair V. The Mummies of East Central Asia. Expedition. Vol. 52 № 3. 2010. Pp. 23-32.

21. Randsborg K. Bronze Age textiles. - London: Bristol Classical Press, 2011. – 176 p.

22. Ruhl, Lisa, Christoph Herbig and Astrid Stobbe. Archaeobotanical analysis of plant use at Kamennyi Ambar, a Bronze Age fortified settlement of the Sintashta culture in the southern Trans-Urals steppe, Russia. *Veget Hist Archaeobot* 24. 2015. Pp. 413–426.

23. Shishlina N.I., Orfinskaya O.V., Golikov V.P. Bronze Age textiles from the North Caucasus: new evidence of fourth millennium BC fibres and fabrics. *Oxford Journal of Archaeology*. 22 (4). 2003. Pp. 331-344.

Информация об авторе:

Медведева Полина Сергеевна, младший научный сотрудник, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, НИЛ "Археологические исследования и школьное археологическое краеведение" (г. Челябинск, Россия); polenke@yandex.ru

ARKAIM TEXTILE

P.S. Medvedeva

The paper highlights the results of research of textile impressions on the inside of fragments of ceramic vessels from the collection of fortified settlement Arkaim in the Southern Trans-Urals. The technological characteristics of textiles, reconstructed on the basis of the analysis of impressions-positives from imprints, are given. All textiles have a woven structure, represented by different variants of tabby weave. A large proportion of damage on the textiles indicates their secondary use in pottery, whereas initially the products could be part of the garment. Technological parameters of the fabrics indicate the use of a classic loom, the closest analogies are traced in other funeral sites of the Sintashta culture (cemeteries Kamenny Ambar-5, Krivoye Ozero, Bestamak and others).

Keywords: archaeology, the Bronze Age, weaving, Arkaim, Sintashta culture, Southern Trans-Urals, textile impressions.

REFERENCES

1. Vinogradov, N. B., Degtyareva, A. D., Kuzminykh, S. V., Medvedeva, P. S. 2017. *Obrazy epokhi. Mogil'nik bronzovogo veka Krivoe Ozero v Yuzhnom Zaural'e (Images of the Era. Krivoye Ozero Bronze Age Burial Ground in the Southern Trans-Urals)*. Chelyabinsk: "ABRIS" Publ. (in Russian).

2. Vinogradov, N. B., Mukhina, M. A. 1985. In Matveeva, G. I. (ed.). *Drevnosti Srednego Povolzh'ia (Antiquities of the Middle Volga Area)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 79–84 (in Russian).

3. Galiullina, M. V. 2000. In Zdanovich, S. Ya. (ed.). *Arkheologicheskiy istochnik i modelirovanie drevnikh tekhnologiy: trudy muzeya-zapovednika Arkaim: sb. nauchnykh trudov (Archaeological Sources and Modeling of Ancient Technologies: Proceedings of Museum-Reserve Arkaim)*. Chelyabinsk:

The study was supported by the (RFBR). Project No. 18-09-00015 "The Golden Fleece" of the Bronze Age of Northern Eurasia: Analysis of the Cultural, Geographic and Chronological Contexts"; project No. 16-31-01077 "Bronze Age weaving of the Volga-Ural Region"

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for History and Archaeology, 95–103 (in Russian).

4. Glushkov, I. G., Glushkova, T. N. 1992. *Tekstil'naya keramika kak istoricheskiy istochnik (po materialam bronzovogo veka Zapadnoy Sibiri) (Textile Ceramics as a Historical Source (on the Basis of Bronze Age Materials from Western Siberia))*. Tobolsk: Tobolsk State Pedagogical Institute (in Russian).

5. Glushkova, T. N., Elkina, A. K., Elkina, I. I. 2011. *Metodika issledovaniya arkeologicheskogo tekstilya (opyt obobshheniya): nauchno–metodicheskoe posobie (Methods of Studying Archaeological Textiles (Generalization Experience))*. Surgut: Surgut State Pedagogical University (in Russian).

6. Gutkov, A. I. 1995. In Zdanovich, G. B. (ed.). *Arkaim. Issledovaniia, poiski, otkrytiia (Arkaim. Studies, Searches and Discoveries)*. Cheliabinsk: “Kamennyi poias” Publ., 135–147 (in Russian).

7. In Vinogradov, N. B. (ed.). 2013. *Drevnee Ust'e. Ukreplennoe poselenie bronzovogo veka v Iuzhnom Zaural'e: kollektivnaia monografiia (Ancient Ustie. Fortified Settlement of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals: Collective Monograph)*. Cheliabinsk: “Abris” Publ. (in Russian).

8. Epimakhov, A. V. 2005. *Rannie kompleksnye obshchestva Tsentral'noi Evrazii (po materialam mogil'nika Kamennyi Ambar-5) (Early Complex Societies of Central Eurasia (Based on Materials of Kamenny Ambar-5 Burial Ground))* 1. Cheliabinsk: “Cheliabinskii dom pechati” Publ. (in Russian).

9. Zdanovich, G. B. 1997. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 47–63 (in Russian).

10. Kupriianova, E. V. 2008. Ten' zhenshchiny: Zhenskii kostium epokhi bronzy kak «tekst»: (po materialam nekropolei Iuzhnogo Zaural'ia i Kazakhstana). (*Shadow of a Woman: Women's Costume of the Bronze Age as a “Text Source”: (on Materials from the Necropoleis of the Southern Urals and Kazakhstan)*). Chelyabinsk: “AvtoGraf” Publ. (in Russian).

11. Zdanovich, G. B., Maliutina, T. S. 2004. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 67–82 (in Russian).

12. Medvedeva, P. S., Alaeva, I. P. 2017. In *Vestnik arkeologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 36 (1), 5–13 (in Russian).

13. Medvedeva, P. S., Mochalov, O. D., Orfinskaya, O. V. 2017. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 345–358 (in Russian).

14. Orfinskaia, O. V., Golikov, V. P. 2010. *Kostium zhenshchiny epokhi bronzy Kazakhstana. Opyt rekonstruktsii (Women's Costume of the Bronze Age from Kazakhstan. Reconstruction Experience)*. Karaganda; Lisakovsk, 114–124 (in Russian).

15. Orfinskaia, O. V., Golikov, V. P., Shishlina, N. I. 1999. In *Tekstil' epokhi bronzy Evraziiskikh stepei (Textile of the Bronze Age of Eurasian Steppes)*. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 109. Moscow: State Historical Museum, 58–185 (in Russian).

16. Prikhodko, V. E., Ivanov, I. V., Zdanovich, D. G., Zdanovich, G. B., Manakhov, D. V., Inubushi, K. *Arkaim – ukreplennoe poselenie epokhi bronzy stepnogo Zaural'ya: pochvenno-arkheologicheskie issledovaniya (Arkaim – the Bronze Age fortified settlement of the steppe Trans-Ural: soil-archaeological research)*. Moscow: “Typography” Publ. (in Russian).

17. Chernai, I. L. 1985. In Zdanovich, S. Ya. (ed.). *Eneolit i bronzovyi vek Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ia (Eneolithic and Bronze Age of the Ural-Irtysh Interfluve)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 93–109 (in Russian).

18. Barber, E. J. W. 1991. *Prehistoric textiles: the development of cloth in the Neolithic and Bronze age with special reference to the Aegean*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

19. Gromer, K. 2016. *The Art of Prehistoric Textile Making. The development of craft traditions and clothing in Central Europe*. Vienna: Natural History Museum Vienna.

20. Mair, V. 2010. In *The Mummies of East Central Asia. Expedition*. Vol. 52. № 3. 2010. 23–32.

21. Randsborg, K. 2011. *Bronze Age textiles*. London: Bristol Classical Press.

22. Ruhl, Lisa, Christoph Herbig and Astrid Stobbe. 2015. Archaeobotanical analysis of plant use at Kamennyi Ambar, a Bronze Age fortified settlement of the Sintashta culture in the southern Trans-Urals steppe, Russia. *Veget Hist Archaeobot*, 24. 413–426.

23. Shishlina, N. I., Orfinskaya, O. V., Golikov, V. P. 2003. In *Oxford Journal of Archaeology*. 22 (4). 331–344.

About the Author:

Medvedeva Polina S. South Ural State Gumanitarian-Pedagogical University, Lenin Ave., 69, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation; polenke@yandex.ru

Статья поступила в номер 17.07.2018 г.

Археологические исследования первобытной эпохи и раннего железного века

УДК 903-4 903.01

<https://doi.org/10.24852/2018.3.25.208.220>

СЛЕДЫ ПАЛЕОЛИТА НА ЮЖНОМ БЕРЕГУ ТАГАНРОГСКОГО ЗАЛИВА И В ДЕЛЬТЕ ДОНА¹

© 2018 г. Ю.Н. Зоров, А.В. Колесник, А.К. Очередной

В публикации вводятся в научный оборот не известные или слабо изученные памятники среднего и позднего палеолита, обнаруженные при различных обстоятельствах вдоль южного берега залива и в дельте Дона. Систематическое изучение палеолита Северо-Восточного и Восточного Приазовья проводится с 30-х годов прошлого века. Накоплен значительный корпус памятников раннего, среднего и позднего палеолита, при этом основное количество памятников изучено на северном побережье Таганрогского залива и на Нижнем Дону. Южное побережье Таганрогского залива до сих пор обращало на себя внимание специалистов по четвертичному периоду благодаря, в основном, хорошим геологическим разрезам и памятникам палеонтологии. Все находки представлены сборами на поверхности. Наиболее интересные коллекции каменных орудий собраны у сел Маргаритово и Семибалки Азовского района Ростовской области. Находки среднего палеолита находят аналогии в комплексах т.н. «восточного микока» Северного Приазовья. Авторы делают вывод о том, что находки верхнего палеолита близки стандартам ориньякского технокомплекса.

Ключевые слова: археология, Приазовье, Таганрогский залив, дельта Дона, палеолит, ориньякский технокомплекс, восточный микок.

Введение

Практически на всем протяжении континентального участка побережья Азовского моря, в том числе на южном берегу Таганрогского залива, хорошо развиты отложения среднего и позднего плейстоцена, представленные различными субаквальными и субаэральными седиментами. Они вызывают повышенный интерес у геологов и палеонтологов в связи с

естественными геологическими разрезами значительной мощности, а также многочисленными останками ископаемых животных, относящимися к нескольким фаунистическим комплексам. Хорошо известны стратотипические разрезы и палеонтологические объекты у с. Семибалка (Байгушева и др., 2016), г. Порт-Катон (Байгушева, Титов, 2000) и в других местах (Байгушева, Титов, 2001; Ве-

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0012 «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде», а также при поддержке РФФИ (проект № 17-06-00355а «Хроностратиграфическая корреляция и культурная дифференциация памятников позднего среднего палеолита Русской равнины на фоне природных изменений середины последнего ледниково-межледникового макроцикла»).

лично и др., 2009) данного участка Приазовья. Вместе с тем пристальное внимание специалистов по четвертичному периоду не привело к открытию в пределах этого микрорайона выраженных следов человеческой деятельности палеолитической эпохи.

К южному берегу Таганрогского залива географически тяготеет дельта Дона, в пределах которой отмечены единичные палеолитические находки (Алексеев, 1970; Гвоздовер, 1959; Шилов, 1956).

Выразительные памятники раннего палеолита в сопровождении костей животных фаунистического комплекса были известны в Южном Приазовье пока только на северном побережье Таманского полуострова. Здесь обнаружены древнейшие в Восточной Европе памятники человеческой деятельности, возраст которых превышает 1,5 млн лет (Щелинский, Кулаков, 2009).

В результате археологического мониторинга южного побережья Таганрогского залива и изучения фондовых собраний Азовского археологического и палеонтологического музея-заповедника удалось выявить несколько новых памятников палеолитической эпохи, а также расширить наши представления об уже известных пунктах сбора находок. Данный район целиком входит в Ростовскую область Российской Федерации. Памятники на южном берегу Таганрогского залива фиксируются по поверхностным сборам на морском побережье и в значительной степени обратили на себя внимание благодаря деятельности ряда историков-краеведов.

Настоящая публикация вводит в научный оборот несколько новых памятников среднего и верхнего палео-

лита. Практически все палеолитические каменные изделия собраны на морском побережье и являются компонентом особых археологических тафономических ловушек, связанных с накоплением разновременных артефактов в пределах прибойной зоны морского пляжа. Разновременные археологические находки на пляжах Азовского морского побережья достаточно хорошо известны, в том числе находки палеолитических артефактов (Праслов, 1968; Колесник, 2003), однако системная тафономическая оценка археологических остатков такого типа еще не проводилась.

Вопросы археологической тафономии

Зона морского прибоя занимает важное место в функционировании морского бассейна. Она образует особую пограничную зону, находящуюся в динамичном состоянии. Динамика этой зоны определяется ритмичными сезонными и внутрисезонными колебаниями фаз абразии и аккумуляции пляжной фации осадков. Как известно, в настоящее время акватория Азовского моря переживает трансгрессивную стадию развития (Шнюков, Усенко, 1974), поэтому в прибойную зону неизбежно попадают отсортированные продукты абразии берегового клифа. Эти разновременные продукты, включая артефакты разных эпох, концентрируются в базальной части пляжных осадков в виде узкой полосы на уровне вреза прибоя в коренные континентальные и морские породы. Базальная часть пляжной фации морских отложений сезонно подпитывается мелкообломочным материалом, мигрирующим в прибойной зоне.

Эффект прибойной волны приводил к выталкиванию мелких предме-

тов по дну в зону прибойной линии. Направление течения в прибойной зоне зависит от многих факторов, суммирующих общее течение в Таганрогском заливе, ветровые нагоны и естественные волнообразные колебания упругой водной среды. Очевидно преобладание вектора пробойной волны, направленного в основном перпендикулярно береговой кромке. Вероятно также минимальное перемещение вдоль пляжа предметов, вымытых морской абразией непосредственно из берегового обрыва. Сохранность кремневых изделий, собранных в районах «открытого» моря, как правило, удовлетворительная, кремни сохраняют острые грани и не оглажены.

Иная сохранность у кремней, найденных на пляжах на внешней стороне песчаных кос. Вероятно, здесь накапливались изделия, вымытые донным течением из размытых отложений древних пляжей, находящихся в акватории моря на некотором удалении от современной береговой кромки. Длительное пребывание в морской воде и транспортировка на значительное расстояние делала эти изделия легко узнаваемыми. Они интенсивно окатаны, покрыты фарфоровидной патиной с мелким ячеистым разрушением и толстым белесым слоем под патиной; во многих случаях кремневое вещество полностью преобразовано в легкую белесую массу. Примечательно, что кремни с такой степенью деструкции относятся не только к палеолиту, но также к неолиту и энеолиту.

Генезис песчаных кос побережья Азовского моря достаточно подробно разработан в геологической литературе, в первую очередь, для северного побережья. Специфика осадконакопления в северной зоне Азовского

моря в период так называемой новоазовской трансгрессии (начиная с финала плейстоцена) обусловила существование ряда надводных аккумулятивных форм в виде песчано-галечных кос, длина которых нарастает с востока на запад. Прибрежные участки моря у основания кос со стороны дельты Дона являются наиболее активными зонами размыва. На поверхности современного дна в основании кос обнажаются более древние отложения, чем голоценовые. Осадки пляжа кос формируются под действием прибойного потока (Демек, 1977, с. 136). Водный поток вымывает тонкодисперсные частицы и отсортировывает крупнообломочный материал, современный раковинный детрит. Североприазовская прибрежная область является зоной транзита и слабой аккумуляции донных отложений (Шнюков, Григорьев, 1974, с. 215). Таким образом, восточные и юго-восточные пляжи кос являются своеобразными «ловушками», в которых накапливается разновременная крупная фракция продуктов абразии дна и береговых участков.

Накопление разновременных артефактов в песчаных отложениях дельты Дона происходило по более сложному сценарию, так как здесь отмечаются ярко выраженные формы эолового рельефа (древние и современные дюны), со своим особым генезисом. Погранично низкое положение дельты по отношению к современному уровню морского бассейна затрудняет поиск древней прибойной линии, в частности, ее погребенных форм.

Материалы

По результатам поверхностных сборов на морском пляже под береговыми обнажениями на южном берегу

Рис. 1. Карта-схема памятников.

Fig. 1. Map-scheme of the sites.

Таганрогского залива локализуются несколько местонахождений палеолитических изделий, вероятно, связанных с культурными слоями древних поселений, разрушенных многолетней морской абразией (рис. 1).

Маргаритово. Участок сборов кремневых изделий шириной 200–300 м локализуется в районе исторического ядра п. Маргаритово Азовского района Ростовской области. Фактически это мыс между морским побережьем и правым берегом р. Сухая Чубурка. Высота берегового клифа на этом участке составляет около 15 м.

Собранный на береговой кромке палеолитический подъемный материал распадается на два культурно-хронологических комплекса. Наиболее ранний комплекс датируется средним палеолитом и включает единичные кремневые и кварцевые изделия. К ним относятся кварцевый тонкий асимметричный бифас с двусторонней обработкой и выделенным в

основании обушком (рис. 2: 1), остаточный кремневый нуклеус с двусторонней радиальной оббивкой (рис. 2: 2) и кремневый фрагментированный асимметричный остроконечник (рис. 2: 3). Остроконечник отличается интенсивной обработкой.

Коллекция включает также значительное количество кремневых изделий, из которых 127 кремней по степени сохранности и технико-типологическим признакам можно выделить в самостоятельный верхнепалеолитический комплекс (табл. 1). Сохранность кремней хорошая, грани не оглажены. Патина поверхностная, в виде пятнистого бело-голубого налета. Часть кремней без патины. Выделяются кремни трех сырьевых групп. Кремни серого цвета с матовыми включениями внешне близки образцам кремней из геологических источников Южного Донбасса; количественно они преобладают. Встречаются также качественные стекловидные кремни светло-серой

Таблица 1

Маргаритово. Состав коллекции кремней верхнего палеолита.

№№	Тип изделия	количество
	Нуклеидные куски	2
	Нуклеусы разных типов	6
	Отбойники	2
	Отщепы первичные	3
	Отщепы полупервичные	14
	Отщепы вторичные 1-3 см	31
	Отщепы вторичные 3-5 см	15
	Отщепы вторичные 5-7 см	5
	Отщепы вторичные свыше 7 см	2
	Осколки	4
	Пластины	8
	Пластины с ретушью	6
	Скребки	11
	Кареноидные изделия	6
	Резцы	5
	Резцовый отщепок	1
	Микролиты	3
	Орудия индивидуальных форм	3
Всего		127

окраски, образцы буроватого галечно-го сырья, вероятно, местного происхождения.

Очевидно, что в сборы попала в основном крупная фракция кремневого инвентаря, т.е. комплекс, безусловно, является сортированным, тем не менее обращает на себя внимание большой удельный вес изделий со вторичной обработкой разных размеров, что с высокой долей вероятности отражает реальную структуру комплекса.

Верхнепалеолитический комплекс состоит из нуклеусов, различных скребков и резцов, пластин с ретушью, микролитических изделий. Среди небольших по размеру нуклеусов выделяются одоплощадочный с полуконическим рабочим фронтом экземпляр (рис. 2: 4), остаточные нуклеусы для отщепов (рис. 2: 6–7), крупный фрагмент участка нуклеуса с площадкой (рис. 2: 8). Один из остаточных кубовидных нуклеусов использовался в качестве отбойника (рис. 2: 5).

Группа скребков включает концевой скребок высокой формы (рис. 2: 11), скребки с выделенными «плечиками» (рис. 3: 5, 9), близкие к ним скребки с «носиками» (рис. 2: 10, 12–15), скребок на площадке пластины (рис. 3: 4), двойной концевой скребок (рис. 3: 8), короткие концевые скребки (рис. 3: 2) и скребки на отщепах (рис. 3: 6–7). Группа резцов также включает многочисленные индивидуальные формы (рис. 3: 11–13, 15–16, 18), в том числе «резец-струг» с ретушированной перемышкой (рис. 3: 17). Пластины представлены в основном обломками (рис. 3: 19–26; рис. 4: 1–2). Часть пластин имеют продольные ретушированные участки (рис. 3: 27–30; рис. 4: 3–4). Микроинвентарь состоит из скребковидных изделий (рис. 4: 5–6, 11), пластинки с продольным ретушированным участком (рис. 4: 8), мелкого отщепа с выемкой (рис. 4: 7), двух сегментовидных изделий (рис. 4: 9–10).

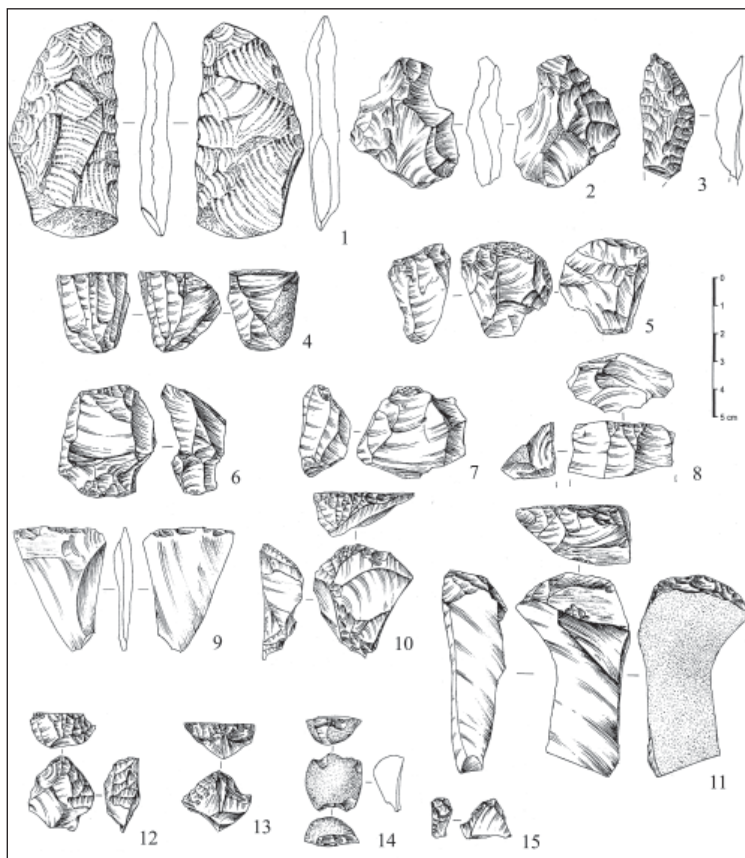

Рис. 2. Кварцитовые и кремневые изделия среднего (1–3) и верхнего (4–15) палеолита из Маргаритово.

Fig. 2. Quartzite and flint implements of Middle (1–3) and Upper (4–15) Paleolithic of the Margaritovo.

По сумме признаков, весьма вероятно гомогенность верхнепалеолитического комплекса из Маргаритово и принадлежность его к ориньякоидному технокомплексу, возможно, к мураловской археологической культуре, до этого известной на северном побережье Таганрогского залива и в низовьях Северского Донца.

Семибалки. В окрестностях п. Семибалки Азовского района Ростовской области локализуются минимум два участка сборов палеолитических кремней. Первый из них находится на пляже непосредственно к востоку от балки Конторской в районе высокого берегового обрыва. Второй участок расположен к западу от устья этой же балки. Оба участка непосредственно стыкуются между

собой, поэтому, возможно, относятся к одному памятнику археологии. Береговое обнажение к востоку от устья балки содержит разрез пород среднего и верхнего плейстоцена и в палеонтологической литературе известно как место сбора фауны эоплейстоценового времени (Байгушева и др., 2016).

На пляже напротив «восточного» обнажения найдены единичные изделия среднего палеолита. Кремний частично окатаны, патина варьирует от плотной «молочной», иногда со следами ожелезнения, до тонкой белой. Найдены асимметричное в плане двусторонне обработанное изделие из массивного отщепы с первичной коркой и плоско-выпуклым поперечным сечением (рис. 4: 15), асимметричный фрагментированный остроконечник

Рис. 3. Кремневые изделия верхнего палеолита из Магаритово (1–30).
Fig. 3. Flint implements of Upper Paleolithic of the Margaritovo (1–30).

из удлиненного отщеп с продольно-поперечной огранкой (рис. 4: 25), небольшой массивный пластинчатый отщеп с двухгранной площадкой.

Находки среднего палеолита на соседнем «западном» участке побережья более многочисленны. В эту группу входят типичные для регионального среднего палеолита кремневые изделия: нуклеус, массивный отщеп, скребла и остроконечники. Нуклеус одноплощадочный, с плоским рабочим фронтом (рис. 4: 13). Площадка образована серией поперечных сколов. Тыльная сторона корковая, основание утончено несколькими поперечными сколами. Рабочий фронт огранен параллельными сколами, низ фронта подправлен сколами с основания. Продольный скол вдоль одного из краев нуклеуса предназначался для

подъема выпуклости фронта. Крупный массивный пластинчатый скол с широкой ретушированной площадкой был отделен от подобного нуклеуса (рис. 4: 14). Орудийный набор включает массивное выпукло-вогнутое конвергентное скребло (рис. 4: 16), асимметричные конвергентные скребла (рис. 4: 18–19, 22), асимметричные остроконечники (рис. 4: 20, 23–24), обломок остроконечника (рис. 4: 21).

Помимо изделий среднего палеолита на местонахождении обнаружены единичные кремневые предметы верхнепалеолитического облика. Изделия этого условного культурно-хронологического комплекса не окатаны, покрыты тонкой белой патиной, иногда с неравномерным пятнистым покрытием. Это отбойник, сформированный из остаточного кубовидного

Рис. 4. Кремневые изделия верхнего палеолита из Маргаритово (1–12) и среднего палеолита из Семибалок (13–25).

Fig. 4. Flint implements of Middle (1–12) Paleolithic of the Margaritovo and Upper Paleolithic of the Semibalki (13–25).

нуклеуса (рис. 5: 1), одноплощадочный нуклеус для пластин в начальной стадии сработанности (рис. 5: 2), интенсивно сработанное кареноидное изделие (рис. 5: 3), резец на отщепе (рис. 5: 6), два коротких концевых скребка (рис. 5: 5, 8) и два пластинчатых скола (рис. 5: 7).

Единичные находки среднего и верхнего палеолита происходят из дельты Дона (рис.). В окрестностях п. Рогожино Азовского района Ростовской области в пределах низкой поймы в дельте Дона на протяжении многих лет ведутся интенсивные поисковые археологические работы. Они проводились в 1950-х – начале 1960-х годов, в 1970–1980-х годах, а также ведутся в настоящее время силами различных учреждений (Гуркин и др., 2010). Всего в окрестностях

п. Рогожино обнаружено не менее 13 разновременных пунктов, от палеолита до средневековья, при этом разведки носили в основном маршрутный характер, а находки собирались преимущественно «... в разрушенной части дельты – в котлованах рыбопродуктивных прудов» (Толочко, 2011, с. 362). На одном из памятников в отвалах прудов, в котловане прудов и на грунтовой дороге проводил сборы в 1950-е годы Н.К. Алексеев (Алексеев, 1970). Скорее всего, этот пункт соответствует пункту Рогожино I по номенклатуре, установленной В.В. Чалым в 1980-е годы. В опубликованной Н.К. Алексеевым коллекции кремневых изделий, относящейся преимущественно к энеолиту, представлены отдельные палеолитические изделия (там же, рис. 1: 1, 4, 8). Находки приурочен-

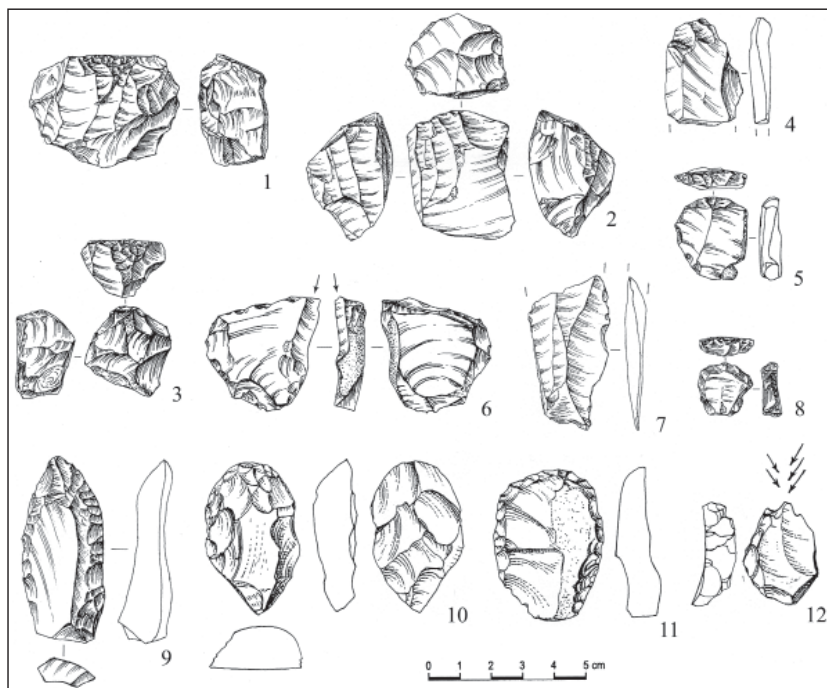

Рис. 5. Кремневые изделия верхнего палеолита из Семибалок (1–8), находки из Рогожино III (9–11) и Батай III (12).

Fig. 5. Flint implements of Upper Paleolithic of the Semibalki (1–8), implements of the Rogozhino III (9–11) and the Batay III (12).

ны к песчаным отложениям сложного генезиса. Одно изделие из сборов Н.К. Алексеева 1956 года ранее было опубликовано М.Д. Гвоздовер в качестве «орудия конца мустьерской эпохи» (Гвоздовер, 1959, рис. 1). В 1983–1984 годах на данном участке Донской поймы Чалым В.В., Завгородним А.М. и Гудищенко И.В. была собрана коллекция артефактов различных эпох, в том числе небольшая коллекция изделий среднего и верхнего палеолита. Многие кремни были найдены на дне затопляемых рыбо-разводных прудов рыбколхоза «Тихий Дон», в том числе на местонахождении **Рогожино III**. Памятник находится в 0.5 км к северу от одноименного поселка возле гирла Большая Кутерьма на правом берегу рукава Дона Каланча (Толочко, 2011, рис. 6). Собранные

кремни свежие, не окатаны, покрыты белой и бело-голубой пятнистой патиной. Среди них выделяется конвергентное скребло на тонком отщепе с конвергентной огранкой, относящееся к среднему палеолиту, и небольшая подборка изделий ориньякоидного вида: кареноидный скребок с уплощенной крупными сколами вентральной стороной (рис. 5: 10), концевой скребок с выпуклым лезвием (рис. 5: 11). Пункт **Рогожино IX** известен в основном благодаря остаткам разрушенного могильника античного времени. К среднему палеолиту относятся единичные находки. Это конвергентное изделие на удлиненном отщепе (рис. 5: 9). Единичный многофасеточный резец верхнепалеолитического облика происходит из местонахождения **Батай III** в дельте Дона (рис. 5: 12).

Заключение

1. Публикуемые материалы происходят из специфических археологических тафономических «ловушек пляжного типа», связанных с накоплением разновременных неоднократно перемытых артефактов в базальной части отложений деятельного морского пляжа. Среди этих ловушек логично различать две разновидности, приуроченные к участкам «открытого» моря, а также расположенные на восточной кромке, обращенной к устью Дона, песчано-гравийных кос. В ловушках первой разновидности частично сохраняется культурно-хронологический контекст включенных в них комплексов палеолитического времени. Палеолитические находки, происходящие из дельты Дона, также сохранились в переотложенном состоянии, однако тафономическая оценка этих местонахождений находится пока только на уровне постановки вопроса. Н.К. Алексеев верно отметил связь заселения поймы в палеолите с регрессивной стадией морского бассейна (Алексеев, 1970).

2. Немногочисленные изделия среднего палеолита из южного побережья Таганрогского залива находят широкие аналогии в комплексах среднего палеолита Донбасса и Северо-Восточного Приазовья, которые принято включать в условную группу индустрий «восточный микок». Донецко-приазовская группа этих памятников распадается на две терри-

ториальные подгруппы – донецкую и приазовскую. Приазовская группа, с учетом актуальных материалов, возможно, концентрировалась вокруг Таганрогского залива. Этому тезису не противоречит значительное типологическое сходство между находками из Семибалок и Носово, а также, возможно, Рожка.

3. Практически все находки верхнего палеолита имеют признаки ориньякского технокомплекса как в области технологии первичного расщепления, так и в области типологии изделий со вторичной обработкой. Единственный микролит мураловского типа из Маргаритово допускает связь этих комплексов с эпи-ориньякскими памятниками Северо-Восточного Приазовья. Благодаря многолетним и хорошо организованным раскопкам памятников (Леонова и др., 2006) и отдельным находкам (Колесник, Медведев, 2016) в северной части дельты Дона, а также раскопкам на берегу Миусского лимана (Праслов, 2001) и в низовьях Северского Донца (Щелинский, Праслов, 2006), в общих чертах установлена структура верхнего палеолита этого района в виде своеобразной бинарной культурной оппозиции. Она выглядит в виде двух фактически сосуществующих культур – мураловской и каменнобалковской. Публикуемые находки хорошо вписываются в эту структуру и дополняют ее новыми штрихами.

Благодарности. Авторы выражают благодарность дирекции Азовского археологического и палеонтологического музея-заповедника за разрешение опубликовать материалы из фондовых собраний, а также выражают признательность историкам-краеведам Косачу Н.С. за предоставленную информацию, благодарят дирекцию Маргаритовской ОШ за понимание важности данного научного проекта. Отдельная благодарность азовским коллегам Гусач И.Р., Фомичеву П.М. и Гордину И.В. за дружескую поддержку, советы и консультации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев Н.К.* Палеолитическое местонахождение в дельте Дона // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. Вып. 37 / Отв. ред. В.И. Громов, И.К. Иванова. М.: Наука, 1970. С. 127–130.
2. *Байгушева В.С., Титов В.В., Тесаков А.С., Тимонина Г.И.* Териофауна местонахождения Семибалки в Северовосточном Приазовье (таманский фаунистический комплекс, эоплейстоцен) // Териофауна России и сопредельных территорий. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. С. 30–31.
3. *Байгушева В.С., Титов В.В.* Обзор находок ископаемых слонов Приазовья // Мамонт и его окружение: 200 лет изучения / Отв. ред. А.Ю. Розанов. Москва: ГЕОС, 2001. С. 71–81.
4. *Байгушева В.С., Титов В.В.* Природная среда и условия жизни охотников на зубров в Приазовье // Вестник антропологии. Вып. 15. Ч. I. 2007. С. 113–119.
5. *Величко А.А., Катто Н.Р., Тесаков А.С., Титов В.В., Морозова Т.Д., Семенов В.В., Тимирева С.Н.* Особенности строения плейстоценовой лёссовой почвенной формации юга Русской Равнины по материалам Восточного Приазовья // Доклады Академии Наук. 2009. № 6. Т. 428. С. 815–819.
6. *Гвоздовер М.Д.* Разведки палеолита на Нижнем Дону в в 1957–1958 годах // Известия Ростовского областного музея краеведения. № 1 (3). Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1959. С. 5–12.
7. *Гуркин С.В., Гудищенко И.В., Бойко А.Л.* Археологические и исторические памятники в дельте реки Дон // Рубикон. Вып. 55. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 2010. С. 27–43.
8. *Демек Я.* Справочник по литологии. Москва: Недра, 1977. 181 с.
9. *Колесник А.В.* Средний палеолит Донбасса // Археологический альманах, № 12. Донецк: Лебедь, 2003. 294 с.
10. *Колесник А.В., Медведев С.П.* Клад кремневых изделий позднего палеолита из с. Недвиговки на Нижнем Дону // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2016. № 3. С. 135–141.
11. *Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А., Воейкова О.А., Гвоздовер М.Д., Миньков Е.В., Спиридонова Е.А., Сычева С.А.* Палеоэкология равнинного палеолита. М.: Новый мир, 2006. 342 с.
12. *Праслов Н.Д.* Ранний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР // Археология СССР. Т. 5 (20) / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1984. С. 94–134.
13. *Праслов Н.Д.* Палеолит бассейна Дона (проблемы стратиграфии, хронологии и развития культуры). Автореф. дисс... д-ра ист. наук. СПб., 2001.
14. *Праслов Н.Д., Щелинский В.Е.* Верхнепалеолитическое поселение Золотовка I на Нижнем Дону. СПб.: ИИМК РАН, 1996. – 72 с.
15. *Толочко И.В.* К истории картографирования античных памятников дельты Дона // Археологические записки. Вып. 7 / Под ред. В.Я. Кияшко. Ростов-на-Дону: Донское археологическое общество, 2011. С. 354–362.
16. *Шнюков Е.Ф., Григорьев А.В.* Геологическая история Азовского моря в четвертичное время // Геология Азовского моря / Под. ред. Е.Ф. Шнюкова. Киев: Наукова думка, 1974. С. 218–235.
17. *Шнюков Е.Ф., Усенко В.П.* Особенности современного осадконакопления // Геология Азовского моря / Под. ред. Е.Ф. Шнюкова. Киев: Наукова думка, 1974. С. 212–217.
18. *Щелинский, В.Е., Кулаков, С.А.* Каменные индустрии эоплейстоценовых раннепалеолитических стоянок Богатыри (Синяя Балка) и Родники на Таманском полуострове (Южное Приазовье, Россия) // Отв. ред. А.П. Деревянко, М.В. Шуньков. Древнейшие миграции человека в Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. С. 188–206.

19. Шилов В.П. К изучению палеолита Нижнего Подонья // КСИА. Вып. 64 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1956. С. 62–82.

Информация об авторах:

Зоров Юрий Николаевич, научный сотрудник, ГАУК «Донское наследие»; (г. Ростов-на-Дону, Россия); yuriy.zorov.67@mail.ru

Колесник Александр Викторович, доктор исторических наук, профессор. Донецкий национальный университет (г. Донецк, Украина); akolesnik2007@mail.ru

Очередной Александр Константинович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, (г. Санкт-Петербург, Россия); a.otcherednoy@gmail.com

NEW EVIDENT OF THE PALEOLITHIC IN A SOUTHERN COAST OF THE TAGANROG BAY AND THE DELTA OF THE DON RIVER

Yu.N. Zorov, A.V. Kolesnik, A.K. Ocherednoy

The paper presents unknown or poorly investigated sites of the Middle and Late Paleolithic found under different circumstances along the southern coast of the Bay and in the delta of Don. Systematic research of the Paleolithic of the Azov North-East and East Sea Littoral has been carried out since the 1930s. The considerable corpus of sites of the Early, Middle and Late Paleolithic is accumulated. It should be noted that the most of sites is discovered on the northern coast of Taganrog Bay and on the Lower Don. Until now, the southern coast of Taganrog Bay attracted attention of specialists in the Quaternary Period mainly because of good geological sections and monuments of paleontology. All the findings were collected on a surface. The most interesting collections of stone tools are collected near the villages of Margaritovo and Semibalki of the Azov region of the Rostov province. Findings of the Middle Paleolithic have analogies in complexes of so-called “Eastern Micoquien” of the Northern Azov Sea Littoral. Findings of the Upper Paleolithic are similar to standards of Aurignac technocomplex.

Keywords: archaeology, Azov Sea Littoral, Taganrog Bay, delta of the Don, Palaeolithic, Aurignac Technocomplex, “Eastern Micoquien”.

REFERENCES

1. Alekseev, N. K. 1970. In Gromov, V. I., Ivanova, I. K. (eds.). *Byulleten' komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda (Bulletin of the Commission for Study of the Quaternary)* 37. Moscow: “Nauka” Publ., 127–130 (in Russian).
2. Baygusheva, V. S., Titov, V. V., Tesakov, A. S., Timonina, G. I. 2016. In *Teriofauna Rossii i sopedel'nykh territoriy (Theriofauna of Russia and adjacent territories)*. Moscow: “KMK Scientific Press Ltd”, 30–31 (in Russian).
3. Baygusheva, V. S., Titov, V. V. 2001. In Rozanov, A. Yu. (ed.). *Mamont i ego okruzhenie: 200 let izucheniya (Mammoth and its Environment: 200 Years of Studying)*. Moscow: “GEOS” Publ., 71–81 (in Russian).
4. Baygusheva, V. S., Titov, V. V. 2007. In *Vestnik antropologii (Bulletin of Anthropology)* 15 (1), 113–119 (in Russian).

The study was conducted within the framework of the Program of Fundamental Scientific Research of the State Academies of Sciences, national works No. 0184-2018-0012 “Ancient Population of Russia and the Neighboring Countries: Routes and Period of Settling, Evolution of Culture and Society, Adaptation to the Environment” and with the support of the RFBR (project No. 17-06-00355a “Chronostratigraphic Correlation and Cultural Differentiation of Monuments dating back to the Late Middle Paleolithic located on the Russian Plain in the Context of Natural Changes in the Middle of the Last Glacial-Interglacial Macrocycle”).

5. Velichko, A. A., Katto, N. R., Tesakov, A. S., Titov, V. V., Morozova, T. D., Semenov, V. V., Timireva, S. N. 2009. *Doklady Akademii Nauk (Doklady Akademii Nauk)*. no 6. V. 428. 815–819 (in Russian).
6. Gvozdover, M. D. 1959. In *Izvestiya Rostovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya (Proceedings of the Rostov Regional Museum of Local History)*. № 1 (3). Rostov-on-Don: Rostov State University, 5–12 (in Russian).
7. Gurkin, S. V., Gudimenko, I. V., Boyko, A. L. 2010. In *Rubikon (Rubikon)* 55. Rostov-na-Donu: Rostov State University, 27–43 (in Russian).
8. Demek, Ya. *Spravochnik po litologii (Lithology Handbook)*. Moscow: “Nedra” Publ. (in Russian).
9. Kolesnik, A. V. 2003. *Sredniy paleolit Donbassa (Middle Paleolithic of the Donbass)*. Series: *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 12. Donetsk: “Lebed” Publ. (in Russian).
10. Kolesnik A. V., Medvedev, S. P. 2016. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya (Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria XXIII. Antropologia)* (3), 135–141 (in Russian).
11. Leonova, N. B., Nesmeyanov, S. A., Vinogradova, E. A., Voejkova, O. A., Gvozdover, M. D., Min'kov, E. V., Spiridonova, E. A., Sycheva, S. A. 2006. *Paleoekologiya ravninnogo paleolita (Paleoecology of Lowland Paleolithic)*. Moscow: “Noviy mir” Publ. (in Russian).
12. Praslov, N. D. 1984. In Rybakov, B. A. (ed.). *Paleolit SSSR (Paleolithic of USSR)*. Series: *Arkheologiya SSSR (Archaeology of the USSR)* 5(20). Moscow: “Nauka” Publ. 94–134 (in Russian).
13. Praslov, N. D. 2001. *Paleolit basseyna Dona (problemy stratigrafii, khronologii i razvitiya kul'tury) (Paleolithic of the Don Basin (Issues of Stratigraphy, Chronology and Cultural Development))*. Doct. Diss. Thesis. Saint Petersburg (in Russian).
14. Praslov, N. D., Shhelinskiy, V. E. 1996. *Verkhnepaleoliticheskoe poselenie Zolotovka I na Nizhnem Donu (Zolotovka I Upper Paleolithic Settlement in the Lower Don Region)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (in Russian).
15. Tolochko, I. V. 2011. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Arkheologicheskie zapiski (Archaeological Notes)* 7. Rostov-on-Don: “Don archaeological society” Publ., 354–362 (in Russian).
16. Shnyukov, E. F., Grigor'ev, A. V. 1974. In Shnyukov, E. F. (ed.). *Geologiya Azovskogo moraya (Geology of the Azov Sea)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ., 218–235 (in Russian).
17. Shnyukov, E. F., Usenko, V. P. 1974. In Shnyukov, E. F. (ed.). *Geologiya Azovskogo moraya (Geology of the Azov Sea)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ., 212–217 (in Russian).
18. Shhelinskiy, V. E., Kulakov, S. A. 2009. In Derevianko, A. P., Shunkov, M. V. (eds.). *Drevneyshie migratsii cheloveka v Evrazii (The Earliest Human Migrations in Eurasia)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography Press, 188–206 (in Russian).
19. Shilov, V. P. 1956. In Udal'tsov, A. D. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 64. Moscow: the USSR Academy of Sciences, 62–82 (in Russian).

About the Authors:

Zorov Yuriy N. “Donskoe Nasledie”. Rostov-on-Don, Russian Federation; yuriy.zorov.67@mail.ru

Kolesnik Alexander V. Doctor of Historical Sciences, Professor. Donetsk National University (DonNU). Universitetskaya St., 24, Donetsk, 83048, Ukraine; akolesnik2007@mail.ru

Ocherednoy Aleksander K. Candidate of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Dvortsovaya Emb., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation; a.otcherednoy@gmail.com

Статья поступила в номер 15.06.2018 г.

НОВЫЕ СЛЕДЫ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА В ДОНБАССЕ

© 2018 г. В.В. Мороз

Автор анализирует недавние находки палеолитических каменных артефактов, сделанные на территории Донецкого бассейна. Средний палеолит Донбасса занимает важное место в среднем палеолите Восточной Европы. Традиция выделения памятников палеолита Донбасса и Приазовья в качестве отдельной географической группы восходит к работам С.Н. Замятина (Замятин, 1953). На карте палеолитических древностей этот регион выделяется в виде крупного скопления памятников различного функционального типа. На сегодняшний день учтено около 50 памятников со значительными коллекциями каменных изделий и местонахождения отдельных орудий. Каменные индустрии среднего палеолита Донецкого региона относятся к нескольким культурным типам. Основное количество комплексов содержат индустрии с большим процентом двусторонне обработанных орудий. Изучены также комплексы с доминированием односторонне обработанных орудий, изготовленных на отщепах и пластинах. Публикуемые находки относятся к типу индустрий среднего палеолита с бифасами.

Ключевые слова: археология, средний палеолит, Донбасс, Северский Донец, кремневые бифасы.

Введение

Систематическое изучение памятников среднего палеолита Донбасса ведется начиная с 20-х годов прошлого века (Ефименко, 1935). Ключевыми памятниками являются стоянки у с. Антоновка в Юго-Западном Донбассе (Гладилин, 1976), сел Белокузьминовка (Цвейбель, Колесник, 1987) и Черкасское (Колесник, Весельский, 2005) в Северо-Западном Донбассе, Бирючья Балка 2 в Юго-Восточном Донбассе (Матюхин, 2012) (рис. 1). Сводка А.В. Колесника включает практически все изученные на начало XXI века памятники среднего палеолита Донбасса (Колесник, 2003). Сводку дополняет монография, посвященная комплексу из с. Черкасское в среднем течении Северского Донца (Колесник, Весельский, 2005). В результате этих исследований удалось установить общие параметры Донецкой модели развития среднего палеолита.

Вне поля зрения оказались единичные находки среднего палеолита, которые, безусловно, заслуживают отдельного пристального внимания. Эти находки были накоплены разными информаторами в разное время и хранятся в различных региональных музеях. Цель настоящей заметки – публикация информации о нескольких ранее не известных местонахождениях среднего палеолита Донбасса с эффектными каменными орудиями. Предварительная информация о части публикуемых находок помещена в сборнике студенческих научных работ (Мороз, 2017).

Материалы

Горбоконовка. Местонахождение Горбоконовка было обнаружено В.Я. Устенко в ходе археологических разведок в 1965 году (Устенко, 1965). На низкой мысовидной площадке правого берега р. Беленькой в районе ныне заброшенного х. Горбоконовка

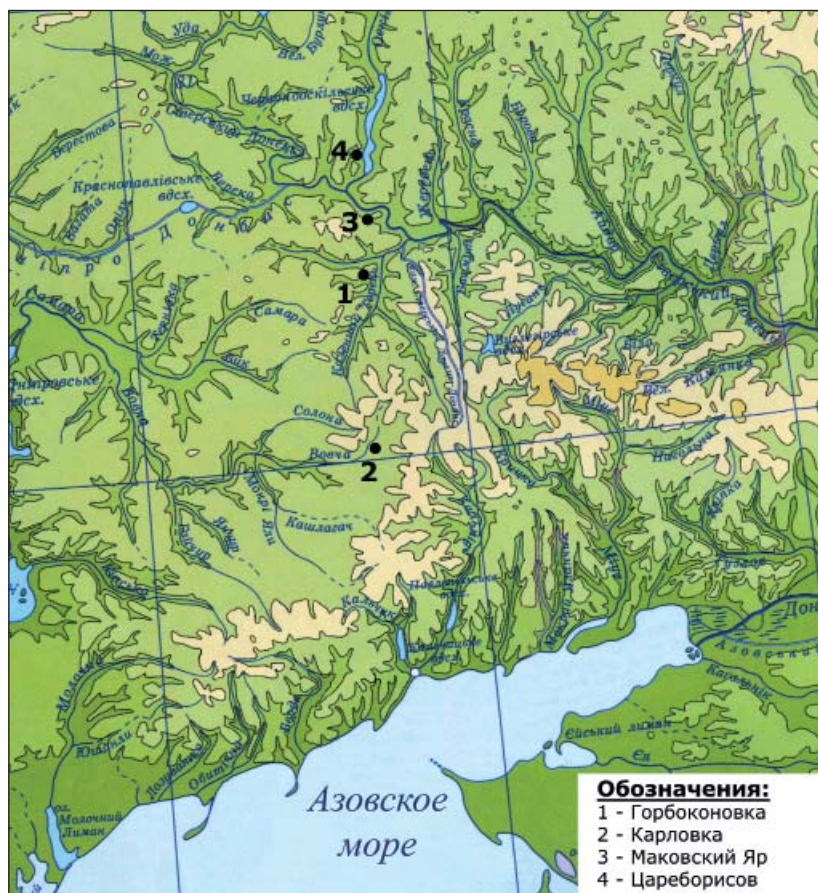

Рис. 1. Карта местонахождений.

Fig. 1. Map of the findings.

Константиновского района Донецкой области было обнаружено поселение позднего бронзового века. Площадка возвышается на 3 м над уровнем реки. Река Беленькая – правобережный приток р. Казенный Торец. Долина р. Беленькой разрезает крупный меловой массив с многочисленными геологическими источниками качественного кремня верхнемелового генезиса. Коренной меловой склон правого берега реки возвышается на 15–20 м. На разрушенных участках поверхности поселения собрана небольшая коллекция предметов, в основном фрагменты лепной керамики срубной

культуры. На низкий пойменный участок речной террасы палеолитическое изделие могло попасть в результате склоновой эрозии.

Среди сборов на поверхности позднего бронзового века выделяется фрагмент крупного кремневого орудия палеолитического облика – базальная часть орудия типа ручного рубила (рис. 2: 1). В качестве сырья использовался темно-серый туронский качественный местный кремень мелового происхождения. Форма исходного предмета обработки не восстанавливается вследствие интенсивной обработки орудия. Сохранившийся обло-

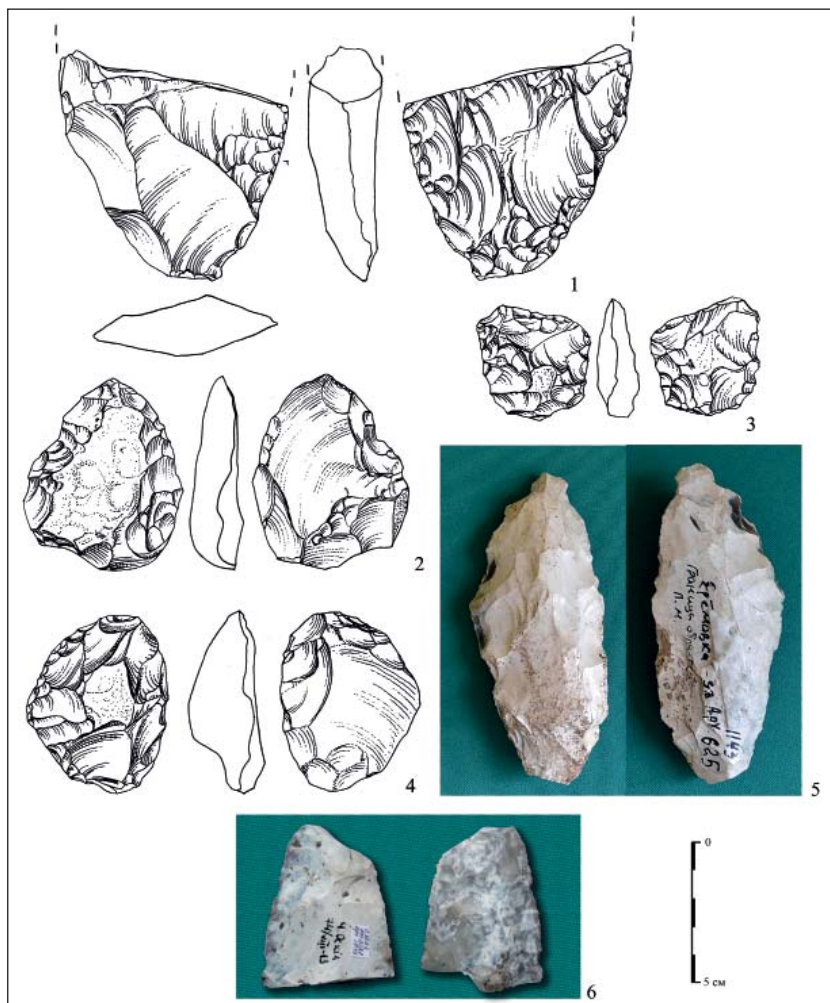

Рис. 2. Кремневые изделия: 1 – Горбоконовка; 2–4 – Карловка; 5 – Царебрисово; 6 – Маковский Яр.

Fig. 2. Flint tools: 1 – Gorbakonovka; 2–4 – Karlovka; 5 – Tcareborisovo; 6 – Makovskiy Yar.

мок является фрагментом крупного (базальная часть) широкого листовидного бифаса, сформированного крупными сколами с последующей мелкой краевой подправкой. Ширина – 85 мм, толщина – 25 мм. На одном из боковых участков сохранились остатки вторичной площадки, связанной с уплощением одной из сторон орудия. На ряде участков сохраняется плоско-выпуклое поперечное сечение орудия. Изделие производит впечатление за-

конченного орудия. Слом изделия произошел по естественной трещине. Изделие не окатано, покрыто пятнистой бело-голубой патиной.

Публикуемое изделие входит в круг крупных листовидных бифасов среднего палеолита и по морфологическим признакам сопоставимо с крупными двусторонне обработанными орудиями из Хотылево (Заверняев, 1978). В пределах Донбасса отмечено скопление единичных находок

крупных двусторонне обработанных орудий (рубил), которые, вероятно, связаны с началом регионального среднего палеолита (Колесник, 1998, 2003; Kolesnik, 1998).

Хранится в фондах Археологического музея Донецкого национального университета (г. Донецк).

Карловка. Местонахождение единичных изделий среднего палеолита обнаружено в 1980-х годах в ходе археологических работ в бассейне р. Волчьей ус. Карловка Марьинского района Донецкой области. Место сбора палеолитических орудий находится на высоком склоне реки, в 2 км от одноименного села, на участке с размытыми коренными породами.

На местонахождении собрана коллекция из нескольких кремневых орудий и мелких сколов. Изделия покрыты патиной, окатаны, т.е. неоднократно переотлагались в результате сложных геологических процессов. Орудий всего три. Первое из них – частичный бифас неправильной сердцевидной формы (рис. 2: 2). Размеры: 68×57×18 мм. Орудие изготовлено из первичного отщепка, имеет линзовидное поперечное сечение. Второе орудие – небольшой бифас неправильной трапециевидной формы (рис. 2: 3). Орудие изготовлено из небольшой кремневой плитки. Размеры: 43×39×12 мм. Продольное и поперечное сечения линзовидные. Наиболее узкий край (нижний, по рисунку) притуплен поперечными сколами, т.е. выполнял функцию своеобразного обушка. Таким образом, перед нами специфический небольшой асимметричный двусторонне обработанный нож. Третье орудие – массивное скребловидное изделие сегментовидных очертаний, с частично-двусторонней обработкой

(рис. 2: 4). Размеры: 64×50×25 мм. Основой послужил массивный отщеп с первичной коркой. Края орудия подработаны мелкими сколами. Изделия из данного комплекса находят близкие аналогии в коллекции кремневых изделий стоянок в окрестностях с. Антоновка (Гладилин, 1976). Подобные изделия антоновской индустрии В.Н. Гладилин описывает в качестве сегментовидных частично-двусторонних скребел-ножей. Учитывая географическую близость местонахождений и типологические параллели между каменными орудиями, можно предположить непосредственную генетическую связь между Антоновскими памятниками и пунктом находок у с. Карловка.

Находки хранятся в фондах Археологического музея Донецкого национального университета (г. Донецк).

Цареборисово. В 2013 году харьковский археолог И.А. Голубева при изучении Цареборисовского острога на правом берегу р. Оскол в среднем течении Северского Донца в Харьковской области раскопала углубленную в землю жилую конструкцию первой половины XVII века (Голубева, 2013). На дне этого котлована вместе с разнообразными культурными остатками залегали три патинированных кремня среднепалеолитического облика, специально подобранные обитателями острога для своих нужд (Колесник, Голубева, 2014). Источник поступления этих кремней не известен. Скорее всего, они происходят из расположенного поблизости от форта разрушенного местонахождения среднего палеолита. Многолетние наблюдения за окрестностями Цареборисовского острога не выявили какого-либо самостоятельного палеолитического

пункта. Вероятно, в острог данные кремни были принесены для нужд кремневого хозяйства проживавшего здесь военизированного населения или в качестве экзотических «громовых стрел».

Кремни покрыты фарфоровидной и пятнистой бело-голубой патиной, окатаны до блеска, но сохранили первоначальную форму. Один из кремней обожжен. Типологическое значение имеют скребло на отщепе и фрагмент бифаса. Скребло на отщепе с первичной коркой, размерами 54×40×11 мм. Ретушью оформлено продольное выпуклое лезвие. Изделие с двусторонней обработкой – медиальная часть наконечника (рис. 2: 6). Размеры сохранившейся части 56×44×15 мм. Наконечник изготовлен из ощепа, на одной из сторон сохранились остатки вентральной поверхности преформы. Поперечное сечение, близкое к плоско-выпуклому, за счет сколов уплощения вентральной стороны. С выпуклой стороны края орудия подправлены мелкими сколами. Не вызывает сомнений принадлежность этого изделия к типу широких листовидных (часто овально-листовидных) острий среднего палеолита.

Маковский Яр. Местонахождение кремневых изделий среднепалеолитического облика было выявлено в 1994 году Э.Е. Кравченко в ходе планомерного обследования коренного берега Северского Донца в его среднем течении. Находки локализованы на пахотном поле на вершине водораздельного участка мыса в месте ответвления Маковского Яра от балки Голая Долина. Балка располагается непосредственно на границе Донецкой и Харьковской областей (рис. 2). В районе места находки на дневную поверхность вы-

ходят породы верхнего мела, содержащие конкреции кремня. Находка была сделана на размытой меловой поверхности в пределах Теплинского леса. По словам Э.Е. Кравченко, была собрана коллекция из 10 предметов – окатанные патинированные отщепы и одно орудие. Находки не образовывали выраженного скопления.

Орудие покрыто глубокой фарфоровидной патиной с буроватым оттенком, со следами мелкоячеистого разрушения на поверхности. Изделие несет следы древних и свежих повреждений, что определило его зубчатый контур. Форма изделия листовидная. Орудие обработано с двух сторон, сформировано грубыми сколами. Имеет поперечное сечение в виде двояковыпуклой линзы, на отдельных участках сечение близко к плоско-выпуклому. Продольное сечение симметричное. Форма этого острия в плане может быть охарактеризована как неправильная овально-листовидная. Это и определяет его типологическую принадлежность. Аналогичные по форме грубо обработанные листовидные изделия встречаются в индустриях среднего палеолита Донбасса с бифасами – в Черкасском и других комплексах (Колесник, Весельский, 2005).

Находка экспонируется в Историческом музее Государственного историко-архитектурного заповедника г. Святогорска (Донецкая область).

Заключение

1. Публикуемые материалы расширяют источниковедческую базу среднего палеолита Донбасса и целиком укладываются в оценку памятников, сложившуюся в археологической литературе. Оба местонахождения содержат материалы, относящиеся к

«восточно-микокскому» типу памятников. Еще раз подтверждается, что памятники этого культурного типа являются фоновыми для юга Русской равнины и Восточной Европы в целом.

2. Согласно данным археологического районирования основные районы концентрации этих памятников известны в Северо-Западном Донбассе и в бассейне р. Волчьей, правобережном притоке Днепра. Для индустрий с бифасами, происходящих из Донбасса, характерны асимметричные двусторонне обработанные ножи с обухами-гранями и грубо оформлен-

ные небольшие по размерам широкие листовидные и овально-листовидные остря. В минимальном количественном выражении эти признаки видны в данных материалах.

3. Находки происходят из разрушенных процессами эрозии памятников, что также характерно для местонахождений среднего палеолита Донбасса и его окраинных зон. Баланс накопления и размыва отложений верхнего плейстоцена Донбасса в целом был неблагоприятным для сохранения культурных слоев древних поселений.

Благодарности. Пользуясь случаем, благодарю дирекцию Исторического музея Государственного историко-архитектурного заповедника г. Святогорска за предоставленную возможность опубликовать данную находку, а также автора открытия Э.Е. Кравченко.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борисковский П.И.* Палеолит Украины. Историко-археологические очерки // МИА. № 40. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 463 с.
2. *Голубева И.В.* Слобожанські житла черкаського типу з археологічних досліджень Цареборисівської фортеці. // Святогірський альманах 2013 / Отв. ред. П.В. Добров. Донецьк: Донбасс, 2012. С. 8–19.
3. *Гладилин В.Н.* Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев: Наукова думка, 1976. 229 с.
4. *Ефименко П.П.* Находки остатков мустьерского времени на р. Деркул // Палеолит СССР / Известия ГАИМК. Вып. 118 / Отв. ред. А.Н. Ауэрбах. М.-Л.: Соцэкгиз, 1935. С. 13–25.
5. *Заверняев Ф.М.* Хотылевское палеолитическое местонахождение. Л.: Наука, 1978. 126 с.
6. *Замятнин С.Н.* Заметки о палеолите Донбасса и Приазовья // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. XIV / Отв. ред С.П. Толстов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 231–255.
7. *Колесник А.В.* Ручные рубила среднего палеолита Восточной Европы // Археологический альманах. Вып. № 7. Донецк: Лебедь, 1998. С. 3–24.
8. *Колесник А.В.* Средний палеолит Донбасса // Археологический альманах. Вып. 12. Донецк: Лебедь, 2003. 294 с.
9. *Колесник А.В., Весельский А.П.* Черкасское – комплексный памятник археологии в бассейне Северского Донца // Археологический альманах. Вып. 17. Донецк: Лебедь, 2005. 168 с.
10. *Колесник А.В., Голубева И.В.* Новые необычные кремни из Цареборисова // Святогір'я в історії козацтва. / Заг. ред. В.М. Дедов. Святогірськ-Донецьк: Кальміус, 2014. С. 68–72.

11. Матюхин А.Е. Бирючья Балка 2. Многослойный палеолитический памятник в бассейне Нижнего Дона. СПб: Нестор-История, 2012. 242 с.

12. Мороз В.В. Новые памятники среднего палеолита в Донбассе // Проблемы археологии Восточной Европы и Дальнего Востока: материалы XII Международной археологической конференции студентов и аспирантов (Ростов-на-Дону, 26–29 ноября 2017 г.) / Отв. ред. Е.В. Вдовченков. Ростов-на-Дону-Таганрог: Южный федеральный университет, 2017. С. 25–28.

13. Устенко В.Я. Дневник археологических исследований в р-не с. Красное – г. Часов Яр (Полевая археологическая практика студентов I курса гр. «А» и «Б» исторического факультета Донецкого государственного университета). Донецк, 1965 г. / Архив Археологического музея при ДонНУ. 51 с. *Рукопись*.

14. Цвейбель Д.С., Колесник А.В. Техника первичного расщепления мустьерской стоянки Белокузьминовка в Донбассе // СА. 1987. № 1. С. 5–20.

15. Kolesnik A. Middle Palaeolithic Hand Axes of Eastern Europe. In *Anatolian prehistory. At the Crossroads of Two World*. Vol.1 Actes du colloque international. Liege, 28 avril – 3 mai 1997. ERAUL 85, Liège, 1998. P.77–112.

Информация об авторе:

Мороз Виктор Васильевич, студент, Донецкий национальный университет (г. Донецк, Украина); dbnzvjhp@mail.ru

RECENT TRACES OF PALAEOLITHIC IN THE DONBASS REGION

V.V. Moroz

The author analyzes recent finds of the Paleolithic stone artefacts made on the territory of Donets basin. Donbass region takes the important place at the Middle Paleolithic of Eastern Europe. The tradition to single out the Paleolithic sites of Donbass and Azov Sea Littoral as separate geographical group goes back to S.N. Zamyatnin's works (Zamyatnin, 1953). On the map of Paleolithic antiquities, this region has been distinguished as a large congestion of sites of different functional type. Today about 50 sites with considerable collections of stone artifacts and locations of separate tools have been registered. The stone industries of the Middle Paleolithic of the Donetsk region belong to several cultural types. The most complexes contain the industries with high percentage of bilaterally processed tools. In addition, the author investigated complexes with the unifacial tools made on chips and plates to be prevailed. The publishing findings belong to type of the Middle Paleolithic industries with bifacial tools.

Keywords: archaeology, Middle Paleolithic, Donbass region, Seversky Donets, flint bifacial tools.

REFERENCES

1. Boriskovskiy P.I. 1954. In *Paleolit Ukrainy. Istoriko-arkheologicheskie ocherki (Paleolithic in Ukraine. Historical and Cultural Essays)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in Archaeology of the USSR) 40. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

2. Golubeva, I. B. 2013. In Dobrov, P. V. (ed.) *Sviatogirs'kii al'manakh 2013 (Sviatogorsk Almanac 2013)*. Donetsk: "Donbass" Publ., 8–19 (in Russian).

3. Gladilin, V. N. 1976. *Problemy rannego paleolita Vostochnoy Evropy (Issues of Early Paleolithic in Eastern Europe)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

4. In Auerbakh, A. N. (ed.). *Paleolit SSSR (Paleolithic of USSR)*. Series: *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* (118). Moscow-Leningrad: "Sotsekgiz" Publ., 13–25 (in Russian).
5. Zavernyaev, F. M. 1978. *Khotylevskoe paleoliticheskoe mestonakhozhdenie (Khotylevo Paleolithic Site)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
6. Zamyatnin, S. N. 1953. *Sbornik muzeya antropologii i etnografii (Collection of the Anthropology and Ethnography Museum)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 231–255 (in Russian).
7. Kolesnik, A. V. 1998. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 7. Donetsk: "Lebed'" Publ. (in Russian).
8. Kolesnik, A. V. 2003. *Sredniy paleolit Donbassa (Middle Paleolithic in the Donbass)*. Series: *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 12. Donetsk: "Lebed'" Publ. (in Russian).
9. Kolesnik, A. V., Vesel'skiy, A. P. 2005. *Cherkasskoe – kompleksniy pamyatnik arkhologii v bassejne Severskogo Donsa (Cherkasskoye – Complex Archaeological Site in the Basin of the Seversky Donets)*. Series: *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 17. Donetsk: "Lebed'" Publ. (in Russian).
10. Kolesnik, A. V., Golubeva, I. V. 2014. In Dedov, V. M. (ed.). *Svyatogir'ya v istorii kozatstva (Svyatogorye in the History of the Cossacks)*. Svyatogirs'k-Donets'k: «Kalmius" Publ., 68–72 (in Russian).
11. Matyukhin, A. E. 2012. *Biryuch'ya Balka 2. Mnogosloyniy paleoliticheskiiy pamyatnik v bassejne Nizhnego Dona (Biryuchya Balka 2. Multilayered Paleolithic Site in the Basin of the Lower Don)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).
12. Moroz, V. 2017. In Vdovchenkov, E. V. (ed.). *Problemy arkhologii Vostochnoy Evropy i Dal'nego Vostoka: materialy XII Mezhdunarodnoy arkhologicheskoy konferentsii studentov i aspirantov (Rostov-na-Donu, 26–29 noyabrya 2017 g.) (Issues of Archaeology of Eastern Europe and the Far East: Proceedings of the 12th International Archaeological Conference of Students and Postgraduates (Rostov-on-Don, November 26th–29th, 2017))*. Rostov-on-Don-Taganrog: Southern Federal University, 25–28 (in Russian).
13. Ustenko, V. Ya. 1965. *Dnevnik arkhologicheskikh issledovaniy v r-ne s. Krasnoe – g. Chasov Yar (Polevaya arkhologicheskaya praktika studentov I kursa gr. «A» i «B» istoricheskogo fakul'teta Donetskogo gosudarstvennogo universiteta) (Дневник археологических исследований в р-не с. Красное – г. Часов Яр (Field Archaeological Practice of 1st Year Students, Groups A and B, of the Historical Faculty of Donetsk State University))*. Donetsk. Archives of the Archaeological Museum of DonNU. *Manuscript* (in Russian).
14. Tsveybel', D. S., Kolesnik, A. V. 1987. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 5–20 (in Russian).
15. Kolesnik, A. 1998. In *Anatolian prehistory. At the Crossroads of Two World*. Vol. 1. Liège.

About the Author:

Moroz Viktor V. Donetsk National University (DonNU). Universitetskaya St., 24, Donetsk, 83048, Ukraine; dbnzvjhjp@mail.ru

Статья поступила в номер 20.07.2018 г.

УДК 903-03 903.01 550.93 <https://doi.org/10.24852/2018.3.25.229.241>

ЛАСТА VIII – ОПОРНЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА НА Р. ИЖМЕ (РЕСПУБЛИКА КОМИ)

© 2018 г. Т.В. Истомина, А.С. Макаров

В статье вводятся в научный оборот материалы жилища № 1 поселения Ластва VIII на р. Ижме (д. Ластва, Ижемский район, Республика Коми). В результате раскопок памятника в 2001 г. Т.В. Истомина получила новые данные для изучения каменной индустрии, гончарного производства, хронологии и домостроительства эпохи раннего металла. Изученная постройка представляла собой слабо углубленное в грунт одноэтажное сооружение с каркасной конструкцией размерами 6,9×4,4 м. Для производства кремневых орудий применялось бифасиальное расщепление, направленное на изготовление наконечников стрел. Типологически однородную керамическую коллекцию представляют сосуды, орнаментированные оттисками гребенчатого штампа. По фрагментам древесного угля, составляющего сгоревшую конструкцию (?) жилища, получены две радиоуглеродные даты – 4130 ± 90 (Le-6204) и 4770 ± 300 ¹⁴C л.н. (Le-6205), из которых первая является наиболее достоверной. Жилище № 1 поселения Ластва VIII представляет собой одномоментный комплекс. Это позволяет отнести его к опорным источникам для изучения гаринской археологической культуры и ее аналога на европейском Северо-Востоке – чойновтинской культуры конца III – первой половины II тыс. до н. э.

Ключевые слова: археология, Республика Коми, энеолит, гаринская культура, чойновтинская культура, каменный инвентарь, керамика, жилище

Введение

Основные концепции эпохи раннего металла на крайнем северо-востоке Европы были сформулированы еще во второй половине 1980-х гг. (Столос, 1986; 1988; Буров, 1986). На современном этапе археологического изучения региона назрела необходимость их дополнения и корректировки на основе привлечения источников, исследованных в последние 30 лет, но по разным причинам неопубликованных. К таким материалам относится комплекс жилища № 1 поселения Ластва VIII на р. Ижме. Основной задачей настоящей статьи является ввод в научный оборот этого опорного для изучения эпохи раннего металла комплекса.

Характеристика памятника

Поселение Ластва VIII находится на правом берегу р. Ижмы, 1,5 км к юго-западу от д. Ластва (Республика Коми) (рис. 1). Оно открыто Т.В. Истоминой в 1986 г., исследовалось ею же в 2001 г., А.С. Макаровым – в 2017 г. Памятник располагается в центральной части эоловой гряды, к которой на западе примыкает широкая (до 200 м) пойма правого берега р. Ижмы. В его состав входят семь объектов¹ – остатков заплывших котлованов углубленных жилищ. Они расположены в один ряд и занимают участок протяженностью

¹ Шесть объектов были выявлены Т.В. Истоминой в 2001 г., седьмой в ходе разведки 2017 г. А.С. Макаровым.

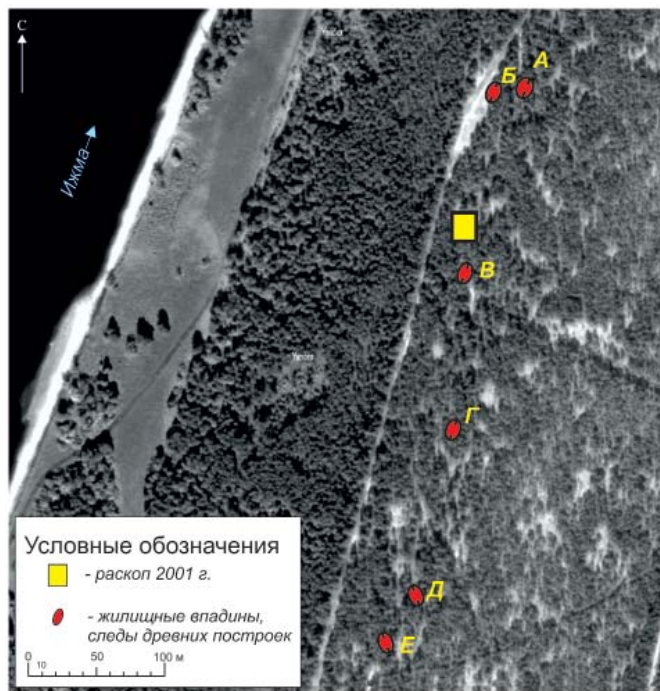

Рис. 1. Ласта VIII. Местоположение и пообъектный состав поселения.

Fig. 1. Lasta VIII. Location and objects composition of the settlement.

420 м согласно общей ориентации гряды, в 30–60 м от ее кромки (рис. 1).

В 2001 г. Т.В. Истомина изучила раскопом площадью 102 м² остатки жилища № 1. Исследовавшийся в 2001 г. объект был представлен на современной поверхности впадиной размерами 8×4,5 м и глубиной 0,3 м, ориентированной по оси север–северо-восток – юг–юго-запад. В результате было установлено соответствие впадины остаткам жилой постройки. Полученные материалы позволили уточнить культурно-хронологическую атрибуцию памятника, но, к сожалению, результаты этого исследования остались неопубликованными.

Памятник представляет собой остатки углубленного в грунт жилища неправильной прямоугольной формы в плане площадью 30,5 м² (впадина № 1). Заполнение котлована представлено неоднородным по структуре и цветности песком преимущественно

желтых и коричневых оттенков. Этим оно отличалось от фоновых отложений материка – желтого иллювиального песка. За его пределами на погребенном элювиальном горизонте залежали линзы желтого и белесо-желтого песка – грунта, перемещенного при сооружении котлована. Исходя из данных планиграфии и стратиграфии отложений реконструируется неправильная трапециевидная в плане форма котлована размерами 6,9×4,4 м, углубленного в среднем на 0,35 м (рис. 2). Постройка была ориентирована по длинной оси север–северо-восток – юг–юго-запад. К ее торцевой стене примыкал узкий траншееобразный вход-выход размерами 1,64×0,6 м, обращенный на юг–юго-запад. Его дно наклонное и опускается в жилище под углом 10°. В северной половине сооружения располагался очаг, остатки которого составляла линза углисто-зольного песка насыщенного

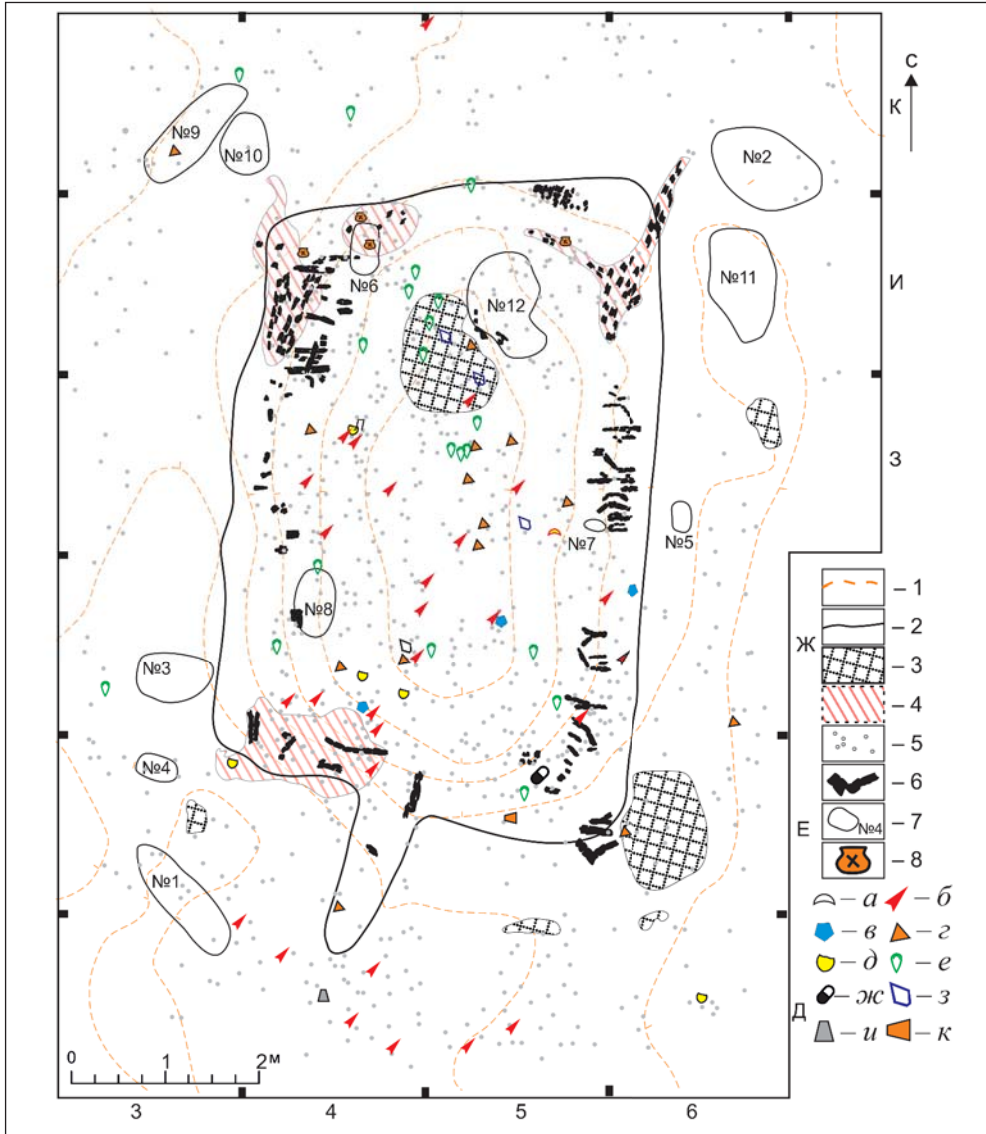

Рис. 2. Ласта VIII. План жилища № 1. 1 – горизонтали рельефа впадины на современной дневной поверхности, сечение 0,1 м; 2 – контуры котлована постройки; 3 – углистый слой; 4 – охра или проквал?; 5 – артефакты; 6 – угли, горелые плахи; 7 – следы углублений; 8 – развал сосуда; а – фигурный кремь; б – наконечник стрелы; в – комбинированное орудие; г – отщеп с ретушью; д – скобель; е – скребок; ж – отбойник; з – проколка; и – шлифованное тесло; к – рубящее орудие.

Fig. 2. Lasta VIII. Layout of dwelling No.1. 1 – horizontal lines of the hollow relief on contemporary daylight surface, 0,1 meter section; 2 – outlines of the construction pit; 3 – coal layer; 4 – yellow earth or firing?; 5 – artifacts; 6 – coal, burnt scaffolds; 7 – traces of depressions; 8 – destroyed vessel; а – figured flint; б – arrowhead; в – composite tool; г – pressure flake; д – adze; е – scraper; ж – beater; з – borer; и – polished adze; к – chopping tool.

Таблица 1

Ласта VIII. Состав коллекции

Предмет	Количество
ИЗДЕЛИЯ ИЗ КРЕМНЯ	
Отщеп	3263
Осколки	2643
Чешуйка	4305
Кусок	9
Галька с пробными снятиями	1
Пластина	17
Заготовка не определена	0
Галька	1
Плитка	1
Бифасы	77
ВСЕГО	10317
ИЗДЕЛИЯ ИЗ НЕКРЕМНЕВЫХ ПОРОД	
Галька некремневая	2
Плитка	3
ВСЕГО	5
ФРАГМЕНТЫ КЕРАМИЧЕСКИХ СОСУДОВ	
Развалы сосудов	5
Отдельные фрагменты	17
КОСТИ КАЛЬЦИНИРОВАННЫЕ обломки	69
ИТОГО	10413

темно-коричневого цвета мощностью до 0,2 м. Она включала многочисленные отходы кремнеобработки, мелкие обломки кальцинированных костей, небольшой фрагмент керамики и комок обожженной глины. Очаг был слегка приподнят над полом постройки, поскольку под линзой зафиксирована прослойка желтого песка.

По внутреннему периметру котлована зафиксированы остатки горелых плашек, лежащих под наклоном к центру строения. Ширина каждой из них в среднем около 0,06 м. Кроме того, расчищены скопления углей более аморфных очертаний, в первую очередь, по углам котлована постройки. Угли и плашки сопровождаются

прослойками прокаленного песка, образовавшего пятна в северо-западном и юго-западном углах постройки. Вероятно, что это остатки ее сгоревших и рухнувших стен или кровли. В ряде случаев над плашками и между ними прослежены тонкие прослойки необожженной глины (что, возможно, указывает на использование глины для промазки щелей). Расположение остатков постройки свидетельствует о том, что она имела, вероятно, каркасную конструкцию.

В пределах и вокруг жилища зафиксирована серия ям овальной и подпрямоугольной форм, заполненных желтым смешанным песком, часто без находок. К ямам внутри котлована от-

Рис. 3. Ласта VIII. Незавершенные двусторонне обработанные изделия. Кремль.

Fig. 3. Lasta VIII. Unfinished articles processed on both sides. Flint.

носятся два объекта в северной части сооружения: одна из них расположена в его северо-западном углу, еще два неглубоких углубления – в центральной и юго-западной части постройки, у западной стенки. За пределами жилища зафиксировано восемь таких объектов: одна яма расположена к югу от жилища у входа-выхода, по две – у юго-западного, северо-западного и северо-восточного углов строения. Еще одно небольшое углубление находится в 0,3 м к востоку от края жилища и ориентировано параллельно ему. Окружение постройки ямами разного, в том числе невыясненного, назначения отмечено на ряде памятников чойновтинской культуры европейского Северо-Востока (например, Чойновты II, жилище 2). Подпрямоугольные в плане жилища с выходом-

лазом и завалинкой характерны для памятников энеолита данного региона (чужьяельская и чойновтинская культуры) (Стоколос, 1986).

Кроме обозначенных объектов на изученном памятнике зафиксированы линзы органического происхождения различных размеров. В центре южной половины жилища отмечено пятно неправильной конфигурации площадью около 0,7 м². Оно образует линзу мощностью до 0,18 м, содержащую перегнившую органику и углистые включения, с которыми были связаны обломки кальцинированных костей, керамики и кремневого инвентаря. На востоке рядом с пятном зафиксированы следы охры, а на расстоянии около 0,66 м к юго-востоку от него – еще одно небольшое органическое пятно неправильно-округлых очер-

Таблица 2

Лапта VIII. Состав орудейного набора и технологически значимые продукты расщепления

ОРУДИЕ	Орудия из некремневых пород								Осколок	Не ясна	ВСЕГО
	Галька	Плитка	Кусок	Отщеп	Пластина	Осколок	Не ясна	Осколок			
Отбойник	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
Абразив	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Заготовка рубящего орудия	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Тесло	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1
ВСЕГО	2	3	0	0	0	0	0	0	0	0	5
Кремневые изделия											
Скобель	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0	2
Нож	0	0	0	38	0	0	0	0	0	0	38
Скребок	0	0	0	21	0	0	0	0	0	0	21
Орудие комбинированное	0	0	0	4	0	0	0	0	0	0	4
Резец	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Ложкарь	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1
Резчик	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1
Проколка	0	0	0	3	0	0	0	0	0	0	3
Наконечники стрел	0	0	0	0	0	0	0	0	27	0	27
Рубящее орудие	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Фигурный кремень	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1
ВСЕГО	0	0	0	69	1	0	0	0	28	0	99
Технологически значимые продукты расщепления											
Бифасы незавершенные	0	0	0	0	0	0	0	0	0	41	41
Скол межреберного снятия	0	0	0	13	0	0	0	0	0	0	13
Скол вторичного утончения бифасов	0	0	0	385	0	0	0	0	0	0	385

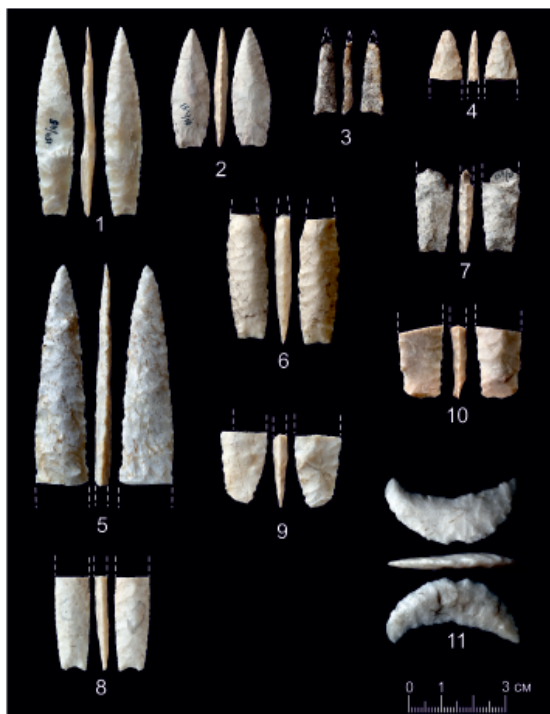

Рис. 4. Ласта VIII.
Кремневые изделия. Наконечники
стрел и их фрагменты (1–10), фи-
гурный кремь – «лунница» (11).

Fig. 4. Lasta VIII. Flint implements.
Arrowheads and fragments (1–10),
figured flint – “lunula” (11).

таний (0,27×0,24 м) незначительной мощности (0,01–0,02 м). Похожее насыщенное органическое пятно овальной формы (0,42×0,22 м) мощностью до 0,02 м выявлено к западу от очага. Вопрос интерпретации обозначенных объектов пока остается открытым.

Основная масса находок на раскопе связана с заполнением жилища. Культурный слой за его пределами слабо насыщен артефактами, лишь в южной части раскопа наблюдаются скопления колотого кремня, здесь же, перед входом, найдено шлифовальное тесло и несколько обломков наконечников стрел. Развалы сосудов и отдельные фрагменты керамики концентрировались в северо-западном углу жилища, среди углей и охры. Охра находилась внутри и вокруг одной из миниатюрных чашек. В этом же углу, на полу жилища были зафиксированы глинистые пятна – остатки подготовленной формовочной массы или же разло-

жившаяся до тестообразного состояния керамика плохого обжига.

Описание и анализ коллекции

Коллекция жилища № 1 поселения Ласта VIII содержит 5906 предметов из кремня, шесть изделий из некремневых пород (ближе не определялись), пять керамических сосудов в развалах и 17 отдельных обломков керамики, 69 фрагментов кальцинированных костей животных (табл. 1).

В кремневом инвентаре среди изделий без вторичной обработки выделяются технологически значимые продукты расщепления: бифасы незавершенные (41) (рис. 3), сколы бифасиального утончения (385) и снятия межнегативных ребер на поверхности бифасов (13).

Орудийный набор из кремня включает наконечники стрел (два целых, 25 фрагментированных), сколы с ретушью и со следами утилизации (38), скребки (21), скобели (2),

Рис. 5. Ласта VIII. Кремневые изделия. Ножи (1–6, 17), скребки (7–12), комбинированные орудия (13–16, 20), ложкарь (18), перфораторы (19, 21), скребло (22).

Fig. 5. Lasta VIII. Flint implements. Knives (1–6, 17), scrapers (7–12), composite tools (13–16, 20), polyfunctional tool for woodworking (18), drills (19, 21), side-scraper (22).

комбинированные орудия (4), перфораторы (3), ложкарь, резчик, рубящее орудие из окремнелого известняка (табл. 2).

К приемам вторичной обработки предметов кремневого инвентаря Ласта VIII относятся мелкая регулярная ретушь, субпараллельная покрывающая ретушь и ненамеренная ретушь утилизации. Лезвия скребков и комбинированных орудий обработаны крутой и полукрутой ретушью.

Еще одной особенностью технологического процесса кремнеобработки является использование намеренной тепловой обработки сырья, следы которой зафиксированы на готовых изделиях и заготовках (рис 3: 3, 7, 8; 4: 3, 7; 5: 18, 22).

Все наконечники стрел представлены тонкими бифасами. Большая часть из них имеет листовидную в плане форму с выемкой в сравнительно узком основании (рис. 4: 1, 2, 7, 8). Исключение составляет миниатюрный наконечник треугольной формы с выемкой и слабовыраженным шипом (рис. 4: 3). Остальные наконечники – это обломки – медиальные сегменты и острия, морфология которых не реконструируется.

Все скребки изготовлены на отщепях, среди них есть концевые однолезвийные (рис. 5: 8–11), с двумя или тремя рабочими краями (рис. 5: 7, 12), по форме в плане подтреугольные, трапециевидные и аморфные. Комбинированные орудия представ-

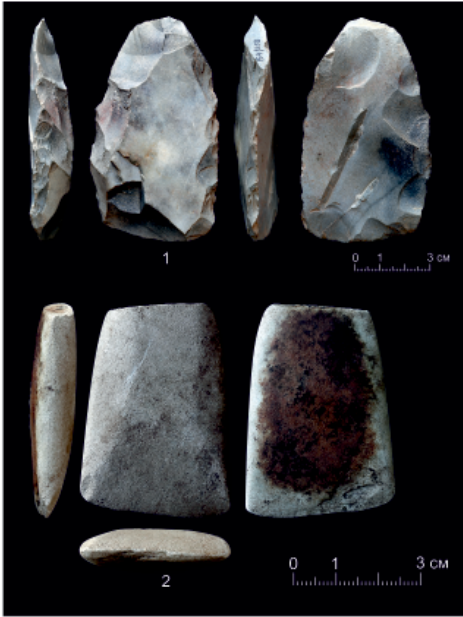

Рис. 6. Ластва VIII. Рубящие орудия.
1 – кремнелый известняк; 2 – песчаник.
Fig. 6. Lasta VIII. Chopping tools.
1 – silicified limestone; 2 – sandstone.

лены следующими сочетаниями: скобель-скребок (рис. 5: 15, 16), скобель-резчик (рис. 5: 20), скребло-резчик (рис. 5: 22). Перфораторы изготовлены на отщепках (рис. 5: 21) и пластинах (рис. 5: 19), обработаны мелкой краевой ретушью. Ножи, как правило, выполнены на отщепках разной морфологии, их лезвия оформлены мелкой краевой ретушью. Ложкарь изготовлен на изогнутом сколе и имеет дуговидное лезвие, оформленное односторонней ретушью (рис. 5: 18). В орудийном наборе выделяется скребло с двумя противоположными рабочими краями (рис. 5: 22). Оно выполнено на крупном толстом отщепе с сильно выраженным ударным бугорком, на поверхности которого присутствуют негативы двух мелких отщепов. Они имеют разную ориентацию, не совпадающую при этом с осью расщепления самого отщепка, поэтому можно утверждать, что это не негативы так называемых сколов-изъянцев, а намеренные снятия, воз-

можно, для создания своеобразной кремневой скульптуры, тем более что в жилище был найден достоверный фигурный кремль, представляющий собой тонкий бифас так называемую лунницу с двумя противоположными выемками в центральной части изделия (рис. 4: 11).

Состав технологически значимых продуктов расщепления и орудийного набора (в особенности наконечников стрел) характеризует технологию расщепления кремня на поселение Ластва VIII как вторичное бифасиальное уточнение. Она была направлена на изготовление так называемых тонких бифасов – наконечников стрел – и в одном случае фигурного кремня.

Некремневые орудия представлены теслом трапециевидной в плане формы, двумя гальками-отбойниками и абразивом на плитке.

Керамика, обнаруженная в заполнении жилища, представлена обломками пяти сосудов, залежавших развалами. Визуально в составе формовочной массы определены примеси дресвы, песка и органики, характерны смешанные примеси.

Емкости имеют открытую чашевидную (3 сосуда) и полаяцевидную (2) форму. Возможность реконструкции сосудов различна: если форма не-

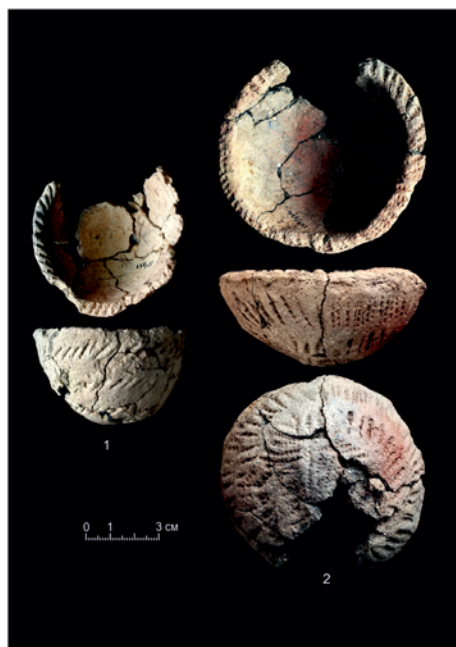

Рис. 7. Ласта VIII. Керамические сосуды.

Fig. 7. Lasta VIII. Ceramic vessels.

больших чашевидных сосудов восстанавливается практически целиком, то крупные горшки реконструируются лишь частично. Так, у одного крупного горшка (рис. 8: 2) отсутствует нижняя часть тулова и днище, у другого сохранилась одна стенка, без венчика и днища. Торцы венчиков чашек прямые, слегка уплощенные, торцы крупного сосуда скошены внутрь.

Орнаментирована вся внешняя поверхность сосудов и торцы венчиков. Миниатюрные емкости украшены исключительно оттисками гребенчатого штампа, узор разворачивается по спирали от центра дна наклонными (рис. 7: 1; 8:1) и прямыми (рис. 7: 2) рядами. Под венчиком одной миски расположен ряд углублений, поставленных углом того же штампа (рис. 8: 1). Венчики миниатюрных чашек орнаментированы той же наклонной гребенкой, что и стенки сосудов.

Мотивы и композиция орнаментов крупных сосудов более разнообразны. На одном из них орнамент зональный – чередуются ряды наклонных оттисков гребенчатого штампа с горизонтальными рядами неглубоких округлых вдавлений (рис. 8: 2). Второй орнаментирован только наклонными отпечатками гребенчатого штампа, образующими горизонтальные ряды и зону взаимопроникающих неправильных треугольников в верхней части сосуда, под венчиком расположен ряд наклонных гребенчатых оттисков (рис. 9). Его внутренняя поверхность покрыта расчесами, заглаживание происходило при помощи того же штампа. Торцы венчиков крупного сосуда уплощены и слегка скошены внутрь, орнаментированы наклонными оттисками гребенчатого штампа.

Рис. 8. Ласта VIII. Керамические сосуды.

Fig. 8. Lasta VIII. Ceramic vessels.

Рис. 9. Ласта VIII.
Фрагмент керамического сосуда.
Fig. 9. Lasta VIII. Fragment of a ceramic vessel.

Культурная атрибуция и хронология

Ближайшими аналогиями коллекции поселения, судя по морфологическим и типологическим показателям каменного инвентаря и керамики, являются памятники с пористой керамикой – комплексы чойновтинской (гаринской) культуры эпохи раннего металла, известных на Мезени – Чойновты II, Ошчой I (жилище 4, 7, 10), Чужьяель II (Стоколос, 1986), Вычегде – Угдым I (Карманов, 2015), Ижме – Галово II (Лузгин, 1972). Общими признаками в коллекциях памятников этого типа являются технология вторичного бифасиального утончения – производство двусторонне обработанных наконечников стрел – и морфология – технология изготовления и орнаментация керамических сосудов.

Керамическая посуда поселения Ласта VIII наиболее близка материалам поселения Галово II на Ижме (Лузгин, 1972), которые В.С. Стоколос относил к позднему периоду чойновтинской культуры и датировал серединой – третьей четвертью II тыс. до н. э. (Стоколос, 1997). Это соответствие характеризуется присутствием в керамике чойновтинских (пористое тесто, гребенчатый орнамент) и постчужьяельских черт (минеральные примеси, мотив зигзага в орнаменте). По фрагментам древесного угля, составляющего сгоревшую конструкцию (?) жилища получены две радиоуглеродные даты – 4130 ± 90 (Je-6204) и 4770 ± 300 ^{14}C л.н. (Je-6205). Разница между ними существенна и требует привлечения дополнительных материалов. В настоящее время среди комплексов типа Галово II радиоуглеродные датировки имеет только жилищный комплекс поселения Шиховское II на р. Печоре – 3950 ± 100 (Je-7477) и 4360 ± 140 ^{14}C л.н. (Je-7478) (Васкул, 2011). Однако и в этом случае результаты датирования неоднозначны. При этом обращает на себя внимание относительная синхронность пары более молодых дат из этих контекстов.

Заключение

В результате раскопок поселения Ласта VIII в 2001 г. получены новые данные для изучения каменной индустрии, гончарного производства, хронологии и домостроительства чойновтинской (гаринской) культуры эпохи раннего металла. Установлено, что изученная постройка представляла собой слабо углубленное в грунт сооружение с каркасной конструкцией. Для производства кремневых орудий применялось бифасиаль-

ное расщепление, направленное на изготовление наконечников стрел. Типологически однородная керамическая коллекция представлена сосудами, орнаментированными оттисками гребенчатого штампа.

Результаты изучения одномоментно отложившегося комплекса жилища № 1 поселения Ласта VIII позволяет отнести его к опорным источникам для изучения энеолита европейского Северо-Востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буров Г.М. Крайний Северо-Восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла. Автореф. дисс. ... д.и.н. Новосибирск, 1986.
2. Васкул И.О. Шиховской геoarхеологический микрорайон // Вторые Мяндинские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с. Усть-Цильма, 11–12 июля 2010 г.). Т. 2 / Отв. ред. А.А. Попов. Сыктывкар: Кола, 2011. С. 4–11.
3. Истомина Т.В. Отчёт о работах Ижемского отряда экспедиции по охране памятников истории и культуры СГУ за 1986 г. – Сыктывкар, 1987 / Архив музея археологии и этнографии СыктГУ. Ф.2. Д.41, 41а. 55, 73 лл.; НА ИА РАН. Р-1. №11775, 11775а.
4. Истомина Т.В. Отчёт о работах Ижемского отряда археолого-этнографической экспедиции СГУ в 2001 году. Сыктывкар, 2002 / Архив МАЭ СыктГУ. Ф.2. Д.103. 111 лл.; НА ИА РАН. Р-1. № 28708.
5. Карманов В.Н. Тепловая обработка кремня по материалам поселения раннего металла Угдым I на средней Вычегде // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2015. С. 313–324.
6. Лузгин В.Е. Древние культуры Ижмы. М.: Наука, 1972а. 128 с.
7. Стоколос В.С. Древние поселения Мезенской долины. М.: Наука, 1986. 191 с.
8. Стоколос В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.: Наука, 1988. 256 с.
9. Стоколос В.С. Энеолит и бронзовый век // Археология Республики Коми. / Отв. ред. Э.А. Савельева. М., 1997. Ч. 4. С. 213–313.

Информация об авторах:

Истомина Татьяна Валентиновна, кандидат исторических наук, фрилансер (г. Торонто, Канада); makarov_as@bk.ru

Макаров Александр Сергеевич, студент-магистрант, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (г. Сыктывкар, Россия); makarov_as@bk.ru

LASTA VIII – THE BASIC ENEOLITHIC SITE ON THE PIZHMA RIVER (KOMI REPUBLIC)

T.V. Istomina, A.S. Makarov

The paper reports data on the dwelling №1 of the settlement Lasta VIII at Izhma river (Lasta village, Izhemsky District, Komi Republic). In 2001 T.V. Istomina discovered new materials for the study of the stone industry, pottery production, chronology and housebuilding of Choynovty or Garino culture of the Eneolithic Age. The dwelling was a semi-subterranean wood-frame house with a fireplace. A bifacial knapping was used for the production of flint arrowheads. A typologically uniform ceramics is represented by vessels ornamented with impressions of a comb stamp. Two radiocarbon dates were obtained for the fragments of charcoal that made up the burnt structure (?) of the dwelling – 4130 ± 90 (Le-6204) and 4770 ± 300 BP (Le-6205), of which the first is the most reliable. The dwelling № 1 of the

settlement Lasta VIII is one-time assemblage. It allows attributing this site to the reference materials for the study of Choynovty culture as parallel of Garino culture in the northeast of Europe.

Keywords: archaeology, Komi Republic, Eneolithic, Garino culture, Choynovty culture, stone inventory, ceramics, dwelling.

REFERENCES

1. Burov, G. M. 1986. *Krayniy Severo-Vostok Evropy v epokhu mezolita, neolita i rannego metalla (Far North-Easter Area of Europe in the Mesolithic, Neolithic and Early Metal Periods)*. Doct. Diss. Thesis. Novosibirsk (in Russian).
2. Vaskul, I. O. 2011. In Popov, A. A. (ed.). *Vtorye Myandinskie chteniya. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (s. Ust'-Tsil'ma, 11–12 iyulya 2010 g.) (The Second Mandino Readings. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Ust-Tsilma Village, July 11–12, 2010))* 2. Syktyvkar: “Kola” Publ., 4–11 (in Russian).
3. Istomina, T. V. 1987. *Otchet o rabotakh Izhemskogo otryada ekspeditsii po okhrane pamyatnikov istorii i kul'tury SGU za 1986 g. (Report on the Work of Izhma Group of the Archaeological and Ethnographic Expedition of Syktyvkar State University in 1986)*. Archive of the Archaeology and Ethnography Museum of Syktyvkar State University. F.2. D.41, 41a. 55, 73 ll.; Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 11775, 11775a (in Russian).
4. Istomina, T. V. 2002. *Otchet o rabotakh Izhemskogo otryada arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii SGU v 2001 godu (Report on the Work of the Izhma Group of the Archaeological and Ethnographic Expedition of Syktyvkar State University in 2001)*. Syktyvkar. Archive of the Archaeology and Ethnography Museum of Syktyvkar State University. F.2. D.103. 111 l.; Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 28708 (in Russian).
5. Karmanov, V. N. 2015. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 10 (I). Tver: Tver State United Museum, 313–324 (in Russian).
6. Luzgin, V. E. 1972. *Drevnie kul'tury Izhmy (Ancient Cultures of Izhma)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
7. Stokolos, V. S. 1986. *Drevnie poseleniya Mezenskoj doliny (Ancient Settlements of Mezenskaya Valley)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
8. Stokolos, V. S. 1988. *Kul'tury epokhi rannego metalla Severnogo Priural'ya (Cultures of the Early Metal Period in the Northern Urals)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
9. Stokolos, V. S. 1997. In Savel'eva, E. A. (ed.). *Arkheologiya Respubliki Komi (Archaeology of the Komi Republic)* 4. Moscow: “DiK” Publ., 213–313 (in Russian).

About the Authors:

Istomina Tatyana V. Candidate of Historical Sciences. Freelancer. Toronto, Canada; makarov_as@bk.ru

Makarov Alexandr S. Pitirim Sorokin Syktyvkar State University. Oktyabrsky Prospect, 55, 167001, Syktyvkar, Russian Federation makarov_as@bk.ru

Статья поступила в номер 16.07.2018 г.

УДК 902.01 903.01 903.02

<https://doi.org/10.24852/2018.3.25.242.257>

МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА ИСАКОВСКОГО ГОРОДИЩА НА РЕКЕ СВЯЯГА

© 2018 г. А.В. Лыганов, Р.Н. Хамзин, М.Ш. Галимова

В статье публикуются результаты раскопок, проведенных в 2017 г. на территории Исаковского городища, расположенного в устье р. Свяяга (правого притока Волги), в буферной зоне достопримечательного места «Остров-град Свяяжск». Анализируются одновременные керамические комплексы, а также каменный инвентарь, найденные в раскопах. Авторами установлено, что первоначальное заселение мыса, на котором расположено городище, произошло в середине-третьей четверти III тысячелетия до н. э. носителями средневолжского варианта волосовской культурно-исторической общности позднего энеолита. Затем в позднем бронзовом веке здесь проживали носители традиций раннего (атабаевского) этапа маклашеевской культуры (XIV–XII вв. до н. э.). Возведение городищенских укреплений (вала и рва) на мысу связаны с освоением площадки населением акозинской культуры ананьинской культурно-исторической области (IX–IV/III вв. до н. э.), с финалом последней городище запустевает.

Ключевые слова: археология, р. Свяяга, городище, финальный энеолит, волосовская культурно-историческая общность, маклашеевская культура, атабаевский этап, ананьинская культурно-историческая область, акозинская культура.

Введение

В 2017 г. Институтом археологии им А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан проводились археологические исследования в пределах буферной зоны достопримечательного места «острова-града» Свяяжск. В рамках этой программы на территории Исаковского городища, были проведены раскопки общей площадью 85 м².

Исаковское городище, расположенное на левом берегу р. Свяяга, при ее впадении в Волгу (рис. 1: А), было открыто В.Н. Марковым в 1990 г. и в том же году было осмотрено А.М. Губайдуллиним (Губайдуллин, 1991, с. 1–2). Тогда же был снят план городища и зачищен береговой склон с южной стороны. В обнажении культурного слоя в западной части памятника был собран подъемный материал, состоявший из тонкостенных фрагментов

гончарной керамики желто-оранжевого, бурого и серого цветов с примесью мелкого песка в тесте. На основании этих находок городище было отнесено золотоордынскому периоду Волжской Булгарии (вторая половина XIII-го – XIV вв. н. э.) (Губайдуллин, 1991, с. 2). Также исследователем была отмечена система укреплений городища, состоящая из двух валов и рва между ними (Губайдуллин, 1991, с. 2). На сегодняшний день фиксируется только один ров глубиной до 0,5 м и расположенный за рвом вал высотой до 1,5 м.

Городище занимает высокий мыс останца террасы в виде треугольника, вытянутого с юга на север (рис. 1: Б). Высота мыса над урезом Куйбышевского водохранилища составляет около 15 м. Большая часть площадки городища задернована и поросла широколиственным лесом. С северной стороны мыса находятся

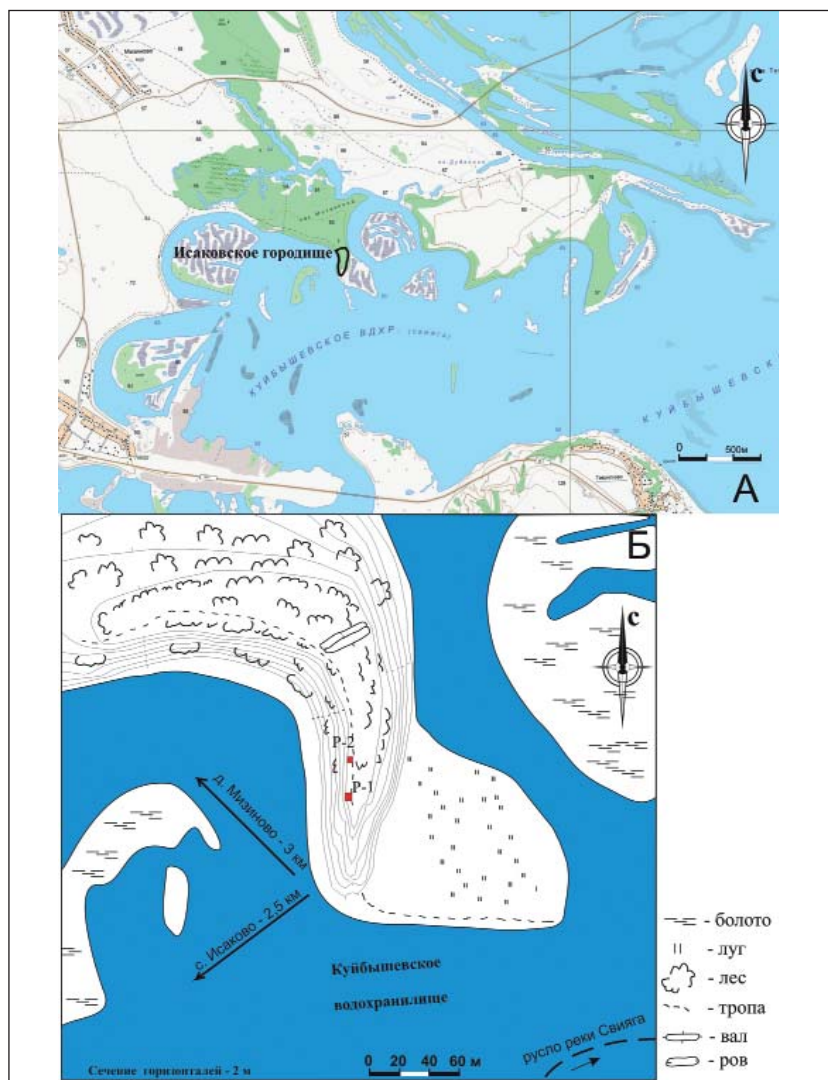

Рис. 1. Общий план Исаковского городища. А – карта-схема расположения городища, Б – ситуационный план городища (по А.М. Губайдуллину).

Fig. 1. General plan of the Isakovo hillfort. А – map of the hillfort location, Б – situational plan of the hillfort (on A.M. Gubaydullin).

отмеченные выше укрепления в виде вала и рва. Площадь городища составляет около 3240 м².

В южной мысовой части городища в 2017 г. был заложен раскоп 1 площадью 50 м² (5×10 м), вытянутый по линии «восток-запад». В 45 м к северу от раскопа 1 разбит раскоп 2 площадью 35 м² (5×7 м), вытянутый по ли-

нии «север-юг». Мощность культурных напластований в обоих раскопах составила 40–60 см. В раскопе 1 было зафиксировано три объекта (сооружение 1 и две столбовые ямы внутри него), а в раскопе 2 было выявлено десять объектов в виде разнообразных ям. В обоих раскопах были найдены фрагменты лепной керамики и изде-

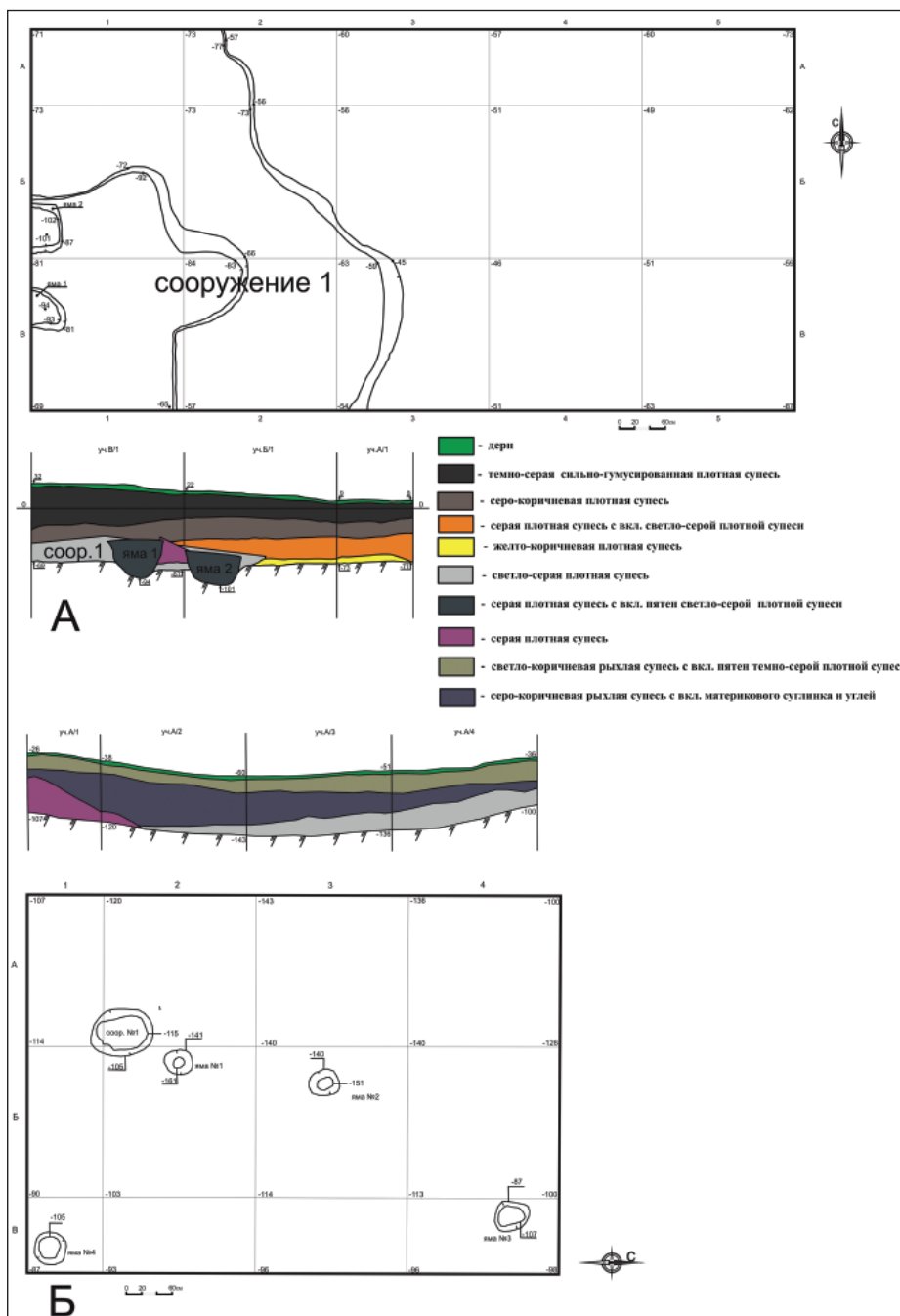

Рис. 2. Планы и профили раскопов: А – раскоп 1; Б – раскоп 2.

Fig. 2. Excavation plans and profiles: А – excavation 1; Б – excavation 2.

лия из камня. Суммарно зафиксировано 354 находки, в том числе: на раскопе 1 – 94, а на раскопе 2 – 260. Таким

образом, насыщенность культурного слоя памятника возрастает от мыса к укреплениям городища.

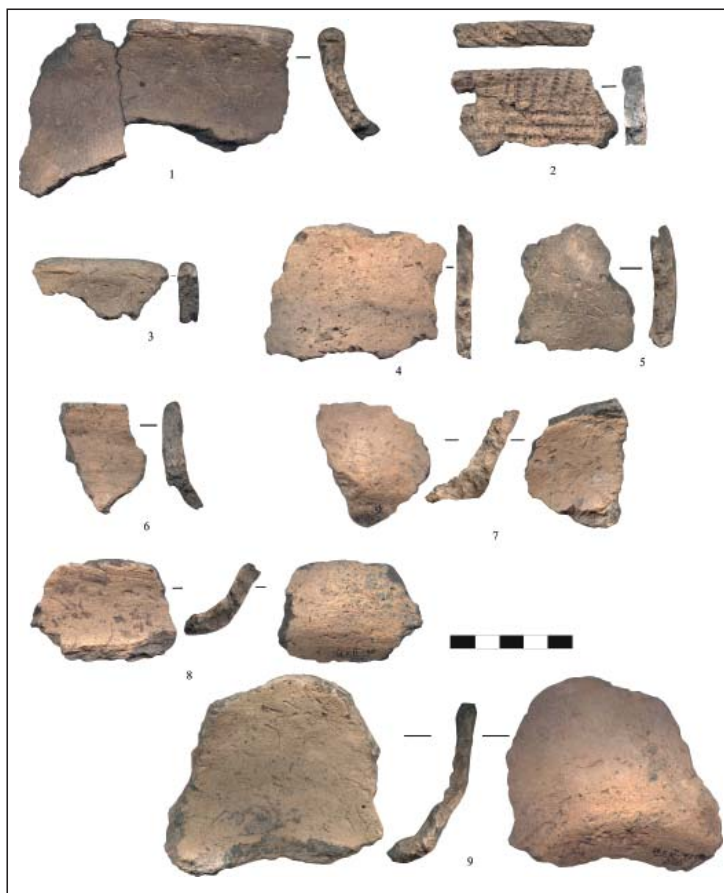

Рис. 3. Фрагменты керамики позднего этапа средневожского варианта волосовской культурно-исторической общности: 1, 3-9 – скопление фрагментов в яме 1, раскоп 2; 2 – фрагмент из раскопа 1.

Fig. 3. Fragments of ceramics of the late stage of the Middle Volga variant of the Volosovo cultural and historical community: 1, 3-9 – accumulation of fragments in pit 1, excavation 2; 2 – fragment from excavation 1.

В раскопе 1 (рис. 2: А) зафиксирована следующая обобщенная стратиграфия (вне сооружений):

– дерн мощностью 5–8 см – находок не содержал;

– тёмно-серая сильно гумусированная плотная супесь, мощностью от 16 до 77 см – в верхней части слоя найдены 13 фрагментов керамики позднего энеолита, 10 фрагментов керамики с текстильными отпечатками, фрагмент керамического пряслица, один неопределенный фрагмент кера-

мики, 16 каменных артефактов и один фрагмент раковины, использованный в качестве скребка.

– серо-коричневая плотная супесь, мощностью от 8 до 38 см – найдены четыре фрагмента керамики позднего энеолита и пять кремневых изделий.

– желто-коричневая плотная («предматериковая») супесь, мощностью от 2 до 23 см – найдены: один фрагмент керамики позднего энеолита, три фрагмента керамики с тек-

Рис. 4. Фрагменты керамики позднего этапа средневолжского варианта волосовской культурно-исторической общности из раскопа 1.

Fig. 4. Fragments of ceramics of the late stage of the Middle Volga variant of the Volosovo cultural and historical community from excavation 1.

стильными отпечатками и четыре кремневых предмета.

В раскопе на глубине 20 см от поверхности было выявлено заполнение сооружения 1 в виде пятна темно-серой сильно гумусированной плотной супеси с включением пятен светло-серой и серой плотной супеси неправильной формы (размером 482×500 см). Возможно, здесь раскопом была затронута часть

жилища-полуземлянки финального энеолита глубиной около 50–70 см. Стенки сооружения были скошены к центру, дно – уплощенное с углублением к западной стенке раскопа. Кроме этого, внутри сооружения 1, в западной стенке раскопа были отмечены ямы, вероятно, от столбов. В заполнении найдены 16 фрагментов лепной керамики энеолитического облика и кремневое орудие.

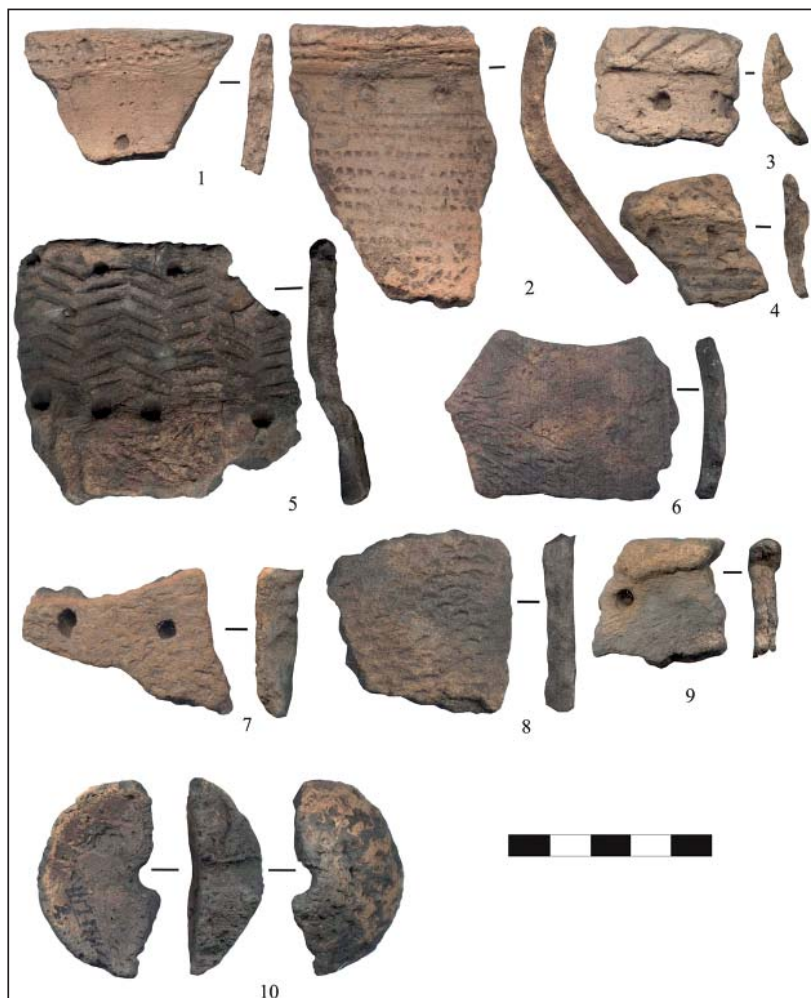

Рис. 5. Фрагменты керамики позднего бронзового (1–4) и раннего железного веков (5–9): 1–4, 9 – из раскопа 2; 5–8 – из раскопа 1; пряслице – 10.

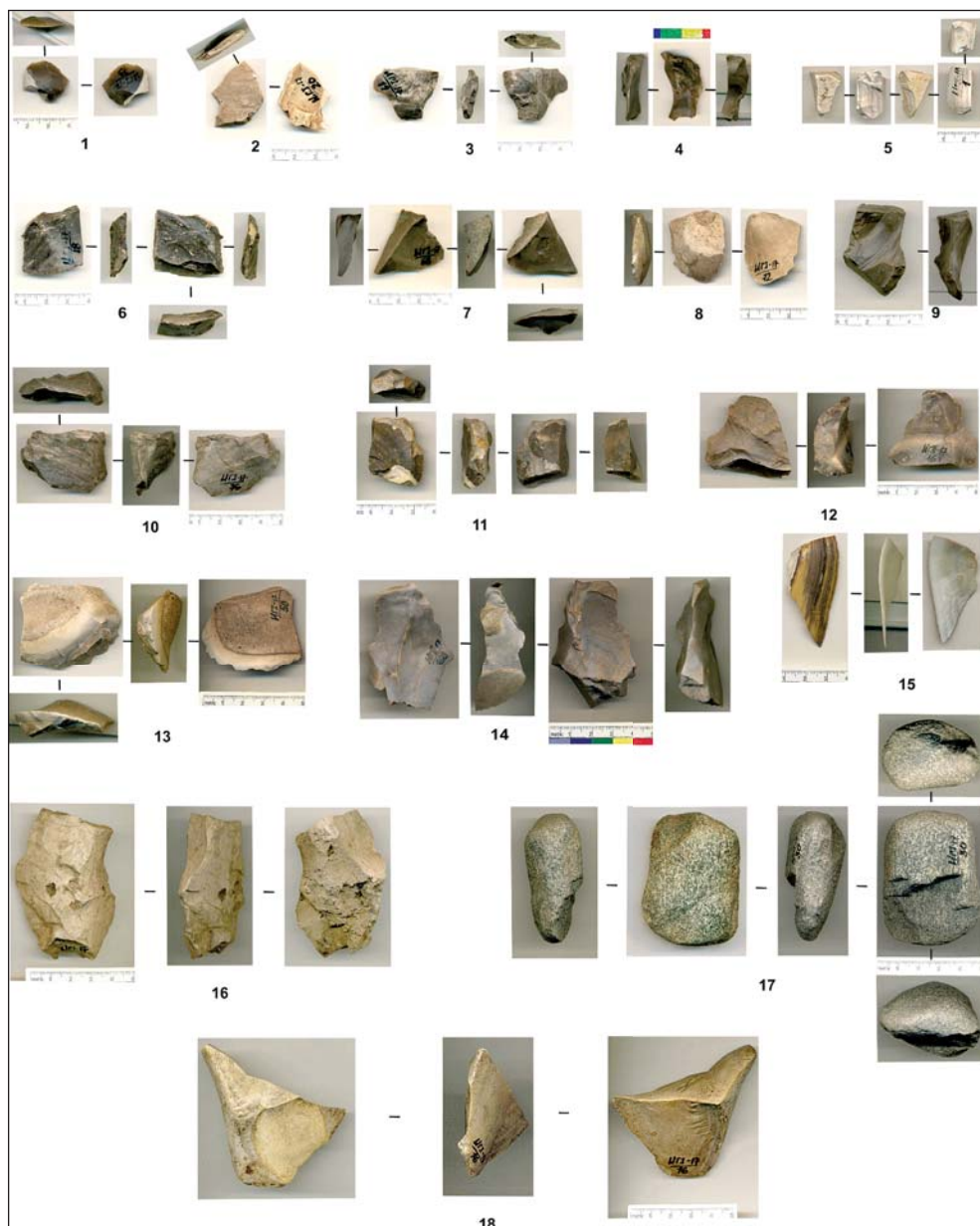
Fig. 5. Fragments of ceramics of the Late Bronze (1–4) and the Early Iron Ages (5–9): 1–4, 9 – from excavation 2; 5–8 – from excavation 1; spindle – 10.

Раскоп 2 (рис. 2: Б) несколько отличается своей стратиграфией, которая выглядит следующим образом:

- дерн – 5–8 см – найден один фрагмент неопределенной керамики;
- серо-коричневая рыхлая супесь с включением линз тёмно-серой плотной супеси, мощностью от 11 до 22 см – найдены 9 фрагментов энеолитической керамики, 1 один фрагмент

венчика атабаевской керамики позднего бронзового века и 6 фрагментов неопределенной керамики.

- серо-коричневая рыхлая супесь с включением линз материкового желто-коричневого суглинка, угольков, древесного тлена мощностью от 8 до 60 см – найдены 38 фрагментов керамики эпохи энеолита, два фрагмента керамики позднего бронзового века –

атабаевского этапа маклашеевской культуры и 10 фрагментов неопределенной керамики.

– светло-серая плотная супесь, мощностью от 2 до 34 см – находок не содержала.

В раскопе зафиксированы остатки сооружения 1 в виде пятна серой плотной супеси округлой

формы диаметром 60 см. Во время выборки определено, что сооружение 1 имеет отвесные ровные стенки и относительно ровное дно на уровне -165 см от 0. Находок не выявлено. Возможно это яма от достаточного крупного столба. Также в раскопе были отмечены еще четыре столбовые ямы.

Рис. 6. Орудия: 1 – 11, 13, 14, 16, 18 – кремь; 12 – халцедон; 15 – раковина; 17 – крупнозернистая порода.

1 – отщеп (скребок); 2 – резец угловой двугранный; 3 – фрагмент скола (скобель и угловой резец); 4 – длинный аморфный скол (резец); 5 – микронуклеус на массивном сколе с другого нуклеуса (стамеска); 6 – фрагмент отщепа (резец-стамеска-скобель); 7 – отщеп (скобель), 8 – скребок боковой (поврежден лопатой), 9 – заготовка микронуклеуса (стамеска), 10 – заготовка микронуклеуса торцового с ретушированным дистальным концом (стамеска), 11 – заготовка микронуклеуса торцового или нуклевидный резец, 12 – ретушной резец, 13 – отщеп с зубчатой ретушью и подтеской края (стамеска-скобель); 14 – массивный аморфный скол (скобель), 15 – скребок из фрагмента раковины, 16 – заготовка нуклеуса на фрагменте конкреции (стамеска), 17 – терочник из гальки, 18 – галечное орудие (долото?) на фрагменте крупной гальки кремня (вторично – строгальный нож).

Fig. 6. Tools: 1 – 11, 13, 14, 16, 18 – flint; 12 – chalcedony; 15 – shell; 17 – coarse-grained rock. 1 – flake (scraper); 2 – burin angled dihedral; 3 – flake fragment (scraper and angled burin); 4 – long amorphous flake (burin); 5 – micro-core (chisel); 6 – flake fragment (burin-chisel-scraper); 7 – flake (scraper); 8 – scraper (damaged with a shovel); 9 – pre-microcore (chisel); 10 – pre-microcore with retouched distal end (chisel); 11 – pre-microcore or nucleus-shaped burin; 12 – retouched burin; 13 – retouched flake (chisel-scraper); 14 – massive amorphous flake (scraper); 15 – scraper made of the shell fragment; 16 – pre-core (chisel); 17 – abrasive of pebble; 18 – pebble tool (chisel?) (secondary –planning knife).

Представляет интерес заполнение ямы 1, отмеченное к квадрату В/3. Из-за незначительного попадания в план раскопа яма была выявлена в профиле восточной стенки раскопа на уровне - 78 см от 0 в виде прослойки серой плотной супеси с включением угольков шириной до 26 см. Яма имела практически ровные стенки и относительно ровное дно на уровне -106 см от 0. Дневной уровень ямы был перекрыт прослойкой серо-коричневой рыхлой супеси с включением пятен материкового суглинка, древесного тлена, материкового суглинка, угольков. Еще до выявления четких границ ямы на этом участке было выявлено скопление керамики энеолитического облика – 170 фрагментов керамики от нескольких сосудов.

Каменные артефакты, найденные в раскопах (45 предметов), включают 35 экземпляров, служивших разными орудиями (рис. 6, 7). К ним примыкает одно орудие, в качестве которого был использован фрагмент раковины речного моллюска

(рис. 6: 15). В качестве каменного сырья использовались преимущественно кремнистые образования: кремь светло-серого, серого и светло-коричневого цветов разного качества (15 экз.), слоистый серый кремь высокого качества (13), окремелый известняк кремового или желтоватого цвета (10), своеобразный серый кремь с высоким содержанием халцедона (3). Также отмечены три орудия из светло-серого кварцита и одно специфическое орудие (терочник) из гальки темно-серого твердого камня (рис. 6: 17).

Каменный инвентарь включает следующие группы изделий:

– заготовки торцовых нуклеусов на конкрециях кремня с выделенными ударными площадками и тыльным ребром, а также с ретушью утилизации – 2 экз. (рис. 6: 16);

– заготовки торцовых микронуклеусов (пренуклеусы) – 5 экз; причем две заготовки выполнены на фрагментах прежних нуклеусов (рис. 6: 5), а одна – на фрагменте шлифованного

Таблица 1

Раскоп 1. Распределение находок по пластам

Пласт/ культура	Фрагменты керамики					Каменные артефакты	Индивидуальные находки
	энеолит	аказино	текстильная	непрделен	всего		
2 пласт	13	10		1	24	16	
3 пласт	4				4	5	напрясло, фрагмент раковины- скребок
4 пласт	1		3		4	4	
Соор 1, пласт 3	14				14	1	
Соор 1, пласт 4	2				2		
отвал	7	2	1	4	14		
Всего	41	12	4	5	62	26	2

Таблица 2

Раскоп 2. Распределение находок по пластам

Пласт/культура	Фрагменты керамики				Каменные артефакты
	энеолит	атабаевский этап маклашеевской культуры	неопределенная	всего	
1 пласт	1			1	
2 пласт	9	1	6	16	5
3 пласт	38	2	8	48	9
4 пласт			2	2	4
яма 1, пласт 4	170			170	1
отвал		1	3	4	
	218	4	19	241	19

орудия (рис. 7: 9); также в их числе – пренуклеусы, которые использовались вторично в качестве резца (рис. 6: 11) и стамесок (рис. 6: 5, 9, 10);

– сколы подправки нуклеусов и отщепы (в том числе и с ретушью утилизации) – 6 экз. (рис. 7: 10, 18);

– ножи – 6 экз., причем, морфологически выражен лишь нож-ложкарь – отщеп с вытянутым острым ретушированным концом (рис. 7: 14), остальные пять ножей – отщепы с ретушью утилизации по краям (рис. 7: 12, 13, 15), в том числе один отщеп из кварцита (рис. 7: 8);

– строгальные ножи – 2 экз., выделены по наличию следов ретуши утилизации на краях, это: отщеп желтого

кремня – нож-пилка (рис. 7: 11) и пластина слоистого кремня – нож с двумя лезвиями (рис. 7: 4);

– резцы – 4 экз., два из которых намеренно выполнены путем ретуши или резцовых сколов – ретушной резец на массивном сколе (рис. 6: 12) и угловой двугранный резец на фрагменте скола с коркой (рис. 6: 2), еще два резца не несут признаков вторичной обработки и выявлены по наличию фасеток ретуши утилизации на углах (рис. 6: 4);

– бифасы – заготовки наконечников стрел (в средней стадии) – 4 экз., в том числе: бифасы из кварцита (рис. 7: 19), из кремня (рис. 7: 7), из окремнелого известняка со вторичной

функцией ножа (рис. 7: 17), а также фрагмент бифаса из кремня с примесью халцедона (рис. 7: 3);

– бифас – небольшое рубящее орудие (долото?), расколотое вдоль, с пришлифованной спинкой, из окремнелого известняка (рис. 7: 16);

– наконечники стрел (не бифасы) – 2 экз., в том числе: мелкий отщеп без вторичной обработки со следами метательного износа (рис. 7: 2) и фрагмент наконечника листовидной формы с выделенным насадом, выполненный из черного качественного кремня, с зубчатой ретушью по краю и ретушированным насадом (по обоим краям и на брюшке), вторично – резчик на углу слома (рис. 7: 1);

– скребки – 2 экз., в том числе: боковой скребок с прямым ретушированным краем на отщепе (рис. 6: 8) и отщеп округлый с ретушью утилизации (рис. 6: 1).

– скобели – 3 экз., это сколы и отщеп с ретушью утилизации, служившие для скобления твердого материала (рис. 6: 14), либо – мягкого (рис. 6: 3);

– единичные формы каменных орудий – 8 экз., в том числе: конкреция слоистого кремня – отбойник; галечное орудие (долото?) – окатанное, выполнено из крупной кремневой гальки, вторично использовано как строгальный нож (рис. 6: 18); галькатерочник – орудие интенсивно сработано (рис. 6: 17); резчик – мелкий скол со шлифованного орудия со следами работы на углах (рис. 7: 5); угловой резец-скобель по твердому материалу на отщепе с ретушью утилизации (рис. 6: 7); отщеп с зубчатой ретушью и подтеской края – стамеска-скобель по твердому материалу (рис. 6: 13); фрагмент отщепа с ретушью утилиза-

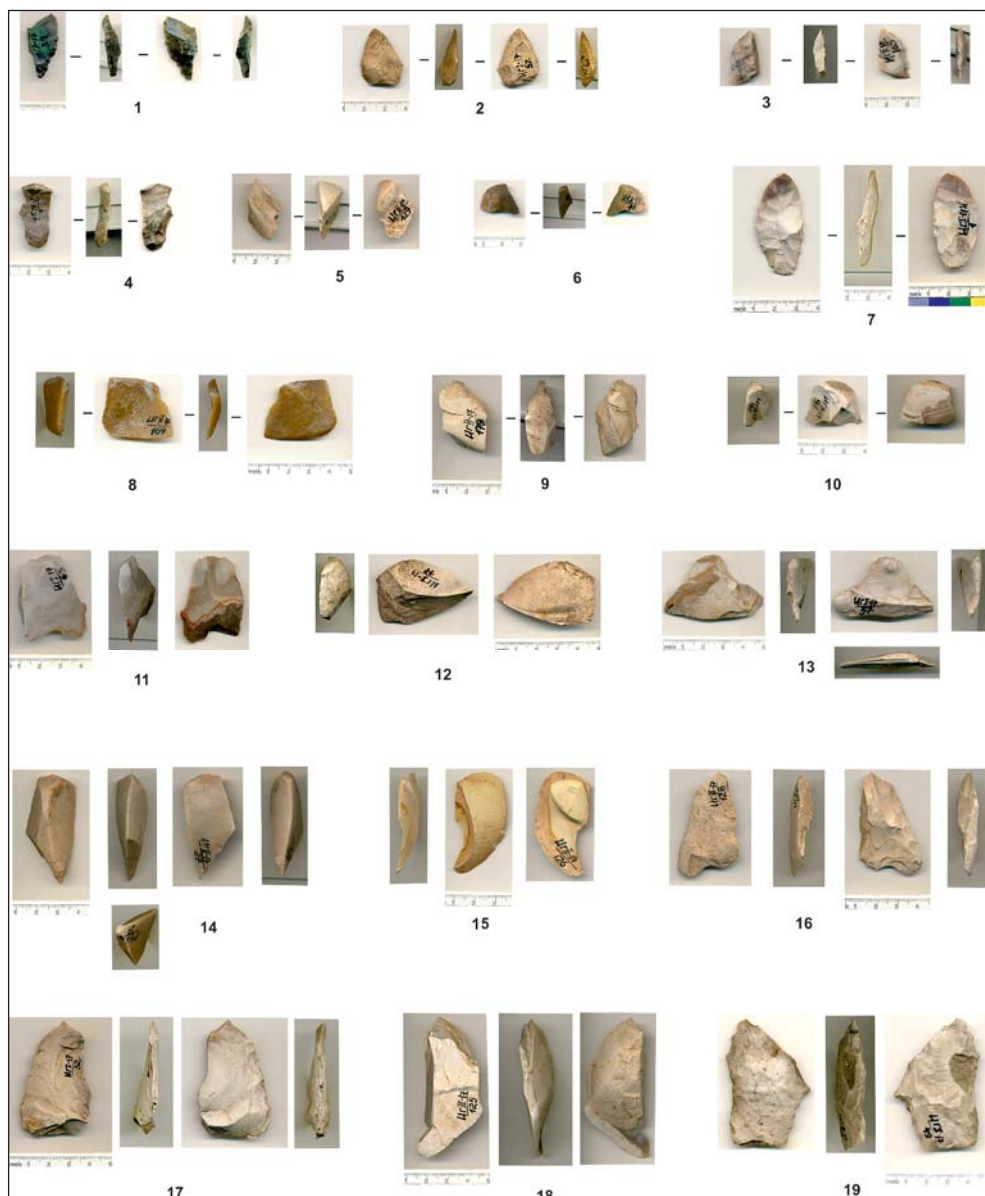
ции – стамеска-скобель-резец (рис. 6: 6); фрагмент кварцевой пластины с ретушью утилизации по краю (был в огне) (рис. 7: 6).

Особо следует отметить оригинальное орудие из фрагмента раковины с острым углом – скребок по мягкому материалу (рис. 6: 15).

Керамический материал из раскопов состоит из фрагментов лепных сосудов (303 экземпляра) разного облика (табл. 1, 2), которые могут быть распределены по следующим культурно-хронологическим группам:

Фрагменты энеолитической керамики волосовской культурной принадлежности, численно преобладают (258 экз.). Это, в основном, неорнаментированная толстостенная посуда, сделанная из глины с примесью органики, и возможно, птичьего пуха (рис. 3, 4). Вся волосовская посуда, найденная на раскопе, была плоскодонной. В Марийском Поволжье доля неорнаментированной керамики на поселениях позднего этапа волосовской общности зачастую составляет 50–75% (Никитин, 2017, с. 120, 126, 139). Неорнаментированная плоскодонная керамика в средневолжском варианте волосовской культурно-исторической общности появляется на позднем этапе. В калиброванных значениях абсолютных дат это время приходится на середину – третью четверть III тыс. до н. э. (Никитин, 2017, с. 210). В это же время в Марийском Поволжье появляются поселения носителей волосовских традиций, расположенные на высоких мысах высотой от поймы более 10 м (Никитин, 2017, с. 117). В дальнейшем, в самом финале средневолжского волосово, у носителей керамики выжумского

типа также преобладают поселения на высоких террасах и дюнах вдоль рек и старичных водоемов (Соловьев, 2000, с. 16). Схожая высота отмечается и у энеолитического поселения на Исаковском городище (около 15 м). На территории Татарстана в Предволжье, в ближайшей округе Исаковского городища, также известны поселения энеолитического времени,

расположенные на высоких мысах (Антоновское городище, Нижне-Услонское поселение и т.д.) (Халиков, 1961, с. 64–76). Все это позволяет соотносить энеолитические материалы Исаковского городища с поздним этапом средневожского варианта волосовской культурно-исторической общности и датировать их в пределах

Рис. 7. Орудия: 1–2,4,5,7–17,12–18 – кремний, 6,11,19 – кварцит; 3 – халцедон.

1 – наконечник стрелы с зубчатой ретушью на крае и черешке (вторично – резчик), 2 – мелкий отщеп (наконечник стрелы?), 3 – фрагмент заготовки наконечника стрелы, 4 – пластина (строгальный нож), 5 – мелкий скол со шлифованного орудия (резчик), 6 – фрагмент пластины (рукояточная часть орудия, был в огне), 7 – бифас листовидной формы (заготовка наконечника стрелы или ножа), 8 – отщеп (пилка или строгальный нож), 9 – осколок шлифованного орудия (заготовка торцового микронуклеуса?), 10 – массивный скол (скобель?), 11 – отщеп (нож или пилка), 12,13,15,18 – отщепы (ножи), 14 – нож-ложкарь, 16 – фрагмент шлифованного орудия (резчик), 17 – заготовка наконечника в начальной стадии, 19 – заготовка наконечника в средней стадии.

Fig. 7. Tools: 1–2,4,5,7–17,12–18 – flint, 6,11,19 – quartzite; 3 – chalcedony.

1 – arrowhead (secondary – small burin), 2 – small flake (arrowhead?), 3 – fragment of the arrowhead blank, 4 – blade (planning knife), 5 – flake of small the polished tool (small burin), 6 – blade fragment (hafted part of tool, redded), 7 – leaf-shaped biface (blank for arrowhead or knife), 8 – flake (saw or planning knife), 9 – flake of polished tool (pre-microcore?), 10 – massive flake (scraper?), 11 – flake (knife or saw), 12,13,15,18 – flakes (knives), 14 – knife-for wood-working, 16 – fragment of polished tool (small burin), 17 – initial blank for arrowhead, 19 – blank for arrowhead.

середины-третьей четверти III тыс. до н. э.

Представляют интерес некоторые аналогии неорнаментированной керамики Исаковского городища, которые можно найти в материалах из поселения Царицыно, исследованного в Подмоскowie (Археология парка Царицыно..., 2008, рис. 39). Однако такая керамика отнесена автором к фатьяновской культуре. В случае с поселением Царицыно мы наблюдаем схожую топографию с Исаковским городищем: поселение Царицыно, как и Исаковское городище, расположено на высоком мысу.

По всей видимости, к энеолитическому времени относится и большинство вышеотмеченных кремневых изделий. В этом также можно проследить связь с поздним волосово-Марийского Поволжья. Наблюдается небрежность в обработке кремня, исчезают выдержанные геометрические формы, которые так характерны для предыдущих этапов развития культуры (Никитин, 2017, с. 117).

Фрагменты керамики позднего бронзового века, относящиеся к атабаевской культурной традиции, ма-

лочисленны (4 экз.) и представлены характерными венчиками сосудов с уплощенным валиком (рис. 5: 1–4). Орнамент на этой керамике несколько отличается от классического орнамента на атабаевских сосудах Казанского Поволжья и Прикамья (Халиков, 1980). Это горизонтальные ряды разреженной гребенки, располагавшейся по тулову сосуда. В глиняном тесте наблюдается примесь песка, в отличие от классических примесей раковины и органики в атабаевских сосудах. Такой орнамент, как и примесь песка в тесте, весьма характерны для более западного – аким-сергеевского – типа керамики, который сочетает в себе как атабаевские, так и некоторые поздняяковские признаки (Археология Мордовского края..., 2008, с. 200, рис. 263–282). По аналогиям датировать такую керамику можно в пределах XIV–XII вв. до н. э. (Кузьминых, Чижевский, 2009, рис. 2, 3). К атабаевскому этапу можно отнести находку орнаментированного пряслица вогнуто-выпуклой формы, найденного в раскопе 1 (рис. 5: 10). Такие пряслица являются характернейшими изделиями атаба-

евского этапа маклашеевской культуры (Калинин, Халиков, 1954, рис. 14, 47) Полные аналогии таким пряслицам можно найти также в древностях аким-сергеевских памятников (Археология Мордовского края., 2008, рис. 264, 281). Сооружений, относящихся к атабаевскому времени на раскопах не выявлено.

В раскопах были найдены фрагменты текстильной керамики (4 экз.), залегавшие в культурном слое, вне сооружений. Это стенки сосудов с текстильными отпечатками и ямками по тулову (рис. 5: 6–8) и венчик (рис. 5: 9). По морфологии данных фрагментов керамики нельзя четко определить, относятся ли они к позднему бронзовому (XIV–X вв. до н. э.) или же уже к раннему железному веку.

И наконец, в раскопах были выявлены фрагменты керамики раннего железного века аозинской культуры ананьинской культурно-исторической области (IX–IV/III вв. до н. э.). Особенностью этой керамики, среди керамики других культур ананьинского мира, являются текстильные отпечатки по тулову сосуда (рис. 5: 5) – один фрагмент венчика и 11 фрагментов стенок сосудов с затертыми текстильными отпечатками. К этому времени, вероятно, относится возведение укреплений городища.

Выводы

Исходя из обнаруженных материалов в двух раскопах 2017 года, можно сделать заключение о том, что изученный памятник функционировал начиная с энеолита и, с перерывами, до раннего железного века.

Каменные артефакты, найденные в культурных напластованиях Исаковского городища, могут быть отнесены к периоду энеолита – бронзового

века. Об этом говорят следующие особенности: 1) виды использованного каменного сырья, в частности слоистого серого кремня; 2) функционально-морфологические характеристики орудий и бифасиальных заготовок наконечников стрел; 3) присутствие в коллекции сколов со шлифованных орудий из окремнелого известняка. Правомерность нашего предположительного определения возраста каменного инвентаря подтверждается его залеганием совместно с фрагментами керамики позднего энеолита и позднего бронзового века.

На протяжении этого времени площадка городища заселялась несколько раз. Наиболее ранними поселенцами на этом месте были носители традиций средневожского варианта волосовской культурно-исторической общности, который бытовал в середине – третьей четверти III тыс. до н. э. Судя по стратиграфии и находкам волосовской керамики в заполнениях материковых объектов, к этому времени относятся все сооружения и ямы обоих раскопов. Раскопом 1 была затронута часть полуземлянки глубиной около 50–70 см. Такие же полуземлянки различной глубины зафиксированы на памятниках различных периодов существования волосовской культурно-исторической общности.

Немногочисленные находки, относящиеся к эпохе бронзы – атабаевскому этапу маклашеевской культуры (XIV–XII вв. до н. э.) и раннему железному веку – аозинской культуре ананьинской культурно-исторической области (IX–IV/III вв. до н. э.), которые, тем не менее, равномерно рассредоточены по площади двух раскопов.

Исаковское городище, судя по топографии своих укреплений, имеет некоторые аналогии с ананьинскими городищами Прикамья первого морфотипа (Гремячий ключ, Тихогорское I и др.) (Чижевский и др., 2017; Хисьяметдинова, Чижевский, 2018, с. 125; Чижевский и др. 2018, с. 310–311). Однако, разница состоит в том, что площадка Исаковского городища с двух сторон обрамлена не оврагами, а древним руслом р. Свияга, ныне подтопленным.

Таким образом, в результате проведенных исследований была уточнена датировка Исаковского городища как

памятника эпохи первобытности. По обнаруженным артефактам, данным планиграфии и стратиграфии Исаковское городище может быть датировано в пределах середины III тыс. до н. э. – серединой I тыс. до н. э. В позднем энеолите и бронзовом веке это было неукрепленное поселение, а затем, вероятно, в раннем железном веке здесь были возведены укрепления (вал и ров).

На площадке городища не было зафиксировано каких-либо средневековых артефактов, что позволяет го-

ворить, что площадка городища заустевает с финалом ананьинской культурно-исторической области в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археология Мордовского края: Каменный век, эпоха бронзы. моногр. / Отв. ред. В.В. Ставицкий, В.Н. Шитов. Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2008. 552 с.
2. Археология парка Царицыно: По материалам исследований экспедиции Института археологии РАН 2002–2008 гг. / Авт.-сост. Н.А. Кренке, отв. ред. Л.А. Беляев. М.: ИА РАН, 2008. 364 с.
3. *Губайдуллин А.М.* Отчет об археологической разведке на территории Зеленодольского и Рыбнослободского районов Татарской ССР в 1990 г. Казань, 1991 / НФ МАРТ ИА им. А.Х. Халикова АН РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д.42.
4. *Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951–1951 гг. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 157–246.
5. *Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / АЕС. Вып.8. Елабуга: ИИ АН РТ, 2009. С. 29–55.
6. *Никитин В.В.* На грани эпохи камня и металла. Средневожский вариант волосовской культурно-исторической общности: монография / Материалы и исследования по археологии Поволжья и Урала. Вып. 10. Йошкар-Ола: МарГУ, 2017. 765 с.
7. *Соловьев Б.С.* Бронзовый век Марийского Поволжья // Тр. МАЭ. Т. VI. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2000. 264 с.
8. *Халиков А.Х.* Археологические исследования в западных районах по правобережью р. Волга в 1960 году // Отчет о полевых работах I отряда Археологической экспедиции ИЯЛИ КФАН СССР в 1960 году. Казань, 1961 / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д.2084.
9. *Халиков А.Х.* Приказанская культура / САИ. Вып. 1-24. М.: Наука, 1980. 128 с.

10. Хисьяметдинова А.А., Чижевский А.А. Методические аспекты изучения оборонительных сооружений городищ Волго-Камья раннего железного века – раннего средневековья // Поволжская археология. 2018. № 1. С. 107–136.

11. Чижевский А.А., Хисьяметдинова А.А., Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д. Оборонительные сооружения городища Гремячий Ключ // Поволжская археология. 2017. № 3. С. 221–243.

12. Чижевский А.А., Хисьяметдинова А.А., Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д. Тихогорские I и II городища, комплексные исследования оборонительных сооружений // АЕС. 2018. № 2. С. 310–336.

Информация об авторах:

Лыганов Антон Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ligaant@rambler.ru

Хамзин Раднон Наильевич, младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); khzn80@yandex.ru

Галимова Мадина Шакировна, кандидат исторических наук, зав. отделом первобытной археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); mgalimova@yandex.ru

MATERIALS OF THE ENEOLITHIC FROM THE ISAKOVO HILLFORT ON THE SVIYAGA RIVER

A.V. Lyganov, R.N. Khamzin, M.Sh. Galimova

The paper features the results of excavations conducted in 2017 at Isakovo hillfort located in the mouth of the Sviyaga river (right tributary of the Volga) in the buffer zone of the Island Fort of Sviyazhsk. It presents an analysis of the various ceramic complexes and stone implements discovered at the excavations. The authors determined that the initial colonization of the cape on which the settlement is located occurred in the middle of the third quarter of the 3rd Millennium B.C. when it was inhabited by representatives of the Middle Volga variation of the Volosovo cultural and historical community of Late Eneolithic. Then, in the Late Bronze Age the territory was inhabited by representatives of an early (Atabaevo) stage of the Maklasheevka culture (14th–12th centuries B.C.). The construction of settlement fortifications (rampart and moat) on the cape is related to the colonization of the site by the population of the Akozino culture from the Ananyino cultural and historical area (9th–4th/3rd centuries B.C.), and when the latter perished, the settlement was abandoned.

Keywords: archaeology, Sviyaga River, hillfort, Final Eneolithic, the Volosovo cultural and historical community, Maklasheevka culture, Atabaevo stage, Ananyino cultural and historical area, Akozino culture.

REFERENCES

1. Stavitskii, V. V., Shitov, V. N. (eds.). 2008. *Arkheologiya Mordovskogo kraia: Kamennyi vek, epokha bronzy (Archaeology of the Mordva Land: Stone Age and Bronze Period)*. Saransk: Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (in Russian).
2. In Krenke, N. A. (comp.), Belyaev L. A. (ed.). 2008. *Arkheologiya parka Tsaritsyno: Po materialam issledovaniy ekspeditsii Instituta arkheologii RAN 2002–2008 gg. (Archaeology of Tsaritsyno Park: on the Basis of Materials of Studies conducted by the Expedition of the Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences, in 2002–2008)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
3. Gubaidullin A.M. 1991. *Otchet ob arkheologicheskoy razvedke na territorii Zelenodol'skogo i Rybnoslobodskogo rayonov Tatarskoy SSR v 1990 g. (Report on Archaeological Surveys in Zelenodol'skogo i Rybnoslobodskogo rayonov Tatarskoy SSR v 1990 g.)*

sky and Rybno-Slobodsky Districts of the Tatar SSR in 1990). Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 4. Inv. 1, dossier 42 (in Russian).

4. Kalinin, N. F., Khalikov, A. Kh. 1954. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* I. Series: Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology) 42. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 157–246 (in Russian).

5. Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *U istokov arkhologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Yelabuga: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 29–55 (in Russian).

6. Nikitin, V. V. 2017. *Na grani epokhi kamnya i metalla. Srednevolzhskiy variant volosovskoy kul'turno-istoricheskoy obshhnosti (Between the Stone and Metal Periods. Middle Volga Variation of the Volosovo Cultural and Historical Community)*. Series: Arkheologiya Povolzhia i Urala. Materialy i issledovaniia (Volga and the Urals Archaeology. Materials and Studies) 10. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

7. Solov'ev, B. S. 2000. *Bronzovyi vek Mariiskogo Povolzh'ia (Bronze Age of Mari Volga Area)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition VI. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).

8. Khalikov, A. Kh. 1961. *Otchet o polevykh rabotakh I otryada Arkheologicheskoy ekspeditsii IYaLI KFAN SSSR v 1960 godu. (Report on the Fieldworks of the 1st Group of the Archaeological Expedition of G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences in 1960)*. Kazan. Archives of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. R-1, dossier 2084 (in Russian).

9. Khalikov, A. Kh. 1980. *Prikazanskaia kul'tura (The Prikazanskaya Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) 1-24. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

10. Khisiemetdinova A. A., Chizhevsky, A. A. 2018. In *Povolzhskaya arkhologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 107–136 (in Russian).

11. Chizhevsky, A. A., Khisiemetdinova A. A., Spiridonova E. A., Aleshinskaia A. S., Kochanova M. D. 2017. In *Povolzhskaya arkhologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 221–243 (in Russian).

12. Chizhevsky, A. A., Khisiemetdinova A. A., Spiridonova E. A., Aleshinskaia A. S., Kochanova M. D. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2. 310–336 (in Russian).

About the Authors:

Lyganov Anton V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ligaant@rambler.ru

Khamzin Radion N. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; khnr80@yandex.ru

Galimova Madina Sh. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; mgalimova@yandex.ru

Статья поступила в номер 16.07.2018 г.

УДК 903.01 903.2

<https://doi.org/10.24852/2018.3.25.258.278>

ХАРАКТЕРИСТИКА КАМЕННОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ПОЗДНЕГО ЭНЕОЛИТА В ИКСКО-БЕЛЬСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

© 2018 г. А.В. Шипилов

В статье предпринимается обобщение имеющегося к настоящему времени массива каменных артефактов, полученного в результате исследований на поселенческих позднеэнеолитических памятниках Икско-Бельского междуречья. Рассмотрение каменного инвентаря позволяет выявить локальные типологические, технологические, морфологические и функциональные особенности, получивши распространение в среде энеолитического населения в рамках рассматриваемой территории. Автор делает вывод о том, что в каменном инвентаре поселений сохраняются орудия из пластин, но удельный вес пластинчатой индустрии резко падает, и основную массу орудий составляют изделия из отщепов. Вместе с тем в каменной индустрии позднеэнеолитического населения Нижнего Прикамья прослеживается сохранение традиции характерные для позднеэнеолитического-раннеэнеолитического времени.

Ключевые слова: археология, Икско-Бельское междуречье, поздний энеолит, волосово-гаринская общность, кремневый инвентарь, орудие, стоянка, поселение.

Введение. Анализ материалов поселенческих памятников позднеэнеолитической эпохи позволяет получить данные о динамике культурных контактов в рассматриваемом регионе. Непосредственно рассмотрение массива каменного инвентаря позволяет получить данные о динамике развития каменной индустрии в среде позднеэнеолитического населения Икско-Бельского междуречья. Каменный инструментарий, обнаруженный на поселенческих памятниках позднего энеолита рассматриваемой территории, представляет собой яркий и выразительный источниковый материал, дающий достаточно четкие представления, о материальной культуре населения, имеющей принадлежность к волосово-гаринской общности.

В представленной статье ставится цель ввести в научный оборот и дать характеристику массиву каменного инструментария эпохи энеолита про-

исходящего с поселенческих памятников, расположенных на территории Икско-Бельского междуречья. В ходе достижения обозначенной цели ставится задача выделить в массиве каменного инвентаря поселений морфологические группы орудий эпохи энеолита, а также отразить технологические особенности в изготовлении орудий в рассматриваемый период. Следует отметить, что подавляющее большинство орудий рассматриваемого времени изготовлены на отщепах.

Каменный инвентарь, происходящий с позднеэнеолитических поселений, по формально-типологическим признакам распределяется по группам, включающим орудия различных по своему функциональному назначению. Претендентом для отнесения тех или иных орудий, обнаруженных на поселениях Икско-Бельского междуречья к эпохе энеолита явилось расположение в культурном слое со-

вместно с керамикой волосовского и гаринского облика, а также обнаруженные их в жилищных и хозяйственных сооружениях эпохи энеолита.

Классификация каменного инвентаря

Каменные орудия, обнаруженные на поселениях позднего энеолита на рассматриваемой территории можно разделить на ряд основных групп по их функциональному назначению. Прежде чем перейти к классификации и описанию этих групп, следует несколько слов сказать о материале, из которого орудия изготовлялись.

Основным поделочным сырьем служил кремь и крайне редко – кварцит, а также «мягкие» породы камня (сланец, песчаник, известняк и др.). Как показывают находки, в большей степени использовался низкокачественный валунный и плитчатый кремь желтых, красных и серых оттенков. При изготовлении орудий использовалась отжимная, струйчатая и пильчатая ретушь, а также шлифовка кремня. Как правило, она применялась для крупных орудий – долот, тесел, топоров, среди которых имеются прекрасно отшлифованные, с хорошо отделанным тонким и острым лезвием. Обработке тщательной отжимной ретушью подвергались наконечники стрел, ножи, проколки.

Другие же изделия выполнены с помощью более простых приемов, включая двустороннюю оббивку, краевое ретуширование. Подавляющее большинство орудий изготовлено на отщепках.

Нуклеусы (рис. 1: 1–3) сделаны из цветного плитчатого и валунного кремня. Имеют самую разную величину, чаще снабжены несколькими ударными площадками, но есть и од-

ноплощадочные, клиновидной формы. Длина их не превышает 3–5 см, при ширине основания 2–3 см. Поверхность их покрыта в большей своей части удлиненными негативами, следами сколов ножевидных пластин. К категории орудий имеют принадлежность и ножевидные пластины, среди них присутствуют и такие, которые несут на себе следы обработки.

С процессом изготовления орудий, на наш взгляд, следует связать многочисленные находки крупных отщепов. В данном виде деятельности могли использоваться различные сколы, некоторые из них также несут на себе следы обработки.

Отбойники и ретушеры представлены шаровидными, овальными или дискообразными гальками. Предназначались они для изготовления нуклеусов и выполнения первичных операций по оформлению каменных орудий. Имеют вид многогранников, сфероидных или уплощенных. Грани, как правило, забиты от ударов по каменным заготовкам.

По размерам они невелики: 4–6 см в диаметре. Такого типа изделия имеют весьма широкое распространение в культурах неолита-бронзы и практически несут культурно-хронологическую специфику.

Топоры (рис. 1: 4–5), имеющие отношение к волосово-гаринской общности в рассматриваемом районе выполнены из хорошо шлифующихся пород камня (сланец, кремь). Данные орудия были обнаружены в ходе исследования Игимской и Татарско-Азиевской II стоянок.

Топор (рис. 1: 4), происходящий с Игимской стоянки, изготовлен из плитчатого белого мелового кремня, длиной 8,7 см и шириной 4,7 см.

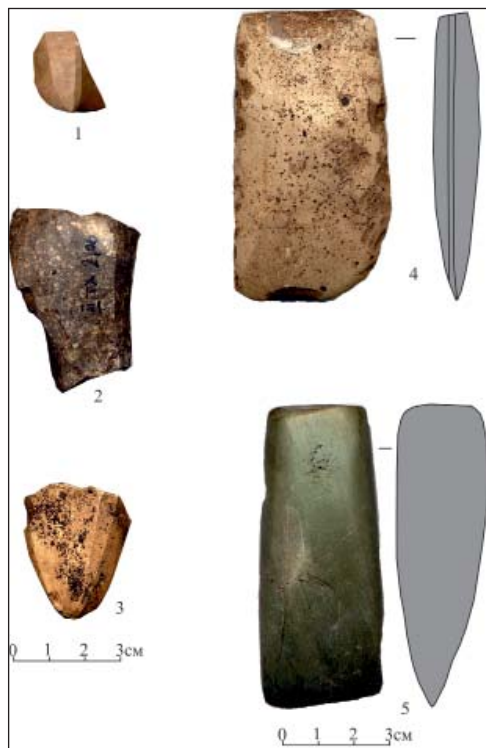

Рис. 1. Каменный инвентарь волосово-гаринской общности.

Нуклеусы: 1 – Русско-Азибейская III стоянка; 2–3 – Татарско-Азибейская II стоянка. Топоры: 4 – Игимская стоянка; 5 – Татарско-Азибейская II стоянка.

Fig. 2. Stone inventory of the Volosovo-Garino community.

Nuclei: 1 – Russky Azibei 3 site, 2-3 – Tatarsky Azibei 2 site. Axes: 4 – Igim site, 5 – Tatarsky Azibei 2 site.

С двух сторон по всей поверхности он тщательно заполирован, но имеет подработку краев плоской отжимной ретушью. Лезвие имеет подпрямоугольную форму, слегка выпуклое, к своему завершению несколько закруглено и имеет линзовидное сечение. В профиле орудие также имеет клиновидную форму. Данный топор в своем роде неординарен, поиск аналогий результата не дал. Вместе с тем, в культурном слое стоянки он хорошо увязывается с керамикой волосово-гаринского типа.

Не меньшего внимания заслуживает топор (рис. 1: 5) обнаруженный на Татарско-Азибейской II стоянке. Орудие изготовлено из темно-зеленого сланца. Оно имеет вытянутую подпрямоугольную форму длиной 9 см при ширине лезвия 3,5 см. Рабочая его часть имеет клиновидное сечение, обуховая же часть в сечении округлая.

К деревообрабатывающим орудиям, имеющим принадлежность к позднему энеолиту Икско-Бельского междуречья, следует отнести **долота** (рис. 3). Четыре из них (рис. 3: 3–6) изготовлены из кремня и два – из сланца (рис. 3: 2, 7) различных оттенков. Как правило, все они ассиметричны и имеют прямое лезвие и плоское брюшко. Среди них можно выделить следующие типы:

1) Узкобушковые с выпуклой спинкой (рис. 3: 2, 4, 5–7). К этой разновидности принадлежат и два орудия, изготовленные из сланца (рис. 3: 2, 7).

2) Полуовальные в сечении, узкобушковые (рис. 3: 3).

3) Желобчатые (рис. 3: 1).

Среди деревообрабатывающих орудий не меньшего внимания заслуживают тесла. Они были получены в результате исследований Русско-Азибейской III, Дубовогривской II стоя-

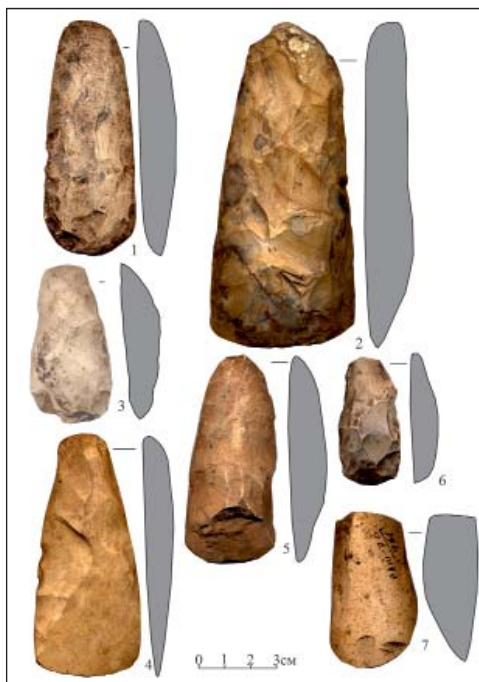

Рис. 2. Тёсла:

1, 3, 5, 6 – Дубовогривская II стоянка;
2, 4, 7 – стоянка Золотая Падь II.

Fig. 2. Adzes:

1, 3, 5, 6 – Dubovaya Griva 2 site;
2, 4, 7 – Zolotaya Pad' 2 site.

нок, а также стоянки Золотая Падь II (рис. 2; 3: 8–10). Как правило, все они ассиметричны. Тёсла отличаются от долот характером обработки лезвия. Боковые стороны их расширяются к слегка округлому лезвию. Среди данной категории орудий выделяются следующие типы:

1) трапециевидные короткие, в сечении линзовидные с выпуклым лезвием (рис. 2: 3, 4) – два экземпляра. Орудия изготовлены из белого мелового кремня и окремнелого известняка. Высота орудий не превышает 6 см при ширине лезвия 2–3 см. По всей поверхности орудия имеют обработку способом плоской отжимной ретуши;

2) короткие трапециевидные, в сечении орудия также имеют трапециевидные очертания (рис. 3: 8–10) – три экземпляра. Данные находки изготовлены из кремнистого сланца различных оттенков зеленого цвета, и лишь одно – галечника коричневатого цвета. Длина орудий не превышает 5 см при

ширине лезвия 2,5 – 3 см. Все орудия прекрасно отшлифованы;

3) длинные подтрапецевидные, широкообушковые (рис. 2: 2) орудия представлены одним экземпляром. Оно изготовлено из белого кремня. По всей поверхности оно обработано плоской отжимной ретушью. Его длина составляет 12,5 при ширине лезвия 5,5 см;

4) узкообушковые (рис. 2: 1, 5, 6) исчисляются тремя экземплярами и делятся на ряд подгрупп:

а) линзовидные в сечении (рис. 2: 1) – один экземпляр. Длина орудия составляет 9,5 см при ширине лезвия 4,5 см;

б) треугольные в сечении (рис. 2: 5, 6) – два экземпляра. Орудия изготовлены из белого мелового кремня или окремнелого известняка. Лишь одно орудие изготовлено из галечника коричневого цвета. Боковые стороны их расширяются к слегка округлому лезвию. Их длина составляет от 7,5

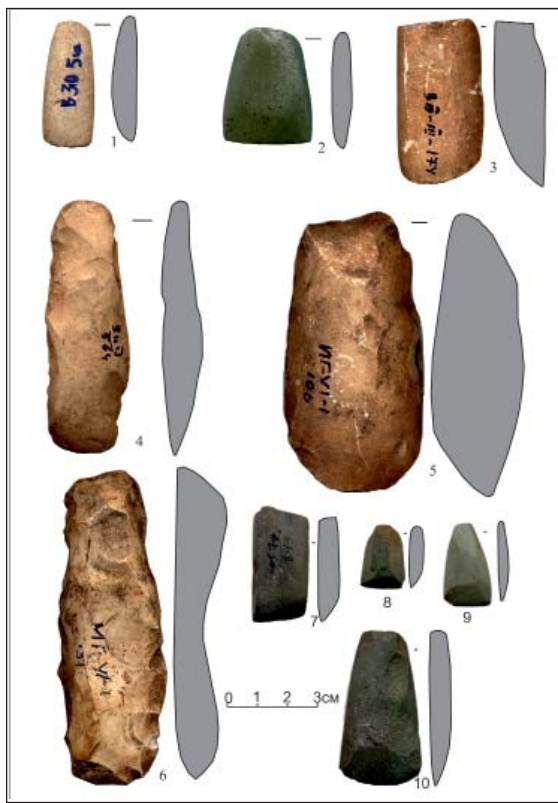

Рис. 3. Тёсла: 8–10 – Русско-Азибейская III стоянка; Долота: 1, 3, 6 – стоянка Золотая Падь II; 2, 5–7 – Игимская стоянка.

Fig. 3. Adzes: 8–10 – Russky Azibei 3 site; Chisels: 1, 3, 6 – Zolotaya Pad' 2 site; 2, 5–7 – Igim site.

до 9 см, при ширине лезвия от 3,5 до 5 см.

Все три орудия выше обозначенной разновидности тщательно протшлифованы по всей поверхности.

5) прямолезвийные, полуовальные в сечении (рис. 2: 7) – одно орудие. Оно изготовлено из белого кремневого известняка. По всей поверхности орудие тщательно заполировано. Лезвие имеет выпуклые, объемные очертания, его ширина составляет 3,5 см.

Рассмотренные орудия, прежде всего, тесла и долота были широко распространены в неолите и энеолите по всей Северной Евразии. Ареал их распространения не ограничивается рамками какой-либо из природно-географических зон. Столь же широки и хронологические рамки их бытования. Связь данных находок с волосово-гаринской общностью мар-

кируется присутствием в культурных напластованиях Дубовогривской II стоянки и стоянки Золотая Падь II керамики волосовской и гаринской культур.

Ножи (рис. 4–5) изготавливались на плитках, ножевидных пластинах и на отщепках, в том числе пластинчатых. Они подразделяются на следующие типы: прямолезвийные, округлые, подтрапециевидные, подтреугольные и скошенные с приостренным лезвием.

Прямолезвийные (рис. 4: 3, 5, 7–9; 5: 4, 7, 10, 12). В рамках этой разновидности присутствуют орудия, изготовленные на ножевидных кремневых пластинах (рис. 4: 3, 5, 7–9; 5: 12). Выполнены они, как правило, с помощью плоской отжимной ретушью с одной (рис. 4: 9) или двух (рис. 4: 7, 8) сторон. Преимущественно длина их укладывается в пределы от 8

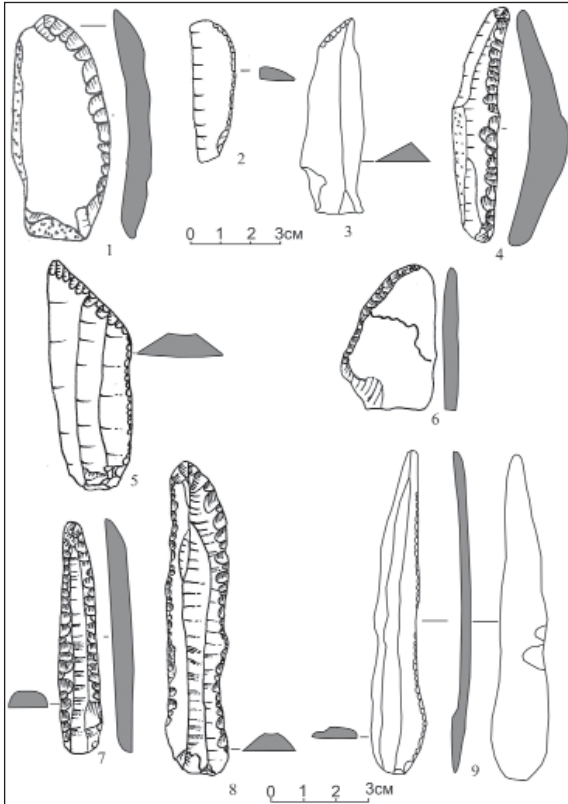

Рис. 4. Ножи: 1–9 – Игимская стоянка.

Fig. 4. Knives: 1–9 – Igim site.

до 10 см при ширине лезвия от 1,6 до 3 см. Лишь один нож имеет сравнительно небольшие размеры. Его длина составляет 3,3 см при ширине лезвия 1,4 см.

Среди прямолезвийных ножей, выполненных на ножевидных пластинах, заслуживают внимания два ножа лезвие которых скошено под углом в пределах 60 градусов (рис. 4: 3, 5). Обнаружены они в ходе исследования Игимской стоянки. Ширина лезвия одного экземпляра составляет 2 см при длине 6 см (рис. 4: 3), второе орудие (рис. 4: 5) имеет длину 8,3 см, а ширина лезвия составляет 3 см.

Вероятно, подобные ножи имели распространение на протяжении всей эпохи энеолита, включая волосогаринское время. Рассматриваемый регион в этом отношении не стал ис-

ключением. Основанием для подобного положения служит факт обнаружения типологически близких ножей, полученных в сопредельных территориях, а именно на III Новоильинском поселении одноименной культуры (Шорин, 1999, с. 168, рис. 34: 7), а также с поселения Бор V (Бадер, 1961а, с. 97, рис. 62: 4, 5) имеющего принадлежность к гаринской культуре.

Кроме орудий, выполненных на ножевидных пластинах, присутствуют такие, которые имеют прямолезвийную форму, но изготовлены на пластинчатых отщепах (рис. 5: 4, 10). Их длина составляет от 4,5 до 7 см при ширине лезвия от 1,3 до 2,1 см. Исключение составляет фрагмент прямолезвийного ножа на массивном пластинчатом отщепе, ширина его лезвия составила 3,5 см, а также за-

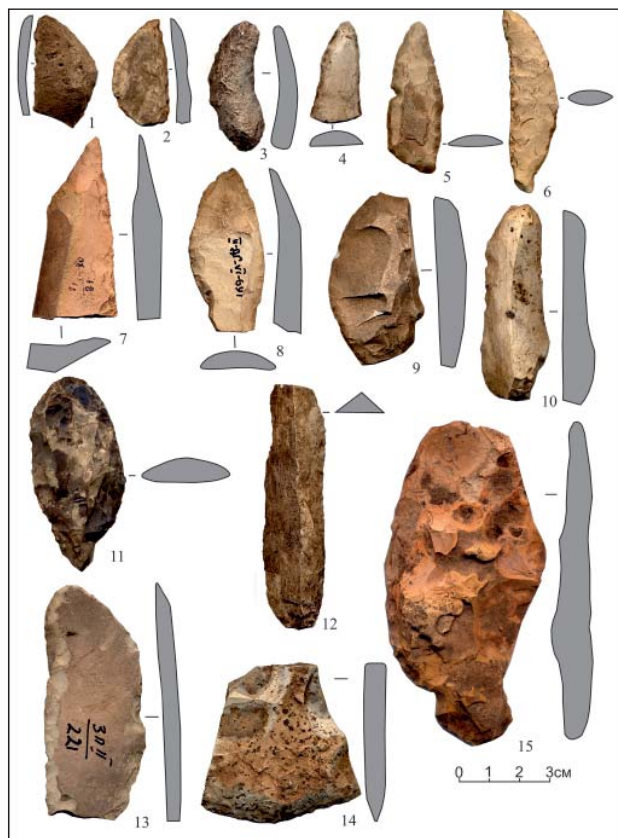

Рис. 5. Ножи:
1–4, 7, 9–12, 14, 15 – Игим-
ская стоянка; 6 – Русско-Ази-
бейская III стоянка;
8 – Дубовогривская II сто-
янка; 13 – стоянка Золотая
Падь II.

Fig. 5. Knives:
1–4, 7, 9–12, 14, 15 – Igim,
6 – Russky Azibei 3 site,
8 – Dubovaya Griva 2 site,
13 – Zolotaya Pad' 2 site.

готовка прямолезвийного орудия рас-
считываемой категории, длина кото-
рого составила 9 см, а ширина 3,5 см.

Прямолезвийные ножи, изготов-
ленные на кремневых плитках, исчис-
ляются тремя экземплярами (рис. 5: 5,
7, 13).

Одно орудие (рис. 5: 7) имеет узкое
лезвие, кремль из которого оно изго-
товлено, обладает розоватым цветом,
вероятно, оно было покрыто охрой.

Данная находка была сделана при
исследовании Игимской стоянки. Ши-
рина лезвия в наибольшей его части
составила 3 см при своей длине 6 см.
В сечении оно имеет клиновидную
форму.

Второе орудие (рис. 5: 13), проис-
ходящее со стоянки Золотая Падь II,
изготовлено из светло-серого плит-
чатого кремня. Его длина составила

8,5 см при ширине лезвия 3,5 см. Ре-
тушь нанесена по одному краю, но
с двух сторон орудия. В культурном
слое данное орудие хорошо увязы-
вается с керамикой волосово-гарин-
ского типа. По своей форме орудие
сближается с ножами на ножевидных
пластинах, что делает возможным по-
местить их в один хронологический
ряд и связать с волосово-гаринской
общностью.

Третье орудие (рис. 5: 5) изготовле-
но из плитчатого кремня коричневого
цвета, оно несколько меньше по раз-
мерам. Нож также был найден в ходе
исследования стоянки Золотая Падь II.
Его длина составила 5,3 см при ши-
рине лезвия 2 см.

Прямолезвийные формы ножей,
изготовленные как на пластинчатых
отщепках, так и кремневых плитках,

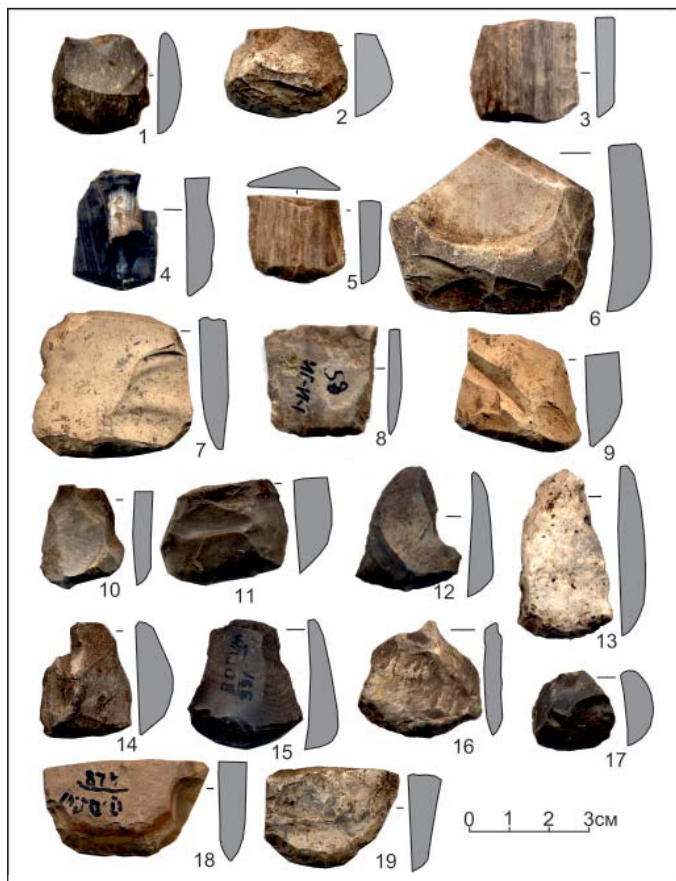

Рис. 6. Скребки:
1–9 – Игимская стоянка;
10–13 – стоянка Золотая
Падь II; 14–19 – Дубово-
гривская II стоянка.

Fig. 6. Scrapers: 1–9 – Igim
site; 10–13 – Zolotaya Pad' 2
site; 14–19 – Dubovaya Griva
2 site.

являются типичными для эпохи энеолита в рассматриваемом регионе. Немаловажно, что они получили широкое распространение в среде носителей волосово-гаринской общности лесной полосы Восточной Европы. Аналогичные орудия были прослежены на энеолитических поселениях в Среднем Прикамье, таких как Гагарское и Басенкий Борок (Бадер, 1961а, с. 155, рис. 106: 13; 107: 9; Липсон, 1961, с. 36, рис. 7: 8). Наиболее близкие черты сходства прослеживаются на памятниках волосовской культуры в Марийском Поволжье (Никитин, 1991, рис. 15: 1–6).

При рассмотрении ножей, происходящих с позднеэнеолитических поселений Икско-Бельского междуречья

нельзя обойти вниманием орудия, имеющие округлые очертания лезвия. Они выполнены на отщепках и кремневых плитках сравнительно хорошего качества.

Ножи, изготовленные на пластинчатых отщепках, имеющие округлое лезвие, исчисляются восемью экземплярами (рис. 4: 2, 4; 5: 3, 8, 9). Их длина преимущественно укладывается в пределы от 4 до 6,5 см при ширине лезвия от 2 до 3 см. Как правило, краевая ретушь прослеживается по двум краям каждого орудия. Для их изготовления применялся белый, светло-серый, а также серо-дымчатый кремнь. Их поперечное сечение имеет подтреугольное или полукруглое очертания. Они имеют широкие

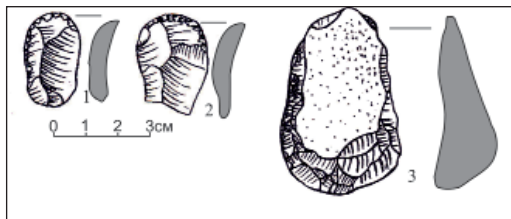

Рис. 7. Скобели:

1–3 – Игимская стоянка.

Fig. 7. Side-scrapers: 1–3 – Igim site.

аналогии на поселенческих памятниках эпохи энеолита как на территории Нижнего Прикамья, так и за его пределами. Наибольшее сходство обнаруживается с ножами, обнаруженными на поселенческих памятниках волосовской культуры, расположенными на территории Марийского Поволжья и в зоне Чебоксарского водохранилища. Они были получены при исследовании Майданского I, Майданского III, Руткинского, Сутырского и Сутырского V поселений (Никитин, 1978, с. 53, рис. 8: 17; 9: 11; Никитин, 1987, с. 27, рис. 2: 20, 28, 40; Никитин, 1991, рис. 15: 2; Большов, Инягин, Казаков, Николаев, 1989, рис. 3: 12).

Заслуживает внимания нож, обнаруженный в ходе исследования Игимской стоянки, который стратиграфически увязывается в культурном слое с волосовской и гаринской керамикой. Он имеет сравнительно небольшие параметры (рис. 4: 2). Его длина составила 4,3 см при ширине лезвия 1,3 см. Близкий по облику нож был найден при исследовании стоянки Кубенино (Фосс, 1952, с. 112, рис. 63: 4). Близкий по форме нож происходит с поселения Чашкинское озеро VI (Лычагина, 2007, с. 115, рис. 5: 11). Принимая во внимание, что данное орудие в культурном слое поселения увязывается с керамикой волосовского и гаринского типов можно предположить, что данная форма ножей получила свое распространение в среде населения волосово-гаринской общности.

Дополнительным доказательством подобного хронологического предположения служит аналогичная находка на поселении Тюремка I в Пермской области, где она была зафиксирована совместно с поздней гаринской керамикой в жилище № 2 (Бадер, 1961б, с. 212, рис. 76: 4), что может указывать на широкое распространение форм подобных орудий.

В рамках рассматриваемой разновидности ножей несколько неординарным представляется узколезвийное орудие светло-серого цвета, изготовленное на пластинчатом отщепе (рис. 4: 4). Оно найдено в культурном слое Игимской стоянки, где также увязывается с керамикой волосовской и гаринской культур. Дополнительным аргументом в пользу позднеэнеолитической принадлежности данного орудия служит то, что ни в неолите, ни в предшествующие этапы энеолита подобные формы орудий не были отмечены в рамках рассматриваемого региона и сопредельных территориях. Не прослеживаются аналогии ему и в более позднее время, что дает возможность поместить орудие в достаточно узкие хронологические рамки. Рассматриваемый нож имеет горбатую спинку, его длина составила 8,4 см, а ширина лезвия 1,7 см. Краевая ретушь прослеживается лишь с одного края орудия. Поперечное сечение имеет подтреугольную форму. Данную находку, на наш взгляд, следует отнести

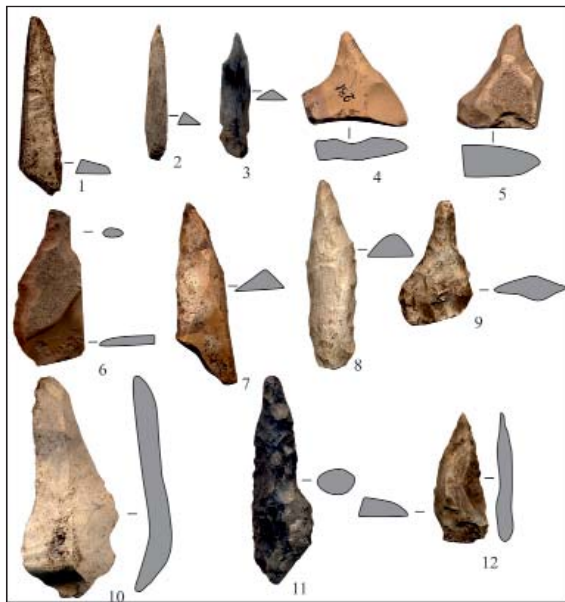

Рис. 8. Проколки:
1, 4–8–Дубовогривская II стоянка;
2, 11– стоянка Золотая Падь II;
3, 9, 12 – Русско-Азиевская III
стоянка.

Fig. 8. Borers: 1, 4–8 – Dubovaya Griva
2 site; 2, 11– Zolotaya Pad' 2 site;
3, 9, 12 – Russky Azibei 3 site.

к категории так называемых ножей-ложкарей.

Ножи, изготовленные на кремневых плитках и имеющие округлое лезвие, насчитывают семь экземпляров (рис. 4: 1; 5: 2, 11, 15). Как правило, ретушь наносилась как по одному, так и по двум краям. Для изготовления орудий применялся плитчатый кремнь светло-серого, серо-дымчатого и коричневого цвета. Длина орудий преимущественно составляет от 4 до 7 см при ширине лезвия 1,7 до 3 см.

Примечателен нож, изготовленный из плитчатого кремня коричневого цвета (рис. 5: 15), происходящий из заполнения жилища № 1 Игимской стоянки. Он имеет горбатую спинку, дуговидное острие и рукоятку, оформленную в виде пуговки. Его длина составила 10,2 см при ширине лезвия 5 см. Орудие имеет двустороннюю обработку способом отжимной краевой ретуши, в сечении оно клиновидно. Нож был обнаружен в заполнении жилища № 1 Игимской стоянки имеющее принадлежность к позднему эне-

олиту. Аналогии рассматриваемому ножу прослеживаются и в среде носителей гаринской культуры, в материалах поселения Бор I (Бадер, 1961а, с. 43, рис. 18: 5). Соответственно может укладываться в хронологические рамки III тыс. до н. э.

Близкое по облику орудие было получено при исследовании стоянки Золотая Падь II (рис. 5: 11). В культурном слое памятника нож увязывается с керамикой волосовской и гаринской культур, что дает основание относить его принадлежность к волосово-гаринскому населению Икско-Бельского междуречья. Он изготовлен из плитчатого кремня темно-серого цвета. Данный нож тщательно обработан с двух сторон способом плоской отжимной ретуши. Примечательной особенностью данного орудия, является то, что оно имеет, как и вышеотмеченное, выделенный черешок. Его длина составила 6,5 см при ширине лезвия 3 см. Подобный по форме нож присутствует среди находок позднегаринского времени

Среднего Прикамья (Бадер, 1961а, с. 43, рис. 18: 5).

Не меньшего внимания заслуживает нож подтрапециевидной формы (1 экз.), происходящий с Игимской стоянки (рис. 5: 14). Орудие изготовлено из серого плитчатого кремня, имеет длину 5 см при ширине лезвия 5,2 см. Он также имеет двухстороннюю краевую ретушь и в сечении клиновидный. Непосредственно рабочая его часть несколько закруглена.

Аналогии данному орудю в рассматриваемом районе прослеживаются в материалах поздних гаринских поселений Среднего Прикамья, таких как Басенький Борок, Бор I (Бадер, 1961 а, с. 41; 43; 155, рис. 16: 14; 18: 10; 106: 12).

Подтреугольная форма ножей представлена двумя экземплярами (рис. 4: 6; 5: 1). Они были получены в ходе исследования Игимской стоянки. Орудия изготовлены из плитчатого кремня сравнительно высокого качества. Они имеют двухстороннюю краевую ретушь, которая присутствует лишь по одному краю орудия. Длина обеих находок составила около 5 см, при ширине лезвия одного орудия 3,5 см, другого 1,5 см.

К категории редких находок рассматриваемой группы орудий следует отнести нож саблевидной формы, происходящий с Русско-Азибейской III стоянки (рис. 5: 6). Находка увязывается с жилищем в заполнении, которого фиксировалась керамика гаринского облика (Габышев, 1981, с. 12). Орудие изготовлено из белого мелового плитчатого кремня. По всей поверхности оно обработано двусторонней отжимной ретушью. При его длине 6,2 см ширина лезвия составила 1,7 см. Близкий по облику нож был

прослежен в материалах Астраханцевского поселения в Среднем Прикамье, имеющего принадлежность к гаринской культуре и укладывается в хронологические рамки рубежа III–II тыс. до н. э. (Бадер, 1959, с. 108, 111; рис. 15: 1–2).

В среде населения волосово-гаринской общности, в процессе изготовления орудий и, в частности, ножей начинает преобладать бифасиальная технология их изготовления. Орудия становятся более массивными. Тем не менее наблюдается значительное разнообразие в их формах. Они приобретают довольно тщательную обработку. Возможно, в период присутствия на рассматриваемой территории представителей волосово-гаринской общности широкое употребление получают ножи, изготовленные на кремневых плитках, об этом выразительно свидетельствует их присутствие в культурных напластованиях поселенческих памятников совместно с керамикой волосовского и гаринского типов. Представляется также важным отметить и их присутствие в заполнении жилищных котлованов волосово-гаринской общности на территории Икско-Бельского междуречья.

Наиболее распространенным видом каменных орудий на поселенческих памятниках волосово-гаринской общности в рассматриваемом регионе являются **скребки** (рис. 6). Данные орудия применялись для обработки шкур животных. С учетом разной степени сложности операций по выделке шкур и разного рода самого обрабатывавшегося сырья скребки имеют многочисленные вариации как по форме и размерам, так и по специфике оформления рабочего края. На основе формально-типологического подхода

выделяются четыре типа скребков: прямоугольные, треугольные, округлые и полукруглые.

Скребки первого типа – прямоугольные (рис. 6: 1–11) подразделяются на три разновидности: с округлым лезвием (рис. 6: 1–5), с прямым лезвием (рис. 6: 6–8) и со скошенным лезвием (рис. 6: 9–11).

Скребки второго типа – подтреугольные (рис. 6: 12–16) подразделяются на две разновидности: округлолезвийные (рис. 6: 13, 14, 16) и прямолезвийные (рис. 6: 15).

Все скребки, имеющие отношение к данному типу, принадлежат к концевым. Подавляющая их часть изготовлена на отщепе.

Скребки третьего типа (рис. 6: 17) принадлежат группам круговых и конце-боковых. У последних, как правило, лишь небольшой участок по периметру оставлен без обработки. Среди скребков этого типа, выполненных в подавляющем числе на отщепе, имеется пять экземпляров с высокой спинкой.

Скребки четвертого типа – полукруглые (рис. 6: 18, 19) представлены семью экземплярами, которые все, без исключения, изготовлены на отщепе.

Являясь древним и широко распространенным видом орудий, скребки с большим трудом поддаются культурно-хронологическому членению вообще, хотя на отдельных памятниках они могут отражать типологическую или количественную специфику.

Прямоугольные и треугольные скребки находят прямые аналогии в материалах волосовских поселенческих памятников Среднего Поволжья (Никитин, 1987, с. 26, рис. 1). Данные орудия получают распространение также на поселенческих памятниках

более поздних археологических эпох. Основанием для отнесения к волосово-гаринской общности вышерассмотренных скребков, послужило то, что они маркировались керамикой волосовского и гаринского типов, которая фиксировалась в заполнении жилищных котлованов и культурных напластованиях поселенческих памятников расположенные на территории Икско-Бельского междуречья.

Близкие к скребкам орудия по облику и функциональному назначению – **скобели** (рис. 7: 1–3) – изготовлены из отщепов. Данная категория орудий не имеет определенной формы. В отличие от скребков они имеют вогнутое лезвие, подвергнутое тщательной ретуши. Скобели служили, как отмечает М.Е. Фосс, описывая волосовскую коллекцию, для обработки выпуклых поверхностей (Фосс, 1949, с. 15–16, рис. II: 1, 2). Все три находки происходят с Игимской стоянки (рис. 4, 6), в культурном слое которой они фиксировались с керамикой гаринского типа.

Большинство **проколов** (рис. 8), обнаруженных на поселенческих памятниках позднего энеолита Икско-Бельского междуречья, изготовлено из отщепов, причем обработке с помощью крутой ретуши подвергнуто лишь самое острие. Расположение острия по отношению к центральной оси отщепа различно. Из всей группы только пять изготовлены из тонких ножевидных пластин, имеют правильные очертания. Сами пластины отличаются правильной параллельной огранкой. Следует отметить, что рабочая часть орудий строго по линии центральной оси, и обработано тщательной тонкой ретушью.

В целом же в технике изготовления проколов, скорее, можно проследить некоторую «небрежность», такую же, как при изготовлении скребков из отщепов. В данной категории орудий выделяется ряд разновидностей.

К первой разновидности можно отнести орудия **подтреугольной** формы (рис. 8: 4, 5, 10), обнаруженные на Дубовогривской II и Русско-Азибейской III стоянках. Орудия, изготовленные на отщепах, исчисляются тремя экземплярами. Орудия имеют обработку с двух сторон способом плоской отжимной ретуши. Близкие по облику орудия были встречены в заполнении жилища № 1 поселения Тюремка III (Бадер, 1961б, с. 241, рис. 98: 8, 9), совместно с керамикой гаринского облика, что позволило связать эти находки с носителями гаринской культуры.

Ко второй разновидности относятся две проколки на плоских отщепах с одним плечиком (рис. 8: 9, 11). Они представлены двумя экземплярами. По всей поверхности орудия имеют обработку плоской отжимной ретушью. Особенно тщательно выделано жало. Их длина не превышает 6 см при ширине лезвия 1,7 см. Черты сходства данных орудий прослеживаются в каменном инвентаре, происходящем с волосовских памятников Примокшанья, с таких поселений как Имерка 1-Б, Имерка 8 (Королев, Ставицкий, 2006, с. 66, рис. 36: 18; с. 74, рис. 43: 31), где хронологические рамки выявленных комплексов определяются серединой – последней третью III тыс. до н. э. (Королев, Ставицкий, 2006, с. 90).

К третьей разновидности относятся прямолезвийные проколки, которые исчисляются 16 экземплярами, шесть из которых изготовлены на

ножевидных пластинах (рис. 8: 2, 3, 7). На рабочей части орудий краевая ретушь присутствует с двух сторон. С данной разновидностью сближаются 10 прямолезвийных проколов (рис. 8: 1, 8, 12), изготовленных на пластинчатых отщепах. Длина их не превышает 5,5 см при ширине лезвия 1,5 см.

Близкие по облику орудия были обнаружены в волосовских жилищах поселения Имерка VIII, в кремневом комплексе находок стоянки Волгапино (Королев, Ставицкий, 2006, с. 73, рис. 42: 31; 44: 34). Подобная находка фиксировалась в заполнении жилища № 1 на гаринском поселении Бор I в Среднем Прикамье (Бадер, 1961а, с. 65).

Четвертая разновидность представлена одной проколкой, изготовленной на отщепе (рис. 8: 6), которая также имеет срединное жало и овальные плечики. По всей поверхности орудие тщательно проретушировано.

Все проколки, происходящие с вышеперечисленных памятников, в культурных слоях увязываются с керамикой волосовского и гаринского типов, что дает основание связывать их с материальной культурой поселенцев Икско-Бельского междуречья, имеющих принадлежность к волосово-гаринской общности.

Наиболее выразительны в массиве каменного инвентаря поселенческих памятников позднего энеолита **орудия охоты и рыболовства** (рис. 9).

Орудия охоты в рассматриваемом регионе представлены наконечниками стрел и дротиков. Каменные, и, в частности, кремневые наконечники являются одной из существенных категорий инвентаря для стоянок эпохи неолита и раннего металла. Отметим, что разделение наконечников на

стрелы и дротики основано на определении степени их массивности и в известной мере является условным, а потому они рассматриваются нами в рамках одной классификации.

По форме пера наконечники можно разделить на четыре типа: листовидные, подтреугольно-черешковые, миндалевидные и подромбические.

Листовидные наконечники (рис. 9: 1–5, 10, 12–17) преимущественно изготовлены на кремневых отщепях белого, светло-серого и светло-коричневого цвета. Пять экземпляров следует отнести к категории дротиков (рис. 10: 12–15, 17), два из них сохранились фрагментировано (рис. 9: 12, 14). В обработке наконечников использовалась техника двухстороннего скалывания и отжимной ретуши.

Среди них можно выделить два лавролистных наконечника (рис. 9: 12–13). Один был обнаружен в ходе исследования Игимской стоянки (рис. 9: 13). Он изготовлен из отщепя светло-серого цвета и имеет тщательную двухстороннюю обработку способом отжимной ретуши. Его длина составила 6,5 см, а ширина 2,7 см.

Второе орудие дошло до нас во фрагментированном виде и происходит с Дубовогривской II стоянки (рис. 9: 12). По классификации Н.Н. Гуриной (Гурина, 1978, с. 57–70), его следует отнести к категории лавролистно-черешковых наконечников. Он изготовлен на отщепе светло-коричневого цвета и имеет тщательную двухстороннюю обработку. Длину рассматриваемого наконечника установить не представилось возможным, но ширина пера у основания составила 2,5 см.

Исходя из параметрических данных, эти орудия можно интерпрети-

ровать как наконечники дротиков. Основанием для отнесения их к волосово-гаринской общности послужили стратиграфические наблюдения, которые позволили установить их совместное залегание в культурных напластованиях поселений с керамикой волосовской и гаринской культур.

Кроме вышеописанных листовидных наконечников стрел, обнаруженных в Иско-Бельском междуречье, заслуживают внимания так называемые иволистные обоюдоострые, найденные в количестве пяти экземпляров. Они обнаружены в ходе исследования Игимской (рис. 9: 10), Каентубинской островной (рис. 9: 1), Золотая Падь II (рис. 9: 2, 3), и Татарско-Азибейской II (рис. 9: 5) стоянок.

К данной разновидности следует отнести наконечники дротиков, которые также происходят с Игимской (рис. 9: 13), Каентубинской островной (рис. 9: 15), Дубовогривской II (рис. 9: 16) стоянок, а также стоянки Золотая Падь II (рис. 9: 14). Все орудия изготовлены на кремневых отщепях белого и светло-серого цвета и имеют обработку с двух сторон с разной степенью качества, от грубой обивки до тщательного отжимного ретуширования. Самые ближайшие аналогии листовидным обоюдоострым наконечникам, имеющие принадлежность к эпохе позднего энеолита, прослеживаются в Марийском Поволжье, на Майданском, Уржумкинском и Руткинском поселениях (Никитин, 1987, рис. 2, 3, 30, 35, 37). Имеются они и в материалах стоянки Володары, где наконечники были найдены в составе ритуальных кладов, состоящих из кремневых орудий. И.К. Цветкова отмечала, что все изделия, обнаруженные в них, характерны

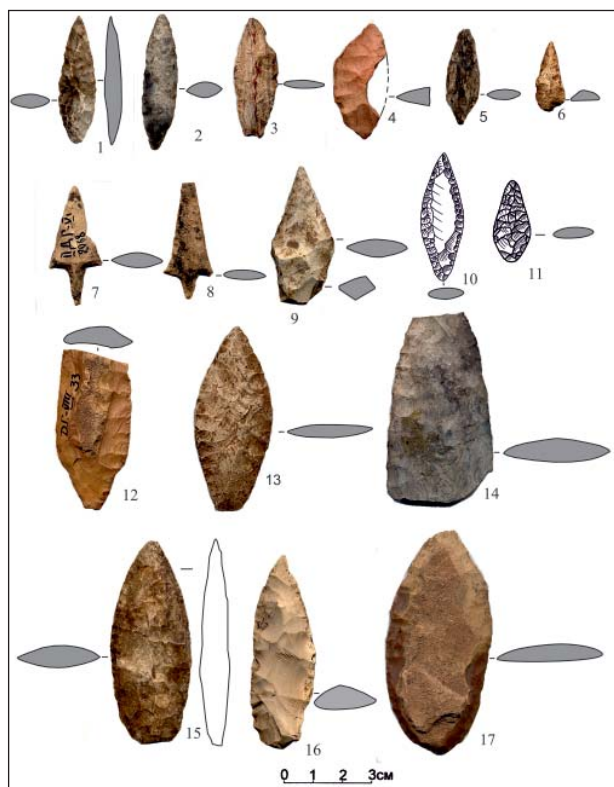

Рис. 9. Наконечники стрел и дротиков: 1, 15 – Каентубинская островная стоянка; 2, 3, 14, 17 – стоянка Золотая Падь II; 5 – Татарско-Азибейская II стоянка; 6–8, 12, 16 – Дубовогривская II стоянка; 9–11, 13 – Игимская стоянка.

Fig. 9. Arrows and darts heads: 1, 15 – Kaentube island site; 2, 3, 14, 17 – Zolotaya Pad' 2 site; 5 – Tatarsky Azibei 2 site; 6–8, 12, 16 – Dubovaya Griva 2 site; 9–11, 13 – Igim site.

для волосовской культуры и датировала их концом III – началом II тыс. до н. э. (Цветкова, 1975, с. 102). Близкие по облику наконечники фиксируются в кремневом инвентаре Вашутинской стоянки, в Ярославской области, отнесенной И.К. Цветковой также к волосовской культуре (Цветкова, 1958, с. 50–51, рис. 1, 2, 3).

Необходимо заметить, что в поздненеолитических поселениях листовидные наконечники являются единственным типом, поэтому мы склонны рассматривать их как древнейший в Нижнем Прикамье тип стрел и в то же время наиболее характерный для рассматриваемой эпохи.

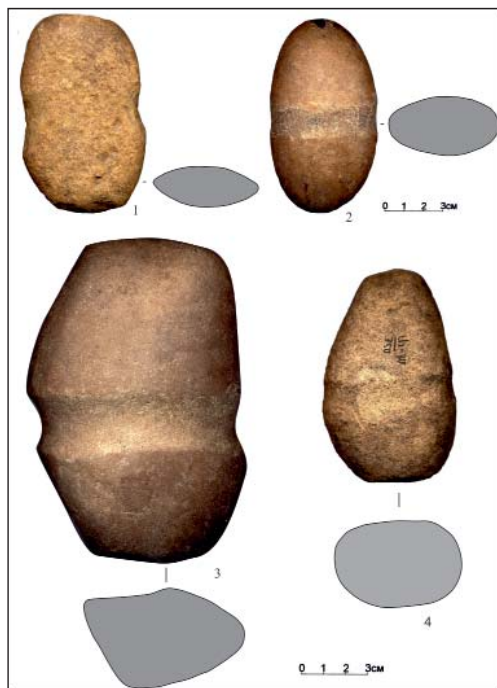
К категории *миндалевидных* наконечников относится лишь один, происходящий с Игимской стоянки (рис. 9: 11). Он изготовлен на кремневом

отщепе серого цвета, имеет двухстороннюю обработку по всей поверхности способом отжимной ретуши. Подобный наконечник был получен в ходе исследований стоянки Сауз II из заполнения жилища эпохи энеолита (Выборнов, Елизаров, Овчинникова, 1985, рис. 1, 4, 6, 17).

Не меньшего внимания заслуживают *подтреугольно-черешковые* наконечники стрел. Орудия изготовлялись из кремня хорошего качества. Среди них выделяются наконечники стрел с заостренным черешком и резко выраженными шипами. Все они были обнаружены в ходе исследования Дубовогривской II стоянки и исчисляются тремя экземплярами (рис. 9: 6–8). Орудия изготовлены на кремневых отщепах способом отжимной ретуши. С рассматриваемой разновидностью

Рис. 10. Грузила: 1–2 – стоянка Золотая Падь II; Каменные молоты: 3 – стоянка Золотая Падь II; 4 – Игимская стоянка.

Fig. 10. Sinkers: 1–2 – Zolotaya Pad' 2 site; stone hammers: 3 – Zolotaya Pad' 2 site; 4 – Igim site.

следует также связать и заготовку стрелы, происходящей с Игимской стоянки (рис. 9: 9).

Наиболее близкие аналогии подтреугольно-черешковым наконечникам прослеживаются в материалах волосовского времени Кубашской и Чирковской стоянок (Никитин, 1982, рис. 3: 40, 47). Имеются они и в составе кремневого инвентаря стоянки Володары (Цветкова, 1948, рис. 4: 5).

Черешковые наконечники с шипами более характерны уже для поздних стадий лесного энеолита, а также для памятников эпохи бронзы лесостепной и степной зон Восточной Европы. Иногда их называют наконечниками «сейминского» типа (Крижевская, Халиков, 1959, с. 123, табл. 1: 1).

Выявленные на рассматриваемой территории формы наконечников стрел эпохи энеолита, имеющие широким кругом аналогий в лесной полосе Среднего Поволжья и Урала, позволяют говорить о принадлежности

энеолитического населения к лесным охотничьим племенам.

Каменные орудия, связанные с рыбной ловлей, представлены в виде изделий из крупных галек, которые на основе прослеженных аналогий можно интерпретировать как грузила для рыболовных сетей.

Среди них заслуживают внимания два грузила, полученные в результате исследований на стоянке Золотая Падь II (рис. 10: 1–2). Все они изготовлены из галечника продолговатой формы светло-коричневого и бордового цвета и имеют противоположные выемки для крепления их к рыболовным сетям. Аналогии данным орудия отчетливо прослеживаются в Среднем Прикамье, они происходят с Кряжской (Денисов, 1961, с. 20, рис. 13: 3–6), Боровое озеро VI; Бор IV (Бадер, 1961а, с. 117, рис. 80: 12–13; с. 132, рис. 91: 4–6) стоянок. Все три грузила, обнаруженные на стоянке Золотая Падь II, увязываются в куль-

турном слое с керамикой волосово-гаринского типа и связаны с жилищем этого же времени.

Учитывая то, что находки специально выделанных рыболовных грузил на поселениях немногочисленны, можно предположить, что в этом качестве использовались чаще всего естественные округлые камни, в том числе и гальки определенных размеров. В пользу этой версии могут говорить результаты исследований стоянки Репище IV на северном Валдае. Так было установлено, что гальки завертывали в бересту, которые затем крепились к сети. Такого рода находки хорошо документируют распространение сетевого лова рыбы в среде лесных неолитических и энеолитических племен Восточной Европы (Зими́на, 1984, с. 233, рис. 62: 3, 4).

Орудия металлообработки на позднеэнеолитических поселениях Нижнего Прикамья представлены массивными крупными каменными молотами, обнаруженными в ходе исследования Игимской стоянки и стоянки Золотая Падь II. Орудия представлены двумя экземплярами и изготовлены из галечника (рис. 10: 3–4). В наиболее широкой части они имеют желобки, служившие для прикрепления их к рукояти. На рабочей части заметна сильная сбитость. В функциональном назначении молоты применялись, вероятно, для дробления руды (Никитин, 1991, с. 43). Наиболее близкие аналогии с ними прослеживаются с молотами, происходящими с Баркужерского III, Уржумкинского (Никитин, 1987, рис. 6: 4–6), Старо-Мазиковского III (Халиков, 1960, рис. 19: 1) поселений Среднего Поволжья. Широкое распространение они получили и в Среднем

Прикамье. Близкие по облику орудия были обнаружены на Кама-Жулановском III (Денисов, 1960, с. 56, рис. 17: 5, 6, 8), Камский Бор II (Коногорова (Ширинкина), 1961, с. 89, рис. 12: 1), Бойцовском II (Бадер, 1961б, с. 141, рис. 21) поселениях.

На памятниках Иско-Бельского междуречья каменные молоты маркируются в культурных напластованиях совместным залеганием с керамикой волосовского и гаринского облика.

Необходимо отметить, что подобные формы каменных молотов сохраняются и в более позднее время. Они получили распространение в среде носителей фатьяновской культуры. Подобный молот был обнаружен Д.А. Крайновым при исследовании Вауловского могильника, имеющего принадлежность к фатьяновской культуре (Крайнов, 1941, с. 147, табл. IV: 6).

Заключение

Подводя итоги рассмотрению характеристики каменного инструментария позднего энеолита в Нижнем Прикамье, следует отметить, что в массиве каменного инвентаря поселений сохраняются орудия из пластин, но удельный вес пластинчатой индустрии резко падает, и основную массу орудий составляют изделия из отщепов. Вместе с тем в каменной индустрии позднеэнеолитического населения Нижнего Прикамья прослеживается сохранение традиции, характерные для позднеэнеолитического-раннеэнеолитического времени, где они наиболее выразительно представлены в массиве находок Русско-Азибейской I стоянки. Преемственность прослеживается в составе каменного сырья, приемах окончательной отделки орудий и основном типологическом составе орудий.

Однако вышеописанный каменный инвентарь, происходящий с поселенческих памятников Икско-Бельского междуречья, практически полностью по своим характеристикам укладывается в типологическую картину кремневых комплексов поздневолосовских и позднегаринских памятников Среднего Поволжья и Прикамья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадер О.Н. Астраханцевское поселение в устье Чусовой // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 1 / Отв. ред. С.В. Киселёв. М.: ИА АН СССР, 1959. С. 87–112.
2. Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. № 99. М.: АН СССР, 1961. 198 с.
3. Бадер О.Н. Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы // Отчёты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: ИА АН СССР, 1961б. С. 110–271.
4. Большов О.В., Инягин П.Г., Казаков А.Ю., Николаев В.В. Работы Марийского республиканского краеведческого музея в зоне водохранилища / Археологические работы 1980–1986 годов в зоне Чебоксарского водохранилища / АЭМК. Вып. 15 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1989. С. 183–190.
5. Выборнов А.А., Елизаров А.Б., Овчинникова Н.В. Поселение Сауз II и проблема периодизации эпохи раннего металла Нижней Белой // Древности Среднего Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1985. С. 30–50.
6. Габяшев Р.С. Итоги раскопок III Русско-Азиебейской стоянки // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С. 11–24.
7. Гурина Н.Н. Опыт первичной классификации кремнёвых наконечников стрел // Орудия каменного века / Отв. ред. Д. Я. Телегин. Киев: Наукова Думка, 1978. С. 57–70.
8. Денисов В.П. Кряжская неолитическая стоянка // Отчеты Камской (Воткинской) Археологической экспедиции. Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: ИА АН СССР, С. 6–21.
9. Зимица М.П. Могильник на стоянке Репище // КСИА. Вып. 177. М.: Наука, 1984. С. 63–71.
10. Коногорова (Ширинкина) А.М. Жилища 3–8 поселения Камский Бор II // Отчёты Камской (воткинской) Археологической экспедиции. Вып. 2 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: ИА АН СССР, 1961б. С. 76–94.
11. Королев А.И., Ставицкий В.В. Примокшанье в эпоху раннего металла. Пенза: ПГПУ, 2006. 202 с.
12. Крайнов Д.А. Вауловский могильник // Тр. ГИМ. Вып. XII. М.: Изд-во ГИМ, 1941. С. 105–156.
13. Крижевская Л.Я., Халиков А.Х. Каменный инвентарь поселений эпохи бронзы в Казанском Поволжье // Тр. КФАН СССР. Сер. гуманитарные науки. Вып. 2. Казань: 1959. С. 119–156.
14. Липсон Г.М. Гагарское I поселение близ с. Частые // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2. / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: ИА АН СССР, 1961б. С. 29–38.
15. Лычагина Е.Л. Неолитический комплекс поселения Чашкинское Озеро 6 (по материалам исследований 2005 г.) // Влияние природной среды на развитие древних сообществ / Отв. ред. В. В. Никитин. Йошкар-Ола: МПИК, 2007. С. 105–115.
16. Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. М.: Наука, 1982. 328 с.

17. *Никитин В.В.* Волосовские племена на Средней Волге // Лесная полоса в волосово-турбинское время. АЭМК. Вып. 3 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1978. С. 21–63.
18. *Никитин В.В.* Баркужерское III поселение // Поселения и жилища Марийского края / АЭМК. Вып. 6 / Отв. ред. Г.А. Архипов, Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1982. С. 83–114.
19. *Никитин В.В.* Основные типы каменных орудий волосовского населения Средней Волги // Древности Среднего Поволжья / АЭМК. Вып. 13. / Отв. ред. Б.С. Соловьёв. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1987. С. 21–31.
20. *Никитин В.В.* Медно-каменный век Марийского края (середина III – начала II тысячелетия до н.э.). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1991. 152 с.
21. *Фосс М.Е.* К методике определения каменных орудий // КСИИМК. Вып. XXV. М-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 14–21.
22. *Фосс М.Е.* Древнейшая история севера европейской части СССР / МИА. № 29. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 279 с.
23. *Халиков А.Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы / Труды МАЭ. Т. I. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. 187 с.
24. *Цветкова И.К.* Стоянка Володары // КСИИМК. Вып. XX. М-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 3–14.
25. *Цветкова И.К.* Неолитические жилища стоянки Володары // СА. 1958. № 2. С. 112–123.
26. *Цветкова И.К.* Ритуальные клады стоянки Володары // Памятники древней истории Евразии / Отв. ред. П.М. Кожин, Л. В. Кольцов, М.П. Зимица. М.: Наука, 1975. С. 102–116.
27. *Шорин А.Ф.* Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург: УРО РАН, 1999. 181 с.

Информация об авторе:

Шипилов Антон Валентинович, кандидат исторических наук, научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); shipilov_anton@mail.ru

CHARACTERISTICS OF STONE TOOL-KIT OF THE LATE ENEOLITHIC IN THE IK AND BELAYA INTERFLUVE

A.V. Shipilov

The author attempts to summarize the available series of stone artifacts obtained as a result of studies of Late Eneolithic settlements located on the Iksa-Bel interfluvium. The study of stone inventory allows to reveal the local typological, technological, morphological and functional characteristics widely spread across the Eneolithic population of the territory in question. The author concludes that the stone inventory of the settlements has contained the tools mainly of blades implements, but the role of blade production abruptly decreased, and the major portion of produced items were made of flakes. However, the stone manufacture of the Late Eneolithic population of the Lower Kama region features the traces of preserved traditions characteristic of the Late Neolithic – Early Eneolithic period.

Keywords: archaeology, Iksa-Bel interfluvium, Late Eneolithic, Volosovo-Garino community, flint inventory, implements, ancient site, settlement.

REFERENCES

1. Bader, O. N. 1959. In Kiselev, S. V. (ed.). *Otchety Kamskoy (votkinskoy) Arkheologicheskoy ekspeditsii (Reports of the Kama (Votkinsk) Archaeological Expedition)* 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology, 87–112 (in Russian).
2. Bader, O. N. 1961. *Poseleniia turbinskogo tipa v Srednem Prikam'e (Turbino Type Settlements in the Middle Kama River Basin)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 99. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
3. Bader, O. N. 1961. In Bader, O. N. (ed.). *Otchety Kamskoy (votkinskoy) Arkheologicheskoy ekspeditsii (Reports of the Kama (Votkinsk) Archaeological Expedition)* 2. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology, 110–271 (in Russian).
4. Bol'shov, O. V., Inyagin, P. G., Kazakov, A. Yu., Nikolaev, V. V. 1989. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Arkheologicheskie raboty 1980–1986 godov v zone Cheboksarskogo vodokhranilishcha (Archaeological Activities of 1980–1986 in the Area of Cheboksary Reservoir)*. Series: Arkheologii i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 15. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 183–190 (in Russian).
5. Vybornov, A. A., Elizarov, A. B., Ovchinnikova, N. V. 1985. In Matveeva, G. I. (ed.). *Drevnosti Srednego Povolzh'ia (Antiquities of the Middle Volga Area)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 30–50 (in Russian).
6. Gabyashev, R. S. 1981. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Ob istoricheskikh pamiatnikakh po dolinam Kamy i Beloi (On the Historical Sites in Kama and Belaya River Valleys)*. Kazan: Kazan Branch of the Academy of Sciences of the USSR, Language, Literature and History Institute, 11–24 (in Russian).
7. Gurina, N. N. 1978. In Telegin, D. Ya. (ed.). *Orudiya kamennogo veka (Implements of the Stone Age)*. Kiev: "Naukova Dumka" Publ., 57–70 (in Russian).
8. Denisov, V. P. 1961. In Bader, O. N. (ed.). *Otchety Kamskoy (votkinskoy) Arkheologicheskoy ekspeditsii (Reports of the Kama (Votkinsk) Archaeological Expedition)* 2. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology, 6–21 (in Russian).
9. Zimina, M. P. 1984. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 177. Moscow: "Nauka" Publ., 63–71 (in Russian).
10. Konogorova (Shirinkina), A. M. 1961. In Bader, O. N. (ed.). *Otchety Kamskoy (votkinskoy) Arkheologicheskoy ekspeditsii (Reports of the Kama (Votkinsk) Archaeological Expedition)* 2. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology, 76–94 (in Russian).
11. Korolev, A. I., Stavitskiy, V. V. 2006. *Primokshan'e v epokhu rannego metalla (The Moksha Region in the Early Metal Period)*. Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).
12. Kraynov, D. A. 1941. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* XII. Moscow: State Historical Museum, 105–156 (in Russian).
13. Krizhevskaya, L. Ya., Khalikov, A. Kh. 1959. In *Trudy KFAN SSSR. Ser. gumanitarnye nauki (Proceedings of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences. Humanities Series)* 2. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 119–156 (in Russian).
14. Lipson, G. M. 1961. In Bader, O. N. (ed.). *Otchety Kamskoy (Votkinskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii (Reports of the Kama (Votkinsk) Archaeological Expedition)* 2. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology, 29–38 (in Russian).
15. Lychagina, E. L. 2007. In Nikitin, V. V. (ed.). *Vliianie prirodnoi sredy na razvitie drevnykh soobshchestv (Influence of the Natural Environment on the Evolution of Ancient Communities)*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 105–115 (in Russian).
16. Matiushin, G. N. 1982. *Eneolit Iuzhnogo Urala (Chalcolithic of Southern Ural)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
17. Nikitin, V. V. 1978. In Arkhipov, G. A., Khalikov, A. Kh. (ed.). *Lesnaia polosa Vostochnoi Evropy v volosovsko-turbinskoe vremia (Forest Belt of Eastern Europe in the Volosovo-Turbino Period)*. Series: Arkheologii i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 3. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 21–63 (in Russian).

18. Nikitin, V. V. 1982. In Arkhipov, G. A., Sepeev, G. A. (eds.). *Poseleniia i zhilishcha Mariiskogo kraia (Settlements and Dwellings of the Mari Land)*. Series: Arkheologiiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 6. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 83–114 (in Russian).
19. Nikitin, V. V. 1987. In Soloviev, B. S. (ed.). *Drevnosti Srednego Povolzh'ia (Antiquities of the Middle Volga Region)*. Series: Arkheologiiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 13. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 21–31 (in Russian).
20. Nikitin, V. V. 1991. *Medno-kamennyi vek Mariiskogo kraia (seredina III – nachalo II tysiacheletiiia do n. e.) (The Copper and Stone Age of Mari Region (Middle of 3rd – Early 2nd Millennia BC))*. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute (in Russian).
21. Foss, M. E. 1949. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 25. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 14–21 (in Russian).
22. Foss, M. E. 1952. *Drevneyshaya istoriya severa evropeyskoy chasti SSSR (Ancient History of the Northern Area of the European Part of the USSR)* 29. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 99. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
23. Khalikov, A. Kh. 1960. *Materialy k izucheniiu istorii naseleniia Srednego Povolzh'ia i Nizhnego Prikam'ia v epokhu neolita i bronzy (Materials for the Study of the History of Population of the Middle Volga and Lower Kama Regions in the Neolithic and Bronze Age)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) I. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
24. Tsvetkova, I. K. 1948. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 20. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 3–14 (in Russian).
25. Tsvetkova, I. K. 1958. In *Sovetskaia Arkheologiiia (Soviet Archaeology)* (2), 112–123 (in Russian).
26. Tsvetkova, I. K. 1975. In Kozhin, P. M., Kol'tsov, L. V. Zimina, M. P. (eds.). *Pamyatniki drevney istorii Evrazii (Monuments of the Ancient History of Eurasia)*. Moscow: “Nauka” Publ., 102–116 (in Russian).
27. Shorin, A. F. 1999. *Eneolit Urala i sopredel'nykh territorii: problemy kul'turogeneza (Chalcolithic of Ural and Adjacent Territories: Issues of Cultural Genesis)*. Yekaterinburg: Ural Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

About the Author:

Shipilov Anton V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; shipilov_anton@mail.ru

Статья поступила в номер 08.07.2018 г.

УДК 903-4 903.

<https://doi.org/10.24852/2018.3.25.279.287>

ПЛАСТИНЧАТЫЕ БРОНЗОВЫЕ ГРИВНЫ ФИНАЛА ЭПОХИ БРОНЗЫ – НАЧАЛА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

© 2018 г. Э.А. Хуснутдинов, А.А. Шайхулахметов

Авторами вводится в научный оборот бронзовая пластинчатая гривна, обнаруженная на Гулюковском могильнике сотрудниками института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ летом 2016 г. Гривна такого типа является четвертой, обнаруженной в Волго-Камье. находка датируется XII–X вв. до н.э. и относится к позднему этапу маклашеевской культуры. В статье предпринята попытка проследить этапы возникновения и распространения вещей подобного рода. Авторы приходят к выводу, что бронзовые серповидные гривны в Волго-Камье в финале бронзового века использовались в качестве украшений костюма. В более позднее время форма украшений такого типа изменяется и они приобретают форму широкого обруча.

Ключевые слова: археология, Волго-Камье, костюм, украшения, бронзовая пластинчатая гривна, могильники, погребения, финал поздней бронзы, ранний железный век.

Во время разведочных работ Первобытной археологической экспедиции института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ в Мензелинском районе РТ, на размываемой части Гулюковского могильника, летом 2016 года была обнаружена пластинчатая (серповидная) шейная гривна, изготовленная из бронзы. Памятник расположен в 1 км к северу от с. Гулюково на берегу р. Ик, он частично совпадает с Гулюковской I стоянкой известной с 1979 г. (рис. 1) (Бугров, Капленко, Ситдинов, 2010, с. 19). Непосредственно Гулюковский могильник был открыт в 1995 г. экспедицией под руководством А.А. Чижевского. В связи с разрушением памятника водами Нижнекамского водохранилища, а также антропогенной деятельностью, на разрушающейся части памятника неоднократно проводились охранно-спасательные работы. В середине – конце 1990 гг. здесь работал Н.М. Капленко, в 2006 г. полевые исследования памятника продолжи-

ли сотрудники Нижнекамской археологической экспедиции Д.Г. Бугров, М.Ш. Галимова, А.Г. Ситдинов, А.В. Лыганов (Лыганов, Галимова, Морозов, Бугров, 2015, с. 71; Бугров, Капленко, Ситдинов, 2010, с. 19).

Рассматриваемая гривна является выпукло-вогнутым изделием в форме полумесяца, изготовленным из бронзовой пластины, сужающейся ближе к концам, концы закруглены (рис. 2: 1). Гривны такого рода называют пластинчатыми или серповидными. Ее длина составляет ~ 10,5 см, ширина (в средней части) равна ~ 1,8 см. По всей длине находки на внутренней стороне изделия, в ее середине проходит утолщение, вероятнее всего связанное с технологическими особенностями изготовления данного предмета, на внешней стороне утолщение отсутствует. В обоих концах гривны проделаны круглые отверстия диаметром около 0,3 мм, очевидно предназначенные для крепления на костюме. Гривна хорошо сохранилась, лишь

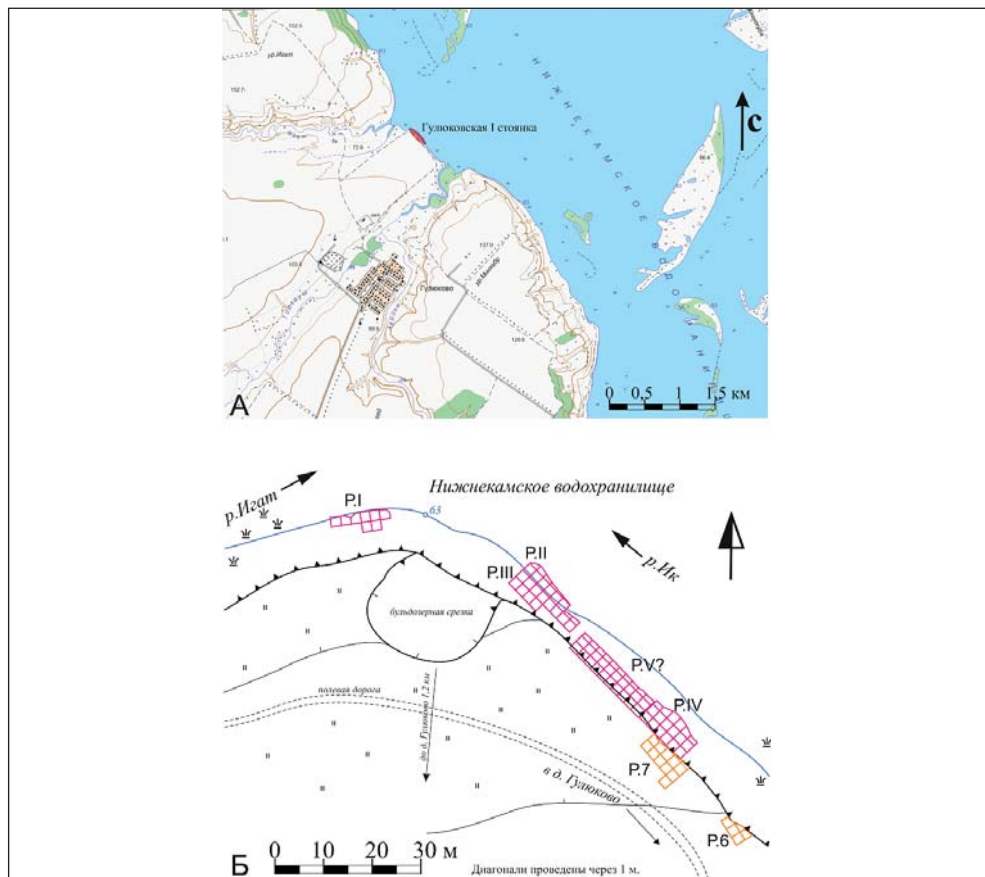

Рис. 1 План Гулюковской стоянки с раскопами.

Fig. 1. Layout of Guliukovo site with excavations.

на одном из концов присутствует повреждение – окончание обломано. Подобные гривны встречаются довольно редко.

Наряду с гулюковской стоит упомянуть гривну из могильника Девичий Городок IV, изученного Е.П. Казаковым в абразионной зоне Куйбышевского водохранилища в Спасском районе РТ (Казаков, 2001, с. 73, рис. 13: 6). Данная находка является практически полным аналогом изделия, обнаруженного на Гулюковском могильнике. Бронзовая шейная гривна из погребения 8 могильника Девичий Городок IV (Казаков, рукопись, с. 4, рис. 3: 6) представляет

собой выпукло-вогнутое бронзовое изделие серповидной формы, с закругленными концами, длина которого около 12,4 см, ширина (в средней части) примерно 2,7 см (рис. 2: 2). Гривна хорошо сохранилась, лишь один из концов имеет повреждение. Так же, как и гривна из Гулюковского могильника, данная находка имеет на концах круглые отверстия для крепления, примерно одинаковых размеров. Судя по тому, что данная гривна относится к погребальному комплексу маклашеевского времени, ее можно датировать XII–X вв. до н. э. (Казаков, 2001, с. 66; Кузьминых, Чижевский, 2018, с. 23).

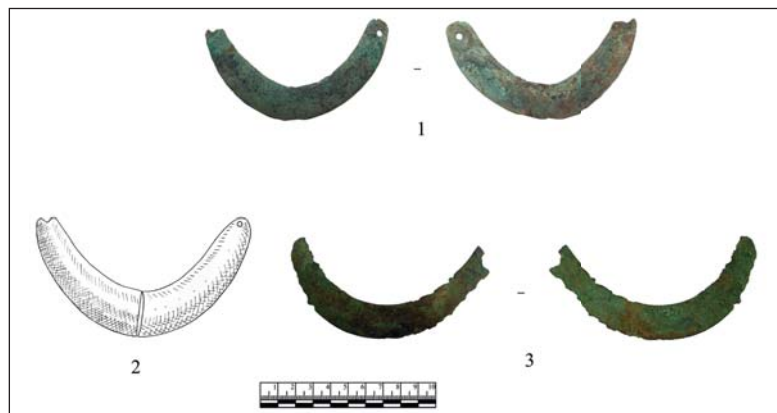

Рис. 2. Шейные бронзовые гривны маклашеевской археологической культуры: 1 – Гулюковский могильник; 2 – могильник Девичий Городок IV (по Казакову Е.П., 2001); 3 – Мурзихинский II могильник (по Беговатов Е.А., Марков В.Н., 1992).

Fig. 2. Bronze neck torcs of the Maklasheevka culture: 1 – Guliukovo burial ground, 2 – Devichii Gorodok 4 burial ground (Kazakov E.P., 2001), 3 – Murzikha 2 burial ground (Begovatov E.A., Markov V.N., 1992).

Изделием, подобным описанным выше, является находка из Мурзихинского II могильника, обнаруженная в 1984 г. Е.А. Беговатовым и В.Н. Марковым, во время охранно-спасательных археологических работ на Куйбышевском водохранилище (Беговатов, Марков, 1992, с. 67, рис. 3: 16). Впоследствии А.А. Чижевским на памятнике было вскрыто 84 погребения маклашеевского времени¹.

Мурзихинская гривна найдена на разрушаемой части некрополя и происходит из размытого погребения позднего (маклашеевского) этапа маклашеевской культуры. Она представляет собой бронзовую пластину серповидной формы с выпуклой внешней стороной и следами сильной коррозии (рис. 2: 3). Наличие или отсутствие отверстий выяснить невозможно в связи с плохой сохранностью предмета, однако по внешнему облику, опираясь на аналогии, находку можно отнести к той же категории, что и гривны из

Гулюковского могильника, а также могильника Девичий Городок IV. Длина гривны ~ 10,9 см, ширина (в средней части) ~ 1,9 см. Датируется эта находка XII–X вв. до н. э. (Беговатов, Марков, 1992, с. 65; Кузьминых, Чижевский, 2018, с. 23).

Прототипами рассматриваемого типа украшений, вероятнее всего, были изделия из клыков кабана, обработанные соответствующим образом для придания им формы полумесяца. Такие изделия впервые появляются в энеолите, они известны в Северном Причерноморье, например, подвеска из клыка кабана, происходящая из погребения Мариупольского могильника, нижнедонской культуры (1-я половина IV тыс. до н. э.) (рис. 3: 1). На могильнике исследовано более ста неолитических и некоторое количество энеолитических погребений, подвеска происходит из погребения, датируемого энеолитическим временем. Ее длина ~ 11,5 см, ширина (в самой широкой части) ~ 1,5 см (Котова, 2006, с. 319, рис. 146: 18).

¹ Личное сообщение А.А. Чижевского.

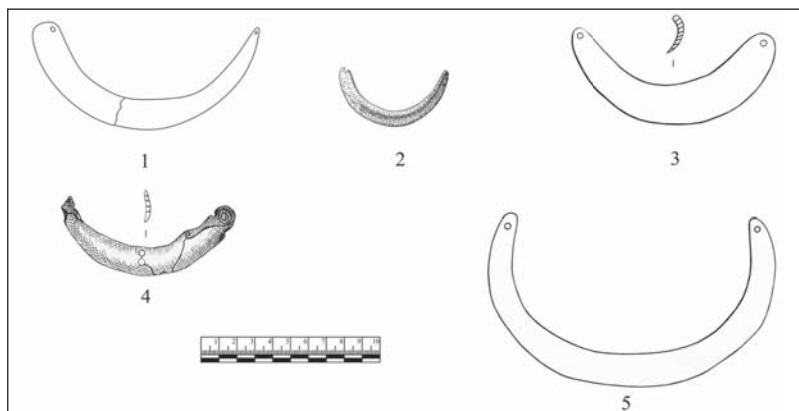

Рис. 3. Элементы костюма эпохи энеолита: 1 – Мариупольский могильник (по Котовой Н.С., 2006); 2 – Джурджулештский могильник (по Котовой Н.С., 2006); 3 – погребение глазковской культуры Норовлин уула (по Волкову В.В., 1975); 4 – могильник Екатериновский мыс (по Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., 2015); 5 – погребение в устье Мельничного лога. (по Членовой Н.Л., 1972).

Fig. 3. Elements of the costume of the Chalcolithic Age: 1 – Mariupol burial ground (Kotova N.S., 2006); 2 – Jurjuleshty burial ground (Kotova N.S., 2006); 3 – Glazkovo culture burial Norovlin ouula (Volkov V., 1975); 4 – Ekaterinovskiy Cape burial ground (Korolev A.I., Kochkina A.F., Stashenkov D.A., 2015); 5 – burial in the mouth of the Melnichny Log (Chlenova N.L., 1972).

Еще одна подвеска из клыка кабана обнаружена в погребальном инвентаре Джурджулештского могильника, который был исследован в 1991 г. у села Джурджулешты, в Вулканештском районе Молдовы, на левом берегу р. Прут (рис. 3: 2). Ее длина около 11,7 см, ширина (в самой широкой части) ~ 1,7 см (Котова, 2006, с. 319, рис. 146: 35, с. 278, рис. 105: 19). На могильнике исследовано пять раннеэнеолитических погребений средне-стоговской археологической культуры (кон. V – нач. IV тыс до н. э.) (Котова, 2006, с. 68).

Из погребения глазковской культуры (кон. III – нач. II тыс. до н.э.), исследованного В.В. Волковым в местности под название Норовлин уула в Монголии происходит еще одна подвеска из клыка кабана подобного рода (рис. 3: 3). Размеры украшения следующие: длина ~ 10,2 см, ширина ~ 2,1

см, концы подвески закруглены (Волков, 1975, с. 76).

Известны украшения из клыков кабана и в лесостепном Поволжье – в Самарской области. Такие находки происходят из энеолитического могильника Екатериновский мыс (рис. 3: 4). Данный могильник датируется второй половиной V тыс. до н. э. На могильнике вскрыто 60 погребений, в нескольких из них (например, погр. 7) были зафиксированы пластины из клыков кабана. Украшение представляет собой половину клыка, расколотого вдоль, на концах предмета есть отверстия для крепления. Интересен тот факт, что часть пластин из погребений могильника Екатериновский мыс сломана, вероятно, это свидетельство ритуальных действий, проводимых перед погребальным обрядом (Королев, Кочкина, Сташенков, 2015, с. 516, рис. 1: 7).

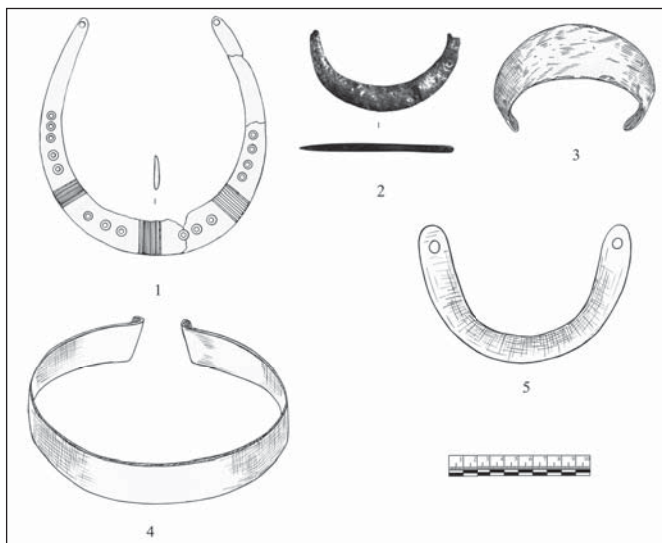

Рис. 4. Элементы костюма ананьинского и постананьинского времени: 1 – могильник Скородум (по Бадеру О.Н., 1960); 2 – курган Аржан-2 (по К. Сугунов, Н. Parzinger, A. Nagler, 2010); 3 – Гулькинский могильник (по Збруевой А.В., 1954) 4 – Першинский могильник (по Голдиной Р.Д., 2004); 5 – Ново-Сасыкульский могильник (по Васюткин С.М., Калинин В.К., 1986).

Fig. 4. Elements of the costume of the Ananyino and post-Ananyino periods: 1 – Skorodum burial ground (Bader O.N., 1960); 2 – Arzhan 2 burial mound (K. Chugunov, N. Parzinger, A. Nagler, 2010); 3 – Gulkino burial ground (A.V. Zbrueva 1954); 4 – Pershinsky burial ground (R.D. Goldin, 2004), 5 – Noviy Sasykul burial ground (Vasyutkin S.M., Kalinin V., 1986).

Все вышеперечисленные изделия эпохи энеолита изготовлены из пластин, которые были получены путем расщепления клыков кабана, на концах просверлены отверстия. В связи с большим внешним сходством этих украшений с рассматриваемым типом гривен, существует мнение, что они послужили прототипом для более поздних бронзовых пластинчатых гривен Поволжья и Прикамья (Файзуллина, Чижевский, 2003, с. 24).

Характерная для бронзовых пластинчатых гривен форма, появившись в энеолитическое, а возможно и в неолитическое время, продолжает существовать в финале эпохи бронзы

и в эпоху раннего железа. В этой связи необходимо упомянуть гривну, происходящую из погребения в устье Мельничного лога, на правом берегу р. Онон в 2 км к северу от станции Оловянная в Забайкальском крае (рис. 3: 5). Она относится к позднему этапу карасукской культуры. По форме изделие похоже на описанные выше экземпляры, однако выполнено из золота, имеются также различия по размерам (длина около 16 см, ширина (в широкой части) ~ 2 см, концы закруглены). Датируется эта гривна VIII–VII в. до н. э. (Членова, 1972, с. 257, 258.).

По мнению Н.Л. Членовой, ближайшим аналогом данному изделию является бронзовая пластинчатая гривна, найденная в Пермской области (Членова, 1972, с. 257) (рис. 4: 1). Гривна подковообразной формы была обнаружена в 1953 г. О.Н. Бадером в погребении 4 могильника Скородум (Бадер, 1960, с. 140). На ее поверхности присутствуют четыре группы ямок, разделенных четырьмя группами насечек, расположенных перпендикулярно плоскости изделия, на концах имеются отверстия для крепления. Форма изделия и его функциональное назначение (шейно-нагрудное украшение) свидетельствуют о том, что находка из Скородума является разви-

тием традиций изготовления пластинчатых серповидных гривен финала эпохи поздней бронзы. О.Н. Бадер отнес время существования могильника, а соответственно и гривну, к VII в. до н. э. Однако, опираясь на сопутствующие находки из погребений данного могильника, а именно на кельты типа КАН-44, памятник можно датировать VI–V вв. до н. э. (Кузьминых, 1983, с. 61–62).

К VII в. до н. э. относится нагрудное украшение, происходящее из погребения 8 скифского кургана Аржан-2 в Туве (Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010, табл. 105: 4, табл. 87: 2). Длина ее составляет ~8,2 см, ширина (в самой широкой части) ~ 2 см, концы закруглены, материал, из которого изготовлена гривна – бронза (рис. 4: 2). Курган раскопан в 2001–2003 гг. совместной российско-германской экспедицией.

В материальной культуре ананьинской культурно-исторической области (АКИО), которая является развитием маклашеевской культуры, данная категория изделий, вероятнее всего трансформируется в украшения в форме незамкнутого широкого обруча, иногда с замком (гривны и налобные венчики). Здесь, в качестве примера можно указать на налобный венчик в виде кокошничкообразной бронзовой полосы без орнамента из погребения 9 Гулькинского могильника (рис. 4: 3). Раскопки Гулькинского могильника были произведены отрядом Куйбышевской археологической экспедиции ИИМК под руководством А.В. Збруевой в 1950 г., всего на могильнике вскрыто 10 погребений АКИО VII–IV вв. до н. э. (Збруева, 1954, с. 254). Размеры налобного венчика следующие: длина ~ 10,3 см, высота ~ 3,6 см.

Другой аналогией, которую необходимо упомянуть, является гривна из погребения 63 Першинского могильника (рис. 4: 4). Могильник был раскопан 1988–1990 гг. С.Н. Коренюком. Всего здесь было исследовано 176 погребений (Голдина, 2004, с. 170, с. 173, рис. 81: 7).

Вероятнее всего, появление гривен и налобных венчиков такого типа связано с началом распространения гривен, изготовленных из проволоки круглого или подчетыреугольного сечения, которые появляются на территории Волго-Камья в VIII–VII вв. до н.э. (Патрушев, 1985, с. 185). Появление этих изделий, по всей видимости, изменило и представления о форме нагрудных украшений, и в частности, пластинчатых гривен.

В постананьинское время традиция изготовления пластинчатых гривен не исчезает совсем. Во II–III вв. н. э. появляются предметы, близкие к украшениям из Гулюковского и Мурзихинского II могильников, а также могильника Девичий Городок IV, но несколько отличающиеся по форме. Речь идет о находке, относящейся к пьяноборской культуре из погребения 135 Ново-Сасыкульского могильника в Бакалинском районе республики Башкортостан (Васюткин, Калинин, 1986, с. 95) (рис. 4: 5). Памятник исследовался в 1976–1980 гг. археологической экспедицией Башкирского государственного университета и силами археологического кружка школы-интерната № 5, всего здесь было исследовано 418 погребений. Данная гривна из погребения 135 имеет форму полумесяца. На обоих концах проделаны круглые отверстия. Размеры ее следующие: длина ~ 14 см,

ширина ~ 9,2 см (Васюткин, Калинин, 1986, с. 101, рис. 6: 11). В отличие от гулюковской гривны, изделие из погребения Ново-Сасыкульского могильника не сужается к концам. Впрочем, эта находка пока единственная, другие изделия такого типа нам неизвестны.

Исходя из того, что все рассмотренные нами пластинчатые гривны с территории Волго-Камья относятся к погребальному инвентарю, можно предположить, что и гривна, найденная на Гулюковском могильнике, происходит из разрушенного или разрушаемого погребения.

Основываясь на аналогиях, гривну из Гулюковского могильника можно датировать XII–X вв. до н. э. и связать ее с поздним (маклашеевским) этапом маклашеевской культуры. В начале раннего железного века данный тип украшений трансформируется в более сложные изделия, подобные гривнам и налобным венчикам из Гулькинского и Першинского могильников АКЦИО. Реминисценция пластинчатых украшений маклашеевского типа происходит в начале I тыс. н. э., подобное изделие отмечено в погребении 135 Ново-Сасыкульского могильника.

Благодарности. Авторы выражают благодарность А.А. Чижевскому и Д.Р. Фатхуллиной за предоставленные личные архивные материалы и помощь в подготовке статьи к публикации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бадер О.Н.* Могильник Скородум и ранний этап ананьинской культуры // Ученые записки Пермского университета. Т. 12. 1960. С. 132–151.
2. *Беговатов Е.А., Марков В.Н.* Мурзихинский II могильник // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада: / Отв. ред.: П.Н. Старостин. Казань ИЯЛИ, 1992. С. 57–72.
3. *Бугров Д.Г., Капленко Н.М., Ситдииков А.Г.* К вопросу о начале мусульманизации населения восточной периферии Волжской Булгарии // Научный Татарстан. 2010. № 4. С. 19–25.
4. *Васюткин С.М., Калинин В.К.* Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 95–122.
5. *Волков В.В.* Погребение в Норовлин уула (Монголия) // Археология Северной и Центральной Азии / Отв. ред.: А.П. Окладников, А.П. Деревянко, М.: Наука, 1975. С. 76–79
6. *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский университет, 1999. 464 с.
7. *Збруева А.В.* Гулькинский могильник // МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР 1954. С. 247–258.
8. *Казаков Е.П.* Новый маклашеевский могильник в Низовьях Камы / Личный архив А.А. Чижевского. Казань. 13 с.
9. *Казаков Е.П.* Памятники эпохи бронзы // Очерки по археологии Татарстана / Ред. П.Н. Старостин. Казань: Школа, 2001. С. 56–73.
10. *Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.* Екатерининский мыс – новый энеолитический могильник в лесостепном Поволжье // Известия СИНЦ РАН. 2015. Т. 17, № 3 (2). С. 514–517.
11. *Котова Н.С.* Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск: СЛУ им. В. Даля, 2006. 327 с.

12. Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.

13. Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Введение в археологию ананьинской культурно-исторической области: Северо-Восток Европы в финале бронзового и раннем железном веке // Археология Евразийских степей. 2017. № 3. С. 22 – 36.

14. Лыганов А.В., Галимова М.Ш., Морозов В.В., Бугров Д.Г. Керамические и кремневые материалы Гулюковской I стоянки: к проблеме разграничения гребенчатых и накольчатых комплексов Иско-Бельского междуречья // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию В.П. Третьякова / Под ред. В.М. Лозовского, О.В. Лозовской, А.А. Выборнова. Спб.: ИИМК РАН, 2015. С. 71–75.

15. Патрушев В.С. Шейные гривны эпохи раннего железа из Волго-Камья // СА. 1985. № 2. С. 173–196.

16. Файзуллина Д.Ф., Чижевский А.А. Украшения и предметы одежды маклашевской культуры // Уваровские чтения-V / Отв. ред. Т.Б. Купряшина, Ю.М. Смирнов. Муром: Стерх, 2003. С. 22–28.

17. Членова Н.Л. Золото в карасукскую эпоху // СА. 1972. № 4. С. 257–260.

18. К. Şugunov, N. Parzinger, A. Nagler Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva // Archäologie in Eurasien 26. Steppenvölker Eurasiens 3 / Mainz: Verlag Philipp von Zabern. 2010. 330 S.

Информация об авторах:

Хуснутдинов Эмиль Азатович, младший научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); husnutdinov.e.a@mail.ru

Шайхулахметов Айбулат Айратович, лаборант-исследователь. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); shaihulahmetov.a@mail.ru

LAMELLAR BRONZE GRIVNA OF THE FINAL BRONZE – BEGINNING EARLY IRON AGES

E.A. Khusnutdinov, A.A. Shaykhulakhmetov

The authors introduce into scientific discourse a plated bronze torc discovered at Gulyukovo burial ground by specialists of the Institute of Archeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences in the summer of 2016. This is the fourth torc of this type discovered in the Volga-Kama region. The finding is dated the 12th–10th centuries B.C. and corresponds to the late stage of the Maklashevo culture. The article features an attempt to trace the stages of emergence and distribution of this type of items. The authors conclude that the bronze crescent torcs were used in the Volga-Kama region in the final Bronze Age as costume adornments. In a later period, this type of ornaments acquired the shape of wide rings.

Keywords: archaeology, the Volga-Kama region, costume, adornments, plated bronze torc, burial grounds, burials, final Late Bronze Age, Early Iron Age..

REFERENCES

1. Bader, O. N. 1960. In *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta. (Scientific Bulletin of the Perm State University)*. Perm: Perm State University, 132–151 (in Russian).

2. Begovatov, E. A., Markov, V. N. 1992. In Starostin, P. N. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki zony vodokhranilishch Volgo-Kamskogo kaskada (Archaeological Sites in the Area of Water Reservoirs in the Volga-Kama Cascade)*. Kazan: Russian Academy of Sciences, Kazan Scientific Center, G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, 57–72 (in Russian).

3. Bugrov, D. G., Kaplenko N. M., Sitdikov, A. G. 2010. In *Nauchnyi Tatarstan (Scientific Tatarstan)* (4), 19–25 (in Russian).

4. Vasiutkin, S. M., Kalinin, V. K. 1986. In Pshenichniuk, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie raboty v nizov'yakh Beloi (Archaeological Investigation on the Lower Belaya)*. Ufa: Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences, 95–122 (in Russian).
5. Volkov, V. V. 1975. In Okladnikov, A. P., Derevyanko, A. P. (eds.). *Arkheologiya Severnoy i Tsentral'noy Azii (Archaeology of Northern and Central Asia)*. Moscow: "Nauka" Publ., 76–79 (in Russian).
6. Goldina, R. D. 1999. *Drevniaya i srednevekovaya istoriya udmurtskogo naroda (Antique and Medieval History of the Udmurt People)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
7. Zbrueva, A. V. 1954. In Smirnov, A. P. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 42. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 247–258 (in Russian).
8. Kazakov, E. P. *Noviy maklashevskiy mogil'nik v Nizov'yakh Kamy (A new Maklasheevka burial ground in the lower reaches of the Kama River)*. Personal archives of A.A. Chizhevsky. Kazan (in Russian).
9. Kazakov, E. P. 2001. In Starostin, P. N. (ed.). *Ocherki po arkheologii Tatarstana: Uchebnoe posobie dlia studentov vuzov i uchitelei istorii (Essays on the Archaeology of Tatarstan: Textbook for University Students and Teachers of History)*. Kazan: "Shkola" Publ., 44–56 (in Russian).
10. Korolev, A. I., Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A. 2015. In *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 17, no. 3(2), 514–517 (in Russian).
11. Kotova, N. S. 2006. *Ranniy eneolit stepnogo Podneprov'ya i Priazov'ya (Early Eneolithic Period of the Steppe Dnieper and Azov Sea Regions)*. Lugansk: Volodymyr Dahl East Ukrainian National University (in Russian).
12. Kuzminykh, S. V. 1983. *Metallurgiya Volgo-Kam'ia v rannem zheleznom veke (med' i bronza) (Metallurgy of the Volga-Kama Region in the Early Iron Age (Copper and Bronze))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
13. Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3. 22–36 (in Russian).
14. Lyganov, A. V., Galimova, M. Sh., et al. 2015. In Lozovskii, V. M., Lozovskaia, O. V. (eds.). *Neoliticheskie kul'tury Vostochnoi Evropy: khronologiya, paleoekologiya, traditsii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 75-letiiu V.P. Tretyakova (Neolithic Cultures of Eastern Europe: Chronology, Paleoecology, Traditions)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 71–75 (in Russian).
15. Patrushev, V. S. 1985. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 173–196 (in Russian).
16. Fayzullina, D. F., Chizhevsky, A. A. In Kupryashina, T. B. Smirnov, Yu. M. (ed.). *Uvarovskie chteniya-V (V Uvarov Readings)*. Murom: "Sterkh" Publ. 22–28 (in Russian).
17. Chlenova, N. L. 1972. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 257–260 (in Russian).
18. K. Čugunov, H. Parzinger, A. Nagler *Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva // Archäologie in Eurasien 26. Steppenvölker Eurasiens 3 / Mainz: Verlag Philipp von Zabern. 2010. 330 S.*

About the Authors:

Khusnutdinov Emil A. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; husnutdinov.e.a@mail.ru

Shaykhulakhmetov Aibulat A. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; shaihulakhmetov.a@mail.ru

Статья поступила в номер 30.06.2018 г.

УДК 902/908

<https://doi.org/10.24852/2018.3.25.288.298>

ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГРЕБЕНЧАТО-ШНУРОВОЙ КЕРАМИКИ БАССЕЙНОВ РЕК ВЯТКА И ВЕТЛУГА

© 2018 г. Э.И. Оруджов

В статье рассматриваются особенности материальной культуры ананьинской культуры гребенчато-шнуровой керамики (АКГШК) ананьинской культурно-исторической области (АКИО) бассейнов рек Вятка и Ветлуга. Автором выделены характерные черты керамического и костяного инвентаря с поселенческих памятников АКГШК, которые характеризуют ее, как самобытную культуру в рамках АКИО. По результатам статистического анализа керамического комплекса вятских городищ выявлено наличие и преобладание гребенчато-шнурового штампа в орнаментации сосудов только на ранних этапах развития АКИО в бассейне рек Вятка и Ветлуга. Сопоставительный анализ коллекций памятников АКИО указанного региона позволил автору определить черты сходства и различия их материальной культуры.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, ананьинская культура гребенчато-шнуровой керамики, ананьинская культурно-историческая область, материальная культура, гребенчато-шнуровой штамп, кельты – КАН-90.

Введение

Поселения первого тысячелетия до нашей эры бассейнов рек Вятки и Ветлуги отличаются рядом особенностей, которые выделяют их из круга одновременных памятников Волго-Камья. Своеобразие материальной культуры способствовало объединению их в отдельную археологическую культуру в составе ананьинской культурно-исторической области (АКИО), которая получила название ананьинская культура гребенчато-шнуровой керамики (АКГШК) (Марков, 2007, с. 56; Чижевский, 2008, с. 71; Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 35).

Особенности материальной культуры этого региона в I тыс. до н. э. наиболее отчетливо проявляются в массовом материале, в развитии керамической посуды и костяных изделиях, однако специальные исследования в этой области отсутствуют. Ниже

приведены данные сопоставительного анализа материальной культуры поселений АКИО рек Вятка и Ветлуга с целью определения характерных особенностей АКГШК.

Керамика

Впервые на особенности керамики бассейнов Вятки и Ветлуги обратила внимание А.В. Збруева, которая указывала на преобладание в ранних слоях вятских городищ посуды с орнаментацией в виде шнуровых узоров в сочетании с круглыми ямками и отпечатками зубчатого штампа. При сопоставлении керамических комплексов, происходящих с ананьинских памятников, расположенных на р. Чусовая и Верхняя Кама, с вятскими, она указывала на более сложную и богатую орнаментацию вятской керамики (Збруева, 1952, с. 71). Исследуя вятские и ветлужские керамические комплексы, исследовательница предположила на-

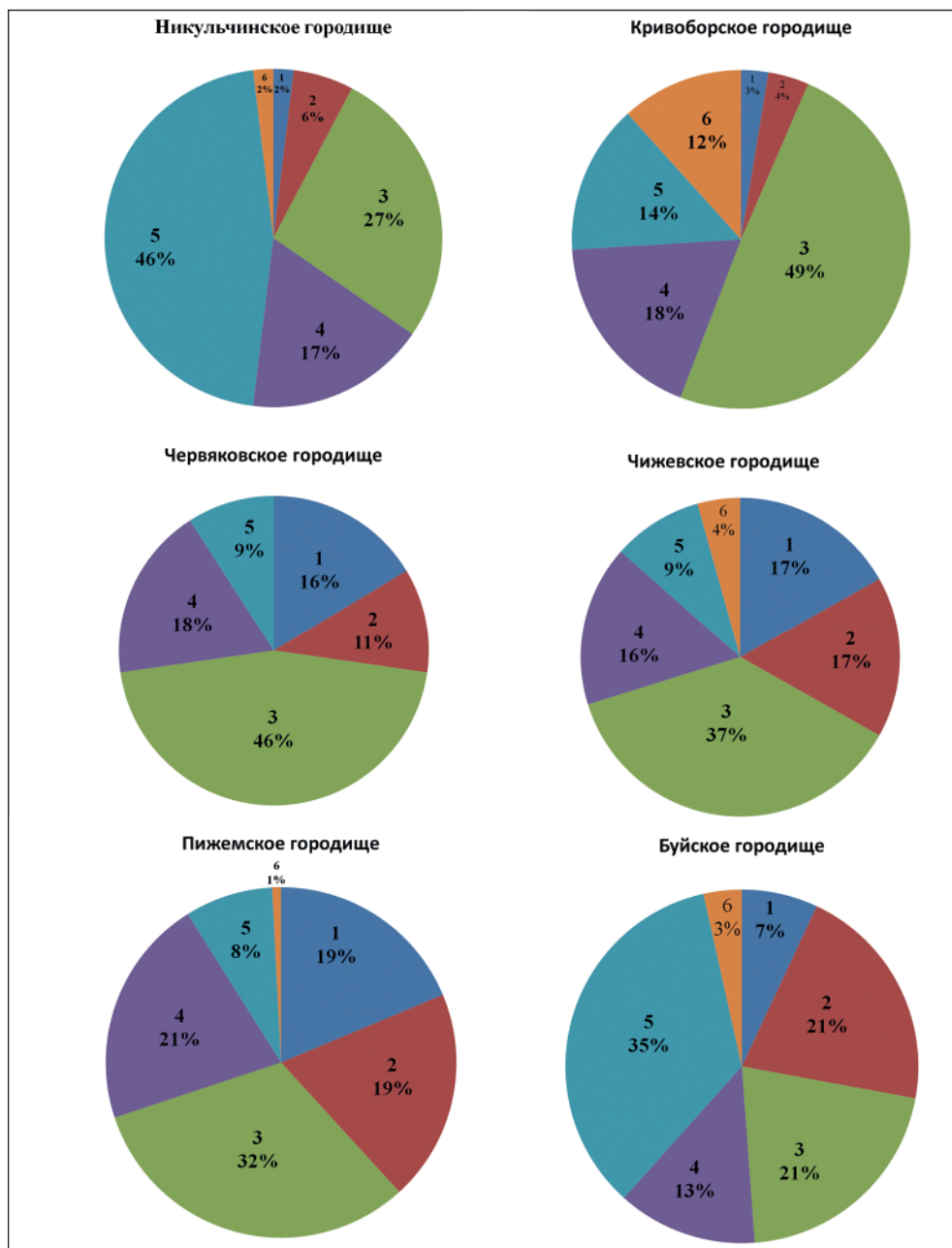

Рис. 1. Диаграммы распределения орнаментальных групп керамических сосудов поселенческих памятников бассейна р. Вятка. 1 – гребенчато-шнуровая; 2 – шнуровая; 3 – гребенчатая; 4 – ямочная; 5 – неорнаментированная; 6 – другие типы орнаментации.

Fig. 1. Diagrams of the distribution of ornamental groups of ceramic vessels in settlements of the Vyatka river basin. 1 – comb-corded; 2 – corded; 3 – combed; 4 – pitted, 5 – non-ornamented, 6 – other types of ornamentation.

личие единых закономерностей в их развитии (Збруева, 1952, с. 74).

А.Х. Халиков, анализируя керамику таких вятских городищ, как Мальковское и Ройский Шихан, обратил внимание на преобладание в их коллекциях керамики с ямочной и гребенчато-зубчатой орнаментацией, а также отсутствие на ананьинских памятниках бассейна р. Вятки «сетчатой» посуды (Халиков, 1977, с. 234). При проведении сравнительно-типологического анализа ананьинской керамики, им было выделено несколько вариантов (групп) сосудов в пределах АКЮ (западновожский (Волга I), средневожский (Волга II), нижнекамский (Кама I), второй нижнекамский (Кама II), среднекамский (Кама III), вятский (Вятка), бельский (Белая), Ветлужский (Ветлуга) (Халиков, 1977, с. 229–242).

При изучении вятских и ветлужских керамических комплексов А.Х. Халиковым были выявлены как некоторые различия, так и черты сходства. Основным различием между вятскими и ветлужскими керамическими традициями было использование ямок в орнаментации. Для бассейна Вятки нанесение ямок носило массовый характер, а на Ветлуге их использовали редко. В силу этого обстоятельства ветлужский вариант был объединен А.Х. Халиковым с поволжским. Единственное, что, по мнению А.Х. Халикова, объединяет памятники Вятки и Ветлуги – это частое применение узоров, выполненных гребенчато-зубчатым штампом (Халиков, 1977, с. 242).

В 80–90-е гг. XX в. к проблеме соотношения вятских и ветлужских памятников обратился В.Н. Марков. В своей монографии «Нижнее Прика-

мье в ананьинскую эпоху» он пишет о «преобладании на вятской посуде исключительно гребенчатой и шнуровой техники» (Марков, 2007, с. 47). По его мнению, значительное сходство с вятской керамикой наблюдается у керамики Поветлужья (Марков, 2007, с. 48). Появление гребенчато-шнуровой керамики на Вятке и Ветлуге он рассматривает как результат передвижения части северно-приуральского населения на данную территорию (Марков, 2007, с. 57). Исследователь выделяет еще одну особенность, свойственную для вятской посуды – присутствие в ее орнаментации ямок, оформленных дополнительно наклонными, горизонтальными и зигзагообразными оттисками зубчатого штампа, полулунными или овальными вдавлениями, которые иначе можно обозначить как «глазчатые» (Марков, 2007, с. 48; рис. 4: 3). Данная особенность также свойственна ветлужским комплексам (Халиков, 1977, с. 242).

При раскопках Аргыжского городища указанные выше орнаментальные композиции в наибольшей концентрации встречаются на раннем этапе функционирования городища. В составе керамического комплекса в данном хронологическом диапазоне (VIII–VII вв. до н. э.) фигурируют четыре орнаментальные группы: ямочно-гребенчато-шнуровая (37,5%), ямочно-гребенчатая (26,7%), ямочная (16,6%) и ямочно-шнуровая (8,8%) (Черных, Ванчиков, Шаталов, 2002, с. 29–30). При этом мы видим, что ямочно-гребенчато-шнуровая орнаментация преобладает. Однако, если рассматривать ананьинский керамический комплекс Аргыжского городища в целом, то здесь данный тип орнаментации уже занимает не

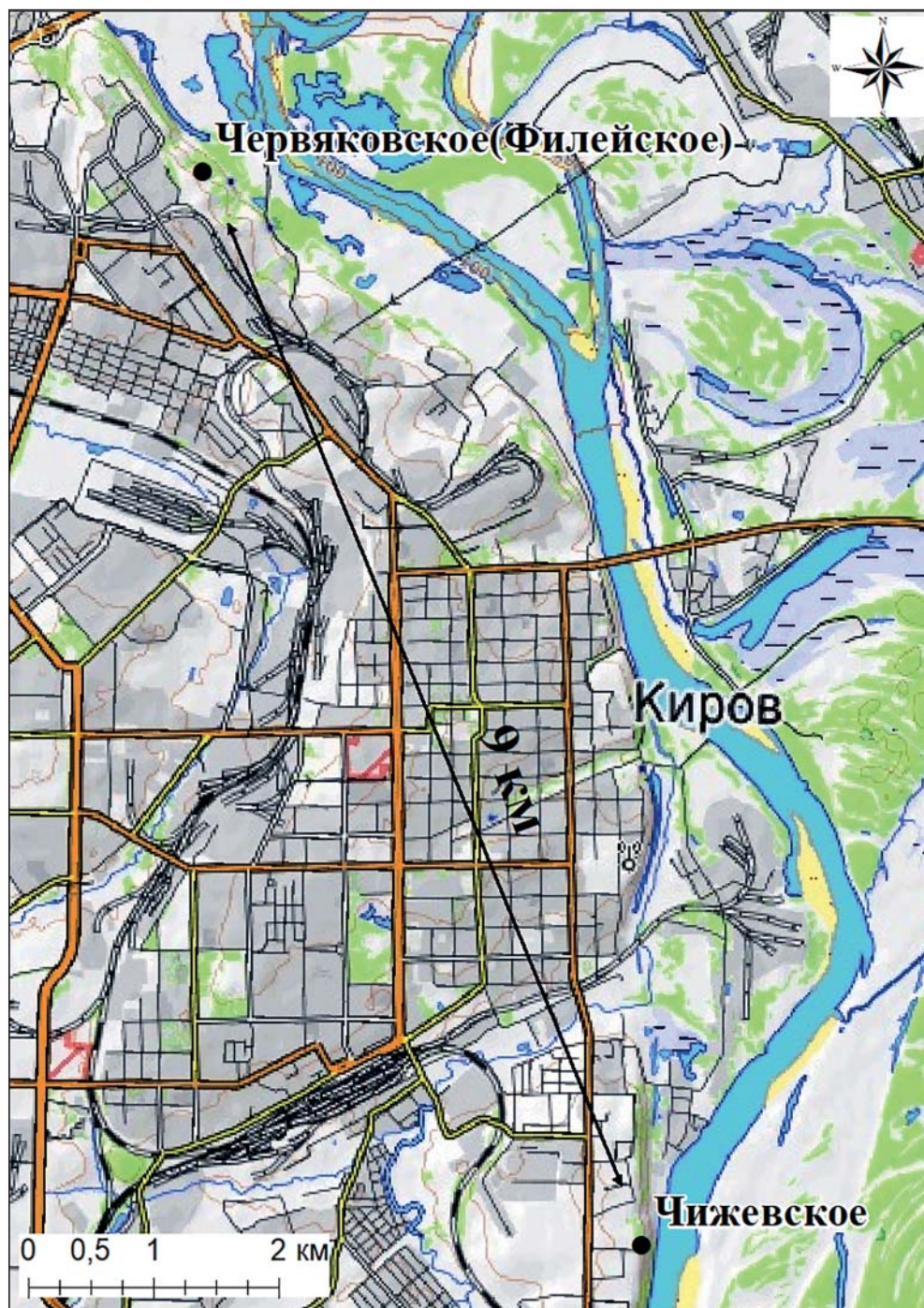

Рис. 2. Червяковское (Филейское) и Чижевское городища на карте г. Киров.

Fig. 2. Location of the Chervyakovo and Chizhi hillforts on the map of Kirov city.

столь значительное место. Видимо, это было связано с постепенным обеднением и унификацией ананьинской керамики в более позднее время существования АКЮ.

Это предположение подтверждается анализом керамики из других вятских городищ (Пижемского, Червяковского, Чижевского, Кривоборского, Никульчинского, Буйского), в коллекциях которых наибольший процент занимает посуда с использованием в орнаментальной композиции гребенчатого (32–49%) (рис. 4: 1) штампа. Равномерное распределение шнурового (11–21%) (рис. 4: 2) и ямочного (13–21%) штампа фиксируется практически на всех городищах (рис. 1: 3–6; 4: 4), за исключением Никульчинского и Кривоборского, где содержание керамики со шнуровым штампом составляет всего 4–6% (рис. 1: 1–2; 4: 2). Вероятнее всего, это связано с более поздним появлением данных поселений. Высокий процент гребенчато-шнуровой керамики (рис. 4: 3) фиксируется в основном на трех городищах – это Пижемское, Червяковское и Чижевское (рис. 1: 3–5), причем два последних памятника располагаются недалеко друг от друга, на расстоянии 9 км (рис. 2).

Таким образом, присутствие в орнаментальных композициях ананьинских сосудов с сочетанием гребенчатого и шнурового штампа является отличительной чертой культуры, существовавшей в бассейнах Вятки и Ветлуги в первой половине I тыс. до н. э. Отличие керамических комплексов Ветлуги состоит в том, что на ранних этапах развития АКЮ, совместно с ямочно-гребенчато-шнуровым штампом встречается тек-

стильный (или сетчатый) орнамент (Стоянов, 1958, с. 183).

Костяной инвентарь

В исследованиях XX в. изделия из кости не объединяются в какую-либо особую группу, обычно их относят к тем или иным типам орудий труда, охоты, вооружения, иногда объединяя с изделиями из железа и камня в одну категорию. Специальные работы, посвященные развитию ананьинских костяных изделий в указанный период практически отсутствовали. Лишь в начале XXI в. было осуществлено комплексное исследование костяных изделий ананьинских поселений бассейна Вятки, которое было опубликовано в виде монографии (Ашихмина и др., 2006).

Согласно этому исследованию костяные предметы воплотили в себе оригинальную местную традицию, характерную для лесной полосы (Ашихмина и др., 2006, с. 20). В монографии было рассмотрено более чем 1000 предметов из кости и при этом, удалось выделить ряд особенностей характерных для «вятского ананьина»:

- наличие наконечников стрел с одним или двумя шипами, с длинным узким пером и плавным, или едва намеченным переходом к черешку, уплощенному или уплощенно-овальному (Ашихмина и др., 2006, с. 32–33). Большое количество стрел, обнаруженное на вятских ананьинских поселениях отражает, по мнению авторов, высокий уровень развития охоты (Митряков, Черных, 2014, с. 161);

- массовость таких орудий, как «мотыжки». Несмотря на то, что они известны на всей территории АКЮ, здесь они преобладают (Ашихмина и др., 2006, с. 49, рис. 5).

Рис. 3. Одоевское городище.

Лопатка-тупик с накольчатым орнаментом (по: Бадер, 1951, рис. 12/44-45).

Fig. 3. Odoevskoe hillfort. Scoop with a punctured ornament (Bader, 1951, fig. 12/44-45).

– лопатки, выполненные в зверином стиле, также характерны именно для «вятского ананьина» (Ашихмина и др., 2006, с. 53).

– набор животных, чьи образы украшали рукояти ножей, ограничивается тремя представителями местной фауны – лосем, медведем и волком. Абсолютное первенство среди них принадлежит медведю (Ашихмина и др., 2006, с. 56; Митряков; Черных, 2014, с. 164, рис. 9: 4).

– точечные мотивы (относящиеся к лопаткам-тупикам), не известны ни на среднекамских, ни на нижнекамских памятниках (Ашихмина и др., 2006, с. 83), Подобные мотивы встречаются лишь на ветлужских городищах. Наиболее ярким примером является находка 1925 года, когда во втором слое

Одоевского городища была обнаружена лопатка-тупик с накольчатым орнаментом (Бадер, 1951, рис. 12/44-45; рис. 3).

Изделия из кости на ананьинских поселениях бассейна Ветлуги встречаются не столь часто, как на Вятке. На таких городищах, как Богородское, Руссенихинское их либо мало, либо они вообще отсутствуют. Судя по исследованиям Богородского городища, здесь обнаружено всего несколько костяных изделий в виде крупных острий из метакарпальных костей, а также рукоять ножа и лоцило из ребра животного, два наконечника стрел. Причем лопасти этих наконечников заканчиваются шипами (Стоянов, 1958, с. 188) подобными шипам вятских ананьинских наконечников. Особый интерес в данной коллекции, по мнению Стоянова, вызывает предмет, изготовленный из рога, по форме напоминающий мотыгу (Стоянов, 1958, с. 188). На Руссенихинском городище костяные изделия отсутствуют. При раскопках Чортового городища Д.Ю. Ефремовой в 2009 г. количество найденных изделий из кости составляло всего 20 экземпляров, причем 14 из них не определены (Ефремова, 2009, с. 40). В этой группе ветлужских городищ выделяется лишь Одоевское городище, на котором предметы из кости отличаются разнообразием. Как и на вятских городищах, количественно преобладают различные острия, встречается характерные для вятских костяных изделий лопатки-тупики с накольчатым орнаментом.

Изделия из кости на Вятке и Ветлуге имеют много общего как в форме предметов, так и орнаментации. Отличие проявляется лишь в их количестве – многочисленные на Вятке,

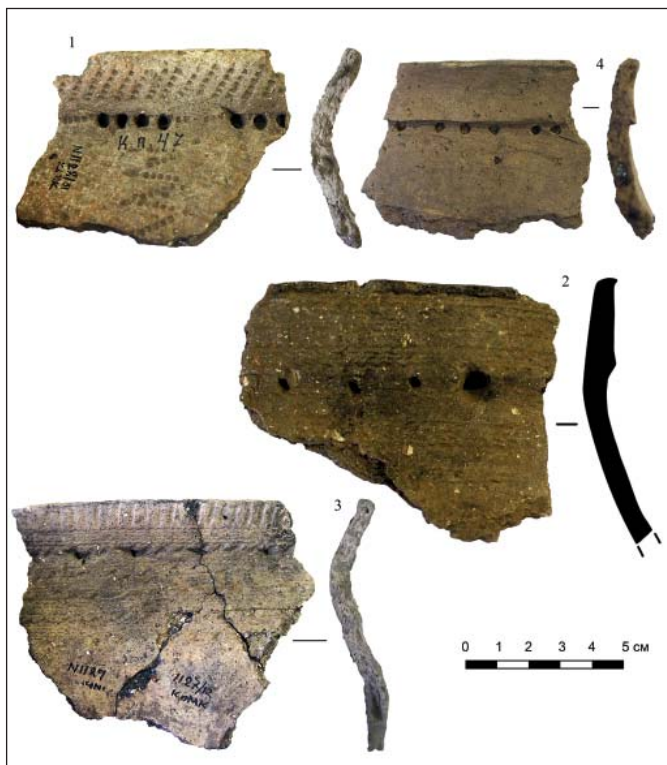

Рис. 4. Керамика вятских городищ.

Fig. 4. Ceramics of the Vyatka hillforts.

они малочисленны на Ветлуге. Объяснение этого явления, по всей вероятности, кроется в слабой изученности бассейна р. Ветлуги. Тем не менее, разнообразие и богатство костяного инвентаря является основной особенностью АКГШК бассейнов Вятки и Ветлуги, что резко выделяет ее среди других культур АКИО.

Кельты

Кельты, как маркер АКГШК, в отличие от керамики и костяных изделий, носят довольно условный характер. В бассейнах Вятки и Ветлуги встречаются кельты различных типов, как с шестигранной, так и с линзовидной втулкой. В конце 1970-х годов С.В. Кузьминых при изучении металлического инвентаря АКИО обратил внимание на значительное своеобразие распространенных в бассейнах рек Вятка и Ветлуга кельтов с

шестигранной втулкой (Кузьминых, 1983, с. 77, 78, 177). Подтверждением этого факта является фиксация в 55 погребениях Старшего Ахмыловского могильника, относящихся к АКГШК, кельтов типа КАН-90, которые практически не встречаются вне района распространения керамики с гребенчато-шнуровым штампом. По мнению А.А. Чижевского, кельты данного типа «являются характерным культурным признаком, отражающим специфику орудийного комплекса АКГШК в ветлужском варианте, ее маркером» (Чижевский, 2008, с. 71). Распространение же других типов шестигранных кельтов является отражением процесса взаимодействия с ананьинской культурой шнуровой керамики (Чижевский, 2008, с. 71). Данные кельты были обнаружены в погребениях Старшего Ахмыловского

Рис. 5. Костяная «мотыжка».
Пижемское городище.

Fig. 5. "Small hoe" made of bone.
Pizhma hillfort.

и Аозинского могильников, которые располагаются в приустьевой части р. Ветлуги, но на памятниках АКГШК в бассейнах Вятки и Ветлуги они отсутствуют.

Если для носителей АКГШК бассейна Ветлуги кельты типа КАН-90 можно учитывать в качестве культуроопределяющего признака, то с бассейном Вятки дело обстоит сложнее. Подобные кельты здесь не встречаются. Обнаруженные здесь кельты (КАН – 6, 28, 38, 40, 60, 62, 66, 76–78, 84, 98, 108) распространены как на Каме, так и на Волге, и какие либо особенные типы кельтов для этой территории выделить на сегодняшний день не представляется возможным.

Выделение культуроопределяющих особенностей среди предметов из металла для вятско-ветлужского региона тесно связано с обнаружением на данной территории могильников, так как их исследование позволило бы получить металлические изделия из закрытых комплексов.

Каменный инвентарь

Каменные изделия из ананьинских слоев вятских и ветлужских поселений в большинстве своем представлены наконечниками стрел и скребками, хотя встречаются ножевидные пластины и проколки. Данный набор представлен почти на всех раннеананьинских могильниках и поселениях волжского ареала (Черных, Ванчиков, Шаталов, 2002, с. 48). Каких либо особенностей для памятников бассейна р. Вятки и Ветлуги не выявлено, вероятно, потому что изделия из камня к середине I-ого тысячелетия выходят из употребления.

Выводы

Таким образом, к основным особенностям АКГШК относятся:

- Преобладание на раннем периоде ее развития (VIII–VI вв. до н. э.) в орнаментальных композициях керамических сосудов оттисков гребенчато-шнурового штампа;

- Наличие костяных наконечников стрел с одним или двумя шипами, с длинным узким пером и плавным, или едва намеченным переходом к черешку, уплощенному или уплощенно-овальному;

- Массовость таких орудий, как костяные «мотыжки»;

- Наличие лопаток-тупиков, выполненных в зверином стиле, а также характерных для Вятки и Ветлуги точечных мотивов в орнаментации, которые чаще

всего встречается на данных изделиях;

– Набор животных, чьи образы украшали рукояти ножей, ограничивается тремя представителями местной фауны – лосем, медведем и волком.

Подводя итоги, следует отметить, что ананьинская культура гребенчато-шнуровой керамики занимает особую нишу в пределах АКИО. Располагаясь в основном в зоне смешанных лесов и тайги, она впитала в себя отражение жизни и быта населения, проживающего в данных природно-климатических условиях. Основные отличия,

которые выделяются эту культуру в рамках АКИО – это обилие костяных изделий и наличие гребенчато-шнуровой орнаментации. Обилие костяных изделий на поселениях характеризует охотничье-звероловческую направленность хозяйственной деятельности ананьинского населения на этой территории. Разнообразие окружающего ландшафта, объединяющего леса, холмы и реки, нашло воплощение в богатстве орнаментации, сочетающей гребенчатый и шнуровой орнамент, и стало отражением мировосприятия «лесных» представителей АКИО на раннем этапе ее развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А.* Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тысячелетие до н.э.). Ижевск, 2006. 220 с.
2. *Бадер О.Н.* Городища Ветлуги и Унжи // МИА. № 22 / Отв. ред. В.Н. Чернецов. М.: АН СССР, 1951. С. 110–158.
3. *Ефремова Д.Ю., Соловьев Б.С.* Сиухинское поселение (предварительные итоги исследований 2009–2010 гг.) // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / АЕС. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 225–240.
4. *Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 326 с.
5. *Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.
6. *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 143 с.
7. *Митряков А.Е., Черных Е.М.* Вятские древности начала железного века: полтора столетия после открытия культуры «костеносных городищ // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред.: С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 147–186.
8. *Стоянов В.Е.* Отчет об исследованиях Богородского, Руссенихинского городища // Отчет о полевых исследованиях марийской археологической экспедиции за 1958 г. Т. I. Казань – Йошкар-Ола, 1959 / Научный фонд МАРТ ИА им. А.Х. Халикова АН РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20.
9. *Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М.: Наука, 1977. 264 с.
10. *Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А.* Аргыжское городище на реке Вятке. М.: Ин-т компьютер. исследований, 2002. 188 с.
11. *Чижевский А.А.* Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исто-

рические области) / Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: Школа, 2008. 172 с.

Информация об авторе:

Оруджов Эдуард Игоревич, лаборант-исследователь, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань, Россия); orudzhov.eduard@mail.ru

MATERIAL CULTURE FEATURES OF THE ANANYINO COMBED-CORDED WEAR CULTURE IN THE VYATKA AND VETLUGA BASINS

E.I. Orudzhov

The paper considers the features of the material culture of Ananyino comb-corded ceramics of the Ananyino cultural and historical area in the basins of the Vetluga and Vyatka rivers. The author determines the characteristic features of ceramic and bone findings from a settlements of Ananyino comb-corded ceramics culture characterizing the latter as an authentic culture within the Ananyino cultural and historical area. The results of statistical analysis of the ceramic complex from Vyatka hillforts demonstrate the presence and prevalence of comb-corded stamping in the ornamentation of the vessels only at the early development stages of Ananyino cultural and historical area in the basin of the Vetluga and Vyatka rivers. A comparative analysis of collections obtained from the monuments of the Ananyino cultural and historical area located of this area allowed the author to identify the similarities and differences of their material culture.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, Ananyino culture of comb-corded ceramics, Ananyino cultural and historical area, material culture, comb-corded stamp, Celts - KAN-90.

REFERENCES

1. Ashikhmina, L. I., Chernykh, E. M., Shatalov, V. A. *Vyatskiy kray na poroge zheleznogo veka: kostyanoy inventar' anan'inskoj epokhi (I tys. do n.e.) (Vyatka Region on the Threshold of the Iron Age: Bone Inventory of Ananyino Period (1st Millennium B.C.))*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
2. Bader, O. N. 1951. In Chernetsov, V. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology)* 22. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 110–158 (in Russian).
3. Efremova, D.Yu., Solov'ev, B. S. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 225–240 (in Russian).
4. Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuu epokhu (History of the Population of the Kama River Region in the Ananyino Time)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
5. Kuzminykh, S. V. 1983. *Metallurgii Volgo-Kam'ia v rannem zheleznom veke (med'i bronza) (Metallurgy of the Volga-Kama Region in the Early Iron Age (Copper and Bronze))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
6. Markov, V. N. 2007. *Nizhnee Prikame v anan'inskuu epokhu (The Lower Kama River Region in the Ananyan Epoch)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 4. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

7. Mitriakov, A. E., Chernykh, E. M. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 147–186 (in Russian).

8. Stoyanov, V. E. 1959. *Otchet o polevykh issledovaniyakh mariyskoy arkheologicheskoy ekspeditsii za 1958 g. (Report on Field Studies of the Mari Archaeological Expedition in 1958)* I. Kazan' – Yoshkar-Ola. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Archaeology Institute named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Fund 1. Inv. 1, dossier 20 (in Russian).

9. Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza. VIII–VI vv. do n. e. (The Volga-Kama Region in the Beginning of the Early Iron Age (8th–6th Centuries BC))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

10. Chernykh, E. M., Vanchikov, V. V., Shatalov, V. A. 2002. *Argyzhskoe gorodishche na reke Viatke (Argyzh Hillfort on the Vyatka River)*. Moscow: Institute of Computer Research (in Russian).

11. Chizhevsky, A. A. 2008. In *Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

About the Author:

Orudzhov Eduard I. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; orudzhov.eduard@mail.ru

Статья поступила в номер 30.06.2018 г.

**ПАМЯТНИК ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ – ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ
В ЗАПАДНОМ ОРЕНБУРЖЬЕ
(КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК У С. КАМЕНКА)¹**

© 2018 г. Л.В. Купцова, И.А. Файзуллин, Е.А. Крюкова

В статье впервые вводятся в научный оборот результаты раскопок двух курганов могильника у с. Каменка в Западном Оренбуржье. Под насыпью кургана № 1 выявлено каменное кольцевое сооружение с приуроченными к нему керамическими сосудами, в центре которого находилась яма – кенотаф. Комплекс был оставлен населением срубной культуры. Под насыпью кургана № 2 обнаружено три погребения. Две основных могилы имеют раннесрубную культурную принадлежность. Для женского захоронения характерны «покровские» признаки, оно содержало богатый инвентарь, в том числе редкую для рассматриваемого региона находку – челюстно-лицевую подвеску. Мужское погребение по основным признакам обряда скорее отнести к бережно-маевской срубной культуре. Судя по данным радиоуглеродного анализа, в этом некрополе «бережно-маевское» погребение совершено несколько раньше «покровского». Впускное захоронение кургана относится к финальному периоду эпохи бронзы и по основным признакам погребального обряда наиболее тяготеет к комплексам черногоровской культуры.

Ключевые слова: археология, Оренбургское Предуралье, некрополь, ранний этап срубной культуры, срубно-алакульские контакты, черногоровское время, каменное кольцевое сооружение, челюстно-лицевая подвеска.

I курганный могильник у с. Каменка исследован в результате аварийно-спасательных работ в 2016 г. отрядом Оренбургской археологической экспедиции по открытому листу, выданному на имя И.А. Файзуллина. Некрополь, состоявший из трех насыпей, находится на водоразделе рек Большой Уран и Малый Уран, представляющий собой бассейн р. Самара (рис. 1: 1, 2). Раскопано два кургана могильника, которым грозило уничтожение в результате функционирования расположенной рядом нефтяной скважины.

Описание объектов исследования. Курган № 1 ранее представлял собой насыпь высотой 0,55 м, диаметром

16 м, в его центре был установлен геодезический знак, снесенный к моменту раскопок. Стратиграфические особенности кургана практически не читаются в результате разрушения его насыпи в ходе рекультивации площадки под бурение нефтяной скважины (рис. 2: 1, 2). В бровке зафиксированы погребенная почва и материк, а также слои, связанные с установкой геодезического знака. Погребенная почва – темно-серая с коричневыми включениями гумусированная супесь с примесью органики мощностью от 20 до 50 см. Материк – запесоченная глина, зафиксирован на глубине от -25 до -30 см от 0.

¹ Работа выполнена в рамках реализации проекта № 33.1389.2017.

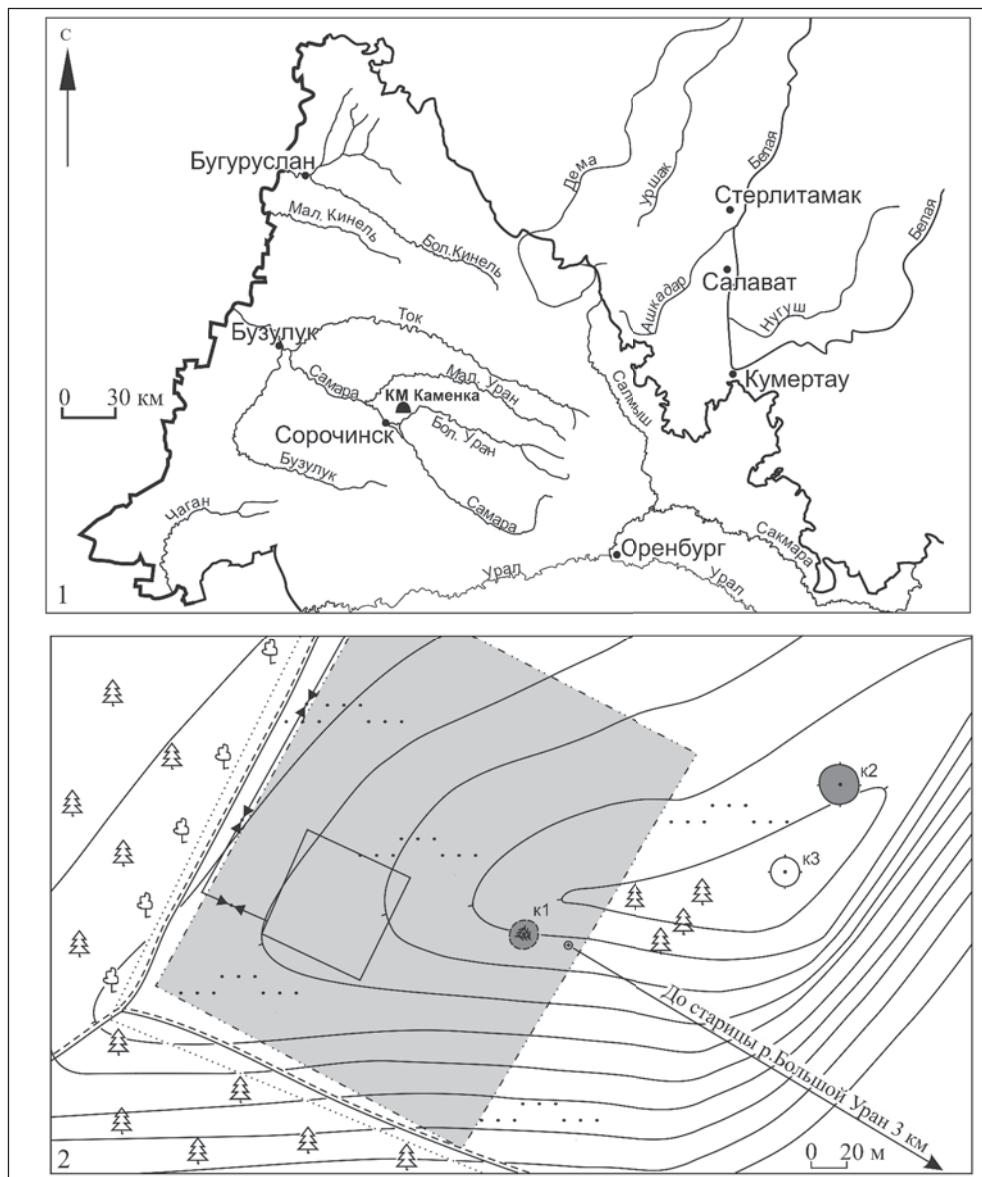

Рис. 1. 1 – карта расположения I курганного могильника у с. Каменка, 2 – план могильника.

Fig. 1. 1 – location of burial mound I near Kamenka village, 2 – layout of the burial mound.

Под насыпью была выявлена конструкция из камней, значительно разрушенная в результате хозяйственной деятельности нефтяников и геодезистов. Сохранилась лишь небольшая ее часть, фиксирующаяся в четырех

секторах подкурганной площадки на уровне погребенной почвы (рис. 2: 1). Вероятно, в древности сооружение имело округлую форму и представляло собой каменограду. Кольцевая конструкция была сложена из необ-

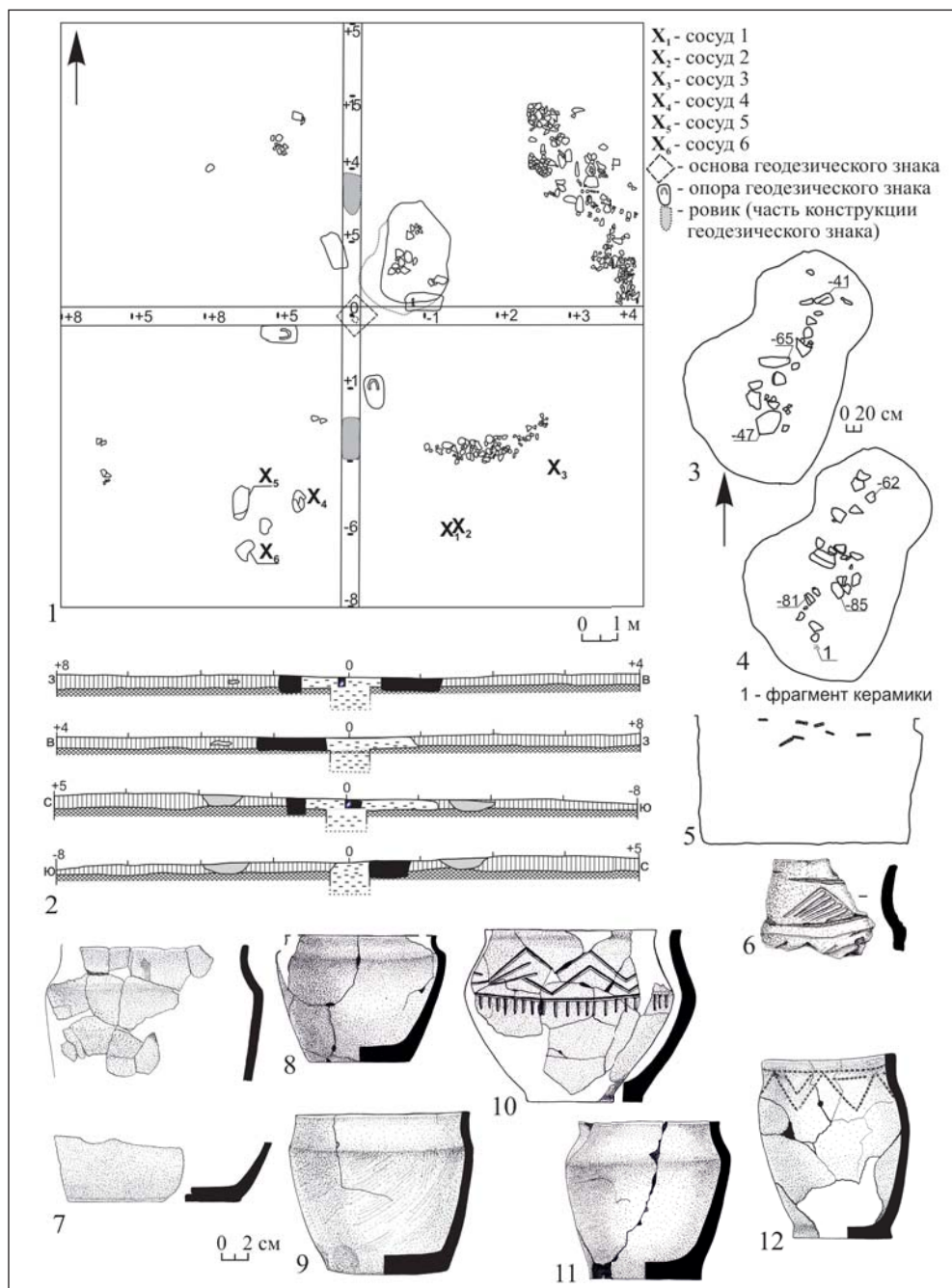

Рис. 2. Курган 1. 1 – общий план кургана, 2 – профили бровок, 3 – верхний план ямы, 4 – нижний план ямы, 5 – профиль ямы, 6 – фрагмент керамики из ямы, 7 – сосуд 1, 8 – сосуд 2, 9 – сосуд 3, 10 – сосуд 4, 11 – сосуд 5, 12 – сосуд 6.

Fig. 2. 1. Barrow 1. 1 – general plan of the barrow, 2 – edge profiles, 3 – upper plan of the pit, 4 – lower plan of the pit, 5 – pit profile, 6 – fragment of ceramics from the pit, 7 – vessel 1, 8 – vessel 2, 9 – vessel 3, 10 – vessel 4, 11 – vessel 5, 12 – vessel 6.

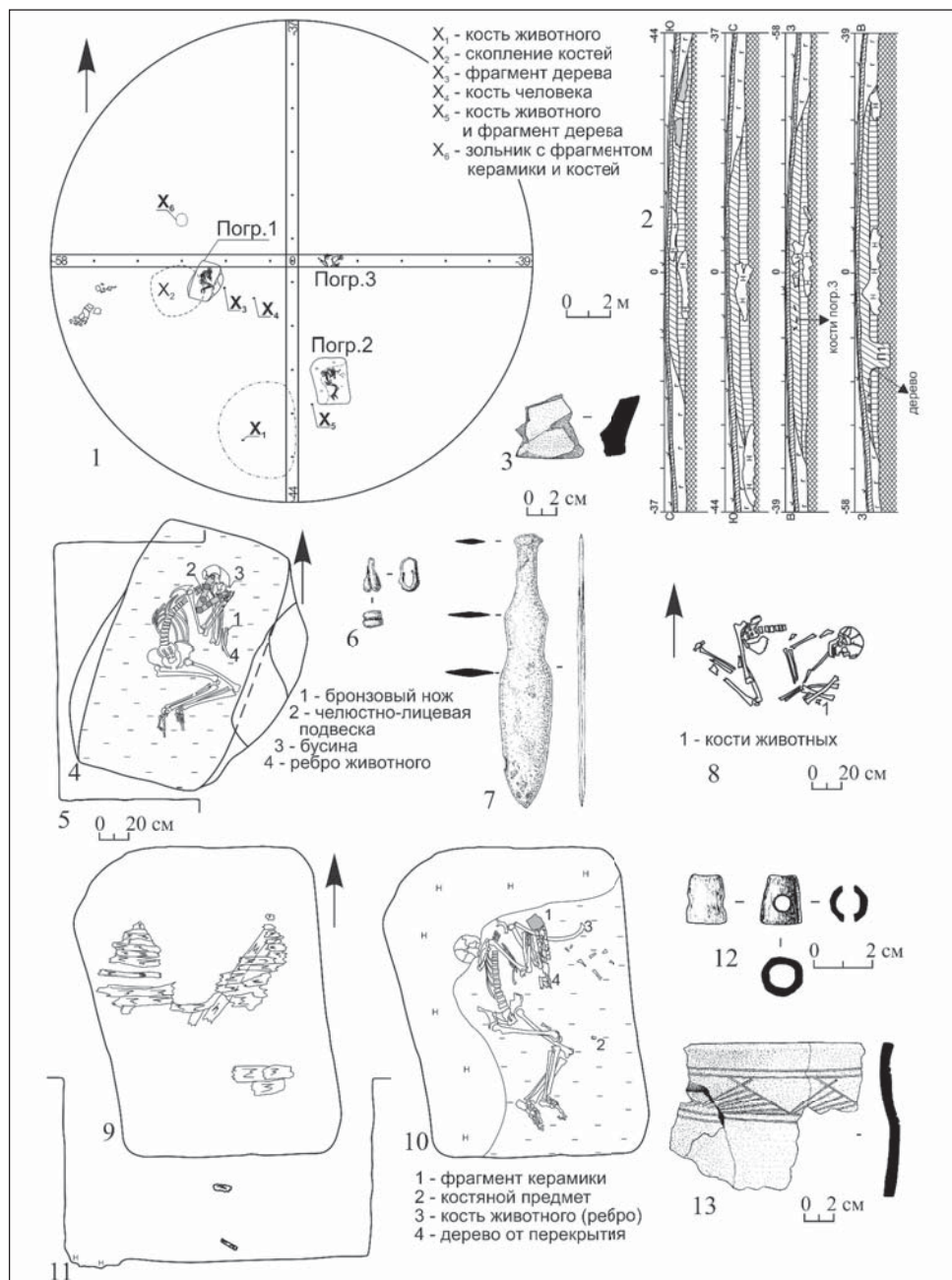

Рис. 3. Курган 2. 1 – общий план кургана, 2 – профили бровок, 3 – фрагмент керамики из зольника, 4 – план погребения 1, 5 – профиль погребения 1, 6 – бронзовая височная подвеска, 7 – бронзовый нож, 8 – план погребения 3, 9 – остатки деревянного перекрытия погребения 2, 10 – план погребения 2, 11 – профиль погребения 2, 12 – костяной предмет, 13 – фрагмент сосуда.

Fig. 3. Barrow 2. 1 – general plan of the barrow, 2 – edge profiles, 3 – fragment of ceramics from the ash layer, 4 – plan of burial 1, 5 – profile of burial 1, 6 – bronze temple pendant, 7 – bronze knife, 8 – plan of burial 3, 9 – remains of a wooden slab in burial 2, 10 – plan of burial 2, 11 – profile of burial 2, 12 – bone item, 13 – fragment of a vessel.

работанного природного плитняка, уложенного в 1–2 слоя, ее диаметр был равен примерно 14,5 м, максимальная ширина – 2 м, высота – 20–25 см. В центре кольца находилась яма подпрямоугольной формы, длинной стороной ориентированная по линии север–юг. В яме расчищено два слоя камней, лежащих по ее центру вдоль (рис. 2: 3–5). Единственной находкой, происходящей из ямы, был орнаментированный фрагмент верхней части лепного горшечного сосуда с уступчатым плечом (рис. 2: 6).

На юго-восточном участке раскопа с внешней стороны каменной конструкции, к югу от нее, были найдены сосуды (№№ 1–3), вероятно, приуроченные к «ограде». Три сосуда (№№ 4–6) также зафиксированы при разборе каменной конструкции на юго-западном участке раскопа, они были утоплены в погребенную почву непосредственно под каменным основанием сооружения.

Описание керамики:

Сосуд 1 (рис. 2: 7). Неорнаментированный горшок с перегибом в верхней трети высоты. D горла – 22 см; D дна – 13 см; D максимального расширения тулова – 24 см, высота не восстанавливается. Толщина стенок 7–10 мм. Поверхность коричневая, излом серый.

Сосуд 2 (рис. 2: 8). Неорнаментированный горшок с перегибом в верхней трети высоты и короткой шейкой. H сосуда – 9,5 см, D горла – 11,5 см; D дна – 7,5 см; D максимального расширения тулова – 13 см. Толщина стенок 5–12 мм. Поверхность коричневая, излом черный.

Сосуд 3 (рис. 2: 9). Сосуд без шеи с перегибом профиля (биконический). H сосуда – 12,2 см, D горла –

13,2 см; D дна – 9,2 см; D максимального расширения тулова – 14 см. Толщина стенок 7–12 мм. Поверхность коричневая, расчесанная гребенчатым штампом, излом серый.

Сосуд 4 (рис. 2: 10). Горшок с перегибом в середине профиля. H сосуда – 13 см, D горла – 13,2 см; D дна – 8,8 см; D максимального расширения тулова – 16 см. Толщина стенок 7–12 мм. Поверхность коричневая, излом серый. В верхней части сосуда нанесен двухрядный зигзаг, подчеркнутый горизонтальной линией, от которой по всей окружности отходят вниз небольшие вертикальные отрезки. Орнамент выполнен гребенчатым штампом, зубцы которого были стерты.

Сосуд 5 (рис. 2: 11). Неорнаментированный сосуд с перегибом в верхней трети высоты. H сосуда – 11,9 см, D горла – 11 см; D дна – 8,5 см; D максимального расширения тулова – 12,2 см. Толщина стенок 7–12 мм. Поверхность коричневая, излом серый.

Сосуд 6 (рис. 2: 12). Плавно профилированный горшок вертикальных пропорций, с выделенным поддоном. H сосуда – 13,5 см, D горла – 16 см; D дна – 7,6 см; D максимального расширения тулова – 11,3 см. Толщина стенок 7–12 мм. Поверхность коричневая, излом серый. Сосуд украшен в верхней части, декор представлен горизонтальной линией, нанесенной прямо под венчиком, а также зигзагом, расположенном ниже. Орнамент сделан гребенчатым штампом.

Погребения под курганной насыпью не обнаружены.

Курган № 2 имел диаметр 22 м и высоту 0,58 м. В результате распашки его насыпь была значительно снивелирована. Стратиграфия: дерн –

1–3 см; пахотный слой – гумус черного цвета толщиной до 20 см; насыпь – коричневатого-серый гумусированный суглинок с включениями желтой глины, мощностью до 50 см; погребенная почва – коричневый суглинок с языками гумуса, мощностью до 40 см; материк – рыжая запесоченная глина, зафиксирован на глубине от -90 до -100 см от 0 (рис. 3: 1, 2).

В процессе снятия насыпи на разных глубинах сектора были зафиксированы разрозненные находки костей животных и человека (X_1 , X_5). Также в насыпи расчищено зольное пятно (X_6), содержащее фрагменты костей и керамики (плоское дно лепного сосуда, культурная принадлежность которого не определяется) (рис. 3: 3).

В кургане № 2 было обнаружено три погребения.

Погребение 1 (рис. 3: 4, 5) зафиксировано в юго-западном секторе раскопа в 3,2 м от центрального репера, на уровне материка. Могильное пятно, ориентированное по линии север-северо-восток – юг-юго-запад имело подпрямоугольную форму и размеры 180×138 см. Глубина – 110 см от 0. В заполнении ямы встречались мелкие фрагменты угля и линзы золы, а также фрагменты дерева, вероятно, от перекрытия. Стенки ямы были покрыты белесым тленом.

На дне погребения на белесой органической подстилке был обнаружен скелет женщины 45–50 лет. Она покоилась на левом боку, головой на север-северо-восток, в скорченном положении, кисти рук располагались перед лицом (рис. 3: 4).

На черепе, челюсти и в верхней части грудного отдела лежала *челюстно-лицевая подвеска* (рис. 4: 1, 2). Украшение представляет собой

сложный гарнитур. Форма – угловая конструкция, закрепляемая в районе висков на головном уборе, свободно свисающая к центру груди. Основой для угловой конструкции служили кожаные ленты, на которые сверху нашивались параллельно расположенные низки чередующихся нескольких пастовых бусин и одиночных длинных бронзовых бусин, надетых на нити из сухожилий животных, и ряды бронзовых обойм, закрепленных на узкие кожаные полоски. Порядок чередования низок бус и обойм на ленте (от внутреннего края к внешнему) – 1 ряд обойм, 4 низки бус, 2 ряда обойм, либо – 1 ряд обойм, 2 низки бус, 1 ряд обойм, 1 низка бус, 2 ряда обойм. Сверху на кожаные ленты с низками были нашиты 7 плоских круглых блях с чеканным орнаментом. Расположение блях: самая крупная внизу, на стыке кожаных лент (в основании конструкции), по две средние бляхи на лентах на расстоянии 5–7 см друг от друга, одна мелкая и одна бляха во фрагменте – на концах подвески, крепящихся к головному убору в районе висков.

Возле локтя левой руки погребенной лежал бронзовый нож и ребро молодой лошади. *Бронзовый нож* (рис. 3: 7) – черенковый, двулезвийный, с удлиненным прямоугольным черешком и раскованной пяткой. Имеет лезвие листовидной формы, ромбовидное перекрестие, в верхней части лезвия притален. Размеры: общая длина – 18,7 см; длина лезвия – 10,2 см, максимальное расширение лезвия – 3,4 см, максимальное расширение перекрестия – 2,9 см; ширина лезвия в сечении – 3 мм.

В ходе разбора костяка на височных костях черепа (на левой и правой

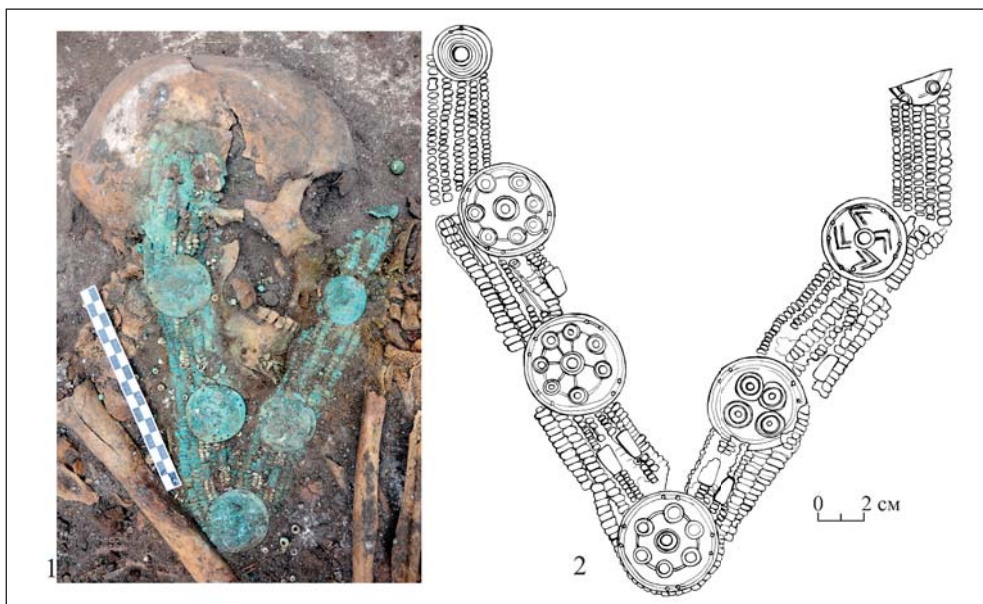

Рис. 4. Челюстно-лицевая подвеска. 1 – подвеска in situ, 2 – прорисовка после реконструкции.

Fig. 4. Jaw pendant. 1 – pendant in situ, 2 – drawing of the item after reconstruction.

стороне) были обнаружены две бронзовые подвески. *Бронзовые височные подвески в 1,5 оборота* (рис. 3: 6) сохранились фрагментарно, восстановлена была только одна. Подвеска изготовлена из широкой, свернутой желобком бронзовой пластины, имеет подтреугольную в плане форму, концы приострены. Длина подвески – 23 мм.

Погребение 2 (рис. 3: 9–10) зафиксировано в юго-восточном секторе раскопа в 4,5 м от центрального репера, на уровне материка. Могильное пятно имело подпрямоугольную форму, ориентировано по линии север – юг. Размеры могильного пятна по линии север–юг – запад–восток – 214×170 см. Глубина могилы – 124 см от 0. В засыпи могильной ямы были зафиксированы фрагменты поперечного деревянного перекрытия.

На дне погребения на белесой органической подстилке был обнаружен

скелет мужчины 50–60 лет, головой на север, на левом боку, в скорченном положении, руки перед лицом (рис. 3: 10).

В засыпке погребения и возле кистей рук встретились фрагменты плавно профилированного орнаментированного керамического сосуда (рис. 3: 13).

В 15 см от колена левой ноги скелета найден костяной предмет в виде трубочки. *Костяной предмет* (рис. 3: 12) изготовлен из поперечного спила трубчатой кости, с двумя сквозными отверстиями друг против друга. Поверхность предмета тщательно заполирована. Общая высота изделия – 1,2 см, диаметр узкой части – 1 см, шириной – 1,4 см, диаметр отверстий – 0,5 см.

Погребение 3 (рис. 3: 8) зафиксировано в бровке в 1,2 м к востоку от центрального репера, на уровне погребенной почвы. Контуры могильной

Таблица 1

Радиоуглеродные даты курганного могильника у с. Каменка.

№ п/п	погребение	материал	^{14}C л. н.	Калиброванная дата		Шифр лаборатории	Программа калибровки
				1 σ	2 σ		
1	2/1	кость чел.	3380 $\pm$ 75	1750-1580	1890-1500	Ki-19354	OxCal V3.9
2	2/2	кость чел.	3690 $\pm$ 50	2140-2010	2210-1920	Ki-19343	OxCal V3.9
3	2/2	кость чел.	3630 $\pm$ 60	2043-1914	2147-1876	ГИН-15496	OxCal V3.10
4	2/3	кость чел.	2830 $\pm$ 50	1050-900	1130-890	Ki-19352	OxCal V3.9

ямы не прослеживались. Скелет женщины 30–40 лет лежал на левом боку, скорченно, головой на восток, левая рука протянута к коленям, лучевая и локтевая кости правой руки находились под прямым углом к локтевому сгибу левой руки, кисти отсутствовали. Перед грудной клеткой костяка была положена часть туши барана: задний окорок с частью тазовой кости и до заплюсневого сустава (вместе с астрагалом и пяточной костью). Среди костей барана находился резцовый зуб взрослой особи КРС.

Для углеродсодержащих материалов кургана № 2 проведено радиоуглеродное датирование, результаты которого представлены в таблице 1.

Культурно-хронологическая интерпретация некрополя

В кургане № 1 погребения отсутствовали, здесь расчищено разрушенное в ходе антропогенного воздействия каменное сооружение в виде кольца, а также приуроченные к нему сосуды. Сосуды, судя по морфологическим признакам, соответствуют стандартам срубного гончарства. В центре кольца находилась яма с камнями на дне. Ее назначение до конца не ясно. В связи с тем, что в ней найден погребальный инвентарь (фрагмент срубно-алакульского сосуда с уступчатым плечом), условно ее можно считать кенотафом. Подобные ямы

без костяков, перекрытые каменными плитами или с лежащими на дне камнями происходят, например, из могильника срубной культуры Уранбаш (Моргунова, 1999). Для срубных памятников Предуралья отмечено частое применение камня для создания надмогильных перекрытий. Надмогильные перекрытия из каменных плит – это локальная черта срубной культуры региона (Купцова, 2014). *Каменные кольцевые конструкции* в срубных памятниках Предуралья практически не встречаются. Единственной кольцевой конструкцией в Западном Оренбуржье является каменная оградка, зафиксированная вокруг захоронения в Боголюбовском КМ. В данном случае это признак андроновского (федоровского или кожумбердынского) влияния, так как он сочетается с обрядом кремации, который в этом некрополе соотносится с андроновской керамикой (Моргунова и др., 2014). Наличие каменной оградки не всегда указывает на инокультурное влияние. Я.В. Рафиковой было проанализировано 11 комплексов с каменными конструкциями, зафиксированными в срубно-алакульских могильниках Южного Зауралья. Из них 3 (могильники Ильяский I к.1, Ивановский I к.4, Ташла-1 к.1) наиболее близко соответствуют сооружению из Каменки: это оградки, располагаю-

щиеся на древнем горизонте и перекрытые насыпью, все эти комплексы возведены вокруг единственной центральной могилы. Только в 4 из 11 рассмотренных Я.В. Рафиковой комплексов представлена кожумбердынская керамика, исходя из чего, автор делает вывод о том, что не все рассмотренные ею кольцевые конструкции объяснимы кожумбердынским происхождением (Рафикова, 2016). В КМ Каменка ни кожумбердынские, ни федоровские признаки не проявлены, по этой причине в данном случае предполагать инокультурный импульс не представляется возможным.

В кургане № 2 выявлено три захоронения и зольное пятно, содержащее мелкие фрагменты костей и дно сосуда.

Погребение № 1, судя по основным обрядовым признакам, имеет срубную культурную принадлежность. Яркой чертой данного комплекса является его инвентарь. Здесь впервые в Западном Оренбуржье найден такой предмет гарнитура, как челюстно-лицевая подвеска. Украшения данного типа известны в памятниках петровской и алакульской культуры (Куприянова, 2008; Усманова, 2017). В памятниках срубной культуры челюстно-лицевые подвески встречаются редко. Они известны в Ново-Ябалаклинском и Спиридоновском могильниках (Горбунов, 1977; Кузнецов, Мочалов, 1999; Куприянова, 2008). Е.В. Куприянова отмечает, что для петровских и алакульских украшений характерны сложные низки бусин и обойм, перемежающихся бляшки подвесок. В срубных Ново-Ябалаклинском и Спиридоновском некрополях сложные низки заменяются на цельные пронизки (Куприянова, 2008). По сложности изготов-

ления челюстно-лицевая подвеска из погребения 2/1 КМ у с. Каменка более тяготеет к андроновским вариантам. Это импортная вещь, попавшая на территорию обитания срубных племен в результате процессов взаимодействия с восточными соседями. Найденные в погребении небольшие овальные в плане желобчатые височные подвески, по классификации В.С. Бочкарева, имеют раннесрубную (или по другой терминологии – «позднепокровскую») культурную принадлежность (Бочкарев, 2017). Не противоречит раннесрубной атрибуции захоронения и форма найденного здесь ножа (Васильев, Кузьмина, Семенова, 1985; Семенова, 2000). Радиоуглеродная дата, полученная по кости человека из этого погребения (таблица 1: 1), вполне соотносится с общепринятой на сегодняшний день датировкой срубных древностей (Молодин, Епимахов, Марченко, 2014).

Погребение № 2 совершено в самой просторной для данного могильника погребальной камере (размеры 214×170 см, глубина – 124 см от 0). Захоронение было перекрыто поперечными деревянными плахами, на его дне обнаружена органическая подстилка. Все эти признаки указывают на ранний (в рамках эпохи поздней бронзы) характер возникновения комплекса. Между тем здесь не прослеживаются «покровские» признаки – инвентарный набор захоронения крайне скуден (фрагмент керамики и костяная трубочка), что позволяет отнести его к раннему «бережновскому» типу срубных погребений (Качалова, 1985; Васильев, Кузьмина, Семенова, 1985; Семенова, 2000). Тип найденного сосуда характерен для всех периодов существования срубной культуры.

Костяная трубочка является редкой находкой. Ее точные аналогии нами не найдены. Наибольшее сходство обнаруживается с изделием из комплекса 2/3 могильника Владимировский I (Самарское Поволжье), датируемого авторами началом позднебронзовой эпохи (Кузьмина, Михайлова, Субботин, 2003). Назначение предмета не ясно.

Рассматриваемый комплекс имеет две радиоуглеродные даты, полученные в разных лабораториях (табл. 1: 2, 3). Даты хорошо соотносятся между собой, что должно указывать на их относительную достоверность. Между тем их калиброванные значения (XXII–XXI вв. до н. э. и XXI–XX вв. до н. э.) не согласуются с общепринятой датировкой срубных древностей. Полученные результаты удревняют комплекс до посткатакомбного или раннесинташтинского времени (Мимоход, 2014; Молодин, Епимахов, Марченко, 2014), что маловероятно. Возможно, соотношение дат погребений 2/1 и 2/2 может указывать на то, что в данном конкретном случае «бережновский» комплекс создан ранее «покровского», притом что в рамках раннего этапа срубной культуры и «бережновская», и «покровская» группы считаются одновременными (Васильев, Кузьмина, Семенова, 1985; Семенова, 2000). В Оренбургском Предуралье известны срубные комплексы без «покровских» черт, изученные при помощи комплексного подхода, датируемые ранее таковых (Файзуллин, 2015; Купцова, 2016). Ранние (относительно срубного времени) радиоуглеродные AMS даты происходят из нескольких погребений, не имеющих «покровских» черт Красносамарского курганного могильника (3/1, 3/10,

3/17) (Anthony, Brown, Khokhlov, Kuznetsov, Mochalov, 2016).

Погребение № 3 не относится к срубной культуре, по всей видимости, оно являлось впускным и было совершено в финальном периоде эпохи бронзы. Отличие от срубной погребальной традиции заключается в положении рук погребенного. Пристальное внимание стоит обратить на состав костей заупокойной пищи: задний окорок с частью тазовой кости барана. Представители срубной культуры, как правило, предпочитали помещать в могилу часть грудной клетки (ребра) КРС или МРС. Длинные кости МРС встречаются в комплексах срубной культуры редко, и только в погребениях детей (Рослякова, 2013). Полученная радиоуглеродная дата (таблица 1: 4), укладываемая в XI–VIII вв. до н. э., также значительно моложе срубной эпохи, для которой в радиоуглеродном диапазоне не соответствует время XX–XV вв. до н. э. (Молодин, Епимахов, Марченко, 2014). Погребения финального периода эпохи бронзы в Западном Оренбуржье ранее не выделялись, крайне редко их встречаемость отмечена во всем Волго-Уральском регионе и на сопредельных территориях. Однако нам удалось найти наиболее близкие аналогии данному комплексу, позволяющие подтвердить его датирование обозначенным выше временем. В курганном могильнике Утевка IX (Самарское Поволжье) было обнаружено погребение нурского типа (переходное время от бронзового к железному веку). Здесь, как и в комплексе 2/3 КМ у с. Каменка, погребенный покоился скорченно, на левом боку, головой на восток, левая рука вытянута к тазовым костям. Перед лицом находились

кости конечностей МРС (Кузнецов, Мочалов, Мышкин, Хохлов, 2015). Практически аналогичное погребение (1/19) известно во II Спиридоновском КМ (Самарское Поволжье). Комплекс имеет некалиброванную дату 2840 ± 80 тыс. л.н (в калиброванном значении – XIII–IX вв до н. э.) (Кузнецов, Мочалов, 1999). Соответствия в погребальном обряде есть и в черногоровских комплексах, изученных в бассейнах рек Днепр и Дон (например, комплекс 24/2 группы Свиной могилы; погребение 14 ОК Ясиновский III) (Черных, Дараган, 2014; Мимоход, 2018). Скорченные погребения черногоровского времени известны на Северном Кавказе. Костяки лежат на левом, реже – на правом боку, часто левая рука вытянута вдоль тела, в ориентировке преобладает восточное направление. Остатки костей животных (ребра, чаще кости ног МРС), как правило, располагаются перед лицом погребенного (Махортых, 1994). Погребения черногоровской культуры датируются IX–VIII вв. до н. э. (Махортых, 1994; Черных, Дараган, 2014). Таким образом, погребальный обряд и радиоуглеродная дата погребения 2/3 КМ ус. Каменка с большой долей вероятности позволяют датировать его финальным этапом эпохи бронзы.

Благодарности. Авторы выражают признательность д.и.н., профессору кафедры биологии, экологии и методики обучения СГСПУ А.А. Хохлову за проведенные половозрастные определения; к.и.н., научному сотруднику археологической лаборатории СГСПУ Росляковой Н.В. за палеозоологические определения; к.и.н., директору Учебно-научного центра изучения природы и человека ЧелГУ Е.В. Куприяновой за помощь в реставрации челюстно-лицевой подвески.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочкарев В.С. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // *Stratum plus*. 2017. С. 159–204.

В насыпи кургана № 2 также было обнаружено зольное пятно, однако в связи с недостаточностью данных, время его появления здесь определить невозможно.

Заключение

Курганный могильник ус. Каменка начал создаваться в начале позднего бронзового века. Два основных погребения и каменное кольцевое ритуальное сооружение некрополя имеют срубную культурную принадлежность, и относятся к раннему периоду существования культуры. Для рассматриваемого региона уникальной находкой является сложносоставная челюстно-лицевая подвеска, выявленная в одном из погребений могильника, попавшая на территорию обитания срубных племен в результате их контактов с представителями алакульской культуры. Данная деталь женского костюма крайне редко встречается в срубных могильниках.

Впускное захоронение хронологически относится к финалу бронзового века и по основным признакам погребального обряда наиболее тяготеет к комплексам черногоровской культуры. Это впервые выявленное в Оренбургском Предуралье погребение указанного периода.

2. *Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П.* Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизации). Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: Куйбышевский государственный педагогический институт, 1985. С. 60–94.
3. *Горбунов В.С.* Курганы эпохи бронзы на правом берегу р. Демы (Башкирия) // СА. 1977. №1. С. 149–161.
4. *Качалова Н.К.* Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизации). Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: Куйбышевский государственный педагогический институт, 1985. С. 28–59.
5. *Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д.* Нестандартный раннесрубный курганный комплекс Юга лесостепного Поволжья // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Вып. 1 / Сост. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1999. С. 59–92.
6. *Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., Мышкин В.Н., Хохлов А.А.* Исследование могильника Утевка IX в Самарском Заволжье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 5 / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2015. С. 52–60.
7. *Кузьмина О.В., Михайлова О.В., Фадеев В.Г.* Курганный могильник эпохи бронзы Владимировский I // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3 / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2003. С. 217–260.
8. *Куприянова Е.В.* Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как «текст»: (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: Авто Граф, 2008. 244 с.
9. *Купцова Л.В.* Погребальные памятники срубной культуры Западного Оренбуржья с применением камня: специфика, культурные связи, периодизация и радиоуглеродная хронология // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 11 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2014. С. 177–196.
10. *Купцова Л.В.* Ранние памятники срубной культуры в Оренбургском Предуралье: характеристика, проблема происхождения, данные изучения комплексным методом // Историко-культурные процессы на Южном Урале в эпоху поздней бронзы: современные проблемы изучения и сохранения культурного наследия. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Н.Г. Рутто (г. Уфа, 20 мая 2016 г.) / Отв. ред. И.И. Бахшиев). Уфа: Диалог, 2016. С. 117–140.
11. *Махортых С.В.* Киммерийцы на Северном Кавказе. Препринт. Киев: Академия наук Украины, 1994. 94 с.
12. *Мимоход Р.А.* Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: от криволукской культурной группы к волго-донской бабинской культуре // КСИА. 2014. Вып. 232. С. 100–119.
13. *Мимоход Р.А.* Стратифицированные курганы бронзового века на правом берегу Северского Донца / Материалы спасательных археологических исследований. Т. 23. М.: ИА РАН, 2018. 288 с.
14. *Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В.* Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. № 3. С. 136–167.
15. *Моргунова Н.Л.* Курганы у с. Уранбаш на Каргалинских рудниках // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Димур, 1999. С. 40–64.
16. *Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Евгеньев А.А., Крюкова Е.А., Купцова Л.В., Рослякова Н.В., Салугина Н.П., Турецкий М.А., Хохлов А.А., Хохлова О.С.* Боголюбовский

курганский могильник срубной культуры в Оренбургской области. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2014. 172 с.

17. Рафикова Я.В. Каменные кольцевые конструкции в курганах срубно-алакульской контактной зоны Южного Зауралья // Историко-культурные процессы на Южном Урале в эпоху поздней бронзы: современные проблемы изучения и сохранения культурного наследия. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Н.Г. Рутто (г. Уфа, 20 мая 2016 г.) / Отв. ред. И.И. Бахшиев). Уфа: Диалог, 2016. С. 235–247.

18. Рослякова Н.В. Костные останки мясных частей туш животных из погребений срубной культуры лесостепного Поволжья // Известия СНЦ РАН. 2013. Т. 15. № 1. С. 205–210.

19. Семенова А.П. Погребальные памятники срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Ред. Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов, М.А. Турецкий. Самара: СНЦ РАН. 2000. С. 152–208.

20. Усманова Э.Р. Презентация андроновского костюма в экспозиции музея (по материалам могильника Лисаковский эпохи бронзы) // Поволжская археология. 2017. № 3 (21). С. 289–304.

21. Файзуллин И.А. Датирование детского погребения с Родникового поселения по результатам естественно-научных данных // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всероссийской научной конференции (г. Челябинск, 28 сентября – 2 октября 2015 г.) / Ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Челябинский государственный краеведческий музей, 2015. С. 177–180.

22. Черных Л.А., Дараган М.Н. Курганы эпохи энеолита-бронзы междуречья Базавлука, Соленой, Чертомлыка. Киев: Издатель Олег Филюк, 2014. 568 с.

23. David W. Anthony, Dorcas R. Brown, Aleksandr A. Khokhlov, Pavel F. Kuznetsov, Oleg D. Mochalov. A Bronze Age Lands capein the Russian Steppes. The Samara Valley Project. UCLA Cotsen institute of archaeology, 2016. 513 p.

Информация об авторах:

Купцова Лидия Владимировна, кандидат исторических наук, заведующий археологической лабораторией. Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия); orelin.84@mail.ru

Файзуллин Ильдар Асхатович, научный сотрудник. Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия); ildar-1988@mail.ru

Крюкова Елена Анатольевна, старший научный сотрудник. Оренбургский государственный педагогический университет(г. Оренбург, Россия); elenkryukova@yandex.ru

MONUMENT OF THE LATE - FINAL BRONZE AGE IN WEST PART OF THE ORENBURG REGION (BURIAL MOUND NEAR THE KAMENKA VILLAGE)

L.V Kuptsova, I.A. Faizullin, E.A. Krukova

In the paper, the results of the excavation of two burial mounds of the cemetery near the village of Kamenska in West Orenburg region are introduced into scientific circulation for the first time. In the burial mound No. 1, a stone ring structure with pottery vessels confined to it was identified, in the center of which there was a pit - a cenotaph. The complex was abandoned by the population of the Srubnaya culture. Three burials were found in the burial mound No. 2. Two main graves have an early Srubnaya cultural affiliation. For women's burial has been characterized with features of the Pokrovka culture. It contained a rich inventory, including a rare finding for the region – the maxillofacial pendant. Male burial on the basis of the main features may be defined as Berezhnovka-Maevka culture. Judging by the data of radiocarbon

---

The work was carried out as part of the project No. 33.1389.2017/ПЧ.

analysis, in this necropolis the Berezhnovka type burial was accomplished somewhat earlier than the Pokrovka type burial. Inlet burial of the burial mound refers to the final period of the Bronze Age and tends to the Chernogorovskaya culture on the basis of the main features of the funeral rite.

Keywords: archaeology, Orenburg Cis-Urals, necropolis, early stage of Srubnaya culture, the Srubnaya-Alakul cultures contacts, period of the Chernogorovskaya culture, stone ring structure, maxillofacial pendant.

REFERENCES

1. Bochkarev, V. S. 2017. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 159–204 (in Russian).
2. Vasil'ev, I. B., Kuz'mina, O. V., Semenova, A. P. 1985. In Basin, S. G. (ed.). *Srubnaya kul'turno-istoricheskaya obshhnost' (problemy formirovaniya i periodizatsii). Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov (Srubnaya Cultural and Historical Community (Issues of Establishment and Periodization). Inter-University Collection of Research Papers)*. Kuybyshev State Pedagogical Institute, 60–94 (in Russian).
3. Gorbunov, V. S. 1977. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 149–161 (in Russian).
4. Kachalova, N. K. 1985. In Basin, S. G. (ed.). *Srubnaya kul'turno-istoricheskaya obshhnost' (problemy formirovaniya i periodizatsii). Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov (Issues of Establishment and Periodization). Inter-University Collection of Research Papers)*. Kuybyshev State Pedagogical Institute, 28–59 (in Russian).
5. Kuznetsov, P. F., Mochalov, O. D. 1999. In Stashenkov, D. A., (comp.). *Okhrana i izuchenie pamyatnikov istorii i kul'tury v Samarskoy oblasti (Protection and Study of Historical and Cultural Monuments in Samara Oblast)* 1. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 59–92 (in Russian).
6. Kuznetsov, P. F., Mochalov, O. D., Myshkin, V. N., Khokhlov, A. A. 2006. In Turetskiy, M. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues on Archaeology of the Volga Region)* 5. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 52–60 (in Russian).
7. Kuz'mina, O. V., Mikhajlova, O. V., Fadeev, V. G. 2003. In Vasil'ev, I. B. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Volga Region)* 3. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 217–260 (in Russian).
8. Kupriianova, E. V. 2008. *Ten' zhenshchiny: Zhenskii kostium epokhi bronzy kak «tekst»: (po materialam nekropolei luzhnogo Zaural'ia i Kazakhstana) (Shadow of a Woman: Women's Costume of the Bronze Age as a "Text Source": (on Materials from the Necropoleis of the Southern Urals and Kazakhstan))*. Cheliabinsk: "Avto Graf" Publ. (in Russian).
9. Kuptsova, L. V. 2014. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 11. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 177–196 (in Russian).
10. Kuptsova, L. V. 2016. In Bakhshiev, I. I. (ed.). *Istoriko-kul'turnye protsessy na Yuzhnom Urale v epokhu pozdney bronzy: sovremennye problemy izucheniya i sokhraneniya kul'turnogo naslediya. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashhennoy 70-letiyu so dnya rozhdeniya N.G. Rutto (g. Ufa, 20 maya 2016 g.) (Historical and Cultural Processes in the Southern Urals during the Late Bronze Age: Contemporary Issues of Studying and Preservation of Cultural Heritage. Proceedings of the All-Russian Research and Practical Conference Dedicated to the 70th Anniversary of N.G. Rutto (Ufa, May 20, 2016))*. Ufa: "Dialog" Publ., 117–140 (in Russian).
11. Makhortykh, S. V. 1994. *Kimmeriytsy na Severnom Kavkaze (Cimmerians in the North Caucasus)*. Kiev: Ukrainian Academy of Sciences (in Russian).
12. Mimokhod, R. A. 2014. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 232, 100–119 (in Russian).

13. Mimokhod, R. A. Stratifitsirovannyye kurgany bronzovogo veka na pravoberezh'e Severskogo Donetsa (*Stratified Barrows of the Bronze Age on the Right Bank of the Seversky Donets*). Series: Materialy spasatel'nykh arkhеologicheskikh issledovaniy (*Materials of Rescue Archaeological Studies*) 23. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
14. Molodin, V. I., Epimakhov, A. V., Marchenko, Zh. V. 2014. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 13 (3), 136–167 (in Russian).
15. Morgunova, N. L. 2014. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 3. Orenburg: "Dimur" Publ., 40–64 (in Russian).
16. Morgunova, N. L., Gol'eva, A. A., Evgen'ev, A. A., Kryukova, E. A., Kuptsova, L. V., Roslyakova, N. V., Salugina, N. P., Turetskiy, M. A., Khokhlov, A. A., Khokhlova, O. S. *Bogolyubovskiy kurgannyi mogil'nik srubnoy kul'tury v Orenburgskoy oblasti (Bogolyubovsky Barrow of the Srubnaya Culture in Orenburg Region)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, (in Russian).
17. Rafikova, Ya. V. 2016. In Bakhshiev, I. I. (ed.). *Istoriko-kul'turnye protsessy na Yuzhnom Urale v epokhu pozdney bronzy: sovremennyye problemy izucheniya i sokhraneniya kul'turnogo naslediya. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashhennoy 70-letiyu so dnya rozhdeniya N.G. Rutto (g. Ufa, 20 maya 2016 g.) (Historical and Cultural Processes in the Southern Urals during the Late Bronze Age: Contemporary Issues of Studying and Preservation of Cultural Heritage. Proceedings of the All-Russian Research and Practical Conference Dedicated to the 70th Anniversary of N.G. Rutto (Ufa, May 20, 2016))*. Ufa: "Dialog" Publ., 235–247 (in Russian).
18. Roslyakova, N. V. 2013. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 15, no. 1, 205–210 (in Russian).
19. Semenova, A. P. 2000. In Kabytov, I. S. (ed.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Bronzovyy vek (History of the Samara Volga Region from the Most Ancient to Modern Times. The Bronze Age)*. Samara: Russian Academy of Sciences, Samara Scientific Center, 152–208 (in Russian).
20. Usmanova, E. R. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 289–304 (in Russian).
21. Fayzullin, I. A. 2015. In Tairov, A. D. (ed.). *Etnicheskie vzaimodeistviia na Iuzhnom Urale: materialy VI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (g. Cheliabinsk, 28 sentiabria – 2 oktiabria 2015 g.) (Ethnic Interactions in the Southern Urals: Materials of the 6th All-Russian Scientific Conference (Chelyabinsk, September 28th - October 2nd, 2015))*. Cheliabinsk: Cheliabinsk Museum of Local Lore, 292–298 (in Russian).
22. Chernykh, L. A., Daragan, M. N. 2014. *Kurgany epokhi eneolita-bronzy mezhdurech'ya Bazavluka, Solenoy, Chertomlyka (Kurgans dated to the eneolithic-bronze age in the area of Bazavluk, Solenaya, Chertomlyk interfluve)*. Kiev: "Oleg Filyuk" Publ. (in Russian).
23. David W. Fonthony, Dorcas R. Brown, Aleksandr A. Khokhlov, Pavel F. Kuznetsov, Oleg D. Mochalov. A Bronze Age Lands capein the Russian Steppes. The Samara Valley Project. UCLA Cotsen institute of archaeology, 2016. 513 p.

About the Authors:

Kuptsova Lidiya V. Candidate of Historical Sciences. Orenburg State Pedagogical University, Sovetskaya str., 19, Orenburg, 460014, Russian Federation; orelin.84@mail.ru

Faizullin Ildar A. Orenburg State Pedagogical University, Sovetskaya str., 19, Orenburg, 460014, Russian Federation; ildar-1988@mail.ru

Krukova Elena A. Orenburg State Pedagogical University, Sovetskaya str., 19, Orenburg, 460014, Russian Federation; elenkryukova@yandex.ru

Статья поступила в номер 20.06.2018 г.

УДК 902, 903.5

<https://doi.org/10.24852/2018.3.25.314.335>

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ «ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ» ПАМЯТНИКОВ АНДРЕЕВСКО-ПИСЕРАЛЬСКОГО ТИПА: ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД¹

© 2018 г. Д.Г. Бугров, Н.С. Мясников

Авторами рассматривается проблема происхождения основных элементов погребального обряда могильников андреевско-писеральского типа (АПТ). Существующие концепции генезиса древностей АПТ сводятся к взаимодействию двух «этнокультурных компонентов» (или групп компонентов): «местного» и «пришлого». Происхождение последнего долгое время связывали с сарматами. «Сарматская» гипотеза была подвергнута справедливой критике Г.И. Матвеевой и С.Э. Зубовым. Предложенная последним альтернативная концепция зауральского (саргатского) «военного выплеска» как основы сложения памятников АПТ базируется на сходстве погребального обряда саргатских и андреевских памятников и на сегодняшний день считается «общепризнанной». По мнению авторов, это во многом обусловлено отсутствием детальной критики ее положений. Предпринятая попытка верифицировать аргументы в пользу этой концепции показала, что большинство привлекаемых аналогий неточны, ошибочны или настолько широко распространены, что не могут быть связаны исключительно с саргатской культурой. В качестве возможной альтернативы «саргатскому военному выплеску» предлагается рабочая гипотеза о формировании обсуждаемых элементов погребального обряда АПТ в результате развития или реминисценции традиций населения Верхнего и Среднего Подонья скифского и сарматского времени.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, финал раннего железного века, памятники андреевско-писеральского типа, генезис, культурные компоненты, погребальный обряд.

Изучение андреевско-писеральского феномена имеет не особо длительную (1958 г. – первые исследования, 1962 г. – первая публикация (Халиков, 1962, с. 116–138)), но весьма бурную историю. Перипетии этой истории и многообразии точек зрения на проблему генезиса памятников андреевско-писеральского типа¹ (АПТ), сформировавшихся за истекшие 60

лет, неоднократно освещались в литературе (последний по времени обзор см. (Зубов, 2018), более полный по охвату – (Ставицкий, 2017); там библиография вопроса). Существующие концепции генезиса памятников АПТ в общем сводятся к взаимодействию двух «этнокультурных компонентов» (или, скорее, групп компонентов): «местного» и «пришлого» (при неопределенном положении в этой системе «пьяноборской»)² состав-

¹ Статья представляет собой часть доклада, прочитанного авторами на Всероссийской научной конференции «I Старостинские чтения: Опорные памятники Среднего Поволжья и Прикамья первой половины – середины I тыс. н.э.» в г. Болгар 4.10.2016 г. (Бугров и др., 2017, с. 352).

² Понимая «пьяноборский» в узком смысле, как относящийся к памятникам бассейна Нижней Белой и восточной части Нижнего Прикамья рубежа и первых веков нашей эры, обозначаемым также

ляющей: ее то включали в «местный компонент», то относили к «пришлому»).

По поводу «пришлого» компонента с момента первых публикаций памятников АПТ господствовала точка зрения о его сарматском происхождении (Степанов, 1980, с. 47; Архипов, 1976, с. 33–34; Зеленева, 1988, с. 81–84; Смирнов К.А., 1992; Вихляев, 2000, с. 51–52)³. «Сарматская» концепция была подвергнута справедливой критике со стороны Г.И. Матвеевой (2003, с. 287–289) и С.Э. Зубова (Гришаков, Зубов, 2009, с. 74–84; Зубов, 2011, с. 93–106)⁴, которые предложили альтернативу – пшеворско-зауральскую (Матвеева Г.И., 1986, с. 158–160; 2003, с. 289–290) или зауральскую, гороховско-саргатскую (Зубов, 1999; 2011, с. 109–112). Если гипотеза об участии «западного» компонента в генезисе древностей АПТ

как «чегандинская культура» (Генинг, 1970), «икская и афонинская стадии чегандинской» (Голдина, 2004, с. 218) или «икский и ныргындинский этапы тарасовской культуры» (Голдина, Лещинская, 2018, с. 19).

³ Исключение составляла точка зрения А.Х. Халикова, сначала видевшего в «пришлом» компоненте пьяноборское население, «одновременно и крупным массивом» вышедшее в Западное Поволжье (Халиков, 1962, с. 133–138), а позже, в рамках своей концепции «ранней тюркизации края», определявшего его как смешанное тюркоязычное гунно-сармато-пьяноборское население или тюркоязычных же «проточуваш», генетически связанных с населением РЖВ Южной и Западной Сибири (Халиков, 1986, с. 75; 1987, с. 11–17).

⁴ Ввиду идентичности аргументации по рассматриваемой проблеме в (Гришаков, Зубов, 2009) и (Зубов, 2011) далее цитирование и ссылки даются по более поздней, дополненной работе.

либо отмечается как «декларативная» (Зубов, 2011, с. 92, 116), либо сводится к объяснению обилия «западных» вещей в Андреевке и, в меньшей степени, в Пильне и Писералах результатами «военной активности андреевцев» (Ставицкий, 2013, с. 134–138; 2017), то «восточная» концепция о зауральском (саргатском) «военном выплеске» (или серии «выплесков») как основе сложения памятников АПТ (Зубов, 2011, с. 109–112, 117–119) на сегодняшний день принята большинством археологов, занимающихся этой проблемой, и фигурирует в литературе как «общепризнанная». Как нам представляется, ее «общепризнанность» во многом обусловлена отсутствием детальной критики. В докладе на «I Старостинских чтениях» нами была предпринята попытка верифицировать аргументы уважаемых коллег и обозначить проблемы, возникающие при рассмотрении феномена АПТ с этой точки зрения⁵.

Поскольку еще Г.И. Матвеева, указывая на отсутствие предметов зауральского происхождения в материальной культуре не только Андреевского, но и заявленного как промежуточный пункт «выпеска» Кипчаковского I могильника, считала, что роль гороховско-саргатского компонента в сложении памятников АПТ «сильно преувеличена», (Матвеева Г.И., 2003, с. 292), С.Э. Зубов для

⁵ Ограниченный объем статьи позволяет рассмотреть лишь часть аргументов в пользу «восточной» концепции, связанную с погребальным обрядом могильников АПТ; обзор проблем, связанных с материальной культурой и касающихся как «восточной», так и «западной» и «местной» составляющих андреевско-писеральского феномена, предполагается в последующих публикациях.

обоснования линии преемственности «саргатка – Кипчаково – Андреевка» использовал сравнение элементов погребального обряда по тем же позициям, по которым критиковал «сарматскую» концепцию (Зубов, 2011, с. 95–99). Попробуем последовательно верифицировать его аргументы (сохранив оригинальную структуру, номенклатуру и нумерацию перечня):

1.1. Захоронения под курганной насыпью, несомненно, не являются эксклюзивной особенностью сарматских культур, но и не относятся исключительно к саргатской традиции. Сам же С.Э. Зубов совершенно справедливо заметил, что обычай возведения кургана над погребением широко бытовал на протяжении всего РЖВ, и не только в степи (Зубов, 2011, с. 96)⁶. Поэтому само по себе наличие обряда подкурганного захоронения может, в лучшем случае, маркировать вероятное инокультурное воздействие на население лесной полосы Восточной Европы, но никак не служить основа-

нием для точного определения источника этого воздействия.

1.2. Подкурганные захоронения в глубоких могилах с плечиками с меридиональной ориентировкой (северный сектор), действительно, широко представлены в саргатских могильниках втор. пол. III в. до н. э. – II в. н. э. (2 и 3 хронологические группы по Л.Н. Коряковой (1988, с. 130–132)⁷). Но непременно саргатское происхождение этих элементов погребального обряда в могильниках АПТ неочевидно.

Крупные и глубокие могильные сооружения (независимо от их типа), кроме саргатских, выделяются практически у всех курганных культур степной и лесостепной полосы Восточной Европы, и их крупный размер не рассматривается исследователями как «этнокультурный признак», а связывается с социальным статусом погребенных (Петренко В.Г., 1989, с. 69, 70, 72; Смирнов К.Ф., 1989, с. 171; Сергацков, 2002, с. 94; Медведев, 2004, с. 33), либо, кроме того, с их количеством⁸ (Корякова, 1977, с. 143;

⁶ Здесь любопытно отметить (в связи с вопросом о происхождении курганного обряда ключевого для «восточной» концепции Кипчаковского I могильника), что, перечисляя курганные некрополи лесостепной и лесной зоны конца I тыс. до н. э. – пер. пол. I тыс. н. э. (вплоть до экзотических «курганов седлеминого типа на территории пшеворской культуры»), С.Э. Зубов обходит молчанием синхронные айским и Шиповским курганам (или несколько более поздние) раннесарматские могильники в среднем и нижнем течении р. Белой: Леканды, Бишунгарово, Старые Кишски (Пшеничнюк, 1983, с. 14–17, 18–33, 102, табл. 2), Атасово (Васильев, 1973); последний расположен по широте севернее не только упомянутых айских и Шиповских курганов, но и собственно Кипчакова.

⁷ С.Э. Зубов в этом контексте ссылается на другие публикации, но детальное рассмотрение подразумевавшихся им аналогий затруднено тем, что ссылки на работы М.Г. Мошковой, В.Ф. Генинга, В.А. Могильникова и Н.П. Матвеевой он дает в целом, без уточнения памятников и комплексов (Зубов, 2011, с. 96).

⁸ В связи с последним, на наш взгляд, интересно, что из ранних погребений АПТ (группа 2 Андреевки по В.В. Гришакову и С.Э. Зубову и Ст. Ардатово, без учета погребения Андреевка, 25, экстраординарного по размерам и составу захороненных) в категорию «больших» по градации Н.П. Матвеевой (2000, с. 122) попадают только парные захоронения (Андреевка, 37–41, 38–39, 50–51); самые крупные из одиночных (Андреевка, 56

1988, с. 49). Сравнение доли крупных и глубоких погребений в рассматриваемых выборках (в тех случаях, когда мы располагаем статистикой) (Корякова, 1988, с. 49; Матвеева Н.П., 2000, с. 129–130; Сергацков, 2002, с. 94; Медведев, 2004, с. 32) не демонстрирует какого-то особого преобладания их именно в могильниках саргатской культуры.

Могильные ямы с заплечиками считаются типичными для саргатских погребений (Корякова, 1977, с. 144; 1988, с. 49; Матвеева Н.П., 1993, с. 136; 1994, с. 115), но распределяются неравномерно в пространстве и времени: для 2-й хронологической группы по Л.Н. Коряковой (втор. пол. III – нач. II вв. до н. э.) на Иртыше и Тоболе они составляют соответственно 10 и 11,6%, на Ишиме – 44,5% (Корякова, 1988, с. 130), для 3-й группы (втор. пол. II в. до н. э. – II в. н. э.) – 23% на Тоболе и 36% на Ишиме (там же, с. 131). Присутствуют они и на раннесарматских могильниках (Смирнов К.Ф., 1989, с. 171–172), составляя в III–I вв. до н. э. от 6,7% погребений в Приуралье до 3,8% на Нижнем Дону и 1,5% в правобережье Волги (Скрипкин, 1997, с. 182), и, хоть и редко, встречаются в среднесарматских курганах (Мошкова, 1989, с. 178; Сергацков, 2002, с. 93). Использовались ямы с заплечиками (тип 8, варианты 2–3 погребальных сооружений по Д.С. Гречко) и населением лесостепи и степи скифского времени (Гречко, 2009, с. 64).

и Ст. Ардатово) не выходят за пределы «средних» (объем одиночного погребения Андреевка, 54, по габаритам как будто попадающего в категорию «больших», не может быть адекватно рассчитан из-за неполного описания формы и размеров).

Просеверная ориентировка преобладает в саргатских курганах (Корякова, 1988, с. 50, 130–132; Матвеева Н.П., 1993, с. 137, табл. 48; 1994, с. 114), является господствующей во всех могильниках АПТ, кроме Писеральского и Староардатовского (Зубов, 2011, с. 37–42, табл. 1–6) и практически отсутствует в ранне- и среднесарматских погребениях степной полосы (Смирнов К.Ф., 1989, с. 171; Мошкова, 1989, с. 179; Скрипкин, 1997, с. 183; Сергацков, 2002, с. 94). Однако у населения лесостепи северо-восточная ориентировка (идентичная 1 и 2 группе погребений Андреевки) была весьма распространена (до 34%) в скифское время на Среднем Дону (Петренко В.Г., 1989, с. 80; Медведев, 2004, с. 32) и абсолютно господствовала (до 85%) в сарматское время на Верхнем Дону (Медведев, 2008, с. 94).

2. Расположение могил вокруг центрального погребения появляется в саргатских курганах 2-й хронологической группы и массово бытует в памятниках 3-й⁹ (Корякова, 1988, с. 130, 131; Матвеева Н.П., 1994, с. 113). В раннесарматских могильниках III–I вв. до н. э. кольцевое расположение могил зафиксировано в 78,1 % курганов Южного Приуралья и от 56,7 до 14% в других регионах, за исключением Прикубанья (Скрипкин, 1997. С. 182). В могильниках АПТ такое расположение могил имеет место только в Писералах, а в

⁹ Не составляя, однако, 80%, как пишет С.Э. Зубов (2011, с. 97); эта цифра у Л.Н. Коряковой (1988, с. 131) характеризует процент многомогильных курганов в целом, без разделения на имеющие кольцевое или групповое расположение периферийных могил.

Андреевке скорее можно говорить о рядном расположении «грунтовых» погребений относительно центральной могилы. Это более напоминает традиции ранних сармат Нижнего Дона и Кубани, где 30-32% курганов имеют параллельное расположение погребений (Скрипкин, 1997. С. 182). Многочисленность периферийных («грунтовых») и впускных погребений Андреевского кургана также находит аналогии как у ранних сармат, так и у саргатцев. В раннесарматских могильниках III–I вв. до н.э. преобладают «курганы-кладбища» с погребениями, впущенными в насыпи эпохи бронзы (в Заволжье – до 84,6% курганов, в Калмыкии – все 100%) или (в Приуралье) в синхронные курганы (87,3%); для этих же регионов характерно количество впускных погребений, превышающее 10 (60,1% курганов Приуралья, 55,3% – Заволжья) (Скрипкин, 1997, с. 181). В саргатских курганах 2-й хроногруппы обычно не встречалось более 5 погребений (Корякова, 1988, с.130), позже их количество доходит до 12–15 (Корякова, 1988, с.48; Матвеева Н.П., 1994, с. 113; 2000, с. 128); при этом саргатцы практиковали совершение периферийных захоронений до сооружения насыпи (Матвеева, 1993, с. 136; 1994, с. 114), и лишь на 3-м этапе и в основном на Иртыше распространяется обычай впускать погребения в насыпь (Корякова, 1988, с. 131). Это как будто сближает данный элемент саргатского погребального ритуала с имеющимися версиями реконструкции порядка возведения Андреевского и Клишкинских курганов (Степанов, 1980, с. 13; Архипов, Шадрин, 1995, с.111; Гришаков, Зубов, 2009, с. 32) – насколько качество исходных данных позволяет

доверять этим реконструкциям.

3. Деревянные конструкции в могилах по С.Э. Зубову (2011, с. 97–98) включают столбы-опоры перекрытия, деревянную облицовку стенок погребальной камеры и канавки от настила на дне могилы. Полный их набор представлен в Андреевке только в п. 25 (рис. 1: 4; 2: 5) (в п. 38-39 зафиксированы канавки (рис. 2: 6) и настил на дне, в пп. 50-51 и 54 – только облицовка без уточнения ее конструктивных деталей) (Степанов, 1980, с. 12–13, 20, 21, 23). В итоге погребальное сооружение Андреевки, 25 реконструируется как гробница с деревянным перекрытием, опирающимся на заплечики и шесть столбов, расположенных двумя продольными рядами в средней части могилы, с деревянной облицовкой стенок ниже заплечиков, закрепленной кольями, и с настилом, положенным на поперечные деревянные лаги, от которых остались канавки на дне могилы (Зубов, 2011, с. 19–20).

Если сопоставлять андреевские и саргатские погребения не по факту наличия «каких-либо деревянных конструкций» (Зубов, 2011, с. 98 – ср. контекст в: Матвеева Н.П., 1994, с. 115), а по сходству реконструируемого интерьера могилы и его компонентов, перечисленных выше, то, во-первых, существенно сократится массив саргатских аналогий: вместо «половины погребений», в которых «можно констатировать содержание дерева», (Корякова, 1988, с. 49)¹⁰ и в значитель-

¹⁰ Ссылка С.Э. Зубова (2011, с. 98) на «почти половину» могил со следами деревянных конструкций, не совсем корректна: в цитируемом месте монографии Н.П. Матвеевой (1994, с. 115) речь идет не обо всей саргатской культуре, и даже не о

ной части которых деревянными были только перекрытия, достоверно остается 7,2%, в которых эти перекрытия базировались на столбовых опорах (там же)¹¹. Во-вторых, обнаружится, что расположение и в значительной степени функция столбов в погребениях саргатской культуры (рис. 1: В) отличны от таковых в Андреевке: в саргатских могилах от 4 до 14 столбов располагались в углах и попарно друг напротив друга вдоль длинных стенок (реже – и вдоль торцевых (рис. 1: 5)), служа не столько опорой перекрытия, сколько основой облицовки (Матвеева Н.П., 1994, с. 116). Столбы-опоры в середине могильной ямы в саргатских курганах принципиально отсутствуют даже в больших по площади могилах (Матвеева Н.П., 2000, рис. 67: 2; 69). Поперечные канавки в дне саргатских могильных ям («почти три десятка» случаев только в Притоболье и на Ишиме), ставшие объектом специального исследования (Матвеев, Матвеева Н.П., 1991) и темой обширного пассажа в цитированной С.Э. Зубовым публикации (Матвеева Н.П., 1994, с.

памятниках Приишимья в целом, а только о двух могильниках – Абатских 1 и 3, и доля погребений со следами дерева в них, скорее всего, лишь случайно совпадает с высчитанной Л.Н. Коряковой для культуры в целом.

¹¹ Уточнить эту цифру по сводке Н.П. Матвеевой не представляется возможным, поскольку при отборе исходных данных для статистического анализа признаки, характеризующие деревянные конструкции (кроме перекрытий), не вошли в число статистически значимых (Матвеева Н.П., 2000, с. 123–124, 126, прим. 6) и поэтому не упоминаются в монографии нигде, кроме предварительного перечня признаков и списков коэффициентов энтропии (Там же, с. 341, 346, 349–351).

115–116)¹², не сопоставимы с андреевскими (рис. 2: Г): они шире и глубже, часто с дополнительными углублениями на концах (рис. 2: 9, 11–13), в 90% случаев размещаются в погребении по две и интерпретируются как выемки под опоры погребального ложа (саркофага) или (в немногочисленных случаях одиночных канавок) – под подголовную скамейку. Ссылка С.Э. Зубова (2011, с. 98) на канавки в погребении 1 кургана 6 могильника Абатский-3 также некорректна: канавки здесь располагались между столбовыми ямками вдоль длинных стенок (рис. 1: 9) и служили для фиксации нижней кромки облицовки (Матвеева Н.П., 1994, с. 116)¹³.

Неожиданно близкие аналогии конструкции погребального сооружения Андреевки, 25 дают материалы лесостепных «скифоидных» культур. Большие по площади деревянные гробницы на столбовом каркасе, с перекрытием на столбах, расположенных в центре или по оси сооружения, с разного рода покрытием на полу (тип III по В.С. Ольховскому, типы III и IV по П.Д. Либерову и А.П. Медведеву, тип 2, вариант 2 и тип 4 по Д.С. Гречко) были широко распространены по всей лесостепи (Петренко В.Г., 1989, с. 69, 72, 75, 76;

¹² К сожалению, С.Э. Зубов (2011, с. 98) оборвал цитирование этого пассажа за пол-абзаца до начала разъяснения функции поперечных канавок в саргатских погребениях; более внимательное отношение к первоисточнику позволило бы избежать досадной ошибки.

¹³ Н.П. Матвеева почему-то приводит аналогии таким канавкам в могильниках Тагискен и Уйгарак не здесь, а страницей ранее, при описании упомянутых выше саркофагов (Матвеева Н.П., 1994, с. 115–116).

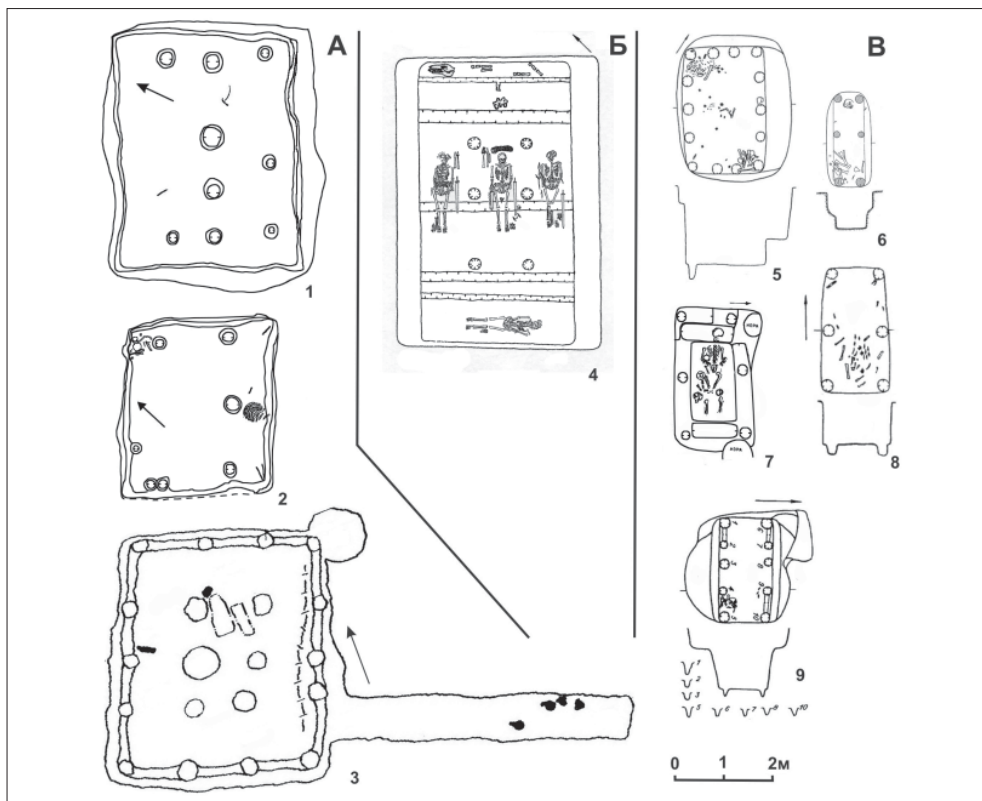

Рис. 1. Столбовые конструкции в погребальных сооружениях: А – скифских памятников Среднего Подонья; Б – памятников АПТ; В – памятников саргатской культуры. 1 – Терновое I, к. 11; 2 – Терновое I, к. 12; 3 – Терновое I, к. 5 (по: Савченко, 2001, рис. 9, 16, 17); 4 – Андреевка I, п. 25 (по: Гришаков, Зубов, 2009, рис. 11); 5 – Абатский 3, к. 1, п. 4; 6 – Абатский 3, к. 1, п. 7; 7 – Абатский 3, к. 2, п. 17; 8 – Абатский 3, к. 2, п. 14; 9 – Абатский 3, к. 6, п. 1 (по: Матвеев, Матвеева Н.П., 1991, рис. 1: 6; Матвеева Н.П., 1994, рис. 28, 38, 55; Мошкова, Генинг, 1972, рис. 1: 4).

Fig. 1. Pillar structures in burial constructions: А – Scythian sites of the Middle Don region; В – sites of the Andreevka-Pisera type; В – sites of the Sargatka culture. 1 – Ternovoe I, s. 11; 2 – Ternovoe I, s. 12; 3 – Ternovoe I, s. 5 (Savchenko, 2001, Fig. 9, 16, 17); 4 – Andreevka I, b. 25 (Grishakov, Zubov, 2009, Fig. 11); 5 – Abatsky 3, s. 1, b. 4; 6 – Abatsky 3, s. 1, b. 7; 7 – Abatsky 3, s. 2, p. 17; 8 – Abatsky 3, s. 2, b. 14; 9 – Abatsky 3, s. 6, b. 1 (Matveev, Matveeva N.P., 1991, Fig. 1: 6; Matveeva N.P., 1994, Fig. 28, 38, 55; Moshkova, Gening, 1972, Fig. 1: 4).

Ольховский, 1991, с. 42–43; Гречко, 2009, с. 60, 63), особенно на Среднем Дону (рис. 1: А), где они составляют более 60% всех погребений (в могильнике Терновое I – Колбино I – все 100%, учитывая 4 случая сооружения таких гробниц на древней поверхности) (Либеров, 1965, с. 11–12; Савченко, 2001, с. 118–120, 126; Мед-

ведев, 2004, с. 32, 54–55) и существуют до конца скифской эпохи (рубеж IV–III – нач. III вв. до н. э.) (Ольховский, 1991, с. 151, Медведев, 2004, с. 37). В отличие от Андреевки, 25, в курганах Подонья столбы по оси могилы чаще всего располагались в один ряд, деля погребальную камеру на две половины (Савченко, 2001, с. 119), но

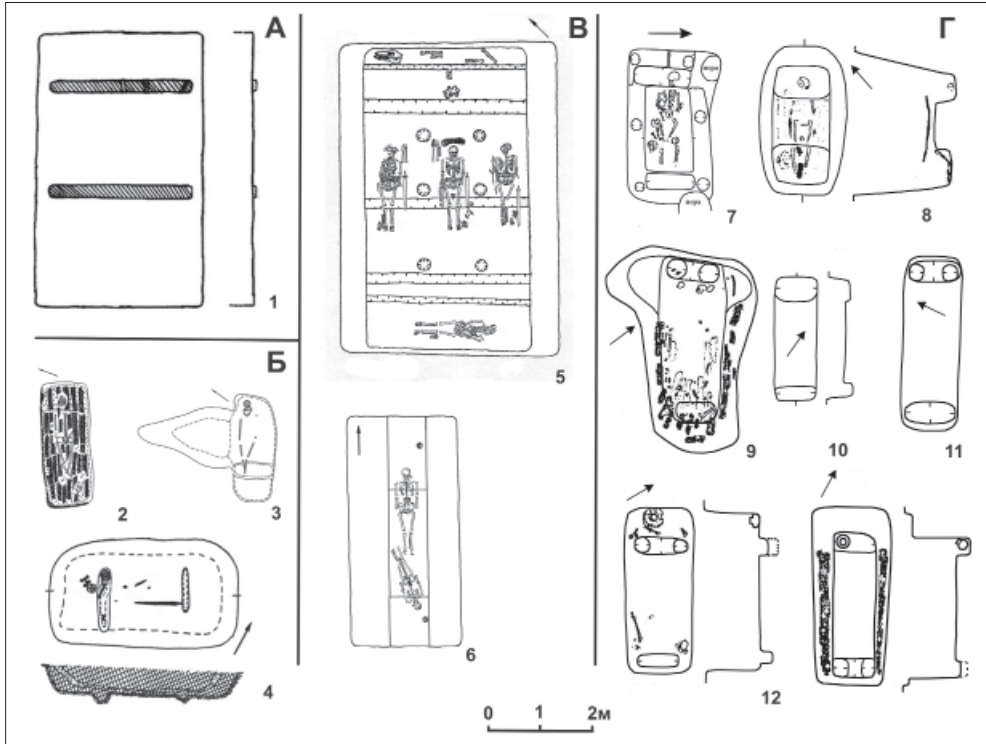

Рис. 2. «Канавки» в погребальных сооружениях: А – скифских памятников бассейна р. Ворсклы; Б – памятников сарматского времени Верхнего Подонья; В – памятников АПТ; Г – памятников саргатской культуры. 1 – тип 7 погребальных сооружений (по: Гречко, 2009, рис. 1; б/ м, б/масштаба); 2 – Ново-Никольское, к. 17; 3 – Вязово, к. 37 (по: Медведев, 2008, рис. 69, 74); 4 – Андреевка I, п. 25; 5 – Андреевка I, п. 38-39 (по: Гришаков, Zubov, 2009, рис. 11, 14); 6 – Абатский 3, к. 2, п. 17; 7 – Абатский 3, к. 1, п. 7; 8 – Тютрино, к. 4, п. 4; 9 – Тютрино, к. 3, п. 4; 10 – Тютрино, к. 4, п. 2; 11 – Абатский 1, к. 3, п. 5; 12 – Абатский 1, к. 3, п. 10; 13 – Абатский 1, к. 5, п. 7 (по: Матвеев, Матвеева Н.П., 1991, рис. 1).

Fig. 2. "Grooves" in burial constructions: А – Scythian sites in the Vorskla river basin; В – sites of the Sarmatian period in the Upper Don basin; В – Andreevka-Pisarely sites; G – sites of the Sargatka culture. 1 – burial constructions type 7 (Grechko, 2009, Fig. 1, not to scale); 2 – Novo-Nikolskoye, s. 18; 3 – Novo-Nikolskoye, s. 17; 4 – Vyazovo, s. 37 (Medvedev, 2008, Fig. 69, 74); 5 – Andreevka I, b. 25; 6 – Andreevka I, b. 38-39 (Grishakov, Zubov, 2009, Fig. 11, 14); 7 – Abatsky 3, s. 2, b. 17; 8 – Abatsky 3, s. 1, b. 7; 8 – Tyutrino, s. 4, b. 4; 9 – Tyutrino, s. 3, p. 4; 10 – Tyutrino, s. 4, b. 2; 11 – Abatsky 1, s. 3, p. 5; 12 – Abatsky 1, s. 3, p. 10; 13 – Abatsky 1, s. 5, b. 7 (Matveev, Matveeva N.P., 1991, Fig. 1).

эпизодически встречаются и двойные ряды столбов (рис. 1: 3) (Савченко, 2001, с. 67, рис. 9: 3; Гречко, 2009, рис. 1: Т. 4). Деревянный или лубяной настил на лагах, заглубленных в дно могилы, так же единично встречается в погребениях скифского времени на Среднем Дону (Либеров, 1965, с. 13;

Савченко, 2001, с. 120), чаще – в синхронных погребениях бассейна Ворсклы (рис. 2: 1) (Петренко В.Г., 1989, с. 75; Гречко, 2009, с. 64). Реминисценция этого элемента внутримогильных конструкций наблюдается у населения Верхнего Дона в позднесарматское время (рис. 2: Б): канавки на дне

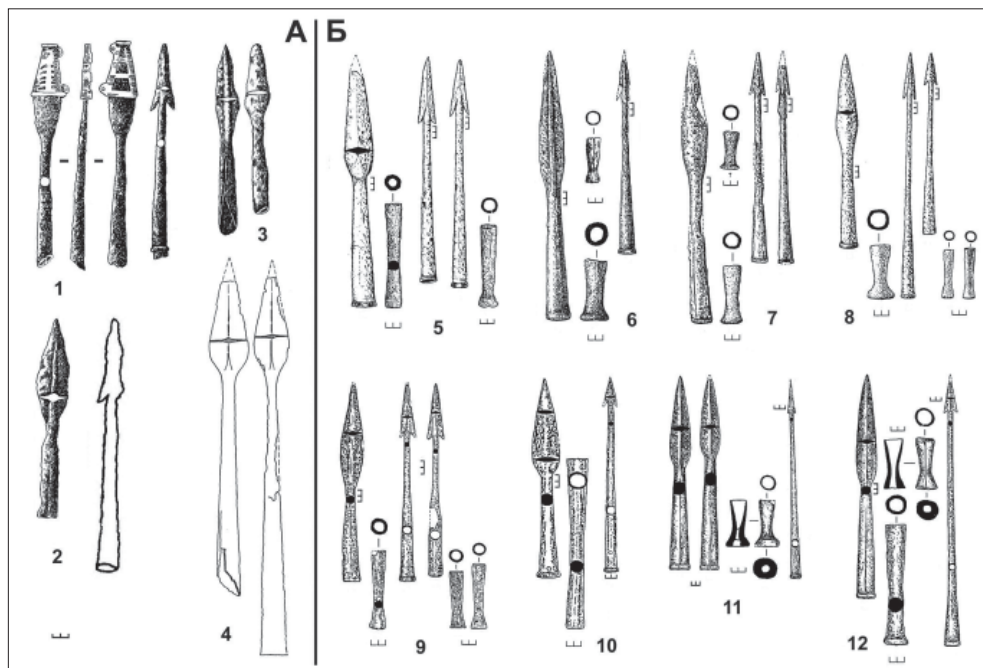

Рис. 3. Комплексы деталей древкового оружия: А – памятников АПТ; Б – скифских памятников Среднего Подонья. 1 – Андреевка I, п. 25/1; 2 – Андреевка I, п. 25/2; 3 – Андреевка I, п. 52 (по: Степанов, 1980, табл. 9, 13, 14, 36, 42); 4 – Старое Ардатово (по: Гришаков, Зубов, 2009, рис. 33); 5 – Дуровка, к. 4; 6 – Дуровка, к. 14; 7 – Дуровка, курган 16; 8 – Русская Тростянка, к. 17; 9 – Терновое I, к. 4; 10 – Терновое I, к. 12; 11 – Колбино I, к. 7; 12 – Колбино I, к.5 (по: Савченко, 2004, рис. 4–9).

Fig. 3. Complexes of polearm fragments: A – Andreevka-Pisarely sites; B – Scythian sites of the Middle Don region. 1 – Andreevka I, b. 25/1; 2 – Andreevka I, b. 25/2; 3 – Andreevka I, b. 52 (Stepanov, 1980, Table 9, 13, 14, 36, 42); 4 – Staroye Ardatovo (Grishakov, Zubov, 2009, Fig. 33); 5 – Durovka, s. 4; 6 – Durovka, s. 14; 7 – Durovka, barrow 16; 8 – Russkaya Trostyanka, s. 17; 9 – Ternovoye I, s. 4; 10 – Ternovoye I, s. 12; 11 – Kolbino I, s. 7; 12 – Kolbino I, s. 5 (Savchenko, 2004, Fig. 4–9).

могил встречены в Ново-Никольском (38 случаев) (Медведев, 1990, с. 158; 2008, с. 92–93; Бирюков, 2007, с. 179) и Вязовском (9 случаев) (Медведев, 1990, рис. 38, 40–45) могильниках.

4. Останки лошади в виде головы с конечностями или отдельных черепов, размещенные в могиле, не характерны для погребальных памятников сармат, на что совершенно справедливо указывает С.Э. Зубов (2011, с. 99). Но и в могильниках саргатской культуры помещение черепа лошади в могилу – явление настолько редкое, что это особо отмечалось ис-

следователями при публикации (Погодин, Труфанов, 1991, с. 119), а при статистической обработке погребальных памятников этот признак выпал из списка статистически значимых (Матвеева Н.П., 2000, с. 123–124, 126, прим. 6; ср. Там же, с. 342, 346, 349). Характерным для саргатской культуры является помещение в могилу «мясных» частей туши животных (таз, лопатка, конечности, ребра – независимо от вида животного, хотя лошадь в целом преобладает) в качестве заупокойной пищи, иногда на блюде и/или с ножом (Матвеева Н.П., 1993,

с. 138, табл. 50; 1994, с. 117; 2000, с. 131, 136, табл. 12–15)¹⁴. Черепа и другие кости лошадей (редко – полные скелеты), как правило, находятся в насыпи и ровиках курганов или на древней поверхности рядом с могилами и соотносятся с «архитектурным оформлением» кургана (Погодин, Труфанов, 1991, с. 119) или с поминальными действиями (Корякова, 1988, с. 51; Матвеева Н.П., 2000, с. 123–124, 131–132, 135). Пик распространения таких жертвенно-поминальных комплексов в саргатских могильниках приходится на период E по Н.П. Матвеевой (III–V вв. н. э.), минимум – на периоды C и D (конец II в. до н. э. – II в. н. э.) (Матвеева Н.П., 1993, с. 134; 2000, с. 131, 133). Этот обычай С.Э. Зубов объединяет в одну линию развития с находками нижних челюстей и скоплений зубов лошадей в насыпях курганов Шиповского, Кипчаковского I и Писеральского, черепов и костей конечностей (?) – в межмогильном пространстве Кушулевого III и Камышлы-Тамакского могильников (Зубов, 2011, с. 99), но предлагаемый им набор аналогий представляется искусственно зауженным. Традиции совершения разного рода манипуляций с черепами лошадей были чрезвычайно широко распространены в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы на протяжении всего РЖВ. Кроме упомянутых С.Э. Зубовым случаев, жертвенно-поминальные комплексы в виде остатков лошадей (в том числе черепов, челюстей и/или зубов) встречаются в заполнении погребений,

надмогильных сооружениях и межмогильном пространстве могильников ананьинской КИО (Чижевский, 2008, с. 57, 67, 75, 76, 82), в насыпях валов и на площадках ананьинских (Бугров и др., 1994, с. 97–98), пьяноборских (Бугров, 2006, с. 145) и дьяковских (Сыроватко, 2009, с. 82) городищ, в курганах лесостепного населения Подонья скифского (Савченко, 2001, с. 118) и сарматского времени (Медведев, 2008, с. 53, 56, 92, 94), а также у ранних сармат III–I вв. до н. э., главным образом приуральных (Скрипкин, 1997, с. 182).

Что же касается остатков коней из Андреевского кургана, то они идентифицируются как шкуры животных (Зубов, 2011, с. 20), и точных аналогий их анатомическому составу (череп и кости ног от копыт до пястей и плюсен включительно (Петренко А.Г., 1980) (пп. 25, 37–41), как вариант – только череп (п. 50–51)) и особенностям размещения в погребении (вытянуто в линию (череп – передние ноги – задние ноги) (пп. 25, 37–41), на заплечике (п. 50–51) или с разносом по глубине – ноги на дне могилы, череп выше в засыпи или на краю ямы (пп. 25, 37–41)) мы не знаем ни в предшествующих, ни в синхронных культурах. Они появляются здесь только в постандреевское время: аналогичный состав костей и их вытянутое размещение, часто в засыпи выше погребенных, известны на могильниках азелинской культуры в III – третьей четверти IV вв. н. э. (Старостин, 2009, с. 32–33); расположение остатков коня на уступе могильной ямы и размещение черепа выше остальных костей, часто на краю могилы – в могильниках безводнинского типа со второй четверти V в. (Краснов, 1980,

¹⁴ Очень схожая картина наблюдается в курганах Среднего Дона скифского времени (Либеров, 1965, с. 12, 14, табл. II; Савченко, 2001, с. 123).

с. 33–38; Грибов, 2018, с. 192). Генезис азелинских «конских комплексов» с большой долей вероятности связан с распространением на восток андреевских традиций; прямая преемственность между андреевскими и безводнинскими комплексами не столь очевидна (налицо хронологический разрыв, и в безводнинских могильниках преобладают захоронения целых конских туш или их крупных частей, в том числе в отдельных ямах).

Несколько замечаний в контексте погребального обряда следует сделать еще по трем пунктам из перечня С.Э. Зубова, отнесенным к категории погребального инвентаря (Зубов, 2011, с. 95):

5. «*Воинские трофеи*» из погребений Андреевка, 25/1 и 37, по словам С.Э. Зубова, позволяют «наметить пунктирной линией связь Андреевского кургана с Кипчаковским могильником». Основанием для этого ему служат находки обработанных фрагментов человеческих челюстей в межмогильном пространстве пп. 12 и 13 Кипчакова I и в слое городища Серёнькино (Зубов, 2011, с. 100; 2016, с. 28–29). Существенные отличия в выборе сырья для «трофеев» (верхние челюсти с небной костью в Андреевке, альвеолярный край верхней челюсти и тело нижней челюсти в Кипчаково I и Серёнькино), в способе их раскрытия (челюсть целиком в Андреевке, отдельные пластины в Кипчаково) и крепления (в Андреевке – через отверстие на месте выхода тройничного нерва, в Кипчаково – через «систему отверстий» просверленных сбоку), а также невозможность достоверно сравнить их функции, не позволяет, на наш взгляд, корректно обосновать существование преемственности.

Выбор аналогий на столь общих основаниях открывает слишком широкое поле для их поиска¹⁵: погребения отдельных черепов массово встречаются в могильниках ананьинской КИО¹⁶, единично – в пьяноборских и относительно широко – в азелинских могильниках Нижнего Прикамья и Марийского Поволжья (Чижевский, 2008, с. 35, 47, 63, 72; Старостин, 2009, с. 29); следы ритуальных(?) действий с черепом и нижними челюстями присутствуют на пьяноборском городище Тойгузино II (Бугров, 2006, с. 145, рис. 41), с черепом и костями посткраниального скелета – на дьяковских памятниках (Сыроватко, 2009, с. 81, прим.). При этом в собственно саргатских древностях подобных практик не зафиксировано. Попытка продлить «пунктирную линию» до Урала за счет находки фрагмента человеческой верхней челюсти из Игнatieвской пещеры (Зубов, 2011, с. 100; 2016, с. 29) неубедительна, поскольку означенный фрагмент происходит из 1-го горизонта раскопа IV (Чикишева, 1992, с. 198), состоящего из культурного слоя, переотложенного в неустановленное время от палеолита до XIX в. (Петрин, 1992, с. 96–97), привязка его к «слою раннего железного века» не подтверждается ни археологическим материалом (керамика РЖВ найдена только на склоне вне пещеры (Шорин, 1992, с. 201), межовская керамика, якобы «подстилающая слой»), в котором найден фрагмент (Зубов, 2016, с. 29), в рас-

¹⁵ Подобный поиск был выполнен С.Э. Зубовым в специальной статье (2016), к сожалению, не вышедшей за рамки перечисления прецедентов.

¹⁶ В том числе, и в Чурачикском могильнике (Каховский, 1964, с. 87).

копе IV отсутствует (Петрин, 1992, с. 96–100; Шорин, 1992, с. 198)), ни радиоуглеродным датированием (1-й горизонт раскопа IV не датирован по ¹⁴C (Петрин, 1992, с.163)) и опирается в итоге исключительно на проводимую В.Т. Петриным аналогию с «трофеями» из Андреевского кургана (Петрин, 1992, с.7)¹⁷.

6. Оружие, в данном случае – наконечники копий и дротиков, в рассматриваемом контексте интересны не самим фактом их наличия в погребениях АПТ и не «генетической связью» с различными культурами II в. до н. э. – III в. н. э. (Зубов, 2011, с. 103–104), а обычаем помещать в могилу два экземпляра древкового оружия (копье и дротик или два копья), имеющим место как в ранних погребениях АПТ (Андреевка, 25/1, 25/2, Старое Ардатово (рис. 3: 1, 2, 4)), так и в поздних (Андреевка, 52 (рис. 3: 3) и 17/48 (Гришаков, Зубов, 2009, с. 15–16; Степанов, 1980, с. 21, табл. 30: 4; 42: 14)). Подобная традиция не характерна ни для одной из «восточных» культур, привлекаемых С.Э. Зубовым для сравнения (например, из упомянутых им 108 погребений с наконечниками копий из Охлебининского могильника (Зубов, 2011, с. 103–104) ни одно не содержит более

одного экземпляра)¹⁸. Концентрация погребений с двумя и более предметами древкового оружия наблюдается в могильниках Среднего Подонья скифского времени (V–III вв. до н. э.) (рис. 3: Б); находки двушипных наконечников дротиков здесь аномально многочисленны даже по сравнению с другими группами «скифоидных» памятников лесостепи (Савченко, 2004, с. 174–175), а часть наконечников копий имела футляры из ткани и кожи (там же, с. 169) – ср.: Андреевка, 25/1 и 54. Два случая помещения в погребение двух наконечников копий зафиксированы в упомянутых выше верхнедонских могильниках сарматского времени (Медведев, 1990, с. 123, рис. 38: 1, 2; Бирюков, 2007, с. 175, рис. 3: 1, 2).¹⁹

7. Наличие рабов, вождей и зависимых людей интересно нам только с точки зрения пространственной ор-

¹⁸ Информация по: Пшеничнюк А.Х., Воробьева С.Л. Охлебининский могильник кара-абызской культуры эпохи раннего железа (IV в. до н. э. – III в. н. э.). Уфа, 2016. 410 л. [Рукопись]

¹⁹ Еще один ареал массового распространения погребений с двумя и более наконечниками древкового оружия – пшеворская культура, где такие погребения появляются еще в I в. до н. э. и достигают максимума к ступени B2b (пер. пол. II в. н. э.), составляя до 70% погребений с оружием (Kontny, 2008, p. 110, diagram 2). Однако пытаться напрямую связать пшеворскую и андреевскую традиции затруднительно ввиду их значительной географической удаленности, кардинальных различий в погребальном обряде (у пшеворцев господствует кремация и обычай деформировать (сворачивать, сгибать) оружие перед помещением в погребение), а также чревато опасностью спровоцировать появление в литературе очередной терминологической химеры, вроде «финно-лугиев» или «вандало-мордвы».

¹⁷ Следует отметить, что Игнatieвская пещера – не единственный на Южном Урале случай обнаружения человеческих останков (в том числе черепов), «часто со следами преднамеренного антропогенного воздействия, например, рубки» в контексте пещер с настенной росписью, и во всех этих случаях культурно-хронологическая привязка останков невозможна до проведения радиоуглеродного анализа (Житенёв, 2011).

ганизации коллективных погребений. Это касается все в того же погребения Андреевка, 25, в котором п. 25/1 интерпретируют как «вождя», пп. 25/2 и 3 – как «спутников вождя», п. 25/4 – как «раба» (Степанов, 1980, с. 45–46; Зубов, 2016, с. 29–31); «подчиненное значение» еще трех захоронений (пп. 23, 39, 51) (Гришаков, Зубов, 2009, с. 16) неочевидно. Захоронения, подобные Андреевке, 25, не характерны для саргатской культуры. Коллективные погребения составляют там по разным оценкам от 5 до 12%, в основном это «семейные» захоронения (взрослый и ребенок, мужчина и женщина) (Корякова, 1977, с. 145–146; 1988, с. 49–50; Матвеева Н.П., 1993, с. 136). Основным видом погребений зависимых людей (прислуга, рабы?) для среднесаргатского периода (хроногруппы С и D по Н.П. Матвеевой, II в. до н. э. – II в. н. э.) и в целом для культуры считаются индивидуальные безынвентарные захоронения во рвах курганов без соблюдения традиций погребального обряда (Матвеева Н.П., 2000, с. 171, 173, 185); единственное погребение зависимого лица, впущенное в могилу военного вождя, относится уже к позднесаргатскому этапу (Там же, с. 185). Аналогии составу и расположению погребенных в Андреевке, 25 можно обнаружить у лесостепного «скифоидного» населения Правобережной среднеднепровской и Ворсклинской групп в V–IV вв. до н. э. (Петренко В.Г., 1989, с. 69, 75, табл. 19: 5, 9, 10, 13) и у степных скифов в IV в. до н.э. (Мелюкова, 1989, с. 58–59; Ольховский, 1991, с. 100–101). Здесь в аристократических захоронениях вместе с основным покойником хоронили нескольких «сопровождающих», большинство из

них снабжалось инвентарем, некоторые («оруженосцы») – весьма богатым (ср.: Андреевка, 25/2-3); нередко «сопровождающие» костяки располагались в ногах основного перпендикулярно ему (ср.: Андреевка, 25/4).

Из вышесказанного видно, что комплекс элементов погребального обряда, характерных для могильников АПТ, в чистом виде и полностью не повторяется ни в одной из синхронных или предшествующих культур степной и лесостепной зон Восточной Европы и Западной Сибири. Ситуация усугубляется значительными различиями в погребальном обряде самих памятников АПТ: Андреевка представляет собой сложно организованный многослойный курган-кладбище (к. 1) и курган-жертвенное место(?) (к. 2), Старое Ардатово – одиночное подкурганное захоронение, Писералы – несколько небольших курганов без крупных центральных погребений и с расположением периферийных погребений вокруг центрального, Климкино – кургано-грунтовой могильник с рядным расположением простых грунтовых могил, Пильна – грунтовые погребения. Списать эти различия на хронологию не всегда возможно, поэтому сложно вообще говорить о сколь-нибудь единой системе погребальной обрядности памятников АПТ. Тем не менее, даже на столь неоднородном материале можно заметить, что большинство маркеров сходства погребений АПТ с саргатскими курганами и «производным» от них Кипчаковским I могильником, обозначенных С.Э. Зубовым, основаны на ошибочных или неточных аналогиях или имеют настолько широкие географические и хронологические рамки бы-

тования, что не могут быть связаны исключительно с саргатской культурой. Как следствие, сама «восточная» концепция генезиса древностей АПТ под воздействием «саргатского военного выплеска» приобретает не менее умозрительный характер, чем обвиняемая в декларативности «западная» версия андреевско-писеральского культуругенеза.

На наш взгляд, основной набор признаков погребального обряда центрального погребения Андреевского кургана (курганная насыпь, размер и внутреннее устройство могилы, ориентировка погребенных) и некоторые специфические его детали (количество и взаиморасположение погребенных, комплектность и размещение отдельных категорий инвентаря – наконечников копий и дротиков) отсылают нас, с одной стороны, к традициями населения скифского времени восточноевропейской лесостепи, в первую очередь – Среднедонской группы, а с другой – к верхнедонским могильникам позднесарматского времени, где аналогичные детали погребального обряда расцениваются

как реминисценция традиций среднедонской культуры скифского времени у сарматизированного населения Верхнего Подонья (Медведев, 1990, с. 197–199; 2008, с. 105–107). Казалось бы, этому противоречит хронологический разрыв между финалом «скифоидных» культур на рубеже IV–III вв. до н. э. (на Среднем Дону – в начале III в. до н. э.) и верхнедонскими могильниками II–III вв. н. э., характеризующийся полным отсутствием на Дону погребальных памятников «скифской традиции» (Бирюков, 2007, с. 180) и приходящийся как раз на время появления памятников АПТ. С другой стороны, контакты между населением Подонья и Среднего Посурья имеют весьма давние традиции: В.Н. Марков, опираясь на материалы Чурачикского могильника, считал, что скифоидное население Среднего Дона могло проникнуть в Посурье еще в позднеананьинское время (Марков, 1994, с. 80–81). Как памятник «с элементами погребального обряда донских скифов» рассматривают Чурачикский могильник и С.В. Кузьминых и А.А. Чижевский (2015, с. 50).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архипов Г.А.* К вопросу о городцеко-азелинских контактах в связи с проблемой происхождения марийцев // Древние и современные этнокультурные процессы в Марийском крае / АЭМК. Вып. 1 / Ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1976. С. 27–37.
2. *Архипов Г.А., Шадрин А.И.* Исследование раннесредневековых курганов у с. Климкино // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья / АЭМК. Вып. 24 / Науч. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1995. С. 110–129.
3. *Бирюков И.Е.* Новые раскопки Ново-Никольского могильника на Верхнем Дону // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 3 / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк, СПб.: РИЦ ЛГПУ, 2007. С. 174–184.
4. *Бугров Д.Г.* Поселения пьяноборской культуры в Иско-Бельском междуречье. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2006. 350 с.
5. *Бугров Д.Г., Вязов Л.А., Ситдинов А.Г.* Всероссийская научная конференция «I Старостинские чтения» // Поволжская археология. 2017. № 3. С. 351–355.
6. *Бугров Д.Г., Руденко К.А., Халиков А.Х.* Укрепления Сорочьегогорского городища // Памятники древней истории Волго-Камья / Вопросы археологии Татарстана. Вып. 1 / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1994. С. 93–103.

7. *Васильев И.Б.* Сарматский курган на северо-западе Башкирии // СА. 1973. № 4. С. 249–251.
8. *Вихляев В.И.* Происхождение древнемордовской культуры. Саранск: Ист.-социол. ин-т Мордовского гос. ун-та им. Н.П. Огарева, 2000. 132 с.
9. *Генинг В.Ф.* История населения удмуртского Прикамья в пьноборскую эпоху. Ч. II / Археологические памятники чегандинской культуры (III в. до н. э. – II в. н. э.) / ВАУ. Вып. 11 / Отв. ред. В.А. Семенов. Свердловск-Ижевск, 1971. 159 с.
10. *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский университет, 1999. 464 с.
11. *Голдина Р.Д., Лецинская Н.А.* О пьноборской культурно-исторической общности // Археология евразийских степей. 2018. № 1. С. 17–55.
12. *Гречко Д.С.* Погребальные сооружения восточноевропейской Лесостепи скифского времени: вариант типологии // Древности 2009. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков: ООО «НТМТ», 2009. С. 57–68.
13. *Грибов Н.Н.* Подвзъевский могильник на Нижней Оке: культурные особенности и хронология (предварительные итоги исследований 2010, 2012–2015 гг.) // Археология евразийских степей. 2018. № 1. С. 191–199.
14. *Гришаков В.В., Зубов С.Э.* Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы / Археология евразийских степей. Вып. 7. Казань: Институт Истории им. Ш. Марджани АН РТ; Самарский муниципальный институт управления, 2009. 173 с.
15. *Житенёв В.С.* Антропологические материалы из южно-уральских пещерных памятников с настенными изображениями: к постановке проблемы // Палеолит и мезолит Восточной Европы. Сборник статей в честь 60-летия Хизри Амирхановича Амирханова / Отв. ред. К.Н. Гаврилов. М.: ИА РАН, 2011. С. 462–477.
16. *Зеленев Ю.А.* Грунтовые могильники волжских финнов и некоторые проблемы этнической истории // Этногенез и этническая история марийцев / АЭМК. Вып. 14 / Науч. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1988. С. 79–86.
17. *Зубов С.Э.* Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв.). Миграционные процессы в формировании новой этнокультурной среды по материалам археологических данных. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2011. 136 с.
18. *Зубов С.Э.* Декапитация и воинские трофеи в погребальной обрядности памятников раннего железного века Волго-Уралья. К постановке проблемы // Поволжские финны и их соседи в древности и средние века. Мат-лы IV Всеросс. научн. конференции / Отв. ред. В.В. Гришаков. Саранск: Морд. гос. пед. ин-т, 2016. С. 28–36.
19. *Зубов С.Э.* История изучения памятников писеральско-андреевского типа // Археология евразийских степей. 2018. № 1. С. 9–16.
20. *Зубов С.Э.* К проблеме этнокультурной интерпретации памятников андреевско-писеральского типа // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию П.Д. Степанова / Отв. ред. Н.М. Арсентьев. Саранск: Ист.-социол. ин-т МГУ им. Н.П. Огарева, 1999. С. 44–51.
21. *Каховский В.Ф.* Чурачакский могильник // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958–1961 годах / Уч. зап. ЧувНИИЯЛИЭ. Вып. XXV / Отв. ред. В.Д. Дмитриев. Чебоксары: б/и, 1964. С. 73–98.
22. *Корякова Л.Н.* Ансамбль некрополя саргатской культуры (статическая характеристика) // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири / Отв. ред. В.Е. Стоянов / ВАУ. Вып. 14. Свердловск: УрГУ, 1977. С. 134–151.
23. *Корякова Л.Н.* Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988. 241 с.

24. *Краснов Ю.А.* Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука, 1980. 224 с.
25. *Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Финал бронзового и ранний железный век на северо-востоке Европы: культурогенез, границы и контакты археологических культур // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований: Сб. статей, посвященный 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина / Ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2015. С. 44–54.
26. *Либеров П.Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону / САИ. Вып. Д1-31. М.: Наука, 1965. 111 с.
27. *Марков В.Н.* Ананьинская проблема (некоторые итоги и задачи ее решения) // Памятники древней истории Волго-Камья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1994. С. 48–88.
28. *Матвеев А.В., Матвеева Н.П.* Будет ли решена загадка «плющеного золота» сибирских «бугров»? // Древние погребения Обь-Иртышья / Отв. ред. В.А. Матющенко. Омск: Омск. ун-т, 1991. С. 84–98.
29. *Матвеева Г.И.* К вопросу об основных компонентах формирования культуры Андреевского кургана // Археология восточноевропейской лесостепи: сб. материалов Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию А.Е. Алиховой / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин, В.В. Ставицкий. Пенза: ПГПИ, 2003. С. 286–293.
30. *Матвеева Г.И.* Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия / Ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышевский гос. университет, 1986. С. 158–171.
31. *Матвеева Н.П.* Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 175 с.
32. *Матвеева Н.П.* Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.
33. *Матвеева Н.П.* Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск: Наука, 2000. 399 с.
34. *Медведев А.П.* Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. 220 с.
35. *Медведев А.П.* Исследования по археологии и этногеографии Лесостепной Скифии. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2004. 144 с.
36. *Медведев А.П.* Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус, 2008. 252 с.
37. *Мелюкова А.И.* Скифские памятники Северного Причерноморья // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР в 20 т. / Отв. ред. тома А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 51–67.
38. *Михеев А.В.* Климкинский могильник (по материалам исследований 2003–2004 гг.) // Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сборник статей к 70-летию П.Н. Старостина / Археология евразийских степей. Вып. 10 / Отв. ред. Д.Г. Бугров. Казань: ИИ АНРТ, 2009. С. 81–91.
39. *Мошкова М.Г.* Среднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР в 20 т. / Отв. ред. тома А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 177–191.
40. *Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М.: Наука, 1991. 256 с.
41. *Петренко А.Г.* Результаты определения костных останков лошадей из кургана у с. Андреевка Большеигнатовского района Мордовской АССР // Степанов П.Д. Андреевский курган (к истории мордовских племен на рубеже нашей эры). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1980. С. 107.
42. *Петренко В.Г.* Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Археология

СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т. / Отв. ред. тома А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 67–80.

43. *Петрин В.Т.* Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская изд. фирма, 1992. 207 с.

44. *Погодин Л.И., Труфанов А.Я.* Могильник саргатской культуры Исаковка-III // Древние погребения Обь-Иртышья / Отв. ред. В.А. Матюшенко. Омск: Омск. ун-т, 1991. С. 98–127.

45. *Пиеничнюк А.Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 199 с.

46. *Савченко Е.И.* Могильник скифского времени «Терновое I – Колбино I» на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2001. С. 53–143.

47. *Савченко Е.И.* Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской (б. Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2004. С. 151–277.

48. *Сергацков И.В.* Анализ сарматских погребальных памятников I–II вв. н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. III: Среднесарматская культура / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Вост. лит-ра, 2002. С. 22–129.

49. *Скрипкин А.С.* Анализ сарматских погребальных памятников III–I вв. до н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II: Раннесарматская культура (IV–I вв. до н.э.) / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: ИА РАН, 1997. С. 131–212.

50. *Смирнов К.А.* О времени Андреевского кургана // Вопросы этнической истории Волго-Донья: материалы научной конференции / Отв. ред. А.З. Винников. Пенза: Поволжье, 1992. С. 3–6.

51. *Смирнов К.Ф.* Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР в 20 т. / Отв. ред. тома А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 165–177.

52. *Ставицкий В.В.* Западный компонент в материалах Андреевского кургана // Вестник НИИГН при Правительстве Республики Мордовия. 2013. № 3 (27). С. 126–141.

53. *Ставицкий В.В.* Западный и восточный импульсы в формировании культуры андреевско-писеральского населения // *Filo Ariadne*. 2017a. № 1 (5). URL: <http://filoariadne.esrae.ru/pdf/2017/1/132.pdf> (дата обращения: 20.07.2018 г.)

54. *Старостин П.Н.* Рождественский V могильник // Археология евразийских степей. Вып. 9. Казань: ИИ АН РТ, 2009. 144 с.

55. *Степанов П.Д.* Андреевский курган (к истории мордовских племен на рубеже нашей эры). Саранск: Мордовское книжное издательство, 1980. 108 с.

56. *Сыроватко А.С.* Юго-восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М.: Изд-во CheBuk, 2009. 351 с.

57. *Халиков А.Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края / Тр. МАЭ. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Марийское книж. изд-во, 1962. С. 7–187.

58. *Халиков А.Х.* Об этнокультурной ситуации в Среднем Поволжье и Приуралье в I тысячелетии н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышев. гос. ун-т, 1986. С. 73–89.

59. *Халиков А.Х.* Памятники писеральско-андреевского типа в Волжском Правобережье и их этнокультурная интерпретация // Древности Волго-Вятского междуречья / АЭМК. Вып. 12. / Отв. за вып. Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1987. С. 8–24.

60. *Чижевский А.А.* Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исто-

рические области) / Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: РИЦ «Школа», 2008. 171 с.

61. Чикишева Т.А. Антропологические остатки из Игнatieвской пещеры // Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская изд. фирма, 1992. С. 197–198.

62. Шорин А.Ф. Археологические материалы позднего времени (бронзовый век – средневековье) из Игнatieвской пещеры // Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская изд. фирма, 1992. С. 198–205.

63. Kontny B. The war as seen by an archaeologist. Reconstruction of barbarian weapons and fighting techniques in the Roman Period based on the analysis of graves containing weapons. The case of the Przeworsk Culture. In: Kocsis L. (ed.) *The Enemies of Rome. Proceedings of the 15th International Roman Military Equipment Conference, Budapest 2005* / *Journal of Roman Military Equipment Studies*. Vol. 16. 2008. pp. 107–145.

Информация об авторах:

Бугров Дмитрий Геннадьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); shikhan66@mail.ru

Мясников Николай Станиславович, кандидат исторических наук, научный сотрудник. Чувашский государственный институт гуманитарных наук (г. Чебоксары, Россия); myasnikovn@rambler.ru

SOME ISSUES IN DEFINING “ETHNIC AND CULTURAL COMPONENTS” OF THE ANDREEVKA-PISERALY TYPE OF SITES: BURIAL RITE

D.G. Bugrov, N.S. Miasnikov

The authors consider the issue of the genesis of the Andreevka-Piseraly type of sites. The existing concepts are limited to the interaction of two “ethnic and cultural components” (or component groups) – “local” and “foreign”. The origin of the latter has been associated with the Sarmatians for a long period of time. The “Sarmatian” hypothesis was subjected to fair criticism by G.I. Matveeva and S.E. Zubov. The alternative concept of a Trans-Urals (Sargatka) “military outbreak” proposed by S.E. Zubov as a basis for the establishment of Andreevka-Piseraly sites is based on the similarity of the burial rite practiced at Sargatka and Andreevka sites and is presently considered as a commonly recognized concept. According to the authors, this is largely due to a lack of detailed criticism of its provisions. An attempt to verify the arguments in favor of this concept demonstrated that the majority of the drawn analogies are inaccurate, erroneous, or propagated to such a degree that they cannot be exclusively associated with the Sargatka culture. A possible alternative to the “Sargatka military outbreak” proposed by the authors is a working hypothesis concerning the establishment of the considered Andreevka-Piseraly burial rite elements as result of development or reminiscence of traditions associated with the population of the Upper and Middle Don region in the Scythian and Sarmatian periods.

Keywords: archaeology, the Middle Volga region, final Early Iron Age, Andreevka-Piseraly type of monuments, genesis, cultural components, burial rite.

REFERENCES

1. Arkhipov, G. A. 1976. In Nikitin, V. V. (eds.). *Drevnie i sovremennye protsessy v Mariiskom krae (Ancient and Present-Day Processes in the Mari Region)*. Series: Arkheologija i etnografija

Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 1. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute, 27–37 (in Russian).

2. Arkhipov, G. A., Shadrin, A. I. 1995. In Nikitin, V. V. (ed.). *Novye materialy po arkheologii Srednego Povolzh'ia (New Materials on the Archaeology of the Middle Volga Region)*. Arkheologiya i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 24. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, History and Ethnography Institute 110–129 (in Russian).

3. Biriukov, I. E. 2007. In Bessudnov, A. N. (ed.). *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik (Upper Don Archaeological Collected Articles)* 3. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University, 174–184 (in Russian).

4. Bugrov, D. G. 2006. *Poseleniya p'yanyoborskoy kul'tury v Iksko-Bel'skom mezhdurech'e (Settlements of the Pyany Bor Culture in the Iksa-Bel Interfluve)*. PhD Diss. Kazan (in Russian).

5. Bugrov, D. G., Vyazov, L. A., Sitdikov, A. G. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 351–355 (in Russian).

6. Bugrov, D. G., Rudenko, K. A., Khalikov, A. Kh. 1994. In Starostin, P. N. (ed.) *Pamiatniki drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Monuments of the Ancient History of the Volga-Kama Region)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, 93–103 (in Russian).

7. Vasil'ev, I. B. 1973. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 249–251 (in Russian).

8. Vikhliaev, V. I. 2000. *Proiskhozhdenie drevnemordovskoi kul'tury (Origins of the Ancient Mordovian Culture)*. Saransk: Institute for History and Social Sciences, Mordovia State University named after N. P. Ogarev (in Russian).

9. Gening, V. F. 1971. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu. Ch. II. Arkheologicheskie pamiatniki chegandinskoi kul'tury (III v. do n.e. – II v. n.e.) (History of Udmurt Kama Population in the Pyany Bor epoch. Part II. Cheganda Culture Archaeological Sites (3rd Century BC – 2nd Century AD))* In Semenov, V. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 11. Sverdlovsk; Izhevsk (in Russian).

10. Goldina, R. D. 1999. *Drevniia i srednevekaia istoriia udmurtskogo naroda (Ancient and Medieval History of the Udmurt People)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

11. Goldina, R. D., Leschinskaya, N. A. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1. 17–55 (in Russian).

12. Grechko, D. S. 2009. In *Drevnosti 2009 (Antiquities 2009)*. Kharkov: Kharkov Historical and Archaeological Society, 57–68 (in Russian).

13. Gribov, N. N. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1. 191–199 (in Russian).

14. Grishakov, V. V., Zubov, S. E. 2009. *Andreevskii kurgan v sisteme arkheologicheskikh kul'tur rannego zheleznoogo veka Vostochnoi Evropy (Andreevka Burial Mound in the System of the Early Iron Age Archaeological Cultures of Eastern Europe)*. Series: *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 7. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; Samara Municipal Institute for Public Administration (in Russian).

15. Zhitenev, V. S. 2011. In Gavrilov, K. N. (ed.). *Paleolit i mezolit Vostochnoy Evropy. Sbornik statey v chest' 60-letiya Khizri Amirkhanovicha Amirkhanova (Palaeolithic and Mesolithic of Eastern Europe. Collection of Articles Dedicated to the 60th Anniversary of Khizri Amirkhanovich Amirkhanov)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences 462–477 (in Russian).

16. Zeleneev, Yu. A. 1988. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Etnogenez i etnicheskaia istoriia mariitsev (Ethnic Genesis and Ethnic History of the Mari People)*. Series: *Arkheologiya i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land)* 14. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 79–86 (in Russian).

17. Zubov, S. E. 2011. *Voinskie migratsii rimskogo vremeni v Srednem Povolzh'e (I–III vv.). Migratsionnye protsessy v formirovanii novoi etnokul'turnoi sredy po materialam arkheologicheskikh dannykh (Warriors Migrations of the Roman Time in the Middle Volga Area (1st–3rd Centuries). Migration Processes in the New Ethno-Cultural Milieu, by the Archaeological Data)*. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing (in Russian).

18. Zubov, S. E. 2016. In Grishakov, V. V. (ed.). *Povolzhskie finny i ikh sosedi v drevnosti i srednie veka. Mat-ly IV Vseross. nauchn. konferentsii (Palaeolithic and Mesolithic of Eastern Europe. Collection of Articles Dedicated to the 60th Anniversary of Khizri Amirkhanovich Amirkhanov)*. Saransk: Mordovian State Pedagogical Institute, 28–36 (in Russian).
19. Zubov, S. E. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1. 9–16 (in Russian).
20. Zubov, S. E. 1999. In Arsent'ev, N. M. (ed.). *Issledovaniia P. D. Stepanova i etnokul'turnye protsessy sovremennosti (P. D. Stepanov's Studies and Modern Ethnic-Cultural Processes)*. Saransk: Institute for History and Social Sciences, Mordovia State University named after N. P. Ogarev, 44–51 (in Russian).
21. Kakhovskii, V. F. 1964. In Dmitriev, V. D. (ed.). *Arkheologicheskie raboty v Chuvashskoy ASSR v 1958–1961 godakh (Archaeological excavations of 1958–1961 in the Chuvash ASSR). Uchenye zapiski ChuvNIIYaLIE (Scientific Bulletin of the Chuvashia Research Institute of Language, Literature, History, and Economy)* 25. Cheboksary. 73–98 (in Russian)
22. Koriakova, L. N. 1981. In Stoianov, V. E. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of Archaeology of Ural)* 14. Sverdlovsk, 134–151 (in Russian).
23. Koriakova, L. N. 1988. *Ranniy zhelezniy vek Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri (sargatskaya kul'tura) (The Early Iron Age in the Trans-Urals and Western Siberia (Sargatka Culture))*. Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).
24. Krasnov, Yu. A. 1980. *Bezvodninskiy mogil'nik: k istorii Gor'kovskogo Povolzh'ia v epokhu rannego srednevekov'ia (Bezvodnoye Burial Ground: on History of Gorky Volga Area in the Early Middle Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
25. Kuz'minykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2015. In Tishkin, A. A. (ed.). *Arkheologiya Zapadnoy Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy: Sb. statey, posvyashhenniy 70-letiyu professora Yu.F. Kiryushina (Archaeology of Western Siberia and the Altai Mountains: Interdisciplinary Research Experience: Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of Professor Yu.F. Kiryunin)*. Barnaul: Altai State University, 44–54 (in Russian).
26. Liberov, P. D. 1965. *Pamiatniki imen'kovskoi kul'tury (Sites of the Imenkovo Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1-31. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
27. Markov, V. N. 1994. In Starostin, P. N. (ed.) *Pamiatniki drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Monuments of the Ancient History of the Volga-Kama Region)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, 48–88 (in Russian).
28. Matveev, A. V., Matveeva, N. P. 1991. In Matyushhenko, V. A. (ed.). *Drevnie pogrebeniya Ob'-Irtys'ha (Ancient Burials in the Ob-Irtys'ha Region)*. Omsk: Omsk University, 84–98 (in Russian).
29. Matveeva, G. I. 2003. In Belorybkin, G. N., Stavitskii, V. V. (eds.). *Arkheologiya vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Penza: Penza State Pedagogical University, 286–293 (in Russian).
30. Matveeva, G. I. 1986. In Matveeva, G. I. (ed.). *Kul'tury Vostochnoi Evropy I tysiacheletia (Cultures of Eastern Europe of I Millennium)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 158–171 (in Russian).
31. Matveeva, N. P. 1993. *Sargatskaya kul'tura na Srednem Tobole. Novosibirsk (Sargatka Culture in the Middle Tobol Region)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
32. Matveeva, N. P. 1994. *Ranniy zhelezniy vek Priishim'ia (Early Iron Age in the Ishim River Region)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
33. Matveeva, N. P. 2000. *Sotsial'no-ekonomicheskie struktury naseleniya Zapadnoy Sibiri v rannem zheleznom veke (lesostepnaya i podtaezhnaya zony) (Social and Economic Structures of the Population of Western Siberia in the Early Iron Age (Forest-Steppe and Sub-Boreal Forest Areas))*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
34. Medvedev, A. P. 1990. *Sarmaty i lesostep' (po materialam Podon'ia) (Sarmatians and Forest-Steppe Zone (by materials from the Don River Region))*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

35. Medvedev, A. P. 2004. *Issledovaniya po arkheologii i etnogeografii Lesostepnoy Skifii (Studies on the Archaeology and Ethnogeography of the Forest-Steppe Scythia)* Voronezh: Voronezh State University (in Russian).
36. Medvedev, A. P. 2008. *Sarmaty v verkhov'yakh Tanaisa (The Sarmatians in the Upper Reaches of the Tanais)*. Moscow: "Taus" Publ., 2008. 252 s.
37. Meliukova, A.I. 1989. In Meliukova, A.I. (ed.). *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifosarmatskoe vremia (Steppes of the Eurasian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Period)*. Moscow: "Nauka" Publ., 51–67 (in Russian).
38. Mikheev, A. V. 2009. In Bugrov, D. G. (ed.). *Drevniia i srednevekovaia arkheologiia Volgo-Kamia (Prehistoric and Medieval Archaeology of the Volga and Kama Rivers Region)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 10. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 81–91 (in Russian).
39. Moshkova, M. G. 1989. In Meliukova, A. I. (ed.). *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifosarmatskoe vremia (Steppes of the Eurasian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Period)*. Moscow: "Nauka" Publ., 177–191 (in Russian).
40. Ol'khovskiy, V. S. 1991. *Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' naseleniya stepnoy Skifii (VII–III vv. do n.e.) (Burial and Commemorative Rites of the Population of Steppe Scythia (7th – 3rd Centuries B.C.))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
41. Petrenko, A. G. 1980. In Stepanov, P. D. *Andreevskii kurgan. K istorii mordovskikh plemen na rubezhe nashei ery (Andreevka Burial Mound. On History of Mordovian Tribes at the Turn of the Common Era)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 107 (in Russian).
42. Petrenko, V. G. 1989. In Meliukova, A. I. (ed.). *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifosarmatskoe vremia (Steppes of the Eurasian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Period)*. Moscow: "Nauka" Publ., 67–80 (in Russian).
43. Petrin, V. T. 1992. *Paleoliticheskoe svyatilishhe v Ignatievskoy peshhere na Yuzhnom Urale (Paleolithic Sanctuary in Ignatievskaya Cave in the Southern Urals)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
44. Pogodin, L. I., Trufanov, A. Ya. 1991. In Matyushhenko, V. A. (ed.). *Drevnie pogrebeniya Ob'-Irtysh'ya (Ancient Burials of the Ob-Irtysh Region)*. Omsk: Omsk University, 98–127 (in Russian).
45. Pshenichniuk, A. Kh. 1983. *Kul'tura rannikh kochevnikov Iuzhnogo Urala. (Culture of the Early Nomads of the Southern Urals)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
46. Savchenko, E. I. 2001. In Gulyaev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: Trudy Potudanskoj arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN (Archaeology of the Middle Don Region in the Scythian Epoch: Proceedings of the Don (Former Potudan) Archaeological Expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 53–143 (in Russian).
47. Savchenko, E. I. 2004. In Gulyaev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: Trudy Donskoj (b. Potudanskoj) arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN (Archaeology of the Middle Don Region in the Scythian Epoch: Proceedings of the Don (Former Potudan) Archaeological Expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 151–277 (in Russian).
48. Sergatskov, I. V. 2002. In Moshkova, M. G. (ed.). *Statisticheskaya obrabotka pogrebal'nykh pamyatnikov Aziatskoj Sarmatii. Vyp. III: Srednesarmatskaya kul'tura (Statistical Processing of the Burial Monuments of Asian Sarmatia. Issue III: Middle Sarmatian Culture)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ., 22–129 (in Russian).
49. Skripkin, A. S. 1997. In Moshkova, M. G. (ed.). *Statisticheskaya obrabotka pogrebal'nykh pamyatnikov Aziatskoj Sarmatii. Vyp. II: Rannesarmatskaya kul'tura (IV–I vv. do n.e.) (Statistical Processing of the Burial Monuments of Asian Sarmatia. Issue II: Early Sarmatian Culture (4th – 1st cc. B.C.))*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 131–212 (in Russian).
50. Smirnov, K. A. 1992. In Vinnikov, A. Z. (ed.). *Voprosy etnicheskoj istorii Volgo-Don'ia (Issues of Ethnic History of the Volga-Don Region)*. Penza: "AO «Povolzh'e»" Publ., 3–6 (in Russian).

51. Smirnov, K. F. 1989. In Meliukova, A. I. (ed.). *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (Steppes of the Eurasian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Period)*. Moscow: "Nauka" Publ., 165–177 (in Russian).
52. Stavitskii, V. V. 2013. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviia. (Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordoviia)* 3, 126–141 (in Russian).
53. Stavitskii, V. V. 2017. In *Filo Ariadne (Filo Ariadne)* 1(5). Available at: <http://filoariadne.esrae.ru/pdf/2017/1/132.pdf> (accessed: 20.07.2018 г.) (in Russian).
54. Starostin, P. N. 2009. *Rozhdestvenskii V mogil'nik (Rozhdestveno 5th Burial Ground)*. Series: *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 19. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
55. Stepanov, P. D. 1980. *Andreevskii kurgan. K istorii mordovskikh plemen na rubezhe nashei ery (Andreevka Burial Mound. On History of Mordovian Tribes at the Turn of the Common Era)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
56. Syrovatko, A. S. 2009. *Yugo-vostochnoe Podmoskov'e v zheleznom veke: k kharakteristike lokal'nykh variantov dyakovskoy kul'tury (South-Eastern Moscow Area in the Iron Age: Characterization of the Local Variations of the Dyakovo Culture)*. Moscow: "CheBuk" Publ. (in Russian).
57. Khalikov, A. Kh. 1962. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Zheleznyi vek Mariiskogo kraia (Iron Age of the Mari Region)*. Series: *Proceedings of the Mari Archaeological Expedition II*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 7–187 (in Russian).
58. Khalikov, A. Kh. 1986. In Matveeva, G. I. (ed.). *Kul'tury Vostochnoi Evropy I tysiacheletia (Cultures of Eastern Europe of I Millennium)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 73–89 (in Russian).
59. Khalikov, A. Kh. 1987. In Solov'ev, B. S. (ed.). *Drevnosti Volgo-Viatskogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Volga and Vyatka Interfluvies Area)*. Series: *Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land)* 12. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History I, 8–24 (in Russian).
60. Chizhevsky, A. A. 2008. *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).
61. Chikisheva, T. A. 1992. In Petrin, V. T. *Paleoliticheskoe svyatilishhe v Ignatievskoy peshhere na Yuzhnom Urale (Paleolithic Sanctuary in Ignatievskaya Cave in the Southern Urals)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 197–198 (in Russian).
62. Shorin, A. F. 1992. In Petrin, V. T. *Paleoliticheskoe svyatilishhe v Ignatievskoy peshhere na Yuzhnom Urale (Paleolithic Sanctuary in Ignatievskaya Cave in the Southern Urals)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 198–205 (in Russian).
63. Kontny B. 2008. In: Kocsis L. (ed.) *The Enemies of Rome. Proceedings of the 15th International Roman Military Equipment Conference, Budapest 2005 / Journal of Roman Military Equipment Studies*. Vol. 16.

About the Authors:

Bugrov Dmitriy G. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; shikhan66@mail.ru

Myasnikov Nikolai S. Candidate of Historical Sciences. Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences. Moskovsky Ave., 29, build. 1, Cheboksary, Russian Federation; myasnikovn@rambler.ru

Статья поступила в номер 24.06.2018 г.

Критика и библиография

УДК 902.01 903.2

<https://doi.org/10.24852/2018.3.25.336.343>

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ В ЖУРНАЛЕ: НОВИКОВ А.В.
ПОСЕЛЕНИЯ С ГРЕБЕНЧАТО-ШНУРОВОЙ КЕРАМИКОЙ
РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ //
АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ. 2018. № 2. С. 7–289, 402.**

© 2018 г. В.В. Ставицкий

В рецензии дается высокая оценка монографии А.В. Новикова. Её выход стал важной вехой в осмыслении древностей раннего железного века Костромского Поволжья. Автором монографии систематизирован обширный материал, часть которого получена в результате собственных полевых исследований. Значимость работы обусловлена тем, что изучение памятников данной эпохи тесно связано с проблемой генезиса волжских и балтийских финнов, которая до сих пор носит остро дискуссионный характер. А.В. Новиков приходит к выводу, что происхождение памятников с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики в регионе связано с миграцией ананьинского населения с Верхней и Средней Ветлуги. Появление подобной керамики относится к VI в. до н. э. В дальнейшем в крае возобладали местные традиции носителей текстильной керамики. В рецензии главное внимание уделено дискуссионным моментам. В частности оспаривается принадлежность к эпохе железа ряда памятников, на которых отсутствует плоскодонная посуда. Ранние материалы Костромского Поволжья интерпретируются в качестве дьяковско-городецких. Появление гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики в регионе связывается с воздействием носителей аозинских древностей.

Ключевые слова: археология, Костромское Поволжье, ранний железный век, дьяковская культура, городецкая культура, ананьинская культура, гребенчато-шнуровая и шнуровая керамика, волжские финны

Монография А.В. Новикова посвящена исследованию поселенческих памятников раннего железного века (РЖВ) Костромского Поволжья с комплексами гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики ананьинского облика. Несмотря на более чем столетний период исследования памятников РЖВ Костромского Поволжья, до выхода рецензируемой монографии комплексы ананьинского облика на этой территории не были выделены и систематизированы. В научный оборот фрагментарно была введена лишь незначительная часть материалов с

исследованных памятников. Все перечисленное не позволяло получить целостную картину о культурных процессах, протекавших в регионе на рубеже позднего бронзового – раннего железного века. Рецензируемая монография во многом устраняет эти пробелы. Ее автором обработан обширный фактический материал, в том числе полученный в результате собственных полевых исследований.

Значимость работы А.В. Новикова обусловлена также тем, что изучение памятников данной эпохи тесно связано с проблемой генезиса финноязычных народов на территории от Западного Поволжья до Прибалтики, которая до сих пор носит дискуссионный характер (Напольских, 1997, с. 167–198). Ее актуализация обусловлена еще и тем, что все больше вопросов вызывают процессы формирования дьяковской и городецкой культур, как и степень их участия в сложении культуры волжских финнов (Ставицкий, 2010).

В предисловии к монографии, написанном С.В. Кузьминых и А.А. Чижевским, уже содержится положительная оценка работы А.В. Новикова, основные положения которой не вызывают с нашей стороны возражений. Поэтому во избежание повторов, основное внимание в рецензии уделено дискуссионным вопросам.

Во введении А.В. Новиковым сформулированы основные задачи работы: выделить, систематизировать и интерпретировать материалы с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой Костромского Поволжья, рассмотреть вопросы распределения и развития данных комплексов, определить их культурный статус, выявить особенности и закономерности систе-

мы расселения. Подобная постановка научной проблемы в целом представляется обоснованной и логичной. Однако, поскольку данные материалы тесно связаны с местными древностями РЖВ, то более детального анализа заслуживают костромские памятники с сетчатой керамикой, которым следовало бы уделить в работе больше внимания. Следует также отметить, что сложность задач, поставленных А.В. Новиковым, во многом обусловлена тем фактором, что реконструкция взаимодействия населения различных культур, основанная на сравнительном анализе керамических коллекций, всегда носит дискуссионный характер (Ставицкий, 2013).

В первой главе монографии автором анализируется история изучения памятников РЖВ Костромского Поволжья, которая обоснованно подразделяется на четыре периода. Особое внимание уделено вопросам интерпретации материалов с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой. В итоге А.В. Новиков приходит к справедливому выводу, что среди исследователей нет солидарного мнения о существовании в РЖВ Костромского Поволжья единой культурной традиции. Керамические комплексы либо выделяются в локальные варианты дьяковской культуры, либо отождествляются с сетчатой керамикой вообще. Для ряда поселений признается присутствие в костромской керамике ананьинских черт, наличие которых отождествляется с проникновением на территорию Костромского Поволжья в период VI–IV вв. до н. э. отдельных групп носителей ананьинских традиций.

Вторая глава монографии посвящена памятникам раннего железного

века Костромского Поволжья. К данной категории отнесено 46 памятников, большая часть материалов из которых была выделена типологически из керамических коллекций многослойных поселений, где материалы эпохи железа залежали совместно с древностями бронзового века. В предыдущем разделе А.В. Новиковым отмечается, что на сегодняшний день в Костромском регионе четкие критерии для определения внутренней хронологии древностей сетчатой керамики не разработаны. Признание этого факта предполагает выработку подобных критериев, однако в монографии не приведены признаки, согласно которым материалы эпохи железа вычленены из коллекций сетчатой керамики позднего бронзового века.

На наш взгляд, одним из надежных признаков РЖВ, является преобладание в коллекциях сетчатой керамики плоскодонных сосудов, которые в текстильных древностях эпохи бронзы встречаются спорадически. Их широкое распространение в лесной зоне, видимо, связано с воздействием носителей бондарихинской (тычковой) плоскодонной керамики, которые принимают активное участие в формировании городецких памятников на территориях правобережного бассейна р. Оки. О том, что данные процессы имели место и севернее свидетельствуют материалы, приведенные в монографии. Типично раннегородецкий облик, например, имеет сетчатая керамика поселения Ватажка (рис. 102), а в гладкостенной, нитчатой и штрихованной керамике того же памятника зримо просматриваются контакты носителей бондарихинской и текстильной керамики позднего бронзового века (рис. 103). Причем

материалы, близкие поселению Ватажка, присутствуют на костромских стоянках Борань, Умиление и др., которые в монографии детально не анализируются. Именно облик этих материалов определяет культурный статус памятников Костромского Поволжья с сетчатой керамикой раннего железного века, которые представляют собой дьяковско-городецкое единство, имевшее место до середины I тыс. до н. э.

Следует отметить, что первооткрывателями раннедьяковских древностей неоднократно признавалась их идентичность материалам раннегородецких памятников, что свидетельствует об их сложении на общей основе. Данный факт подтверждается тем, что за последние годы в ареале формирования раннедьяковских памятников выявлен целый пласт материалов с тычковой керамикой бондарихинского облика (типа древностей Клементовской стоянки). Носителям бондарихинских древностей финального этапа уже были известны первичные навыки плавки железа, поэтому именно их проникновение на территорию лесной зоны положило начало для перехода местного населения к новой исторической эпохе РЖВ.

Игнорирование критерия плоскодонности сосудов в ряде случаев приводит А.В. Новикова к ошибочным утверждениям при определении эпохальной принадлежности памятников. Например, нет достаточных оснований для отнесения к РЖВ части коллекции керамики поселения Федоровское VII, которое раскапывалось автором рецензии в 1994 г. и было датировано эпохой финальной бронзы. Дискуссионным является отнесение к РЖВ и ряда других стоянок.

Еще одним надежным признаком эпохи раннего железа является наличие на памятниках керамики ананьинского облика. Ее присутствие наряду с гибридными формами посуды свидетельствует о контактах между местным и пришлым населением. Не исключено, что отсутствие ананьинской керамики на памятниках Чухломского озера говорит о том, что в РЖВ имели место неблагоприятные условия для обитания населения, поэтому все местные стоянки с сетчатой керамикой относятся к эпохе бронзы. По наблюдениям А.В. Новикова, памятники данного района с сетчатой посудой приурочены к низким пойменным местам, что для других территорий не характерно. Следовательно, высота расположения стоянок может выступать в качестве дополнительного (косвенного) критерия при определении их эпохальной принадлежности.

Третий раздел монографии посвящен анализу комплексов шнуровой и гребенчато-шнуровой керамики. В первом параграфе рассматривается методика обработки керамики, которая адаптирована А.В. Новиковым для анализа сильно фрагментированных коллекций. Типы посуды выделяются по профилировке и оформлению верхней части венчика, с учетом обработки внешней поверхности сосуда. Далее в монографии по каждому памятнику в отдельности приводится характеристика комплексов шнуровой и гребенчато-шнуровой керамики. Памятники рассматриваются по двум группам. Материалы с пяти памятников из окрестностей Галичского озера и Сусанинского болота весьма немногочисленны. На трех памятниках они единичны, на поселении Быки зафиксировано 14 сосудов, на городи-

ще Брюхово – 11. Малочисленность подобной посуды, как и наличие гибридных форм, видимо, свидетельствует о том, что вся местная керамика подобного облика иллюстрирует контакты автохтонов с населением Костромской низины, где находки керамики ананьинского облика более многочисленны.

На территории Костромской низины представительные коллекции шнуровой и гребенчато-шнуровой керамики собраны на поселении Ватажка (86 сосудов, из них 22 с сетчатым либо ниточным орнаментом) и Минское городище (45 сосудов, из них 34 с сетчатым орнаментом). На поселении Шунга собрано 13 сосудов, на остальных памятниках зафиксировано не более 5 сосудов с поселения. При этом на поселении Ватажка А.В. Новиковым выделено 13 сосудов с «воротничками». Однако три сосуда, украшенные по венчику отпечатками вертикально поставленного штампа, со слабо выраженным желобком изнутри (рис. 62, 5, 11, 12), на наш взгляд, не имеют отношения к ананьинской керамике, поскольку их облик типичен для сетчатой керамики финальной бронзы.

В заключении раздела А.В. Новиков приходит к выводу о том, что многие устойчивые признаки ананьинской керамики в регионе Костромского Поволжья корректируются и дополняются элементами сетчатой. Происходит изменение техники обработки внешней поверхности горшка (заглаженная поверхность часто сменяется сетчатой), на смену органическим примесям приходят минеральные, появляются новые элементы орнамента, изменяется профилировка сосудов, среди которых становятся преоблада-

ющими слабопрофилированные формы, на смену круглым днищам приходят плоские.

В четвертой главе монографии анализируется место поселений РЖВ Костромского Поволжья в системе памятников ананьинской культурно-исторической области, ставятся вопросы хронологии местных комплексов керамики с гребенчато-шнуровой и шнуровой орнаментацией. А.В. Новиковым рассматриваются три возможных пути проникновения в регион носителей ананьинской керамики: 1) восточный с Ветлуги и Вятки, 2) из Среднего Поволжья по реке Волге, 3) с северных территории Восточно-Европейской равнины (Прибеломорье, озеро Лача). При этом справедливо указывается, что наибольшее сходство гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики Костромского Поволжья обнаруживается с посудой западно-волжского варианта ананьинской культуры и керамикой северных территорий Восточно-Европейской равнины. Тем не менее в итоге А.В. Новиков склоняется к точке зрения о том, что ананьинская миграция имела место из Верхнего и Среднего Поволжья, поскольку по прямой линии эти памятники располагаются ближе других к поселениям Галичского озера (190 км) и Костромской низины (260 км), тогда как от каргопольских памятников озера Лача расстояние составляет 370 и 400 км. Дополнительным аргументом является большее сходство орнаментальных мотивов костромских и ветлужских комплексов керамики.

Однако прямых дорог в лесной зоне не существует. География распространения керамических традиций свидетельствует, что контакты осуществля-

лись по речным бассейнам. Поэтому извилистая и более протяженная дорога по рекам Волжского бассейна в реальности оказывается доступней и в итоге короче, чем прямая дорога через водоразделы со Средней Ветлуги. Кроме того, согласно представлениям А.А. Бобринского орнаментация посуды это не самый важный признак, который может измениться в течение одного-двух поколений. Более важна технология изготовления керамики, а именно использование примесей и форма сосудов. По данным показателям каргопольская керамика значительно ближе костромской шнуровой и гребенчато-шнуровой посуде. Против северного импульса, пожалуй, свидетельствует только факт сравнительной малочисленности каргопольских памятников, керамические традиции которых, вероятно, складывались под влиянием ананьинского населения Волго-Камья. Поэтому более вероятно, что превалировало обратное направление связей: с юго-востока на северо-запад.

Важным фактором также является то, что в Костромском Поволжье крайне малочисленны находки керамики с органическими примесями, которая используется населением бассейна Ветлуги. Следовательно, костромская посуда с гребенчато-шнуровым и шнуровым орнаментом с примесью песка не могла сформироваться на территории Костромской низины и попала сюда уже в сложившемся виде. Между тем переход к использованию минеральных примесей фиксируется на материалах Васильсурского городища, где также присутствует гибридная керамика ананьинской формы с сетчатыми отпечатками на поверхности. На наш взгляд, именно на Сред-

ней Волге в условиях регулярных контактов между носителями сетчатой и шнуровой керамики происходит сложение тех гибридных (акозинских) традиций, которые получают распространение в Костромском Поволжье. Это подтверждается, в частности, тем, что к акозинским типам относится литейная форма кельта с поселения Ватажка, которые абсолютно не характерны для ананьинского населения Поветлужья.

При оценке этнокультурного облика костромского населения эпохи раннего железа А.В. Новиков соглашается с мнением исследователей, не включавших данный регион в область распространения дьяковской культуры. Следует уточнить, что данное утверждение полностью справедливо только для памятников второй половины I тыс. до н. э., поскольку более ранние материалы РЖВ Костромского Поволжья иллюстрируют процесс сложения дьяковско-городецкой общности и в современном понимании большинства исследователей являются дьяковскими. Названная общность сохраняет свое единство до V века до н. э., после чего под воздействием внешнего импульса происходит трансформация дьяковских древностей, эталонный комплекс которых иллюстрируют материалы нижнего слоя Дьякова городища (Кренке, 2011, с. 41–134). До территории Костромского Поволжья данный импульс, видимо, не доходит, и местное население продолжает переживать прежние традиции, которые оказались, осложнены контактами с носителями керамики ананьинского облика. Примечательно, что даже те немногочисленные находки, которые интерпретированы в монографии в качестве грузиков «дьякова типа», по

сути, являются их дериватами, так как существенно отличаются от классических дьяковских грузиков грибовидной формы с обязательными насечками по диаметру. Не исключено, что ананьинское влияние стало одним из факторов, обусловивших своеобразие местных древностей, носители которых к V веку до н. э. выходят из сферы влияния городецких традиций и в дальнейшем развиваются самостоятельно.

С большими проблемами пришлось столкнуться А.В. Новикову при разработке хронологии памятников РЖВ, главной из которых является отсутствие радиоуглеродных определений. При их разрешении автор монографии в основном опирается на типологию керамики, хронология которой более детально проработана для сопредельных территорий. Согласно его наблюдениям в период раннего железа происходят изменения структуры сетчатых отпечатков на керамике с мелкочаеистых на крупночаеистые. Данный признак действительно имеет хронологическое значение для памятников бассейна Оки. Однако в силу отмеченной обособленности Костромского Поволжья традиции оформления поверхности посуды мелкочаеистыми отпечатками здесь, видимо, сохраняются дольше. О чем, например, свидетельствует присутствие отпечатков и того и другого типа на гибридной посуде со шнуровым и гребенчато-шнуровым орнаментом.

Такой же проблематичный характер носит синхронизация костромской керамики с гребенчато-шнуровой и шнуровой орнаментацией с материалами Прикамья. Дискуссионность сделанных выводов осложняется тем,

что костромские материалы синхронизируется автором монографии с одними памятниками ананьинской культуры, а их происхождение выводится из других, тем не менее общая хронология взаимодействия носителей сетчатой и ананьинской керамики, видимо, намечена автором верно. В регионе фиксируются комплексы с керамикой РЖВ, которые не испытали ананьинского воздействия. Период их существования не может относиться ко времени ранее VII до н. э., следовательно, ананьинские материалы появились в регионе позже. Наиболее вероятно то, что период их массового распространения в Костромской

низине относится ко времени ухода ананьинского населения с территории Среднего Поволжья.

Необходимо отметить, что сделанные замечания ни в коей мере не снижают ценности и важности вышедшей монографии. Многие из высказанных нами соображений стали возможны только благодаря тому обширному материалу, который на высоком научно-методическом уровне был всесторонне проанализирован, систематизирован и опубликован в монографии А.В. Новикова. Данная работа, безусловно, стала важным этапом в осмыслении древностей РЖВ Костромского Поволжья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кренке Н. А.* Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.,: ИА РАН, 2011. 548 с.
2. *Напольских В. В.* Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997. 267 с.
3. *Ставицкий В.В.* Дискуссионные вопросы изучения памятников ямочно-гребенчатой керамики Среднего Поволжья // Поволжская археология. 2013. № 1 (3). С. 52–59.
4. *Ставицкий В.В.* Проблема происхождения городецкой культуры // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. Т. 13. № 1. С. 7–16.

Информация об авторе:

Ставицкий Владимир Вячеславович, доктор исторических наук, доцент, Пензенский государственный университет, (г. Пенза, Россия), stawiczky.v@yandex.ru

REVIEW OF THE MONOGRAPH IN THE JOURNAL: NOVIKOV A. V. SETTLEMENTS WITH COMB-CORDED AND CORDED CERAMICS OF THE EARLY IRON AGE FROM THE KOSTROMA VOLGA REGION // ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES. 2018, № 2. P. 7–289.

V.V. Stavitsky

The review features a high assessment of the monograph by A.V. Novikov. Its publication was an important milestone in the study of Early Iron Age antiquities from the Kostroma Volga region. The author of the monograph systematized the extensive material, part of which was obtained as a result of his own field investigations. The significance of the publication is associated with the fact that the study of the sites of this historical period is closely related to the issue of the genesis of the Volga and Baltic Finns, which remains a highly arguable study topic. A.V. Novikov concludes that the origin of the sites with the comb-corded and corded ceramics in the region is associated with the migration of the Ananyino population from the Upper and Middle Vetluga region. The appearance of such ceramics corresponds to the 6th century B.C. Local traditions of the representatives of the textile ceramic culture was

predominant in the region during the subsequent periods. The review focuses on arguable topics. In particular, it questions the correspondence of a number of sites with no flat-bottomed ceramics to the Iron Age. Early materials from the Kostroma Volga region are considered as belonging to the Dyakovo-Gorodets type. The appearance of comb-corded and corded ceramics in the region is associated with the impact of the bearers of Akozino antiquities..

Keywords: archaeology, comb-corded and corded ceramics, Kostroma Volga region, Ananyino culture, early iron age, Dyakov culture, Volga Finns, Gorodets culture, VI century BC.

REFERENCES

1. Krenke N. A. 2011. *Dyakovo gorodishche: kultura naseleniya basseyna Moskvyy-reki v I tys. do n. e. – I tys. n. e. (Dyakovo Hillfort: culture of the population of the basin of the Moscow river in the I Millennium BC – I Millennium BC)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
2. Napolskikh V. V. 1997. *Vvedeniye v istoricheskuyu uralistiku (Introduction to historical uralistics)*. Izhevsk, 267 (in Russian).
3. Stavitsky V.V. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1) 52–59 (in Russian).
4. Stavitsky V.V. 2010. In *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitelstve Respubliki Mordoviya (Bulletin of the research Institute of Humanities Under the government of the Republic of Mordovia)* (1), 7–16 (in Russian).

About the Author:

Stavitsky Vladimir V. Doctor of Historical Sciences. Penza State University. Lermontov St., 37, Penza, 440026, Russian Federation; stawiczky.v@yandex.ru

Статья поступила в номер 06.07.2018 г.

Хроника

УДК 929: 902

<https://doi.org/10.24852/2018.3.25.344.349>

**К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА
АНДРЕЯ МИХАЙЛОВИЧА БЕЛАВИНА
© 2018 г. Н.Б. Крыласова, А.Н. Сарапулов**

Статья посвящена юбилею Андрея Михайловича Белавина – известного российского археолога – финно-угроведа, специалиста по средневековой археологии Волго-Камья. Приведены основные вехи биографии, важные события его научного пути. Проведен анализ основных трудов А.М. Белавина, его концепций, оказавших большое влияние на археологию Волго-Камья.

Ключевые слова: средневековая археология, Пермское Предуралье, этногенез финно-угорских народов, урбанизация, исламизация.

5 июля 2018 г. исполнилось 60 лет видному российскому археологу д.и.н., профессору Андрею Михайловичу Белавину. От имени его друзей и коллег мы хотим с любовью и благодарностью поздравить его с юбилеем!

Талант А.М. Белавина многогранен. Но, прежде всего, хочется сказать о нем, как об ученом и организаторе науки и образования.

В своей научной работе Андрей Михайлович руководствуется прин-

ципами, заложенными его учителем А.Х. Халиковым: всегда следовать за материалом; не бояться, если появляются новые факты, поменять свою концепцию, даже если она идет в разрез с устоявшимися представлениями. И когда оппоненты пытаются обвинить его в «халиковщине», он всегда вспоминает фразу, сказанную однажды Альфредом Хасановичем: «Андрей, не стесняйтесь бросить в воду камень, и

посмотрите, как будут расходиться круги...»

Разработанные Андреем Михайловичем концепции никогда не оставались незамеченными, не всегда принимались однозначно и вызывали научную полемику, но выдержали испытание временем, получили многочисленные новые подтверждения и легли в основу современных представлений об особенностях эпохи средневековья на территории Пермского края.

Основное направление его исследований касается вопросов культурного и экономического взаимодействия Волжской Болгарии с населением Пермского Предуралья (Белавин, 1986; 1989; 1995). В результате убедительно доказано, что эти территории объединяли не только экономические, но и политические интересы. Жители Пермского Предуралья выступали посредниками болгар в торговле с северными и восточными территориями.

Продолжением этой темы стала разработка концепции существования Камского торгового пути, как ответвления Великого Волжского пути, связывающего Волжскую Болгарию с северными финно-угорскими территориями (Белавин, 1999; 2000; 2001; 2004). Для обеспечения функционирования этого пути булгарами здесь были основаны торгово-ремесленные фактории (Krylasova, Belavin, Podosenova, 2016), которые, по мнению Андрея Михайловича, по всем критериям можно соотносить с протогородами (Белавин, Старков, 1997; Белавин, 2000а; 2001а; 2007). Эта точка зрения вызвала дискуссию, касающуюся как концептуальных вопросов определения критериев для выделения протогородов, так и правомер-

ности использования самого термина «протогород». Андрей Михайлович выдвинул тезис, поддержанный многими коллегами, что в случае, если населенный пункт упоминается в письменных источниках как город или городок, мы тоже вправе считать его таковым.

В частности, Андрей Михайлович соотнес с упомянутым в арабских источниках касабА Афкула Рождественское городище в Пермском крае, которое наилучшим образом отвечает описаниям и по указанному расстоянию от Волжской Булгарии, и по своему культурно-экономическому значению, а также локализовал в Прикамье «страну Вису» (Белавин, 1997; Белавин, Крыласова, 2008; 2012).

Доказательством непосредственного проживания в факториях выходцев из Волжской Болгарии – купцов, ремесленников и их семей, является наличие мусульманских захоронений (Белавин, Крыласова, Ленц, 2002). На основании этого и ряда других фактов Андрей Михайлович выдвинул концепцию раннего (в X–XI вв.) вхождения ислама на территорию Пермского края (Белавин, Крыласова, 2012).

Значительное внимание уделяется также вопросам этногенеза средневекового населения Прикамья. В последние годы сформулирована и подтверждена многочисленными данными точка зрения о доминировании угров в составе финно-угорского населения средневекового Пермского Предуралья (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009; Belavin, Krylasova, 2011).

За более чем 30-летний опыт занятия наукой, Андрей Михайлович, раскопал и изучил несколько десятков археологических объектов на территории Пермского края (Рождественское,

Купросское, Карасово, Лаврятское, Городищенское, Саломатовское городища, селище и могильник Телячий Брод, Запосельское, Чашкинское II, Володин Камень селища и др.).

Не менее важными для развития археологии в Пермском крае являются заслуги Андрея Михайловича как организатора науки и образования. В начале 1980-х гг. при Дворце пионеров г. Перми им была создана Школа юных археологов (ШЮА). Несколько поколений школьников, увлеченных археологией, ездили с Андреем Михайловичем в экспедиции, участвовали в конференциях и становились потом профессиональными археологами. Вот уже многие годы ШЮА является стартовой площадкой для школьников г. Перми, которые хотят связать свой жизненный и профессиональный путь с археологией. В 1983 г. он создал на базе пединститута Камскую археолого-этнографическую экспедицию. Обладая несомненным талантом выделять и увлекать своим делом заинтересованных людей, он добился того, что сейчас КАЭЭ Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета – это активный творческий и молодой коллектив, включающий 3 докторов и 5 кандидатов наук, который проводит разноплановые исследования по археологии каменного века и средневековья. Несмотря на все сложности, Андрею Михайловичу удалось сохранить в университете археологическую практику. Им была открыта единственная в г. Перми аспирантура по специальности 07.00.06 «археология». Когда по его инициативе с 2005 г. при Министерстве культуры края была запущена «Программа противоаварийных исследований», экспедиция получила

Бояновский могильник. 2006 г.

Boyanovo burial ground, 2006.

возможность активизировать исследования средневековых археологических памятников, в особенности – могильников, в наибольшей степени страдающих от деятельности браконьеров. Являясь проректором университета и одновременно – научным руководителем Камской археолого-этнографической экспедиции, Андрей Михайлович никогда не дает полагаться, а стимулирует к активной работе, в результате чего кафедра древней и средневековой истории России многие годы не теряет лидерства по количеству грантов и публикациям.

Для того чтобы иметь возможность оперативно представлять результаты своих исследований, Андрей Михайлович инициировал создание периодического сборника «Труды КАЭЭ», который сейчас зарегистрирован в РИНЦ, и, судя по цитируемости, весьма востребован среди научной общности. Позже начал издаваться «Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья», который изначально планировался для

публикации материалов музея, а к настоящему времени вырос в площадку для обсуждения вопросов музейной педагогики, организации школьных и вузовских музеев. Еще одной ценной задумкой является выпуск серии монографий, направленных на предельно полную публикацию материалов археологических памятников, на которых проводятся многолетние исследования КАЭЭ: «Археология Пермского края. Свод археологических источников». Сейчас в этой серии вышло уже 4 монографии.

В 2003 г. Андрей Михайлович стал одним из организаторов и директором Пермского филиала Института истории и археологии УрО РАН, который позже был переведен в отдел Истории, археологии и этнографии Пермского научного центра (ныне ПФИЦ) УрО РАН – одно из немногих гуманитарных академических подразделений в Пермском крае.

В начале XXI в. Андрею Михайловичу удалось создать новую Пермскую археолого-этнографическую на-

учную школу, активно исследующую этногенез и этническую историю народов Западного Урала на фоне евроазиатского контекста. Исследовательская программа предусматривает археологическое и этнологическое изучение пространственных систем и различных проявлений их содержания, нашедшее отражение в различных комплексах материальной, духовной, экологической и соционормативной культуры.

Особые заслуги Андрея Михайловича как ученого и преподавателя отмечены государственными наградами (Почетный работник высшего образования РФ, «Медаль в честь 1000-летия Казани» и др.). Он является членом ученых советов ПГГПУ, Уральского отделения РАН, Пермского краеведческого музея, членом Комиссии по топонимике при главе г. Перми.

Мы от всего сердца поздравляем дорогого Учителя и коллегу с юбилеем и желаем крепкого здоровья и новых научных открытий!

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

1. *Белавин А.М.* Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2000. 201 с. с илл.
2. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т., 2008. 603 с.
3. *Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: ИПК БГПУ "Вагант". 2009, 285 с.
4. *Белавин А.М.* О связях племен Верхнего Прикамья с государством Волжских болгар // Источники по истории и культуре Башкирии. Материалы конференции молодых ученых БНЦ АН СССР. Уфа: ИИЯЛ БНЦ АН СССР, 1986. С. 87–91.
5. *Белавин А.М.* Волжская Болгария и Пермское Приуралье в X–XIII вв. (к вопросу о культурном и экономическом взаимодействии). Дисс... канд. ист. наук. Казань, 1989. 180 с.
6. *Белавин А.М.* Волжская Болгария и финно-угорские племена Прикамья: этнокультурные контакты (по материалам Рождественского археологического комплекса) // Уржумка. Научный журнал ЧГПИ, 1995, № 1, С. 5–15
7. *Белавин А.М., Старков А.В.* Некоторые вопросы формирования протогородской цивилизации у финно-угорских народов Приуралья // Охранные археоло-

гические исследования на Среднем Урале. Вып. 1. Екатеринбург: НПЦ ОПИК, 1997. С. 152–158.

8. *Белавин А.М.* О локализации Страны Вису в Пермском Приуралье // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Материалы 1 Международной научно-практической конференции. Кудымкар, 26–27 мая 1995. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. из-во, 1997. С. 166–171.

9. *Белавин А.М.* Камский торговый путь из Болгара “в страну Вису и Чулыман” // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Казань: ОВ РАН, ИИ АНТ. 1999. С. 161–173

10. *Белавин А.М.* Торговые фактории волжских болгар и пути возникновения городов в Поволжье и Предуралье в средние века // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Казань: ИИ АНТ, 2000а. С. 122–127.

11. *Белавин А.М.* Камский торговый путь как северное ответвление Великого Волжского пути // Великий Волжский путь. Материалы круглого стола и Международного научного семинара. Казань: АНТ-РАН, 2001. С. 140–144.

12. *Белавин А.М.* О социально-экономических критериях выделения протогородов у коренных народов Урало-Поволжья // Труды КАЭЭ ПГПУ. Вып. 1–2. Сборник научных работ. Пермь: ПГПУ, 2001а. С. 108–111.

13. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Ленц Г.Т.* Мусульманский некрополь Рождественского археологического комплекса на р. Обве и проблема средневековых мусульманских кладбищ в Предуралье // Великий Волжский путь. История формирования и развития. Казань: ИИ АНТ, 2002. С. 106–124.

14. *Белавин А.М.* Камский торговый путь в системе торговых путей средневековья // Пути средневековых торговцев. Пермь, 2004. С. 4–17.

15. *Белавин А.М.* Проблемы раннего этапа урбанизации в Волго-Камье // Труды КАЭЭ ПГПУ. Вып. 4. Пермь: ПГПУ. 2007. С. 4–12.

16. *Belavin A., Krylasova N.* The Ugric Population of the Permian Cis-Urals in the Middle Ages (the Question of the Ural Ecumene of the Ugric Peoples Revisited) // *Congressus XI Internationalis Fenno-ugristarum. Pars VIII. Dissertationes sectionum: Literatura, archaeologica et historica.* Piliscsaba, 2011. P. 161–166.

17. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* "Древняя Афкула – исламская столица "Седьмого" климата" // Ислам в Волго-Камье и Приуралье: ранние страницы истории. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием в рамках Третьего Межрегионального форума мусульманской культуры "Мусульманский мир – 2012". (Пермь, 16 марта 2012 г.). Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 30–41.

18. *Krylasova N.B., Belavin A.M., Podosenova Yu.A.* Bulgar Factories (Trading Posts) in the Kama River Area as a Factor of Adjustment to Feudalism // *International Journal of environmental & science education.* 2016, Vol. 11, No. 17, 10311–10320.

Информация об авторах:

Крыласова Наталья Борисовна, доктор исторических наук, профессор, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); главный научный сотрудник, ПФИЦ УрО РАН (Россия, г. Пермь); n.krylasova@mail.ru.

Сарапулов Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); ans05@mail.ru

FOR THE JUBILEE OF PROFESSOR ANDREY MIKHAILOVICH BELAVIN

N.B. Krylasova, A.N. Sarapulov

The article is dedicated to the anniversary of Andrei Belavin – a renowned Russian archaeologist and expert in Finno-Ugric studies and medieval archeology of the Volga-Kama region. It features the primary milestones of biography and the important events in his scientific life. The authors present an analysis of the main publications by A.M. Belavin and his concepts which had a great impact on the archaeology of the Volga-Kama region.

Keywords: medieval archaeology, Perm Cis-Urals, the ethno-genesis of the Finno-Ugric peoples, urbanization, islamization.

Сведения об авторах:

Krylasova Natalia B. Doctor of Historical Sciences, Associate Professor. Perm State Humanitarian Pedagogical University (PSHPU). Sibirskaya Str., 24, Perm, 614990, Russian Federation. Perm scientific center Ural branch of the Russian Academy of Sciences. Lenina st., 13A, Perm, 614990, Russian Federation; n.krylasova@mail.ru

Sarapulov Alexey N. Candidate of Historical Sciences. Perm State Humanitarian Pedagogical University (PSHPU). Sibirskaya Str., 24, Perm, 614990, Russian Federation; ans05@mail.ru

Статья поступила в номер 06.07.2018 г.

УДК 929:902:069-051

<https://doi.org/10.24852/2018.3.25.350.354>**НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА АКСЕНОВА (К ЮБИЛЕЮ УЧЕНОГО)**

© 2018 г. К.А. Руденко, Е.П. Казаков

В статье рассказывается о жизненном и творческом пути казанского археолога и музейного деятеля Натальи Дмитриевны Аксеновой – ученицы крупнейших исследователей археологии Поволжья – Н.Ф. Калинина и А.П. Смирнова. С 1969 года Н.Д. Аксенова начала работу в качестве заместителя директора по научной работе во вновь созданном Болгарском государственном Заповеднике. За годы полевых исследований Болгарского городища Н.Д. Аксенова совершила ряд важных открытий. Как руководитель научной работы музея Н.Д. Аксенова организовывала выставки и экспозицию нового музея, учет и хранение археологических коллекций. Н.Д. Аксенова – автор монографии и путеводителя по Болгарскому городищу и ряда научных статей.

Ключевые слова: археология, Болгарское городище, раскопки, Золотая Орда, музей-заповедник, история музейного дела.

Имя Натальи Дмитриевны Аксеновой хорошо известно специалистам в области средневековой археологии Поволжья, а точнее Булгарского городища, которому она посвятила всю свою жизнь. Начало ее пути в науку пришлось на трудные послевоенные годы, которые тем не менее были озарены огромным энтузиазмом и искренним желанием особенно у моло-

дежи определить свое место в жизни, найти свой путь в новом мире, поднимающемся из руин после страшных военных лет.

Для Казани вторая половина 1940-х гг. ознаменовалась стремительным рывком в изучении древнейшего прошлого республики. Масштабные раскопки и разведки памятников разных эпох, проводившиеся в рамках

охранно-спасательных работ перед строительством Куйбышевского гидроузла (под затопление попадали десятки уже известных археологических памятников и те, которые были совершенно не известны ученым) буквально на глазах меняли привычные взгляды на картину ушедших эпох. Правда этим на территории ТАССР профессионально занималось всего два человека: московский археолог, заместитель директора Государственного исторического музея, доктор исторических наук – Алексей Петрович Смирнов и казанский археолог – Николай Филиппович Калинин. Помощников у них тогда было немного: два сотрудника Государственного музея ТАССР – О.С. Хованская и А.М. Ефимова, а также 5–6 студентов-историков казанского университета, несколько из которых стали студентами после службы в армии, а большая часть только что закончила школу. Среди них была и Наталья Аксенова.

Родилась Наталья Дмитриевна в 1928 г. в Казани в семье служащих, здесь же она окончила среднюю школу и в 1946 г. поступила на историко-филологический факультет Казанского университета. Вместе с ней на истфилфаке КГУ тогда учились будущие известные казанские археологи – Тамара Александровна Хлебникова, Альфред Хасанович Халиков.

Университетские годы в жизни Натальи Дмитриевны оказались судьбоносными – участие в экспедициях, открытие для себя неповторимого мира археологической романтики, тяжелого труда, платой за который была возможность оказаться на пороге затерянного в веках и тысячелетиях мира, прикоснуться к сокровенным тайнам и загадкам истории. Кроме

того, в самом начале своего пути в науке ей довелось работать на раскопках с замечательными людьми – Ольгой Сергеевной Хованской, Александрой Михайловной Ефимовой, Зулейхой Асфандиаровной Акчуриной и другими, кто самоотверженно и бескорыстно строил здание казанской археологии. Без этого примера, без того духа настоящей науки, который царил на тех, первых для Н. Д. Аксеновой раскопках, вероятно не состоялся бы и ее путь в науке.

После окончания обучения в университете в 1951 г. Наталья Дмитриевна, получив диплом преподавателя истории, по распределению уехала работать в общеобразовательную школу в Иркутскую область, по ведомству отдела учебных заведений Восточно-Сибирской железной дороги, где несколько лет преподавала историю в 5-х – 10-х классах. Интерес к археологии и древностям у Натальи Дмитриевны не пропал и здесь: таинственные письмена, сохранившиеся на древних камнях, суровые и загадочные сопки, молчаливо и равнодушно вззирающие на суету человеческой жизни, протекавшей у их подножия на протяжении тысяч лет, – пробуждали воспоминания о родных местах, тягу к изучению еще не познанных страниц прошлого, скрытого в земле Татарии, и, в первую очередь, в Болгарах.

Однако, вернувшись в Казань в 1955 г. Наталья Дмитриевна, несмотря на предложения Н.Ф. Калинина и А.Х. Халикова, в аспирантуру поступать не стала, а устроилась работать учителем истории в вечерней школе в исправительной колонии для взрослых. Но археология из жизни Натальи Дмитриевны не исчезла. В те годы она в свободное от занятий время под

руководством Н.Ф. Калинина помогала разбирать коллекции археологических находок из музея Общества археологии истории и этнографии в археологическом кабинете на историко-филологическом факультете. С 1957 г. она практически ежегодно в летние каникулы выезжала на раскопки на Болгарское городище, где под руководством А.П. Смирнова начала вести самостоятельно исследования.

Больше 10 лет она проработала в вечерней школе, прежде чем ее судьба кардинально изменилась – Наталья Дмитриевна приняла решение перейти на работу в только что созданный Болгарский музей-заповедник. В 1969 г. она уволилась из школы и заняла должность заместителя по научной работе Болгарского заповедника. В этой должности она прослужила до 1984 г.

Работая заместителем директора заповедника по научной работе Наталье Дмитриевне приходилось уделять значительное внимание самым различным проблемам и вопросам жизни Заповедника – от наблюдений за различными хозяйственными работами, которые в то время на заповедной территории хотя и были ограничены, но периодически в силу хозяйственной необходимости проводились, до текущей музейной работы – организации экспозиций и выставок. Нужно было создавать современный музей, организовать хранение и учет находок в фондах, поскольку коллекции стали оставаться в Заповеднике, а не предавались как раньше в Государственный музей ТАССР в Казани или в ГИМ в Москве. Помимо этого, нужно было популяризировать деятельность Заповедника, освещать его работу в СМИ, выступать с лекциями. Кроме того,

Наталья Дмитриевна активно вела полевые археологические раскопки на территории городища, писала научные отчеты.

О значимости научных изысканий самой Натальи Дмитриевны замечательно сказал, ее учитель – Алексей Петрович Смирнов: «Ваши работы открыли новую (принципиально новую) страницу в болгарской археологии...»¹. Это самая высокая оценка, которую можно было получить...

Что же открыла Наталья Дмитриевна? Прежде всего, казавшиеся тогда загадочными дома с подпольным отоплением «монгольского типа» занимавшие обособленные кварталы в средневековом Болгаре. О тщательности ее исследований свидетельствует тот факт, что там, где было сделано это открытие раскопки уже проводились ранее в 1914 г. Они велись достаточно тщательно, но зафиксировать эти объекты тогда ученые не смогли. Аналогичный дом исследовался в начале 1950-х гг. А.П. Смирновым также на Болгарском городище, но будучи вскрыт частично, он тогда «расшифрован» не был.

Второй весьма серьезный шаг в деле исследования Болгарского городища, сделанный Н.Д. Аксеновой – это изучение исторической топографии древнего города, что так же отмечал в своих письмах А.П. Смирнов. Многочисленные наблюдения и частичные раскопки в южной части памятника, позволили воссоздать историю жизни этого района города, запечатленную в отложениях культур-

---

¹ Аксенова Н.Д. Любовь моя - Болгары. Воспоминания, научные работы. Казань: Заман, 2010, с. 139, письмо №.11.

ного слоя и находках. Не менее важными были и полученные ей данные о строительстве мавзолеев в позднеордынское время в Болгаре...

Необходимо сказать и еще об одном – Наталья Дмитриевна не добивалась научных степеней и научной славы. Ее путь в науке был естественным и лишенным налета карьеризма. На фоне научной полемики, полыхавшей на поле казанской археологии в 1960–1970-х гг. между крупными учеными; сложных личных взаимоотношений в сообществе казанских археологов, она выполняла свою работу честно и добросовестно. Ее научный и жизненный путь тесно связан с именем Алексея Петровича Смирнова, – на-

ставника и учителя. Выдающийся ученый-булгаровед был другом и советчиком во всех сложных ситуациях, возникавших при раскопках на городище и в административной работе Заповедника.

За долгие годы археологической работы кроме подробных ежегодных отчетов по раскопкам на городище Н.Д. Аксенова опубликовала более 17 статей, сообщений, очерков. Среди них обобщающая статья по исследованию мавзолеев города Болгара и публикация материалов уникальных раскопок 70-х гг. XX в. и другие. В соавторстве с С.С. Айдаровым ей был написан путеводитель по Болгарскому городищу.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

1. *Аксенова Н.Д.* К итогам археологических работ 1970–72 гг. в юго-восточной части городища Великие Болгары // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
2. *Аксенова Н.Д.* Жилые дома в Болгарах в районе Ханской усыпальницы и Малого минарета (по материалам раскопок 167-71 гг.) // Советская археология. 1973. № 4.
3. *Аксенова Н.Д., Смирнов А.П.* Скульптурная голова с городища Великие Болгары // Советская археология. 1973. № 3.
4. *Аксенова Н.Д.* Археологическое изучение мавзолеев юго-восточной и южной частей города Болгара // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М.: Наука, 2001.
5. *Аксенова Н.Д.* Любовь моя, Болгары // Казань, 2002. № 10.
6. *Аксенова Н.Д.* Любовь моя, Болгары // Казань, 2003. № 1.
7. *Аксенова Н.Д.* Встречи с А.М. Ефимовой // Краеведческие чтения и среды: материалы заседаний, прошедших в НМ РТ в 2002-2003 гг. Вып. 3. Казань: Школа, 2003.
8. *Аксенова Н.Д., Полубояринова М.Д.* Исследование ремесленного района в юго-западной части Болгарского городища // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Материалы Всероссийской конференции. Казань: Школа, 2005.
9. *Аксенова Н.Д.* Любовь моя – Болгары. Воспоминания, научные работы. Казань: Заман, 2010.
10. *Аксенова Н.Д., Краснов Ю.А., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А.* Поволжская экспедиция // Археологические открытия 1968 г. М.: Наука, 1969.
11. *Аксенова Н.Д., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А.* Город Болгары // Археологические открытия 1970. М.: Наука, 1971.
12. *Аксенова Н.Д., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А.* Работы в Болгарах // Археологические открытия 1971. М.: Наука, 1972.
13. *Аксенова Н.Д., Хлебникова Т.А.* Исследования Болгара // Археологические открытия 1972. М.: Наука, 1973.

14. Аксенова Н.Д., Полякова Г.Ф., Хлебникова Т.А. Город Болгары // Археологические открытия 1974. М.: Наука, 1975.

15. Аксенова Н.Д., Хлебникова Т.А., Шарифуллин Р.Ф. Исследования Болгара // Археологические открытия 1981 г. М.: Наука, 1983.

16. Аксенова Н.Д., Полубояринова М.Д., Шарифуллин Р.Ф., Хлебникова Т.А. Раскопки в Болгарах // Археологические открытия 1982 г. М.: Наука, 1984.

17. Аксенова Н.Д., Беляев А.А., Шарифуллин Р.Ф., Полубояринова М.Д., Савченкова Л.Л., Хлебникова Т.А. Раскопки в Болгарах // Археологические открытия 1983 г. М.: Наука, 1985.

18. Аксенова Н.Д., Беляев А.А., Полубояринова М.Д., Савченкова Л.Л., Хлебникова Т.А., Шарифуллин Р.Ф. Раскопки в Болгарах // Археологические открытия 1984 г. М.: Наука, 1986.

19. Кавеев М.М., Шарифуллин Р.Ф., Аксенова Н.Д., Полубояринова М.Д. Работы на городище Болгар // Археологические открытия 1985 г. М.: Наука, 1987.

20. Аксенова Н.Д., Кавеев М.М., Полубояринова М.Д., Старостин П.Н., Хлебникова Т.А., Шарифуллин Р.Ф. Исследования Болгара // Археологические открытия 1986 г. М.: Наука, 1988.

21. Айдаров С.С., Аксенова Н.Д. Великие Булгары. Путеводитель по болгарскому историко-архитектурному заповеднику. Казань, 1983.

Информация об авторах:

Руденко Константин Александрович доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru

Казakov Евгений Петрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); epkaz@mail.ru

NATALIA DMITRIEVNA AKSENOVA (FOR THE JUBILEE OF THE SCHOLAR)

K.A. Rudenko, E.P. Kazakov

The article considers the personal and creative life of Kazan archaeologist and museum worker Natalia Dmitrievna Aksenova – student of the most prominent Volga region archaeologists - N.F. Kalinin and A.P. Smirnov. Since 1969, N.D. Aksenova was Deputy Director for Scientific Work in the newly established Bolgar State Museum-Reserve. Over the years of field studies of Bolgar fortified settlement, N.D. Aksenova made a number of important discoveries. As a coordinator of research activity of the museum, N.D. Aksenova organized exhibitions and exposition of the new museum, registration and storage of archaeological collections. N.D. Aksenova is the author of a monograph and guide on Bolgar fortified settlement and a series of scientific articles.

Keywords: archaeology, Bolgar fortified settlement, excavations, Golden Horde, Museum-Reserve, history of museum studies.

About the Authors:

Rudenko Konstantin A. Doctor of Historical Sciences. Professor, Kazan State Institute of Culture. Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation; murziha@mail.ru

Kazakov Evgenii P., Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ncai@mail.ru, epkaz@mail.ru

Статья поступила в номер 22.06.2018 г.

К ЮБИЛЕЮ МАДИНЫ ШАКИРОВНЫ ГАЛИМОВОЙ**© 2018 г. Г.Ш. Асылгараева, А.А. Чижевский**

Статья посвящена юбилею Мадины Шакировны Галимовой – известного российского археолога – специалиста по первобытной археологии Волго-Камья. Она является одним из немногих специалистов в Российской Федерации, которые занимаются функционально-трасологическим анализом каменных орудий. В статье показан ее путь в науке, основные вехи биографии.

Ключевые слова: археология, палеолит, мезолит, неолит, первобытные памятники Волго-Камья, трасология, юбилей.

Мадина Шакировна Галимова, кандидат исторических наук, заведующая отделом Первобытной археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, родилась 3 сентября 1958 г. в г. Овруч Украинской ССР. Служба отца, который был офицером советской армии, заставила семью Мадины Шакировны по служебной необходимости объездить необъятные просторы СССР от самых западных его границ (г. Овруч), до самых восточных (о. Сахалин). Уже в самые ранние годы, в средних

классах школы, прочитав книгу К. Керра «Боги, гробницы и ученые» она заявила родителям, что хочет стать археологом и в последующем целеустремленно следовала своей мечте.

В 1975 г. Мадина Шакировна поступила на учебу на историко-филологический факультет Казанского государственного университета. Уже на первом курсе она вступила в ряды участников археологического кружка, которым в те годы руководил А.Х. Халиков. С первых лет учебы она участвует в экспедициях органи-

зуемых Казанским государственным университетом и Казанским филиалом АН СССР, разведках и раскопках памятников археологии от эпохи палеолита до средневековья. Большой педагогический опыт профессора А.Х. Халикова и его научные интересы привлекли студентку Галимову к изучению древнего каменного века. Особое влияние на формирование ее как исследователя оказало участие в Костенковской археологической экспедиции ЛОИ АН СССР под руководством Н.Д. Праслова. С тех пор и вплоть до сегодняшнего дня Мадина Шакировна активно изучает памятники эпохи палеолита и мезолита, а в последние годы круг ее интересов расширился и охватывает древности неолита и бронзы.

После завершения учебы в Казанском государственном университете в 1980 г. она в течение трех лет работала учителем истории и обществоведения в вечерней школе в Казани, а в 1982 г. поступила на заочную аспирантуру в ИЯЛИ КФАН АН СССР с темой «Памятники верхнего палеолита и мезолита в устье реки Камы», ее научным руководителем стал А.Х. Халиков.

Работа уже непосредственно связанная с археологией, началась для Мадины Шакировны с заведования кабинетом и музеем археологии КГУ в 1983–1984 гг., где она успешно сотрудничала со своим учителем А.Х. Халиковым в деле руководства археологическим кружком.

С 1985 г. М.Ш. Галимова стала работать в секторе археологии и этнографии Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, а в 1986 г. завершила обучение в аспирантуре. Вся дальнейшая

трудовая деятельность Мадины Шакировны происходила в составе этого научного подразделения, который в последующие годы многократно менял свои названия и статус: сектор археологии ИЯЛИ КФАН, отдел археологии Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, отдел первобытной археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. В должности заведующей отделом первобытной археологии М.Ш. Галимова работает и по сей день.

В 1999 г. Мадина Шакировна защитила кандидатскую диссертацию в Институте археологии РАН (г. Москва) по теме «Памятники верхнего палеолита и мезолита в устье реки Камы». Научным руководителем темы М.Ш. Галимовой стал Х.А. Амирханов, один из крупнейших в мире специалистов по исследованию каменного века, который взял на себя руководство диссертацией после ушедшего из жизни А.Х. Халикова.

После защиты диссертации Мадина Шакировна обратилась к сложнейшей теме трасологической атрибуции каменных орудий и в 2001 г. прошла стажировку в экспериментально-трасологической лаборатории Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург). С этого времени она успешно разрабатывает данную проблематику и является одним из ведущих специалистов в Российской Федерации по функционально-трасологическому анализу каменных орудий.

С 1979 г. М.Ш. Галимова осуществляет археологические исследования первобытных памятников Волго-Камья, часто работая на стыке наук палеогеографии, палеонтологии, геологии, геоморфологии. Работы Мадины

Шакировны заложили основы целых направлений междисциплинарных исследований в Волго-Уральском регионе, связанных с изучением экологической адаптации древних обществ, и реконструкции природного окружения древних поселений.

Энергии Мадины Шакировны можно только позавидовать, наряду с интенсивной научной деятельностью, она автор более чем 100 статей и двух монографий, М.Ш. Галимова является членом Ученого совета Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, членом редакционной коллегии журнала «Поволжская археология» и ответственным редактором журнала «Археология Евразийских степей». Она регулярно участвует в международных научных конференциях и симпозиумах, выступает оппонентом диссертаций в советах Москвы, Казани и Новосибирска. В 2014 году

М.Ш. Галимова руководила секцией Всероссийского археологического съезда в Казани, а в 2015 году являлась одним из руководителей секции Международной археологической школы в Болгаре.

Однако жизнь Мадины Шакировны заполнена не только наукой, она занимается зимними видами спорта – катается на горных лыжах, любит природу и животных, особенно кошек.

Археология связала нас с Мадриной Шакировной на долгие годы, мы встретились с ней в начале 80-х гг. XX в. еще в студенчестве и для нас она была и по-прежнему остается наставником и старшим товарищем. Хотелось бы от имени сотрудников отдела и всего Института археологии им. А.Х. Халикова пожелать юбиляру творческого долголетия, оптимизма и сил на поприще археологии.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

1. Памятники позднего палеолита и мезолита в устье реки Камы. Москва–Казань: Янус-К, 2001. 272 с.
2. Свод памятников археологии Республики Татарстан. Том 3 / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Ф.Ш. Хузин. Казань: ИИ АН РТ; МК РТ, 2007. 528 с. (соавторы: А.М. Губайдуллин, А.С. Губин, Е.П. Казаков, К.А. Руденко, А.Г. Ситдиков, А.А. Чижевский, Р.Ф. Шарифуллин).
3. Геолого-геоморфологические условия и палеогеография палеолитических памятников правобережья Средней Волги // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Казань, 1988. С. 3–19 (соавторы: Г.П. Бутаков, В.И.Мозжерин).
4. К вопросу о сибирских истоках позднего палеолита Средней Волги // Вестник Антропологии. Вып. 5. Москва, 1998. С. 124–137.
5. Древнейшие страницы истории Волго-Камья (палеолит и мезолит) // Очерки по археологии Татарстана. Казань: Изд-во «Школа», 2001. С. 17–33.
6. Мезолитические культуры с трапециями в бассейнах Волги и Днепра: проблемы происхождения и исторических судеб. Научный доклад. Казань: Школа, 2001. 17 с.
7. Функциональная типология кремневых пластин Алан-Бексерской стоянки // Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии. К 70-летию Г.Ф. Коробковой / Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: ИИМК РАН, 2003. С. 214–222.
8. К вопросу о зарождении техники отжима пластин в кремневых индустриях устья реки Камы // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. К 70-летию Л.В. Кольцова / Отв. ред. М.Г. Жилин. М.: Academia, 2005. С. 100–112.

9. Развитие технологии производства каменных орудий и проблемы реконструкции сырьевой стратегии и охотничье-хозяйственной деятельности первобытного населения Волго-Камья // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 3. Проблемы изучения первобытности и голоцена в Волго-Камье / Отв. ред. М.Ш. Галимова: Казань, 2008. С. 48–92.

10. Промежуточные итоги комплексного исследования стоянки Шолма I // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Сборник научных статей, посвященный 75-летию д.и.н. Е.П. Казакова / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фэн, 2009. С. 251–308 (соавторы: Березина Н.С., Березин А.Ю., Хисьяметдинова А.А., Чурбанов А.А.).

11. О соотношении формы и функции каменных орудий // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2010. Т. 152, кн. 3, ч. 1. Казань, 2010. С. 30–41.

12. Археоминералогические исследования эпохи камня Волго-Камья // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 227. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 172–179 (соавтор Чурбанов А.А.).

13. Оружейные и кресальные кремни из раскопок Казани: экспериментально-трахеологическое исследование // Поволжская археология. 2014. № 3. С. 256–276 (соавторы: Ситдииков А.Г., Хабаров В.В.).

14. Природное окружение и хозяйственная деятельность обитателей стоянки Пестречинская 2 на р. Мёша // Поволжская археология. 2016. № 3(17). С. 168–193. (соавторы: Хисьяметдинова А.А., Аськеев И.В., Шаймуратова (Галимова) Д.Н., Аськеев О.В.).

15. The Early Mesolithic cultures with trapezes in the Volga and Dnieper basins: the problems of origin and fate. In: M. Otte (ed.). Acts of the XIVth UISPP Congress, University of Liege, Belgium, 2-8 September 2001. Oxford: Archaeopress, 2004. BAR International Series, 1302, pp.187-195.

16. Stone Age burial sites in eastern Tatarstan: use-wear and technological analyses of the flint assemblages/ In: “Prehistoric Technology” 40 years later: functional and the Russian legacy. Museo Civico di Storia Naturale di Verona. Università degli Studi di Verona. 2008. p.489-493

17. Prehistoric flint scrapers or gun-lock flints & Experimental and use-wear criteria (according to archaeology of Kazan, Tatarstan), *Quaternary International* (2015), 10.1016/j.quaint.2015.12.006 (co-author Sitdikov Ayrat).

18. Antler sleeves from the Neolithic lake-dwelling sites of Switzerland (the “Swiss collection” of the National Museum of Tatarstan Republic, Kazan) // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 26-37 (co-author D.G. Bugrov).

Информация об авторах:

Асылгараева Гульшат Шарипзяновна, кандидат ветеринарных наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); gul_shat@mail.ru

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); chizhevski@mail.ru

FOR THE JUBILEE OF MADINA SHAKIROVNA GALIMOVA

G.Sh. Asylgaraeva, A.A. Chizhevsky

The article is dedicated to the anniversary of Madina Shakirovna Galimova – renowned Russian archaeologist and expert in prehistory of the Volga-Kama region. She is one of the few specialists in the Russian Federation who are engaged in the functional-trasyological

analysis of stone tools. It features the primary milestones of biography and the important events in her scientific life.

Keywords: archaeology, Paleolithic, Mesolithic, Neolithic, prehistoric sites of the Volga-Kama region, traceology, jubilee.

About the Authors:

Asylgaraeva Gulshat Sh. Candidate of Veterinary Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; gul_shat@mail.ru

Chizhevsky Anrdei A., Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; chijevski@mail.ru

Статья поступила в номер 29.06.2018 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЕС – Археология Евразийских степей. Казань
 АКИО – ананьинская культурно-историческая область
 АН РК – Академия наук Республики Казахстан
 АН СССР – Академия наук СССР
 АО – Археологические открытия
 АПТ – Андреевско-писеральский тип
 АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
 АФС – аэрофотосъемка
 АЭБ – Археология и этнография Башкирии
 АЭМК – археология и этнография Марийского края
 БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет
 БНЦ УрО РАН – Башкирский научный центр Уральского отделения Российской Академии наук
 БПЛА – беспилотный летательный аппарат
 БФАН СССР – Башкирский филиал Академии Наук СССР
 БЭК – Башкирский экономический колледж
 в., вв. – век, века
 вып. – выпуск
 г., гг. – город, год, годы
 ГБУ НПЦ – Государственное учреждение культуры Научно-производственный центр по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия Республики Башкортостан
 ГИМ – Государственный исторический музей
 гос. – государственный (-ое)
 ГУ – Государственный университет
 ГЭ – Государственный Эрмитаж
 д. – деревня
 др. – другой, другие
 ДТМАО – Древности. Труды Московского археологического общества. М.
 ЕИАХМЗ – Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
 ИА АН РТ – Институт Археологии им. А.Х. Халикова Академии Наук Республики Татарстан
 ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР
 ИА НАНУ – Институт археологии Национальной Академии наук Украины
 ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
 ИАК – Известия Императорской Археологической комиссии.
 изд-во – издательство
 ИИ АН РТ – Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ
 ИИКНП – Институт истории и культуры народов Приуралья. Ижевск
 ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
 ИЯЛИ – Институт истории, языка и литературы им. Г. Ибрагимова КФАН СССР

ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук

к.и.н. – кандидат исторических наук

КГУ – Куйбышевский государственный университет

км – километр

КМ – курганный могильник

кн. – книга

КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.-Л.

м – метр

М. – Москва

м² – квадратный метр (-ы)

МА К(П)ФУ – Музей археологии Казанского (Поволжского) федерального университета

МАЭ – Марийская археологическая экспедиция

МГУ – Московский государственный университет

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.

МИАР – Материалы и исследования по археологии России

н. э. – наша (новая) эра

НГУ – Новосибирский государственный университет

общ. – общий

ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет

оз. – озеро

отв. – ответственный

ПЗОЕКазанУ – Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Казань

р., рр. – река, реки

РА – Российская археология

РАН – Российская академия наук;

ред. – редактор, редакция

рис. – рисунок

РФ – Российская Федерация

с. – страница

СА – Советская археология. М.

САИ – Свод археологических источников

СамГПУ – Самарский государственный педагогический университет (Самара)

СамНЦ РАН (СНЦ РАН) – Самарский научный центр РАН

СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет

СК – система координат

см – сантиметр

СНЦ РАН – Самарский научный центр Российской Академии наук

СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей

СПб. – Санкт-Петербург
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
СурГПУ – Сургутский государственный педагогический университет
СурГУ – Сургутский государственный университет
т. – том
табл. – таблица
ТГПИ – Тобольский государственный педагогический институт
ТГУ – Томский государственный университет
тыс. – тысячелетие, -ия
УдГУ – Удмуртский государственный университет
УрГУ – Уральский государственный университет (Екатеринбург)
УрО АН СССР – Уральское отделение Академии наук СССР
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук
УрФУ – Уральский федеральный университет
ЦМР – цифровая модель рельефа
ЧелГУ – Челябинский государственный университет
ЯНАО – Ямало-Ненецкий автономный округ
RAS – Russian Academy of Sciences
RFBR – Russian Foundation for Basic Research
TAS – Tatarstan Academy of Sciences

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения. Поволжская археология – международный рецензируемый журнал, посвященный проблемам археологии и смежным дисциплинам. Журнал выходит ежеквартально на русском и английском языках. Все публикации рецензируются и сопровождаются резюме на английском и русском языках.

Научный журнал «**Поволжская археология**» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин (антропология, археозоология, биоархеология, нумизматика, эпиграфика, этноархеология и др.). Публикации каждого номера журнала группируются в разделы: «Статьи», «Дискуссии», «Критика и библиография», «Хроника». Согласно условиям отбора научных изданий для включения в ведущую мировую базу данных отслеживания цитируемости SCOPUS, основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его научным критериям (актуальность, научная новизна и т.д.).

При отборе статей редакция отдает предпочтение аналитическим и дискуссионным статьям и публикациям новых данных, а также статьям и заметкам, в которых имеются ссылки на материалы, изданные в предшествующих номерах нашего журнала.

Авторы заключают с редакцией **Соглашение**, в котором гарантируют, что предлагаемые ими статьи не были опубликованы прежде в иных изданиях. Авторы также гарантируют отсутствие каких-либо форм неправомерного заимствования в предоставляемых для публикации материалах.

Материалы, направляемые в редакцию журнала, авторы должны сопроводить «внешней» рецензией, заверенной печатью организации.

Все материалы и отсканированный оригинал рецензии принимаются в электронном виде по адресу: arch.pov@mail.ru. Оригинал рецензии на поступающую статью должен быть отправлен по адресу: 420012, г. Казань, ул. Бутлерова, д. 30.

Все поступающие материалы проходят в редакции «внутреннее» рецензирование. Решение редколлегии о принятии материалов к публикации, отклонении или необходимости их доработки сообщается автору после заключения рецензентов.

Небольшие исправления стилистического и формального характера могут быть внесены в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или же направляется им на доработку.

Порядок приема материалов

Прием материалов для рассмотрения к публикации в журнале «Поволжская Археология» осуществляется по единому графику:

№ 1 (**март**) – не позднее **1 декабря** текущего года

№ 2 (**июнь**) – не позднее **1 марта** текущего года

№ 3 (**сентябрь**) – не позднее **1 июня** текущего года

№ 4 (**декабрь**) – не позднее **1 сентября** текущего года

Материалы, поступившие в редакцию после указанной даты, могут рассматриваться на выход в другом номере журнала, в соответствии с его тематикой. **Датой поступления материала в номер** считается дата принятия редактором его окончательного варианта, а не рабочей версии.

В исключительном случаях, по согласованию с редакцией журнала, срок приема материалов в ближайший номер может быть продлен, но не более чем на три недели.

При подготовке работ к публикации в журнале Поволжская археология следует строго выполнять *редакционные требования* и следовать *этическим принципам редакции*.

Пожалуйста, обратите внимание на необходимость подачи **полного комплекта материалов**:

1. **Соглашение с автором** является обязательным для заполнения и фиксирует согласие автора с условиями публикации в журнале. Документ соглашения доступен для заполнения по адресу: (<http://archaeologie.pro/ru/for-authors/article-submission/>) или по требованию, обратившись по адресу **arch.pov@mail.ru**. Без соглашения материал на рассмотрение редакции не принимается;

2. **Текст** в электронном виде

3. **Список** использованной литературы

4. **Иллюстративный материал**: рисунки, фотографии, таблицы/диаграммы с исходными файлами, использованными для их построения

ИНСТРУКЦИИ И РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Уважаемые коллеги, процесс обработки публикаций будет более оперативным, если рукопись приведена в соответствии с приведенными ниже рекомендациями, и сопровождается **полным комплектом необходимых материалов**.

Если у Вас возникают какие-либо вопросы перед подачей материала, пожалуйста, свяжитесь с техническим отделом по электронному адресу **arch.pov@mail.ru**.

РЕЗЮМЕ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА

Объем принимаемых материалов зависит от раздела журнала, в который вы планируете подать статью.

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ. 15–40 тысяч знаков (с пробелами), включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и аннотации. Статья должна включать в себя не более 8–10 иллюстраций.

ДИСКУССИИ. 15–40 тысяч знаков (с пробелами), включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и аннотации. Статья должна включать в себя не более 8–10 иллюстраций.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. 15–20 тысяч знаков и 1 иллюстрация. При составлении библиографии трудов того или иного ученого следует указывать только основные, наиболее значимые работы (не более 20–25 работ).

ХРОНИКА. Не более 15 тысяч знаков и 2–3 иллюстраций.

Формат принимаемых материалов

Материалы принимаются в форматах **.doc* и **.rtf*. (формат **.docx* не принимается)

Не следует набирать заголовки и выделения в тексте всеми прописными буквами.

Не следует производить табуляцию и разделять абзацы пустой строкой.

Статья должна содержать (см. **Образец оформления статьи**):

– УДК;

– **Название** статьи на русском языке;

– **Фамилия, Имя, Отчество** автора (авторов) на русском языке;

– **Аннотация-резюме** (объем 100–200 слов или 800–1500 знаков с пробелами) и ключевые слова (6–10 слов) на русском языке;

– **Список литературы (библиография)**

– **Список сокращений**, который должен включать в себя расшифровку всех аббревиатур, используемых как в тексте статьи, так и в списке литературы;

– **Название** статьи на английском языке;

– **Фамилия, Имя, Отчество** автора (авторов) на английском языке;

– **Резюме (Abstract)** (объем 100–200 слов или 800–1500 знаков с пробелами) и ключевые слова (6–10 слов) на английском языке.

– **Иллюстрации** (рисунки, фотографии) в виде отдельных файлов в формате JPG, TIF, с разрешением не меньше 300 dpi;

– **Таблицы** в формате Word (в тексте) или MS Excel;

– **Подписи к иллюстрациям и таблицам**, приводятся в общем файле после списка литературы (см. *Образец оформления статьи*);

– **Сведения об авторе или авторах** (в случае коллективной работы): Ф.И.О. (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, адрес организации, город, страна, занимаемая должность – **на русском и английском языках.**

Сокращения (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Числа (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Хронология и датировки (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Радиоуглеродные датировки (общие требования) (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Некалиброванные датировки (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Калиброванные датировки (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

ИЛЛЮСТРАЦИИ (подробно см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Рисунки и фотографии в виде отдельных файлов в формате JPG, TIF, с разрешением не меньше 300 dpi; Иллюстрации, вставленные в MS Word или Excel-файл, **не принимаются.**

Если рисунок содержит **номера или текст**, они должны быть **впечатаны** в электронном виде, а не вписаны от руки. Исключение составляют архивные материалы.

ДИАГРАММЫ должны быть оформлены в программе **MS Excel**. При этом **обязательно** вместе с диаграммами MS Excel необходимо предоставлять также таблицы, на основе которых они были выстроены.

ТАБЛИЦЫ. Наглядный материал может быть представлен в табличной форме.

Таблица строится в программе MS Excel или MS Word;

Таблицы должны иметь номер и заголовок (на английский язык заголовок не переводится);

Если Таблица включает рисунки, то их необходимо прислать отдельно в формате *.tif или *.jpg.

БИБЛИОГРАФИЯ И СИСТЕМА ССЫЛОК (подробно см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

В статьях, публикуемых в журнале «Поволжская археологи», используется нижеприведенная система составления внутритекстовых ссылок и оформления библиографии. В случае несоответствия данным требованиям присланные материалы будут отправлены автору для доработки.

Библиографические ссылки на литературу и источники в тексте даются в круглых скобках: фамилия автора без инициалов (кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год издания через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т.п. Пожалуйста, убедитесь в том, что **все** внутритекстовые ссылки включены в библиографический список.

Например:

(Смирнов, 1964, с. 23–25, рис. 5: 1; 6: 3; табл. XII, 16; Свод памятников, 2007, с. 93, № 590).

Список литературы (библиография) составляется в алфавитном порядке (фамилия и инициалы автора, название работы, место, издательство, год издания, страницы) на языке оригинала. Сначала на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), затем – на латинице (на английском, немецком, французском и т.д.). Библиографический список не следует делать излишне пространственным (не более 50), ссылки на собственные работы автора (авторов) должны составлять не более 25%. Пожалуйста, убедитесь в том, что все ссылки, приведенные в библиографии, присутствуют в тексте статьи.

Например:**Описание монографии (книги)**

1. *Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 174 с.

2. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам / МИА. № 142. М.: Наука, 1967. 198 с. (для монографий в серии МИА).

3. *Халиков А.Х.* Приказанская культура / САИ. Вып. В1-24. М.: Наука, 1980. 128 с.

4. *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 143 с.

5. Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. 116 с.

6. Город Болгар: культура, искусство, торговля / Отв. ред. П.Н. Старостин. М.: Наука, 2008. 276 с.

Описание статьи в продолжающемся издании (сборнике трудов)

1. *Асылгараева Г.Ш.* Морфологические исследования средневековых археозоологических материалов из археологических раскопок Казанского кремля // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 1 / Отв. ред. А.Г. Петренко. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. С. 63–133.

2. *Чижевский А.А.*, Каменное изваяние с острова Березовая Грива // Тверской археологический сборник. Вып. 7 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2009. С. 419–427.

3. *Халиков А.Х.* Мезолит Среднего Поволжья // МИА. 1966. № 126. С. 185–193.

Описание статьи в научном сборнике

1. *Белорыбкин Г.Н.* Монголы в землях обугаризированных буртас // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 82–87.

2. *Напольских В.В.* Проблема начала финно-угорско-иранских контактов // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология евразийских степей. Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 76–89.

Описание материалов конференции

1. *Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш.* Казанская археология: итоги и перспективы // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том. I. Казань: Отечество, 2014. С. 8–10.

2. *Казаков Е.П.* Проявления языческой культуры в древностях Урало-Поволжья болгарского времени // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г.). Екатеринбург, Сургут: Магеллан, 2007. С. 251–253.

Описание статьи в журнале

1. *Яворская Л.В.* Костные останки животных из раскопа CLXII города Болгара: некоторые новые методы обработки и оценки археозоологических материалов // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 216–237.

2. *Галимова М.Ш., Чурбанов А.А.* Археоминералогические исследования эпохи камня Волго-Камья // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 174–181.

3. *Валулина С.И., Зиливинская Э.Д.* Стекланные изделия Самосдельского городища // Уч. зап. Казан. гос. ун-та. 2010. Том 152, кн. 3, ч. 1. С. 63–76.

Описание статьи в электронном журнале

Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Bela: A Translation. *Slavonic and East European Review*, 2009, no. 87 (4). Доступно по URL: <http://www.discovery.ucl.ac.uk/18975/1/18975.pdf>

Описание ссылки на Web-сайт

1. The Berry flint. URL: http://www.geocaching.com/geocache/GC42TVE_Le_silex_blonde_du_Berry (дата обращения: 23.09.2014).

Описание книги, переведенной с иностранного языка

Gerberstein S. *Rerum Moscoviticarum commentarii*. Munchen, Osteuropa-Institut, 2007. 586 S. (Russ. ed.: Yanin V.L. *Zapiski o moskovii*. Moscow: Moscow University Publ., 1988, 430 p.).

Описание рецензии

Кузьмина Е.Е. Рец. на: В.П. Шилов. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975 // СА. 1977. № 3. С. 261–265.

Описание полевого отчета

1. *Генинг В.Ф.* Отчет об археологических раскопках Федотовского городища 1954 г. Ижевск, 1955 / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 966.

2. *Генинг В.Ф., Одинцов В.В.* Отчет о раскопках Нырғындинского II могильника // Отчет об исследованиях Удмуртского отряда Нижнекамской археологической экспедиции в 1969 г. Т. II. Свердловск, 1969 / Архив Археологического музея УрГУ. Ф. II. Д. 756.

Описание диссертации и автореферата диссертации

1. *Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура (вопросы хронологии и общественного строя). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1983. 18 с.

2. *Подосенова Ю.А.* Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Дисс... канд. ист. наук. Пермь, 2009. 272 с.

Образец оформления статьи

УДК 904 “04/14”

**Исследования в центральной части
Болгарского городища («Дом Ремесленника»)**

© 2013 г. А.М. Губайдуллин

Аннотация-резюме на русском языке

Ключевые слова: на русском языке

ТЕКСТ СТАТЬИ (на русском языке)

ЛИТЕРАТУРА

Информация об авторе:

Губайдуллин Айрат Маратович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); airg_g@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

**Researches in the Central Part of the Bulgar Ancient
Settlement ("House of the Handicraftsman")**

A.M. Gubaydullin

Abstract (на английском языке)

Keywords: (на английском языке)

About the Author:

Gubaidullin Airat M. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, к изданию в журнале не принимаются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

Журнал основан в апреле 2012 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-61900 от 25 мая 2015 г.
выдано Роскомнадзором

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Технический редактор Хамидуллин Б.Л.
Подписано в печать 25.09.2018 г. Формат 70×108 ¹/₁₆
Печать офсетная. Бумага мелованная. Печ. л. 23,0. Усл. печ. л. 32,2.
Общий тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №

Издательство «Фэн»
Академии наук Республики Татарстан
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20